

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК

Дальневосточное
книжное
издательство
Владивосток
1977

34с33

Консультанты
полковник В. ЕМЕЛИН,
подполковник А. КОСЯЧЕНКО

Составитель
В. ДУДКО

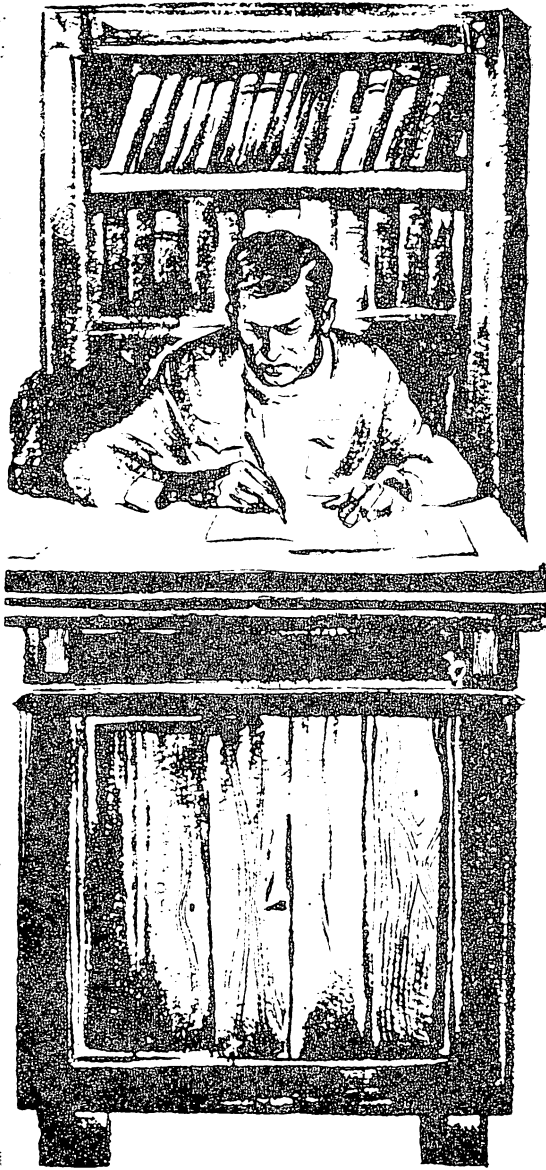
Художники
В. ЧЕБОТАРЕВ,
С. ЧЕРКАСОВ

Редакторы
В. ДРОЗДОВ,
Э. МАЦИПУЛО

Сборник «ЛЕД И ПЛАМЕНЬ» посвящен дальневосточным чекистам, беззаветно преданным делу ленинской партии, надежным стражам интересов советского народа на дальневосточных рубежах нашей Родины. В создании его приняли участие ветераны ВЧК—КГБ, журналисты и писатели Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской, Амурской и Камчатской областей. Из этой книги читатель узнает, как с первых дней Советской власти чекисты, не щадя своей жизни, вели жестокие бои с внутренней и внешней контрреволюцией.

В годы Великой Отечественной войны органы государственной безопасности на Дальнем Востоке внесли значительный вклад в дело разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии. Мирных дней для чекистов нет. Идет невидимая борьба с разведслужбами империалистических стран во имя мира, справедливости и социального прогресса. И на переднем крае ее чекисты-дальневосточники.

*„Всякая революция
лишь тогда
чего-нибудь стоит,
если она умеет
защищаться...“*

В. И. ЛЕНИН

Работникам советских органов государственной безопасности

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР приветствуют вас и сердечно поздравляют со знаменательным юбилеем — 50-летием советских органов государственной безопасности.

Созданная полвека назад по предложению В. И. Ленина Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была острым оружием в руках Советского государства, призванным защищать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Ныне славные традиции ВЧК продолжают органы государственной безопасности.

Воспитанные и закаленные Коммунистической партией, под ее непосредственным, повседневным руководством, работники органов государственной безопасности верно служат советскому народу, не жалея сил и жизни ведут борьбу с врагами Советского государства, с происками империалистических разведок.

В настоящее время, когда империализм расширяет подрывную деятельность против СССР и братских социалистических стран, советские органы государственной безопасности призваны проводить решительную борьбу с подрывными действиями империалистических государств, пресекать враждебную деятельность их разведок и вместе с воинами Советской Армии и Военно-Морского Флота надежно охранять мирный труд советских людей, строящих коммунизм.

Непременными условиями успешного выполнения этих задач являются повседневное руководство Коммунистической партии органами государственной безопасности, их неразрывная связь с народом, строгое соблюдение социалистической законности, повышение революционной бдительности и совершенствования чекистского мастерства.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что работники органов государственной безопасности, беззаветно преданные Коммунистической партии и советскому народу, будут и впредь отдавать все свои силы, знания и способности делу обеспечения безопасности нашей великой Родины.

Желаем вам, дорогие товарищи, новых успехов в вашем трудном, ответственном и благородном деле.

Честь и слава советским чекистам, стоящим на страже государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ КПСС

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

СОВЕТ МИНИСТРОВ
СССР

**Генерал-майор
К. Григорьев**

Надежный щит Родины

20 декабря 1977 года исполняется 60-я годовщина создания органов государственной безопасности; бдительно несущих трудную, но почетную службу по защите завоеваний Октября на постоянно действующем тайном, незримом фронте.

Свергнутые в октябре 1917 года в России эксплуататорские классы, опираясь на поддержку сил международной буржуазии, сразу же применили самые жестокие формы борьбы против молодой Советской Республики.

Перед партией и Советским правительством остро встал вопрос о защите завоеваний Октября. Всякая революция, учил В. И. Ленин, лишь тогда что-нибудь стоит, когда она умеет защищаться.

Чтобы справиться с оголтелым врагом и силами внутренней контрреволюции, необходим был такой орган государства диктатуры пролетариата, который бы знал «каждый шаг заговорщиков и мог бы репрессией беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян», пресечь все происки контрреволюции.

Таким органом и стала образованная 20 декабря 1917 года по инициативе В. И. Ленина Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), руководство которой партия доверила своему верному сыну Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, обладающему решительностью, последовательностью, непримиримостью к врагам революции, кристальной честностью.

Это ему принадлежат слова, ставшие моральным кодексом сотрудников органов госбезопасности, мерой их служения партии и своему народу: «У чекиста должно быть горячее сердце, холодный ум и чистые руки».

Вместе с Дзержинским на работу в ВЧК партия направила стойких большевиков, профессиональных революционеров, имевших большой опыт конспиративной работы: Я. Х. Петерса, В. Р. Менжинского, И. К. Ксенофонтова, М. С. Кедрова, И. С. Уншлихта, М. Я. Лациса, В. В. Фомина и др.

Вся история существования Советского государства изобилует яркими примерами успешной борьбы органов госбезопасности с империалистическими разведками и враждебными элементами внутри страны.

Только в период гражданской войны и военной интервенции органы ВЧК раскрыли около 500 крупных контрреволюционных организаций и обезвредили тысячи шпионов, диверсантов, террористов и других врагов Советского государства. Войсками ГПУ совместно с подразделениями Красной Армии ликвидированы сотни банд, в том числе заброшенных из-за границы.

В результате поистине легендарных операций, проведенных чекистами-коммунистами в 1924—1927 годах, были выведены на нашу территорию и обезврежены матерый враг Борис Савинков, профессиональный английский разведчик Сидней Рейли и многие эмиссары западных разведок и белоэмигрантских центров. Эти высококвалифицированные операции советской разведки сейчас преданы гласности: на их материалах написаны и пишутся захватывающие по своему содержанию романы и повести, снимаются художественные и документальные фильмы.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Дальний Восток в течение пяти лет был ареной тяжелых битв с белогвардейцами и интервентами. Хорошо вооруженный, хитрый и коварный враг пытался оторвать Дальний Восток от Советской России, запугать нас

невиданными зверствами. Активизировали подрывную деятельность японская и другие разведки империалистических государств. Из подонков общества насаждалась агентура, которая вела шпионскую работу по выявлению дислокации воинских частей, их вооружения, проводила враждебную пропаганду среди населения. В течение 1923—1924 годов чекистами были разгромлены заброшенные из Маньчжурии и оперировавшие на территории Приморья банды белогвардейского полковника Емлина, есаула Овечкина, поручика Ковалева, белогвардейцев Литвинцева, Сизова, Мартышова, Семенова. Приморским гуп отделом ГПУ и пограничными войсками было разоблачено около 500 шпионов, диверсантов, вредителей и других преступников, вскрыта и ликвидирована крупная резидентура японской разведки, возглавляемая японским вице-консулом во Владивостоке и секретарем консульства Хоруда.

Ветераны гражданской войны помнят, как между Хабаровском и Владивостоком курсировал белогвардейский бронепоезд атамана Калмыкова, в составе которого имелся специальный вагон, где содержались схваченные бандитами советские патриоты. Это был «вагон смерти». Никто не выходил из него живым. По имеющимся документам только за 3 месяца в нем было уничтожено около 2000 человек.

Но бандиты не ушли от возмездия. В январе 1927 года чекисты с помощью рабочего Воробьева поймали в Уссурийске одного из наиболее активных палачей — нальщика «поезда смерти» Пискунова, и он элучил по заслугам.

В период индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства империалистические разведки и внутренние классовые враги изменили тактику подрывной деятельности. Теперь любыми средствами они пытались затормозить развитие социалистического народного хозяйства, прибегали к экономической инвентури, видя в ней неперемненное условие подготовки военного вторжения на территорию СССР.

Усилиями японской разведки и зарубежных антисоветских организаций в Приморье активизировались недобитые враги.

Советского государства. В марте 1930 года в Шкотовском районе вспыхнуло вооруженное восстание, возглавляемое кулаком села Романовки Афанасием Куксен-

ко. После разгрома чекистами этой банды ее главарю удалось бежать в Китай. Вскоре он сформировал новую банду, которая в мае 1932 года вторглась на территорию Приморья. Бандиты намеревались взорвать подъемник на Сучанской ветке, чтобы оставить край без угля, прервать сообщение между Владивостоком и Хабаровском путем взрыва мостов, создать в селах контрреволюционные ячейки и организовать повстанческие отряды, совершить ряд террористических и диверсионных актов. В сентябре 1932 года чекистские отряды окончательно разгромили эту банду.

В это же время в крае возникли банды Вахрушева, Литвинцева, Овечкина. Бандиты напали на Шкотовское районное отделение милиции, забрали оружие, освободили арестованных и совершили ряд убийств активистов. Идеиное руководство осуществлялось контрреволюционной организацией «Союз за новую Россию» во главе с бывшим полковником белой армии меньшевиком Богоявленским.

Вскоре и эта организация была разгромлена.

Огромным испытанием явилась для нашей Родины, ее вооруженных сил Великая Отечественная война. Она подвергла суровой проверке и советские органы государственной безопасности, на долю которых выпала исключительной важности задача — вести тайную войну с невиданной до этого по масштабам и вероломству подрывной деятельностью немецкой и японской разведок.

Чекисты еще в предвоенный период нанесли ощутимый удар разведкам гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Они вскрыли и обезвредили несколько десятков резидентур, разоблачили немало агентов, засланных в нашу страну.

В 1939—1940 годах только в Приморье выявлено свыше 100 японских лазутчиков. Например, в ноябре 1940 года в результате удачно осуществленных оперативных мероприятий приморские чекисты при активной помощи пограничников вывели из Маньчжурии на территорию края и ликвидировали японскую резидентуру во главе с кадровым разведчиком Ли Хай Ченом.

В годы войны органами госбезопасности в прифронтовой полосе и в глубинных районах страны было обезврежено несколько тысяч вражеских шпионов, в том числе 226 шпионско-диверсионных рези-

дентур и ряд групп противника, имевших задание осуществить диверсионные акты на оборонных и важных объектах промышленности, транспорта и связи.

Примером мужества и бесстрашия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками является боевая деятельность коммунистов-чекистов Героев Советского Союза Н. Кузнецова, Р. Зорге, В. Молодцова, К. Орловского, Д. Медведева, С. Ваушасова, М. Прудникова, Е. Мирковского, Б. Галушкина, А. Рабцевича, Н. Прокопюка, С. Солнцева, А. Шихова, М. Крыгина и других.

Свою лепту в общее дело борьбы с гитлеровской и японской разведками внесли и чекисты-дальневосточники. Они жили интересами фронта и делали все для победы над врагом. Ими захвачено и разоблачено немало немецких и японских агентов. Вместе с пограничниками приходилось в довольно тяжелых условиях обеспечивать неприкосновенность государственной границы на Дальнем Востоке. И чекисты успешно справились с этой задачей.

За последние десятилетия разведки крупнейших империалистических государств стали столь мощными и влиятельными, что они уже воздействуют на внешнеполитический курс своих стран. ЦРУ США, например, все чаще выступает в качестве инициатора и исполнителя важнейших внешнеполитических акций и по существу является источником международной напряженности. Некоторые политические деятели США открыто призывают к дальнейшему расширению шпионских функций американской разведки, с тем чтобы добывать информацию в первую очередь об изменениях в советской военной стратегии и тактике на современном этапе.

Возросшая активность разведывательных и контрразведывательных органов некоторых государств рельефно прослеживается и у нас в крае, поскольку Приморье является одним из важных в военно-стратегическом, экономическом и научном отношении районов нашей страны.

В результате последовательного осуществления ЦК КПСС и Советским правительством Программы мира, принятой XXIV и XXV съездами, произошло дальнейшее оздоровление международного климата. Вместе с тем, используя разрядку международной напряженности и рас-

ширение экономических, научно-технических и культурных связей СССР со многими капиталистическими государствами, спецслужбы капиталистических стран наращивают разведывательные усилия и акции идеологических диверсий против нашей страны.

В последние годы органам госбезопасности пришлось лицом к лицу столкнуться на различных направлениях с своеобразным блоком разведок, которые кроме шпионажа взяли на вооружение новую форму подрывной деятельности — идеологические диверсии.

Перенеся центр тяжести классового противоборства в сферу идеологии, империалистические круги рассчитывают приспособиться к изменившимся условиям общественной жизни и тем самым компенсировать потери в соотношении сил на мировой арене.

Выдвигая на первый план положения заключительного акта Совещания по безопасности в Европе о расширении обмена людьми, идеями и информацией, спецслужбы, идеологические центры и антисоветские организации пытаются использовать это в качестве юридической основы для проведения подрывной работы и вмешательства во внутренние дела Советского Союза.

В этих условиях исключительно важное значение приобретает необходимость повышения политической бдительности, готовности местного населения дать отпор проидам идеологов и спецслужб противника.

Высокая бдительность советских людей — острое оружие чекистов. Связь с массами и опора на них в решении задач по борьбе с врагами нашей Родины — незыблемый принцип деятельности органов государственной безопасности.

Шестидесятую годовщину органов ВЧК—КГБ сотрудники встречают с твердой уверенностью в успех своего дела, окрыленные той высокой оценкой их нелегкого труда, которую им дал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета XXV съезду: «Надежно ограждают советское общество от подрывных действий разведок империалистических государств, разного рода зарубежных антисоветских центров и иных враждебных элементов органы государственной безопасности».

Их деятельность строится в соответствии с требованиями, вытекающими из международной обстановки и развития советского общества.

Наши чекисты берегут и развивают традиции, заложенные рыцарем революции — Феликсом Дзержинским.

Всю свою работу, которая протекает под руководством и неослабным контролем партии, органы госбезопасности ведут, исходя из интересов народа и государства, при поддержке широких масс трудящихся, на основе строгого соблюдения конституционных норм, социалистической законности. В этом, прежде всего, заключается их сила, главный залог успешного

осуществления возложенных на них функций».

В этих словах емко и точно, в духе ленинских принципов, определены роль и задачи органов Комитета государственной безопасности на современном этапе коммунистического строительства.

Чекисты-дальневосточники, находясь на переднем рубеже борьбы со спецслужбами противника и глубоко сознавая свою ответственность перед партией и народом, полны решимости отдать все свои силы, способности выполнению задач по надежному обеспечению безопасности нашей Родины и претворению в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС.

И. Булатов

Первые чекисты Приморья

В составе отряда Красной гвардии, а в последующем в составе 26-й стрелковой дивизии, я проделал весь поход против Колчака, начиная с западных склонов Южного Урала и до Байкала. С июня 1922 г. возглавлял особое пограничное отделение № 1, несшее охрану границы с ДВР. Война на Дальнем Востоке шла к концу, в связи с этим ходили слухи, что воссоединение ДВР с РСФСР не за горами. С границы я был отозван в особый отдел 5-й армии. В те дни там создавалась оперативная группа для работы в Дальневосточной республике. Группу подбирал заместитель начальника особого отдела армии Василий Абрамович Каруцкий. В нее вошли тридцать человек, среди них и мои товарищи: Василий Никитин, моряк-балтиец, участник штурма Зимнего, Константин Циунчик, бывший партизан знаменитой Тасеевской советской республики (волостной), которую Колчак так и не смог разгромить, Виктор Ильин, бывший мой помощник в особом отделе 26-й стрелковой дивизии, Петр Морозов, Александр Горячев, Владимир Сквородько. В эту группу был включен и я.

В первой половине октября мы целым вагоном прибыли в Читу. Спасск был уже взят войсками Народно-революционной армии, и белые катились к Владивостоку. Почти вся группа получила назначение во Владивосток, хотя он еще не был освобожден.

Вместе с нами ехал и полномочный представитель ГПУ по ДВР. Он должен был возглавить во Владивостоке губревком.

Как мы ни торопились, но ко дню освобождения Владивостока не успели. Прибыли 27 октября утром, то есть опоздали на два дня.

Белые сушей и морем под прикрытием японцев уходили в Корею, Шанхай и Маньчжурию. С собой они увозили все что могли, угоняли и суда.

Гражданская война закончилась, пос-

ледний оплот белогвардейщины был взят, но интервенты все еще не уходили. В бухте Золотой Рог стояли японские крейсера «Ниссин», «Косуга» и транспорт с морской пехотой. И если «Косуга» и транспорт вскорее ушли, то крейсер «Ниссин» стоял в порту до апреля 1923 года под предлогом охраны подданных Японии.

Город буквально был начинен белогвардейским сбродом, сбежавшим сюда чуть ли не со всей России. Кого тут только не было. Одних офицеров, не успевших или не сумевших ударить за кордон, более двух тысяч. Масса беженцев — от крупных буржуа до перепуганных обывателей. Тысячи их, и все это, чуждое нам по духу, притихло, выглядывало из подворотен, подсматривало за каждым нашим шагом, шепталось и злобно шипело вслед.

Город, переживший много за период интервенции, сохранил весь свой капиталистический уклад с частной торговлей и частными предприятиями, кабаками и домами терпимости. Наши советские деньги не шли, в ходу были в основном японские иены, американские доллары и старый царский золотой и серебряный рубли.

К этому надо прибавить наличие в городе множества иностранных торговых и иных представительств, многие сотрудники которых усиленно занимались разведывательной работой. В период интервенции разведки капиталистических государств крепко поработали, чтобы иметь широкую агентурную сеть. Враги революции, притаившись, присматриваясь и взвешивая, ждали только удобного случая, чтобы начать борьбу с Советской властью на Дальнем Востоке.

Каруцкий приступил к исполнению обязанностей начальника губернского отдела ГПУ, Василий Никитин — временно его заместителем, все остальные назначены начальниками отделов и их помощниками. Аппарат ГПУ расположился в адмиральском доме на Светланской. На коротком совещании в первый же день были постав-

лены и задачи. Кроме нас, посланцев Читы, губотдел принял ряд товарищей, рекомендованных губкомом партии, это Григорий Давыдов, Сергей Хомяков, Дмитрий Федичкин, Петр Галянов, Варман и другие.

Надо отметить, что, несмотря на острую потребность в кадрах, партийная организация Приморья в первые годы Советской власти направила в органы госбезопасности лучших коммунистов. Этого правила парторганизация придерживалась и в последующие годы.

Все надо было начинать, можно сказать, на пустом месте. Надо было создавать свой аппарат. Ведь кроме партийной и профсоюзной информации о положении в городе мы никакой другой не имели.

С чего мы начали. Через коменданта города было предложено всем, кто имеет оружие, сдать его немедленно, а бывшим офицерам явиться на регистрацию в комендатуру. Работали мы без отдыха чуть ли не круглыми сутками, спали через день, неделями не встречались с семьями. Выявляли скрывающихся контрразведчиков и прочих белых деятелей. Офицеров высылали по месту их жительства, пусть там с ними разбираются, кто они такие и что заставило бороться с революцией. Японские коммерсанты прикрывали свои заведения и отправлялись к себе на острова. Русская буржуазия легально и нелегально уходила в Харбин. И все равно город кишел враждебным элементом. Мы действовали еще как в потемках и мало что сделали бы без помощи местной партийной организации и крепких рабочих коллективов Дальзавода, порта, железнодорожников Первой Речки. Особую заботу вызывала оставленная интервентами агентура. Занимался ею Юган Ломбак, а я выступал в роли его помощника. Помню, нам удалось добыть весьма ценные материалы, которые уличали японских дипломатов в их разведывательной деятельности против Страны Советов. В результате разоблачения многие из них были высланы.

Через некоторое время я был назначен начальником особого отдела 1-й Забайкальской стрелковой дивизии Приморского губотдела. За время работы в особом отделе запомнилась операция по захвату судна, промысляющего в наших территориальных водах. Почти весь флот, военный и гражданский, был уведен белогвардейцами в Китай и там распродан.

Японцы знали наше положение с плавсредствами и совершенно спокойно браконьерствовали у наших берегов. Кстати, как только был создан губотдел ГПУ, в ряд районов губернии были посланы опытные чекисты для организации отделов ГПУ на местах. Так, в Шкотовский район уехал Горячев, в Посьет — Милютин, в Ольгу — Тарабыкин. Помощников подбирали они себе на месте, как правило, из числа местных коммунистов. И вот совершенно нахально, как к себе домой, в бухту Ольга пожаловала японская шхуна «Шунна-мару». Тарабыкин со своими помощниками, бывшими партизанами, арестовал это судно. Рацию и штурманскую печатал, поставил часовых, о чем и сообщил во Владивосток. Ночью японцы часовых разоружили, связали и попытались выйти в море. Но второпях, при развороте судна, сели на мель. Тарабыкин на судно сразу не мог попасть. Японцы встретили его ружейным огнем. Вот тогда и был послан из Владивостока единственный миноносец «Бравый», который и приконвоировал хищника во Владивосток. Этот случай не только положил начало охране наших территориальных вод, но и послужил напоминанием всем, что хозяева на месте и не позволят своевольничать.

После занятия войсками НРА Владивостока из якутской тайги вышел в район Охотска с остатками разбитой армии генерал Пепеляев. Он занял Охотск и Аян и поджидал американские суда, чтобы уйти в США. Нам было предложено ликвидировать остатки белогвардейцев. Экспедицию возглавил Степан Вострецов. Бывший уральский кузнец, он дрался под Волочаевкой, отличился при штурме Спасска. В экспедицию включили 2-й Нерчинский полк, батальон 1-го Читинского полка и батарею легкой артиллерии из дивизиона Забайкальской стрелковой дивизии. Особый отдел выделил трех уполномоченных: Иванова, Болярского и Малыгина. От губотдела в экспедиции был Константин Улыбышев. На старых пароходах «Эривань» и «Индирикка» экспедиция вышла в море, имея у себя на борту рыбацьи кунгасы для высадки на берег. Не богато, но других средств не имелось. Чего-чего, а этого Пепеляев никак не ожидал.

Налет был неожиданным, и при сравнительно небольшом сопротивлении Охотск и Аян были взяты. Пепеляев со

своим штабом и недобитым отребьем — пленен. Создав органы власти, экспедиция вернулась во Владивосток.

Однако на этом борьба с контрреволюцией еще не закончилась. Под руководством японцев из Маньчжурии постоянно забрасывались к нам диверсионные группы и банды, состоявшие из белогвардейцев и деклассированного элемента. Границу переходили шпионы, контрабандисты. На территории Дальнего Востока насаждалась вражеская агентура, что было чре-

вато возможностью заговоров и контрреволюционных выступлений. Враждебным силам не хотели мириться с существованием Советской власти на окраине России, и нужно было быть всегда начеку.

В январе 1924 года я был направлен в Хабаровск, где возглавил особый отдел Отдельной Краснознаменной стрелковой дивизии.

В Отечественную войну находился на Ленинградском фронте в управлении СМЕРШа.

Боец революции

Родословная Алексея Николаевича Луцкого приводит некоторых историков к отдаленному его предку — декабристу Александру Луцкому, вокруг имени которого и вокруг самого Алексея Луцкого, создавались легенды.

Потомок декабриста, коммунист Алексей Николаевич Луцкий, сын городского нотариуса, родился 10 февраля 1883 года в городе Козлове Тамбовской губернии. К огорчению родных, желавших увидеть его в рясе священника, Алексей в 1901 году облачается в военный мундир вольноопределяющегося. Затем его направляют учиться в Тифлисское пехотное юнкерское училище, которое он окончил в 1904 году, получил первый офицерский чин подпоручика и назначение в 4-й Несвижский гренадерский полк в Москве.

Спустя несколько месяцев, в самом начале русско-японской войны, молодой офицер был направлен в Тулу для формирования маршевых эшелонов из запасных, которые отправлялись оттуда в Маньчжурию. А. Н. Луцкий принимал участие в войне с Японией.

Революция 1905 года оказала решающее воздействие на мировоззрение А. Н. Луцкого. С Дальнего Востока в 1906 году он возвращается в Москву в свой 4-й гренадерский Несвижский полк, а в октябре 1908 года получает назначение в 13-й Восточно-Сибирский полк, с которым породнился в русско-японскую войну. Полк стоял на ст. Песчанка, у Читы. Луцкий сначала принял роту, а с марта 1909 года стал адъютантом командира полка, затем был переведен в штаб дивизии в Читу.

В 1912 году А. Н. Луцкий откомандировывается на военные курсы при Восточном институте во Владивостоке.

Весной 1913 года для углубления лингвистических знаний и отработки разговорной японской речи его посылают в учебную командировку в Японию, куда он едет с семьей. Все время его пребывания в Японии было занято напряженной работой по изучению страны, ее истории и политики

(особенно военной) и по совершенствованию знаний японского языка. Об этом периоде жизни А. Н. Луцкого его однокурсник К. Харнский писал:

«Он специализировался в японском языке. Отдавался Луцкий своему предмету со страстью и успехи делал колоссальные. При иных условиях, я уверен, он лет через 8—10 стал бы видным ориенталистом»¹.

Осенью 1914 года, в связи с началом первой мировой войны, А. Н. Луцкий с семьей возвращается из Японии в Россию и продолжает службу в 13-м Восточно-Сибирском полку. В 1915 году переводится в штаб стрелкового корпуса в Иркутск.

В дни Февральской революции 1917 года А. Н. Луцкий был одним из офицеров штаба Иркутского военного округа, приветствовавших свержение царизма. В марте 1917 года он избирается членом первого Совета солдатских депутатов Иркутского военного округа. В первом составе Совета он выполнял обязанности председателя Совета, во втором, с конца апреля 1917 года, — товарища председателя.

Облеченный доверием революционных солдат и офицеров, капитан А. Н. Луцкий выдвигается на ответственный участок заведующим оперативным отделением штаба Иркутского военного округа, затем, с 7 апреля 1917 года становится помощником начальника контрразведки Иркутского военного округа. В мае—июле 1917 года А. Н. Луцкий находился на курсах военных разведчиков в Петрограде. Там он близко узнал и понял большевиков.

Серьезность политической ситуации,

¹ «Неравнодушные строчки». Чита, 1921, стр. 46.

складывавшейся на КВЖД, назревание острого политического конфликта между Совдепом, в котором большевики уже стали занимать видное положение, и управляющим КВЖД генералом Хорватом побудило штаб Иркутского военного округа командировать капитана А. Н. Луцкого в Харбин, куда он выехал 28 августа 1917 года как заместитель начальника контрразведки округа, с назначением на должность начальника Харбинского контрразведывательного отделения.

В Харбине Луцкий установил тесный контакт с Советом рабочих и солдатских депутатов.

25 октября 1917 года, т. е. в тот день, когда в Петрограде шли бои за власть Советов, харбинские большевики организовали рабочие митинги и демонстрации с лозунгом «Вся власть Советам!» и потребовали передачи власти в руки Совета.

Требование большевиков взбудоражило контрреволюционные группировки и Харбинский консульский корпус.

2 ноября 1917 года в Харбине появилась новая, пропитанная злобной враждой к Советской власти, газета «Свет и жизнь». Ее происхождение выдавал заголовок, напечатанный в манере японских иероглифов, с аншлагом на всех листах — «Большевики — величайшие враги России». Контрреволюция поднимала голову, и начальнику разведки Луцкому при поддержке большевистской фракции Совдепа пришлось заняться газетой.

Решительные действия А. Н. Луцкого в отношении антисоветских газет вызвали бешеный взрыв озлобления и протестов объединившихся сил внутренней и иностранной реакции. Японский консул Сато обратился к Хорвату с протестом и требованием возобновления издания газеты «Свет и жизнь». Но дальнейшего выпуска газеты большевики не допустили.

В первых числах ноября Луцкому стало известно, что в кабинете Хорвата ежедневно устраиваются секретные совещания с участием всех консулов.

8 ноября 1917 года консул США Мозер заявил, что он признает представителя русской администрации в полосе отчуждения КВЖД только генерала Хорвата и 10 ноября 1917 года от имени правительства США письменно подтвердил это заявление.

16 ноября 1917 года японский консул Сато от имени всех консулов вручил Хор-

вату меморандум, в котором были изложены требования «навести порядок», т. е. ликвидировать органы революционной власти на КВЖД.

Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов при активном участии А. Н. Луцкого начал принимать решительные меры по обузданию сил реакции и встретил резкое сопротивление со стороны своих политических противников: эсеров, меньшевиков, кадетов, поддерживаемых Хорватом, местной буржуазией и консулами.

Особую тревогу Совдепа вызывало бесперывное прибытие в Харбин и его пригороды войск китайских генералов-милитаристов. Это показывало, что ими готовится захват КВЖД.

Военная секция Совета рабочих и солдатских депутатов воинских частей Маньчжурии выразила 30 октября 1917 года решительный протест по поводу ввода войск.

Сложившаяся обстановка поставила харбинских большевиков в исключительно тяжелые условия.

25 ноября 1917 года Харбинский Совет послал в Петроград обстоятельную телеграфную информацию о положении дел с запросом о дальнейших указаниях. В связи с этим Народный Комиссариат по иностранным делам после 26 ноября направил посланнику Китая в Петрограде ноту с извещением об увольнении от должности управляющего Китайско-Восточной железной дорогой генерала Хорвата.

29 ноября 1917 года Харбинский Совдеп получил от Наркоминдела РСФСР телеграмму с предписанием отстранить Хорвата, заменив его своим комиссаром.

Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов это предписание осуществил в тот же день.

На Совет рабочих и солдатских депутатов посыпались угрозы буржуазии и консулов, а о «незаконных действиях» Луцкого враги грозились довести до сведения правительства России. По этому поводу Луцкий писал: «Прошу помнить, что я не из тех офицеров, которые готовы ползти перед генералами хорватами, и не из тех офицеров, которые расстреливали народ по приказу царствующего дома, к которому так близок был Хорват»¹.

Советское правительство получило ин-

¹ «Голос труда». Харбин, № 114, 7/XII 1917 г.

формацию Луцкого о положении на КВЖД. Ему был направлен 9 декабря 1917 года ответ следующего содержания:

«Харбин. Капитану Луцкому.

В ответ на Ваше донесение о том, что местные Харбинские власти добились введения в Харбин иностранных войск, приказываем Вам: 1. Немедленно арестовать всех должностных лиц, которые этого домогались или этому содействовали. 2. Предложить официально соответствующим представителям удалить иностранные войска из города. Ответственность за порядок в Харбине возлагается на Вас».

Но этой телеграммы А. Н. Луцкий не получил. Телеграфисты верной Хорвату железнодорожной роты перехватили ее и адресату не доставили. Наступала развязка. Вопрос о том, чьими руками должно произойти удушение революционного движения на КВЖД, решался в кабинетах дипломатов и военных руководителей стран Антанты.

Вслед за разоружением 559 и 618-й дружин местные белогвардейские отряды разгромили Харбинский Совдеп, Харбинский комитет РКП(б), редакции газеты «Голос труда» и журнала «Борьба». Большевики ушли в подполье. Наиболее видные деятели партии М. Рютин, Б. Славин, Волынский, И. Иванов, Б. Зильберг, Пестов, председатель Совета 618-й дружины И. Коротаяев и другие были вынуждены скрыться.

После разоружения революционных войск А. Н. Луцкий, М. Рютин, Б. Славин, Б. Зильберг, Пестов разными путями направлялись в Иркутск, и к середине января 1918 года А. Н. Луцкий был уже там. После недавнего восстания юнкеров в городе было тревожно. А. Н. Луцкого прикомандировали для особо ответственных поручений при командующем войсками Иркутского военного округа и уполномоченным по военному контролю Военно-окружного комитета Центросибири. 3 февраля 1918 года А. Н. Луцкому был вручен мандат о чрезвычайных полномочиях по делам Военно-окружного комитета Центросибири.

Деятельность возглавляемого А. Н. Луцким Главного штаба Центросибири по борьбе с иностранным шпионажем получила должную оценку Советского правительства. 26 апреля 1918 года из Москвы за подписью Л. Карахана в адрес комиссара Центрального исполнительного комитета

Советов Сибири по иностранным делам Я. Янсона поступила телеграмма, в которой одобрялась работа чекистов Сибири.

В мае 1918 года по всей Сибирской железнодорожной магистрали двигался на Восток Чехословацкий корпус. 11 июля 1918 года легионеры заняли г. Иркутск. В тяжелых условиях оставляли Иркутск революционные воинские части, сохранившие свою боеспособность. Отходя вдоль железнодорожного пути вокруг Байкала, отбиваясь от мятежников и заваливая железнодорожные пути, части войск Красной гвардии с боями уходили от наседавших чехов.

Наступление хорошо вооруженных войск интервентов с востока и запада, изоляция революционных отрядов от Европейской России требовали перехода к новым формам борьбы в целях сохранения сил. Других путей борьбы с интервентами в сложившихся условиях не было. Борьба организованным фронтом в августе 1918 года кончилась. Разрозненными группами и в одиночку бойцы и командиры разъехались по таежным селениям, часть из них, перейдя на нелегальное положение, осталась в Чите, другие направились в Свободный, Суражевку, Благовещенск. Некоторые решили пробираться в тайгу на Зею, Олекму и в Якутию.

Положение Алексея Луцкого стало чрезвычайно сложным. Свобода его действий в значительной мере ограничивалась тем, что вместе с ним кочевала семья, к тому же у него резко ухудшилось и без того плохое зрение. А ему еще надлежало сохранить адреса советской разведки и документы. Добравшись до Свободного и припрятав документы разведки, А. Н. Луцкий решил на нелегальное положение.

В тот день, когда японцы и белогвардейцы вошли в Свободный, Луцкий находился в дальнем районе города. Частью унитожив, частью спрятав карты, схемы и документы, зарыв то, что еще могло в будущем понадобиться, припрятав пишущую машинку разведывательного отдела, он нигде не показывался. Вскоре ему удалось поступить кассиром на железную дорогу.

В конце 1918 года А. Н. Луцкий все же был арестован и отправлен в Благовещенск. Затем, по требованию генерала Хорвата, бывшего в то время уполномоченным колчаковского правительства на Дальнем Востоке, А. Н. Луцкий был доставлен из Благовещенска в Харбин.

Что же произошло? Каким образом Хорвату стало известно, что А. Н. Луцкий тот самый человек, который в 1917 году «опорочил его, Хорвата», оказался в Благовещенске? Произошло следующее: в декабре 1918 года прокурор Иркутского окружного суда разослал во все органы контрразведки Сибири и Дальнего Востока список активных большевистских деятелей, подлежащих аресту. В этом списке значился и капитан А. Н. Луцкий, бывший старший помощник начальника иркутской контрразведки, заместитель начальника штаба Иркутского военного округа и начальника харбинской контрразведки. Органы колчаковской разведки напали на его след и арестовали¹.

Ряды активистов большевиков в 1919 году, в результате провокаций и провалов, понесли значительные потери. Славившаяся исключительной осведомленностью харбинская контрразведка доносила:

«17 сего июля (1919 г.) в контрразведывательное отделение доставлен из г. Благовещенска бывший начальник Харбинского контрразведывательного пункта капитан Луцкий по обвинению в активном большевизме».

Центральный стачечный комитет рабочих КВЖД и подпольная Харбинская организация РКП(б) узнали об аресте А. Н. Луцкого в конце мая 1919 года, когда хорватские контрразведчики стали арестовывать активистов начавшейся забастовки. Кто-то из них в тюрьме узнал о судьбе А. Н. Луцкого.

31 января 1920 года генерал Розанов был свергнут восставшими во Владивостоке. Это изменило положение и в зоне КВЖД. Политические заключенные, в том числе А. Н. Луцкий, были освобождены по требованию харбинских рабочих.

3 февраля 1920 года А. Н. Луцкий и другие товарищи под китайским конвоем выехали из Харбина и благополучно прибыли во Владивосток, где им была организована торжественная встреча.

Из рук палачей А. Н. Луцкий на этот раз был вырван революционной волной трудящихся полосы отчуждения КВЖД, участвовавших в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. Во Владивостоке

А. Н. Луцкий сразу же активно включился в военную работу.

Власть в крае, в соответствии с тактическими решениями Дальневосточного комитета РКП(б), приняла на себя Приморская областная земская управа.

Дело с подбором работников в отдел военно-политической разведки штаба осложнилось. Достаточно опытных коммунистов, за исключением К. Пшеницына, на этот участок работы не находилось, хотя они были крайне необходимы.

В помощь А. Н. Луцкому для связи и работы в разведке был направлен Костя Пшеницын. В Харбин по решению Далькрайкомпарта был направлен Яков Дилькер.

С прибытием во Владивосток Луцкого приморские коммунисты были осведомлены о намерениях японского командования.

Было очевидно, что японцы готовятся к серьезным действиям по оккупации Приморья под предлогом «борьбы с большевистскими Советами».

На основании разведывательных данных А. Луцкого 1 апреля 1920 года С. Лазо сообщил Реввоенсовету 5-й Красной Армии следующее: «По агентурным данным, японцы предъявят ультиматум с рядом требований».

Действительно, 1 апреля 1920 года японское командование вручило А. Н. Луцкому унизиительные требования, принятие которых означало бы подчинение всей политической и военной деятельности Дальневосточного правительства японской военщине.

А. Н. Луцкий мучительно переживал непреодолимость бесконечных уступок японцам. Большой знаток закулисной деятельности японского командования и японской дипломатии, он включался обычно во всевозможные комиссии для переговоров с японцами.

Не подлежит сомнению, что японцы отлично знали о деятельности А. Н. Луцкого. Незадолго до японской провокации 4—5 апреля 1920 года А. Н. Луцкий был введен правительством в состав Владивостокской чрезвычайной комиссии.

Непримиримая, большевистская линия борьбы А. Н. Луцкого против японских захватчиков выдвинула его фигуру в первую шеренгу непоколебимых борцов за власть Советов на Дальнем Востоке.

...Неожиданно, примерно с 11 часов вечера, 4 апреля 1920 года японские части

¹ В Благовещенской тюрьме А. Н. Луцкого узнал и выдал колчаковцам провокатор Розенблат (ред.).

во Владивостоке начали окружать и блокировать вокзал, правительственные здания: помещение Военного Совета, здание Следственной комиссии, милиции и другие. В разных районах города возникла перестрелка. Дежурным членом Военного Совета в штабе войск, помещавшемся в здании Следственной комиссии, был в это время А. Н. Луцкий. Сюда же прибыли члены Военного Совета С. Лазо, В. Сибирцев, Б. Мельников, а также члены Дальбюро РКП(б) П. Никифоров и И. Кушнарев. После короткого совещания члены Дальбюро постановили: «Боя не принимать, дать войскам приказ уйти с оружием из города в сопки». Члены Дальбюро, кроме Лазо, ушли из здания Следственной комиссии на ул. Полтавской, 3. После этого С. Лазо по телефону отдал войскам приказ уходить из города без боя. В штабе остались члены Военного Совета С. Лазо, А. Луцкий, В. Сибирцев, Б. Мельников.

Вскоре здание, занимаемое штабом, было окружено японскими войсками.

С утра 5 апреля японские переводчики упорно разыскивали среди арестованных членов Военного Совета и допытывались, кто они, как и почему попали в штаб. Лазо назвался прапорщиком 35-го полка Козленко, но вскоре был японцами опознан. А. Луцкий и В. Сибирцев назвались своими фамилиями.

Особый интерес японских переводчиков (об этом можно было судить по допросам арестованных) к членам Военного Совета—С. Лазо, А. Луцкому, В. Сибирцеву и Д. Мельникову—подтверждали худшие предположения. Несомненно, разведка готовит расправу над ними. Установив личности Лазо, Луцкого и Сибирцева и тщательно скрывая их местонахождение, японская военщина всячески стремилась сохранить тайну о месте их заключения, ссылаясь на то, что среди арестованных нет лиц под этими фамилиями.

В газетах появились сообщения очевидцев об аресте членов Совета. Родные Лазо, Луцкого и Сибирцева 7 апреля видели с ними в последний раз. Потом арестованные были перевезены в японский штаб, затем в японскую контрразведку и... бесследно исчезли.

Страшная правда о расправе над тремя мужественными революционерами-коммунистами С. Г. Лазо, А. Н. Луцким, В. М. Сибирцевым выяснилась позже.

Под красным стягом Советского Союза бороздит теперь моря и океаны теплоход «Депутат Луцкий».

Всей своей яркой жизнью, мужественной борьбой, героической смертью непоколебимый большевик Алексей Николаевич Луцкий будет служить вечным примером поколениям строителей коммунизма.

В. Элеш

В лапах контрразведки

Элеш Вячеслав Михайлович, член КПСС с 1919 г. Активный борец за власть Советов на Дальнем Востоке. В 1920 г. работал в разведотделе при штабе С. Г. Лазо.

В начале октября 1921 года меркуловские войска перешли в наступление против ДВР, вели бои с Народно-революционной армией и с партизанскими силами Приморья. Меркуловцы полагали, что экономическое положение ДВР тяжелое, достаточных ресурсов для ведения войны у нее нет и рассчитывать на существенную помощь со стороны Советской России она не может — там голод. А в распоряжении меркуловцев — военная техника Японии, в изобилии продовольствие. В борьбе с ДВР меркуловцы и их покровители рассчитывали на легкую победу. Они вели упорное наступление, на первых порах, правда, без особого успеха. Однако в ноябре и декабре войскам ДВР и партизанским отрядам после упорных, жестоких боев пришлось отступить к Хабаровску.

Таково было положение на военном и политическом фронтах. С началом наступательных действий меркуловских войск против ДВР репрессии против рабочих и общественных деятелей, и особенно большевиков, усилились. Меркуловцы снова без разбора начали хватать людей, полагая, что таким путем они доберутся до руководителей большевистского подполья. Ряды большевиков поредели. Однако все эти повальные обыски и облавы, аресты, пытки и убийства не сломили боевого духа большевиков подполья

и революционного пролетариата Владивостока. И не будет ошибкой сказать, что борьба с меркуловщиной, работа по развалу меркуловского режима, агитация и пропаганда за Советскую власть продолжалась бы неослабно даже в том случае, если бы все большевики были выловлены и заключены в тюрьмы. Эту работу продолжали бы беспартийные товарищи из более чем тридцатитысячной армии революционного пролетариата, организованного в профессиональные союзы.

Были арестованы профсоюзные работники Сулов, Пушкарев, Авсеенко, Кучинский; работники кооперации — Горсткий и Писковитин и много других. Авраменко, председатель союза грузчиков, на допросах был сильно изувечен и 28 мая 1922 года умер в больнице; работник порта Потапенко, участник увода кораблей из Владивостока в бухту Ольга, также подвергся нечеловеческим пыткам. Он исчез бесследно. Очевидно, не выдержав пыток, умер при истязаниях в разведке.

В этих условиях пришлось снять вопрос о подготовке вооруженного восстания. Во избежание провала всей подпольной организации следовало заменить руководящих работников новыми товарищами. В связи с этим в начале декабря меня вызвал В. П. Шишкин.

— По данным контрразведки, — начал он, — там тебя расшифровали. Им известно, что Элеш, Иванов, Федоров и Михайлов — одно и то же лицо: у них твоя фотография. В городе тебе работать уже нельзя. Выезжай в Читу. В Дальбюро сделаешь доклад о положении в Приморье. Расскажешь о наших тяжелых потерях за последнее время. Так решил облревком партии.

— Приказ есть приказ, — согласился я, — а жаль расставаться с Владивостоком, с его людьми.

— Понимаю тебя, — говорит В. П. Шишкин, — те же чувства испытываю и я. Но и мне придется скоро выехать из города.

— Вот сижу с тобой, — говорю Володе, — и думаю: считанные минуты остались перед расставанием, а я охвачен sentimentalными воспоминаниями. Родился и вырос на берегу Волги. Там я смутно стал понимать жизнь и отношения между людьми, научился любить труд. Почти мальчиком ушел из деревни, многие годы проплавал по Волге и всем ее притокам, по многим сибирским рекам. И мне дорога

эта земля. Я готов сражаться до последнего дыхания. Жаль расставаться с Владивостоком, с товарищами.

— Понятно,— говорит задумчиво Володя,— дружба в совместной борьбе—самая крепкая и дорогая. Мне тоже не хотелось бы расставаться с Владивостоком, с товарищами. Надо!

...Мы расстались, но не навсегда!

Я быстро собрался и в конце ноября выехал через Харбин в Читу. Опасные пункты—Гродеково и Сосновую Падь, где были контрольные заставы семеновцев и их застенки, с помощью проводника Еремеева и его товарищей я проехал благополучно. В Чите после моей информации в Дальбюро я был зачислен бойцом в коммунистический полк, который направлялся под Волочаевку.

Пока ехал в Читу, меркуловские войска приблизились к Хабаровску и, продолжая развивать наступление, перешли Амур, заняли станцию Волочаевку. Дальше, на Амурской железной дороге, они встретили у станции Ин энергичный отпор и, отойдя к Волочаевке, закрепились там. Начались упорные позиционные бои, стоившие многих жертв. Вот сюда, под Волочаевку, я и направлялся вместе с коммунистическим полком. Стояли сорокаградусные морозы. Выручала добротная одежда: на мне была американская солдатская шуба из овчины, хотя подержанная, но еще исправная, шапка-ушанка и валенки. Здесь все ходили в валенках.

Накануне отъезда на фронт ко мне неожиданно зашел К. Ф. Пшеницын и повел к секретарю Дальбюро Александру Михайловичу Буйко. Было около 11 часов вечера. Буйко немедленно принял нас и сразу приступил к делу:

— Мы решили командировать тебя в Харбин. Специальные задания будешь получать каждый раз отдельно. Официально ты будешь работать торговым агентом Сибдальвнешторга. Вопрос этот уже согласован с Левиным. И это еще не все,— уже с улыбкой сказал Буйко.— Ты теперь коммерсант и поэтому должен держать марку коммерсанта. Должен хорошо одеваться, для этой цели Нижник выдаст тебе деньги. Он здесь.

В Харбине я прожил с декабря 1921 по апрель 1922 года, был секретарем партийной ячейки Харбинского отделения Центросоюза, выполнял обязанности торгового агента Сибдальвнешторга и специ-

альные задания. Поддерживал связь с Читой и Владивостокским облревкомом партии, со штабом партизанских отрядов и постоянно с особоуполномоченным ДВР Эспером Озорниным.

У Приморского облревкома, отрезанного от Забайкалья фронтами, не было в эти годы нормальной связи с Читой. Она осуществлялась нелегальными средствами: специальными курьерами, через проводников и кондукторов пассажирских и товарных поездов. Почта доставлялась мне в Харбин, а я отправлял ее с дипкурьером дальше. Приезжали ко мне и со специальными поручениями многие товарищи из Читы и Владивостока. Так, 26 декабря 1921 года по поручению Владивостокского горкома партии ко мне в Харбин с запиской от Н. Н. Бахвалова неожиданно приехала Мария Владимировна Сибирцева.

М. В. Сибирцеву я знал с начала 1919 года. Да и кто не знал эту женщину, небольшого роста, худенькую, но энергичную, всю сотканную из нервов, с полными жизни, добрыми глазами, мать Всеволода и Игоря Сибирцевых. Я встречался с ней и после японского выступления 4—5 апреля, когда Всеволод Сибирцев, член Военного Совета, вместе с Сергеем Лазо и Алексеем Луцким был схвачен интервентами и белогвардейцами и зверски замучен. М. В. Сибирцева мужественно переносила горе.

Морщин на лице и серебра в волосах у нее прибавилось. Вскоре она потеряла второго сына. В бою под Хабаровском погиб Игорь Сибирцев. Она собрала всю свою энергию и волю и посвятила остаток своей жизни революции.

Мария Владимировна привезла записку от Н. Н. Бахвалова (Макса), в которой было всего несколько слов: «Сделай все возможное. Макс». Но одно то, что с этой запиской была командирована ко мне М. В. Сибирцева, говорило о значительности задания.

Я четко представлял себе положение во Владивостоке, так как держал с облревкомом партии постоянную связь. В этот период письма шли ко мне за подписью «Макс». По этим письмам я знал, что председатель облревкома партии В. П. Шижкин в конце декабря уехал в Анучино (штаб партизанских отрядов) и что во Владивосток прибыл уполномоченный облревкома И. В. Слинкин. Я также знал, что подпольную партийную организацию во

Владивостоке возглавили Н. Н. Бахвалов, В. А. Врублевский (оба коммунисты с 1917 года) и А. И. Гушин.

— Что-нибудь случилось? — спросил я Марию Владимировну.

— Нет, ничего особенного, — отвечает она тихо, — обстановка во Владивостоке та же: репрессии, аресты.

Она сидела у моего стола, совсем маленькая, говорила почти шепотом. В комнате я был не один.

— Облревком партии остался без средств. Не можем помочь остро нуждающимся семьям арестованных, да и положение партработников не лучше. В связи с этим Николай Николаевич Бахвалов и Владимир Антонович Врублевский уговорили меня поехать к вам в Харбин. Нужны деньги. Сделайте все возможное! Бахвалов просил также прислать новый шифр.

На другой день, утром 27 декабря, Мария Владимировна Сибирцева уехала во Владивосток. От меня она получила новый шифр и деньги. Принимая деньги, она дала мне расписку: «Получено от т. Элеш В. М. три тысячи иен. Мать Всеволода Сибирцева».

Пока М. В. Сибирцева ехала обратно во Владивосток, там происходили такие события, о которых она и не думала: 26 декабря был арестован член горкома партии Дорелло-Орский. В тот же день на первом допросе в кабинете следователя разведки, штаб-ротмистра Сивцова, он был жестоко избит.

На втором допросе 27 декабря, стоя перед штаб-ротмистром Сивцовым, Дорелло давал показания:

«...Сегодня, по моим расчетам, должна приехать из Харбина Сибирцева Мария Владимировна, проживающая по Корякинской улице, дом 21. Ее, Сибирцеву, мы послали в Харбин за деньгами, и она должна привезти около 1000 рублей, и, возможно, будет переписка (письмо Элеша или что другое)».

А на допросе 28 декабря Дорелло дополнил показания:

«...В последнее время у нашей организации почти не было средств, а поэтому мы с Бахваловым, посоветовавшись у меня на квартире, решили попросить Марию Владимировну Сибирцеву поехать в Харбин и привезти денег от Элеша для нашей организации. К Сибирцевой ходил и вел переговоры относительно поездки Бахвалов...»

К сожалению, из-за предательства Дорелло деньги и шифр не дошли по назначению. Как стало известно несколько позднее, во Владивостоке Сибирцеву встречала ее дочь Вероника. Не заезжая домой, она должна была доставить шифр и деньги на конспиративную квартиру по Тунгусской улице, где ее ждали члены горкома РКП(б) Н. Бахвалов и В. Врублевский.

По дороге ее, хотя она была беспартийная, неожиданно схватили и доставили в контрразведку. При обыске и допросе в качестве консультанта белогвардейцам помогал Дорелло. Кроме денег, у нее ничего не нашли. Шифр, спрятанный в чемодане с двойным дном, сохранился, но Вероника так тщательно его потом захоронила, что он вообще уже не был найден.

Марию Владимировну вскоре освободили, но денег не вернули. Несколько позже она снова была арестована за активную революционно-общественную работу и просидела в тюрьме до 22 октября 1922 года.

Как реликвию хранил я расписку Марии Владимировны с многозначительной и трогательной подписью «Мать Всеволода Сибирцева». Эта подпись с особой силой говорила о великой материнской любви и гордости за своего сына-героя.

Кто такой Дорелло, откуда появился — я не знал. Видел я его только один раз. Это был высокий, худой человек, с выдающимися скулами и маленькими глазами. Голос у него был какой-то глухой. И производил он, надо сказать, довольно неприятное впечатление. Дорелло оказался малодушным и нестойким человеком. Не выдержав избиений и пыток, он выдал многих товарищей, которых знал. Только по данным трех протоколов его допроса, он назвал фамилии сорока человек. Так были арестованы председатель союза моряков И. Порхайло, Е. Соловьева, Кучинский, Потапенко и М. Старков. Дорелло помог меркуловской контрразведке захватить архив горкома РКП(б).

Из Харбина довольно часто приходилось мне выезжать на станцию Маньчжурия, а иногда и в Читу, причем каждый раз, когда возвращался, я получал поручения и по перевозке ценностей. Однажды в январе 1922 года на станции Маньчжурия мы с З. М. Левиной (член КПСС с 1918 года) заняли в мягком вагоне четырехместное купе. В четырех чемоданчиках у нас было

золото в монетах. На станции Хайлар к нам присоединился третий пассажир — полковник, в новых блестящих погонах и при прочих регалиях. На каждой станции его шумно встречали выстроившиеся, как на параде, части белого воинства. Наш сосед был, видимо, важной фигурой. К тому же не в меру болтлив. Картинно выпятив грудь, он галантно обращался к Зинаиде Михайловне, которая назвалась дочерью купца, и снисходительно-небрежно ко мне, хотя я отрекомендовался коммерсантом. Он без умолку болтал о том, что производит смотр частей, приготовленных для отправки на фронт против коммунистов. «Красным скоро конец», — твердил он.

Чувствовали мы себя неважно. Но совсем не по себе мне стало, когда он, не скрывая явного огорчения, рассказал, как неделю назад один большевик вез золото, а он узнал об этом слишком поздно.

— Если бы я узнал вовремя, — заявил он с нескрываемой досадой, — харбинские большевики золота не получили бы. Мне ничего не стоит снять с поезда любого пассажира, и этот большевик, в этом я ручаюсь, от меня не ушел бы!

— Да, обидно, — посочувствовал я ему, — ушел, что называется, из-под носа. А ведь, наверное, золота с ним было немало.

— Конечно, — подтвердил он с огорчением. — Что и говорить.

Мне оставалось только сохранять вид беззаботно-веселого коммерсанта. После столь откровенных признаний нашего спутника З. М. Левина уже не выходила из купе, сославшись на нездоровье. Да и я предпочел отлучаться возможно реже. К счастью, на станции Цицикар полковник сошел, весьма любезно простившись с нами.

...В феврале 1922 года я получил документ, секретный и срочный, отпечатанный на тончайшем шелку, не имеющий, правда, никакого отношения к стране, где я в то время находился. Тотчас (это было в 8 часов утра) я отправился к особоуполномоченному ДВР — Э. Озорнину.

Он жил в особняке нашего представительства в местечке Модягоу. Двухэтажное здание было расположено в глубине обширной территории, обнесенной железной оградой. Идя в представительство, я всегда проявлял осторожность, внимательно присматриваясь к окружающей обстановке. На этот раз, торопя, я быстро

вошел в ворота, где на обычном месте стоял китайский полицейский, и направился к особняку. Еще издали я заметил у окна второго этажа товарищей Озорнина и Шелепина. Они делали мне какие-то знаки. Я осмотрелся и тут только увидел, что представительство окружено цепью китайских полицейских. Это была облава, подобная тем, которым подвергались в те времена советские представительства в Лондоне и Париже.

Положение мое было неважным: в кармане лежал малый бельгийский браунинг и секретный документ. Повод для ареста достаточный. А отступать было поздно и некуда. Тогда я принял решение. Быстро, не останавливаясь, прошел через цепь полицейских, вошел в особняк и направился не наверх, а в подвальное помещение и, пробегая мимо уборщицы, которая меня знала хорошо (фамилию забыл), крикнул, чтобы она ругала меня как угодно, лишь бы показать, что я здесь чужой. Полицейские уже бежали следом. Я мог, конечно, проглотить шелк, но важно было его сохранить. Уборщица поняла и, догоняя меня в подвальном коридоре, громко обзывала всяческими словами. Изобразил недоумение на лице, я повернулся к уборщице и стал кричать, что привлеку ее к суду за оскорбление.

Надо сказать, что там же, в Модягоу, на той же улице, почти рядом с представительством, был другой такой же особняк, в подвале которого был склад мануфактуры. Там я получал как-то партию купленной нами сарпинки. Я учел это обстоятельство и кричал в присутствии полицейских на уборщицу, что нельзя оскорблять человека только за то, что он по ошибке попал в чужое помещение. Документы торгового агента у меня были в порядке. Поэтому проверка их офицером только подтвердила недоразумение.

Не обращая внимания на полицейских и продолжая громко пререкаться с уборщицей, я вышел из подвала, прошел сквозь полицейскую цепь и оказался за воротами. Не оглядываясь, направился к мануфактурному складу и, лишь когда подошел к нему, обернулся. К удивлению, никакого «хвоста» за мной не было. Облаву сняли в тот же день, и документ был доставлен Э. Озорнину.

В начале апреля 1922 года я получил от облревкома из Владивостока следующую телеграмму:

«Харбин. Центросоюз. Михайлову. Немедленно приезжай. Павел».

Я поспешил закончить дела, не терпящие отлагательства. Тут неожиданно появился ко мне хорошо знакомый еще по Владивостоку техник-строитель Калмыков Михаил Александрович. Это был довольно странный для своего времени молодой человек, лет 25. Прежде всего, он имел какое-то особое уважение к людям «положительным», таким, к примеру, кто строил дом в городе или дачу за городом. Он любил театр, одевался чисто и весьма строго следил за своим единственным костюмом. Для этого не жалел трудов, щетки и бензина.

С правильными чертами лица, хорошо сложенный, внешне он производил приятное впечатление. Любил порассуждать на любые темы, кроме политики. Здесь он был полный профан. Жизнь вокруг него буквально бурлила, а он ко всему был совершенно безразличен. Был знаком с эсерами, но эсером не стал, имел знакомых среди белого офицерства, но не разделял убеждений белых; близко был знаком со мною, но оставался очень далеким от большевизма. Но была у него одна бесспорно хорошая черта: был честен, не способен на подлость.

— Каким образом в Харбине? — спрашиваю его, не скрывая своего крайнего удивления.

— Убежал от меркуловской мобилизации, — ответил он, улыбаясь. И тут же добавил: — Устрой мне поездку в ДВР.

В тот же день мы поехали к особоуполномоченному ДВР в Харбине, Эсперу Озорнину, где Калмыков получил паспорт Дальневосточной республики, а я снабдил его деньгами.

Паспорта Калмыкова (русский и китайский), а также все его справки, удостоверения и рекомендации с прежних мест работы я попросил дать мне. Надо сказать, что все личные документы Калмыкова представляли ценную находку для подпольщика. Это были подлинные документы, выданные Калмыкову разными уральскими предприятиями, в частности Лысьвенским заводом, где он, очевидно, ранее работал.

Я простился с Калмыковым, сердечно пожелав ему благополучной дороги.

Обстановка во Владивостоке мне была ясна. Я знал, что перспектива попасть там в лапы охранки мне грозила всюду. Не

мешало бы документы Калмыкова подкрепить более солидным документом. Я часто встречался тогда с представителями Русско-Азиатской компании. В этой компании ничего русского, конечно, не было. Это была, без подделки, типично немецкая фирма. Переводчиком у них работал некто Хорошев, Иосиф Маркович, настоящий харбинец. Решил использовать его и, в пределах допустимой откровенности, рассказал ему, что мне предстоит поездка во Владивосток.

— Вы, конечно, понимаете, — добавил я, — как там легко попасть в руки меркуловской охранки.

— Да, вести оттуда дурные, — сдержанно подтвердил он.

— Вот это-то меня и смущает, — говорю я, — а ехать надо...

Я помолчал некоторое время, но совсем уверенный в правильности избранного мною пути и опасаясь предательства с его стороны. Но в конце концов что-то подсказало мне, что этот человек не свяжется с охранкой, и я решился.

— У вас во Владивостоке, на Суйфунской улице имеется отделение. Устройте мне удостоверение на имя Калмыкова, подтверждающее, что ваша компания меня командироват во Владивосток. И я тогда буду в безопасности...

Хорошев смотрел на меня и молчал. Значит, отказ, думал я. Но он, сверх всякого ожидания, после небольшой паузы говорит:

— Я понял. Устрою. Для этого не нужно будет подлинных подписей. Но бланк будет фирменный и печать настоящая. Документ будет что надо.

Хорошев исполнил обещание. Я получил хороший документ и превратился в служащего иностранной фирмы.

На следующее утро я с женой выехал экспрессом, заняв купе в международном вагоне. Но на душе было невесело. Кажалось, все шло гладко, и одет я был настолько хорошо, что меня никак нельзя было принять за большевика: шелковая сорочка с галстуком-бабочкой, серый, сшитый по английской моде костюм, черное демисезонное пальто и серая шляпа, желтые ботинки, шелковые носки, кольцо с бриллиантом, в руке тросточка. Чем не коммерсант?

До Владивостока я доехал благополучно. И вот, через явку, которую тогда представлял член ревкома партии. Илья

Слинкин, к ночи я попал к уполномоченному Дальбюро ЦК РКП(б) Павлу Никитенко-Телешову. Никитенко вызвал меня для разрешения ряда вопросов и установления лучшего контакта через меня с Дальбюро. Вопросы мы быстро разрешили. Было решено, что я выезжаю обратно с нашим поездом, то есть с поездом, где есть преданные нам проводники и кондукторы. Одним из таких проводников в международном вагоне, как уже известно, был Еремеев.

На предварительном совещании с товарищем Еремеевым и его друзьями мы условились, что я сяду на станции Первая Речка в международный вагон, а затем перейду в багажный. Предполагалось, что в багажном я проеду опасный участок Владивосток—Пограничная. Но случилось так, что багажный вагон оказался неисправным, и поезд отправился без него. Пока мы сидели у проводника и рассуждали, как быть дальше, передо мной появился военный контроль. Офицер потребовал документы. А с документами было плохо. Полагая, что Пограничную я проеду в багажном вагоне, а документы Калмыкова, кроме китайского паспорта, мне не понадобятся, я оставил их у Никитенко. Опять ошибка. Я мог предъявить теперь только китайский паспорт. Ревизор поезда это-то шепнул офицеру, и на станции Седанка меня высадили, а к 5 часам вечера доставили в контрразведку (Полтавская, 3). Огромных усилий мне стоило держаться спокойно. Я твердил себе: «Только не подавать вида, что волнуюсь». Такое состояние продолжалось до тех пор, пока я не попал в арестное помещение. Но когда я увидел здесь товарища Порхайло и нашего шофера Исупова, сразу вернулось спокойствие. Исупов предупреждающе приложил палец к губам: надо быть осторожным.

Первыми моими словами, сказанными довольно бодро, были: «Здравствуйте, господа! У вас недурно!»

И этот несколько насмешливый, но бодрый тон я сохранил до конца. Я напевал из оперетт, выстукивал четкетку, рассказывал анекдоты. Исупов шепнул, что к нам посажен шпион, и показал на молодого человека в сером пальто, который лежал на скамье, явно притворяясь спящим.

На допрос вызвали в тот же день.

Допрашивал подполковник Богословский.

Я так и назвался Калмыковым Михаилом Александровичем. Наиболее слабым местом мог быть ответ на вопрос: «Где ночевали?» Но у меня было достаточно времени, чтобы обстоятельно его обдумать. Проанализировав несколько вариантов возможных ответов, в конце концов решил остановиться на самом нехитром. Я сказал, что прибыл вчера и ночевал очень неудачно, в таком месте, что мне, семейному человеку, просто неудобно говорить; потерял бумажник, деньги, документы: русский паспорт, справки, рекомендации о работе, письмо Русско-Азиатской компании. Все это результат легкомыслия, выпивки. На вопрос, куда и к кому ехал, я сказал, что ехал на Седанку, сел без билета: торопился, так как опоздал. А ехал занять денег у Эммы Филипповны Ниловой (знакомой мне жены инженера-поручика Нилова). Это была культурная и передовая женщина. В годы царской реакции она испытала арест и тюремную жизнь. Она хорошо знала и меня, и Калмыкова. Я был уверен, что во всех случаях она не выдаст меня. Далее я добавил, что мог бы деньги достать и в отделении Русско-Азиатской компании, но тогда мне пришлось бы рассказать о потере денег и документов, а этого, сами понимаете, по соображениям служебным, я хотел бы избежать.

Здесь я вытащил из кармана серебряный портсигар и попросил разрешения закурить. Я протянул подполковнику Богословскому портсигар со словами:

— Не хотите ли? Харбинские «Лопато», высший сорт.

Он поблагодарил и взял папиросу. Папиросы я предложил и двум офицерам, присутствовавшим на допросе. Но вдруг сзади меня раздался голос, который заставил меня насторожиться:

— Я вас часто встречал в Харбинском профсовете. Вы там работаете?

Это был четвертый человек в комнате, о существовании которого я не подозревал. На какой-то, правда очень короткий, отрезок времени я был сбит с толку и, насколько позволяло мое состояние, выигрывая время, медленно обернулся. Сзади стоял человек в штатском, с очень неприятной физиономией. Именно это неприятное лицо, со смесью хамства и пресмыкательства, и возвратило мне спокойствие и уверенность в том, что он меня не знает. В профсоюз я никогда не хо-

дил. По роду своей работы туда не должен был ходить. Поэтому, зная, что шпик врет, отвечал ему спокойно:

— В Харбинском профсовете мне нечего делать. Мои патроны немцы не потерпели бы на работе члена профсоюза, да еще русского.

— Но Вильде ваш приятель, — уверенно врал шпик, — с ним-то я видел вас в профсовете.

Вильде я хорошо знал. Встречался с ним, но только не в профсовете.

— Кто такой ваш знакомый Вильде, не знаю. И для чего мне о нем говорите, тоже не понимаю.

— Вильде многие знают в Харбине. Вильде коммунист, член партбюро и профсовета, — заявил он, — именно с ним вы и приходили в профсовет. Вы проходили мимо меня, даже довольно грубо задели, но не извинились. Помните?

— Я уже говорил вам, что Вильде вашего не знаю, — ответил я, — следовательно, и быть с ним не мог.

— Вспомните! Вы же вместе с Вильде зашли в кабинет члена правления профсовета Шергова?

— Шергова я тоже не знаю.

— Может быть, вы и Сугака не знаете? — еще задал вопрос шпик, ехидно улыбаясь.

— Да, Мефодия Сугака я знаю хорошо, — ответил я, — и даже часто встречаюсь не только с ним, но и с управляющим Харбинским отделением Центросоюза Гольдбергом, а Сугак его заместитель. А как, по-вашему, — перехожу я в наступление, — за что держат меня немцы на службе? Не думаете ли вы, что это делают за мои прекрасные глаза? Ошибаетесь, — на это отвечаю я, совершенно овладев собой, — им нужен русский сотрудник для связи с русскими фирмами. Наша фирма очень ценит связь с Центросоюзом. Как-никак Центросоюз — крупная русская кооперативная организация. Вот почему я часто бываю в Центросоюзе и знаю Сугака.

— Так, значит, вы и большевика Минскера знаете? — сурово глядя на меня в упор, спрашивает шпик. — А? Что скажете?

Я действительно когда-то обедал у Минскера, но это было в феврале или марте 1921 года. И уже стала было подкрадываться ко мне мысль, что, если действительно он знает, кто я? Ведь могло же это быть — молниеносно мелькали в голове сомнения.

Но нет! Этого не могло быть. Я был по положению, по характеру работы всегда очень осторожен. Вспомнил, что и Минскера давно нет в Харбине.

— Господин подполковник, — вместо ответа обратился я к Богословскому, — разрешите мне больше не отвечать на нелепые вопросы и предположения этого господина.

Богословский кивком остановил шпика. Тот встал и оставил комнату.

Я попросил подполковника для скорейшего выяснения моей личности послать телеграмму в Харбин Русско-Азиатской компании. Я просил его также справиться у инженера Моисеева и его жены, врача Моисеевой, проживающих по Китайской улице, дом № 26, о технике Калмыкова. Моисеевы хорошо знали меня и Калмыкова. Я полагал, что Моисеев меня не выдаст.

Выдать-то он меня не выдал, но офицеру разведки ответил, что никакого техника Калмыкова не знает. В охранке меня обыскали и нашли китайский паспорт, золотой крест, серебряный портсигар, перочинный нож, два носовых платка и около 30 иен. Бумажника у меня не оказалось.

Днем в охранке, а ночью в ночлежке одного из отделений милиции я старался держаться беззаботно. Мой неунывающий характер, когда кругом все заключенные оставались удрученными, грустными и молчаливыми, приводил многих в недоумение. Они не понимали показной стороны такого поведения. А между тем мне было не лучше, чем им.

Для беспокойства и тревоги причин было больше чем достаточно. Особенно тревожило то, что по подпольной работе 1921 года агенты разведки хорошо знали меня и буквально рыскали по пятам. В охранке, у подполковника Сивцова, имелась моя фотокарточка. Могли устроить очную ставку с предателем Дорелло.

Кроме того, в первый же мой допрос я допустил оплошность, непростительную для подпольщика. Я показал, что ехал на Седанку к Эмме Филипповне, позабыв, что она уже более года живет в городе. Агенты охранки могли это проверить и обнаружить обман.

Я переживал, внешне оставаясь беззаботным и веселым. Старался показать, что я здесь случайный гость, и все думал, как бы вырваться. Для этого могли быть две возможности:

а) собрать в карман из печных подушков мелкую золу. Я представлял себе, что в сумерки отпрошусь выйти (а уборная находилась рядом со зданием милиции на открытой Суйфунской площади, что под сопкой), брошу золу в глаза конвойному и уберу. Такая возможность была реальной: улицы, переулки, сопки я знал хорошо, а близко были знакомые квартиры, где на первых порах можно было укрыться. Золу я каждый день собирал;

б) срочно дать знать о себе Никитенко-Телешову.

Счастливым случай для этого представился. Рано утром к Суйфунскому отделению милиции, куда нас с Полтавской водили ночевать, приходили жены арестованных рабочих и через разбитые окна, хотя на них были железные решетки, передавали арестованным пищу. Через жену одного рабочего, на которую, как говорил Порхайло, можно было положиться, я послал записку Илье Слинкину с сообщением, что сижу на Полтавской и прошу немедленно дать объявление в газете: «Утерян паспорт и другие документы на имя Калмыкова Михаила Александровича. Нашедшего прошу переслать по адресу: Полтавская, 3».

И. В. Слинкин, получив записку, тотчас передал ее Никитенко-Телешову, а последний послал соответствующее объявление в «Голос Родины». После публикации были отправлены в редакцию и документы. Прошло несколько дней, как дежурный офицер доверительно сообщил мне: «Звонили из редакции газеты, ваши документы найдены и просили прислать за ними».

Примерно через час к нам зашел подполковник Богословский и, передавая мне китайский паспорт, сказал:

— Счастливым ваш бог, господин Калмыков! Ваши документы нашлись. Вы свободны, а в 6 часов вечера приходите подписать протокол допроса, тогда выдадим и остальное.

Я поблагодарил его, простился взглядом с Порхайло и Исуповым. В 6 часов я, конечно, не вернулся к Богословскому, а документы оставил ему на память.

Вечером я уже был у Павла Никитенко. Он жил неподалеку от Народного дома у

коммунистов — братьев Александра и Анатолия Романских. Когда я вошел, он бросился навстречу и, обнимая, все время приговаривал:

— Кто глупей оказался? Не так-то мы просты! Не так просты!

На столе появились пельмени, и мы отпраздновали мое освобождение. Во время ужина я со всеми подробностями рассказал о своих злоключениях в меркуловской охранке.

Но все же мне надо было поскорее убраться в Харбин. Отъезд приурочили к суботе, накануне пасхального воскресенья (апрель 1922 года). На этот раз с проводником международного вагона Еремеевым мы договорились иначе: я покупаю два билета на отдельное двухместное купе, ночью у Еремеева и сажусь вместе с ним в вагон еще в Первореченском депо. В мое купе под сиденье нижней полки ставится большая корзина. Жена садится в поезд со своим багажом, как только состав подадут на городской вокзал. Я же буду лежать в корзине, пока не проедем Пограничную. Делая вид, что она нездорова, жена ляжет на нижнюю полку. Так и сделали.

В пути военный контроль проверяет документы несколько раз, и в последний — между Сосновой Падью и Пограничной. Около 12 часов этого пути я должен был лежать в корзине в крайне неудобной позе. Обычно последний свой обход контроль делал после станции Гродеково, и когда он прошел, я вылез из корзины, с трудом, тяжело дыша, сел на постель и стал разминать затекшие и онемевшие руки и ноги.

Проехали Сосновую Падь. Считанные минуты остались до границы. Вдруг без стука дернули дверь и потребовали открыть ее. Я быстро влез в корзину, жена снова разложила постель и, открыв дверь, легла. Это был последний контроль. Он не обнаружил ничего подозрительного...

Наступила пасхальная ночь. Я был уже в Китае и в полной безопасности. А рядом, в трех купе, ехали чиновник меркуловского правительства — уполномоченный по Камчатке со своим помощником инженером Лебедевым и другие. Они пировали.

В. Нозин

ОДИН ИЗ МНОГИХ

В тюрьме

Комиссар кивнул на табуретки, рядом стоящие у обшарпанной стены: — Садитесь, курсанты, поговорим. Потом, несколько помедлив, произнес:

— Кончилась ваша учеба. Едете взводными в Первый амурский полк в Благовещенск. Командир там Лавриненко. На сборы вам час и — на вокзал. Все ясно? Свободны.

Так Яков Басенко в июне 1918 года после досрочного окончания курсов командиров РККА очутился в Благовещенске. Получил взвод. И закурила-завертела его армейская жизнь: тренировки, занятия, стрельбы.

Незаметно приблизилась тревожная осень. Ночью с 17 на 18 сентября в город вошли белые и японцы. Этой же ночью Яков попал в плен.

Допрашивал красномордый с щегольскими усиками офицер:

— Зовут как? Яша? Чей же ты, Яша? Басенко? А за что сюда попал? Как не знаешь? Говоришь, на заработки приехал из Полтавской губернии? Далековато тебя занесло. Лет тебе сколько? Так ты что, несовершеннолетний? Эй, конвоир, отведи его в камеру. Надо проверить, правду ли говорит этот парень.

Яков шел по тюремному коридору и думал:

«Дудки, господин беляк, проверишь. В Полтаве-то наши. Здесь же меня из горожан никто не знает, кроме Наташи Тарасенко да ее матери. Документы у меня «украли».

«Проверка» длилась до ноября. А где-то в середине месяца снова повели к мордатуму.

— Так что ты мне брехал, голубчик?

— Кобель брешет, ваше благородие, а я всю истинную правду сказал.

— Эх ты, сопляк. Кокнуть бы тебя для порядка, да черт с тобой, живи...

На свободе

Стукнула за его спиной тюремная щелка. И только тогда Яков поверил, что он действительно свободен. Скорее, скорее от этого страшного места. А куда? К Наташе?

Да, впрочем, больше некуда.

Наташа всплеснула руками:

— Живой?

— Вроде бы. Вот, выпустили из тюрьмы. Надо найти угол, где можно будет отсидеться.

— Знаешь, живи у нас. Места хватит.

— А мать?

— Не бойся, все уладим.

Однажды Наташа пришла озабоченной:

— Видела твоих друзей. Костю Карасевича, Васю Шиганина и Гошку Саакова. Их тоже выпустили. Сегодня к нам придут.

И стали четверо ребят жить в одной каютке у Тарасенко. Две недели на улице носа не показывали. Но нужны были деньги.

Работа нашлась — устроились к владельцу колесной мастерской Прокопу Зорину дубовые спицы для колес делать. Потянулись один за другим скучные зимние дни, полные ожидания...

Боевая дружба

Через улицу шел парень в военной форме. Яков внимательно пригляделся: «Валька! Эй-богу, Валька Саламон. Сволочь, что же он белым продался?»

Валька вдруг обернулся:

— Здорово, Яша! Как жизнь? Да ты что, не узнал? Добровольцем еще не вступил в армию? Что, все еще...

— А я не такая шкура, как некоторые...

...Яков встречал Вальку еще несколько раз. И Саламон каждый раз допытывался: не пошел бы служить его бывший товарищ к белым? Потом Валька пропал. А через некоторое время в колесную

пришел Сергей Маевский, тоже бывший курсант. Он вызвал Якова на улицу и, глядя в упор, спросил:

— Как жить думаешь, Яшка? Колеса делать? Белячкам кланяться?

— Что ты, Сергей! Да мне бы людей найти...

— Люди такие есть. Вот адрес. Спросишь Татьяну Исаевну Шафир. Она о тебе уже знает. От кого? Это секрет.

...Разговор с Татьяной Исаевной был долгим. Она спрашивала обо всем: о семье и учебе на курсах, о тюрьме и работе в мастерской, о ребятах и Наташе Тарасенко. А потом дала задание — проследить, какие люди будут ночью входить и выходить из одного дома по Амурской улице.

Всю ночь «прогуливался» Яков возле дома. Но ни одной души не заметил. Так и сказал об этом Татьяне Исаевне. Женщина кивнула головой и улыбнулась:

— Правильно, туда никто и входить не должен был. Не сердись, это была проверка. Завтра поедешь в Бурюю. Зайдешь там в колбасную мастерскую. Колбасник тебя знает. То, что он тебе расскажет, запомни все до слова. По приезде все сообщишь.

Поезд шел медленно, долго стоял на каждом полустанке. Наконец Бурюя. Нашел колбасную. Открыл дверь и оторопел: за весами поезд... Валька Салямон.

А потом были поездки в Бочкарево, Заитую и снова в Бурюю. И каждый раз Яков привозил сообщения о дислокации белогвардейских войск, их вооружении, численности.

Однажды Татьяна Исаевна дала новое задание:

— Подбери человек десять — пятнадцать зерных ребят. Достаньте оружие. Создайте боевую дружину. Конечная задача дружины — во время восстания захватить вокзал. Это задание подпольной организации. Вечером к вам придет Володя с одним товарищем. Кое-что они передадут вам для «развода». А уж остальное достанете.

Действительно, вечером в дом к Тарасенко пришли Володя Шафир и невысокий парень, отрекомендовавшийся Рыбкой. Они принесли два револьвера, офицерское и солдатское обмундирование, гранату, чистые бланки документов, штамп и печать белогвардейской контрразведки.

А через неделю в контрразведку прибежал коммерсант Шур с жалобой: какой-

то капитан-контрразведчик с солдатом вломился к нему в дом, отобрали револьвер и три тысячи рублей. В контрразведке развели руками, никто не посылал к Шуру с обыском. И задумались — на обычное ограбление не похоже.

Белые оказались правы. Это начала действовать молодежная боевая дружина, которой необходимо было достать деньги и оружие для подпольной организации. Одевшись в белогвардейскую форму, члены группы под видом контрразведчиков делали обыски у богатеев. Отбирали у них деньги, оружие.

Работавший в белогвардейской милиции подпольщик Иннокентий Лысак сообщил дружинникам, что у одного уволенного из милиции не забрали револьвер. Утром следующего дня к бывшему белому милиционеру зашли белогвардейский капитан и солдат. Капитан, небрежно козырнув, спросил:

— Где наган?

— Я же ваш, что вы делаете. Я сейчас в контрразведке работаю. Я буду жаловаться, я... — трясущимися руками вынул наган из-под подушки и отдал капитану. Но лишь стоило офицеру отвернуться, как он снова потянулся к подушке. Солдат опередил его. Под подушкой поблескивал новенький браунинг.

Когда милиционер прибежал доложить о случившемся в контрразведку, «капитан» и «солдат» уже были в маленьком домике на Бурхановской улице и обсуждали новый план добычи оружия. Офицерское обмундирование снимал с себя Александр Макаров-Зубарев, солдатские пожитки в сундук — Яков Басенко.

На следующей неделе местная газета «Эхо» сообщила о новых дерзких налетах и сожалела, что «преступникам» удалось скрыться.

Провал

Ночь выдалась теплой, и Яков решил улежась спать во дворе на телеге, стоявшей под навесом. И только стало светать, как услышал удары приклада в ворота. Соскочив с телеги, притаился за дверью сарайчика и увидел, как во двор вбежал с револьвером в руке помощник начальника сысского отделения Добрынин. Следом за ним — белый милиционер с винтовкой. Милиционер остался во дворе,

Добрынин скрылся в доме. Через полминуты появился на крыльце и начал осматривать двор. Вдруг направился к тому месту, где притаился подпольщик. Яков взвел курок, грохнул выстрел, второй. Милиционер спрятался за угол, а Яков, перемахивая через заборы, мчался к дому, где жил Александр Макаров. Но впереди замаячили фигуры солдат. Куда деться? Ага, какая-то кузница. Кузнецы удивленно уставились на парня. Вдруг один, видимо все поняв, кивнул на огород:

— Прячься там, ботва высокая!

Яков затаился между грядками, перезарядил наган.

«Как же я отсюда выберусь?» — сверлила голову мысль. Заметил приближающуюся к нему старую женщину, видимо, хозяйку дома.

— Мать, я здесь. Слушай, принеси какую-нибудь женскую одежду, иначе мне не уйти.

Минут через пятнадцать из ворот дома вышла босая, в платочке женщина, нето-

ропливо, даже с лентой, прошла мимо стоящих у перекрестка солдат и скрылась за поворотом.

Вечером, пробравшись на одну из явочных квартир, Яков узнал, что группу провалил один из новичков — Дружин. По собственной неосторожности он был схвачен, не вынес пыток и выдал всех, кого знал.

Членам боевой дружины Якова Басенко оставаться в городе было нельзя. И по приказу руководителей подполья ребята ушли в партизанские отряды. Яков стал бойцом в отряде Юшкевича.

Член боевой дружины, подпольщик, участник партизанского движения в Приамурье и Великой Отечественной войны, коммунист Я. А. Басенко живет в Благовещенске. Родина высоко оценила подвиги своего сына: Яков Ананьевич — кавалер ордена Ленина, двух орденов Боевого Красного Знамени, ордена Отечественной войны II степени, награжден несколькими медалями.

Нейтральная зона

Три года как свершилась Октябрьская революция. В западной части страны мы уже разбили белогвардейских генералов, изгнали интервентов, а здесь, на Дальнем Востоке, еще шла упорная война за освобождение окраины России от белых и интервентов. Если к 1920 г. НРА дошла до Имана¹, то юг Приморья оставался во власти противника.

Нейтральная зона образовалась в 1920 г. на территории Приморья как разграничительная линия между войсками Народно-революционной армии и войсками интервентов. Проходила она с севера на юг и составляла около 60 километров. Центром зоны стал город Иман.

По обоюдному соглашению в нейтральной зоне не должны находиться ни войска НРА, ни войска японцев. Для охраны же внутреннего порядка был организован отдельный батальон народной милиции с подчинением уездной земской управе. В силу обособленности нейтральной зоны революционного порядка в ней было мало, процветал уголовный и политический бандитизм, не говоря уже о контрабанде. Город стоял у границы и являлся притоном спекулянтов, контрабандистов, аферистов, бандитов. В центре его располагалась какая-то организация, именовавшая себя китайским консульством, охраняемым вооруженными до зубов маузеристами. Оно возникло самостийно, без всякого согласования с местной управой и органами власти ДВР и фактически являлось центром контрабандистов.

Вот в это-то пекло в мае 1921 г. я и был назначен начальником военно-контрольного пункта Госполитохраны ДВР.

Перед отъездом на новое место работы меня долго инструктировал товарищ Константинов, занимавший должность начальника отдела нашего управления. Он

прямо заявил, что после ухода интервентов из нейтрального района в Имане осталась хорошо законспирированная японская агентура дальнего прицела. Нашей первой задачей надо считать ее розыск и ликвидацию, а второй, не менее важной, — расследование обстоятельств гибели на станции Муравьев-Амурский товарищей Лазо, Сибирцева и Луцкого. Банда Бочкарева, непосредственно принимавшая участие в гнусном злодеянии, дислоцировалась в районе города, и следы ее должны были остаться именно там.

Кроме того, предстояло навести там революционный порядок. Товарищ Константинов добавил, что в случае каких-либо затруднений за помощью и советом следует обращаться к Арнольду Яковлевичу Пизкику — неофициальному представителю Далькрайкома партии в нейтральной зоне. Официально же он выполнял функции заместителя командира батальона народной милиции по политчасти. Указания А. Я. Пизкика нами должны выполняться беспрекословно.

Обойдя другие отделы и получив нужные справки, на следующий день я выехал к месту своего назначения.

Поезд прибыл ночью, вокзал был не освещен, лил дождь, и на душе было неспокойно — справлюсь ли?

Встретил меня сотрудник контрольного пункта Зиновий Антонович Тычинский, пожилой мужчина с копной рыжих волос. По пути в канцелярию Тычинский сообщил, что почти все сотрудники срочно выехали на операцию. Банда хунхузов перешла границу и грабит местное население. Связи с группой нет.

Утром все товарищи возвратились. Один из них был легко ранен, а хунхузы, потеряв двоих, бежали в Маньчжурию. Жителям возвращены десять лошадей, отбитых у бандитов. Об этой операции и написал первое свое донесение в Хабаровск начальнику управления товарищу Сократу.

¹ Ныне Дальнереченск.

После ознакомления с сотрудниками и их бытовыми условиями я представился командиру батальона и его заместителю товарищу Пизуку.

Первым намеченным мероприятием была очистка пункта от случайных людей, которые, примазавшись к Советской власти, заботились лишь о своем благополучии. Несколько сотрудников пришлось уволить за пьянство, недисциплинированность и разболтанность, заменив их надежными товарищами из батальона милиции. Затем мы закрыли незаконное китайское консульство, разоружили сотрудников и охранников его и выдворили их за кордон. Изъятые у «консульства» немецкие маузеры мы передали нашим товарищам, а двухэтажное здание его перешло к уездной земской управе.

Надо было выявлять японскую агентуру. С чего начать? За что уцепиться? Поразмыслив, мы решили прежде всего обратить внимание на контору таможенного поста станции Муравьев-Амурский (теперь станция Лазо). Служили там пятнадцать чиновников, связанных по своей работе с границей, причем личный состав поста не менялся со времен колчаковской администрации.

И мы не ошиблись. Действительно, информация разведывательного характера выходила именно отсюда. Ее даже на машинке перепечатывали. Это мы точно уже знали. Но кто из чиновников являлся агентом? Чтобы найти агента, применили метод исключения и остановились всего на нескольких сотрудниках.

Машинистка поста проговорила, что на машинке хорошо печатает управляющий, остальные же сотрудники ею почти не пользуются.

Круг подозреваемых сузился до одного управляющего. Это был желчный и крайне антисоветский настроенный человек, способный на предательство.

Рассказывая нам о таможенниках, машинистка указала на одного из них, охарактеризовав его как яркого противника иностранного вмешательства в русские дела. По ее словам, он одинаково отрицательно относился и к японским интервентам, и к белогвардейцам. Жена также сочувствует Советской власти, а брат ее был красным партизаном в Забайкалье. Жили они в отдельном домике в поселке Крас-

нояровке, недалеко от станции, и обширных связей среди жителей не имели. Образ жизни вели скромный.

Мы решили посетить их квартиру и, не таясь, обратиться к ним за помощью. Супруги охотно пошли нам навстречу.

Через посредство этого таможенника, его жену и машинистку нам удалось многое выяснить. Подозрение, что управляющий является японским агентом, подтвердилось. Теперь мы уже точно знали, что он резидент, связанный с японской разведкой на станции Уссури, причем связь поддерживалась через китайскую территорию под видом контрабанды. Вслед за управляющим мы раскрыли еще несколько шпионов, видимо объединенных в резидентуру.

Все это было серьезно. Следовало действовать решительно, четко, чтобы ни один выявленный агент не скрылся, и особенно резидент.

Операция прошла по намеченному плану, и все же не обошлось без неожиданностей. Когда мы арестовывали связанного резидента, он оказал вооруженное сопротивление, ранил нашего сотрудника и при попытке к бегству был убит.

Обыски дали нам интересные и важные материалы. Судя по изъятым документам, бдительности у японских агентов было мало, и они чувствовали себя здесь вольготно. Даже резидент, нарушая все свои инструкции, хранил дома отпечатанный на злополучной машинке доклад о положении в нейтральной зоне.

При допросе он без особых пререканий выдал почти всю свою шайку, именуемую резидентурой. Мы уже решили было, что с этим осиным гнездом ничего, но через два дня после операции за границу сбежал... заведующий ружейным складом нашего батальона милиции, захватив с собой несколько боевых винтовок. Как было установлено на следствии, он являлся агентом арестованного нами резидента и, боясь разоблачения, скрылся.

В ходе дальнейшего следствия было арестовано еще два человека. Один оказался пособником убитого связанного, другой — курьером резидента, бывшим белогвардейцем-карателем. Всего по делу было привлечено к уголовной ответственности восемь человек.

Г. Давыдов

Госполитохрана на Дальнем Востоке

Припомним те условия, в которых приходилось работать сотрудникам ГПО в 1920—1921 гг. здесь, на Дальнем Востоке, когда Приморье представляло из себя очаг контрреволюции, пригретой японскими интервентами. Они были иными, непохожими на условия работы ВЧК в центральных областях страны. Там была власть, твердая рабоче-крестьянская власть. Работа ЧК заключалась в ее укреплении, в обезвреживании контрреволюции, нападавшей из-за угла, действовавшей из подполья.

Здесь не было ЧК, а ГПО находилась на полулегальном положении, так как официально такого учреждения не существовало: оно не было определено русско-японской согласительной комиссией, и любой японский жандарм мог разоружить сотрудника ГПО. Оружие с установленным количеством патронов имели право носить лишь небольшой по численности отряд милиции и дивизион народной охраны.

В такой обстановке работали сотрудники ГПО.

Помню небезынтересный случай во Владивостоке, подчеркивающий «нейтралитет» японской политики, о котором они трубили всегда и всюду. Мы получили сведения, что по Комаровской, 50, скрывается группа вооруженной офицерни, ждущей сигнала к выступлению. Идем на обыск. Дом под японским флагом, на дверях визитная карточка японской персоны из «Владиво-Ниппо»...

Стучим... не открывают... Какой-то японский голос отвечает, что тут «квартира японска, русска нету, нузно присутствие японска жандармска»...

И опять это проклятое положение и угроза осложнениями.

Звоним по телефону своему начальнику: «Как быть?» Отвечает: «Взломать дверь и скрывающихся арестовать».

Так и делаем: взламываем и входим.

Квартира казарменного вида. По коридору прохаживается дежурный поручик Зайцев, а на нарах 28 человек всех рангов и чинов, представителей калмыковщины, семеновщины, глудковщины и др. Производим личные обыски, находим патроны и гранаты. Винтовки и один пулемет спрятаны тут же в кладовой под большим замком и... опять с японской визитной карточкой на двери. Не успели мы взломать замок, как нас окружили японские жандармы, предложили прекратить обыск и оставить в покое квартиру «мирного японского резидента». А за то, что один из сотрудников ГПО осмелился возразить, что в квартире 28 человек русских и мы делаем обыск у них, представитель японского штаба ударил его по лицу. Только после нескольких часов переговоров удалось увести золотопогонников в тюрьму. А на следующий день японцы оцепили наши военные штабы, милицию, дивизион народной охраны, произвели обыски и отобрали часть оружия, кажется, два пулемета, триста гранат и не помню сколько винтовок. И все это за то, что мы «нарушили» русско-японский договор: произвели обыск в квартире японского гражданина без разрешения японского штаба.

Или еще яркий пример. Делаю обыск в квартире полковника Руссиянова, приехавшего из Порт-Артура от атамана Семенова с целью подготовки переворота. По окончании обыска вместе с полковником Руссияновым беру и находящегося там неизвестного, показавшего какой-то мандат польского Красного Креста. В отделе при допросе этот «не имевший никакого причастия к полковнику Руссиянову» тип из «польского Красного Креста» заявляет: «Вы не имеете права меня арестовывать...» — и показывает удостоверение японского жандармского управления с фотографией и подписью: «Полковник Степанов, действительно состоит агентом»

и т. д. Опять это проклятое особое положение, опять угроза осложнениями. Едва сдерживаясь, беру подписку, что ему не причинили никаких насилий, обращались вежливо, и извиняюсь за беспокойство. Так было нужно. Он уходит, а я, разбитый, униженный таким «особым положением», гляжу ему вслед и думаю только об одном: придет то время, когда мы укажем предателю достойное место.

Это только два случая из сотни им подобных.

А непрерывные тревожные ночи, когда полковник Глудкин организовал отряд мятежников в Раздольном! На Второй и Первой Речке стояли каппелевские и молчановские полки, в городе при каждом японском штабе создавались группы заго-

ворщиков, готовых к выступлению. Работа сотрудников Госполитохраны была тяжелой.

Утром 26 мая 1921 г. японцы вытащили на белый свет эту белогвардейскую свору и на штыках им вручили власть. Сотрудники ГПО ушли в сопки и там двухлетней партизанской борьбой в рядах рабочих и крестьян завершили начатое Октябрем.

Если когда-то Демьян Бедный говорил: «Вокруг теснятся злые гады, товарищи, мы в огненном кольце!», то теперь это кольцо разорвано.

Вылазки последней белогвардейщины и империализма мы сумеем отразить.

Газета «Красное знамя», 1924 г.

Ю. Семенов

Пароль не нужен*

Владивосток

Последние пять дней Исаев чувств овал спиной глаза филеров, которые шли за ним, не оставляя его одного ни на секунду. Несколько вечеров Исаев таскал с собой хвост по ночным кабакам города, обдумывая возможное решение. И чем дольше он анализировал обстановку, тем точнее понимал, что, по-видимому, настало время уходить из города: единственная связь оборвалась, он сам «под колпаком»; искать связь самому, имея на хвосте по крайней мере двух филеров,—значит обрекать на гибель тех людей, к которым можно было бы попробовать подобрать ключи. Следовательно, думал Исаев, самое логичное—это уходить, но не просто уходить, а с наибольшей пользой. А какой она могла быть? Исаев считал, что Гиацинтов не так прост, как кажется; Исаев навел кое-какие справки и выяснил, что связи полковника тянутся в Берлин, в Высший монархический совет, и, что самое интересное, в генштаб французской армии. Поэтому, окажись такой человек перед дилеммой жизни и смерти и выбери он жизнь, тогда цены ему не будет: от него пойдут связи, от него поступит самая свежая и надежная информация. А то, что в выборе между жизнью и смертью Гиацинтов предпочтет жизнь, Исаев был уверен оттого, что полковник—человек цинично-умный, впечатлительный и веселый. А такие смерть очень страшно и точно видят, оттого и боятся ее по-животному, а

---

* Главы из романа.

это уже очень многое значит, это залог, что такой человек «развалится»,—так считал Максим Максимович.

И чем основательнее он размышлял над планом дальнейших действий, тем больше и больше возвращался мыслью к лесной заимке охотника Тимохи. Поначалу он даже не отдавал себе отчета, почему именно Тимоха виделся ему. В задуманном плане обычно соседствуют безудержная фантазия и математическая точность. Сперва надо «рассупонить» себя, ничем не связывая, и фантазировать, как в детстве—безудержно и сладко. А уж потом проверять фантазию логикой шахматного игрока. Исаев стал учиться этому после того, как пьяные казаки зарубили его отца, профессора права, сподвижника Плеханова. Тогда, отправляясь в тыл к белым, Максим Максимович впервые встретился с Дзержинским, и тот провел с ним вместе два дня. Чуть выпуклые зеленоватые глаза Дзержинского тяжело замирали где-то на лбу Максима, когда он говорил:—Тот не чекист, если сердце его не обливается кровью и не сжимается жалостью при виде заключенного в тюремной камере человека. Революция требует от чекиста-разведчика гибельной самоотдачи, подчинения своего существа высшей правде пролетарской диктатуры, которая принесет человечеству свободу, равенство и братство. Фантазия и анализ, полный допуск и строгие рамки: подвиг обязан слагаться из детской фантазии и точнейшего знания математики.

Пока что Исаев решил для себя главное: он решил, что осуществление его плана должно идти через Тимоху. И на шестой день, когда план созрел, Максим Максимович после кутежа подряд в двух ресторанах вызвал ванюшинский «линкольн» и попросил шофера отвезти его в резиденцию премьера. «Линкольн» он отпустил; филеры, ехавшие сзади в «форде», остались у подъезда, потому что охрану резиденции несла морская пехота, подчинявшаяся своей контрразведке, остро соперничавшей с гиацинтовским ведомством. А Исаев между тем вышел через третий черный ход, шедший от буфета в переулок, быстро спустился к вокзалу и сел в отходивший на станцию Океанскую паровичок. А до Океанской езды час. От Океанской до Тимохи—тоже час по тропке, пробитой в снегу; там договориться со стариком—и быстренько обратно, что-

бы утром сидеть в редакции и отвечать на звонки Гиацинтова или его друзей, а то, что такие звонки будут, в этом он ни минуты не сомневался.

Утром действительно позвонил Гиацинтов, и они мило побеседовали. А к вечеру этого же дня Тимоха прислал Гиацинтову весточку, приглашая его с приятелями на изюбра, которого ему удалось обложить.

Исаев не ошибся: Гиацинтов позвонил к нему тем же вечером и пригласил в тайгу — отдохнуть и поохотиться. Исаев принял это предложение с благодарностью, только попросил дожидаться с фронта Ванюшина, а то газету оставить не на кого.

Где ж Гиацинтов-то?

До ближайшего полицейского участка было пять минут хода. В нетопленной дежурной комнате старик полицейский играл на губной гармошке старинную песню про «Ваньку-ключника».

— Где у вас телефонный аппарат?

— А на что он вам?

— Позвоните полковнику Гиацинцову.

— А по мне, хоть Георгинов, хоть Анютеглазкин, хоть Пионов, один черт.

— Он начальник контрразведки, милейший!

— Чего?

— Господи, боже ты мой, — устало, но с веселинкой сказал Исаев, — а начальство ваше где?

— В дежурном кабинете.

Исаев прошел к дежурному унтер-офицеру, тот долго разглядывал его корреспондентский билет, хмурился, пыжился и краснел, а потом спросил:

— Сами из русских будете?

— Да.

— Понятно... Значит, надо позвонить?

— Очень.

— Бывает...

— Можно?

— Одна минуточка...

— Пожалуйста.

— Вы сказали, что сами из русских?

— Да.

— А звонить к кому собираетесь?

— К полковнику Гиацинцову.

— Это который по линии пожарного ведомства в порту?

— Он самый.

— А чего ж про контрразведку говорили дежурному? Сами-то из русских будете? — повторил свой вопрос унтер. От него несло табаком и стародавним, прокисшим водочным перегаром. — Может, не из русских?..

Исаев секунду смотрел в его пустые глаза, глаза раба и палача, которому скучно жить на земле. А скука — она все примет, даже обиду.

— Встать! — вдруг закричал Исаев. — Я ротмистр Буйвол-Волынский! Отвечать по уставу, сволочь!

Лицо унтера, сначала окаменевшее, вдруг расцвело и стало оживать на глазах. Он вскочил, проревел нечто звериное, но очень счастливое и вскинул руку к козырьку.

«Среди этой несчастной погани действительно кому угодно можно морду бить», — с тоской подумал Исаев. Опустился на стул возле телефона, вызвал номер и стал ждать ответа. В соседней комнате по-прежнему грустно играл на губной гармошке дежурный полицейский.

— Ротмистр Пимезов, — ответил адъютант Гиацинтова.

— Воля?

— Да. С кем имею честь?

— Исаев.

— С, Максим, — с повышенной оживленностью ответил адъютант Гиацинтова и замолчал. По-видимому, он зажал трубку рукой и сейчас быстро спрашивает кого-то стоявшего рядом. Адъютант был человеком огромного вкуса, завязанный театрал и балетоман, но, что касается оперативной работы, весьма беспомощен.

— Вам нужен полковник?

— Да.

— Он сейчас поехал в тюрьму на допрос одного корейского спекулянта, — намекая на Чена, сказал Пимезов, — через час-полтора вернется.

— Я обнимаю вас, Воля. Ставьте послезавтра на Граведора, он придет первым в пятом забеге.

— Принимаете пари?

Исаев положил трубку на рычаг, в задумчивости посмотрел в окно, рассеянно сказал унтеру:

— Стоять вольно.

Вызвал номер Фривейского.

— Здравия желаю, Алекс, — сказал он чужим голосом.

— Добрый день. Что, развлечения на сегодня отменяются?

— Почему?

— Он сейчас здесь и, судя по обсуждаемому вопросу, задержится допоздна.

Исаев дал отбой и сразу же вызвал номер гаража.

— Срочно машину к дому Сидельникова, — попросил он, — что на Шестой Матросской.

Машина подъехала к резиденции премьер-министра и, заскрипев тормозами, остановилась возле морских пехотинцев-охранников. Исаев быстро выскочил и, не захлопнув двери, побежал не в кабинет секретаря правительства, а вниз — к буфету, туда, где у них уже с самого начала было обговорено место для встреч. Из буфета вышел Фривейский, проходя мимо Исаева, сунул ему в руку записку и побежал вверх. А Исаев, заскочив в буфет, купил три бутылки коллекционного «Камю» и, сев в автомобиль, приказал:

— Гони обратно на Шестую Матросскую.

Сидя сзади, он прочитал записку: «С тем чтобы к прибытию врангелевских войск быть уже полными победителями и диктовать состав нового кабинета, Меркулов с Гиацинтовым обсуждают в деталях план засылки в Читу, Благовещенск и Верхнеудинск террористических групп, которые отъезжают сегодня, чтобы перед началом нового ближайшего наступления все особо видные командиры красных были ликвидированы. Едут смертники, готовые на все. Кенто».

Исаев незаметно сжег записку и закрыл глаза. Морщины на его лице разгладились, и сейчас казалось, что он просто-напросто отдыхает, предвкушая ужин с дорогим французским коньяком.

«Так, — думал он очень медленно. — Теперь-то уж ни в коем случае нельзя проиграть. Раньше дело касалось меня одного, но сейчас ситуация переменялась. Я не думаю, что они включили в игру против меня Фривейского. Вряд ли. То, что он написал, больше похоже на правду. Во всяком случае, по высшей логике это правда. Значит, ключ ко всем этим людям, которые сегодня начнут перебрасываться в наш тыл, опять-таки знает один Гиацинтов. Следовательно, он один может дать нам этот ключ. А ключ я получу, только если он окажется у партизан. А потом в Чите и Москве. Ясно. Один шанс — охота. Это и его шанс, и мой».

А в маленькой комнате тем временем веселье шло вовсю. Седой старик Шамес — с пейсами на пепельном лице, в элегантнейшем смокинге, надетом поверх дырявой «душегрейки», — танцевал «Фрейлекс». Он пел, кружился на месте, выкрикивал жеманным голосом «ой-ой», играл своими усохшими ладонями, закрывая лицо, неожиданно выхватывал из-под смокинга маленькую скрипку и пиликал пошленькие базарные мотивчики. Вдруг заморгал и, закатив глаза, начал играть трагического Брамса. И так же неожиданно обрывал музыку.

— Почему я не могу позволить себе отдохнуть? Ведь завтра субботний день, и люди будут давать много меди. Нет человека добрее, чем в субботнее утро, и нет его злее, чем в воскресенье вечером.

— Отчего вы не бежите к красным, Румим? — спросил Ванюшин. — Там еврейское царство, вам выделят особняк и паек.

— Вы наивный человек и, как газетчик, однодневно-жестокый. Зачем я нужен марксизму, хоть я и стопроцентный еврей, если я утверждаю, что правослазный обычай — выносить покойника из дому только на третий день — сугубо научен и поразителен в своей гениальности.

— Ты послушай, послушай, Косинька, — зашептал Минька, — с этого только сначала холодно, а потом до самого конца спокойно.

— Почему вы считаете этот древний обычай гениальным?

— Все очень просто: если вы сможете зафиксировать электромагнитные волны, исходящие из мозга только что умершего, они будут почти такими же, как у живого. Они затихнут и исчезнут лишь на третий день, когда, по народному присказу, душа выйдет из тела. И первый и второй день покойник слышит все происходящее вокруг. Я еще не ответил себе на вопрос: организуется ли это слышимое в ужас там, в таинственном, распадающемся мозгу покойного?.. На самом-то деле, выходит, никакая не душа, а энергия разума. Энергия не исчезает, в этом я согласен с марксистами. Но если она не исчезает, следовательно, разум бесконечен, а человек духовно бессмертен. Он оставляет после себя в мире электромагнитные волны, и если я проживу еще несколько лет, то я сконструирую аппарат, который запишет речи Нерона, песни Древнего Египта и невысказанные мысли

Макиавелли. Что вы смеетесь?! Не зря ведь говорят: «Идеи носятся в воздухе». Они действительно носятся в воздухе, они вокруг нас, следует только соответствующим образом подстроиться к ним, и тогда высший разум мира, накопленный всей историей нашей тревожной планеты, войдет в вас, и вы станете пророком, и вас распнут продажные торговцы, и все начнется сначала. Вы никогда не задумывались над тем, отчего великие люди либо маленького, либо очень большого роста? Юлий Цезарь, Вольтер, Наполеон, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Ленин — все невелики ростом. А Петр Великий, Кромвель, Линкольн — громадны. В чем дело? Случайность? Отнюдь! Они вне среднего уровня, они над или под средним уровнем человечества. Я имею в виду физический средний уровень. И поэтому им легче — и громадным и маленьким — настраиваться на окружающие нас электромагнитные волны ушедших гениев, оставаться один на один с высшим разумом мира.

— Свернут вам голову, Рувим, за эдакие-то бредни... Либо те, либо эти, но свернут обязательно.

— Ха, а вы думаете, я боюсь? Я не боюсь! Почему я не боюсь? Не потому, что я храбрец! Из всех евреев было два храбреца: один в Палестине, а другой в Одессе, у Гамбринуса. Нет, я трус, но я не боюсь за голову и вообще за жизнь. Почему? Потому что все очень просто: вы меня касаетесь пальцем, и вы ощущаете меня, но чем вы меня ощущаете и что вы ощущаете? Площадь кожи пальца, которым вы ко мне прикоснулись, состоит из атомов, а ведь атом — это ядро, вокруг которого в громадной пустоте вращаются крошечные электроны. В пустоте, запомните это! Так вот, вы прикасаетесь пустотой к пустоте. Поймите, в мире нет массы! Есть энергия и есть магнитные поля! И больше ничего! Тело — это миф! Мы бестелесны! Мы — из атомов и пустоты, воздух — из этого же, мы все — подданные материи, поймите! Чего же бояться?! И потом, неужели вы никогда не чувствовали, что с вами все это, переживаемое сейчас, уже неоднократно было? Сны — это пережитое вами раньше. Сон — та сфера жизнедеятельности, которая переворачивает науку гуманитариев! А в общем, все ерунда и чушь! Надоело!

Шамес взмахнул скрипочкой и запел:

Ой, койфен, койфен,
Койфен, папиросен,
Сказал Рувиму
Гоиш часовой!

Записка Тишохи

Ванюшин спал и во сне с кем-то ругался грубым, жандармским голосом. Филеры, проработавшие весь вечер поварами, храпели на два голоса. Они лежали как сторожевые собаки на шкуре медведя — у самого порога, так, чтобы никто входящий или выходящий не мог их миновать.

Сашенька и Максим Максимович сидели возле маленького оконца. Оконце было заледенелое, мохнатое, белое. Лед казался мягким и шерстистым. Сашенька прижалась к оконцу щекой и шепнула:

— Сначала как будто жарко, а потом очень холодно.

— Я при вас несколько глупею, Сашенька. Мне при вас хочется говорить только самые умные вещи и обязательно афоризмами.

— Это, наверное, вам передается мое состояние. Мне тоже хочется быть ужасно оригинальной и умной, чтобы вы не сразу поняли, какая я дура.

— Смотрите, месяц молодой слева. Загадывайте.

— Загадала.

— У вас глазницы китайские.

— Да?

— Конечно. Разве не знаете?

— Знаю.

— Загадали?

— Загадала, чтобы вы влюбились в меня.

Исаев тоже прижался щекой ко льду на стекле и сказал:

— Сначала было холодно, а потом необыкновенно жарко.

— У вас на скулах румянец с синевой, как у склеротиков.

— Понятно. Не надо держать пальцы на льду, они занемают.

— Нет, надо.

Исаев взял руку девушки в свою небольшую, но очень крепкую ладонь и сказал:

— Давайте играть в «ладушки».

— Я не умею.

— Вы просто забыли. Сейчас я буду петь и подбрасывать вашу ладонь, а вы

Бойтесь, чтобы я вас между делом не хлопнул по руке.

— А вы сильно не будете хлопать?

— Нет, совсем не сильно.

— Давайте, — еще тише сказала Сашенька, не отнимая своей руки от холодной ладони Исаева.

— Ладушки, ладушки, — начал тихонько напевать Максим Максимович, — где были? У баушки! А что ели? Кашку! А что пили?

— Спирт, — улыбаясь, ответила Сашенька и хлопнула Исаева по руке. — Вы не по правде играете, а я не боюсь вас, поддаетесь и в глаза мне не глядите.

— Сашенька, а вот если люди были вместе долго, вечность, а потом вдруг один из них взял и уехал, но чтобы обязательно и вскорости вернуться — тогда как?

— О чем это вы, Максим Максимович? Я же отказалась ехать к Гаврилину в Америку, коли вы не захотели...

— Когда б вы только видели, как я отвратителен, если сфотографировать мое отражение в ваших глазах: я кажусь маленьким и расплюснутым, словно на меня положили могильную плиту. И рожа как новый пятак.

— Зачем вы так говорите? Я же не княжна Мэри, я прожила революцию и пять лет войны. Меня окольно не надо отталкивать, вы мне лучше прямо все говорите, а то я бог весть что подумаю.

Исаев взял с полочки маленькую свистелку в форме козленка, вырезанную Тимохой, и начал тихонько играть, как на свирели. Сашенька смотрела на него, подперев голову кулачками, и покусывала губу. Луна — громадная и желтая — высветила лед на оконце, и он теперь казался фантастическим рисунком.

— Знаете, — сказала Сашенька, — вы когда-нибудь очень пожалеете, что не разрешили мне быть подле вас.

— Я знаю...

И он снова начал играть на свирелочке тоскливый и чистый мотив, который обычно напевают пастухи — самые влюбленные люди на земле.

Сашенька поднялась из-за стола, накинула свой тулупчик с белой оторочкой и, перешагнув через заматавшихся филеров, вышла на крыльцо.

— Кто? — спросил один из филеров, сунув руку под подушку. — А, барышня, простите, сон чумной увидел...

Исаев вышел следом.

— Смотрите, какая тайга под луной. Будто декорация. Совсем некрасиво оттого, что слишком красиво.

— Если играть «Богатели» возле картин Куинджи, тогда все смотрится иначе.

— У вас лоб хороший, выпуклый.

— Вы про лоб подумали оттого, что я вам сказала про музыку и живопись? Вы, верно, решили, что я умная?

— Да.

— Женщине надо быть дурой, тогда ее ждет счастье.

— Вам кто-нибудь говорил про это?

— Нет.

— Неправда. Это слова мужчины. Держите свистелочку.

Сашенька стала играть детскую песенку — ту, которую разучивают малыши, впервые посаженные родителями за рояль. И впрямь тайга сделалась иной: тени, лежавшие на хрупком нафталиновом снегу, перестали быть рисованными, а сделались реальными и подвижными, верхушки громадных кедров стали походить на великанов из сказок, а далекие высверки луны на заледенелых солонцах, казавшиеся прежде неживыми, сейчас замерцали и сделались переливными.

— Сашенька, — сказал Исаев, — моей профессии... журналистике... противна любовь к женщине, потому что это делает ласковым и слишком мягким. А это недопустимо. Но я никогда раньше не любил даже издали, потому что для меня всегда были главными мои... читатели. Они, читатели, требуют всей моей любви, всего сердца, всего мозга, иначе я буду делать мое дело впосилы — тогда незачем огород городить. Так я считал.

— Вы продолжаете и теперь считать так?

— Да.

— Я поцелую вас, Максим Максимыч, можно?

Девушка обняла его голову, прижала к себе и поцеловала в губы.

— Максим Максимыч, — шепотом сказала Сашенька, — а ведь ваши читатели газетами окна на зиму заклеивают и вашу фамилию пополам режут — я сама видела.

Исаев погладил ее по лицу. Он гладил ее лоб, щеки, губы на ощупь, как слепой. И лицо у него было скорбное и спокойное, как у святого на иконе.

— Я пойду за вами, куда позовете, — говорила Сашенька, — я готова нести на

спине поклажу, в руках весла, а в зубах сумку, где будет наш хлеб. Я готова быть возле вас повсюду — в голоде, ужасе и боли. Если вы останетесь здесь, я останусь подле вас, что бы нам ни грозило.

Она говорила, говорила, а Исаев терся об ее щеку, как маленький щенок, и на лице у него были скорбь и счастье.

Часа через четыре вернулся из тайги Тимоха и кивнул головой Исаеву, который сидел возле Сашеньки, свернувшейся калачиком на широкой тахте.

— Возьмем зверя? — спросил Исаев.

— Должны.

— Далеко отсюда ходит?

— Верст десять, в сопки.

— И то хорошо, — сказал Исаев, вздохнул, закрыл глаза и снова начал гладить лицо спавшей Сашеньки.

— Поспали б, господин Исаев, — сказал Тимоха, — а то завтра маетность предстоит.

— Ничего, — тихо ответил Исаев, — это все пустяки, сущие пустяки, Тимоха...

Уже под утро, когда луна скрылась за тучи, потянувшиеся серой, тоскливой стеной с океана, окна заимки чуть осветились прыгающим светом автомобильных фар — это торопился Гиацингов.

Исаев, так и присидевший всю ночь подле Сашеньки, осторожно поцеловал ее в висок, укрыл потеплее и пошел на постель к Тимохе. Тот двинулся к стенке, Исаев сбросил пимы и лег рядом с егерем. Запрокинул руки за голову и закрыл глаза.

Гиацингов вошел в заимку, осторожно перешагнув через филеров, которые со сна сразу же потянулись за пистолетами.

— Отдыхайте, отдыхайте, — шепнул Гиацингов.

Следом за ним в заимку вошли еще три филера. Они сели к столу и сразу же начали доедать то, что осталось от ужина. Гиацингов подошел к Исаеву, лежавшему рядом с Тимохой, нагнулся над ним и долго, неотрывно смотрел в лицо Максима Максимовича. А тот сладко посапывал, и ни один мускул в его лице не дрогнул, и ресницы лежали большими теньями на щеках: спокойно спал Исаев, как ребенок.

Гиацингов судорожно вдохнул воздух, потому что разглядывал Исаева он не дыша, отошел назад и, сев на скамью, стал

в задумчивости барабанить пальцами в столу опереточный мотивчик.

— Тише ешьте, — попросил он чазкащих филеров, — люди спят...

* * *

Тимоха сонно зачмокал губами, заматался и, присев на кровати, быстро стал повторять:

— Просыпайтесь, господин Исаев, просыпайтесь...

Исаев очень точно разыграл спящего, несколько раз оттолкнул Тимохину руку, потом вскочил, прыгнул на пол, увидел прямо перед собой Гиацинтова, смущенно улынулся и, протерев глаза, начал будить Ванюшина.

— Давно приехали? — спросил Исаев полковника.

— Не так чтоб очень.

— Давайте поскорей, господа, — торопил всех Тимоха, — спаси бог, засветит солнце, всю обедню попортим. Изюбр любит, чтоб его затемно окружить, он за пять верст слышит.

Тимоха заметно нервничал, поглядывал на филеров, приехавших с Гиацинтовым, руки его были суетливы и слишком быстры.

— А эти господа тоже с нами, Кирилл Николаевич? — спросил он про филеров, не удержавшись.

— Тоже.

— А как они без ружей?

— У них маузеры.

— Чего?

— Пистолеты американские. По два нарыло. Ну-ка, друзья, покажите Тимохе, какие у вас штуки.

Филеры приподняли полы френчей, показывая Тимохе гранаты и заткнутые за пояс маузеры.

— Возьмет зверя? — спросил Гиацингов.

— Смотря как они по целкости.

— Ничего. Целят как надо.

Ванюшин спросонья выпил стакан водки и сказал:

— Я себя неважно чувствую, не пойду я.

— Стрелков мало, Николай Иванович.

— Ты, Тимоха, не волнуйся. Мои люди отменные стрелки. С любого расстояния зверя возьмут. У нас в машине карабины и пулемет, — улынулся Гиацингов и до-

терительно положил руку на коленку Исаеву. — Ну как, мой храбрый охотник? Забьем изюбра?

— Постараемся, — ответил Исаев и потучал костяшками пальцев об стол, — заранее загадывать боюсь.

— Сашеньку возьмем? — спросил Гиацинтов.

— Оставьте в покое девушку, — буркнул из-под тулупа Ванюшин. — Пусть спит, а печенку вам потом здесь зажарит.

— Прометеев сюжет, — заметил Исаев, смешно морща нос, — кому и чью?

— Ну с богом, — сказал Тимоха. — Движем.

— Идите следом за ним, — сказал филерам Гиацинтов, — а мы с Максимом Максимычем пойдем замыкающими.

— Вы сами-то хотите стрелять сегодня? — спросил Тимоха полковника. — А если нет, так я один пойду. А если хотите — давайте не последними, а ближе ко мне — я вас на перепадок поведу, где изюбр у меня прикормлен.

— Там летом ручей, что ль?

— Ну.

— Хорошо. Мы тебя догоним, нам поболтать пять минут надо с Максимом Максимычем.

Гиацинтов взбросил на плечо карабин, обмотал шею толстым шарфом и сказал:

— Полегоньку двинулись.

Тимоха и четверо филеров шли впереди. Чуть поотстав, поддерживая друг друга под локоть, шли Гиацинтов с Исаевым.

— Макс, мне очень хотелось побеседовать с вами под открытым небом, — тихо говорил Гиацинтов, — а то в городе никак не уединишься. Звать к себе — интеллигенция сразу станет вас сторониться, как возможного агента охраны. У вас? Там всегда полно народу. А в кафе «Банзай» вы столь часто бывали с Ченом, что вас там слишком хорошо запомнили.

— Там прекрасно делали рыбу.

— По-монастырски?

— Нет, это обычно. Мне там нравились оветки, зажаренные в мясе осетра.

— Да, да, как-то раз я пробовал это, очень занятно. Но мы отклонились в сторону от разговора. Он будет краток. Я ничего не хочу знать о вашем прошлом, хотя оно крайне занятно и изобилует многими белыми пятнами, подобно карте Антарктиды. Меня занимало ваше настоящее, оно элегантно, оно достойно вас.

Вы обаяшка, а это не достоинство человека, это его профессия. Но волнует меня ваше будущее. Сегодня после отстрела зверя, когда я подойду к вашему номеру, вы мне скажете «да». Понимаете?

— Я готов сказать вам «да» прямо сейчас. Мне только не совсем понятно, о каком «да» идет речь.

— Вам пять лет? Вы плохо выговариваете букву «р»? Вы еще мочитесь в кровать? Перестаньте, дуся, мы ж с вами люди вполне зрелого возраста.

— А если «нет»?

— Умница. Хорошо, что вы сказали про «нет». Я запомнил сказать вам об этом. Если я услышу «нет», то завтра мы будем хоронить вас, как случайно застрелившегося на охоте.

— Такая жестокость, Кирилл Николаевич, — улыбнулся Исаев.

— С людьми вашей профессии и ваших связей мне иначе нельзя.

— Клянусь богом, я буду нем как рыба.

— Мне уже говорил про это ваш приятель Чен, — глядя в глаза Исаеву, сказал полковник.

— Ув-ле-чен, — поштил Исаев.

— Неужто вы не знали, что Чен — это чекист Марейкис? — тихо спросил Гиацинтов.

— Сейчас начну хохотать и спугну изюбра, полковник.

— Бросьте. Партия сыграна, надо выбирать достойный выход.

— Вы знаете, что у многих контрразведчиков мания подозрительности — профессиональная болезнь, полковник?

— Наслышан.

— Любопытно, а в вашей конторе есть профсоюз, который защищает права занемогших на боевом посту?

— Хватит, — поморщился Гиацинтов и прибавил шагу, придерживая Исаева под руку. — Только не вздумайте шутить. Целить в изюбра буду один я.

— Знаете, Кирилл Николаевич, что-то мне не хочется идти на охоту. Я домой пойду.

— Значит, «да»?

— Нет.

— Это пока «нет». А домой я вас не пущу. Вернее, по дороге домой с вами и произойдет несчастный случай. Право, я не шучу. В нашей профессии есть одна опасность: заиграться. А я с вами заигрался. Мне обратно нельзя отработывать.

Исаев оглянулся: следом за ними шел

еще один филер, который, по-видимому, все время сидел в машине и должен был идти замыкающим.

— Так что вот, Максим Максимыч, поймите меня, как человек, владеющий пером: я заигрался. И вы мне нужны. А зачем, я скажу вам после того, как услышу «да». Если «нет» — считайте себя покойником.

Разведчик обязан быть не только актером. В еще большей степени он обязан обладать даром режиссера, который может нафантазировать, а потом поломать уже нафантазированное, придумать новое и остановиться на самом талантливом.

Исаев понимал с самого начала, что на охоту, им же самим придуманную, Гиацинтов пригласил его неспроста. Исаев уже давно начал готовиться к этой «охоте». Он разбирал ее в воображении от первой до последней секунды.

На что рассчитывал он, попросив Тимоху устроить охоту для Гиацинтова? Он совершенно отлично понимал, что Гиацинтов постарается именно здесь, на охоте, в тайге, вдали ото всех, кто может Исаеву влиятельно помочь, поставить все точки над «и», поставить перед ним дилемму — «да» или «нет». Сотрудничество с охранкой или отказ от сотрудничества? Следовательно, считал Исаев, именно здесь и надо будет разорвать гордые узлы его с Гиацинтовым взаимоотношений. Именно поэтому он пытался — иносказательно, конечно, — объяснить Сашеньке, что временная разлука не означает окончательного разрыва; ожидание — лучшая гарантия любви и верности. Ему казалось, что Сашенька в чем-то понимает его, а полностью он, естественно, не мог ей открыться. Но он любил ее, и ему казалось, что она обязана будет домыслить то, о чем он не имел права ей говорить.

Как ему представлялась предстоящая операция? Она строилась на точном знании психологии истинного охотника, который считает унижением отдать последний и решительный выстрел кому-либо, кроме себя самого. Это существует помимо охотника, это врожденное, неистребимое, постоянное. А как говорил еще прошлым летом Тимоха, Гиацинтов был завзятым, азартнейшим охотником. Следовательно, считал Исаев, Гиацинтов не позволит никому из филеров стоять подле себя, потому что он слишком уверен в себе. Следовательно, Тимоха поведет фи-

леров в загон, чтобы они гнали изюбра на полковника, и полковник прикажет им поступать именно так, если только егеря Тимоха попросит об этом. Тимоха, конечно, попросит, и Гиацинтов прикажет филерам идти в загон. Таким образом, он останется один, поставленный Тимохой точно возле высокой сосны, подле громадной, занесенной снегом скирды, в которой будут с ночи спрятаны люди из партизанского отряда Кулькова и Суржикова. Они-то и должны будут броситься на Гиацинтова со спины, когда Тимоха начнет гон изюбра с помощью филеров. Он станет кричать, охать, вопить, что, мол, изюбр прямо на Кирилла Николаевича прет, полковник в эти мгновения превратится в самое внимание, что на него с минуты на минуту должен выйти громадный изюбр. В эти самые секунды на Гиацинтова и должны будут броситься партизаны, скрутить его, заткнуть рот и, смешав следы, бросить карабин полковника и его шапку возле польены, имитируя таким образом трагическую и нелепую смерть. А самого полковника унесут в тайгу по нехоженой тропке, где все следы стертые — над этим работал Тимоха и его друзья всю последнюю неделю. А там — в далекую партизанскую заимку, а потом Гиацинтова вместе с Исаевым партизаны должны будут переправить через линию фронта к красным.

Так задумал всю операцию Исаев. Сейчас секунды решали все: насколько точен был его план, сколь он прав в оценке гиацинтовского охотничьего характера, что Тимоха обговорил с партизанами и как те проведут свою часть операции. Словом, все решали мгновения, и Максим Максимыч, стоявший в сотне метров от полковника, весь похолодел, подобрался, и слышались ему секунды в ушах — шершавые и медленные.

Тимоха начал гон. Исаев сглотнул комок в горле. Он понимал, что, конечно, в крайнем случае придется брать полковника и его людей с боем, но эта операция «засветила» бы кульковский партизанский отряд, который пока что затаялся, ожидая приказов из Центра, совсем неподалеку от белой столицы. Если бы узнали о его существовании, то, конечно, пришлось бы отряду отступить, да и неизвестно, смогли бы толком отступить, потому что каждый километр вокруг, на пути отступления, был

забит войсками японцев, подпиравших русские тылы своим оружием.

Все вышло как загадывал Исаев. Тимоха выстрелил два раза. В кустах пронесся старый изюбр, всегда ходивший здесь на водопой. Тимоха заволпил благим матом:

— Давай ко мне, загоняй на полковника! Ай, пошел, пошел подранок, пошел!

Гиацинтов дернулся на месте, побелел — азартен, махнул филерам рукой, весь подался вперед, взяв ружье на изготовку. Филеры побежали от полковника в кустарники, чтобы погнать изюбра, подраненного егерем, на полковника, Гиацинтов остался один.

Разгоряченные, сопящие филеры услышали отчаянный крик Гиацинтова, когда были уже далеко в чаще. Заметались. Потом, напролом, не разбирая дороги, ринулись к месту, на которое Гиацинтова поставил Тимоха. Спешка в незнакомом лесу — дело рискованное, заблудиться можно. На это Исаев тоже делал ставку. Он был убежден, что филеры, если услышат крик Гиацинтова и побегут к нему, наверняка залпуются в чаще. Тимоха должен будет найти сбившихся с пути филеров, собрать их всех и вывести к месту стоянки Гиацинтова для своего полного алиби. Так и вышло. А когда наконец филеры вышли из кустарников, Гиацинтова уже не было. Тогда они побежали к реке, у польныи увидели полковничий карабин, перчатку, ухан — и ничего больше.

Через четыре часа на заимку Тимохи прибыло семь машин с сыщиками, работниками контрразведки и прокуратуры, и только тогда все заметили, что отсутствует еще один человек: Максим Максимыч Исаев.

Прокурор, которого пытал Ванюшин, можно ли дать сообщение в газету о трагической и нелепой гибели Гиацинтова, сначала разрешил, но Воля Пимезов, адъютант Гиацинтова, отозвал газетчика в сторону и сказал:

— Не попадите впросак. Судя по всему, здесь убийство, а не трагическая гибель. Даю вам добрый совет, Николай Иванович.

Сашенька сидела возле окна, которое оттаяло от дыхания многих десятков людей, набившихся в маленькое зимовье. Девушка неотрывно смотрела на лес, который насупил и потемнел.

— Николай Иванович, — спросил Ванюшина заместитель Гиацинтова, полковник Суходольский, — вы давно Исаева знаете?

— А в чем дело?

— Да так, интересуюсь.

— Давно.

— Нет, вам придется дать ответки конкретные, потому что это у нас маленький допросик будет, Николай Иванович.

— Господа, — сказал один из прокурорских помощников, — пойдете же на место происшествия, а то снег вон повалил.

А снег действительно начал идти, как в театре, громадными хлопьями, непроглядно и быстро. Снег помогал Исаеву, заметал следы, укрывая теплом землю, уставшую от войн.

— Ну ты, рожка, — сказал Пимезов Тимохе, — признавайся подбру-поздорову, как все было, пока я кожу с тебя не спустил и на кнопки над головой не застегнул.

— Мальчик, — рассвирепел Ванюшин, — я этого человека знаю пятнадцать лет.

Пимезов смехался, ибо не думал, что говорил так громко.

— Нервы-с, — заметил он, — совсем сдают.

— Лечить надо, а не орать, как базарная торговка.

Партизанская землянка

Исаев сидит рядом с Суржиковым и Кульковым. Лицо его растерянно и жалко.

Исаев читает шифровку, которую ему вручил связник, только что пришедший от Постышева. Исаев видит цифры. Их целая колонка, они пляшут у него перед глазами. А цифры эти говорят сейчас голосом Дзержинского:

«Вам предстоит изыскать возможность отъезда вместе с наиболее реакционной частью белогвардейцев в эмиграцию для того, чтобы мы смогли знать через вас о новых заговорах против республики, которые, бесспорно, будут организовываться».

И подпись Дзержинского.

Исаев прочитывает шифровку еще раз, медленно сжигает ее на свече, растирает пепел по дощатому полу сапогом, потом тихо говорит:

— Понятно. Давайте сюда Гиацинтова. Полковника вводят в землянку. Взгляд его кроличий, глаза красные, быстрые.

— Ну? — спрашивает его Исаев. — Как, Кирилл Николаевич?

— Плохо, Максим Максимыч.

— Понятно, что плохо. Так «да»?

— Вы имеете в виду мою работу на вас?

— Именно.

— Я согласен.

— Так сразу?

— Я же у вас, что мне остается делать?

— Достоинно умирать.

— Не хочу.

— И правильно.

— Гарантии?

— Ваша помощь.

— Пожалуйста.

— Мне нужны все группы, которые вы отправили к нам в тыл.

— Гарантии? — повторил полковник.

— Честное слово.

— Вы же разведчик.

— Именно.

— Этого мало.

— Ладно. Вы на протяжении ближайших двух-трех лет будете нам нужны. У вас есть люди в парижских эмигрантских кругах?

— Да.

— В берлинских?

— Тоже.

— Это залог вашей жизни. Я у вас не прошу сейчас рекомендательные письма к ним. Но они мне вскорости понадобятся. В сопроводилровке я это написал.

— В какой сопроводилровке?

— Это наше словечко, надо бы знать. В бумаге, которую передадут мои люди вместе с вами в штаб, в Читу, а затем в Москву.

— Меня отпрасят туда?

— Конечно. И если вы вздумаете шутить по дороге, вас пристрелят. Это я вам обещаю. А что делать? В нашей профессии, как вы говорите, самое опасное — заиграться...

— Я не пойду туда!

— Бросьте, Кирилл Николаевич, хватит.

Когда Гиацинтова увели, Исаев спросил: — А как я туда с пустыми руками приду? По легенде ж я зверя преследую.

— По чему? — спросил Суржиков уважительно.

— По легенде, — улыбнулся, вздохнув, Исаев, — есть такое у нас словечко...

— Мы сначала думали вас вязать, — сказал Суржиков, — больно вы на харю-то аккуратный. Сомнение было взяло. А что

касаемо зверя, так мы изюбренка подстрелили, можем отдать, чтоб вам не с пустыми руками...

Дверь тимохинского зимовья открылась, Исаев сделал шаг в комнату, забитую сыщиками и следозателями, и упал. За спиной у него был изюбренок килограммов на шестьдесят.

— Двадцать километров пер, сволочи, — прохрипел он, — никто встретить не смог. Спать хочу. Там и большой лежит.

И, сняв шапку с мокрой головы, он лизнул сухим, шершавым языком снег, занесенный кем-то из сыщиков в заимку.

Стало очень тихо. Все недоуменно переглядывались, а потом к Исаеву подошла Сешенька с сияющими глазами, стала перед ним на колени и принялась целовать его воспаленное, сухое лицо.

Ванюшин, кривя лицо, сказал:

— Дерьмо вы, а не сыщики. Деньги вам платить, так лучше учить проститутку китайской грамоте. «Убийство», «допросик», — передразнивал он контрразведчиков и смачно, презрительно сплюнул.

Те переглянулись и ничего не ответили. Ванюшин подошел к Исаеву, по-шутовски согнулся и шепнул ему на ухо:

— А патрон, судя по твоим словам, был один, Максик... Как же двоих зверей ухандокал, а, миленький мой?

Через три дня полковник Суходольский, назначенный Меркуловым исполняющим обязанности начальника контрразведки, вызвал Исаева через подставных лиц на свидание в оперативный отдел штаба молчановской армии. Он пошел навстречу Исаеву с открытыми для объятий руками. Чуть заикаясь, это было у него в минуты сильнейшего волнения, Суходольский спросил, глотая открытые гласные:

— Так что же, друг мой, «да»?

Исаев улыбнулся и сказал:

— Покойник был шалунешкой и болтуном. С вами страшно иметь дело — вы слишком ветрены в симпатиях и болтливы в дружеских беседах с друзьями из мира богемы. Тем не менее я уже сказал покойнику на охоте — «да». Я повторяю вам, Суходольский, — «да»! Да! Слышите, вы?! Да! Но одно условие — никаких кличек, номеров и шифров, я идейный борец, я против доноительства и политического негодяйства. Ну, будьте здоровы, надеюсь, вы не станете меня задерживать для лю-

бовного объяснения. Кстати, ваши деньги мне не будут нужны, они воняют разложением и трусостью. Не пугайтесь, дерзость — это моя манера, она симпатична тем, чья профессия — сдержанность и благопристойность.

Владивосток

Ах, праздник пасхи! Светлое Христово воскресенье! Крестный ход вокруг церкви, высокие голоса певчих, слезы на глазах у сотен людей, запрудивших все переулки вокруг храма, слова праздничной службы, произнесенные отцом Никифором, христосование, голуби в темном, ночном небе и неумолчный перезвон колоколов. Малиновый, неистовый, уносящийся в небо и падающий на темную океанскую гладь, торжественный, единственный в мире и единственный в каждом году пасхальный перезвон колоколов.

Холодное осеннее солнце. Ветер. Океан. Крики десятков тысяч людей. Сашенька, прижатая к железным перилам испуганной толпой, смотрит вслед отваливающему от причала последнему кораблю с беженцами. Глаза у Сашеньки полны слез, она ничего не видит сейчас вокруг, она пытается идти за медленно отваливающим пароходом, на корме которого, вцепившись ледяными пальцами в поручни, стоит Исаев. Ветер рвет его волосы, он неотрывно смотрит на Сашеньку, которая с каждой минутой становится все меньше, а возле него стоят Воля Пимезов из контрразведки, генерал Молчанов, генерал Глебов, Суходольский... А Сашенька

все меньше и меньше делается, совсем она становится крошечной точкой на пирсе, а ветер все рвет его волосы, бьет ему в глаза горький и прекрасный ветер океана.

В номере «Версаля» возле огромного окна, выходящего на залив, стоит Ванюшин. Он стоит недвижно, заложив руки за спину, и смотрит, как тысячи людей осаждают последние корабли японцев и американцев. Он слышит, как дети исходят в крике, как женщины протягивают руки к тем, которые, убрав сходни, стоят на верхней палубе в своих аккуратных военных формочках, жуют апельсины, фотографируют и эдак беззаботно переговариваются друг с другом, показывая пальцами на обезумевших людей внизу, на пирсе...

Ванюшин стоит недвижно, насвистывая какой-то мотивчик из оперетты. Потом достает пистолет из заднего кармана брюк, вставляет дуло в рот и нажимает курок. Грохочет выстрел. Ванюшин падает на блестящий паркет. А на столе валяется его записочка:

«А подите-ка вы все
к матери!»

А с запада через рабочие окраины в город, в «нашенский Владивосток», входят части Народно-революционной армии. Женщины из подвалов, бледные детишки, старики, рабочие, инвалиды — все они бегут рядом с красными бойцами, смеются и плачут. Это уж так всегда: война кончается слезами. И для победителей, и для побежденных.

ЧК на Камчатке

В конце октября 1921 года по распоряжению полномочного представителя ВЧК в Сибири я был откомандирован из Томской ГубЧК, где находился на оперативной работе и состоял членом коллегии губернской чрезвычайной комиссии, в распоряжение госполитохраны ДВР в Читу. Там был назначен начальником активной части Главного управления ГПО. В ДВР продолжалась иностранная интервенция. На КВЖД обосновались остатки недобитых семеновцев, в Монголии — унгеровцы. Действовали резиденты многочисленных иностранных разведок, расплодились банды. В Народном собрании и других правительственных органах засели антисоветские элементы, бежавшие из центральной России. Вся эта контрреволюционная свора, тесно связанная между собой, вела активную подрывную работу, организовывала террористические акты, бандитские налеты, саботажи. Представители легально существовавших партий даже участвовали в совещаниях за границей по созданию еще одного «Российского правительства» в Приморье. Затянувшаяся гражданская война и продолжающаяся интервенция показали, что ДВР как буферное государство себя изжило и настало время полного освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. В порядке подготовки наступательных действий в Забайкалье накапливались войска, боеприпасы и другое военное обеспечение, для перевозки которого требовалась четкая и бесперебойная работа транспорта. Но уже в первых числах января 1922 года образовались перебои в движении поездов, создавались пробки, не оказалось достаточного запаса топлива, на станциях и разъездах замерзали водопроводы. Появилась растерянность и неразбериха среди руководящих работников транспорта. И, естественно, контрреволюционные элементы воспользовались этим. Постановлением Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) от 4 января 1922 года за № 231 назначалась

чрезвычайная транспортная комиссия, в которую вошел и я. Комиссии были даны большие права для того, чтобы навести порядок на транспорте. Вскоре результаты сказались. Железнодорожное движение нормализовалось, что дало возможность быстро перебросить войска Народно-революционной армии. В связи с успешным наступлением НРА контрреволюционное подполье пришло в движение. Чекисты усилили меры по ликвидации внутренней контрреволюции и пресечению ее связей с границей. По требованию населения, партизан и солдат НРА были проведены перевыборы в Народное учредительное собрание, и 25 ноября 1922 года ДВР перестала существовать. Весь Дальний Восток вошел в состав РСФСР, дальневосточная земля была очищена от интервентов и белогвардейцев. В это время в Приморье началась и моя служба. Во Владивосток из Читы мы прибыли группой. Здесь я работал в одном из отделов. Обстановка была очень сложной. Мы выявляли и обезвреживали антисоветское подполье, вражеских шпионов, работавших под личиной дипломатических представителей.

Осенью 1923 года меня назначили начальником Камчатского губотдела ОГПУ в Петропавловске-Камчатском. К месту новой службы добираться пришлось через Японию, так как регулярной связи с Камчаткой в то время мы еще не имели. После длительных переговоров в японском консульстве во Владивостоке я получил разрешение на проезд через Токио, Хакodate. Со мной отправился наш сотрудник Васильев. Мы не имели права задерживаться в японских городах, не имели права иметь при себе оружие. В октябре 1923 года на японском пароходе прибыли в Петропавловск.

На территории области действовали иностранные торговые фирмы, имела хождение иностранная валюта, рыбный промысел почти целиком находился в руках японских фирм, функционировали всевоз-

возможные притоны. В западной части губернии находились остатки армии генерала Пепеляева. По прибытии на Камчатку меня ввели в Губбюро РКП(б), а позднее и в Губревком. Средств связи и управления в губернии не имелось, за исключением радиостанций в Петропавловске, Охотске и Анадыре. Передвижение — только ездовые собаки. Перед партийными и советскими органами стояла задача: обеспечить население продовольствием и охотничье-рыболовецким снаряжением, что позволило бы подорвать деятельность иностранных фирм. Необходимо было создавать советский рыбный промысел. Требовалось провести большую работу среди населения по развитию сельского хозяйства. Гражданская война закончилась, а нам приходилось нередко сражаться с бандами, состоящими из недобитых белогвардейцев, и отрядами японцев. Осенью 1924 года в Петропавловск прибыла, а вернее, была приконвоирована японская шхуна, которая занималась браконьерством. Ее арестовали красноармейцы, посланные на ликвидацию пепеляевцев.

В июне 1926 года по западному побережью был направлен пароход с отрядом пограничников для охраны наших морских рубежей. Ими и был задержан японский плавучий консервный завод, ведший в территориальных водах незаконную ловлю краба. О задержании мне доложили по радио. Одновременно сообщили, что на горизонте появился японский эсминец, направлявшийся к нашему пароходу. Я приказал на судне-нарушителе оставить небольшой конвой, а остальным следовать по назначению.

Впоследствии выяснилось, что миноносец снял с краболова наш конвой и высадил его на берег. Об этом инциденте я доложил в Москву. Что было предпринято нашим правительством, не знаю.

В том же году на заставу Озерковскую прибыл японский миноносец и попросил начальника заставы разрешить высадить личный состав для совершения церемонии в память соотечественников, погибших во время шторма. Начальник заставы отказал, предложив обратиться с такой просьбой к Советскому правительству. Японцы высадились. Чекисты отступили в горы.

За долгие годы многое пришлось увидеть и пережить. Участвовал в 1929 году в боях по ликвидации конфликта на

КВЖД. В Отечественную войну командовал эстонской стрелковой дивизией.

Прошли десятилетия, а служба в органах ГПУ на Дальнем Востоке навсегда осталась в памяти как хорошая школа жизни, определившая мою судьбу.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ: И. Я. Ломбак в своих воспоминаниях пишет, что о нарушении территориальных вод японским краболовом он поставил в известность Советское правительство, и какие были приняты меры, ему не известно. В 9-м томе «Документов внешней политики СССР» под номером 217 помещена «Нота Народного Комиссариата Иностранных дел СССР Посольству Японии в СССР» от 16 июля 1926 года. Вот ее содержание.

«От пограничных властей Союза Советских Социалистических Республик поступило телеграфное сообщение о том, что отряд пограничной охраны, помещенный названными властями на японский пароход «Рето-мару», застигнутый за недозволенным занятием — краболовством в территориальных водах Союза Советских Социалистических Республик, был снят японским миноносцем «Татикадзе», под охраной которого пароход «Рето-мару» продолжал ловлю крабов.

Народный Комиссариат по Иностранным Делах, доводя вышеизложенное до сведения Японского Посольства, считает долгом сообщить нижеследующее.

Как известно Посольству, занятие рыболовным и зверобойным промыслом в территориальных водах Союза Советских Социалистических Республик не дозволяется иностранным гражданам, если они не имеют на это особого разрешения в силу специального акта. Народный Комиссариат неоднократно имел случай обращать внимание Посольства на означенные правила.

Независимо от сего НКВД не может не отметить, что факт применения вооруженной силы японских миноносцев против вооруженной силы Союза Советских Социалистических Республик, как бы ни были эти последние незначительны и где бы они ни находились, в корне противоречит мирным и дружеским отношениям, существующим между обеими соседними странами.

В силу этого Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает вмешательство японских морских сил в случае с пароходом «Рето-мару» нару-

шением прав Союза и не может не квалифицировать этот случай как тяжкое нарушение международных обычаев.

Народный Комиссариат по Иностранным Делах просит Посольство в срочном порядке снести с надлежащими властями Японии для привлечения виновных к ответственности и передачи властям Союза парохода «Рето-мару».

Независимо от изложенного Народный Комиссариат по Иностранным Делах считает необходимым осведомить Посольство о том, что Правительство Сою-

за, которое до настоящего времени старалось избегать каких-либо резких конфликтов на почве занятия хищническим промыслом японских судов в территориальных водах Союза, вынуждено будет в дальнейшем принять необходимые меры для того, чтобы воспрепятствовать применению силы со стороны японских военных судов, если эти суда будут иметь намерение затруднить осуществление пограничными властями Союза возложенных на них задач по охране водных богатств в территориальной зоне СССР».

Д. Федичкин

На пути врага

Дело провокатора

После окончательной победы Советской власти в Приморье оставшиеся здесь белогвардейцы и другие контрреволюционные элементы, рассосавшиеся по городам и селам области, заранее приняли предупредительные меры по обеспечению своей безопасности.

Не было сомнения и в том, что вражеская разведка в шпионской и подрывной деятельности против Советской России использует именно этот элемент.

На органы государственной безопасности легла вся тяжесть борьбы с тайным врагом. Базой его являлось широко разветвленное шпионское и контрреволюционное подполье. Перед органами госбезопасности сразу возник целый ряд серьезных задач:

Создать действенный аппарат для выявления и ликвидации шпионско-диверсионной деятельности агентуры врага, очистить Приморье от многочисленных контрреволюционных и белогвардейских элементов; вскрыть контрреволюционное подполье на территории Приморья и ликвидировать его, предупреждая тем самым возможность организованных антисоветских действий.

В конце 1922 года из Москвы и Читы прибыла группа опытных чекистов, которые возглавили отделы нового чекистского аппарата.

Я был направлен на работу в ГПУ партийными органами в октябре 1922 года в составе группы разведчиков штаба партизанских отрядов Никольск-Уссурийского района.

Отряд этот тогда назывался уездным подотделом ГПУ. Там я получил назначение на должность помощника оперативного уполномоченного с обязанностями выявлять скрывающихся белогвардейцев и контрреволюционные элементы, вести следствие по делам арестованных.

Так я столкнулся с делом провокатора

Варнавского. На его совести множество выданных белой контрразведке и впоследствии замученных подпольщиков. Садизм и жестокость этого выкормыша контрреволюции не знали предела.

Всем широко известна история гибели в сентябре 1922 года комсомольца Виталия Баневура. Мне приходилось с ним встречаться во владивостокском подполье в 1921 году, потом в партизанских отрядах Никольск-Уссурийского района. Я видел его после жесточайших пыток. Виталия искололи штыками, на спине вырезали и содрали полосы кожи, на груди, против сердца вырезали пятиконечную звезду, через которую, еще у живого, вынули сердце.

По свидетельству крестьян, белогвардейцы, пытая Виталия, договаривались между собой колоть его штыками так, чтобы не умертвить.

К гибели Баневура имел отношение и Варнавский.

В тот период, когда велось следствие по этому делу, еще не были введены ни Уголовный, ни Уголовно-процессуальный кодексы. Заключение, которое я написал, заканчивалось примерно так: «Руководствуясь революционной совестью и правосознанием, полагал бы применить к Варнавскому высшую меру наказания: расстрел».

Заключение было утверждено прокурором. По приговору суда Варнавского расстреляли.

Совершенно очевидно, что какого-либо опыта в следственной работе я, как равно и мои товарищи из партизанской разведки, с которыми я пришел в органы, не имел. Нам дали познакомиться с одним законченным следственным делом, выполненным, насколько это было в то время и в тех условиях возможно, профессионально.

Для нас оно явилось образцом оформления соответствующих следственных действий по рассматриваемым делам. Далее уже пришлось действовать самостоятельно.

Пути-дороги разведчика

В декабре 1922 года я был откомандирован в губернский отдел ГПУ на должность оперативного уполномоченного. На первое место в это время выдвинулась борьба с экономическим саботажем. Во Владивостоке еще оставалось большое количество грузов и разных товаров в порту и на железнодорожных складах, а также припрятанных до лучших времен буржуазией и дельцами.

Имелись некоторые запасы леса, руды, угля, рыбы, пушнины, разного промышленного оборудования и товаров. Иностранцы и местные предприниматели, коммерсанты, дельцы и спекулянты стремились их укрыть или вывезти за границу под видом транзитных грузов, следующих через Владивостокский порт в Японию. Прозвела черная биржа и спекуляция, получившие известное оживление с введением нэпа.

Нужны были энергичные меры, чтобы своевременно вскрывать эти махинации. Одним из отделов ГПУ руководил тогда В. М. Зарубин, впоследствии прославленный разведчик, о котором рассказал писатель Тевекелян в книге «Рекламное бюро господина Кочека». Он имел опыт борьбы с экономическим саботажем, вредительством, валютчиками и спекуляцией по своей прежней деятельности в Московской ЧК.

Помню, как владивостокским чекистам удалось предупредить вывоз в Китай большой партии оружия немецкого производства, прибывшего во Владивостокский порт под видом транзитного груза. В наши руки тогда попали сотни длинноствольных маузеров и значительное количество пистолетов вальтеров и парабеллум с большим запасом патронов к ним. Часть его пошла на вооружение личного состава сотрудников губотдела и погранохраны, основное же количество было отправлено в Москву.

Немало тогда было вскрыто разных тайных складов с товарами, сырьем, продуктами питания, оружием, имуществом. Немало было раскрыто спекулянтских афер, хищений, должностных преступлений, саботажа и вредительства.

Впоследствии, когда Зарубин стал работать за рубежом, ему пришлось встретиться с одним из иностранцев, который в начале двадцатых годов жил во Владивос-

токе и являлся одним из соучастников указанной махинации с вывозом немецкого оружия за границу. Эта встреча произошла через добрый десяток лет. Иностранец узнал его, подошел, любезно представился и напомнил обстоятельства прошлого «знакомства» во Владивостоке. Зарубин посчитал целесообразным не отказываться от прошлого, исходя из того, что иностранец знал его как работника таможи.

Визаж

Первые разведывательные данные о планах белогвардейцев, окопавшихся в Маньчжурии и действовавших по указке японской разведки, нами были получены еще в первой половине 1923 года. Из этих данных стало ясно, что на территории Маньчжурии создан белогвардейский «Штаб партизанских отрядов». В задачу его входила организация политического бандитизма в Приморье и подготовка антисоветских выступлений в Никольск-Уссурийском, Спасском, Яковлевском, Анучинском и, возможно, в ряде других уездов. Для оперативного руководства был создан еще и «таежный штаб», находившийся на территории Яковлевского района.

Состоял он из бывших офицеров и местных кулаков. Постоянно действующих отрядов штаб не имел. Бандиты собирались для определенных операций, а затем одни прятались по домам, а другие уходили на таежные базы. Такая тактика была характерной для местных банд в Приморье вообще. Банды, просуществовавшие из Маньчжурии, после рейдов тоже стремились уйти за кордон.

Эта тактика затрудняла возможность их ликвидации в открытом бою войсковыми силами. Успех дела в таких случаях приносила хорошо продуманная чекистская работа. В связи с этим припоминается случай, когда нам удалось обезвредить одну из таких банд, во главе которой стоял уроженец этих мест, белогвардейский офицер, прошедший всю гражданскую войну от Урала до Владивостока. Он был опытным и решительным человеком, ярым врагом Советской власти.

Несмотря на малочисленность, банда его действовала очень активно, налеты сопровождалась убийствами советских и партийных работников, грабежами касс, коопе-

ративов и жителей. Решено было в штаб этой банды внедрить нашего человека. Трудность состояла в том, что такой человек должен хотя бы в какой-то степени быть известным главарю или его «штабу», иметь какие-либо антисоветские «заслуги».

После рассмотрения ряда кандидатов остановились на бывшем партизане Михаиле Н., ранее судимом за бытовое преступление (кража лошади). Во время судебного процесса он бежал из зала суда, выпрыгнув в открытое окно со второго этажа. Наш выбор на него пал и потому, что бывший партизан этот был знаком с главарем банды еще с детских лет.

Суд и обстоятельства его побега получили достаточную известность среди окрестного населения, а значит, и банда не могла не знать об этом.

Бежав из зала суда, он стал скрываться от властей и устроил для этой цели в своем собственном доме тайник. Мне поручили связаться с ним, не прибегая к аресту.

Действовать мы решили через его жену.

К жене и детям он относился заботливо и, по нашим сведениям, мучился сознанием, что вынужден скрываться от Советской власти, хотя в свое время боролся за нее.

Я выбрал момент, когда знал наверняка, что Михаил дома, и отправился к нему. Предполагалось, что весь мой разговор с женой он будет слышать. Я должен был обратиться к ней с просьбой свести меня с ее мужем, сказать, что мы хотим попросить его о помощи в одном деле.

За это мы будем ходатайствовать об амнистии (амнистия тогда проводилась в связи с приездом в Приморье М. И. Калинина). Жена, конечно, стала отнекиваться, мол, не знает, где муж, и т. д. Пришлось дать понять, что нам хорошо известно, где он, если бы мы желали, то уже могли бы арестовать.

В общем, встреча с Михаилом состоялась. После довольно длительной беседы он согласился помочь ликвидировать банду. План операции заключался в том, что Михаил оказался вынужденным бежать из дому при попытке со стороны милиции

захватить его. Все это было разыграно на глазах у соседей, и, таким образом, попытка ареста стала известна многим.

План наш, хотя и не так скоро, как мы рассчитывали, удался полностью. Дело кончилось тем, что Михаила стали считать одним из членов штаба банды, лицом, приближенным к главарю.

Между главарем банды и его заместителем шла длительная вражда. Михаил воспользовался этой ситуацией и повернул дело так, что они перестреляли друг друга. Оставшись без руководства, банда распалась.

М. Рыбаков

Жемчужина „Монте-Кристо“

Жемчужина напоминала большую горошину. Огромную голубую горошину, выросшую в сказочном стручке. Она матово поблескивала на черном бархате и походила на кусочек голубого неба над Амурским заливом. Коробочка с жемчужиной лежала в дубовом, окованном позолоченной медью ларце.

И здесь же находился еще один предмет — небольшой пистолет...

— Соседство удивительное, но в какой-то степени объяснимое, — сказал старый чекист Иван Андреевич Колосов, показавший мне находку, обнаруженную при сносе старого, ветхого домика на одной из бывших окраин Владивостока. — Немало прошло времени с тех пор, когда мне с двумя товарищами пришлось идти по следу этой жемчужины. Но не забываю те дни. И памятка есть...

Иван Андреевич отвернул рукав рубашки и показал темноватый шрам у локтя.

— Примерно в конце 1922 года, — начал рассказ Колосов, — вызвали меня в ГПУ, которое занималось охраной порядка в только что освобожденном от белогвардейцев и интервентов Владивостоке. В этом нет ничего особенного. Многих наших ребят из Народно-революционной армии, из партизанских отрядов призвали в те годы служить. Положение в городе было не из легких. На первых порах и грабежи, и налеты бандитские, и поджоги — все было.

В районе Мильонки — кварталов, прилегавших к знаменитому Семеновскому базару, в то время сохранились еще и игорные дома, притоны контрабандистов, сюда приходили курильщики опиума, и просто всякие мошенники, и не успевшие сбежать белогвардейские офицеры. Словом, надо было произвести в этих местах основательную чистку.

К начальнику отдела Зарубину нас вызвали втроем. Все мы знали очень хорошо Владивосток.

Илья Жилин — солдат русского экспедиционного корпуса — побывал во Франции, сражался в Шампани. Был ранен, попал во французский госпиталь. И там очень быстро научился говорить по-французски. А потом было полное приключений возвращение на Родину. Почти пять лет воевал в партизанских отрядах, бил интервентов.

Семен Коровин при случае любил вернуться в разговор английское словечко, а то и целую фразу. Английский язык он знал неплохо: плавал на зверобойной шхуне, почти весь экипаж которой во главе со шкипером состоял из англичан и американцев. Хотя англичанином его и не прозвали, но многие завидовали его знанию языка.

Мне же еще мальчишкой пришлось работать посыльным при японском банке. Писать-читать по-японски не мог, а вот разговаривать случалось.

— Создается особый отряд по борьбе с очень опасной шайкой преступников, — начал свою речь начальник отдела. Глаза у него такие внимательные, спокойные. Только иногда сильно вдруг загорались. А слова произносил тихо, но так, что невольно в них все вслушивались очень внимательно. — Вас собрали не случайно, — продолжал он. — Дело требует осмотрительности, смелости, дерзости, а главное — знания языков. Мне вот подсказали, — Зарубин улыбнулся, — что среди бойцов настоящие полиглоты есть. Поэтому вас и вызвали. Только условие — ваше согласие на новую должность обязательно. Ведь вместе с согласием вы даёте особую клятву хранить все в такой строгой тайне, что даже отцу с матерью не должны говорить, чем занимаетесь.

Так началась наша работа. С виду нетрудная. Кем мы только не были: водносимами, артелью сапожников, продавцами пирожков, перевозчиками, носильщиками на вокзале, матросами, грузчиками, почтальонами... Приходилось встречаться с са-

мыми различными людьми. Вот где выручило знание языков.

Скоро мы напали на след хорошо законспирированной шайки. Были в то время и такие. В городе после изгнания интервентов еще были в ходу японские иены, среди которых с некоторых пор начали попадаться и фальшивые, сработанные подпольными валютчиками Владивостока. Подделку трудно было отличить от настоящей купюры. Дело было, видимо, поставлено на широкую ногу.

Тут как раз время упомянуть о малоприметной частной фирме «Почтовые услуги», которая располагалась в полуразвалившемся домике, выходявшем своим фасадом на главную улицу. Наискось от него возвышались резные колонки и башенки универсального магазина Кунста и Альберса, удравших от революции в Бельгию. Домик, в котором находилась контора «Почтовые услуги», хотя был маленьким, но имел много запутанных ходов и коридоров, закоулков и дверей, чердаков и самых настоящих подземелий-погребов.

В то время почтовую связь с центральными районами страны еще не восстановили. Этим воспользовались разные темные людишки. Быстро организовали контору, стали принимать посылки и другие отправления от частных лиц. Пошла писать контора. Надо сказать, что клиентов у нее было немало. Ведь во Владивостоке после бегства белогвардейцев осталось много их семей. У всех были на Западе знакомые, родственники, единомышленники, и все они никак не могли осознать того факта, что Советская власть пришла навсегда и окончательно.

Большинство собиралось как-нибудь удрать за границу или возвратиться в Москву, Петроград. У таких «туристов» сохранилось немало золотых имперIALов, платиновых пятерок с изображением последнего российского императора, колец из благородного металла, были припрятаны на черный день брильянты, изумруды, рубины... Везти с собой через всю страну такие ценности боялись: мало ли что в дороге случится...

И вот в «Почтовые услуги» стали приносить посылки со старыми салопами и шляпками, потертыми чиновничьими шинелями и гимназическими формами. Посылали томики стихов и толстые фолианты а переплетах из телячьей кожи.

Многие из этих посылок имели добрую

«начинку». В переплетах книг укрывались золотые монеты. Вместо пуговиц у салопов были пришиты обернутые в сукно платиновые пятерки. В потрепанных куклах зашивались драгоценные камни... Немало таких посылок благополучно дошло до адресатов. Но потом все переменялось. По-прежнему где-нибудь в Москве в квартире на Тверской или у Никитских ворот получали посылку из Владивостока и письмо, где отправители просили перешить у старого салоп пуговицы... Только пуговиц-то драгоценных уже не ищи — пропали!

Разумеется, никто из пострадавших и не думал обращаться к властям за помощью. Раскрылось дело случайно. Один знаменитый доктор послал свои вещи родственникам и среди всякого старья положил серебряный стетоскоп. При этом имел неосторожность упомянуть в письме, чтобы его хранили как зеницу ока — дареная была вещь. Мошенники, как водится, посылку вскрыли и не удержались — изъяли стетоскоп. Доктор, получив известие, что вещь пропала, всполошился, пожаловался городским властям. Ему сказали — разберемся.

И примерно в то же время произошел забавный случай на границе. Молодые красноармейцы — первые наши пограничники отлично несли службу, хотя было очень трудно. Ведь совсем еще недавно в этих местах шли бои, да и после того, как белогвардейщина откатилась за кордон, часто еще гремели выстрелы. Но в тот вечер, как мне рассказывали, на границе было тихо. Только под вечер наряд задержал странно одетого пожилого человека. Был он в какой-то широкой черной хламиде и широкополой коричневой шляпе из мягкого фетра. Лицо незнакомца было одутловатое, но носило следы одухотворенности, изъяснялся задержанный с достоинством и охотно отвечал на вопросы.

— Я профессор Григорио, художник-портретист, гравер, закончил Петербургскую академию художеств...

Его слова подтвердили только... две кисточки, обнаруженные в бездонном кармане черной хламиды. Никаких документов, ни денег, ни ценности у «профессора» обнаружено не было.

Потом, во Владивостоке, «профессор» Григорио — будем называть его этим именем — покаялся в своих «грехах» и пове-

дал трагикомическую историю своей «одиссеи». Был он действительно способным художником-графиком, гравером. Долгое время работал на монетном дворе, рисуя разные памятные медали. Революция подхватила его и закинула в далекий Владивосток.

Здесь безвестный художник Петров стал «профессором». Оргии по ресторанам с белогвардейскими офицерами сменялись тайными встречами с представителями крупных воровских шаек. Этот скользкий путь привел его к фальшивомонетчикам, которые, пригрозив робкому «профессору», заставили его работать на них. Тогда и стали появляться в обращении японские иены, которые были, по отзыву специалистов, «лучше настоящих».

Подпольный «монетный двор» и воровской «эмиссионный банк» работали всю

при меркуловщине, при воеводе Дитерихсе, но при Советской власти им работать не пришлось. Первым взбунтовался «профессор» Григорио. Чтобы не получить пулю от своих же «друзей», он счел лучше перейти границу, плохо представляя, как это делается и что он будет делать без гроша в кармане в чужой стране.

Он чистосердечно поведал, что бывшие фальшивомонетчики нашли новую «жилу», орудя в «Почтовых услугах»...

Наша троица — я, Жилин и Коровин сумели устроиться в эту контору «почтальонами». Разумеется, никто и не предполагал, что один из почтальонов знает французский, другой — английский, а третий японский язык. Немного нам понадобилось времени, чтобы изучить в «конторе» каждую щель. Правда, в некоторые помещения никого никогда не пускали. Тем

не менее все было подготовлено для операции.

Кто его знает, может, я перестарался, только глава «фирмы» полуфранцуз, полурусский — Андре Петров — решил, очевидно, привлечь меня к тайным делам. Однажды он меня позвал в свой кабинет и стал рассказывать про свою жизнь. Внимательно всматриваясь мне в лицо, мошенник любезно показывал любопытные вещи, которых много было у него в кабинете: японские миниатюры и статуэтки, необыкновенную английскую трубку, французские открытки с видами на Нотр-Дам и Эйфелеву башню, огромные моржовые клыки с резьбой чукотских мастеров, миниатюрные парусники из слоновой кости, таинственные сердоликовые печатки, красивые морские раковины.

Потом он достал из сейкера небольшую коробку. В ней лежала всего одна голубая жемчужина. Красоты необыкновенной. Да что рассказывать — вы ее только что видели... Да-да, это та самая. Потом при мне он принес из соседней комнаты ларец из дуба и положил в него маленькую коробочку с жемчужиной.

— А чтобы она не пропала, вместе с ней будет лежать и это, — укладывая в ларчик никелированный с перламутровой рукояткой пистолетик «монте-кросто», сказал мой хозяин. — С виду игрушка, а на самом деле любому «бульдогу» не уступит. Сделана на заказ...

Он долго пытливо смотрел на меня, бесстрастно выслушивая мои непритворные слова удивления и восхищения. Но в тот раз он и не предложил мне ничего конкретного. Насторожило его, очевидно, мое неосторожное восклицание, когда я рассматривал один рисунок знаменитого японского художника. Свой восторг я непроизвольно выразил по-японски...

Операцию по задержанию преступников подготавливали тщательно. С помощью «профессора» Григорио мы составили полный план всех помещений со всеми выходами, расписали обязанности. Учили, что бандиты вооружены. Когда я рассказал о жемчужине и «монте-кросто», было решено дополнительно к этому поводу допросить «профессора». Он показал следующее:

— Гражданин следователь. Мне, как художнику и знатоку драгоценных камней, часто доверяли производить экспертизу

вещей, которые оказывались в руках у Андре и его сообщников. Однажды при «осмотре» посылоч наш шеф обратил внимание на тяжелый ящик, вес которого по сравнению с размерами показался подозрительным. Его, конечно, вскрыли... Среди вещей, которые не представляли ничего интересного, была фарфоровая статуэтка, полая внутри. Отверстие ее владельцы хорошо залили гипсом.

Пришлось сделать вскрытие... Внутри оказался голубовато-серый жемчуг высокого качества. Все показывало на то, что он местного происхождения... Дело в том, что жемчуг японский, добываемый из морских жемчужниц — пинктад и птерий, обычно розового оттенка. А перлы из пресноводных приморских жемчужниц — голубоватые, а иногда и дымчатые.

Отдельно завернутая в тонкую рисовую бумагу, лежала большая жемчужина небесно-голубого цвета с палевым отливом. Может быть, она была добыта из Уссури... Там есть старательские артели. Наш шеф окрестил жемчужину в честь героя романа Дюма «Граф Монте-Кристо». Этот перл такой величины и красоты, что намного превосходит по ценности перлы, добываемые у берегов Хонсю.

Показания «профессора» Григорио заставили нас задуматься. Тревожное предчувствие овладело мной. Я все рассказал начальнику отдела о своем промахе, он, разумеется, крепко отчитал меня. Решено было ускорить операцию. В тот же вечер наряд чекистов — таких же молодых парней, как и мы с Ильей и Семеном, незаметно оцепил дом «Почтовых услуг». Была стрельба, преследование бандитов по запутанным ходам закоулков. Когда мы проникли в подвал под домом, нам показалось, что сбылись сказки о пещере сокровищ. В ящиках и сундуках были золото и серебро, меха и шелк, старинные рукописные книги в металлических, украшенных финифтью, переплетках, драгоценные камни, медальоны, браслеты, кольца и другие ценности.

Но жемчужины «Монте-Кристо» нигде не было. Главарь бандитов в перестрелке был убит и унес тайну жемчужины с собой. Куда отправился путешествовать ларец — можно было только гадать. Было подозрение, что она укрыта на тайной квартире, адрес которой не был известен никому...

Колосов долго молчал. Потом сказал:

— Не отделался я так просто. За то, что узнал тайну жемчужины, Андре меня сразу же хотел устранить. Поэтому при перестрелке он успел ранить меня из своего браунинга. Говорили, что рукой не буду зладеть, но все обошлось. Часто вспоминал я о большой голубой жемчужине. А потом новые дела как-то отодвинули минувшие события.

* * *

Прошли годы. Город рос. Все чаще бульдозеры и экскаваторы, поднимая облака вековой пыли, рушат старые здания,

ответшавшие за свою долгую жизнь. В них — на чердаках и в подвалах строители часто встречают немых свидетелей давних лет — заржавевшее оружие партизанских времен, газеты и листовки, а иногда и произведения искусства, запрятанные в тайники бывшими владельцами — белыми офицерами, дельцами и фабрикантами.

Вот в одном из старых домов и нашли замурованную в стену шкатулку с жемчужиной. Много лет она скрывалась от глаз людских, но наконец оказалась в руках тех, кому принадлежит все добро, — в руках народа.

С. Роднин

Операция „Консул“

1

Прошло всего год и три месяца, как остатки белогвардейцев и интервентов покинули последний свой оплот — Владивосток, забрав все, что представляло хоть малейшую ценность. Японцы вывезли со складов на Эгершельде хлеб и пушнину, соль и рельсы, лес, кирпич, рыбу. Белогвардейцы увели в Шанхай пароходы и малые суда и там большую часть распродали, а остальные переоборудовали под боевые корабли. То, что не успевали утащить с собой, сжигали, портили и взрывали. Не все ушли за кордон: одни остались пережидать, потому что не верили, что Советская власть пришла основательно и надолго, другие были оставлены для организации контрреволюционного подполья. В городе действовали банды, всевозможные притоны, опиекурильни, публичные дома. Используя острую нехватку продуктов и предметов ширпотреба, развернулись спекулянты.

Владивосток оставался портом международного класса, и в бухту Золотой Рог заходили суда почти всех стран мира. На Светланской, центральной улице города, можно было встретить малайцев, французов, британцев, дельцов черного рынка и бизнесменов, авантюристов-международников. Граница с Китаем охранялась неплотно, и во Владивосток контрабандистами доставлялись не только товары, но и кокаин, опиум, сигареты, начиненные наркотиками. В ресторанах круглосуточно гремела музыка, нэпманы прожигали жизнь. По ночам вспыхивали перестрелки.

По согласованию с Советским правительством во Владивостоке остались дипломатические представительства ряда иностранных государств, в том числе японское, французское, германское, китайское. Размещались все они в центре города. На первый взгляд, вели себя вполне пристойно, но Владивостокскому ГПУ было известно, что сотрудники всех консульств занимались не только разведывательной, но и диверсионной работой, направленной на подрыв экономики молодой Советской республики, пропагандировали капиталистический образ жизни, занимались скупкой золота, а также советских дензнаков с целью их обмена на золотые рубли. Все это создало в строительстве новой жизни большие трудности. В этих условиях задача особой важности легла на плечи чекистов. Они сражались на переднем крае с тайным врагом, не щадя своей жизни.

2

В феврале 1924 года было совершено дерзкое и беспрецедентное по своей наглости ограбление Государственного банка. Бандиты явились в тот момент, когда служащие банка готовились выдать заработную плату трудящимся города. В схватке с бандитами был убит старший кассир Ляпунов, смертельно ранены охранник Никитин и уполномоченный ГПУ Андрей Соловьев, молодой чекист, направленный в Госполитуправление городским комитетом комсомола. Набив мешки бумажными и металлическими деньгами, забрав из сейфов золото и драгоценности, бандиты уехали в фаэтон, стоявший наготове у подъезда. Пришедший в сознание Соловьев, напрягая последние силы, сделал два выстрела из парабеллума. Пули настигли налетчиков, о чем говорили пятна крови на снегу.

О случившемся тут же стало известно секретарю губкома партии Константину Пшеницыну. Он вызвал начальника ГПУ Карпухина и сказал, постукивая пальцем о край стола:

— Три дня сроку. Не найдешь — пеняй на себя. Найдешь — от имени всех трудящихся скажу спасибо. — И добавил с чувством: — Разъезды.

Пшеницына трудно было вывести из равновесия, характером он обладал спокойным, но твердым, был справедлив и по-хорошему добр. Но тут беспредельное не-

годование охватило его. Он понимал: невыдача зарплаты вызовет голод многих и многих семей.

— Лучших чекистов брось на розыск банды, — продолжал Пшеницын, — и передай Хомутову, что губком партии надеется на него.

Тимофей Хомутов возглавлял КРО (контрразведывательный отдел), и Пшеницын знал его еще по подпольной работе.

Карпухин созвал экстренное совещание, на котором решено было розыск поручить опытным чекистам Захару Губанову и Артему Кержакову, выделив в помощь им бригаду в количестве семи человек. Но Губанов отказался от помощников и попросил в случае необходимости придать им по одному-два человека. Его поняли, потому что людей в отделах не хватало, а работы было невпроворот. На совещании Карпухин выразился еще решительнее и точнее:

— Через трое суток народная собственность должна быть вот тут, — ткнул пальцем в угол, где сидел зам. начальника КРО Степан Пареньков. — Не сыщите — пеняйте на себя.

Без зарплаты остались не только рабочие и служащие, но и чекисты, о чем Карпухин не замедлил сообщить. Губанов резюмировал: «Злее будем на голодный желудок». Захару проще было: он не имел семьи, а одному прокормить себя гораздо легче, меньше хлопот. А вот Кержаков задумался. У него трое пацанов, и старший, которому исполнилось шесть лет, еще не ходил. К тому же врачи признали у него прогрессирующий туберкулез и прописали усиленное питание. Да разве одному Кержакову было тяжело?

Хомутов посмотрел на хмурого Паренькова. За трое суток найти банду... Срок показался ему слишком мал, но он не стал возражать, зато сказал:

— Бандитам нанесены ранения. Это факт. — У него, когда начинал волноваться, дергалась щека, и потому казалось, что он подмигивает. — Это значит, бандиты обратятся за помощью к частным врачам или в аптеки. Начинать поиск надо именно с этого.

Все согласились с ним. Пареньков все же возразил:

— Верно. Действовать надо быстро и не теряя времени. В способности Губанова и Кержакова верю, но трое суток мало. Поспешишь — людей насмешишь.

Карпухин недовольно засопел.

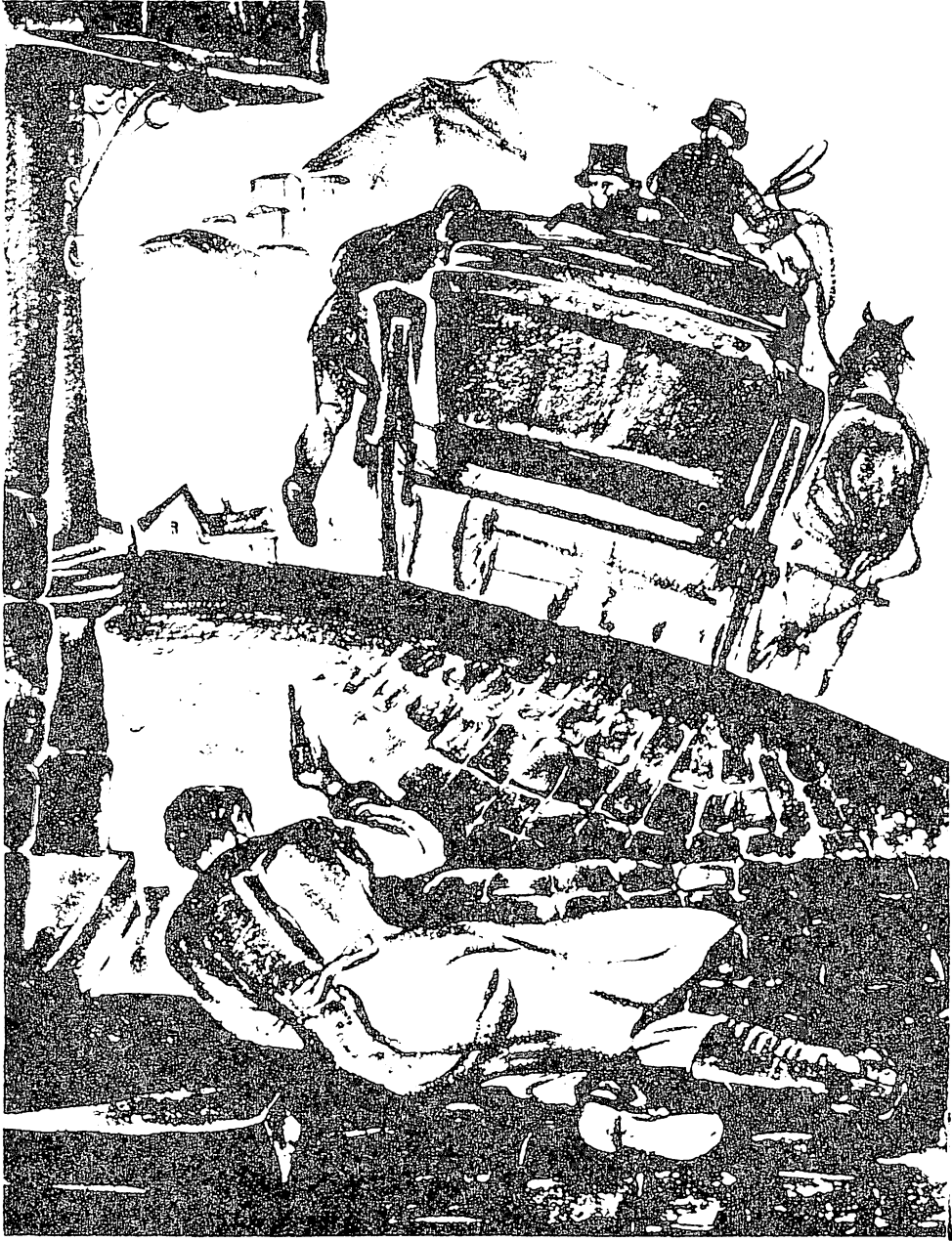
— Действуйте, как приказано. Обсуждать будем потом.

В качестве аванса каждому из розыскной группы выдали по четверти фунта махорки, по полпуда соевой муки и по пять фунтов мослоса со скотобойни. Губанов все это богатство передал жене Кержакова, оставив себе махорку. Кто-то уже пустил слух, что если операция по поимке банды пройдет успешно, то всем участникам вручат новые яловые сапоги и бриджи кавалерийские с кожаными заплатками на задку и коленях. Такие бриджи были только у начальника экономического отдела Борцова, остались еще с гражданской и были предметом всеобщей зависти. Крепкие, прочные, их можно сто лет носить не снимая. Слуха никто не опровергал.

Чекисты взяли под наблюдение аптеки на мысе Чуркина, в районе Мальцевского базара, на углу Светланской и Алеутской и установили наблюдение за врачами, имевшими частную практику.

В тот же день, часов в пять вечера в аптеке на Светланской некая гражданка закупила большое количество марли, ваты, йода. Дежуривший там Кержаков сразу обратил на нее внимание. Дама взяла извозчика и укатила на Голубинку. Кержаков последовал за ней. У мальчишек он выведал, что зовут даму Вандой и фамилия ее Гринблат. Быстро вернувшись в отдел, Артем доложил обо всем Хомутову. Было мнение немедленно произвести у Гринблат обыск. Карпухин же посоветовал не торопиться. «Если мы, кроме медикаментов, ничего не обнаружим, что тогда? — спрашивал он. — На хвост соли насыпешь ей, что ли? Надо придумать что-то другое и не спугнуть, если она действительно связана с бандой».

Губанов принялся быстро выяснять все о жизни Гринблат. Оказалось, что она нигде не работает, часто бывает в ресторанах. Он взялся за изучение архива городской комендатуры, и тут оказалось, что на нее давно заведено уголовное дело. Ванда торговала контрабандным товаром, содержала опиекурильню. Когда на очередном оперативном перечислялись «заслуги» Гринблат, Борцов вспомнил, что ее имя упоминалось в деле некоего Ефима Рубинова, контрабандиста, проживавшего в приграничном маньчжурском городе Хулинсяне и не раз поставлявшего наркотики Ванде. Борцов сам вел дело Рубинова,

который находился под следствием. Он принес папку, зачитал показания арестованного. Тут же решено было под видомхода из Хулинсяна направить к Гринблат одного из сотрудников. Остановились на Губанове. Хомутов, придерживая щеку, говорил:

— Она баба красивая. И ты парень видный. Только не дай окрутить себя.

Губанов покраснел.

— Ей, этой выдре, небось под пятьдесят, а Захару двадцать пять, — заступился Кержаков.

— Сорок два года, — уточнил Борцов, шелестя страницами, — но это к делу не относится.

Хомутов подвел итог:

— На связи у тебя будет Лукин. Чуть что, действуй через него. Ежели раненые или раненый у Гринблат, то будем брать ее. Ежели нет, то предстоит выяснить и потом брать. Думаю, вопрос решится в течение двух суток.

Губанов попросил доставить из тюрьмы Рубинова и долго говорил с ним.

3

Японский консул Ахата Сигеру позвонил председателю губисполкома Вольскому и сказал, что сегодня во Владивосток приезжает представитель фирмы «Мицубиси» Табахаси Сибя и Ахата хотел бы, чтобы Вольский принял Табахаси. Вольский спросил, с какой целью приезжает Табахаси, и Ахата ответил, что фирма послала его начать переговоры о закупке цветного металлолома. Вольский согласился принять и назначил время.

Ахата жил во Владивостоке четыре года, хорошо знал город. Сын его обучался русскому языку и грамоте в русской школе, кроме того, Ахата нанимал для него репетиторов только из бывших офицеров. Сам он всегда был со всеми приветлив. Часто устраивал в особняке консульства пирушки, но лица своего не терял.

В одиннадцать утра на железнодорожном вокзале Табахаси встречали Ахата и помощник Вольского Анатолий Линьков. Вместе с Табахаси прибыл в качестве переводчика житель Харбина зубной врач по профессии Артур Артурович Ростов, человек лет шестидесяти, седой и чопорный. После короткой церемонии Табахаси сел в черный «паккард», а Ростова взял

с собой Линьков. Автомобили вырулили на Алеутскую и направились к консульству. Когда выехали на Светланскую, Ростов, видя неприязнь к себе со стороны Линькова, сказал:

— Я не белогвардеец. Я врач.

— Ну и что?

— Это просто для информации.

— Благодарю вас.

Ростов помолчал, разглядывая через стекло кабины город.

— Давно я не был во Владивостоке, — вздохнул Артур Артурович. — Тут и супругу похоронил.

Линьков с каменным лицом молчал. Для него все, кто жил в Харбине, являлись если не белогвардейцами, то и недрузьями.

— А с японцем увязался, — продолжал Ростов, — потому как очень уж хотелось побывать на родине. Табахаси, когда я жил в Токио, брал у меня уроки французского. Поэтому и предложил мне поездку. Как было отказаться? Разве кто на моем месте устоял бы?

Линьков молча слушал, шофер сигнализировал пешеходам.

В столовой консульства уже готов был стол с закусками. Ахата произнес маленькую речь о дружбе между русским и японским народами, крикнул «банзай» и опрокинул рюмку водки. Линьков постарался быстрее удалиться, чтобы японцы не заметили голодный блеск его глаз.

4

Линьков докладывал Вольскому:

— Сто тонн стреляных гильз хотят купить у нас, Ахата говорит, мол, за этот металлолом они поставят нам пять кавасак. Вот здорово! Целый флот рыбный.

Вольский в накинутах на плечи полушубке курил самокрутку, слушал Линькова и глядел на дверцу печки, в которой потрескивали дрова. В кабинете стоял лютый холод, паровое отопление не работало, верхняя губа и крылья тонкого носа как чернилами смазаны. Последнее время Вольского мучила стенокардия. Пора бы уже отлежаться, да все дела не отпустили, а их с каждым днем становилось все больше. Не за горами сев. Каждый день из волостей возвращались уполномоченные, и картина на селе рисовалась безрадостной. К тому же не давали покоя, особенно в приграничных районах, белогвардей-

ские банды, шныряли шайки хунхузов.

— Значит, говоришь, здорово?

— Еще как!

— Ну-ну... Пригласите-ка товарища Токарева.

Пришел начальник арсенала Токарев, высокий, сухой, с короткими седыми усами, в старой до пят шинели, под которой виднелся мех шубейки. В двадцать втором году Токарев, как военспец, имевший опыт штабной работы, служил начальником штаба одной из дивизий Красной Армии. Закончилась гражданская, и он попросился по состоянию здоровья на службу попроще.

— Сколько у нас стреляных гильз, Михаил Сергеевич?

— Надо посмотреть по документам. А зачем они вам, гильзы?

— Японцы хотят купить.

— Кавасаки обещают, — сказал Линков. — За гильзы и другой металлолом. Но им больше хочется иметь именно гильзы.

— Я подготовлю справку, — пообещал Токарев и подышал зябко на руки.

— Подготовьте, — согласился Вольский. — А впредь всегда имейте при себе отчетность.

Токарев ушел, и Вольскому доложили о прибытии гостей.

* * *

Управляющий Торгсином Шерер бубнил в ухо Вольскому:

— Валюта сама идет в руки. Это ведь хлеб.

Вольский вертел в руках карандаш. Он не хотел отдавать японцам гильзы.

— У нас есть черный металлолом, — говорил он устало и щурил близорукие глаза.

— Нас интересуют в основном использованные снаряды, — упорствовал Табахаси. — Не пожелаете рыболовецкие суда, заплатим валютой.

Ростов переводил, напряженно следя за выражением лица Вольского. И чем больше председатель губисполкома упорствовал, тем спокойнее становились его глаза. Он как бы одобрял действия Вольского.

Во время перекура Вольский говорил Шереру:

— Ну, загоним гильзы, получим кавасаки. Ты дашь гарантию, что этими же гильзами потом они не шарахнут и по каваса-

кам, и по нашим головам? То-то. Тут, если пораскинуть мозгами, что получается? Поставка боеприпасов. Заменят капсулы, начнут порохом — и заряжай. Что, не так?

Шерер с неохотой согласился:

— Оно, конечно, так... Но опять же...

Вольский позвонил Пшеницыну.

— Ты гляди в перспективу, — посоветовал секретарь. — Действуй, как подсказывает революционная совесть.

— Ну а все же?

— Предложи им лес. Вот мой совет. А латунь нам самим еще пригодится для обороны.

Вольский согласился. Японец ушел.

В это время Пшеницын позвонил Карпухину, поинтересовался, как идет розыск похищенного, и предупредил:

— Ты знаешь, что японцы катаются по городу и суют свой нос куда не положено? Смотри за ними. Не нравится мне их любопытство.

5

В кабинет к Карпухину влетел его заместитель Жилис.

— А тебе известно, кто к нам пожаловал? — спросил он, сдерживая ехидную усмешку. — Табахаси тебе известен? Нет? То-то. Я тоже рот разинул, когда узнал. Он полковник разведки генштаба. Вот тебе и фирма «Мицубиси». Поллюбуйся на него. — Жилис кинул на стол фотографии, на которых был изображен Табахаси. — Вот это он в гражданскую, — указал пальцем Жилис на один из снимков, — а это в нынешнее посещение Владивостока. В восемнадцатом Табахаси, он же Ястак Кансло, руководил отделом контрразведки.

Карпухин с интересом разглядывал круглое как луна лицо японского разведчика. Потом взял увеличительное стекло и принялся сличать фотографии.

— Да, действительно это один и тот же человек. Только одежду поменял.

— Мы уже провели экспертизу. Полное тождество. А сообщил нам об этом бывший подпольщик Полукаров, увидел его на улице и прибежал к нам. Что будем делать, Иван Савельевич?

Карпухин сложил фотоснимки, принялся тасовать их, как карты.

— Продолжайте наблюдать за ним. Если будет лезть куда не следует, вступать в контакты, то предупредите.

Когда Карпухину доложили, что Хомутов решил послать Губанова к Гринблат, он сразу задал вопрос Хомутову:

— А зачем, спрашивается в заднице? Чего ты у нее потерял? Соображать ведь надо.

Вообще Карпухин мало верил в версию, которую принял Хомутов. Ему больше по душе была другая: искать фазтон, свидетелей ограбления и постепенно, но верно подбираться к банде. Но, поскольку срок дан жесткий, вынужден был согласиться с Хомутовым. По этому пути шел Борцов. Фазтон его группа нашла в так называемом Гнилом углу. Лошадь кто-то увел, и фазтон, полузанесенный снегом, притянули вечером во двор ГПУ. Его ощупали, исследовали каждую щелку, обнаружили на ступице колеса кровь и дыру в брезентовом верхе. Борцов продолжал искать.

— Уходит она, Иван Савельевич, — сознался Хомутов. — Дважды упустили. Как нырнет в толпу на Семеновском базаре, так как в воду, — развел руками.

— От кого уходила?

— От Губанова уходила. От Кержакова тоже уходила.

— Ну, дожили... — сдерживая себя, покрутил головой Карпухин. — Ну, спасибо... Баба обводит вокруг пальца. Не говори больше никому, не то курь засмеют. — Карпухин злился, хотя знал, что уйти на Семеновском базаре проще пареной репы. Там круглые сутки толпа. — Ладно, действуй по своему усмотрению, — согласился Карпухин.

Обиженный Хомутов ушел. Кержаков сконфуженно жаловался: «Не баба, а ведьма какая-то. Идешь, чуть не за юбку держишься, понимаешь. И вдруг р-раз, и нету ее». Хомутов пошел сам, и Ванда ушла от него, как и от Губанова с Кержаковым.

7

Захар с помощью Хомутова раздобыл целый фунт кокаина и поздним вечером явился к Гринблат. Он не ждал распрос-тертых объятий, и потому та насторожен-ность, с которой его встретила Ванда, не оказалась неожиданностью. Ванда дейст-вительно была красива: черные бесовские глаза, овальное лицо матового цвета,

большой и яркий рот. Стройная, грациоз-ная. Ну ни за что не подумаешь, что перед тобой закоренелая преступница. Ванда не-много успокоилась, когда Губанов назвал пароль: «Продаю калиновое варенье». За ужином Ванда усердно сплавала гостя и все расспрашивала о житье-бытье в Мань-журии, выведывала фамилии компаньо-нов. Губанов с непривычки захмелел, но держался. Передал привет от Рубинова, сказал, что в другой раз придет он сам. Кокаин Ванда приняла, и поскольку день-ги стоил он большие, попросила Губано-ва подождать до завтра. Губанов с не-охотой согласился.

В двенадцатом часу ночи Гринблат уш-ла, удостоверившись сперва, что гость в глубоком сне. Но как только затихли ее осторожные шаги, Губанов поднялся и с карманным фонариком принялся обследо-вать все три комнаты. В печной золе об-наружил металлические пуговицы. В по-мойном ведре выудил окровавленные бин-ты. В ножках кухонного стола нашел боль-ше сотни золотых монет и свернутые в трубочку червонцы. Обыск мог бы дать больше, но Захар торопился. Но даже и то, что он обнаружил, много значило.

Уже лежа на диване в гостиной, Губа-нов вдруг подумал, что он может остаться в дураках. Ванда окажется связанной с какой-нибудь «черной кошкой» или «пико-вым тузом» и отрешится от соучастия в ограблении банка, и тогда все старания насмарку. Торопясь, снова принялся от-винчивать ножки стола и переписывать серии с денежных купюр, каждую цифру аккуратно занося в блокнот.

Деньги Ванда не принесла, о чем и сказала утром Губанову. Он сделал вид, что почувствовал неладное.

— Когда деньги будут?

— Потерпи немного, — успокоила его Ванда. — Возможно, сегодня к концу дня.

Губанов подозрительно посмотрел ей в глаза:

— Если вы задумали финтить, то, имей-те в виду, не на того напали. И чтоб сегодня я имел полный расчет. Не будет — пеняйте на себя, — добавил с угрозой.

Для него в самом деле оставалось за-гадкой, почему Гринблат не рассчитыва-ется. Какой-то подвох крылся в этом. И еще Губанова интересовало, сумели ли ребята выследить ее.

— А может, вы уже на ГПУ работае-те? — спросил он.

Ванда усмехнулась:

— В таком случае вас бы еще ночью взяли, когда вы, как сурок, дрыхли, извиняюсь.

— Где можно приобрести паспорт?

— На Семеновском, — не задумываясь ответила Ванда. — А зачем он вам?

— Надо, — коротко ответил Губанов, собираясь.

Во дворе он огляделся. Лукин в фартуке швырял совковой лопатой снег. Увидев Захара, он выпрямился, воткнул лопату в сугроб и принялся свертывать папиросу. Захару надо было передать через Лукина записку для Хомутова с коротким докладом и номерами ассигнаций, только и всего. Лукин вдруг крикнул:

— Погодка-то какая! Благодать! Весна скоро (что означало «чего тебе надо?»).

Захар передумал связываться с Лукиным. Ванда наверняка наблюдала за ними из окна, а у Лукина сообразиловки не хватило отойти за угол. Разозлившись на практиканта, Губанов молча повернулся и, засунув руки в карманы короткого пальто, зашагал прочь. Лукин остался обескураженный, думая, что бы это значило.

§

На этот раз вместе с Табахаси явился и референт консула Хаяма. У Вольского шло заседание исполкома. Оно несколько затянулось, и Вольский передал, чтобы гости подождали. Ростов мерил шагами узкий и длинный коридор.

Вскоре двери кабинета распахнулись и повалил крепкий махорочный дым. Вольский открыл форточку, пригласил японцев. Хаяма и Табахаси устроились друг против друга за приставным столом. Ростов сел в торце. Вольский вытряхнул в корзину целое блюдо окурков.

— Ну что, господа, о чем мы сегодня договоримся?

Табахаси показал в вежливой улыбке зубы и что-то сказал Артуру Артуровичу.

— Он говорит, что надеется на разумное решение комиссара.

Табахаси и Хаяма закивали. Хаяма знал русский язык, но настолько плохо, что в переводчики не годился.

— ...И что глупо держать дорогой металл, не имея ему применения, — продолжал переводить Ростов. — А между тем в Советском Союзе стоят заводы без оборудования.

Вольский поправил пенсне.

— Скажите господам, что заводы — не их дело, а наше, и пусть у нас об этом голова болит. Сами разберемся как-нибудь. Если и стоят некоторые, то временно.

— Табахаси говорит, — переводил Ростов, — что с вашей стороны неразумно отказываться от такой выгодной сделки.

Вольский рассмеялся:

— Где это видано, чтобы капиталисты заботились о благе Советского государства. Уди-ви-тельная заботливость. Переведите им, торговать боеприпасами мы не будем. Если есть желание, то пусть берут черный металлолом или лес. Если согласны, то будем продолжать переговоры.

Вошел Линьков и сел в сторонке.

— А латунь мы не дадим. Она нам самим нужна, черт возьми.

Ростов перевел и споткнулся на «черт возьми».

— У них такого выражения «черт возьми» нет.

— Ну как хотите. Была бы ясна суть. Верно, Анатолий Аркадьевич? — повернулся Вольский к Линькову.

— Верно, — согласился Линьков.

Японцы залопотали. Вольский скрутил самокрутку, склеил ее слюной.

— А вообще-то, зря у них нет такого выражения, — посмотрел смеющимися глазами на Ростова. Тот ответно улыбнулся.

— Они спрашивают, сколько у вас черного металлолома.

— Сколько? — спросил Вольский у Линькова. Линьков пожал плечами. Потом быстро нашелся:

— Очень много.

— Сколько много? — спросили японцы.

— А сколько им надо?

— Им надо тоже очень много.

Табахаси сказал, что ему необходимо подумать, прежде чем дать ответ. И если председатель не возражает, то встречу следует назначить на завтра.

Вольский глубоко затянулся, так что затрещала махорка, выпустил в сторону густую струю дыма и посмотрел на обуглившийся кончик папиросы.

— Хорошо. Давайте встретимся еще и завтра. — Он проводил японцев до двери. Линьков повел их дальше к выходу. Скоро вернулся.

— И чего им надо? Тянут резину.

Вольский стоял у окна и барабанил пальцами по стеклу.

Табахаси нервничал. Ему не терпелось скорее закончить заведомо пустопорожние переговоры.

— ГПУ по нашим следам ходит, — сказал он Ахата. — Русские боятся, как бы мы пол-России не увезли.

— А вы и так увезете. Ну не пол-России, а толику ее, но увезете. И потом, не надо считать их дураками. Глубоко убежден, что ваша личность им известна. Подлинное ваше лицо. О, вы еще не знаете ГПУ и на что они способны. Первоклассная контрразведка. Спросите господина Хаяма, он подтвердит.

Хаяма с достоинством кивнул.

— Завтра я отбываю, — сказал Табахаси. — Мне что-то страшно в этом городе.

Табахаси не сказал, что в восемнадцатом ему было тоже страшно. Тогда он руководил отделом контрразведки. В подпольной большевистской газете стали появляться совершенно секретные штабные документы. Командование всполошилось и приказало Табахаси найти причину утечки информации. Табахаси приложил максимум сил, но информатора найти не мог. В отделе работали и русские офицеры, но они были вне подозрений. Заместителем же Табахаси по русским вопросам являлся штабс-капитан Галановский, доверенное лицо самого командующего оккупационными войсками. Вместе с Галановским Табахаси ломал голову. Командир полка майор Куроки, после того как в городе стало известно его секретное распоряжение о выдаче солдатам по пяти запасных обойм патронов, заперся в номере гостиницы «Версаль» и сделал себе характеры.

Вот когда стало страшно Табахаси.

Командующий после этого намекнул, что если агент большевиков не будет обнаружен, то такая же участь ждет и его, Табахаси.

Табахаси арестовал Галановского. Безо всяких улик.

Капитана жестоко пытали, но он все твердил: «Это ошибка». Табахаси в ярости отсек ему голову.

Секретные документы перестали появляться в газетах и прокламациях. Табахаси не знал, что интуиция его не подвела и под клинком погиб советский разведчик.

— А как же переговоры?

— Хватит, наигрались.

— Ну, смотрите, — согласился Ахата. — Я сделал все, что в моих силах. Внутреннее чутье подсказывает, что скоро и мне придется покинуть Владивосток.

Ахата не хотелось возвращаться в Японию. Здесь он был сам себе хозяин и жил на широкую ногу.

10

Уже на Фонтанной Губанов обнаружил за собой «хвост». Постарался отвязаться, но двое здоровых парней как прилипли. «Ладно, пусть топают, — подумал Губанов, — отвязжусь на базаре». Бандиты вели себя профессионально. Губанов зашел в булочную и через стекло разглядел их. Губанов отогрелся. Теперь он не сомневался, что Ванда навела на него своих приятелей, и те проверяют. И что Лукин мух ловит?

В гомонящей базарной толпе Губанов почувствовал себя вольнее. Тут действительно можно было оторваться от самого первоклассного преследователя. Затесался в толпе — попробуй отыщи!

Захар, сдерживая дыхание, остановился у ларька и попросил стакан воды. Он только приложился, как рядом снова оказались те двое. У Губанова мелькнула мысль взять их. И он был прав. Но тогда вся операция могла лопнуть как мыльный пузырь. От расстройства Захар выпил еще стакан воды, крикнул, надвинул на глаза шапку и направился в харчевню, что стояла напротив в торговых рядах. Не задерживаясь, прошел дымный и чадный зал, выскочил во дворик, перемахнул через забор и мысленно показал «хвосту» кукиш.

Взмокший, так что с него пар валил, Губанов явился к Хомутову.

— Замотали, гады, — сказал он, утираясь. — Привязались двое. От самой Голубинки ташил. Рожи что у Квазимодо. — Довольный сравнением, хрипло посмеялся. — Гринблат устроила. — Положил перед Хомутовым листок с номерами ассигнаций: — Проверить надо. Если сойдутся, то она. Нет, тогда пусть ею занимаются другие. А с меня хватит.

— Это мы можем мигом проверить. — Он вышел и скоро вернулся.

— Ну что? — спросил Губанов.

— Подожди еще немного и охолонь.

— Век мне жить у этой стервы, что ли? — ворчал Захар.

— Сегодня решим. Успокойся. — Хомутов подвигал на столе бумаги. — Тут такая хреновина непонятная. Хозяйка твоя навела все же. Как ты сунул ей банку с кокаином, так она и побежала. Насилу проследили. В самое яблочко получилось. И знаешь, к кому она привела Кержакова? К Токареву.

— Может, ошибка?

— Выясняем.

— Не нравится все это мне, промежду прочим.

— Промежду прочим, и мне тоже.

— Значит, я правильно тех богодулов не взял, — сказал Губанов.

— Каких?

— «Хвост». — Он обрисовал их.

— Это ребята из угрозыска, — успокоил Хомутов. — Имеешь, понимаешь, почти высшее университетское образование, а своих не признаешь, — расхохотался Хомутов.

Губанов долго, не мигая, глядел на Хомутова, потом махнул рукой, встал и поплелся в свою комнату.

Едва закрылась дверь, как явился «хвост».

— Ушел, — выдал старший.

— Губанов, что ли? И правильно сделал. Прилипли как банный лист. — Видя, как они расстроились, успокоил: — Он и не от таких уходил. Это ведь Губанов. «И чего они ему не понравились?» — запоздало оскорбился Хомутов, разглядывая симпатичные лица ребят.

11

Карпухин доложил в губкоме, что Табахаси вовсе не Табахаси и его можно выдворить с позором.

Пшеницын настроен был иначе: стоит ли подымать шум?

— Не спускайте с них глаз и не давайте шнырять по-за углам, — посоветовал он. — Если станет настырничать, то выдворим.

Дальше Карпухин доложил, к чему привело расследование этого дела по ограблению.

— Ошибка исключена?

— Могу точно сказать только после допроса Гринблат, а потом и самого Токарева.

— Ну что ж. Дело серьезное. И если окажется, что Токарев враг, то вина наша с тобой. Мы проморгали. И с нас спрос.

— Ты не переживай, — успокаивал Губанова Хомутов. — Они же тебя и охраняли.

— Можно было предупредить.

— Рисковать тобой лишний раз не хотелось. Давай, брат Губанов, — Хомутов придавил дергающуюся щеку, — вот что сделаем...

Вечером Губанов снова направился к Гринблат. Ванда принимала белье от прачки, считала наволочки, простыни, полотенца. При появлении Захара сунула прачке деньги и подтолкнула к выходу.

— Ну и как? — спросила она.

Губанов прошелся по гостиной из угла в угол. Сел.

— Чего как?

— Паспорт приобрели?

— Да. Знаете что, пойдете в ресторан? Только за ваш счет, надеюсь, тогда вы быстрее выплатите долг, потому как сегодня под утро я должен покинуть вас.

— Не волнуйтесь, Захар Иванович. Ванда еще ни одного порядочного человека не надула.

— Так идем?

— Эк вас потянуло. — Ванда бросила взгляд на свое отражение в зеркале. — Пойдемте. — Подошла к нему и, глядя черными цыганскими глазами снизу вверх, произнесла нараспев: — Что-то взгляд у вас блудит... — и взяла его под руку.

— Ну-ну, только без этого... — смутился Захар. Ванда рассмеялась. Захар видел, что смеяться ей не хотелось и глаза ее оставались настороженными.

— Какой-то вы из себя не такой.

— Это как прикажете понять?

— Вы из идейных или жигло?

Губанов не знал, что такое «жигло», и поэтом сказал:

— Из идейных.

— То-то и видно. Все вы такие идейные. Ванда переодевалась в спальне. Захар сидел на табурете. Ему очень хотелось спать. Она вышла в вечернем платье с жемчужным ожерельем на длинной точечной шее.

Ванда поправила короткую прическу.

— Ну как?

— Шанго¹, — сказал Губанов и подумал: «И чего ей надо, жила бы, растила детей.

¹ Хорошо (кит.).

А то тряпки, деньги, бандиты...» Появилась какая-то вкрадчивая жалость, но тут же вспомнил, что цифры, записанные в блокнот, сошлись с номерами выкраденных из банка купюр.

В темноте они спустились с Голубинки. Губанов придерживал спутницу под руку. Она скользила в резиновых ботиках. Кружилась голова то ли от запаха незнакомых духов, то ли от усталости. Вспомнились погибшие Ляпунов и Андрюшка Соловьев. Такого парня загубили гады... Когда Ванда еще раз поскользнулась, Захар чуть не сказал вслух: «Как корова на льду».

У старого кладбища он подозвал извозчика и что-то шепнул ему.

— Что вы там шушукаетесь? — спросила Ванда, усаживаясь и расправляя юбки.

— Да так. — Его почему-то начало знобить.

Шарабан покотил вдоль трамвайной линии. Ванда вцепилась в руку Губанова. У продуктового рынка повернули налево. Кучер натянул вожжи.

— Приехали, господа-товарищи. Вот тут и есть это самое ГПУ.

Ванда как будто перестала соображать. Она последовала за Губановым и, когда он рванул на себя взвизгнувшую промерзшими пружинами дверь, закричала дурным голосом, рванулась назад, но Губанов подхватил ее на руки.

13

Гринблат допрашивал Кержаков.

Растрепанная, она сидела напротив Артема, смотрела сухими блестящими глазами прямо перед собой и молчала. Молчал и Кержаков. Ванда находилась в шоковом состоянии. Когда Кержаков сказал: «Давайте поговорим, гражданин Гринблат. И вам и нам будет легче», — перевела недоумевающий взгляд на него:

— Простите, вы что-то сказали?

— И вам и нам сразу станет легче.

— Легче?

— Вот именно. — Кержаков разложил бумагу. — Токарева знаете? Только честно. Нам ведь известно очень много. Знаете или нет? Мне не хотелось бы от вас слышать ложь, потому сразу скажу, мы наблюдали за вами. Так как?

— Допустим.

— Эдак не пойдет. Знаете или нет?

— Знаю. Он что, убит, и почему вы о нем говорите, как будто его уже нет?

— Жив он, жив, успокойтесь. Кто совершил ограбление Госбанка? Учтите, ваши показания нам нужны до десяти вечера. Сейчас пятнадцать с половиной минут девятого. После девяти Токарев расскажет все сам. Не знаете? Для кого вы покупали медикаменты и относили к Токареву?

Тут Ванда не выдержала и всхлипнула, потом разразилась рыданиями. Кержаков налил в стакан воды.

— Выпейте. И не надо волноваться. Вашей темной жизни пришел конец. Очиститесь от грехов и будете жить спокойно, как все советские люди.

Глаза Ванды опухли, и она стала некрасивой. Кержаков говорил спокойно и даже задушевно:

— Вы верующая?

— Да.

— Представьте, что перед вами поп и вы исповедуетесь ему в своих грехах. — Он улыбнулся.

— Попросил Токарев, вот я и принесла ему.

— А для чего? Вы ведь по профессии медицинская сестра. Как нам известно, вместе с мужем служили у колчаковцев. Так?

— Не говорите мне о муже. Это негодяй.

— Не буду. Я тоже считаю его негодем.

Ванда поняла, что сидевшему напротив добродушному человеку многое известно, и поэтому ничего не стала скрывать.

С Токаревым она знакома еще по Петербургу, когда тот преподавал в военном училище, где служил ее муж. Встретились в Иркутске в девятнадцатом. Потом их свела судьба во Владивостоке. Гринблат бросил жену и бежал за кордон, оставив ей на память фамилию. Ванда бедствовала, и только Токарев спас ее от панели, втянув в махинации с наркотиками... Ванда завязла крепко и уже не представляла себе жизни без черного рынка. В тот день, когда был ограблен Госбанк, некий Мордвинов, которого она часто встречала у Токарева, привез к ней молодого человека с простреленным плечом. Она как могла перебинтовала его, но медикаментов под рукой не было, и пришлось бежать в аптеку. Куда делись деньги и золото с драгоценностями, она не знала. Ночью их куда-то отвезли, а куда, она не знает. Незначительную часть она получила и спрятала.

Кержаков запротоколировал показания и дал ей расписаться. Ванда поставила подпись.

— Скажите, Захар Иванович — тоже чекист?

— Да, хотите его видеть?

Ванда тряхнула головой:

— Нет. Это правда, что вы пытаете?

— Вранье, — оскорбился Кержаков, — мы не белогвардейская контрразведка, в которой служил ваш муж.

1/2

Губанову открыла кухарка Токарева, и тут же за спиной ослепительно полыхнуло пламя. Губанов успел толкнуть в сторону Кержакова, и пуля вырвала клоч ваты из рукава его пальто. Выстрелив в ответ, Губанов проскочил темную прихожую и оказался в маленькой комнате с зашторенными окнами. На деревянном топчане лежал полуголый человек в бинтах. Увидев Захара, он попытался подняться, но тут же повалился на спину. Бинт сразу намок. Захар пошарил под подушкой и, не найдя оружия, осмотрел комнату. Вверху хлопнул выстрел.

Губанов бросился туда по крутой лестнице.

Кержаков, расставив длинные ноги, стоял посреди комнаты. В камине потрескивали дрова, а на ковре лежал в неловой позе Токарев. На нем был халат и шлепанцы. В согнутой руке — крепко сжатый парабеллум. Кержаков посмотрел на Губанова.

— Застрелился, — сказал он. Поискал глазами куда бы сесть. — Нехорошо получилось у нас, брат Губанов. Пришли к финишу — и вот те на.

Лукин допрашивал раненого...

— Надо ехать в Куперовскую падь. Вот адрес. Там еще двое, — сказал Губанов.

...Этой же ночью были арестованы остальные участники налета.

Карпухин убежденно говорил:

— Не верю, чтоб Токарев организовал ограбление ради наживы. За этой акцией кроется политическая подкладка.

Никто не мог сказать, куда исчезло награбленное: ни Ванда, ни кухарка, ни трое захваченных. Твердили одно: Таратута (так звали убитого бандита) с каким-то гражданином увезли мешки в город, а куда — неизвестно.

15

Утром в кабинете Губанова и Кержакова раздался телефонный звонок.

— Простите, это ГПУ? Мне надо поговорить с вашим ответственным работником.

Губанов оглянулся, только что здесь был Кержаков и куда-то исчез.

— А что, собственно, вам надо? — спросил он, придерживая трубку плечом и продолжая писать.

— Дело в том...

— С кем я говорю?

— Ростов. Переводчик. Я с Табахаси приехал.

— А, ну понятно. Что вас интересует?

— Мне надо сообщить вашему начальнику нечто важное.

— Зайдите к нам.

— Что вы!

— Тогда подождите. — Губанов вскочил, налетел на Лукина.

— Мигом разыщи Кержакова, скажи, мол, к телефону требуют.

Вернувшись, Губанов стоял перед телефоном и смотрел на него, гадая, что бы мог сообщить Ростов. Конечно, он имел право и сам его выслушать, но тот просил начальника. А поскольку Кержаков являлся старшим оперуполномоченным, ему и карты в руки.

Вбежал Кержаков. Губанов показал на трубку. Кержаков долго слушал, взял из рук Губанова папиросу, знаком попросил дать огня и, затянувшись, ответил:

— Да, да, понятно. Ну хорошо. — Легонько хлопнул по столу, что означало: вопрос решен. — С вами встретится товарищ. Он представится. — Положил трубку.

— Пойдешь на встречу с Ростовым. Дело серьезное. Кажется, будем знать, у кого бабушкина пропажа. Возьмешь с собой Лукина.

— Кто мне его даст?

— Скажу Хомутову — и даст.

— Ну спасибо. Я спать хочу, — проворчал Губанов, зевая во весь рот. — А зачем мне Лукин?

— Пригодится, может, провокация какая. Ростов откуда явился? Из Харбина. Понимать надо. Говорит, боится японцев, если им станет известно о его звонке, то ему худо придется.

— Сперва доложи Хомутову.

Кержаков ушел к начальнику КРО. Хомутов согласился послать Губанова и решил взять Лукина.

Губанов проинструктировал практиканта и поглядел на часы.

— Идем через двадцать минут. От тебя требуется только смотреть по сторонам и помалкивать. В случае чего дашь сигнал. Понял?

Лукин, как всегда, все понял и спросил:

— Оружие брать или как?

— Возьми.

После случая на Голубинке Губанов сказал Лукину: «Такой связной мне не нужен. Поступишь в распоряжение коменданта. Будешь снег чистить». Лукин чуть не заплакал. Губанов на первый раз простил ему и доложил об этом Кержакову. «У тебя, как у коровы, мягкое и большое сердце. Все жалко. Ну гляди, тебе еще придется с ним работать», — сказал тот.

— Главное, соображай, — посоветовал Губанов Лукину. — Только недолго. Усек? Ну, лады.

...Хомутов написал обстоятельную докладную о ликвидации банды, и Карпухин, вооружившись очками, изучил ее. Трое суток прошло, банда ликвидирована, но легче не стало.

— И что? — Карпухин снял очки. — Что дальше будем делать?

— Не знаю, — признался Хомутов.

— И я не знаю. Может, Борцов знает?

Борцов сосредоточенно курил. Сотрудника его отдела Чухнова шарахнули чем-то по голове, и Чухнов лежал в больнице. Отрабатывая параллельную версию с фазтоном, Борцов подал мысль покрутиться на найденном фазтоне возле ресторанов. Может, кто опознает транспорт? Чухнов усердно крутился; часов в двенадцать ночи возле «Националя» его наняли двое подвыпивших, Чухнов повез их на Матросскую и там получил по голове. Исчез фазтон и, главное, кобыла, которую Борцов зафрахтовал у гужевиков. Теперь надо было рассчитываться за нее, а Карпухин сказал, что весь расчет будет производить лично Борцов, потому как кобылу он взял без его санкции. Борцов принялся искать кобылу, а КРО тем временем банду ликвидировал. Борцов предполагал, что Чухнова оглушили те, кто опознал фазтон, и предлагал искать его. Карпухин возражал:

— Ну если тебе нечего делать, то ищи свою кобылу.

Борцов сидел и курил. На вопрос Карпухина сказал:

— Кобылу надо искать, и тогда мы вый-

дем на того, кого ищем. Считаю, это не просто хулиганская выходка. В ту ночь ни на одного извозчика не напали, а вот на Чухнова напали.

Резон в его предположении был, но банду ликвидировали. Стоила ли овчинка выделки?

— Ладно, — согласился Карпухин, — вот Хомутов сообщил, что Ростов напрашивается на встречу. Поглядим, что получится, и будем решать с твоей кобылой.

— Ну так что? — напомнил Хомутов.

— Не знаю. Может, действительно Ростов что-нибудь сообщит.

16

Ростов в длинном пальто с шалевым воротником прохаживался в сквере Невельского. Под голыми деревьями, при входе в сад, стоял Лукин и по армейской привычке курил в руках. Голову втянул в плечи, воротник пальто был поднят. Казалось, Лукин выбирает момент, чтобы кого-нибудь ограбить.

Играли в чижика дети, учительница водила стайку школьников, в дальнем углу сквера двое распивали бутылку ханжи.

Губанов подошел к Ростову, представился.

— Это ваш товарищ? — указал Ростов на Лукина.

Губанов обернулся в сторону Лукина:

— Нет, не мой.

— Знаете, на этом месте я когда-то познакомился со своей будущей женой. Я был страстным любителем горок, а тут зимой всегда насыпали такие чудесные горки. Господи, как это давно было... Извините, что оторвал вас от дела, может, то, что сообщу, покажется пустяком, но совесть не позволяет умолчать. Понимаю вас: мол, что может сказать человек, который обитает где-то в Китае? Но мне, поверьте, интересы России близки. Так вот в чем дело. Японцы домогаются цветного металлолома. А точнее, якобы хотят купить стреляные гильзы. Они знают, что гильзы вы не продадите им. И Табахаси прибыл не за этим, он с помощью Ахата собирается вывезти советские дензнаки и драгоценности на финансирование армии Семенова. Недавно у вас ограбили Госбанк, и я подумал, нет ли здесь какой связи.

Губанов внимательно слушал Ростова, и сердце у него колотилось. Они медленно

шли по тропинке. Неужели такая удача? Значит, Токарев передал японцам, а те...

— Спасибо, Артур Артурович. Мы примем к сведению вашу информацию. Действительно, ГПУ занимается это ограбление, и мы заинтересованы в розыске похищенного.

— Постарайтесь убедить ваше руководство, прошу вас. Я ничего не сделал для новой России, пусть хоть это станет моим вкладом. Ради бога, убедите. Мне нет веры, я знаю. — Он волновался.

— Я постараюсь. А если вы нам еще понадобится? Можем рассчитывать на вас?

— Готов услужить, но учтите, сегодня мы должны уехать.

Лукин подавал какие-то знаки. Губанов распрощался. Первым ушел Ростов. Губанов остановился у киоска с бумажными цветами. Рядом встал Лукин.

— Ты чего там сигналил? — спросил Губанов.

— Ничего не сигналил, — возразил Лукин.

— Что, я не видел, что ли?

— А, я замерз, как цуцик, вот и подвигал руками.

Губанов сплонул от досады и, круто повернувшись, быстро зашагал. Лукин с виновным видом последовал за ним.

— А что дальше будем делать, Захар?

Губанов не отвечал.

— Захар, а Захар...

Губанов молчал.

— Что теперь будет?

— Ну чего привязался?

— Так я ж виноватый. Спортил тебе всю операцию.

— Ничего не спортил, — разозлился Захар, — возьми дистанцию, чекист, черт побери, — зашипел Губанов.

— Правда? Ну, спасибо, а то я подумал, выгонись.

17

Артур Артурович как ступил на родную землю, так и потерял покой. И чем ближе подходил отъезд, тем беспокойнее становился. Бродил по городу в свободное время, узнавал улицы, где в юности бегал с ровесниками, ходил в порт, там ловили рыбешку. Зашел в свой дом, в котором располагалась какая-то контора. Дом Ростовых, вернее, бывший их дом, находился на улице Петра Первого, содержался в

чистоте, и это понравилось Артуру Артуровичу. В бывшей гостиной на косяке нащупал замазанные краской зарубки, погладил их пальцами. Вспомнил, как отмечал рост сынишки, и на глазах выступили слезы.

В 1906 году умерла жена. Ростов помыкался один с сыном, хотел было жениться, но передумал. Подождал, когда сын закончит гимназию, отправил его в Петербург в медицинский институт, а сам уехал в Харбин. Сын с первого курса ушел из института и поступил в военное училище, чем несказанно огорчил отца. Затем Ростов перебрался в Токио, несколько лет прожил там и вернулся снова в Харбин. Владимир служил в Сибири, но к отцу наезжал не так уж часто. А потом разразилась революция, и они потеряли друг друга из виду. И только в двадцать первом Владимир после ранения навестил отца, и отец не узнал его. Из симпатичного и прилежного подростка он превратился в мужчину, повидавшего и пережившего многое. Ростов настаивал, чтоб сын занялся каким-нибудь ремеслом, но Владимир наотрез отказался.

— Папа, я военный, меня учили воевать. Что я и делаю.

— Но ведь ты убиваешь людей. И они тебя могут убить!

— Я убиваю не людей, папа, а большевиков! — ответил Владимир.

— А что они плохого тебе сделали?

— Не мне, так моим товарищам, ах, что там говорить!

Ростов настаивал на своем, и тогда Владимир в один день собрался и, не говоря ни слова, уехал. А куда — не сказал. И Ростов понял, что сын для него потерян навсегда.

Он погиб под Владивостоком от своего же снаряда.

Со смертью сына Ростов сильно сдал. Все больше задумывался о смысле жизни. Единственным утешением осталась приемная дочь, которой на пасху исполнилось пятнадцать лет.

И вот город, где каждый камень мостовой напоминал о близких, о далекой молодости.

Артур Артурович плохо понимал программу большевиков, но коль народ не захотел жить по-старому, то так, видно, и должно быть. А русский народ он уважал и любил и себя считал выходцем из него.

Он плохо спал ночь и под утро решил-ся позвонить в ГПУ.

18

Вернувшись после встречи с Ростовым, Губанов, сияя, доложил о разговоре с ним Кержакову, и тот схватил товарища в объятия.

— А я, понимаешь, сразу учуял, что здесь именно и зарыта собака. — Его прямо-таки распирало от радости.

Пареньков разделил их восторг, но тут же задумался: а не провокация ли? Вы-разил свое подозрение вслух.

— Да какой он провокатор? — возмутил-ся Губанов. — Видел бы ты его. — Повер-нулся к Кержакову, ища поддержки: — Ни за что не поверю. Какая там к черту провокация? Если он оказался в Харбине, то обязательно враг, что ли?

Кержаков поддакнул, однако радужное настроение улетучилось. Карпухин трезво оценил сообщение, потребовал от Хому-това письменного отчета и спросил:

— Ты представляешь, что получится, ес-ли информация окажется ложной?

— Знаю. Будут неприятности, — согла-сился Хомутов.

— Скандал будет. Международный.

Карпухин посоветовался с губкомом пар-тии. Пшеницын сказал ему: «Действовать только наверняка».

Карпухин собрал совещание. Пригласи-ли Губанова и Кержакова. Когда они во-шли, там уже находились заместитель Кар-пухина Жилис, Борцов, начальник секрет-ного отдела Кактусов.

— Мы внимательно познакомились с со-общением КРО, — говорил Карпухин, — и мнения товарищей разделились. Я совсем не исключаю, что Ростов руководствуется добрыми чувствами и желанием помочь нам. Однако знаю и коварство японской разведки. Но, к сожалению, фактов, под-твердивших бы ваше сообщение, мы не имеем. Улик не имеем, — Карпухин развел руки. — А значит, и обыск делать не име-ем права. Может, я ошибаюсь? — Он огля-дел всех. Жилис колотил трубкой о под-оконник. Кактусов согласно кивал. — К то-му же Табахаси сегодня уезжает. Через час с небольшим, — сказал он.

— И тем не менее, что-то надо пред-принять, — сказал Хомутов. — Хотя бы по-мешать их отъезду, пока не примем окон-чательного решения.

— Это, пожалуй, можно, — Карпухин на-гнулся к Жилису и что-то сказал, Жилис быстро вышел.

— А я сомневаюсь в Ростове, — под-нялся Кактусов. — Не верю ему. С чего бы это белогвардеец вдруг решил нам помочь? Ну с чего?

Губанов не вытерпел:

— Да не белогвардеец он вовсе!

— А на вашем месте я бы помолчал. — Кактусов сощурил глаза. — Думать надо.

Губанов вспылил:

— Сомневаюсь в ваших способностях думать, товарищ Кактусов.

Карпухин постучал по графину.

— Не поверим Ростову — станем не-вольными пособниками преступления, — защищал Губанова Кержаков. — Потом локти будем кусать. Это уж точно. У то-варища Кактусова семеро по лавкам не плачут, и ему все равно, найдем мы эти проклятые деньги или нет. А мне и мно-гим другим не все равно.

Жена Кержакова работала прачкой у нэпмана, сам он вынужден был за кусок хлеба распродать все, что осталось.

Вернулся Жилис, и все посмотрели на него. Жилис кивнул Карпухину, мол, все сделано. Карпухин сообщил:

— Ну что ж. Задержим их на сутки. А дальше что предпримем?

— Подумать надо, — подал голос Хому-тов, — так просто мы ничего не предло-жим. Вот если кобылу Борцова найдем.

Некоторое время все веселились. Бо-рцов отбивался:

— Вам смешно. А между тем ниче смешного.

Карпухин унял веселье и сам погасил улыбку.

— И все же мы не должны допустить конфликта, — твердил Кактусов.

Карпухин свернул совещание, сказав в последок:

— Не получим подтверждения сообще-нию Ростова — все! Ставим точку на это-м деле.

Все разошлись по отделам. Губанов и Кержаков явились к Хомутову.

— Чего вы?

— Надо что-то придумать, — сказал Гу-банов.

— Думай. Впереди сутки.

— Надо вместе.

— Сомневаюсь, ребята, чтобы мы что-то придумали.

И как бы вы ни петушились, хоть сто

раз окажись прав ваш Ростов, санкцию на обыск никто не даст. Вот если... — он наморщил лоб, — сам Ростов в присутствии Ахата заявил бы, тогда другое дело. Он, можно сказать, их сотрудник, и это меняет дело. Так или не так я говорю?

Губанов переглянулся с Кержаковым. Это мысль. Но согласится ли Ростов?

Губанов с Кержаковым вернулись к себе. Кержаков пнул попавшийся под ноги стул.

— Чего психуешь?

— Тут с ума сойдешь с вами, — огрызнулся Кержаков. — Из-под носа увозят ценности, а мы церемонимся.

— Я, что ли, увожу их?

— Не хватало еще тебя. Давай-ка по холодку к Ростову. Постарайся убедить старика. Если он действительно патриот, то на все пойдет. Если откажется, значит, подсовывает дезу.

19

Табахаси не пришел в назначенное время к Вольскому, и Линьков созвонился с Ахата. Тот сказал, что Табахаси уезжает сегодня, и он не имеет права задерживать его, так как пришла телеграмма из Токио, требующая немедленного возвращения. Линьков доложил Вольскому.

— Не хотя — не надо. Скоро сами обратятся к нам. — Вольский оказался прав. Позвонил Ахата и сказал, что билетов на поезд нет, и просил помочь с отправкой Табахаси. Вольский пообещал помочь.

Сотрудники консульства не пользовались пароходами, считали удобнее железную дорогу, и поэтому брали билеты на поезд до станции Пограничной, оттуда в Харбин, потом в Порт-Артур.

Через полчаса Ахата снова напомнил о себе, и Вольский сказал, что, к сожалению, сможет помочь с билетами только на завтра, потому что один вагон экспресса в ремонте, и по этой причине возникла трудность. Притом вагон купейный, а в простом господин Табахаси, вероятно, не поедет. Ахата согласился.

20

Губанов вернулся от Ростова.

— Ну как? — с нетерпением спросил Кержаков.

— Отказался старик. Говорит, если он сделает открытое заявление, то ему нель-

зя будет вернуться в Харбин. А там у него приемная дочь. Вот так.

Кержаков холодно усмехнулся:

— Значит, прав оказался Кактусов?

— Ты не кипятись, — остановил его Губанов. — Старик действительно в безвыходном положении. Ну представи себя на его месте. Что бы ты делал, если ребенок там остался? Ростов вот что предложил...

21

На другой день в 12 часов от консульства отвалил «паккард», в котором сидели Ахата, Табахаси и Ростов. На вокзале их встретил Линьков и вручил билеты. Японцы, не обращаясь за помощью, сами внесли в вагон валізы¹, на каждой из них имелись сургучные печати на шнурках. До границы предстояло ехать почти целые сутки. Табахаси заметно нервничал и хрустел длинными пальцами.

...Через двадцать два часа пассажирский состав прибыл на конечную станцию. В вагоне появились пограничники и работники таможенной службы. Они потребовали осмотра багажа. Табахаси запротестовал, заявив, что почта имеет дипломатическую неприкосновенность. Старший пограничного наряда попросил показать багаж. Табахаси с готовностью стянул его с верхней полки и онемел. Ни на одной из валіз и в помине не было печатей. Вместо них торчали коротенькие хвостики шнурков. Таким образом, почта потеряла статус неприкосновенности. Табахаси зло сверкал глазами, грозил международным скандалом. Но когда в багаже были обнаружены сотни пачек советских дензнаков и золото, успокоился.

Два часа шла опись.

Губанов нашел Ростова на пристанционном рынке, тот пил варенец.

— Спасибо вам, Артур Артурович. Ростов вытер платком усы.

— Да чего там.

— Может, все же останетесь, а? Ведь вам нельзя возвращаться. Табахаси, наверно, подозревает вас.

— Если бы Наденька была со мной, непременно остался бы.

— Ну ладно. Если надумаете, то обратитесь к нашим дипломатам в Харбине, они помогут вернуться.

¹ Мешки с диппочтой.

— Спасибо.— Ростов поправил кашне на тонкой шее.— Печати я выбросил где-то там.— Он махнул рукой в сторону сопок, где змеилось железнодерзкое полотно. В стороне стоял Кержаков.

22

Кержаков сердито двигал ящиками стола, собирал какие-то бумаги, одни бросал в печку, другие засовывал в портфель. Бубнил что-то себе под нос. Нашел какой-то блокнот, с интересом полистал и тоже бросил в огонь.

— Следы заматаешь?— Губанов сидел на подоконнике и болтал ногой.— Сдрейфил?

— Чего? Ты говори, да не заговаривайся.— Звонко щелкнул дверцей тумбочки. Дверца распахнулась снова. Губанов рассмеялся.

— Смейся, смейся. Погляжу, как хохотать будешь у Карлухина.

— А что, ты старший опер, тебе и отвечать в первую очередь. Кому же еще? Хомутов в стороне. Мы проявили под твоим чутким руководством самоволие. Так что кому-кому, а тебе достанется.

Окна кабинета выходили во двор, где чахоточно кашлял дряхлый «фордзон», который притащили откуда-то еще осенью прошлого года, и теперь над ним измывались все, кто хотел.

И Губанов, и Кержаков прекрасно понимали, что за самоволие их никто не пощадит и скорее всего выгонят или предложат уволиться, несмотря на то, что деньги и ценности возвращены государству. Такое еще никому не прощалось. И тому и другому предстояло искать работу, но очень уж не хотелось уходить от товарищей, с которыми породнились кровью.

Кержаков сидел, подперев голову кулаком, и катал по столу карандаш. Они ждали Хомутова, который находился у Карлухина, где решалась их судьба. Вчера Губанов с Кержаковым внесли в кабинет Карлухина «дипломатический багаж», торжественно и чинно поставили с позволения начальника в тот угол, в который Карпухин когда-то ткнул пальцем. Кержаков доложил, что операция прошла успешно, и государственные ценности возвращаются их законному владельцу, то есть банку.

— Это какая такая операция?— не понял Карпухин, а когда сообразил, остолбенел. Чекисты, видя нехорошее состояние

начальства, быстренько улизнули. И вот теперь...

Явился Хомутов.

— Ну что, соловьи-разбойники, грустите? Нашкодили, а теперь приуныли? Хотя бы меня предупредили, босяки.

Губанов сполз с подоконника.

— Что там?— с надеждой спросил Кержаков.

— Худо ваше дело, ребята. Так разоряется Кактусов. В общем, двинули. Карпухин требует. Крови жаждет.

В «предбаннике», как называли между собой приемную начальника ГПУ, Хомутов поднял палец вверх, призывая к вниманию, а сам исчез за массивной дверью. Кержаков перевел дух.

— Чего-то меня, брат Губанов, ноги не держат,— сказал он и опустился на диван. Диван запел всеми пружинами, и Кержакову показалось, что он сел на роуль. В другое время Губанов обязательно бросил бы что-нибудь усмешливо-язвительное, но тут только лоб наморщил.

Не успели они закурить, как вышел Хомутов. Увидев кислые физиономии своих подчиненных, протянул недовольно:

— Ну, братцы, так не пойдет. Вы что, украли? Бодрее держитесь. Государству, понимаешь, вернули миллионы. Да люди в ноги вам упадут, коли узнают, какие вы герои!

— Не узнают,— сказал Губанов.

— Сейчас не узнают, так потом узнают. Пошли!

...У подъезда японского консульства остановился автомобиль, из которого молодцевато выпрыгнул Хомутов в отутюженной форме. Поправил португую. Секретарь доложил консулу о прибытии гостя. Ахата настороженно встретил Хомутова.

— Господин консул,— обратился Хомутов к Ахата,— я уполномочен предложить вам в течение трех суток оставить пределы Советской России.

Ахата долго молчал, устремив взгляд в окно, из которого весь порт был виден как на ладони. Солнце заливало щедрыми лучами просторную комнату.

— Хорошо. Я воспользуюсь вашим предложением.

* * *

Хомутов подшил в папку бумаги, прямым корешком и крупно вывел: «ОПЕРАЦИЯ «КОНСУЛ».

Отряд особого назначения

П. Гладких — бывший партизан. В 20-х годах он участвовал в ликвидации белогвардейских банд, проявив при этом мужество. Прошли десятилетия.

Слишком много было пережито и увидено за годы гражданской войны и послевоенного строительства. П. Гладких не мог не рассказать о героях-партизанах и чекистах новому поколению. Так была написана книга «Орленок», изданная в Примиздате. В этой книге автор и рассказал, как была ликвидирована одна из банд белых офицеров. Сохранился и снимок бойцов отряда частей особого назначения (см. фототетрадь). К сожалению, имена многих из них неизвестны.

После ухода японских интервентов в Приморье начала налаживаться нормальная жизнь. Остатки белогвардейских частей бежали через границу в Маньчжурию. Первое время, ошеломленные и деморализованные, они не проявляли активности. Но когда было проедено и пропито награбленное добро, белобандиты начали переходить границу и нападать на сельские Советы, кооперативы, убивать советских работников, коммунистов и комсомольцев. Особенно активно действовала банда белых офицеров в приграничном районе Турий Рог — Камень-Рыболов — Гродеково. Она совершала систематические налеты на села. Население района обратилось с просьбой к советским органам избавить их от бандитов.

Весной 1923 года в Приморье была проведена мобилизация коммунистов и комсомольцев в отряд особого назначения войск ОГПУ по борьбе с бандитами. Секретарь Спасского укома партии Степан Веселовский вызвал группу коммунистов и комсомольцев, в которую входил и я, и объявил, что мы мобилизованы на выполнение боевого задания. В тот же день вечером Борисов, Половинчиков, я и другие выехали в Никольск-Уссурийский. Сюда же прибыли товарищи из Влади-

востока, Уссурийска и других пунктов Приморья. Встретили нас бывший командир партизанского отряда Гавриил Демин, комиссар отряда — работник органов ОГПУ Альфред Розен. Заместителем командира был назначен приехавший с нами из Спасска бывший командир партизанского отряда Андрей Борисов. В течение одного дня отряд был обмундирован, вооружен карабинами, ручными пулеметами, наганами, шашками. Лошади были подготовлены заранее.

На третий день вечером отряд выступил в поход к маньчжурской границе в район Турьего Рога. Бывшие партизаны попали в привычную обстановку.

Среди бойцов отряда выделялся молодой шахтер из Сучана. С первого дня Демин назвал его Сынком, и слово это словно прилипло к нему (фамилию я, к сожалению, забыл). Это был невысокий, крепко сбитый паренек, комсомолец. И лошадка у него была ладная и поразительно быстроногая. Многие пытались во время учений, когда раздавался сигнал трубача «В атаку — марш, марш!», обогнать Сынка, но безуспешно. Его монгольская лошадка неслась как вихрь, и казалось, что ноги ее не касались земли...

Отряд непрерывно маневрировал. Часто поднимались ночью по тревоге, седлали лошадей и мчались в соседнее село. В разведке всегда были коренастый Сынок и, полная ему противоположность, тонкий и высокий, похожий на Дон-Кихота Дмитрий Половинчиков. Мы еще только кончали седлать лошадей, а по дороге уже раздавался дробный топот копыт монголки Сынка и вороного жеребца, на котором маячил Половинчиков. Это вперед ушли разведчики...

После многодневных маршей наш отряд наконец напал на след бандитов. Каким-то образом наши разведчики захватили в плен одного бандита. Это был угрюмый, заросший рыжей щетиной детина капитан-капеллевец с орденом «За ледовый по-

ход» на груди. Этим знаком награждались только ветераны-белогвардейцы, которые прошли с боями от Урала до Тихого океана.

И вот сидит этот бандит в офицерских погонах (нарисованных химическим карандашом на гимнастерке) на крыльечке школы, понурив голову. Неподалеку от него стоит бравый Сынок с карабином. В школу заходят Демин, Розен, Борисов, командиры взводов. Мне предстоит вести протокол допроса.

Вначале бандит отказался отвечать. Но после того как Демин пообещал сохранить ему жизнь, пленный ответил на все вопросы. Он заявил, что укажет, где располагается главная база банды. Вскоре была дана команда «По коням!»

Всем бойцам отряда был выдан паек НЗ, для лошадей тоже были получены усиленные порции овса. Через час мы уже мчались на рысях к маньчжурской границе. В воздухе парило, чувствовалось приближение грозы.

Как только отряд свернул с проселочной дороги на таежную тропу, бойцы спешились. Мошка слепила, нещадно жалили комары. Вдруг сверкнула молния, грянул гром, и разразился ливень... Для того чтобы мы не сбились с тропы и не растеряли друг друга, была подана редкая в кавалерии команда «за хвост». Это значило, что боец одной рукой держал в поводу свою лошадь, а другой — за хвост впереди идущую. В кромешной тьме мы спотыкались о кочки, поваленные деревья, падали. Цепочка разорвалась. Отряд остановился и снова, как только все подтянулись, двинулся. В такой обстановке Сынок охранял своего пленника, который шел впереди отряда, определяя дорогу по известным ему признакам. Для того чтобы пленный не убежал, привязал его цепью от недоуздки к своему поясу и, держа в одной руке повод, в другой наган, вел отряд.

К утру ливень прекратился. За это время и люди, и лошади выбились из сил. Взошло солнце. От земли поднимался пар. Командир принял решение расседлать коней, хорошенько их накормить и дать время для отдыха. Передохнули и мы. После отдыха двинулись в пешем строю. Несколько пожилых бойцов остались в долине, чтобы присматривать за лошадьми. Я был вторым номером у трофейного пулемета системы «Шош».

В Никольске-Уссурийском многие из молодежи обзавелись шпорами, чтобы походить на настоящих кавалеристов, благо на базаре, в лабазах они висели огромными связками. Купил и я себе шикарные шпоры с «малиновым звоном». И как же я проклинал эти шпоры во время трудного ночного похода. Сапог проваливался в трясины, и шпора не давала возможности вытащить ногу. Во время короткой передышки я, как и другие бойцы, выбросил их.

Команды уже не подавались, было приказано не разговаривать и не курить. По всему чувствовалось, что мы приближаемся к месту, где должна находиться база бандитов. Впереди шел Сынок с пленным. Мы все шли и шли, то поднимаясь в сопки, то спускаясь в долину. От перепревших прошлогодних листьев шел горьковатый запах. Только в долинах дышалось легче.

Утром с вершины сопки разведчики дали сигнал остановиться. Нас опять начала донимать мошка, комары, слепни. Многие обмотали головы, но это не помогло.

Разведка донесла, что в долине виден дымок от костра. Пленный не обманул нас.

На берегу неширокой речушки стояли четыре больших шалаша. В каждом из них могло поместиться по двадцать человек. Рядом — коновязь, возле которой десятка два лошадей. Мы видим, как они мотают головами, отбиваясь от гнуса. Возле большого костра хлопочут несколько человек. Над кострами висят котлы. Больше никого не видно.

Ночной ливень измотал бандитов, и они отсыпались, не выставив даже часовых. Нам было ясно, что на базе не меньше семидесяти—восемидесяти человек, как и говорил пленный. Нас было не больше пятидесяти.

Демин провел короткое совещание командиров взводов. Отряд разбили на две группы, с тем чтобы подойти к базе с двух сторон и взять банду под перекрестный огонь пулеметов и карабинов.

Первую группу возглавил сам Демин, вторую — Борисов и Розен. Группы бесшумно скрылись. Сигналом для боевых действий должен был послужить одиночный выстрел. Наша группа пришла к намеченному рубежу первой. Пришлось ждать условного выстрела. Мы занимали очень удобную позицию. Всем бойцам было хорошо видно, что делалось в лагере.

Прозвучал выстрел. Почти одновременно грянули залпы, затрещали пулеметные очереди. База с двух направлений пронизывалась перекрестным огнем. Из шалашей начали выскакивать бандиты. Многие были в одном белье. Некоторые бежали на нашу цепь с перепугу. Некоторые успели взять оружие и отстреливались, продвигаясь в сторону границы. Перестрелка продолжалась недолго. Мы окружили банду, и сопротивление они прекратили. Кто-то все же убежал. Преследовать было бесполезно в такой чащобе. Раненых с нашей стороны не было. Потом мы осмотрели базу и нашли много оружия, обмун-

дирования. Внутри шалаши были оборудованы для тайги довольно комфортабельно: хорошие плюшевые одеяла, белье, пудра, одеколон и многое другое — все это они нагнали в кооперативах пограничных сел.

Несколько белогвардейцев попали в плен. Их обнаружили, когда прочесывали кустарник. Жалкие и перепуганные, они долго не могли вымолвить ни слова.

Во время бесед с ними мы выяснили, что вся банда состояла из бывших офицеров-капеллецев, разгромленных осенью 1922 года под Спасском.

Г. Федоров

Памятные годы

Родился я в 1902 году в Приморье. С лета 1922 года и до окончательного разгрома интервентов и бело-гвардейцев работал в канцелярии уполномоченного ДВР по южной части Ольгинского уезда. Возглавлял его тогда Шелоков. Дислоцировалось это представительство в одной из бухт. Оттуда был направлен на работу в Сучанский уездный военно-революционный комитет, который размещался на шахте № 2 в бывшем больничном бараке. Возглавлял его в то время Бондаренко, затем Любченко и несколько позднее Аллилуев, известный ветеран гражданской войны, ныне Герой Социалистического Труда.

Из уездного военно-революционного комитета в июле 1923 года, будучи комсомольцем, я был направлен на работу в уездный подотдел ГПУ, который дислоцировался в Шкотово.

Несколько подробней о работе в подотделе ГПУ. Он обслуживал уезд, который простирался от нынешней станции Угольной до бухты Заповедной. Ныне на этой территории находятся города Артем, Партизанск, Находка, поселки Угловое, Артегрэс, Большой Камень, Шкотово, районы Шкотовский, Партизанский и Лазовский. Этот обширный уезд на всем своем протяжении выходил границами к морю, что расширяло возможности проникновения врага на нашу территорию.

Штат нашего уездного аппарата колебался в пределах 8—10 человек. Своих сил было немного, полагались на помощь и поддержку населения.

В то время на территории уезда процветал махровый бандитизм. Действовали банды, состоящие из белогвардейцев, хунхузов и прочего отребья. Были среди них и крупные, например банда Космынина из села Владимиро-Александровского.

Она состояла из кулаков Владимиро-Александровского. Бандиты были хорошо знакомы с местностью, имели широкие связи, хорошую базу снабжения.

С таежного хутора кулака Соломенного действовала небольшая бандитская группа. Путем налетов и засад она терроризировала население. Эта группа действовала не один год, пока ее не ликвидировали чекисты.

Орудовали банды Иванова, Кожихова и многие другие. Все они наносили большой ущерб народному хозяйству, унесли жизни многих преданных Советской власти людей. Так, от рук бандитов в 1923 году погиб Максим Крашнин — сотрудник морского погранпоста бухты Находка. Был убит Константин Рослый — комсомолец из Владимиро-Александровской милиции. Получил смертельное ранение молодой сотрудник подотдела ГПУ Надеждин. В селе Унаши был тяжело ранен уполномоченный по хлебозаготовкам, бывший командир партизанского отряда Сержант.

Второй по величине являлась банда Хекова. Ядро ее составляли местные кулаки. Руководили ими отец и сын Хековы. Банда действовала в районе села Новая Москва. О существовании и действиях ее чекисты узнали своевременно и следили за ней. Пробравшись незаметно в Новую Москву, сотрудники нашего подотдела Достовалов, Борисов, Штун и я устроили засаду и выследили бандитов, когда они шли в село, и с бандой было покончено.

Банда Бутовца состояла из кулаков села Душкино. В 1925 году из засады, устроенной между Душкино и Волчанцом, они убили красноармейца Ускова с погранзаставы Новолитовск и сотрудника ГПУ из села, которое находилось между Находкой и Новолитовском.

Банда Купченко перешла из-за кордона через Усури в районе села Марково по так называемому Мамонтову болоту, проникла в наш тыл в районе Ружино и далее в Успенку (ныне село Кировка), отсюда по тайге, по таежным тропам пробралась в Шкотово, а затем в Романовку. Сам Купченко был учителем. И эта банда была ликвидирована.

В 1923—1924 годах в Шкотовском районе особенно свирепствовали банды хунгузов, которые, как нам потом пришлось удостовериться, обычно зарождались на угольных копях Скидельского, на разъезде Озерные Ключи (ныне шахты Артема), в районе сел Романовки и Речицы. Наиболее крупная из них банда Лау. Мне приходилось принимать участие в их ликвидации.

В 1926 году я был включен в операцию против крупной шайки контрабандистов Ким-Ин-Сели. Это была хорошо организованная группа, действовавшая в районе деревень Береговой, Поворотной, Хмыловки нынешнего Партизанского района.

Крупные контрабандистские шайки в то время имели в своем составе много «прожженных» преступников, имевших хорошую связь с границей. В таких шайках все было четко определено: одни закупали контрабанду, другие ее доставляли к побережью или к границе, третьи перевозили по морю на шхунах и шаландах, перетаскивали на нашу территорию по сухопутью, четвертые караулили подход баржи и шун, занимались выгрузкой, пятые доставляли в наш тыл, и шестые реализовывали. Сеть контрабандистов была широко-разветвленной, и бороться с ними было нелегко.

Весной 1924 года меня перевели в Спасский район. Здесь особенно памятна мне

операция по ликвидации банды Ширяева. Сам Ширяев — бывший казачий полковник. Родился и вырос в Иманском районе, нынешний Дальнереченск, хорошо знал местные условия, тайгу, был хорошим охотником-следопытом, бешено ненавидел Советскую власть. В состав сколоченной им банды входили в основном белогвардейцы. Она систематически пополнялась и получала помощь из-за границы. Борьба с ней отняла много жизней чекистов и партийно-советских активистов. Хорошее знание местных условий помогало Ширяеву оставаться неуязвимым.

В конце концов он был выслежен чекистами и разгромлен.

Памятен и такой случай. В 1928 году в нынешнем Хасанском районе по заданию из областного управления мы участвовали в ликвидации резидентуры японского шпиона. Работал он под видом владельца тибетской аптеки. Меня в числе других направили произвести у него тщательный обыск. Обнаружили шпионские разведданные, которые он не успел переправить за границу.

В 1930 году, будучи на учебе в Высшей школе ОГПУ, я в числе других товарищей был направлен на Украину для борьбы с бандитизмом.

Зимой 1931 года, вернувшись в Москву, получил назначение в Приморье, где и проработал много лет.

В. Химеонов

Конец полковника Богуславского

Весной 1923 года в пограничных с Китаем селах Жариково, Турий Рог и некоторых других появилась конная вооруженная банда, которая совершала налеты на волостные центры. Бандиты убивали ответственных работников и сельских активистов, грабили население и расхищали государственную собственность.

Во главе банды, насчитывавшей более 40 человек, находились ярые враги Советской власти полковник Богуславский, есаул Овечкин, полковник Емлин.

Вначале на борьбу с бандой была послана воинская часть, но банда уклонялась от боя, постоянно маневрировала и была неуловима. Она состояла в основном из офицеров — местных жителей, выходцев из кулацкого и служивого уссурийского казачества, бежавших в октябре 1922 года за границу.

Однажды вечером я был вызван на совещание в уездный комитет ВКП(б). Среди собравшихся встретил бывших командиров партизанских отрядов в Приморье Борисова, Демина и многих старых товарищей. На совещании уездным отелом ГПУ создавался отряд для борьбы с бандой.

Все зачисленные коммунисты поступали в распоряжение уездного отдела ГПУ и в оперативном отношении подчинялись Демину и его заместителю Борисову. Отряд состоял из двух взводов, вооруженных четырьмя пулеметами системы «Люис».

Упускаю ряд операций, проведенных по разведке, маневрированию мелкими группами, действиям тактического характера, различным вылазкам, засадам, заслонам и т. д. Все это делалось с большой оперативной легкостью, так как наш командир Демин был опытным партизанским вожаком и не хуже местных жителей знал местность.

Появление нашего отряда заставило полковника Богуславского вместе с бандой уйти в глубь лесных массивов, ближе

к китайской границе и очень осторожно совершать отдельные разбойничьи вылазки.

Однажды в районе действий отряда нашими пограничниками были задержаны два подозрительных гражданина, которые спилили несколько телеграфных столбов на линии, связывающей погранзаставы с Никольском-Уссурийском¹ и Турьим Рогом. Доставленные в штаб отряда «пильщики» оказались связными банды. При тщательном обыске удалось обнаружить документы, дающие возможность определить местонахождение бандитов.

Темной ночью отряд в полном составе собрался в условленном месте и бесшумно двинулся через труднопроходимые места к лесным массивам и сопкам. В качестве проводника был один из «пильщиков». Через 10—15 километров нашей езды пошел очень сильный дождь, надвинулась непроглядная темь, движение отряда затруднилось. Бойцам пришлось спешиться и продвигаться вперед, держась за хвосты коней. Пока шел дождь, отряд почти вплотную подошел к месту расположения банды.

На рассвете, выслав вперед разведку и отдав коней коноводам, мы, соблюдая абсолютную тишину, начали подниматься на высокую гору, носящую название Пропасть. С одной стороны гора имела большой распадок. В этом распадке, по рассказам старожилов, скрывались хунхузы. Здесь же они держали своих богатых заложников, требуя за них выкуп.

Обследовав распадок, разведчики доложили, что на дне его построены шалаши, крытые корой и пихтовником. Теплая зола в потухших кострах свидетельствовала о том, что стан покинут обитателями недавно. С вершины горы хорошо просматривались подступы и пограничная полоса.

¹ Ныне Уссурийск.

Командование отряда приняло решение выйти к границе, отрезать пути отступления банды за кордон, окружить ее и уничтожить. Вскоре разведка донесла, что недалеко от горы в одной из лощин, поросшей мелким дубняком и кустарником, обнаружено скопление неизвестных людей и навьюченных коней. Ясно было, что это преследуемые нами бандиты.

По приказу Демина из отряда было выделено три конные группы с пулеметом в каждой. Основная ударная часть отряда во главе с Деминым заняла позиции для наступления и, выждав, когда остальные группы займут исходные места, начала наступление. Вскоре бандитский лагерь был окружен со всех сторон. С криками «ура» мы ринулись вперед, стреляя на ходу по разбегавшимся бандитам.

В течение часа с бандой было покончено. На месте схватки осталось 27 трупов бандитов. Восемь сдались в плен. Было захвачено 17 лошадей, большое количество нарезного оружия, в том числе карабины американского производства, ценности и имущество, награбленное во время налетов.

Среди пленных оказались полковник Богуславский, капитан III ранга Никитин, хорунжий Абросимов и другие, имевшие офицерские звания, выходцы из кулацко-казачьего сословия.

Главарь банды, полковник Богуславский, ошеломленный внезапным ночным нападением, пытался спрятаться в речке. Совершенно случайно наш боец заметил, что у берега под тальником пузырится вода. Он стал наблюдать за этим местом. Вскоре из воды показалась голова Богуславского. Когда его извлекли из воды, он имел жалкий вид. Дрожащим голосом лепетал что-то и просил препроводить его к командиру отряда, которому намерен был сообщить важные сведения и передать секретные документы.

В тот же день пленные бандиты под усиленным конвоем, который возглавлял автор этих воспоминаний, были направлены сначала в Уссурийск, а затем во Владивосток.

Одновременно во Владивосток была доставлена с Охотского побережья крупная группа бандитов, взятых в плен при разгроме банды Пепеляева.

И. Леонов

Горячее сердце

Рассказ этот хочется начать с документа.
«Никольск-Уссурийский уездный отдел ГПУ, т. Панову. 3 августа 1924 года в восемь утра из деревни Орловки в Ивановку на двух подводах выехали коммунисты: начальник волостного отдела милиции т. Засоба, председатель волисполкома т. Яшин, волорганизатор культпросвета т. Карасев. С ними были объездчик т. Бычков и ящик т. Кочергин. Яшин и Карасев сидели на второй подводе. Не успели они отъехать и двухсот сажень от постоянного двора с. Лебедевки, как из кустов затрещали выстрелы. Бычков был убит сразу. За ним упал Карасев. Яшин оказался смертельно раненным. Засоба и Кочергин успели соскочить с подводы и броситься в кусты. Бандиты выбежали на дорогу, добили Яшина, пристрелили коней. Бандой было сделано около 30 выстрелов, после чего стрельба затихла...

Пробыв на дороге около часа, бандиты ушли в неизвестном направлении, взяв с собой три винтовки, 100 патронов и 1000 рублей денег. Одеты они были в черные рубашки, хорошо вооружены.

Начальник милиции прибежал в Тарасовку и оттуда о происшествии сообщил в Ивановку. Трупы доставлены в волисполком. Выезжаю на поиск бандитов. Уполномоченный ГПУ Афанасьев».

Иван Афанасьев с небольшим отрядом пограничников немедленно выехал на поиски бандитов. Допросив свидетелей, выяснил, что в банде орудовали местные жители Мартышев, Кузнецов, Журавский, Малахов, Федосеев, Сычев, Леонов, Мзленьких, Семен и Феоктист Калугины и другие. Возглавлял бандитов Мартышев, скрывавшийся под кличкой Иванов. Немного позднее были получены сведения, что банда раскололась на две части.

Поиск бандитов продолжался. Со своим маленьким отрядом Афанасьев колесил по таежному району, проводил собрания кре-

стьян, на которых выступал с призывом организовать в отряды ЧОНа и искоренить бандитизм. Вскоре были получены сведения, что бандиты скрываются в глухой тайге у реки Арсеньевки в расположении небольшого хутора.

...Рассыпавшись цепью, пограничники во главе с Иваном Афанасьевым окружают предполагаемое место отсидки бандитов. Вдруг кто-то из бойцов доложил:

— Товарищ командир, смотрите!

Афанасьев увидел, что над невысоким подлеском вьется тонкая струйка дыма. Афанасьев приказал бойцам двигаться попластунски. И вот перед их глазами предстали бандиты. На маленькой полянке горел костер. Вокруг него сидело более десятка головорезов. Афанасьев подполз ближе и крикнул:

— Сдавайтесь! Вы окружены!

Бандиты вскочили. Некоторые из них подняли руки, а остальные схватились за винтовки и, пятась к реке, открыли огонь. Завязался ожесточенный бой. Пуля сбита с Афанасьева фуражку, другая продырявила гимнастерку...

Бой длился всего несколько минут. Только отдельным бандитам удалось скрыться в тайге, остальные были убиты или схвачены пограничниками. Но погибло и несколько бойцов.

Вернулись на хутор. Здесь отряд Афанасьева заночевал, выставив посты охранения. Сам Афанасьев ходил по дворам и беседовал с крестьянами, вконец запуганными бандитами.

Когда возвращался в избу, где остановился с двумя бойцами, было уже темно. У калитки Ивана Мелентьевича Афанасьева поджидала девушка.

— Товарищ командир!..

— Что случилось? — спросил он.

— Я комсомолка. Хотела сказать вам, что в деревне скрываются пятеро бандитов. Утром видела, как они пробирались огородами. Все с оружием.

— Спасибо. Как хоть звать тебя?

— Это не обязательно. — И девушка растворилась в темноте.

Ночь без сна. Уставшие бойцы и чоновцы ни на минуту не смыкали глаз, ожидая нападения. И вдруг мелкими осколками брызнуло стекло. Погасла копилка. Бойцы выбежали на улицу. Прочесали деревню, но бандиты как сквозь землю провалились...

Утром на сход собрались все жители села. Афанасьев обратился с речью:

— В деревне скрываются пятеро бандитов. Где они и кто они? Помогите найти и обезвредить их. Ведь вы же сами страдаете от налетов и грабежей. Бандиты убивают активистов, разгоняют коммуны, грабят кооперативы...

На четвертый день к Афанасьеву пришли крестьяне и потребовали:

— Дай нам винтовки, командир!

Уже к вечеру крестьяне привели всех пятерых бандитов. Оставшиеся в живых после боя разбежались кто куда, а пятеро скрывались в плавнях. Там их и схватили.

В 1920 году Иван Афанасьев участвовал в создании в Никольске-Уссурийском первой комсомольской организации. В том же году он был избран делегатом на первый съезд комсомола Приморья, стал членом первого окружка РКСМ.

Потом Афанасьев командует группой подрывников в партизанском отряде имени Либкнехта, выполняет ряд рискованных поручений командования.

Не избежал Афанасьев и подвалов белогвардейской контрразведки. Его выдал провокатор. В контрразведке Ивана Мелентьевича пытали, били шомполами, подвешивали за вывернутые руки, много раз ставили к стене и стреляли поверх головы. Но он все перенес и не выдал партизан, подпольщиков.

Афанасьеву с помощью друзей удалось бежать из застенка. И вновь борьба с оружием в руках. пока части НРА и партизаны не освободили Приморье от белогвардейцев и интервентов.

Затем коммунист Афанасьев, выполняя почетное поручение, возглавляет первую пограничную заставу. И здесь бои и тревоги почти каждую ночь.

В 1923 году Афанасьев становится оперуполномоченным ОГПУ в г. Никольске-Уссурийском. И опять кровавые стычки с кулацкими бандами. Ему пришлось не раз вести бои и с группами, засылаемыми из-за кордона.

Афанасьев был талантливым чекистом. Особенно ярко его способности проявились при разгроме крупной банды белогвардейского полковника Ширяева.

Получив задание из Харбина, банда Ширяева, вооруженная пулеметами, гранатами, взрывчаткой, перешла границу и углубилась на территорию Приморья. 25 апреля 1925 года Ширяев должен был встать во главе кулацкого мятежа и свергнуть Советскую власть в ряде пограничных районов.

Одновременно переходит границу и банда белогвардейского офицера Филиппова. Но в первом же бою он сдастся в плен. На допросе удивляется гуманности чекистов и вынужден признаться:

— Я не ожидал, что в ГПУ работают такие люди. Они говорят со мной, как с человеком... Я потрясен. А ведь с таким зрагом, как я, разговор должен быть короток. К стенке — и все. Семья моя погибла. Я много пережил и понял...

— Кто же вам сказал, что мы расстреляли вашего ребенка и жену?

— Сказали в Харбине. Сведения из авторитетных источников.

Тогда следователь говорит:

— Повернитесь к двери.

Филиппов поворачивается и бледнеет: в кабинет входят его жена и дочь, здоровые и невредимые.

Филиппов предлагает свою помощь в ликвидации неуловимой банды Ширяева.

Иван Мелентьевич помогает вновь воскресить «банду» Филиппова. Но теперь в нее входят чекисты. Во главе становится Второй. Это кличка Филиппова. Таким образом, чекисты соединяются с бандой Ширяева. Все донесения Второго и приказы ему проходят через руки Афанасьева. Он непосредственно руководит чекистами, проникшими в логово врага. Через Афанасьева отряды Красной Армии знают о каждом шаге ширяевцев. И вот наступает день, когда в ГПУ приходит сообщение о полной ликвидации банды Ширяева.

За свою короткую жизнь отважный чекист Иван Мелентьевич Афанасьев сделал очень много доброго людям, партии.

Приморцы не забыли его заслуг. Именем Афанасьева в Уссурийске названы улица, пионерский отряд в школе, где он учился.

Горячее сердце билось в груди чекиста Афанасьева. И весь его пламень он отдал людям.

П. Дворкин

Мат „королю“

Весной 1924 года, по указанию полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю, я прибыл во Владивосток в распоряжение Приморского областного отдела ГПУ. Нэп был в полном расцвете: Владивосток наводнили иностранные фирмы и банки, всевозможные представительства. Фешенебельные рестораны, гостиницы, кафе, кондитерские, столовые — все находилось в руках частных предпринимателей.

Нэпманы пытались подкупить советских работников, в особенности служащих торговых предприятий, финансовых органов и сотрудников налогового аппарата, а затем шантажировать их.

Спустя месяц меня вызвал к себе в кабинет начальник отдела Зарубин и рассказал, что к нему приходил человек, работающий провизором в небольшой аптеке. К провизору обращался за помощью его знакомый, владелец небольшого кафе на углу центральных улиц, грек Георгопуло — просил найти верного человека, который бы купил 18 килограммов контрабандного морфия.

Мы решили «купить» морфий.

В одном из дорогих номеров гостиницы «Версаль» остановился приезжий из Москвы работник Внешторга Павел Григорьевич Жигецкий. Это был сотрудник ГПУ.

Через три дня после беседы с Зарубиным в номер, занимаемый Жигецким, поступал провизор и владелец кафе Георгопуло. Побеседовали. Георгопуло удостоверился, что покупатель солидный, надежный и не подведет. Договорились встретиться на следующий день в 10 часов утра в этом же номере гостиницы.

Поздно вечером к Жигецкому пришел аптекарь и сообщил, что завтра к 10 утра егс посетят кроме Георгопуло еще двое из шайки контрабандистов.

За «круглым столом» были изложены условия хозяина: за один килограмм морфия шесть тысяч рублей.

Весь день Жигецкий сидел в гостинице.

После 9 часов на следующее утро Георгопуло, Жигецкий и еще двое поехали на квартиру хозяина.

Еще раньше Зарубин вручил Жигецкому двадцать тысяч рублей и пистолет с десятью патронами.

Моросил мелкий дождик. Туман, слякоть. У подъезда гостиницы стояли два извозчика. В один из фаэтонов сели Жигецкий, Георгопуло, аптекарь, в другой — два мрачных типа.

Ехавшие впереди остановились у кафе, кому-то захотелось выпить кофе. Потом поехали вверх по Алеутской. Жигецкий увидел, как их обогнали два фаэтона, в одном из которых сидел переодетый в штатское Зарубин.

У ворот небольшого деревянного дома остановились. Дождь кончился, и появилось солнце. Вошли в калитку, направились в глубь двора к небольшому флигелю, окруженному штaketником; перед его окнами росло несколько деревцев. Створки окон были закрыты.

Поднявшись на крылечко, Георгопуло нажал несколько раз на кнопку звонка. Послышался скрип открываемых дверей, звук шагов.

— Кто?

— Свои, — ответил Георгопуло.

Мы вошли в небольшую переднюю, откуда вела дверь в «рабочую комнату» хозяина. Жигецкий был представлен ему.

Господин Перламутр, как его называли сообщники, пригласил садиться. Жигецкий сел сбоку стола таким образом, чтобы мог наблюдать за всеми присутствующими в комнате и видеть окно. Четверо уселись на диване.

Начались переговоры уже на «высоком» уровне с самим «королем». В ходе переговоров Перламутр задал Жигецкому неожиданный вопрос: зачем он покупает морфий здесь, во Владивостоке, когда гораздо лучше купить в Москве. Жигецкий ответил, что во Владивостоке для него более удобно приобрести морфий, так как

доставка его гарантирована через проводника международного вагона поезда Владивосток—Москва.

Уверовав, что дело чистое и никакого подвоха нет, Перламутр изложил свои условия продажи. Поскольку товар находится в другом месте и в один прием взять 18 килограммов небезопасно, Жигецкий уплачивает стоимость одного килограмма морфия, Перламутр же вручает записку своим людям, которые сейчас же привезут этот килограмм.

После доставки первого килограмма — снова записка, снова деньги за второй килограмм и так далее.

Жигецкий не возражал. Вынув из бокового кармана несколько новеньких пачек с червонцами, чекист уплатил за первый килограмм.

В комнате осталось четверо. Жигецкий увидел в окно, как во двор особняка вошел Зарубин. Хотя его появление в этот момент противоречило разработанному плану, но надо было действовать. Жигецкий сунул правую руку в задний карман брюк, достал пистолет и приказал всем поднять руки.

С шумом распахнулась дверь, вошел Зарубин с сотрудниками, начался обыск. В сейфе лежали целехонькие червонцы. Минут через десять вернулись те двое с банковской морфией.

Зарубин, Жигецкий и аптекарь в фазто-

не поехали на главную базу контрабандистов. Арестованных отправили с сотрудниками облотдела ОГПУ.

Притон находился за городом. Аптекарь, ехавший впереди, вышел из фазтона и огляделся. Оказывается, он потерял направление, но затем сориентировался. Пошли пешком к небольшому коттеджу. Возшли на крылечко, позвонили. Из-за дверей послышался женский голос «Кто?» Ответил аптекарь. Открыла дверь немолодая, но еще очень стройная грузинка. Вошли в богато обставленную квартиру из нескольких комнат. В одной из них, в кровати, укрывшись одеялом, лежал кавказец. Под его подушкой покоился большого калибра револьвер, под кроватью — 16 банок с морфием.

В другой комнате нашли несколько чемоданов, набитых контрабандными товарами, французскими духами, пудрой «Лориган Коти», чулками, вязаными платьями и другими вещами.

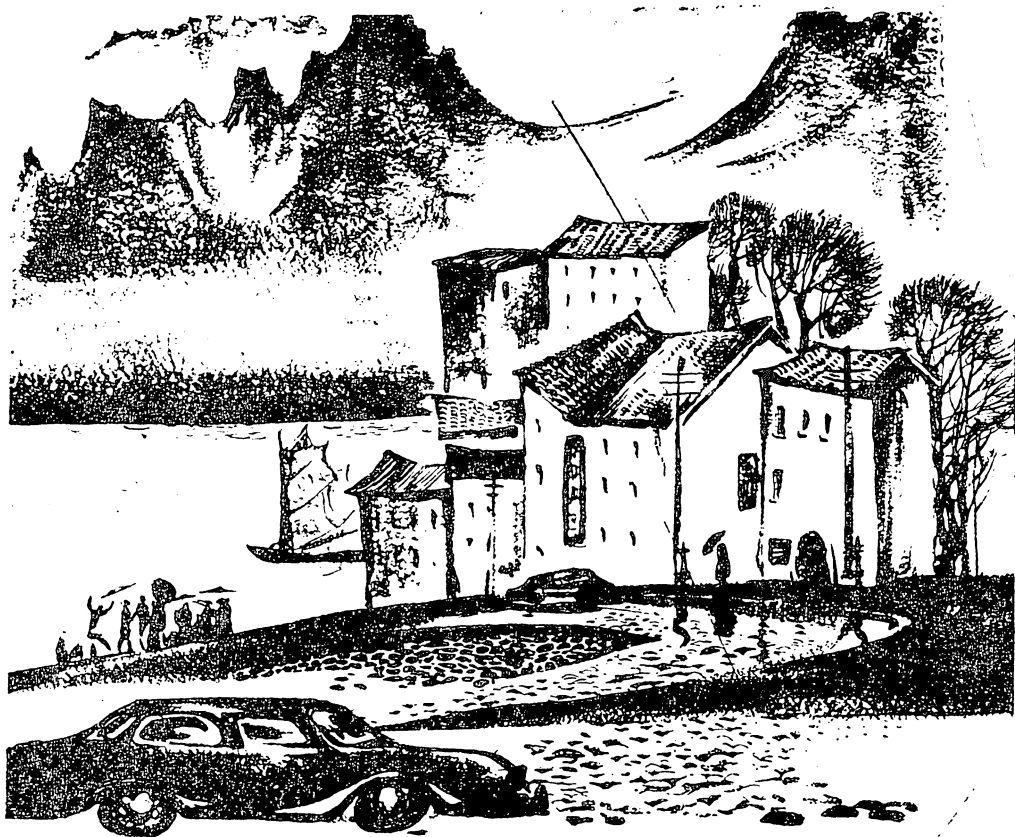
...Как-то уходя с допроса, Перламутр бросил реплику: «Просто удивляюсь, можно подумать, что вы десятки лет работаете в разведке, а ведь такие молодые. Куда там царской полиции...»

Всю шайку во главе с их хозяином осудили на разные сроки. Так закончил свою деятельность «король» контрабандистов Перламутр.

...Роль Жигецкого исполнял я.

А. Дмитриев

Человек из Шанхая

ПОВЕСТЬ
(публикуется в сокращении)

февраля 1927 года в Нанкине китайцы захватили пароход Совторгфлота «Память Ленина». 6 апреля отряд вооруженных китайцев ворвался на территорию советского полпредства в Пекине и устроил разгром, арестовав при этом 15 советских граждан. В этот же день были совершены подобные провокации в Шанхае и Тяньцзине.

1927 год для нашей страны оказался особенно тяжелым. Империалисты всеми силами старались помешать социалистическому строительству в СССР и интенсивно готовились к вооруженному нападению. В резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 9 августа говорилось: «Опасность контрреволюционной войны против СССР — есть самая острая проблема текущего периода...» 12 мая в Лондоне совершено нападение на помещение Всероссийского кооперативного акционерного общества «Арко» и торгпредство. Вскоре Англия порвала дипломатические отношения с СССР.

Правящая верхушка Франции не допускала заключения с Советским Союзом договора о ненападении. Германский посол в Токио Шуберт многозначительно заявил японским журналистам, что в случае необходимости Германия пропустит через свою территорию войска Франции.

7 июня в Варшаве белогвардейцем убит полпред Войков.

13 декабря в Кантоне были арестованы сотрудники советского консульства Хассис, Макаров, Уколов, Иванов, Попов. 14 декабря их водили по городу связанными колючей проволокой и потом зверски убили.

15 декабря китайцы совершили налет на консульство в Ханькоу.

17 декабря Советское правительство вынуждено было прервать дипломатические отношения с нанкинским правительством.

Все эти провокационные выходы направлялись на обострение отношений с СССР и осуществлялись по прямому указанию милитаристских кругов империалистических держав. Особая ставка при этом делалась на воинствующую белогвардейскую эмиграцию, вожди которой играли далеко не последнюю роль в подготовке к войне с Советским Союзом. Сотни тысяч белогвардейцев осели в Маньчжурии и Китае. Шпионско-диверсионные организа-

ции, финансируемые империалистами, вели подрывную работу на территории СССР, готовили антисоветские мятежи, которые бы могли поддержать войска капиталистических стран. Китай стал местом сплетения интересов империалистических держав и удобным плацдармом для нагадения на советский Дальний Восток. В этих условиях чекисты вели жестокие схватки с внутренним и внешним врагом, отдавая все силы на благо мира, против развязывания новой кровопролитной войны.

Шанхай. 28 июня 1927 г.

Плотные, низко нависшие облака всю неделю исходили дождем. Всегда спокойная Хуан-Пу вздулась, смысла окрестные деревни, затопила посевы. Крестьяне сидели под зонтиками на берегу, шептали молитвы и били поклоны, прося реку успокоиться. Вода в канале Су Чжаус небывало поднялась и грозила затопить улицы. Город утонул в промозглой сырости, исчезли краски, все стало серым и безжизненным.

Андрэ Лескюр и Полынников встретились на конспиративной квартире, которую Лескюр снимал в Чапэе, одном из районов Шанхая, населенном главным образом китайцами и русскими белоэмигрантами. Полынников передал ему письмо от жены, заставил тут же прочитать. Потом забрал его и, извинившись, бросил в камин. Лескюр смотрел на листок бумаги, который корежило, как живое существо. Лескюр желтел, набирался черноты, сопротивляясь огню, наконец, вспыхнул и тут же превратился в прах.

Полынников тронул плечо Лескюра.

— Ладно, — грубовато произнес. — Что хотел сказать?.. — Он потер виски, прищипывая. — Да. Есть решение о выделении тебе квартиры. С удобствами.

Лескюр молчал, не отрывая сосредоточенного взгляда от камина. Сухое большее лицо его в отвесах пламени казалось выточенным из меди.

— Ты что, не рад?

Лескюр думал о том, сколько милых строк, полных грусти и нежности, вот так же как и эти, сожрало пламя, а сколько еще сожрет... Он не расслышал Полынникова и посмотрел на него вопрошающе.

— Я говорю, квартиру выделили тебе

со всеми удобствами. На четвертом этаже, с видом на Амур.

— А... ну спасибо.

— Елена уже знает. Довольна.

— Это хорошо... — тихо произнес Лескюр. — Квартира — это хорошо, — повторил он и опять посмотрел на малиновые угли, источавшие коротенькие язычки пламени.

Сегодня ему исполнилось тридцать пять, и почти десять из них он провел за кордоном, вдалеке от Родины. С семьей встречался редко. Он давно отвык от домашнего уюта, свькся с гостиницами, с постельным бельем, пахнущим хлоркой, и поэтому никак не отреагировал на сообщение Полынникова об удобствах. Просто-напросто не понял его.

Полынников с озабоченным видом стоял у окна, стряхивал пепел в японскую вазочку, смотрел, как неуклюжий буксир прилагал отчаянные усилия вытянуть на середину канала баржу с орудийными установками на палубе.

— Ну и погодка, — пробормотал со вздохом Полынников, — как перед потопом. — Помолчав, добавил: — Им бы дамбы строить, а они поклоны бьют.

— Знаешь, Сергей Константинович, — Лескюр смежил веки, — порой кажется, я никогда отсюда не вырвусь. В детстве мне часто виделся один и тот же сон: плыву в какой-то пещере на лодке, а пещера все уже и уже, свод опускается, а я все равно гребу вперед, почему-то зная, что назад нет ходу. Меня охватывала жуть, и я просыпался и бежал к маме под одеяло. Мама говорила, что это у меня от малокровия. — Лескюр замолчал, взял щипцы, поворошил угли, смешав с ними то, что осталось от письма. — Поставил щипцы на место. — И вот снова сон этот преследует. Опять какая-то сила толкает меня в каменный мешок. От непонятного страха я начинаю кричать. В детстве я не кричал.

— Нервы все. Мамы нет рядом.

— Да. А ты не язви.

— Не обижайся. Это я просто так. Продолжись еще с полгодика. Пришлем замену. Обещаю. — У Полынникова была манера говорить короткими фразами человека, привыкшего отдавать команды. После каждой фразы он поджимал губы. — Потерпи, Андрей Васильевич. Прощу тебя. — Он сел напротив.

— Не надо уговаривать. В восемь

надцатом меня уговаривали на Лубянке. А теперь чего меня уговаривать?

— Как дела с Заборовым?

— Пока не имею сведений. Бойчев молчит. Если он молчит, значит, нет ясности.

— Надо форсировать. Прошел месяц, а результата нет.

— Это дома можно накрутить хвоста за неоперативность, — возразил Лескюрю. — А тут, увы, — он развел руками, — не только от меня зависит.

Заборов... Заборов... До окончания гражданской войны Леонтий Михайлович Заборов занимал должность помощника генерала Подтягина, военного атташе в Японии. Фактически же являлся резидентом разведки царской армии. В 1924 году оказался в Шанхае, где через пару лет его подобрал Семенов и направил в Харбин в самое гнездо антисоветской эмиграции исполнять роль своего политического наблюдателя и советника. Центр ориентировал Лескюрю на привлечение Заборова к работе на советскую разведку. Этим занялась харбинская группа во главе с известным харбинским скульптором и художником Ванчо Бойчевым. Вскоре Бойчев сообщил, что непосредственным исполнителем задания является Артур Артурович Мусатов, который знает Заборова еще по Токио. Лескюрю не возражал. Мусатов был популярен в Харбине как модный дантист, имел свою небольшую частную клинику и хотя разменял уже шестой десяток, оставался энергичным и деятельным.

С Мусатовым получилось очень удачно.

Лескюрю подошел к окну. Все так же моросил дождь. Наискосок от окна по другую сторону улицы стоял серый «бьюик», в котором сидел Ежи Хшановский, незаменимый помощник Лескюрю. Красный язычок сигнала поворота над кабиной находился в вертикальном положении. Значит, все нормально.

— И тем не менее надо поторопиться, Андрей. Время не ждет. Не получится с ним, будем другой путь искать к гадючнику. Но мне кажется, он согласится. Ведь не дурак же. Соображать должен что к чему. — Польшинников поджал губы. — Если хочешь знать, я его понимаю. Многие годы оторван от народа. Кто там воюет и за что — для него темный лес. Вот и оказался в белогвардейском лагере. Возможно, я в чем-то и не прав, но зада-

ние это считай первостепенной важности, потому что от него будет зависеть следующее. Как тебе известно, БРП¹ развило бурную деятельность, направленную на объединение в единый блок всех анти-советских организаций, действующих в Маньчжурии и Китае, — Польшинников сжал кулак, показал его Лескюрю и начал разжимать пальцы. — Русский общевоинский союз, Союз мушкетеров, Русская фашистская партия, Семеновский союз казаков и прочие. Пока у них шла драчка за седло на белом коне, мы в основном наблюдали и принимали к сведению. Теперь же положение меняется. И главное, Косьмин и Семенов с помощью Танака нашли общий язык. Ставку на Семенова и его казаков японцы делать не собираются, как на скомпрометировавших белое движение. Им понравилось БРП, несущее в себе идею объединения. В апреле Семенов и Косьмин имели беседу с Танака. Проект создания белой армии находится в военном министерстве. И наша задача: ни в коем случае не дать им претворить свой план в жизнь. Ни в коем. Вот почему нам нужен Заборов. Он в курсе всех дел. И если нам удастся привлечь его, то... сам понимаешь.

Лескюрю молча выслушал Польшинникова. Он знал об истоках дружбы бывшего атамана с нынешним премьер-министром Японии. В 1923 году Семенов, помотавшись по Китаю, обратился к Пуанкаре с просьбой разрешить въезд во Францию. Пуанкаре с готовностью отозвался. Семенов выбрал путь через Канаду. В Ванкувере получил приглашение от американских властей посетить Соединенные Штаты Америки. В Нью-Йорке ему инкриминировали разбой по отношению к американским предпринимателям в Сибири и на Дальнем Востоке. Свидетелем обвинения выступил генерал Гревс, тот самый, что во время интервенции командовал экспедиционным корпусом. Гревс, не стесняясь в выражениях, поведаль суду о тех злодеяниях, которые творились по распоряжению Семенова. Он называл бывшего главнокомандующего живодером и вешателем, требовал для него самого строгого наказания. Несмотря на выступление Гревса, всем было понятно, что дело вовсе не в зверстве семеновцев и не за это Семенов попал

¹ Братство русской правды.

на скамью американского правосудия. Просто американские дельцы, в гражданскую войну рыскавшие в поисках добычи и отграбленные семеновцами, решили свести счеты за нанесенные им обиды. Одним словом, грабители судили грабителя.

Истратившись на адвокатов и подкуп судей, Семенов выходит сухим из воды и возвращается. Но в Японии ему высадиться не разрешили. И только из-за сердечного приступа его сняли в Иокогаме и поместили в госпиталь, расположенный в портовом районе города. Отсюда Семенов обратился за помощью к проживавшему в Токио Подтягину. Тот написал доверенность на имя Заборова, и Заборов снял со счета «Токио Спешли бэнк» триста тысяч иен золотом из тех денег, которые Семенов в 1918 году вывез из Сибири и депонировал на имя Подтягина. Заборов вручил деньги Семенову, и тот вынужден был вернуться в Китай. И снова заметался. Ему везде мерещились агенты ГПУ. Наконец осел в Дайрене, приобрел особняк на территории французской концессии, окружил себя телохранителями.

17 апреля 1927 года, то есть всего три месяца назад, премьер-министр Японии Вакацуки вместе со своим кабинетом подал в отставку. Одним из претендентов на высочайший пост оказался генерал Гиити Танака, старый партнер Семенова по интервенции в России. Но конкурирующая группировка раскопала такой факт из деятельности Танака, который не только явился шлагбаумом перед креслом премьера, но и грозил тюремным заключением. Танака обвиняли в том, что он, будучи военным министром, присвоил два миллиона иен, выделенных на вооружение белогвардейской армии. Чтобы обвинение низвести на нет, требовался авторитетный свидетель, подтвердивший бы обратное. И Танака обратился к Семенову. Того доставляют в Токио, и после тайного свидания Семенов под присягой дает суду показания в пользу будущего премьера. 20 апреля Танака уже формирует новый кабинет. Поэтому неудивительно, что у Семенова с новым премьером сложились довольно теплые отношения.

— Пора приступать к активным действиям, — продолжал между тем Польшинников, — смотри, что в мире делается. На нас прут со всех сторон. Хватит стесняться. Пора от обороны переходить в наступление, не то задавят. И пикнуть не

успеем. К чему я тут перед тобой митингую? — остановился Польшинников. — Придется отправиться в Харбин тебе самому.

— Понятно, Сергей Константинович. Сделаю все, что в моих силах. — Лешкюру встал.

Польшинников тепло улыбнулся.

— И чуточку больше. Мы ж двужильные. Подумай, какую можно найти зацепку для выезда в Харбин. Может, помогут твои «друзья» из французского консульства?

— Думаю, помогут, — ответил Лешкюру. — Гастона тоже интересует Братство русской правды.

— Ну, тогда лады. — Польшинников вдруг засобирился, посмотрел на часы. — Пиши домой свои приветы.

Что передать, что написать после стольких лет разлуки? Разве можно через кого-то передать все, что чувствуешь и чем живешь? И все же Лешкюру вырвал из блокнота листок и торопливо, чтобы не передумать, написал: «Милая, родная! Люблю тебя. Обними и поцелуй за меня детей». Подумал и приписал: «Скоро встретимся».

Он отдал записку Польшинникову.

— Все? — спросил Польшинников, пряча свернутый вчетверо листок.

— Все. Можешь чего-нибудь от себя добавить.

Лешкюру видел, как Польшинников, сгорбившись и укрывшись зонтиком, пересек улицу, сел в «бьюик». Хшановский включил сигнал поворота, и автомобиль выкатился на проезжую часть. Через мгновение он растворился в стеклянной массе воды.

Не успел Лешкюру сварить кофе, как Хшановский вернулся. Не говоря ни слова, прошел к камину, присел на корточки, протянув к теплу руки.

— Что-то ты быстро вернулся, — заметил Лешкюру, разливая кофе по чашкам.

— Все спокойно, месье. — Хшановский выкатил уголек и пытался прикурить от него. — Пся крев... — бормотал он, чем-то недовольный.

— Ты чего ворчишь?

— А! Невозможно стало работать. Куда ни плюнь — везде тайная полиция. Так и шныряет. Железнодорожники бастуют.

Лешкюру прикидывал, как попасть в Харбин. После того как Чан Кай-ши предал революционное уханьское правительство

и в противовес ему организовал так называемое национальное, он распустил профсоюзы, зверски расправился с революционными силами в Шанхае. Его войска разбили армию Чжан Цзо-линя под Чженьчжоу и вели успешные бои в предместьях Цзинани, расположенном на Хуанхэ. Чжан, боясь окружения, поспешно покинул свою ставку в Пекине, перебрался в Мукден, и армия Чана вступила в Пекин. Линия фронта растянулась, перерезав сухопутное сообщение с Маньчжурией. Оставался путь по морю, через Дайрен. Но туда ходили в основном японские сухогрузы, и попасть на один из них можно было только по протекции.

Лескюр прислонился плечом к камину. В одной руке он держал чашку с кофе, в другой мундштук с сигаретой.

— Ежи, — сказал Лескюр, — нам снова предстоит побывать в Харбине.

Хшановский кивнул в знак согласия. Он никогда и ни о чем не расспрашивал. В фирме «Фрэнсис корпорейшн», которую возглавлял Лескюр, Ежи исполнял несколько обязанностей сразу: личного секретаря, курьера, шофера, связного и шифровальщика. Он знал польский язык, владел французским, довольно сносно — английским, а в Шанхае принялся за китайский и японский.

— У нас не бывает такой погоды, — сказал Ежи, подавив глубокий вздох. При этом узкое лицо его, типичное для прибалта, приняло обиженное выражение.

— Где это? — просто так спросил Лескюр, наперед зная, как ответит Хшановский.

— Во Владивостоке.

Лескюр отхлебнул кофе и сразу затянулся сигаретой.

— Едем-ка в консульство. Потом в фирму. — И хотя надо было срочно побывать на Маршал-авеню, где располагалась контора фирмы, распорядиться о вывозе в торговый порт шелка-сырца и риса, Лескюр решил сначала встретиться с секретарем консульства Полем Гастоном.

Гастон кормил с рук ризер-шнауцера, мускулистого лохматого до безобразия пса, которого Лескюр когда-то принес беспомощным щенком неопределенной породы. На выставке собак Гастон отхватил за него медаль и гордился ею. Поиграв с псом, Лескюр вытер платком руки и сказал, что намерен отправиться в

Маньчжурию. Гастон заинтересовался, открыл бутылку мартини.

— С проездом я тебе помогу, — сказал он. — Но и ты окажи мне услугу. Дело вот в чем. Председатель Братства русской правды генерал Космин обратился к моему правительству с просьбой выделить ассигнования на приобретение оружия. Мне поручено прощупать, насколько серьезны намерения русских эмигрантов.

Лескюр согласился. Гастон написал записку редактору газеты «Норт Чайна дейли ньюс» Крису Уолтону. Лескюр знал Уолтона по клубу автомобильных гонщиков.

— Он устроит вас на пароход. Только не давайте ему денег.

Редакция газеты находилась в здании, которое снимала американская ассоциация мелких промышленников. В секретариате стоял дым коромыслом. По голосам Лескюр узнал ответственного секретаря Нортона, заместителя редактора Кларенса Солтисика и репортера Роберта Менаски, забулдыгу и пройдоху.

— Не снимешь шапку, обрежу ноги, — кричал Нортон.

— Я лучше себе хакари сделаю, нежели позволю издеваться, — хрипел Менаски. Он стоял спиной к макетам газеты, приколотым кнопками к стене, как Иисус Христос, раскинув руки и задрвав черную с проседью бороду.

— Ты пойми, дурья твоя башка, — угваривал Солтисик, — полоса ведь не резиновая. Куда он поставит объявление?

— Не дамся, — упорствовал Менаски. — Вы меня, негодяй, в штопор вгоняете, — в голосе его слышались слезы. Менаски когда-то служил в авиации, откуда его выгнали за увлечение спиртным.

— Пусть стоит! — махнул Солтисик. — Рисуй новый макет.

— Отчего сыр-бор горит? — поинтересовался Лескюр.

— А вон, уперся как баран, — мотнул головой Нортон, — полсотни строк не дает выкинуть из своего шедевра. Тоже мне титан нашелся. Я резал самого Джека Лондона и только спасибо слышал.

— Врешь ты, — нехотя отозвался Менаски, раскуривая трубку, однако не двигаясь с места.

Солтисик промолчал. Посмотрел в угол комнаты, где на маленькой плитке бурлил кофейник.

— Кофе проворонили, раззявы, — проворчал он.

— Крис у себя?

— Где же ему быть, — отозвался Нортон. — Вчера припер ящик виски, пока не выдует, не вытащишь.

— Хэллоу, Крис! — приветствовал Лескюр Уолтона. — Ты, говорят, ящик виски получил?

— Кто тебе наболтал? Бандиты эти? — Уолтон мотнул головой в сторону двери. Он сидел на стуле, ноги его в оранжевых туфлях покоились на столе, заваленном гранками.

— Твои ребята скандалят.

— А, пошли они все... — И Уолтон добавил крепкое словцо.

— Что будешь пить? — Крис разгреб бумаги, включил вентилятор и выудил из-под стола бутылку виски.

— Ты же знаешь, на ночь я не пью крепкого.

Уолтон поставил бутылку бургундского.

— Сойдет?

— Сойдет.

— Тогда поехали.

От выпитого медно-красное лицо Криса побурело, он направил вентилятор на себя и вцепился зубами в сигару. Лескюр передал ему записку Гастона.

— На север? Ну что ж, валяй в порт. Там стоит «Леди Гамильтон». Сухогруз. Найди Сидли Грэя, это старший помощник, скажи, мол... Нет, я лучше черкну пару слов. — Уолтон быстро что-то нацарапал на клочке бумаги.

— Только этим индейцам ни слова, не то хай подымут.

— Будь спокоен.

За дверью опять послышалась перебранка. Уолтон решительно поднялся. В это время влетела секретарша:

— Они дерутся, сэр!

Солтисик лежал на полу, Нортон топал ногами и визжал. Роберт стоял перед Солтисиком на коленях и считал пульс. На шум сбежались все сотрудники. Лескюр протиснулся сквозь толпу к выходу.

Владивосток.

12 июля 1927 г.

— Отпусти меня, христом богом прошу...

— Не верю я тебе. Отпущу, а ты опять испортишь семафор. Не в порту, так на станции. Люди могут погибнуть из-за тебя.

Ты хоть это понимаешь али не понимаешь?

— Не буду я...

— Будешь.

— Не буду, — канючил подросток прокуренным голосом, натирая кулаками глаза.

Сердюк снимал с сушеной корюшки тонкую прозрачную кожицу, отламывал от хребтинки желтое от жира просоленное волокно и с удовольствием жевал. На столе перед ним лежало колесико с детской ладошкой величиной, предмет долгого разговора Сердюка с рано познавшим жизнь мальцом. В последнее время в порту одна за одной пошли аварии. То вдруг кран ломается, то трос лебедки лопаются там, где ему еще сто лет бы служить, то вагон сойдет с рельсов. Создавалось впечатление, что поломки не дело случая, а результат планомерной диверсии. Стране нужна была валюта, на которую за рубежом закупались станки, тракторы. А валюту давал лес. Из-за аварии простаивали бригады грузчиков, иностранные торговые компании писали жалобы в Дальинторг и облисполком, грозили разорвать контракты, сыпали штрафами. В связи с создавшимся положением работали многочисленные общественные комиссии, однако число аварий не уменьшалось.

— Тебе сколько лет? — спрашивал Сердюк, грызя редкими зубами рыбу.

— Двенадцать на пасху стукнуло. Отпусти, дядя... Добром не отпустишь, хуже будет.

— А что будет? — любопытствовал Сердюк.

— Потом увидишь, — пообещал подросток, глядя на корюшку и глотая слюну.

— Ах ты щенок, — подскочил Сердюк. — Я в твои годы своим горбом на хлеб зарабатывал. Вагонетки на шахте катал, а ты диверсии устраиваешь? Вредишь, как последняя гадина родному Советскому государству.

Сердюк быстро взял себя в руки.

— Ты мне лучше скажи, кто тебя надутил на это подлое дело? Только не брешь. Меня все одно не проведешь.

— Я сам! Сам я! — закричал подросток истерично, брыкнулся на заплыванный пол и засучил ногами.

— Хватит! — строго прикрикнул Сердюк, стукнув кулаком. У него своих было трое таких же босяков, и он знал, как с ними вести себя. Намеренно звеня пряжкой,

вытягивал узкий брючный ремень. — Дурь буду из тебя вышибать, — предупредил. — Ишь, насобачился...

Мальчишка притих и всхлипнул.

— Сам жрешь, а у меня со вчерашнего дня в брюхе пусто. На хлеб меняю колеса! Пацаны самокаты делают из них.

— Понятно, — остыл Сердюк, вправляя ремешок обратно.

— Отец есть? — взялся за карандаш. — Мать?

— Нету батьки. Убили беляки... А матка умерла. У тетки живу.

Сердюк задумался, как быть с мальчишкой. То ли отпустить, то ли в детдом?

— Рябухин! — крикнул он и стукнул в дощатую перегородку.

Мальчишка наострил уши. Вошел милиционер Рябухин, а следом за ним охранник Матвей Васьковский с каким-то длинным рыжим парнем.

— Михаил Иванович, вот привел... — начал было докладывать Васьковский, но Сердюк указал на подростка:

— Возьми мальчика. Оформи в детприемник. Да гляди, чтоб не убег. — Завернул пяток корюшек в газету. — Покорми его. Чего у тебя? — Посмотрел на Васьковского и перевел взгляд на рыжего парня.

— Так что, Михаил Иванович, дело тут такое, — замялся Васьковский, — американец это или немец, черт его поймет. В общем, вот, — он поставил перед Сердюком маленький чемоданчик, в который могла войти пара буханок хлеба. Чемоданчик оказался не по размеру тяжелым. — С парохода он, который вчера пришел из Японии. Как это... «Жорж Вашингтон». Да вы поглядите, что в нем. Садись, — указал Васьковский рыжему на стул, — в ногах правды нету. Сейчас разберутся с тобой по закону.

Сердюк осторожно открыл чемоданчик и вынул глаза: чемодан был полон пачек червонцев, крест-накрест скрепленных полосками бумаги.

— Ни хрена себе... — только и смог вымолвить Сердюк. Рыжий забеспокоился, вскочил, что-то залопотал, налегая на «р». Васьковский бесцеремонно потянул его за полу куртки.

— Не шибуршись. Сказано, разберутся, так разберутся, что ты из себя за гусь.

— И где ты его изловил?

— А я его не ловил, — заулыбался щербатым ртом Васьковский, — он сам пой-

мался. Стою это я у проходной, как и полагается. Приглядываюсь к тому-сему. А сам это самое... Приспичило, вытерпу нету, гляжу, куда пристроиться, а народ идет и идет. Пост же.

— Ты короче, — нетерпеливо перебил Сердюк, удивляясь про себя: «Вот тебе и Васьковский! Все его считают за дурачка, а он вон что отчибучил...»

— Ну, идут люди. А потом вот этот, — он доброжелательно поглядел на рыжего. — Топает, значит, помахивает чемоданчиком. А я что-то прилип глазом к нему. Будто нутро чужло. А он вдруг — хрясь! А из него как брызнет вот это добро... Ну, я его за ж... извиняюсь, за шкуру — и к тебе. Вот он, красавец, полюбуйся. — Васьковский опять щербато и добро улыбнулся.

Такого с Сердюком еще не случилось, чтоб вот так, на голову целая гора денег, и он малость подрастерялся. Рыжий воспользовался паузой, прижав ладони к груди, залопотал:

— Их бин... как это... русски... мат-ряк.

— Матрос, что лы? — переспросил Сердюк Васьковского.

— Наверное, моряк.

— О, есть да! — обрадовался рыжий. — Майн нэйм Ханс Ранке. Их лив Хамбург унд Шанхай. Рот фронт! — неожиданно вскинул кулак.

— Чего это он? — забеспокоился Сердюк. — Ты сбегай поищи, кто балакает поихнему. К таможенникам забегии.

Васьковский едва выскочил за дверь, тут же вернулся. Привел переводчика таможи Воротникова.

— Ты сприси у него, кто он и чего ему надо тут у нас и почему он с такой деньгой.

Воротников увидел гору дензнаков, как-то съезился, побледнел и перевел взгляд на рыжего.

— Ты чего, товарищ Воротников? — обеспокоился его видом Сердюк. — Голова кругом пошла? Вот и у меня тоже.

Инспектор облизал сухие губы.

— Тут закружится. Столько денег.

— Давай сприси, кто он и все прочее. Воротников спросил.

— Говорит, он немец, матрос с «Джорджа Вашингтона», который зафрахтовали китайцы. Живет в Гамбурге. А откуда деньги? — повернулся к рыжему. — Говорит, в Порт-Артуре один русский за вознаграждение попросил передать этот чемодан-

чик для бедного родственника во Владивостоке. Вот и все. Да, говорит, что в чемоданчик не заглядывал и потому не знал, что в нем.

— А кто тот русский?

— Говорит, не знает.

Васьковский слушал с открытым ртом: — Во дает, а! А еще рот фронт! Контра он международная, вот кто. По морде вижу. Интервент проклятый.

— Переведи ему, Воротников. Да не бойся его. Чего ты дрожишь? Переведи, значитца, так... Мол, он, — указал пальцем на рыжего, — находится в данное время, — Сердюк построжал взглядом, — у уполномоченного ОГПУ. Переводи, переводи. У нас принято говорить только откровенно. Перевел? Дальше. По закону я вынужден задержать его и передать по инстанции. Васьковский, бери карандаш и бумагу. Составляй протокол.

Рыжий вскочил, быстро начал что-то говорить, обращаясь то к Воротникову, то к Сердюку, беспокойно бегая глазами.

— Пиши, Васьковский, и не слухай его.

— Он говорит, что семья рабочая, бедная. Он очень уважает русскую революцию и не хочет русским злом. Он готов искупить свою вину, если виноват в чем-то, но не надо его арестовывать. Тогда он лишится работы, и семья помрет с голоду.

— На чувственность бьет, зараза, — прокомментировал Васьковский, — так и запишем. Вон ряшку какую отъел. Ежели мои голодуют, дак я четвертую дырку в ремне провертел. А не ворую и не вожу деньги за кордон.

Воротников, как загипнотизированный, смотрел на чемоданчик и утирал пальцем с верхней губы пот.

— Вы действительно не знаете того человека, кому должны передать эти деньги? — с трудом оторвался Воротников и метнул взгляд на немца.

— Клянусь матерью. Я не знал, что все так обернется. Поверьте мне.

С улицы послышался галдеж. Сердюк выглянул. Возле таможи собралась порядочная толпа матросов с «Вашингтона», все рослые как на подбор. Они что-то кричали, размахивали кулаками. Кто-то их не пускал в помещение.

— Васьковский, ты позвони Рогозину по два тринадцать. Скажи, мол, так и так, пусть выручают. Там их целая банда собралась.

Сам он выскочил на крыльцо.

— Чего гвалт подняли? — гаркнул он и поднял руки, призывая к вниманию. — Ранке задержан с контрабандой! Понимай? Контрабанда. Валюта! — разъяснил Сердюк, ломая язык, думая, что так он станет понятнее. — Как разберемся, так и отпустим. Ферштейн? Все. Р-разойдись! Матросы опять загалдели.

Особенно старался коренастый с заказанными по локоть рукавами. Сердюк, выведенный из себя, крикнул Рябухину:

— Возьми-ка того лупоглазого, — и указал пальцем. Коренастый быстро исчез в толпе, и тут, сигналя класоном, подкатил «фордзон», из которого на ходу выскочил начальник КРО¹ Рогозин. Сердюк приложил ладонь к козырьку кепки, коротко изложил суть дела. — Орут, требуют освободить. А рази ж можно?

Рогозин сдвинул на затылок фуражку.

— Ахтунг! Ахтунг! — начал он на немецком. — Ваш товарищ задержан за то, что хотел передать крупную сумму советских денег государственным преступникам. Задержан Ранке по советскому закону. Прошу очистить территорию.

— Интересное дело, — докладывал Рогозин начальнику ОГПУ Шмелеву, — того, кому он должен передать чемоданчик, не знает. Вчера утром бросил открытку «До востребования» на имя Петрова. По памяти нарисовал, что на открытке. Вот, — Рогозин положил на стол квадрат ватмана, на котором в сочных тонах изображены пальмы и обезьяны.

— Неплохой художник, а?

— Сегодня в шестнадцать двадцать Ранке должен был стоять у ресторана «Аквариум» и ждать гражданина, который предложит часы с боем. Вот и все.

— Не густо, — подосадовал Шмелев.

— Да ничего вроде. Полмиллиона в казну тоже что-то значит. Думаю, Ранке действительно попался на желании подзаработать. Не знаю, как у него там с происхождением, но на допросе ведет себя, на мой взгляд, чистосердечно. И плачет.

— Все они плачут, как попадутся.

— Консулу сообщать или подождем?

— Вот что. Пошли кого-нибудь на почтамт, может, на выдаче вспомнят, кто поучил открытку. Ранке дай пустой чемоданчик.

¹ Контрразведывательный отдел.

данчик, и пусть топает к «Аквариуму».

— А если попадутся его дружки с «Джорджа»?

Шмелев задумался.

— Не должны. «Аквариум» далеко. Иностранцы там не бывают. На всякий случай возьмите автомобиль и людей, вон Татаринцев поможет. Если что — ходу назад. А я переговорю с милицией, чтоб подстраховать вас. Поздновато, конечно, но чем черт не шутит. Упускать такую возможность...

— Ничего из этой затеи не выйдет, — усомнился начальник экономического отдела Татаринцев. — В порту только и разговору об этом инциденте.

— Получится не получится, — раздраженно перебил Шмелев, — выполняйте. Все использовать надо. У них тоже не семь пядей во лбу.

Главпочтамтом занялся Грищенко. Он выяснил, что открытку с текстом: «Милый Сергей, 12 июня я уезжаю. Верни Луковицу. Взамен на старом месте получишь долг. Передаст его «Джордж». Навеки твоя Анна» — получил гражданин Петров, по профсоюзному билету. Его приметы: лет сорока, в кепке с клапанами, в зеленом френче и темных очках. Вот и все, что удалось узнать Грищенко.

Немец простоял у «Аквариума» до половины десятого. К нему никто не подошел.

— Ищи теперь ветра в поле, — сказал Ключкин, который был с Ранке. — Петровых в городе пруд пруди. И все члены профсоюза.

Как Шмелев и ожидал, первым позвонил Песчанский, представитель Наркоминдела. Он сказал, что к нему обратился германский консул фон Рейнлих и требует освободить какого-то Ранке.

Шмелев изложил ему суть дела.

— Передай, как разберемся, так и освободим. Сколько понадобится времени? Не знаю. Не могу сказать.

Второй звонок был из губкома партии. Там тоже уже знали о случае в порту и требовали ясности.

— Рейнлих шум подымает? Ну и пусть подымает. Дайте мне разобраться в конце концов! Пусть у себя порядок наводит. Читал, что в газете пишут? Фашисты в Германии пустили под откос экспресс «Берлин—Гамбург». Вот пусть там и наводит порядок, а в наши дела не суется.

Владивосток. 13 июля 1927 г.

Весь следующий день группа во главе с Ключкиным занималась мартышкиным трудом, как выразился один молодой из оперативных работников. Петровых нашли восемьдесят семь человек, и все они оказались вне подозрений.

На этом круг замкнулся, и Шмелев дал команду сообщить фон Рейнлиху.

На встрече с дипломатом пригласили Песчанского. Рейнлих явился в сопровождении собственного переводчика, когда все уже собрались в кабинете Шмелева. Холодно кивнув напомаженной головой, он начал с того, что заявил протест против произвола ОГПУ по отношению к германскому подданному матросу Ранке.

— Я вынужден поставить свое правительство в известность об этом вопиющем случае. Наши государства дружественные, и случай с господином Гансом Ранке ложится черным пятном на наши отношения... Должен напомнить, другие в подобных ситуациях поступают с вами жестче.

Все молча выслушали консула. Из присутствующих Рейнлих знал только Песчанского и потому через монокль смотрел на него. Песчанский взял со стола лист бумаги с собственноручными показаниями Ранке.

— Господин консул, факт с подданным Германии матросом Ранке очень неприятен не только вам, но и нам. Мы, как вы заявили, являемся дружественными державами и делаем все, чтобы не омрачать наши отношения. Но в данном случае органы ОГПУ поступили в соответствии с советскими законами. Ганс Ранке пытался выполнить поручение антисоветского белогвардейского центра, находящегося в Китае. Ему поручили передать крупную сумму денег в советской валюте некоему гражданину. Это бона фиде¹ подтверждает письменно и сам Ранке. Факт приискорбный, но факт. Можете ознакомиться с его показаниями. — С этими словами Песчанский передал Рейнлиху листок. Консул долго вчитывался в него.

— Я надеюсь, — обратился он к Песчанскому, — что к господину Ранке не применялись физические меры воздействия.

¹ По доброй воле (лат.).

Песчанский посмотрел на Шмелева, который при этих словах от шеи начал наливать краской.

— Здесь находится начальник Приморского губернского отдела объединенного Государственного административного управления товарищ Шмелев. Если у вас есть к нему вопросы, прошу задать.

— Мы не мараем свою пролетарскую совесть и честь подлыми приемами, которыми пользуется контрразведка капиталистических стран, — чеканил каждое слово Шмелев, уперев сжатые кулаки в стол. — И ваш вопрос я и мои коллеги считаем бестактным.

Рейнлих смешался, что-то переспросил у переводчика.

— Прошу извинить, если я не так выразился.

Ему никто не ответил.

— Я могу встретиться с господином Ранке?

— Такая возможность вам будет предоставлена немедленно, — ответил Шмелев. — Ранке мы больше не задерживаем.

...Песчанский и Шмелев стояли у окна и смотрели, как немцы усаживаются в автомобиль. Проводив их взглядом, Песчанский сказал:

— Никуда и никакому правительству он не будет сообщать. Не тот случай. В отчет для МИДа, конечно, вставит. А тебе бы следовало сразу же поставить меня в известность.

Шмелев вздрагивающими пальцами набивал трубку.

— Не мог я этого сделать. Если начну по каждому случаю трезвонить и перелгать свои обязанности на других, тогда гнать меня надо отсюда.

— Ну ладно, ладно... — сдался Песчанский. — В твои обязанности не вмешиваюсь. Это я к тому, что Рейнлих мог и не поднимать тарарам, если бы знал что к чему.

— Ты слышал, на что он намекал? Мол, другие государства...

— Это он имел в виду разрыв с Англией.

— Да хоть с чертом! Спекулирует, каналья.

Впереди у Шмелева предстояли не менее веселые встречи с консулами Японии и Китая. Сейчас КРО занимался их верно-подданными. Одного прихватили в районе военного аэродрома на Второй Речке. Он

оказался майором разведки генштаба. Китаец на фоне военных судов фотографировал военморов. И тоже оказался ни много ни мало — полковником. Шмелев хотел было сказать об этом Песчанскому просто так, мол, немцы не первые и не последние, но передумал.

Пятьсот тысяч сдали в Государственный банк. А через сорок минут позвонил заведующий банком и сообщил, что все пятьсот тысяч... фальшивые. Шмелев не поверил и послал в банк Татаринцева. Вернулся тот скоро и принес с собой одну из зловещих пачек.

— Это на память дали. Говорят, чтоб учились отличать фальшивые от настоящих. Шмелев долго разглядывал червонцы на свет и через лупу. Потом каким-то бесцветным голосом произнес:

— И не отличишь ведь. Только герб не научились подделывать. Что ж, вперед наука. А я уже Хабаровску сообщил, мол, вернули казне полмиллиона. Ну ладно. — Он собрал купюры и запер в сейф. — Ты думаешь, для чего они?

— Ясное дело, подорвать цену советскому рублю.

— Вот именно.

Харбин. 14 июля 1927 г.

«Из Шанхая ожидайте прибытие резидента советской разведки. Соболь». Зачитав сообщение, Бордухаров, не поднимая головы, посмотрел поверх очков на Дзасохова, потом перевел взгляд блекло-холодных глаз за его спину, где висела скверно написанная маслом картина, изображавшая Николая II среди генералов на русско-германском фронте. Взгляд Бордухарова потяжелел. Он осторожно положил перед собой листок бумаги с машинописным текстом, снял очки и полез в карман за кусочком фланели. Дзасохов ждал, пока генерал протрет стекла, надеясь что еще услышать от него. Но Бордухаров молчал, близоруко щуря наливишиеся влагой глаза.

— А дальше? — напомнил Дзасохов, быстро моргая по привычке и по своей всегдашней неряшливости сбивая ногтем пепел на пол.

— Все. К сожалению, все, — Бордухаров потрогал большой белой рукой бронзового орла на чернильнице.

— Не густо, — разочарованно произнес

Дзасохов и опять стряхнул на ковер пепел. — Из Шанхая каждый день народ пачками прибывает. — Щуря от дыма и без того узкие, калмыцкие глаза, он продолжал скептически: — Конечно, Соболу за такую информацию надо посередине Харбина сварганить часовню, но... как же мы будем искать этого резидента? Кто он? Его портрет... Не знаю, не знаю, Вадим Сергеевич... Я, конечно, далек от мысли, что Соболев работает под диктовку своих коллег-чекистов, но мог бы чуточку подробнее информировать. А так... Мы не знаем, на кого бросаться. Хватать всех подряд и делать свирепые глаза: «Ты р-резидент ЧК?» Увольте, Вадим Сергеевич. Я так не могу, — скрестил на груди руки. — Зацепиться не за что. Да и не в России мы.

Бордухаров сделал досадливое движение головой.

— Допустим, из Шанхая прибывает очень мало. Железнодорожной связи нет? Нет. Значит, остается море. А морем Дайрен не миновать. Правильно я мыслю? Значит, в первую очередь свяжитесь с Дайреном. Пусть возьмут под контроль всех новоприбывших и прибывающих пассажиров с юга.

Дзасохов мысленно согласился с ним. Именно с Дайрена и надо начинать.

— Может, Бульдога послать?

Бордухаров скорчил гримасу.

— Какого Бульдога?

— Это у Щекова кличка такая.

— Не надо, — категорично отказался Бордухаров. — Опять в какую-нибудь историю попадет. Хватит с меня его самостоятельности. Да и время потеряем. Пока то-се...

— Ну как хотите, Вадим Сергеевич, Щеков как раз пригодился бы там.

— Используйте здесь. Только не приведи бог, чтоб пронюхали японцы или китайцы. Перебегут дорогу. Поняли меня? — Понял, как не понять, — вздохнул Дзасохов и стряхнул пепел на пол.

— Вы всегда придете вот так, нагадите, — уже раздраженно произнес Бордухаров и поднялся из-за стола. Дзасохов подобрал ноги.

Оба были уверены, что Щеков не работает ни на японцев, ни на китайцев, и что никто иной, как сам Дзасохов является давним японским агентом. Говоря о Щекове, Бордухаров имел в виду именно его. И тот по-прежнему намекал.

— Он не дурак, — сказал Дзасохов, притворяясь, что смысла сказанного не уловил. — Он знает, когда надо молчать. А представляете, если возьмем советского резидента? Ли Бо лопнет от зависти.

С начальником китайской жандармерии генералом Ли Бо у Бордухарова давно не ладилось. Они тихо ненавидели друг друга и по возможности делали один другому пакости.

— Господь с нами, — отмахнулся Бордухаров и косолапя заходил по комнате.

Дайрен, 14 июля 1927 г.

Хшановский уехал утренним поездом, Лескюр взял билет на вечерний. У билетных касс железнодорожного вокзала ему показалось, что за ним наблюдают. За многие годы, проведенные во враждебном лагере, он так и не смог привыкнуть к слезке и постоянно, где бы ни находился, почти физически, затылком, спиной ощущал на себе чужой взгляд. И даже когда был уверен, что никто за ним не наблюдает. Ему казалось, что взгляд этот навсегда прилип, ни смыть его, ни отодрать невозможно.

В центре Лескюр сел в трамвай. Потом взял рикшу. Возле здания китайской судоходной компании, занятого под японскую военную миссию, отпустил рикшу и смешался с толпой. И тут окончательно убедился, что его тщательно опекают двое: пожилой китаец в грязной соломенной шляпе и европеец, с черными как приклеенными усиками.

Лескюр был не столько обеспокоен, сколько озадачен. Он старался найти причину интереса контрразведки к своей персоне. Он искал ее и не мог найти. Шанхай? Не должно. Может, что с Польшинниковым? Но Хшановский проторчал на пристани до отхода судна. Если все же Шанхай, то почему позволили его покинуть а не взяли там же? Для того, чтобы выявить связи? Тогда почему прицепились в Дайрене, а не ждут в Харбине? Ведь им известно, куда взял билет. И потом, чем объяснить, что слезка началась через несколько часов после прибытия парохода? Хшановский уехал спокойно. Нет, тут что-то не то. А если это кемпетаи? У японцев своя тактика в наблюдении. Если они цепляются, то мертвой хваткой, ни на шаг не отпускающая жертву. Ходят за ней по пя-

там, в открытую, давая на психику, гонят как зайца по кругу. Человек со слабыми нервами начинает метаться, допускает просчеты и в результате окончательно попадает или не выдерживает и является сам.

«Если японцы, — холодно и спокойно соображал Лескюр, — это, конечно, плохо. Эти, пользуясь властью на полуострове, черт-те что могут инкриминировать. Найдут тысячу причин для задержания. Если китайцы, тут еще можно повоевать. В крайнем случае, обратится за помощью к тем же японцам. А если белогвардейская контрразведка, то... хуже не придумаешь. Эти могут пойти на всякую пакость». Он мысленно, на всякий случай, обшарил свои карманы, портфель, в котором, кроме деловых бумаг, ничего не было, выбрался из толпы, поманил рикшу, сел не торопясь. Европейец с усиками тоже взял рикшу. Китаец бежал за Лескюром по проезжей части вдоль тротуара.

В одном Лескюр был уверен, ведут его не китайцы. В Дайрене они не имеют политической полиции. Значит, или японцы, или белогвардейцы. Как узнать? В начале своей работы в разведке, окажись он в аналогичной ситуации, пожалуй, не нашел бы выхода.

Ежедневно в девять вечера военный губернатор генерал-лейтенант Тацуэ Камагава выезжал на автомобиле из своей резиденции во двореце Ниншоугун, точной, но значительно уменьшенной копии пекинского дворца и, в сопровождении охраны, направлялся в парк Судзусий, где стоял памятник японским солдатам, погибшим в войне с китайцами. Там он совершал сикитэн, церемонию памяти, и возвращался обратно. Лескюр рассчитывал проскочить цепь пехотинцев, державших в кольце весь путь следования Камагава, и если его преследователи осмелятся увязаться за ним, значит, это японская контрразведка. Если нет, — белогвардейская. Расчет был прост.

Как и предполагал Лескюр, солдаты уже стояли, растянувшись цепочкой сажень в тридцати друг от друга. Рикша замедлил бег, оглянулся, но Лескюр ткнул его меж лопаток бамбуком, и китаец, зажмурив от страха глаза, ринулся в просвет между охраной. Солдаты растерялись. Лескюр оглянулся, его преследователи остановились на приличном расстоянии, не решаясь приблизиться к цепи.

Следом, придерживая шашку и что-то крича, бежал унтер. Лескюр удовлетворенно хмыкнул и сделал знак рикше поворачивать обратно. Теперь он не сомневался, что преследуют его белогвардейцы. Осталось выяснить: это дело случая или результат какой-то его ошибки?

Лескюр не торопит рикшу. Поза у Лескюра такая, будто он не знает, как убить оставшееся до отъезда время. В славянских рядах торгового центра он велел рикше ждать, хотя вокруг немало жаждущих подзаработать. Лескюру понравился быстроногий понятливый китаец.

В баре «Касандра» гремела музыка. Пулгольные китайки, совсем еще девочки, исполняли какой-то ритуальный, с бесстыдными телодвижениями, танец в масках. Проходя через зал, в углу возле музыкального ящика Лескюр заметил Арияма Буцуэ. Буцуэ держал дымящуюся сигарету и помешивал в стакане коктейль. Свободное место оказалось рядом с пожилым японцем, увлеченным созерцанием танца. Лескюр заказал сладкого вина и закурил. Агент топтался у входа, Лескюр видел его через стеклянную стену. Попытался поймать взгляд Буцуэ, но Буцуэ не поднимал головы, и он переключился на китайянок. Их танец напоминал японский культовый хара-гакари, который Лескюру довелось видеть в одном из храмов префектуры Сидзуока, неподалеку от Токио. Только там его исполняли японки в красочных кимоно и с красными палками в руках.

Наконец их взгляды скрестились. Глаза Буцуэ радостно вспыхнули, но Лескюр взял из стаканчика бумажную салфетку и трижды промокнул губы. Арияма некоторое время сидел неподвижно, потом поднялся и шатаясь пошел к выходу. Он задел столик, за которым сидел Лескюр, ваза с цветами упала. Сосед Лескюра зашипел: «Кюс-сэмоно...»¹. В этот же момент Лескюр обнаружил у себя на коленях комочек бумаги, зажал его меж пальцев. Еще три-четыре минуты наблюдал за кривляющимися танцовщицами, допил вино и вышел. К нему кинулись зазывалы пассажиров, но он, не обращая на них внимания, направился к своему китаюцу. Тот бросил горделивый взгляд на неудачливых коллег и с поклоном подал бамбуковый хлыст.

¹ Негодяй (яп.).

В вагоне Лескюр встретился с английским журналистом Джоном Кимберли, с которым совершил путешествие из Шанхая и которого немного знал по клубу автолюбителей. Джон подвел его к окну:

— Видите тех джентльменов, что стоят на перроне, уткнув носы в газеты? Они только делают вид, что читают, — он брезгливо сморщился. — Весь день бежали за мной как собаки.

Лескюр рассмеялся.

— Мы с вами стали жертвами тотальной слежки.

— Боюсь, не только мы с вами, — возразил Кимберли.

В туалетной комнате Лескюр, с трудом разбирая почерк Буцуэ, прочитал: «24 июля в Токио состоится закрытая конференция дипломатов и генштабистов, на которой будет принят совершенно секретный меморандум: план готовящейся агрессии на страны Азии, СССР и США. После этого премьер Танака представит меморандум на утверждение императору».

Несмотря на ценную информацию, Лескюр не может без досады вспоминать сцену в баре. Буцуэ принял сигнал опасности и все же пошел на риск. Такого с ним еще не бывало.

Прочел дальше: «БРП стало известно, что из Шанхая в Харбин прибывает резидент советской разведки». Так вот почему Арияма спешил...

Он тщательно, на мелкие кусочки, порвал бумагу, растер ее ладонями и бросил в унитаз. Для верности смыл водой.

В Дайрене Буцуэ представлял солидную компанию «Хитати коки», производящую оружие, вхож в правительственные кабинеты. Информации его можно верить.

Харбин. 15 июля 1927 г.

Хшановский встретил Лескюра на вокзале и повез в гостиницу «Модерн», в которой тот всегда останавливался, когда бывал в Харбине. По дороге Ежи хвалился приобретенным пятиместным автомобилем японского производства. Несмотря на неказистый вид, растрескавшийся и местами осыпавшийся черный лак, лимузин имел новый фордовский мотор, хорошо брал с места, работал почти бесшумно и развивал неплохую скорость.

— В Дайрене белогвардейцы с ума посходили. Ищут резидента советской раз-

ведки, — сказал Лескюр, глядя на знакомые улицы города. Хшановский затормозил на перекрестке, давая дорогу похоронной процессии.

— Кого хоронят?

— Парнишку. Сына хозяйки нашей гостиницы. Приехал из Парижа, учился там музыке. Как-то ушел и не вернулся домой. А потом отцу прислали письмо, эсли не даст выкуп в миллион долларов, то убьют сына. Тот заявил в полицию. Искали. Не нашли. В отместку прислали ухо парнишки. В общем, нашла коса на камень. Отец отказался давать выкуп, ну и нашел труп сына. — Хшановский надвинул козырек кепки на глаза, наблюдал за процессией. — Жуткая история. Ну и как, нашли резидента? — напомнил он, включая сцепление.

— Ищут. Они взяли под наблюдение всех, кто прибыл из Шанхая. Думаю, и здесь не оставят в покое. Так что имейте в виду.

В тот же день Лескюр у себя в гостинице встретился с председателем БРП Косьминым. Генерал коротко обрисовал положение дел в БРП и сразу завел разговор о деньгах.

— Простите, Александр Иванович, — переребил его Лескюр. — Ваша организация монархическая, и как же вы с эсерами ладите? Ярые сторонники монархии и социал-революционеры... Может, я чего-то не понимаю в русской революции, но чувствую какую-то кашу.

Косьмин снисходительно усмехнулся, тронул согнутым пальцем коротенькую щеточку усов.

— А вам и не понять. Куда уж вам, французам, понять нас, русских. Вы вот до сих пор не разобрались, кто победил в двенадцатом году Наполеона, мороз или стратегия Кутузова? Конечно, нас понять не легко, особенно когда мы сами себя понимаем с трудом. — Он протяжно вздохнул, как человек, уставший от пустопорожних разговоров. — А тут понимать надо просто. У большевиков лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», вот и у нас такой же лозунг. Только без пролетариев. Хотя, если смотреть правде в глаза, мы сами уже превратились в пролетариев, и терять, как это говорится у Маркса, кроме цепей своих, нам нечего. Вот так-с, мсье Лескюр. Только объединив всех противников большевизма, мы сможем спра-

виться с ним. А для этого нужны деньги. Голыми словами в наше время никого не убедишь. Вот потому-то я и вынужден был обратиться к вашей стране.

— А японцы?

— Что японцы? Японцы всегда останутся японцами. Они и без приглашения при желании отхватят от России кусок. А вы Россию боитесь. Вам надо приглашение. Вы народ деликатный. — Косьмин говорил с легкой иронией, зло усмехаясь. — Я понимаю, — продолжал он, — вам хочется иметь гарантии. Скользкое это дело — возвращать власть монарху. Куда проще колонизовать Китай. Тут совсем просто: натравил одного генерала на другого, поставил у берега корабли с пушками — и греби себе добро лопатой. А сунется кто — по морде, по морде... Гарантий дать не могу, — сказал он вдруг жестко и резко. — И никто вам не даст их, когда вопрос будет касаться России. Возьмем власть — тогда пожалуйста. Будут вам и концессии, будут вам и монополии или еще чего там.

— Понятно. Хотя не совсем. Ну а в настоящее время на что вы опираетесь?

— На штыки, — коротко ответил Косьмин и сквозь дым посмотрел на собеседника. — На штыки, — повторил. — Хотите, покажу? Как у нас говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Неподалеку от границы дислоцируется один из наших отрядов, готовый по первому сигналу начать боевые действия. Это я к тому, чтоб вы где надо могли доложить.

Лескюрю согласился.

— Если вы нашли общий язык с эсерами, то с генералом Семеновым, как говорится, сам бог велел.

— Видите ли... Семенов — диктатор. Россию он видит во власти военной диктатуры. Это, как вы понимаете, несколько вразрез идет с нашей программой. Он по старинке считает, что удержит власть на казацкой нагайке. А мы говорим: и на монархе. Тут, если подумать, есть некоторая разница.

— Значит, наполовину ваши интересы совпадают. Семенов сейчас в фаворе у японцев, и этим, надо думать, вы воспользуетесь.

— Относительно японцев я уже говорил, а что касается Григория Михайловича, то с ним у нас, можно сказать, уже налажены добрые отношения, несмотря на разницу в программах. После неудачного путешествия в Париж он начал сообщать.

Не во всем, правда, но сдвиг уже есть. Не обошлось, конечно, без помощи Танака. Японцы давно поняли, пока мы тут будем делить престол, толку не будет. Залог нашего успеха — объединение. Не хотелось бы зависеть от японцев, но коли вы не можете нам, то придется их брать в партнеры.

Я заметил, как вас передернуло, когда я сказал о штыках. Что делать, господин Лескюрю... И монархия и республика, включая и вашу, не чурается штыков.

— А метод убеждения?

— Ха-ха...

— В таком случае как же большевикам удалось поднять против монархии народ?

Косьмин вдавил сигарету в пепельницу, пробежал тонкими, как у музыканта, пальцами по пуговицам сюртука, заменившего генеральский мундир.

— Большевики пошли на величайшую ложь. Она взоржила отсталые умы всеобщим благосостоянием в будущем. Так сказать, дали иллюзорное счастье. — Косьмин резко подался к Лескюрю, крахмальный воротничок белой сорочки врезался в горло, лицо его при этом покраснело. — Вам когда-нибудь приходилось бывать в харбинских опекурильнях? Зрелище, скажу вам, жуткое. Туда идут за клубком ядовитого, но приносящего иллюзорное счастье дыма. Такое же счастье несет с собой и большевизм. — Он откинулся на спинку дивана. — Величайший обман!

Лескюрю расхотелось говорить. Вскоре они распрощались, договорившись о новой встрече, чтобы побывать в Линьсяне. Уже у двери Косьмин задержался.

— Внутренне вы критически относитесь к нашей программе. Это оттого, что республиканские идеи впитаны вами с молоком матери. Надеюсь, беседа наша на этом не окончена.

Оставшись один, Лескюрю мысленно прокрутил весь разговор с Косьминым и признался сам себе, что прошел он впустую. Попытки заставить Косьмина сказать что-то конкретное о связи с японцами ни к чему не привели. Косьмин уходил от прямого ответа, выскальзывал из расставленных ловушек с опытностью старой лисы. Разгоняя саднящую боль в голове, постукивая ребром ладони по затылку, он думал о том, что в плутнях белогардейской эмиграции не так-то просто будет разобраться и найти те слабые звенья, по которым надо ударить, чтоб вся цепь рас-

сыпалась. И конечно, прав Полинников, называя привлечение Заборова первостепенным делом. Не исключено, что именно от него и придется начинать плясать.

— Они нас обложили со всех сторон, — пожаловался Хшановский. — С Бойчевым встретиться не удалось.

— Ну спасибо.

Хшановский обиделся.

Лескюр считал, если он на пару дней уедет с Косьминим, то за собой потянет и какие-то силы бордухаровской наружки. Значит, Хшановскому станет легче. Ежи на это пожал плечами:

— Если они меня ни во что не ставят. — И с чувством добавил: — Пся крив Дитерихс приезжает на днях.

— Зачем? — рассеянно спросил Лескюр.

— Вероятно, на случку с местной верхушкой. Газеты выпшут. — Он отдал Лескюру вечерний выпуск «Харбинского времени». На первой странице, почти четверть ее, среди рекламы и объявлений, занимал портрет Дитерихса десятилетней давности при всех орденах и регалиях. Лескюр мельком взглянул на него и бросил газету. Дитерихса выгнать из Маньчжурии не представит особого труда, если наши дипломатические представители, находящиеся в Харбине, заявят китайскому МИДУ решительный протест. Черт с ним, с этим Дитерихсом. Нужна встреча с Бойчевым, чтоб определиться относительно Заборова.

— Попытайся после моего отъезда еще разок. Если что заметишь за собой, то прекрати до моего возвращения. Потом придумаем что-нибудь.

Линьсян. 16 июля 1927 г.

Отряд Лошакова располагался в сорокадвяти верстах от провинциального городка Линьсяна на хуторе казака Мамонтова. Со всех сторон — густой лес, рядом — речка с русским именем Просвирка, которую, если хорошо разбежаться, можно перепрыгнуть. Речушка брала начало где-то в долине Сунгари и впадала в Уссури. В осенние дожди она заливала луга, потому Мамонтов расположил свое поместье со всеми дворовыми постройками на бугре у кромки леса, на самом солныцепеке. Казак разводил на продажу овец и спекулировал женьшенем. Держал троих батраков: Корнея Чурху, Изота Нью-

хова и китайца Ли Фу. Корней Чурха, обрусевший татарин, преданный как собака, готов был за хозяина горло любому перегрызть. Изот Ньюхов — конокрад и нехристь. Мало кто знал, что он промышлял контрабандой. Изоту уже давно перевалило за пятьдесят, но он не растерял природную силу и резвость. Как-то Мамонтов защитил от хунхузов посева мака, которые Ли Фу скрывал от чужих глаз в тайге. С тех пор китаец отработывал. Фанза его находилась за Просвиркой, и каждое утро он шел к Мамонтову вброд, закатав по колену широкие полотняные в заплатках штаны. Сам Герасим Мамонтов чаще пропадал в Линьсяне, где держал магазин, лавку и любовницу Серафиму. В большом доме, крытом цинком, оставалась дочь Мамонтова глухонемая Нюрка, девица лет двадцати пяти, здоровая, краснощекая, по силе не уступавшая Корнею Чурхе. Нюрка свободно закидывала на плечи шестипудового барана, сама свежевала овец и командовала всем парадом на хуторе. Работники побаивались девку, а волонтеры Лошакова дали ей кличку Конь.

Свой лагерь Лошаков разбил неподалеку от кошар, но голодные овцы всю ночь перед забоем кричали детскими голосами, и капитан Миловидов, начальник штаба и заместитель Лошакова, распорядился перенести лагерь ниже по Просвирке версты на полторы, где речушка давала крутой изгиб к Уссури. Отсюда до границы оставался один конный переход. Просвирка звенела на камнях и по утрам источала молочный туман, растекавшийся по всей долине.

Лошаков остался в Линьсяне встречать председателя БРП генерала Косьмина, и всем в лагере заправлял Миловидов Арнольд Филиппович, бывший начальник личной охраны Калмыкова. При нем в качестве денщика находился калмыковец Тишка с нежным девичьим лицом и удивительно голубыми глазами. Тишка целыми днями сидел на скамеечке у палатки Миловидова, вырезал из дерева всякие причудливые фигуры или собирал цветы и ставил у изголовья офицерской постели.

Лошаков основательно засел в Линьсяне, и Миловидов терял терпение. Отряд с неохотой приобретал воинскую строгость. Были случаи, когда, взяв у Мамонтова коней, волонтеры на ночь убегали в Линьсян и возвращались в мертвецком состоянии.

Косьмин приехал не один, а с шанхайским коммерсантом Андрэ Лескюром.

На хуторе их встретили Миловидов и заранее посланный Бордухаров, который должен был организовать парадную встречу. На лице Косьмина блуждала гримаса неудовольствия. Лескюр заметил ее.

— Что-нибудь случилось? — спросил он. Бордухаров мотнул головой, из чего Лескюр не понял, случилось или не случилось.

За речкой стояли темные, еще не просохшие от ночного дождя палатки с провисшими боками и скопившимися лужицами воды. Бродили нерасседланные кони.

Автомобиль по броду пересек речушку и остановился возле столба, на котором висел флаг с двуглавым орлом. Широкая тень его трепыхалась и ползала по земле как что-то живое, будто вырывалась из чьих-то рук. И пока Косьмин и двое красномордых молодцов из бордухаровской контрразведки вылезали из машины, он смотрел на нее, и в душе его появилось чувство гадливости и омерзения до такой степени, что тошнотный комок подкатил к горлу. Пересилив себя, он отвел взгляд, закурил и посмотрел на Бордухарова с Миловидовым. Слышались обрывки разговора с ними Косьмина.

— Нажрались, что ли? — спрашивал негромко Косьмин, вытирая потный затылок платком.

— Так точно, — громко отвечал Миловидов. — Вторые сутки пьют. На подъеме отцепили от советского эшелона вагон, а там оказался форменным образом спирт. Вот и жрут. — Косьмин в ответ что-то раздраженно забубнил. Миловидов черенком плетки указал в сторону палаток. Весь какой-то угластый, с беспокойными злыми глазами, щегольски одетый в новую форму, он то и дело бросал на Лескюра неприязненный взгляд. Бордухаров стоял, заложив руки за спину, и играл густыми черными бровями.

Лескюр выбрался из автомобиля.

— Господа, — сказал Косьмин, — познакомьтесь с главой коммерческой фирмы «Фрэнсис корпорейшн» господином Андрэ Лескюром. Это, — сделал движение ладонью в сторону Миловидова, — начальник штаба отряда Арнольд Ильич Миловидов. А это... — он замялся на мгновение, — моя правая рука по всем военным вопросам. — И Миловидов и Бордухаров

оба сделали поклоны и щелкнули каблуклами. Бордухарова Лескюру приходилось видеть и раньше. Внешне он был привлекательным: чуть выше среднего роста, осанист, прям, гордо держал крупную с густой серединой голову. Никаких особых примет. Только взгляд бледно-голубых глаз тяжеловат, как у всех тех, кто привык повелевать людьми.

Кроме двоих молодцов, все снова сели в автомобиль и подкатили к мамонтовской усадьбе, где уже их ждали. Нюрка с каменным выражением румяного круглого лица держала на вытянутых руках рушник с хлебным караваем и солонкой. А сам Мамонтов — поднос с рюмками и бутылкой.

После обеда Косьмин пригласил Лескюра в угловую комнату с окнами в сад. Комната была обставлена в городском стиле. Косьмин пояснил:

— Я тут останавливаюсь, когда на охоте бываю. Утка тут хорошая. Озера неподалеку. — Развязал галстук, снял туфли, пиджак. — Прелесть какая. Слышите запах яблонь? Вот о чем мечтаю. Вернуть себе усадьбу, я из-под Саратова, а там пусть хоть трава не расти. Ружьишко за плечо. Охота — и больше ничего на свете. Вы какую собаку уважаете?

— Розен-шнауцер, — не задумываясь, ответил Лескюр. Он стоял у окна и разминал сигарету.

— А по мне, лучше пойнтера не сыскать. Великолепен под ружьем. И никаких тебе гончих. Другие целые псарни держали, а я пару пойнтеров. Псарня — шуму много, а я люблю тишину.

— Розен-шнауцер не охотничья собака. Она розыскная.

— Я вот все хочу спросить у вас, где вы обучились русскому?

— В России. Мой отец имел винный завод в Крыму.

— А... — с шутовским злорадством протянул Косьмин, — и вас русская революция пощекотала? Понятно.

— Не очень. Отец в тринадцатом году продал акции, и мы вернулись на родину. Косьмин разлил по бокалам вино.

— Ваше. Бургундское. Солнцем пахнет. Я обещал показать вам свое воинство. Это чтоб вы убедились, что все у нас по-серьезному, что мы не в бабки собрались играть. — Желтоватая кожа у Косьмина по-розовела, он потер острый подбородок в задумчивости. — Вот привез я вас сюда,

а самому горько. Как вы думаете, почему мне горько?

— Почему?

— Гордость мучает. Вот почему. Гордые мы, русские. Англичане, например, от своего богатства гордые. А мы от бедности своей. А тут приходится просить, кланяться. Вот так и пускаешь на распыл свое изначальное качество. А потом спохватиться, да поздно. По уши увяз. И назад ходу нету. Вы пейте. Как я — на природу, так меня тянет пофилософствовать. Когда учился в Петербургском университете, прочили блестящее будущее. Может, и получился бы Ибн-Руста или еще кто. А я в военное училище.

— Ибн-Руста не философ. Он географ. Древний.

Косьмин, смеясь, отмахнулся:

— А, все равно!

Лескюр вполуха слушал болтовню Косьмина, а сам думал, как повернуть разговор в нужное русло. Председатель БРП не намерен был откровенничать, тем более выкладывать свои планы перед коммерсантом, от которого хотел одного: денег. Воинство Лескюра не интересовало. Воспользовавшись паузой, спросил:

— Получите пятьсот тысяч и что?

— Миллион.

— Допустим. И дальше? На что вы их употребите?

— Да уж не пропьем. Не на бутылку ханжи просим.

— А мы должны быть уверены в этом. В противном случае нам и говорить не о чем, господин Косьмин. В конце концов же мы обращаемся к вам, а вы.

— На оружие пойдут деньги. Не хватает у нас оружия.

Лескюр щелчком выбросил окурок в окно и отошел. В это время в саду подым-то шагом затрещали сухие ветки.

— Кто там? — спросил Косьмин. Лескюр арнулся к окошку, выглянул. Бордухаров шло между деревьев в нижней рубашке делал энергичные движения руками и зрлусом.

— Ваш помощник. — Лескюр посмотрел на Косьмина. — Чего это он?

Косьмин тоже поглядел в окно.

— Гимнастикой занимается. Три раза в день занимается гимнастикой. В Урге, когда у Унгерна служил, получил ранение в позвоночник. С тех пор вот и мучается. Вадим Сергееч! — окликнул Косьмин. Бордухаров повернулся с разведенными рука-

ми, готовый присесть. — Зайдите. Дело тут у нас. — Бордухаров сделал с десяток приседаний, постоял на одной ноге, вытянув другую, и после этого подошел к Косьмину, отирая платком взмокшее лицо.

— Что случилось?

— Зайдите. Мы тут с господином Лескюром, как говорят у вас в Одессе, за жизнь говорим.

— Я не из Одессы. Я воронежский.

— Ну, все равно. Это Дзасохов из Одессы. Простите великодушно.

— И Дзасохов не из Одессы, — возразил Бордухаров, аккуратно складывая платок и пряча его в карман. — Вы, Александр Иванович, все перепутали.

Явился Бордухаров уже одетым, посвежившим. Увидев бутылку с вином, предупредил, глядя на Лескюра:

— Чур не я. Не употребляю.

— Да будет вам, — проворчал Косьмин, разливая по стаканам. — Это мы так, для бодрости. Сами небось спирт хлещете.

Бордухаров обидчиво подобрал губы.

— Мы тут вот о чем говорим. Господин Лескюр спрашивает, что будем делать с деньгами, которые они дадут нам. А я говорю, на оружие.

— На оснащение армии, — поправил Бордухаров, все-таки взяв стакан.

— Какой армии? — не понял Лескюр, сразу уцепившись за реплику. — Что-то не знаю такой армии.

— Вы еще много чего не знаете, господин Лескюр. Армия уже существует. — Он поставил стакан, сложил на животе руки. — Есть армия. И она нуждается в оружии.

— Если она не вооружена, то это еще не армия, — сказал Лескюр, закуривая новую сигарету. Косьмин шире открыл окно. — Или я чего-то не понимаю.

— В принципе вы правы. Армия без оружия — это не армия. Это было бы понятно в условиях России. А здесь мы не дома. Здесь на нас не работают патронные заводы.

— Понятно. В таком случае, у кого вы собираетесь закупать оружие?

— Конечно, не у китайцев. У них самих один наган на роту. А какое это имеет значение?

Лескюр дернул плечом, мол, странный вопрос.

— Значит, какое-то значение есть. Можете, конечно, не отвечать. Я не настаиваю.

ваю и прошу извинить, если допустил бестактность.

Он не видел, как Косьмин осуждающе покачал головой, глядя на Бордухарова, и тот понял его.

— Допустим, у японцев.

— Тогда почему бы вам не обратиться к ним же за деньгами?

Что-то взвесив и переглянувшись с Косьминым, Бордухаров сказал:

— На то есть основания. Серьезные основания.

— Понятно, по каким-то причинам вы не хотите портить с ними отношения. Понятно. В таком случае, пойдя вам навстречу, мы обострим отношения с ними. Видите, как непросто получается?

— Никаких обострений не будет, — вмешался Косьмин. — Дело в том, что японцы дают нам оружие. — Бордухаров крикнул предупреждающе, но Косьмин не обратил на него внимания. Он понял, что если этого француза водить за нос, то ничего не получишь. — Не в том количестве, которое бы нам хотелось, но дареному коню, как говорят, в зубы не глядят.

— Давайте договоримся так: вы получаете деньги и приобретаете оружие у меня.

Собеседники задумались.

— Как, Вадим Сергеич? — спросил Косьмин.

— Когда будет поставка?

— Вы мне дайте срок.

— Пятнадцатое августа, — сказал Бордухаров.

— Вы мне дайте максимально предельное время, чтоб я мог ориентироваться. К середине августа не получится. Мало времени.

— Тогда к первому сентября.

Лескюр посмотрел в потолок, что-то прикинул.

— А если позже?

— Нет, — вмешался Косьмин. — Первое сентября — предел.

— Предел так предел.

Лескюр понял, что оружие предназначается для мятежников. И мятеж должен начаться в сентябре, где-то в середине месяца. Это уже что-то значило.

Утром Лескюр и Бордухаров собрались на охоту. Мамонтов дал куцехвостого ретвейлера Валета. Вместе с ними увязался Чурха — то ли хозяин послал, то ли Бордухаров взял. Чурха хорошо знал тайгу

и был опытным проводником. Веки у него неестественно опущены, и он все время держал голову откинутой далеко назад. Шли к теплому озеру через болото. Лескюр набрал полные сапоги и сразу натер ногу. Когда выбрались на бережок, опустился на траву, снял сапоги, огляделся.

— Красота-то какая...

Над озером стлался туман, утро стояло тихое, плескалась рыба. Едва слышно шелестел камыш, на водную гладь с шумом плохались утки. Чурха под раскидистым дубом, на вытоптанном до корней пятачке, разводил костер.

Бордухаров смотрел, как переобувается Лескюр. С усмешкой заметил:

— Сразу видно, что вы не служили в армии. Не умеете наматывать портянки, оттого и натерли ноги.

— Вы наблюдательны. Можно подумать, вы контрразведчик. Все контрразведчики наблюдательны.

Бордухаров промолчал, наблюдая за низко летящей утиной стаей. У его ног терся Валет.

Пока Лескюр сушил над бездымным костром портянки, Бордухаров вычерпывал из плоскодонки тинистую воду. Чурха у заводи устроился с удочками. Закончив с лодкой, Бордухаров зажал две спички: — Чтоб не обидно. Лодка одна. Кому с головкой, тот берет лодку.

Лодка досталась Бордухарову, и он тут же, работая шестом, направил ее в камыши.

— Валет вам остается! — крикнул Бордухаров. Валет тьякнул, кинулся к воде, подняв торчком обрубок хвоста. Постоял и понуро вернулся. Лег у ног Лескюра, положив морду на вытянутые лапы. Лескюр подбросил в костер сушняка и сел рядом с Чурхой. В бадейке били хвостами с пятак язей.

— Ого, — удивился Лескюр. — На уху уже есть. — Предложил Чурхе сигарету и сам закурил.

— Ничего, берет. Тут, ета-вот, и карпы водятся. На овечий сыр идут, дурачки.

Повело леску второй удочки, и Чурха, открыв рот, выхватил фунтов на пятнадцать карпа.

— Жареха будет, — пробормотал он.

Вверху на косогоре послышались голоса, и Лескюр увидел двоих: высокого сутуловатого мужчину и коренастого бородатого деда. В первом узнал работника Мамонтова. У обоих в руках были карабины.

Валет радостно заурчал. Лескюр взял его за ошейник.

— Кто это?

— С бородой — Ньюхов. Конюх. А другой из города.

— Охотятся, что ли?

Чурха хмыкнул, перекосив рот.

— Охотнички, ета-вот. В Расею-матушку ищут тропку.

— А чего они там потеряли? — поинтересовался как бы между прочим Лескюр.

Чурха неторопливо осмотрел его, будто убеждался, тот ли человек перед ним.

— Поскоку вы с Вадимом Сергеевичем и Ксандром Ивановичем в товарищах, то скажу. Момент стерегут, чтоб перебежать во Владивосток. Ох и заваруха будет... — Ахнул и эхом пронесся выстрел. — Хорошо бьет Вадим Сергеевич. Пустым не вертается.

— Кто тебе сказал про заваруху?

— Сам знаю, — Чурха испугался, подхватил увол и направился к костру.

Лескюр ждал разговора с Бордухаровым. Недаром ведь Косьмин послал его на охоту. Значит, разговор должен состояться, но о чем? Ясно было одно: Косьмин чего-то хотел.

Лескюр побрел вдоль берега и скоро подстрелил двух селезней.

Бордухаров набил дичью полный ягдташ. Он бросил на дно шест, сел. И снова, как и утром, начал злиться. Косьмину не давала покоя идея беспроигрышных лотерейных билетов, которые он намеревался распространить во Франции, Германии, Англии и Америке. Каждый билет будет стоить не менее пяти тысяч американских долларов, а всего их должно быть десять тысяч. За каждым билетом выигрыш — земельные участки от Урала до Владивостока. Если билеты реализовать, то в кармане БРП осядет, по крайней мере, четыреста миллионов долларов. И, кроме того, десять тысяч состоятельных лиц окажутся заинтересованными в отторжении Сибири и Дальнего Востока от Советской России. Десять тысяч... Это уже сила. Но для реализации идеи необходим человек, который бы взялся финансировать ее. Лескюр, по мнению Косьмина, подходил к этой затее. Когда Косьмин выложил свои мысли перед Бордухаровым, тот сказал:

— Ваш коммерсант в списке лиц, среди которых мы ищем резидента советской разведки.

— Вы рехнулись, — взбесился Косьмин. —

Лескюр прибыл сюда по моему ходатайству перед правительством Франции. Можете подозревать кого хотите, но к нему не ввязитесь. Иначе вы мне все испортите. Лескюр представляет влиятельную фирму! Гепеу... — передразнил. — Вам это гепеу мерещится за каждым углом. Так нельзя, дорогой мой Вадим Сергеевич. И не путайте мне карты, прошу вас.

Бордухаров предлагал связаться с графом Вонсяцким, который занимался изготовлением фальшивых советских дензнаков. Вонсяцкий проживал в Германии, будучи женат на вдове знаменитого владельца вагоностроительных заводов Пульмана. Первая партия фальшивок была отправлена во Владивосток, и операция, кажется, прошла успешно. Но Косьмин не хотел делиться своей идеей с Вонсяцким, которого считал своей прохвостом, к тому же незаконно присвоившим графский титул. Сперва поделившись идеей, считал Косьмин, а потом придется делить деньги и власть.

По правде сказать, идея с лотерейными билетами принадлежала не Косьмину, а самому премьер-министру Японии Танака. Высказал он ее, когда Косьмин и Семенов находились по его приглашению в конце мая в Токио. Несмотря на заслуги перед ним Семенова, премьер предложил осуществить свою мысль не Семенову, а Косьмину, потому что БРП несло в себе идею объединения партий.

Для того чтобы будущие держатели билетов поверили в БРП, надо было во весь голос заявить о себе как о силе, способной подорвать советский строй на Дальнем Востоке. И подтверждением этой силы в первую очередь должен стать мятеж в Приморье. А для мятежа надо иметь оружие. Японцы со дня на день обещали на двух баржах прислать несколько сот карабинов «арисаки», боеприпасы и пулеметы. Но для широко задуманной операции этого было мало. На советы японцы были мастаки, а рисковать деньгами не хотели, не убедившись в боеспособности БРП. В ближайшие дни из Мукдена должен был прибыть Дитерихс, и к его приезду Косьмин хотел уже иметь договоренность с Лескюром, потому он и торопился.

Бордухаров услышал два выстрела дуплетом и повернул лодку к берегу.

Косьмин сидел на крыльчке. Опустив ноги в таз с водой, потирал оголенные колени, морщился.

— Ваша цель — встретиться с Полубесовым. А он уже организует переправку в район Тернового. Лялин, конечно, боевой командир, хотя далеко не стратег. Казак. Что с него возьмешь. Но... — Косьмин сделал многозначительную паузу, — он ближе к массам. Его понимают. За ним пойдут. У вас, как у начальника штаба, задача посложнее будет...

Поленов чертил прутиком в пыли, слушая молча. Задачу свою он знал и без Косьмина. Уже десятки раз о ней переговорено с Бордухаровым. Сейчас для него было главным благополучно перейти границу. Уже какие сутки они с Нюховым ищут безопасную тропинку и везде натыкаются на секреты советских пограничников.

— ...Ваша задача, как начальника штаба, претворить в жизнь намеченный план востания.

— Я знаю, — вяло произнес Поленов.

— ...К первому сентября вы должны быть в боевой готовности. Сигнал к выступлению получите от Полубесова. Мы вас поддержим наступлением с фронта. С оружием и боеприпасами вопрос решен.

Об этом Поленову не было известно, но он промолчал.

Откуда-то выскочил Валет.

— Вадим Сергеевич возвращается с французом. — Косьмин вынул ноги из таза и выплеснул воду.

Владивосток. 18 июля 1927 г.

Носов и Бержецкий чуть не подрались. Из-за сапог.

Первую декаду шли дожди. Дороги развезло до жидкого киселя, и Шмелев распорядился: всем, кто принимает участие в операциях, связанных с выездом за пределы города, выделить яловые сапоги. В свое время целый вагон с обувью обнаружили в одном из железнодорожных тупиков. Сапоги поделили между воинскими подразделениями, немного досталось и аппарату ГПУ, а точнее, Шмелев выпросил их у коменданта. Сапоги были отличными: гладкая кожа, голенища с наколенниками до паха, теплые, — не сапоги, а мечта. Вот из-за них-то и случился скандал между Бержецким и бойцом комендантского взвода Носовым, на время прикомандированным к опергруппе, действовавшей про-

тив банды Гайдамаченко в Ивановском районе.

Бержецкий по записке Шмелева выдал Носову сапоги, а через несколько дней тот вернул вдрызг разбитые кирзачи, протертые на щиколотках до дыр величиной с кулак, и без каблук.

Как словно специально искал их на свалке.

— Эт-то что? — спросил Эдик у Носова, сверля его единственным глазом. — Эт-то ты зачем принес?

Носов сделал удивленную мину и нахально глядел в его пустую глазницу:

— А тебе не все равно, какие принимать?

Изуродованная часть лица Бержецкого налилась свекольным соком.

— Чего? — прикидываясь дурачком Носов. — Плохие сапоги? Отдай в ремонт — и за милую душу сойдут.

— Ну и отдай.

— Так я ж тебе принес, — упирался Носов. — Ты и отдай сам.

В это время в каптерку зачем-то заглянул зам. Татаринцева Паперный и сразу оценил обстановку.

— Вы что это, петухи? Сапоги не поделили, что ли?

Носов иронично скривил губы.

— Да ну его. Жмот.

— А ты не шкурничай, — отозвался Бержецкий напряженным голосом. — Принес какое-то дерьмо и хочет всучить.

— Тебе-то какое дело? — закричал Носов. — Сидишь, как собака на сенз. Сам не гам и людям не дам!

Бержецкий побледнел от обиды. Разве это прихоть его — выдавать и получать по распискам одежду и обувь? Развеकिनул бы он в этой проклятой каптерке, если бы не инвалидность? Он остро завидовал своим товарищам, физически здоровым и сильным, и так же остро и болезненно воспринимал свою инвалидность. А тут Носов не преминул уколоть, мол, он только что с переднего края, а ты, мол, тряпками распоряжаешься.

Эдик двинулся на Носова, вытянув вперед здоровую руку с растопыренными пальцами, но Паперный живо заступил дорогу.

— Вы что, сдурели? Успокойся, Эдик! — Повернулся к Носову: — А ты не хажуничай. Положено сдать, так сымай без разговоров. Ты что, красивее других? — Перевел взгляд на кирзачи, которые Но-

сов держал в руках, и подумал, что сапоги эти Носов подобрал где-то на помойке, и сам разозлился: — Постыдился бы.

— А! — взвизгнул Носов и шмякнул сапогами об пол. — Подавитесь вы ими! — Закрутился на одной ноге, пытаясь стянуть туго сидевший офицерский сапог. — Подавитесь! — швырнул один, второй, сунул ноги в кирзовые и выскочил в коридор.

Бержецкий трясущейся рукой вытирал вспотевшее лицо. Краска медленно сходила с него, уступая место белым пятнам. Паперному показалось, что он вот-вот заплачет.

— Ладно тебе, — успокаивающе произнес, — будешь из-за всякого там нервы мотать. Хватит.

Бержецкий сделал глубокий вдох через нос и судорожно выдохнул. Сел на топчан. Паперный сунул ему в рот папиросу, дал огня.

— Ну, все? Отошел?

Бержецкий криво улыбнулся. Раньше у него была красивая белозубая улыбка, а сейчас, когда он улыбался, лицо искажала пугающая гримаса.

— Шура, — сказал Эдик. — Надо ж додуматься? Все до себя, как курица. Не нравится он мне. Надо было выгнать его в тот раз.

Говоря это, Бержецкий имел в виду случай, происшедший с Носовым в декабре прошлого года. Тогда Носов еще числился в экономическом отделе. Опергруппа Татаринцева устроила в Корейской слободе засаду на контрабандистов. Их взяли без особого труда, а потом произвели обыск. Были изъяты на большую сумму драгоценности, золото, а также иностранная валюта, в том числе много японских денег. На все это составили акт и передали куда надо. А в конце дня Носов сдал взятый напрокат рабочий костюм, и Бержецкий обнаружил в пистончике бумажку достоинством в десять долларов. Сообщил Шмелеву. Носов сознался, что доллары умышленно утаил, чтобы на черном рынке купить детям сестры, которая жила где-то под Рязанью, одежонку. Его чуть не выперли из ОГПУ. В последний момент Шмелев передумал и перевел Носова в комендантский взвод, бойцы которого сопровождали арестованных на допрос и с допроса. Носов все-таки являлся специалистом по пушнине, знал все ее сорта, мог безошибочно определить цену, а это было важно для ЭКО, так как в функции

отдела входила и борьба со спекуляцией.

Пригласили Носова в ГПУ на некоторое время в двадцать пятом году из Торгсина, где он работал экспертом. Его услугами пользовались и раньше. К Носову привыкли, так он и остался при отделе.

Паперный мысленно согласился с Бержецким, хотя в целом считал его человеком крайностей. Тому, кто нравился, готов отдать последнее, лезть за него в огонь и воду. Если нет — и пальцем не шевельнет. Пока получишь обойму патронов, изведет. И не придерешься, все по инструкции. А инструкций этих на каждый шаг у материально ответственного лица — пруд пруди. Придет такой нелюбимый — «Где заявка?» Принесет. «Где разрешение?» Побежит принесет. «Где подпись начальника отдела?» Бежит за подписью. Подпишут. А тут обед или еще что. В общем, Эдик тоже хороша штучка, считал Паперный. Но и жалел его. Когда-то Бержецкий не был таким.

Прибыл Бержецкий во Владивосток в двадцать втором, вошел в город вместе с частями НРА в составе группы чекистов из Читы, которые должны были стать ядром будущего Приморского губотдела ГПУ. Попали они, надо сказать, в чрезвычайное положение. Город кишмя кишел контрреволюционными и уголовными элементами, помощи ждать неоткуда, все находилось в стадии организации, поэтому надежда оставалась только на свою сообразительность и собственные ноги. Это уже потом появились добровольные помощники, и наконец губком партии выделил людей, а тогда спали через двое суток. В общем, время было тяжелейшее.

В двадцать четвертом Бержецкий, бывший офицер царской армии, опытный и сильный чекист, направляется в тайгу с заданием внедриться в неуловимую банду монархиста поручика Ковалева. И когда операция по ликвидации банды подошла к концу, один из вновь влившихся в нее, которого Бержецкий когда-то допрашивал еще в Чите, опознал чекиста. Бержецкого долго пытали, потом за ноги привязали к быку, а чтоб бык пуще бежал, сунули ему под хвост зажженный смоленый квач.

Эдика удалось спасти, Ковалева и его головорезов судили. Судебный процесс над монархистами ежедневно освещался газетами и наделал переполоху в лагере белогвардейцев. А Эдик остался инвали-

дом на всю жизнь. Его и по сей день называли Эдиком. Видать, было за что называть так ласково. Многие из первых чекистов работали в других областях народного хозяйства, старых товарищей почти не осталось. После госпиталя его как подменили. Неразговорчив стал, угрюм, с новыми людьми сходилась трудно. Эдик не мог оправиться от несчастья, не мог мириться со своим увечьем и все надеялся, что еще понадобится на серьезные дела.

Паперный топтался, забыв, зачем зашел в каптерку.

— Ты знаешь, он написал рапорт с просьбой разрешить вернуться в отдел?

— К чему это ты? — непримиримо спросил Бержецкий.

— Да ни к чему. Рапорт у Татаринцева. Теперь все зависит от него.

— Ты ведь член партбюро?

— Носов не коммунист.

— И что? Если не коммунист, так прощать хапугу?

— Да какой он хапуга? Дурак он! Нерезультативный человек, вот и все.

— Ну знаешь... В сорок лет о серьезности уже не говорят. Это должно само собой разумеется. А нет — гнать в шею, и весь разговор.

— Я потолкую с ним, ты не шуми. Не совсем пропащий он. И как специалист к тому же... Нужен нам специалист. Узнает Шмелев о скандале и выгонит. Как пить дать устроит гон. И бегай потом ищи такого. А посторонних в наше дело пускать, сам знаешь, чем может обернуться. А этот у нас весь на ладони. Со всеми недостатками.

Бержецкий с треском потянул самокрутку.

— Ладно, не уговаривай. Но попомнишь мое слово. Носов еще покажет себя.

Харбин. 19 июля 1927 г.

В Харбин Лескюр вернулся вместе с Косьминым.

— А вы знаете, — похотывая, говорил Косьмин в поезде, — Вадим Сергеевич подзревал в вас резидента советской разведки.

— Вероятно, я что-то сделал не так?

— Ничего. Это с ним бывает.

— А теперь как он? Разуверился?

— Представьте себе. Оказывается, вы

не умеете наматывать портянки и плохо стреляете.

Лескюр долго смеялся.

— Ничего смешного, — посерьезнел Косьмин. — ОГПУ, как это ни горько признавать, работает великолепно. Я готов шляпу перед ним снять.

Они расстались на привокзальной площади.

Хшановский явился под утро, зашел к Лескюру. На нем был новый китайский халат и шлепанцы на босу ногу.

— Где вас черт носил, Ежи? — проворчал сонно Лескюр.

Хшановский уселся в кресло, закинув ногу на ногу. Спросил позволения курить.

— Курите, — разрешил Лескюр. — Только окно распахните.

Хшановский открыл окно и снова сел с мечтательной улыбкой.

— Может, кофе заказать? — предложил он.

— Заказывайте. — Лескюр накинул халат, сходил в туалет, прополоскал рот. — Так где вы плутали? — спросил Лескюр, растирая перед зеркалом набухшую под глазами кожу.

На вызов явилась молоденькая симпатичная горничная.

— Пару кофе с сахаром, — сказал Хшановский.

Когда горничная принесла подносик с дымящимся кофе, Лескюр спросил ее:

— Как вас зовут?

— Катя, — ответила девушка.

— Спасибо, Катя.

Горничная ушла, Лескюр отхлебнул глоток и спросил:

— Что у вас случилось? И где вы надрызгались?

Хшановский подобрал длинные ноги.

— Это я чуть-чуть. Вы знаете, Андрэ, в варьете на Офицерской набережной познакомился с землячкой. Зося Шепетовская. Поет там. Скажу вам, такой девушки я еще не видел.

— А что вы там потеряли?

— Я там ничего не потерял. Мне там Бойчев встречу назначил. Ну, немножко выпили. А Зося... Андрэ, вы должны увидеть ее. Вы знаете, как она поет? С ума можно сойти. И все плачут. Жалкие люди. — Ежи помолчал, помешивая ложечкой сахар. — Потом я проводил ее. Девчонкой влюбилась в юнкера. Убежала из дому. Под Иркутском его убили. И вот здесь оказалась.

— Ну-ну...

— Домой хочет. Что ей делать здесь? Одна. Крутится вокруг нее всякая сволочь.

Лескюр смотрел на смущенного Хшановского. Таким он видел его впервые.

— Мы говорили с ней как брат и сестра. Знаете, как она обрадовалась? Звала к себе. Я постеснялся. Потом как-нибудь. У меня ведь в Варшаве сестренка. Такая же. И похожа очень. — Он судорожно вздохнул, потер ладонями лицо. — А что касается встречи с Бойчевым, то все прошло как надо. Ванчо говорит, что Мусатов имеет полный контакт с Заборовым. Он весь как на ладони у доктора. Ванчо просит с вами встречи. Говорит, надо посоветоваться. Там у них какая-то загвоздка. Он не сказал какая. Серьезная, говорит.

— Ну а вы?

— Я сказал, что передам.

— Где встреча?

— На острове. Лодку взять — и туда. Там и встретитесь. А я постерегу.

Ванчо Бойчев работал с Лескюром два года и возглавлял харбинскую группу, имея самостоятельный выход на Владивосток. В Харбине уже лет семь. В Маньчжурию пришел вместе с белыми, через Читу и Ургу. Болгарин по национальности, Бойчев всем сердцем был предан делу революции. Лескюр восхищался его хладнокровием и терпением. Центр ценил Бойчева и полностью доверял ему.

— За собой ничего не заметили?

— Вы как уехали, и хвост сразу исчез.

— А может...

— Нет, все нормально, Андрэ. Тут я проявил максимум предосторожности. Я для них никто. Это, конечно, обидно, — усмехнулся Ежи. — Но я не гордый.

С утра по Сунгари плыл туман, молочно-белый и густой. Часам к одиннадцати его разогнало, и открылся остров, плоский и весь в зелени. С солнцем на ту сторону руинулись сотни джонок и катеров. Лескюр, переодевшись в полотняный костюм, взял «юли-юли»¹ и переправился на остров. Следом за ним переправился Хшановский. Бойчева Лескюр нашел в маленькой рощице. Ванчо сидел на брезентовом стульчике перед этюдником, подставив спину солнцу.

— Здравствуйте, Ванчо, — сказал Лескюр. Бойчев неторопливо положил кисть, обернулся.

— Андрэ! А я уж заждался вас. — Он вытер руку и крепко стиснул ладонь Лескюра. — Рад вас видеть, Андрэ. — Круглое лицо Бойчева выражало искреннюю радость. — Удобнее места не найдешь. Так что извините. — Он посмотрел через плечо Лескюра на другой берег реки.

— Там Хшановский. Не волнуйтесь. Если что, даст сигнал.

— Он влюбился в Зосю.

— Я уж знаю.

— Ничего дама. Полячка. Всем дает от ворот поворот.

— Как бы он не влип с этой Зосей, — выразил опасение Лескюр.

— Да нет, она ничего.

Лескюр снял дымчатые очки. Разделся, чтоб не выделяться. Бойчев перетащил тент под густой клен, но так, чтоб все пространство вокруг просматривалось. Хшановский валялся на берегу у самой воды.

Бойчев доложил обстановку коротко и сжато. Лескюр слушал и кивал в знак согласия.

— Передайте в Центр, на хуторе Мамонтова готовится переброска некоего Поленова. Вероятно, во Владивосток на связь с подпольем, — сказал Лескюр.

— Я уже знаю.

— От кого?

— Там работает наш человек. Ветеринар Арнаутов. Хутор этот у них является перевалочной базой. Там и отправляют и принимают. Любопытное место.

— А что представляет из себя этот Арнаутов?

— Наш. Владивостокский товарищ. Мы его недавно внедрили к Мамонтову.

— Молодцы, — похвалил Лескюр.

Бойчев доложил, что в отношении работы с Заборовым появились осложнения. Вызваны они публикацией в «Харбинском времени» статьи бывшего шкипера из Владивостока Лунева. Он утверждает, что являлся свидетелем того, как летом 1924 года семьдесят две семьи офицеров, бежавших за рубеж, вывезли на барже за Русский остров и там утопили вместе с баржой. Среди семидесяти двух и семья Заборова.

— Он поверил?

— Поверил или нет, но пить начал.

— А в действительности где его семья?

¹ Лодка с кормовым веслом.

— Была во Владивостоке. Это он так говорит. А сейчас где, неизвестно.

— Это шантаж.

— Не сомневаюсь. Но статья наделала переполоху.

— Его хотят озлобить.

— Есть сведения, что японцы помогают выкупить список его агентурной сети. Немцы тоже предлагали большие деньги.

— Тогда понятно.

— Мы тут ломали голову, как его убедить в этом. Принялись искать Лунева.

— Его может и не быть вовсе.

— Как будто есть. Мусатов ищет.

— А для чего?

— Свести их и уличить во лжи.

— Зачем? Надо запросить Владивосток. Если там нет, то объявить розыск по стране. Передайте доктору, пусть не тратит время попусту.

— Я его только завтра смогу увидеть.

— Ну, а сам Мусатов как?

— Да ничего. У него ведь внучка шести лет.

— Надо бы домой отправить его. Хватит уж ему. Возраст. Значит, не мы одни интересуемся Заборовым?

— Выходит, так.

Лескюр вынул металлический карандаш.

— Тут информация для Центра. Вам известно, что в Приморье готовится мятеж?

— Известно. На днях придут баржи с оружием. Японцы презентовали. Я уже сообщил о них во Владивосток. Пусть перехватят.

— Космин, как я его понял, из шкуры лезет, хочет доказать, что его БРП является серьезной угрозой для советского Дальнего Востока. И мятеж ему нужен во что бы то стало. Иначе он не получит денег. Денег никто ему не даст. Хочет наделать лотерейные билеты. На корню распродает Россию. Мне предложил участвовать в этой аванюре.

— А вы?

— Согласился. Пусть уж я, чем какой-нибудь фон Митерлинх. А там посмотрим. Бордухаров ищет советского резидента. Ко мне привязались еще в Дайрене. Здесь крутятся.

Со стороны пристани появился моторный катер. Лескюр поднялся.

— Пора уходить. Вы тоже перемените место. В Харбине буду, пока не решим с Заборовым. И будьте, ради бога, осторожны. А Луневу не надо искать. Это

обезьяний труд. Заборова хотят озлобить, только и всего. Он, видать, не очень с ними в ладу. Ну пока.

Владивосток.

19 июля 1927 г.

В три часа утра Поленов пересек границу и углубился на советскую территорию. Решено было его не трогать. До станции Поленова вели Серафим Решетов и Артем Клюквин. На Владивостокском вокзале их должны были сменить Афонин и Лазебный. Так хорошо начатая операция провалилась из-за пустяка.

В седьмом часу утра в вагоне началась проверка документов. Нервы Поленова не выдержали, и он стал пробираться к выходу. На окрик старшего погранотряда бросился бежать. Задержание произошло так быстро, что ни Решетов, ни Клюквин не успели сообразить, как помешать пограничникам. Не доезжая Никольска-Уссурийского, чекисты предъявили свои права на арестованного и откровенно высказали свое неудовольствие. Старшина потребовал расписку. Решетов написал ее и попросил старшину созвониться с Владивостоком, чтоб прислали автомобиль на Вторую Речку.

Первые минуты на допросе Поленов молчал как глухонемой и только заметно вздрагивал при каждом резком движении Rogozina. Обыск, можно сказать, тоже прошел безрезультатно. Никаких шифровок или мандата. Полторы тысячи совдензнаками, сто сорок китайских долларов, перочинный ножик, компас и всякая другая мелочь, не представляющая никакой ценности для КРО. Из всего, что нашли при обыске у задержанного, внимание привлекли ручные часы. Rogozin долго вертел их. Что-то в этих часах ему не понравилось, а что, понять не мог. Обыкновенные часы фирмы «Каздэ». Плоские, в хромированном корпусе, водозащитные. Rogozin примерил их и тогда понял, что заводная головка их находится не как у всех часов, с правой стороны по ходу стрелки, а с левой. Он тут же вызвал Решетова, и тот подтвердил, что они сняты с правой руки Поленова.

— А какой он ложку держит? — спросил Rogozin.

— Правой, — сказал Решетов. — Только что своими глазами наблюдал.

— И зачем ему этот кандибобер? — сам себя спросил Рогозин и задумался. — Что бы это значило?

— Может, пароль? — неуверенно произнес Решетов. — Удивительно редкая вещь, таких еще не видел. Для левшей, что ли, их делают?

— Может, пароль, а может, просто опознавательный знак, — согласился Рогозин.

На последующем допросе Поленов вел себя несколько оживленное. Он снисходительно ухмылялся стараниям Рогозина вызвать его на откровенное признание и твердил одно и то же: убежал из Маньчжурии, дескать, жить стало невмоготу, работы нет, истосковался по родной земле.

Рогозин засмеялся, завел часы, приложил их к уху.

— Идут, — произнес удовлетворенно. Поленов подобрался.

— Кому вы их должны показать?

— Никому, — быстро ответил Поленов.

— Вы левша?

— А что?

— Не прикидывайтесь. Я ведь и не таких видал. Все равно скажете, к кому шли.

Поленов усмехнулся неуверенно.

— Что, бить будете?

— У нас и без этого говорят чистую правду.

Поленов вздохнул обиженно.

— Не верите. Я к вам по-хорошему, а вы...

— Да перестаньте валять Ваньку. Ну поставьте себя на мое место. С чего бы мы морочили голову вам и себе? Мы ведь ждали именно вас на тропе. — Рогозин подходил к главному. — Меня интересует, о чем вы беседовали с Косьминым на хуторе Мамонтова. Все эти басни про тоску по родине да безработицу своей теще расскажите, а не мне. Вы там думаете, что тут дурочки работают и раз плюнуть — провести их вокруг пальца.

У Поленова сразу ухнуло куда-то вниз сердце. Ему стало понятно, что с ним работают не вслепую и что им многое известно. Он даже зажмурился. С Рогозиным Поленов был уже знаком по тем материалам, которые хранились у Бордухарова в тайном сейфе. И чего только не вычитал он в них... Пронзительный взгляд, оловянные глаза и тяжелые кулаки. А напротив сидит вполне интеллигентный человек. Говорит легко и как будто нехотя,

а каждой фразой будто раздевает, и некуда деться и нечем прикрыть наготу свою. И только здесь он понял, что метод работы ОГПУ ни с чьим не сравним. Они действуют наверняка, фактами. Все их дела в фактах, а фактов этих они имеют предостаточно. И все же Поленов не хотел так просто сдаться. Ему надо было время, чтоб обдумать свое положение, что сказать, а что утаить. И он согласился дать показания письменно. В камере.

Арестованного увели, а Рогозин все вертел часы, прислушивался к торопливому ходу маятника.

Владивосток.

20 июля 1927 г.

В десятом часу вечера Воротников сошел с пригородного поезда на четырнадцатой версте. Прикрываясь от ветра, прикурил, дождался, пока за поворотом не скрылся последний вагон, и, воровато осмотревшись, прыгнул с дерзьян.ой платформы. Минут десять шел по шпалам в противоположную сторону, потом свернул на еле приметную тропинку, ведущую в глубь леса, застроенного дачными домиками. Моросил не по-летнему холодный дождь с ветром. Воротников остановившись, прислушиваясь к чему-то, и снова, втянув голову в плечи, шел в гору. Продрогший, он приблизился к даче Полубесова. Во дворе громынула цепью собака. Почуввав постороннего, она глухо зарычала и, едва Воротников скрипнул калиткой, бросилась, хрипя и задыхаясь в ошейнике.

— Мальва, с-сука... — зашипел Воротников, боком вприпрыжку к крыльцу. В летней кухне вспыхнул огонек.

— Кто там?

— Игнат! — звонко закричал Воротников. — Забери эту стерву, не то я башку ей проломлю!

— Это вы, вашбродь?

— Я! Я! Кто же еще в такую погоду припрется к вам. У, зараза... — замахнулся Воротников на собаку.

— Ну чего ты, дурочка? — Игнат взял Мальву за ошейник, потянул на себя. — Свои это. Перестань. И чего это она так невзлюбила вас? — спрашивал Игнат.

Воротникова все собаки не любили, и потому он их панически боялся.

— А потому, — огрызнулся Воротников, рысью добегая к крыльцу.

В стеклах веранды появилась какая-то тень. Воротников догадался, что это высматривает Полубесов, и сказал негромко, и так, что было слышно ему:

— Это я, Анатолий Петрович!

Загремели запоры. Полубесов выпустил гостя, запер дверь. Воротников вошел в тепло.

— Прошу вас, Юрий Мокиевич. Может, чайку погреть?

Воротникову хотелось не чайку, а чего-нибудь покрепче, но попросить он постеснялся и потому сказал дипломатично, надеясь, что хозяин сам поймет.

— На ваше усмотрение, Анатолий Петрович, на ваше...

Полубесов будто не понял прозрачный намек, скоро раскачал примус, взгромоздил на него чайник.

— Что это вас в такую непогоду принесло? — спросил он, протирая чайную чашку. — Случилось что? — На Полубесове, как на вешалке, висел японский халат, худые, тонкие ноги — в мягких пуховых шлепанцах, выглядел он по-домашнему уютно и мирно. Воротников завидовал устроенности своего шефа, его обеспеченности, завидовал тому, чего сам не имел.

— Нашего замели чекисты.

Полубесов медленно повернулся в его сторону.

— Кто вам сказал?

— Соболев. Сам видел. Говорит, в коридоре встретил под конвоем...

— Откуда ему известно, что это наш?

— Ему все известно. Надо что-то предпринимать. Выдаст он нас с потрохами. Или бежать, пока не взяли.

Полубесов сел. Длительное время молчал, и Воротников подумал, что он выбирает решение. Но Полубесов, как всегда в острых ситуациях, долго не мог собраться с мыслями, ему мешал сосредоточиться страх. Он накапывал на него снизу, с ног и застилал сознание.

Задребезжала крышка на чайнике. Воротников сам снял его с огня, подул на пальцы.

— Так что делать-то?

— Делать? — переспросил Полубесов и потер кулаком выпуклый с глубокими залысинами лоб. — Делать... Кто он такой?

— Поленов.

Полубесов поставил чашку, налил кипятку. Воротников плеснул заварки, положил кусочек сахара из вазочки, воровато глянул на задумчивого Полубесова и взял

еще три. Полубесов хотел налить и себе, но чашка выскользнула из его рук. Воротников подпрыгнул от испуга.

— Как говорят, посуда бьется к счастью, — сказал он.

— Да-да... Вы заметили, Юрий Мокиевич, такую закономерность: чем тяжелее жизнь человека, тем суеверней он становится? — неестественно оживился Полубесов. — И эта вот примета не от хорошей жизни. И как Поленов? Держится?

— Держится, — усмехнулся Воротников. — Пока всего один допрос был. Что он на втором запоет?

— Поленову надо помочь, Юрий Мокиевич. Надо немедленно уговорить Соболя, пусть сделает все, что в его силах.

«Вот гад, — подумал раздраженно Воротников, — ему-то что, у Поленова мой адрес». Вслух сказал:

— А что он может сделать? Выпустить, что ли? Так это не в его власти.

— Пусть придумает что-нибудь. — настаивал Полубесов. — Нам нужен Поленов. Очень нужен.

Неудачи следовали одна за другой. Провалялась операция с фальшивыми дензнаками. Воротников смертельно напугался. Но больше его испугал Полубесов. Все эти дни проходили в постоянном страхе. Не единожды приходила мысль бросить все и скрыться. Но что-то удерживало. Скорее всего железное русское «авось пронесет». Не успели оправиться от одного удара, как шархнул второй. От первого спасла хорошо продуманная конспирация и выдержка Воротникова, но у него, кажется, уже сдают нервы. И все же Поленова надо спасти. Надо рискнуть. Пойти на отчаянный шаг, может, даже чем-то пожертвовать. За последнее время ассигнования из Харбина упали до минимума. А деньги нужны. После настойчивых просьб Бордухаров решил убить двух зайцев сразу, поправить финансовое положение подполья и совершить экономическую диверсию. Но акция эта лопнула как мыльный пузырь.

— Вот что, — решительно произнес Полубесов, — сделаем так...

Харбин. 20 июля 1927 г.

— И никого-то ты, Леонтий Михайлыч, не боишься, — ворчал Дзасохов, стягивая мокрый плащ. — Все тебе нипочем.

— А кого мне бояться? Тебя, что ли?— со скрытым намеком спросил Заборов.

— А хотя бы, — вызывающе весело ответил Дзасохов. — Все-таки как-никак, а в моих руках вся контрразведка...

— Допустим, не в твоих, а у Бордухарова.

— Это одно и то же. Закордонная у него, а контрразведка у меня.

— На что намекаешь? — уязвленно спросил Заборов.

— Это я просто так, не волнуйся. При таком бандитизме в Харбине ты дверь не запираешь. Входи кто хочет. А меня действительно бояться нечего. Пусть чекисты трепещут, а тебе ничего плохого не сделаю, потому как ты в моих старых товарищах. Ты уж извини, гляжу, свет в окне, дай, думаю, забегу. Дождь как из ведра, черт бы его побрал. Сыро, мерзко, — Дзасохов провел по лысине, потер зябко ладони. Потянул носом: — Кофеек. М-м... Угостишь?

— Проходи, чего уж там.

— А у тебя найдется? — щелкнул Дзасохов по горлу. — Понимаешь, дрянная погода — дрянное настроение. Ноги, понимаешь, ломит. Как дождь, так ногам вытерпу нет. Чего ты такой скучный?

— Нездоровится.

— Во-во, оба мы с тобой здоровяки. Заборов налил водки. Дзасохов выпил, крякнул, от закуски отмахнулся. Глаза его сразу заблестели.

— Слушай, ты знаком с Лескюром?

— С кем, с кем?

— Ну с тем, с которым флиртует Косьмин.

— А, слышан. Интересуешься?

— Есть немного. Сегодня приходит Щеков, так, мол, и так, не нравится он ему.

— Кто кому?

— Лескюр Щекову. Щеков сидит у него на хвосте.

— Мало ли кто кому не нравится. Да и кто такой твой Щеков? Он и мать родную продаст. И тебя, подойдет время, продаст.

Дзасохов насулил.

— Это ты брось. Он еще ни разу не подводил, и нюх у него как у гончей. Заявил, мол, этот Лескюр вероятный резидент советской разведки.

— Вот что, Игорь. Не путывай ты меня в это дело. Тут я тебе не помощник. В первых, Лескюр подданный Франции. Он с послом в приятельских отношениях. И

если захочет, ты только захрустишь у него на зубах. Во-вторых, как тебе известно, французское правительство равнодушно к нам. И потому Лескюр здесь. Косьмин узнает — выволочку получишь.

— Возможно.

— Так зачем лезешь на стену?

— Я не лезу, это Щеков лезет. Все хочешь выслужиться, — согласился Дзасохов. — Ладно, черт с ним, с этим Лескюром. А что ты думаешь о Мусатове?

— Что и у Мусатова Щеков на хвосте?

Заборов вспомнил, как не так давно Мусатов спрашивал, почему он не бросит все и не уедет в Россию. Мол, грехов особых за ним нет, так чего бояться? Заборов сказал, что большевики уничтожили его семью. Вывезли на плашкоуте в море и утопили. И свидетели есть. Некто Лунев, бывший шкипер, бежавший из Советского Союза. «Бред, — сказал Мусатов. — Вы хоть видели сами этого шкипера? Нет?»

Заборов хотел встретиться, но боялся. Пока у него оставалась малюсенькая надежда, что все это выдумка, ложь, а встретится с живым свидетелем — и свет померкнет.

Мусатов тогда задумался, стал неразговорчивым, и они распрощались.

Разговор этот происходил два дня назад, когда Заборов сидел в специальном кресле, покрываясь холодным потом от зубной боли. Где-то в глубине души таилась светлая надежда, что и Верушка и Зиночка с Колей живы и что Лунев по злобе своей клеветал.

— Это сверхпорядочный человек. Его весь город знает. И я с ним встречаюсь. Так что из того? Гляжу, вы там свихнулись от безделья. Ваш Щеков подонок, каких свет мало видел. Думаешь, для меня тайна, как он сколачивает состояние?

— Как? — быстро спросил Дзасохов.

— А вот как! — почти кричал Заборов. — Детей ворует, а потом требует выкупа. Он и его банда. Давить надо такую мразь, а ты: Щеков да Щеков!

— Что Мусатов бывает в советском консульстве, не один Щеков подтверждает.

Дзасохов боялся Заборова, как-никак, а Леонтий Михайлович являлся глазами и ушами Семенова. Поэтому он пожалел, что вообще затеял этот разговор.

— Ну спасибо. — Дзасохов поднялся. Заборов не провожал его.

За окном проурчал автомобиль. Одному оставаться было невозможно, и Заборов направился в ближайший трактир.

Только со стороны могло показаться, что Заборов и Дзасохов друзья. До революции Дзасохов от фирмы «Чурин и К^о» занимался коммерцией в Токио и был частым гостем семьи Заборова. В одну из вечеринок Вера, изменившись в лице, шепнула, что Игорь роется в столе. Заборов вспыхнул. Он хотел в ту же минуту вышвырнуть «друга семьи», но передумал. Подозрения, что Дзасохов работает на японскую разведку, подтвердились. Японцы очень интересовались агентурной сетью русской разведки. И вот Дзасохов ищет этот список. В двадцать третьем Заборов вынужден был выехать из Токио в Шанхай, потом в Харбин. Дзасохов уже был здесь.

Подняв воротник демисезонного пальто, защищаясь от мокрого ветра, Мусатов в нетерпении прохаживался по тротуару напротив дома Заборова. Время позднее, почти час он ждал появления Леонтия Михайловича, досадуя на него. Сильные порывы ветра раскачивали висевший на столбе фонарь, и от этого казалось, что все вокруг кружится призрачно и зыбко. В этом проулке даже днем не наблюдалось особого движения, а с наступлением сумерек все замирало.

«И не боится же шляться», — подумал Мусатов, вздрагивая от желания оказаться сейчас перед камином и с чашкой крепкого заваренного чая.

За голыми ветками показалась фигура человека.

— Леонтий Михалыч! — осипшим от долгого молчания голосом крикнул Мусатов. — Я уж заждался. Целый час торчу тут как проклятый. — Он отвернул рукав, повернулся к фонарю. — Час и семнадцать минут жду.

— Пойдемте ко мне, погреемся, чашечку кофе пропустите. — Он взял под руку Мусатова, но тот освободился.

— Дело вот какое. Нашел я того самого Лунева. Если на то будет ваша воля, то, перекрестясь, двинем в Мадягоу.

— Лунев?.. Это... того самого? Вы не ошиблись?

На многолюдной Китайской они быстро нашли извозчика, но тот отказался ехать в Мадягоу. Пришлось сесть на трамвай. Полупустой вагон медленно тащился, по-

минутно останавливаясь. Под колесами загремел виадук. Внизу перекликались паровозы. Так же бесконечно долго пересекали Новый город, потом поднимались по Вокзальному проспекту к собору. Когда миновали собор, Заборов повернулся к Мусатову:

— Как вам удалось его найти?

— Это секрет фирмы, — усмехнулся Мусатов.

Они изрядно поблуждали по темным и грязным улочкам. Сошли у обшарпанного низкого помещения, похожего то ли на старую, давно вымершую солдатскую казарму, то ли на забытую конюшню. Ощупью прошли по длинному коридору. Впереди двигался, чиркая спички, Мусатов. Стояла непривычная тишина, и Заборов уже стал сомневаться, туда ли они попали. Мусатов чиркнул еще раз, осветил номер комнаты и, с облегчением вздохнув, постучал.

На стук никто не ответил. Толкнув дверь плечом, Мусатов ступил за порог и разочарованно произнес:

— Пусто. Вот дьявольщина.

— Там кто-то есть, — возразил Заборов и зажег спичку. — Вон на полу за кроватью.

Они подошли ближе, присели на корточки возле навзничь лежащего человека с неестественно повернутой головой.

— Кажется, мы имеем шансы попасть в неприятную историю, — сказал Мусатов.

— Похоже, — согласился Заборов, подымаясь. Мусатов присмотрелся к луже крови, потянул носом.

— Только что зарезали. Перед самым нашим приходом. Идемте, Леонтий Михайлович, пока не нарвались на неприятность.

Заборов поднялся, минуту постоял в раздумье.

Ночь стояла беззвездная и тихая. Они быстро зашагали прочь, поминутно оглядываясь.

Настроение у Заборова было такое, словно его переехал грузовик. Всю дорогу он как воды в рот набрал. Мусатов смотрел в окно и нервно тряс коленкой. Некоторое время вагон шел рядом с японским автомобилем, в котором на скамейках сидели русские солдаты в китайской форме и пьяно горланили песни.

— Нечаевцы, — кивнул Заборов. Помолчал. — Тоскливо что-то мне, Леонтий Ми-

хайлович, ей-богу, прямо хоть в петлю лезь.

Мусатов присмотрелся к нему.

— Вы нездоровы. Вид у вас... Советую, как врач, калошами не пренебрегать.

— Калоши? Опротивело все. Глаза бы не глядели на белый свет, прости меня, господи. — Высоко над городом в просветах между черными облаками мелькала луна. — Вот гляжу на это светило и выть хочется. Аж скулы сводит. Вы были сегодня в советском консульстве?

Мусатов молчал, как будто решал, признаться или не признаться.

— Вам это интересно? — наконец спросил он.

Заборов смешался. Легонько провел подушечками пальцев по искусной резьбе на набалдашнике трости.

— Извините, это я так. Ко мне сегодня Дзасохов заходил. От него узнал. За вами ведется наблюдение.

— Меня это не страшит. Пусть себе наблюдают. Они за всеми наблюдают. Надо ведь хлеб оправдывать.

— Они считают вас, — Заборов наклонился к Мусатову, — агентом ГПУ.

— Спасибо за откровенность.

— Пустяки, — отмахнулся Заборов.

— Я действительно бываю в советском консульстве. Врачу Павла Константиновича. Это всем известно.

— И все же я бы на вашем месте постерегся. Шутки с ними плохи.

Харбин. 21 июля 1927 г.

— У меня нюх, — возразил Щеков. — Подождите, я его еще возьму за жабры. — Щеков большеголовый, лысый, белесые, как у теленка, брови, ресницы, челюсть квадратная с оттопыренной нижней губой, короткая шея и узкие плечи. Смотрит не моргая, потому его и прозвали Бульдогом. — Вот однажды... — Щеков сложил на животе руки и поднял взгляд в потолок, — служил один ферт с тремя звездочками на погонах, в любимцах барона Энгельгардта ходил. А уж кто-кто, а барон понимал толк в людях. Происхождение этого ферта благородное, голубой крови. Вот, значит, промеж них и завязалось уважение друг к другу. И ведь, гад, не раз бывал у красных и сведения добывал такой важности, что другому и не снилось. А ему все сходило с рук. А по-

том, как до дела, попадаем впросак. Деникин рвет и мечет. И ведь, стервец, подстроит так, что не он виноват, а генералы. Стал я к нему присматриваться.

Был у барона заместитель, полковник Волосатов, царствие ему небесное, вздернули большевички в Иркутске, доложил я ему свои соображения. Начали наблюдать за фертиком. И что вы думаете? Вывели на чистую воду. Привели к барону. Он и спрашивает: «Чего это ты, братец, подло так поступил со мной?» Спокойненько спрашивает, а сам белее стены. А тот отвечает: «Это не я, а все вы, подлецы, против народа вы идете». Барон говорит опять же спокойненько: «Мужественный вы человек. А таких людей я очень уважаю, потому дайте ему наган с одним патроном, отведите в пустую комнату».

Я его хотел своими руками придушить, да разве с бароном поспоришь? Отвели его куда надо, дали наган с патроном... — Щеков вперил взгляд в Дзасохова, — так что он, подлец, сделал?

— Что он сделал? — заинтересовался Дзасохов, черкая карандашом квадратики и прямоугольнички.

— ...Выбил окно, застрелил начальника караула Салпанова — и дай бог ноги. Вот что он сделал, подлец.

— Убежал? — удивился Дзасохов.

Щеков подобрал губу, отряхнул пепел под ноги.

— От меня еще никто не бегал. Хотел я его, кроме того, вздернуть на осину, да тут красные нажали. Это я к чему? Меня не проведешь на мякине. Я — стреляный воробей.

— Как фамилия того ферта?

— А черт его знает. Что, он под настоящей работал? Была Русин, а на самом деле не знаю.

«У Бульдога действительно хватка. Авось выйдем на резидента. Чем черт не шутит», — подумал Дзасохов.

— Ты вот что, веди его сам. Понял?

— Понял, Игорь Геннадьевич. Как не понять.

— И чтоб комар носа не подточил. Тут особо внимательным надо быть. Кто Мусатов? Доктор. А доктора везде бывают. Возьмем мы его. И что? Задаем вопросик: «Ходишь к консулу?» Скажет: «Хожу. И что? Я врач. В консульстве тоже люди, и они болеют. А своего врача у них нет». И как мы? Вот то-то и оно.

Щеков считал, что к начальству, конечно,

но, надо прислушиваться, на то оно и начальство, чтоб всякие там умные речи говорить. А что до исполнения, тут надо покумекать... А для этого должна иметься своя голова на плечах, а не начальническая. Распоряжение Дзасохова он понял по-своему.

Харбин. 23 июля 1927 г.

Лескюр собрал о Заборове все, что мог, и теперь четко представлял себе человека недожидного ума и способностей, но запутавшегося в жизненных противоречиях, что, в общем-то, в его положении могло произойти очень просто.

Бойчев сообщил в Центр о непредвиденном обстоятельстве и предложил начать розыск. Ответ пришел быстро, неутешительный: Заборова Вера Игнатьевна 1893 года рождения не значится проживающей на территории СССР.

— Тут что-то не то, — не сдавался Лескюр при новой встрече с Бойчевым. — Или она выехала за границу, или... А вы знаете, что мне пришлось в голову? — живо спросил Лескюр. — Она ведь могла выйти замуж и изменить фамилию. — Он хлопнул себя по лбу. — Ведь, потеряв связь с мужем, не зная, что с ним, она хотя бы ради детей могла пойти на это.

В тот же день Мусатов вновь встретился с Заборовым и после разговора о том, о сем спросил о жене.

Заборов изменился в лице:

— Ерунда какая. Я вам могу показать ее письма, если хотите. — Он порылся в секретере и положил пачку писем перед Мусатовым. Тот замахал руками, однако взглядом уцепился за адрес на конверте: от Серegiной В. И. Его даже жаром взяло.

— Простите, а почему Серegiной?

— Видите ли, Вера урожденная Серegiна. И, выйдя замуж за меня, она не пожелала изменить фамилию отчасти потому, что была единственным ребенком в семье, и кому-то надо было оставаться продолжателем рода, а отчасти потому, что фамилия моя ей не понравилась. Говорила, что это: Заборова, Подзаборова?.. Шутя, конечно. И дети, мол, Заборовы да Подзаборовы. Вот какая штукавина. Я, конечно, не сопротивлялся.

В Центр пошла шифровка с просьбой начать розыск Серegiной Веры Игнатьевны.

Харбин. 25 июля 1927 г.

Из Благовещенска перелетел военный авиамеханик Прозоров. Умея мало-мальски управлять аэропланом, Прозоров в удобный момент поднял машину в воздух и на бреющем пересек государственную границу. Аэроплан плюхнулся под Цицикарком, поломав шасси и винт. Это был старый, времен гражданской «фарман». Механиком и летательным аппаратом занялась китайская контрразведка. После долгих размышлений китайцы позволили себе устроить пресс-конференцию в кинотеатре «Глобус».

Пропускали по специальным билетам, в зале находилось больше шпиков, чем газетчиков, и тем не менее перед сценой, плотной стеной, неведомо от кого защищая, стояла шеренга жандармов, держа руки на маузерах. Прозоров сидел на сцене за столом, несмело улыбаясь, втягивал маленькую голову в плечи, суетливо бегал взглядом по залу, как будто кого искал. От любопытствующих взглядов даже слой пудры не мог скрыть кровоподтеков на его лице. Растягивая слова и немного заикаясь, он отвечал на заранее подготовленные вопросы, убеждал в невыносимой службе в Красной Армии, плел всевозможные небылицы, в которые и сам не верил. С отчаянностью обреченного, которому нечего терять, поливая грязью свою бывшую родину, мимоходом упоминал, что происхождением он не какой-то лапотник, а из купцов, что в свое время скрыл от начальства. Многие из приглашенных откровенно улыбались, слушая радостное бормотание перебежчика по поводу побега в общество, освобожденное от предрассудков большевизма. Кто-то задал незапланированный вопрос, почему, мол, не пригнал новый самолет? Перебежчик замаялся, сидевший по правую руку русский что-то буркнул, и он сказал, что новые аэропланы хорошо охраняются, чем вызвал оживление в зале.

Лескюр еле дождался конца этого спектакля и сразу ушел к себе в гостиницу. «Ну, теперь попало на язык», — думал он, возвращаясь к себе в номер с вечерним выпуском «Харбинского времени» в кармане.

После дождя было душно и влажно. Открыв дверь, он нетерпеливо снял пиджак, чулок стянул прилипшие к телу брюки и стал под душ. Блаженствуя под

прохладными водяными струями, услышал звонок. Промокнув себя полотенцем, накинул халат и открыл дверь. Перед ним стояла мрачная личность в потертом костюме цвета хаки и сандалиях на босу ногу. Напорвшись на острый взгляд из глубоких глазниц, Лескюр, сдерживая раздражение, спросил:

— Что вам угодно?

— Найдите для меня десять минут,— попросил гость без тени заискивания.

— Кто вы и что вам надо?

— Десять минут,— упрямо настаивал человек в хаки.

Лескюр стоял насупясь.

— Позвольте войти?

Лескюр пропустил его и захлопнул дверь.

— Мой вид вас не шокирует?

— Нисколько.

— Позвольте сесть?

— Прошу.

— Спасибо.— Он сел в кресло и как после долгой ходьбы вытянул ноги.— Меня зовут Гамлет...

«Все понятно, сумасшедший»,— успокоился Лескюр. Гамлет что-то прочитал на его лице, косо улыбнулся:

— Гамлет Аскольдович. Дети себе имена не выбирают. У меня еще есть брат. Того зовут Мефистофелем. Моя мать была неплохой актрисой МХАТа и хотела из нас сделать актеров. Оба мы стали актерами. Но не в шекспировской трагедии. У вас курят?

— Пожалуйста. Пепельница перед вами. А где же ваш брат?

— Он за дверью.

— Ах вот как...

— Представьте себе.

Гамлет затаился скверной сигаретой. Лескюр изучал его. Довольно интеллигентное лицо. Ему можно было дать тридцать, если бы не густая со свинцовым отливом седина.

— Явился я не деньги просить. Вижу, вы обеспокоены именно этим. Минуточку терпения. Вероятно, вам известно, что в Токио состоялась Восточная конференция?— Не получив ответа, Гамлет продолжал:— В ней участвовали дипломаты и весь генштаб.— Проверил, какое произвел впечатление. Лескюр отмолчался.— Документ совершенно секретный.— Гамлет прикурил погасшую сигарету, помотал спичкой.— Между прочим, в нем речь об Америке, Советском Союзе и других странах.

— Я не интересуюсь политикой, господин Гамлет Аскольдович. Мы зря тратим время.

— Позвольте вам не поверить. Это русские купцы, кроме мощны, не желали ничего видеть, а французы...

— Допустим,— пробормотал Лескюр, закуривая.

— Я служу доверенным лицом в одной солидной фирме. Нет, не в Харбине. Здесь я проездом. Имею доступ к совершенно секретным документам. У меня фотокопии этого документа с грифом «Гокухи». Вы знаете, что это такое? Это значит «совершенно секретно». И если простой смертный узнает его содержание, то... секир башка. Приобретя его, вы заработаете колоссальное состояние.

— А говорите, не из той породы.

— Я продаю, а не выпрашиваю.

— А почему вы пришли ко мне?

Гамлет улыбнулся:

— Симпатизирую французам.

— Продайте свое сокровище китайской разведке. На худой случай американцам или русским.

— Не пойдет. Меня сразу засекут. Достойных американцев в Харбине нет. Русские не поверят. Уж я-то знаю.

— Что-то вы слишком много знаете,— заметил в короткой паузе Лескюр.

— Вы хотите понять, почему я это делаю? Мы с Мефистофелем решили выйти из спектакля. Свои роли в России сыграли блестяще. Довольно аплодисментов. На «бис» не хотим. Короче, чтобы нас на авансцену не выпнули насильно, нужны деньги. Не будет их—не сможем выбраться из этой вонючей ямы.

Похоже, что Гамлет Аскольдович искренен. Хотя черт его знает, может, и удалось маменьке сделать из своего сына незаурядного актера. Конечно, в истории разведок не мало случаев, когда, как говорят, и на ловца зверь бежит. Но Лескюр придерживался железного правила: не пользоваться той информацией, которая сама пришла в руки. И на этот раз он отступил. Восемьдесят из ста—Гамлет провакатор. И стоит ему захлопнуть дверь, как нагрянет контрразведка.

— К сожалению, документ, предлагаемый вами,— говорил Лескюр, рассматривая ноги,— для меня никакой ценности не представляет.

— Значит, не желаете спасти человечество?

— Чем больше желающих спасти человечество, тем хуже ему.

— Понял. Вы не Жанна д'Арк. Согласен на пятьдесят тысяч долларов.

— Напрасно время теряем.

— Согласен на тридцать. Двадцать, — упорствовал Гамлет.

Лескюр подошел к телефону, взял трубку. Гамлет поджал ноги. Лескюр набрал первую цифру. Гамлет поднялся.

— Еще движение — и я продырявлю ваш халат, — предупредил он, наставив на Лескюра пистолет. — Положите трубку. Так. А теперь отойдите вон к той стенке. Умница. — Гамлет подошел к столику и с силой рванул телефонный шнур. Смотал его на пальцы и сунул в карман. — Бонжур, мсье. Если соизволите в течение тридцати минут покинуть комнату, жизнь не гарантирую...

В ванной шумела вода, Лескюр поднялся, выключил и заходил по мягкому ковру.

Через тридцать минут вызвал горничную и, кивнув на телефон, сказал:

— Пригласите мастера. Да побыстрее. И бутылку «Перно» со льдом.

Потом Лескюр постучал в стену.

— Вы чем-то удручены? — спросил Ежи, располагаясь с бокалом «Перно» и грея его ладонями.

Лескюр пересказал событие минувшего получаса.

— Он или авантюрист, или ни во что нас не ставит. Хамло, пся крив!

Лескюр сморщился.

— Вы хоть при мне умерьте свой шляхетский гонор.

— Извините, — буркнул Ежи, остывая. Чтоб чего еще не ляпнуть, набрал в рот лна.

Лескюр положил перед Хшановским кон- порт.

— Передайте Бойчеву.

— Понятно. Что сказать?

— Ничего. Он сам знает. Будьте внимательны. У Ванчо какие-то связи с Ли Бо?

— Он из него скульптуру лепит.

— Все. Идите. — Лескюр посмотрел на аи.

**Владивосток.
24 июля 1927 г.**

Настенные часы в приемной пробили одиннадцать вечера. Били они долго, с отдыхом, как молотобоец, потерявший си-

лу. Паперный проверил по ним свои. В это время прибежал боец комендантского взвода Синяков и доложил, что Носову плохо. Комната взвода находилась в конце коридора.

Носов сидел на кушетке, подтянув колени к плечам, и мычал, раскачиваясь. Паперный присел рядом, участливо положил руку на его плечо.

— Ты чего, Носов?

Носов не отвечал, все раскачивался, и Паперный видел только реденькую макушку его.

— Давно он так?

Синяков пожал плечами:

— Да нет вроде. Я тут немного вздремнул, слышу, кто-то вроде стонет, подскочил, а он вот так. И молчит, главное.

— Да... — растерянно произнес Паперный. — С вами тут, как я гляжу, не соскучишься. — Остановил озабоченный взгляд на Синякове: — Через полчаса арестованного на допрос, а у вас тут...

— Да я знаю. Только вот он чего-то...

Паперный снова сел.

— Слышь, Носов... Ну чего ты? Болит, что ли, где? Чего молчишь? Ежели болит, так скажи, врача вызовем.

Носов только громче замычал.

— Все понятно. Ну что, езджай один. Гляди там внимательней. Наручники чтоб надел. Понял?

Через десять минут приехала карета «скорой помощи», и Носова под руки увели вниз. Паперный записал происшествие в журнал.

А еще через двадцать минут в районе Куперовской пади раздались выстрелы. Паперный посчитал, что это уголовный розыск снова устраивает облаву. На всякий случай позвонил дежурному по горотделу. «А я думал, это вы тарарам подняли», — ответил тот. Паперный забеспокоился. Дорога на Первую Речку возле кладбища была перерыта, и приходилось ездить в объезд, через Куперовскую падь. А выстрелы слышались как раз оттуда. Он тут же связался с дежурным по тюрьме. Синяков с арестованным уже выехал.

Паперный растолкал тревожную группу из двух человек: Клюквина и Гринько, разбудил в конторке Бержецкого для подмоги и всех троих направил выяснять причину перестрелки.

Еще через полчаса вернулся Клюквин и сообщил, что совершено нападение на конвой. Шофер Телицын и боец Синяков

убиты, а арестованный Поленов исчез.

О происшествии сообщили Шмелеву, и тот распорядился к месту происшествия никого не допускать, взять в милиции проводника с розыскной собакой, эксперта. Сам он скоро явился.

— Ну вот, достукались, — сказал он расстроенному Паперному. — Для полного счастья только этого нам не хватало.

В семь сорок утра слушали результат первого расследования.

Доклаживал эксперт Мешков. На автомобиль было совершено нападение в момент, когда Телицын, съезжая с горки, притормозил, чтоб убрать с дороги невесть откуда появившееся бревно. Его убили первым же выстрелом. Синяков, по всей вероятности поняв, что попал в засаду, залег под машиной, но успел сделать всего пару выстрелов. Револьвер валялся рядом с ним.

Шмелев слушал и ходил по кабинету, как будто искал, где сесть. Он был бледен, сутулился больше обычного и все протирал очки платком.

— Почему послали одного конвоира? — задал он вопрос, ни на кого не глядя.

Все повернули головы в сторону Паперного. Тот встал и коротко доложил:

— В двадцать три ноль пять Носова забрала карета «скорой помощи».

— В каком состоянии он сейчас?

— Не знаю. Вероятно, лежит.

— Где?

— В больнице.

— Выясните.

Паперный пошел звонить в приемный покой больницы.

Через пару минут вернулся в растерянности.

— Носова в больнице нет. Врач говорит, дали ему порошок. Стало легче, и он ушел.

— Куда?

— Он не знает.

— А вы? — жестко спросил Шмелев и за все время впервые поднял глаза. — Вы знаете?

— Не знаю.

— Разыщите Носова.

Разыскивать Носова не входило в функции зам. начальника ЭКО, но поскольку командир комендантского взвода Хоружий отсутствовал, а ЧП произошло в дежурство Паперного, то и доводить дело до конца приходилось ему.

Владивосток.

24 июля 1927 г.

— Вы зачем его ко мне привели? — суетясь, шипел Полубесов. — Вы что, угробить меня хотите? — Он оглядывался в сторону двери, за которой находился Поленов, и трусливо втягивал голову.

Воротников, обмякнув всем телом, развалился в кожаном кресле, все еще переживая то, что произошло час назад. Он еще находился там, на неосвещенной улице, скользкой от недавнего дождя. Перед его глазами все еще стоял автомобиль с задраным в темное небо кузовом, и брызги стекла после каждого выстрела, и звук вспарываемого горячим металлическим дождем железа, и холодный липкий пот от сдерживаемого страха, и острое чувство опасности. Все это осталось где-то в стороне, и теперь Воротников, расслабляясь, наслаждался минутой покоя. Горячая суета Полубесова не казалась ему страшной, а даже забавной.

— А куда мне его, к себе, что ли? — Воротников повел глазами за Полубесовым. — На мне и так висит дай боже.

— Ну ладно, ладно... — Полубесов подрыгал коленкой, сел на диван. — Хорошо, если за собой не приведете чекистов, а если...

Воротников медленно и устало подтянул ноги в грязных ботинках; сцепил пальцы, упершись ладонями в подлокотники кресла, исподлобья глянул, криво, одной стороной лица выдавил улыбку:

— Бойтесь, Анатолий Петрович? Понимаю. А мне что прикажете, геройствовать?

Полубесов потер глаза кулаками, помассировал бледные щеки.

— Располагайтесь у меня и простите. Располагайтесь, мне надо поговорить с ним. Спасибо, что сделали, и простите меня ради бога. Располагайтесь на диване. Белье в шкафу.

Воротников, как только ушел Полубесов, стянул пиджак и, не снимая обуви, растянулся на диване, блаженно потягиваясь. Потом встал, выключил свет и снова лег.

Полубесов сел напротив Поленова.

— Слава богу, все обошлось благополучно. А то я уж думал... Вас били там?

— Где? — не понял Поленов.

— В ГПУ.

— А, нет. Там меня не били. Удивитель-

но интеллигентные люди. Я, признаться, готовился к другому. — Он трудно слотнул. — Думал, бить будут. — Преданно и благодарно глядя на Полубесова, сказал: — Не ожидал, что у вас тут такие связи. Даже в ГПУ свой человек. Скажи кому — не поверят.

Утробно завывала Мальва.

— Полнолуние, вот и воет. Что будем делать? Переждете или напрямиком в район?

Поленов хрустел пальцами. Ему очень хотелось где-нибудь переждать несколько дней, пока не уляжется суматоха. До Тернового путь долгий и нелегкий. Пароходом добираться — этот вариант отпадает. Придется поездом, а потом ноги в руки — и через тайгу.

Так он и сказал Полубесову.

— Эдак вы заблудитесь или еще хуже. Лучше будет: добраться к Христоне, а он уж проведит. Там вас уже давно ждут.

— Часы у меня отобрали, — пожаловался Поленов. — Для опоздания взял. У Лялина точно такие же.

— Вы что, не знакомы с ним?

— К сожалению.

— Ничего. Что-нибудь придумаем. Это не так страшно.

Жарбин.

25 августа 1927 г.

Лескюр связался по телефону с жандармерией и попросил срочно прислать представителя.

Минут через десять явился полицейский.

— Я из сыскаго, — сказал он, показав жетон.

— Вы русский?

— Да.

— Тут ко мне приходил некий Гамлет. Предлагал совершенно секретный документ. Сказал, фотокопия какого-то меморандума, и требовал за него деньги. Вас такие личности интересуют?

— О да, — ответил сыщик и, не спросив, вытянул из пачки сигарету. — Его приметь?

Лескюр описал. Сыщик посмотрел на бутылку с вином. Лескюр налил в стакан. Сыщик медленно выпил, поблагодарил.

— Это опасный преступник, мы его давно ищем.

Он еще раз посмотрел на бутылку.

Лескюр налил еще. Сыщик выпил, вытер ладонью губы и удалился.

...Хшановский вышел из подъезда, аккуратно надел соломенную шляпу, сдвинув ее чуть-чуть на правую бровь, помахал шоферу легкового автомобиля, стоящего на противоположной стороне улицы. Автомобиль тотчас подкатил. Усаживаясь удобнее на нагретое солнцем сиденье, Ежи беспечно предупредил шофера:

— За вами, кажется, наблюдают. Вон те, двое.

Шофер обернулся, поглядел на молодцов в белых полотняных кепках, нажал на педаль.

— Вы что-то сказали? — не понял Хшановский.

— Я говорю, не за мной следят, а за вами.

— Матка боска! Это почему же, позвольте вас спросить?

— Потому что я сам слежу. Куда вас прикажете везти?

— К лодочной станции. За кем же вы следите?

— За вами.

— Не воткнитесь в зад тому раззяве, — сказал Хшановский, имея в виду красной «паккард». — Ну и следите себе на здоровье.

— Я не шучу, — отозвался шофер. Ежи картинно повернул в его сторону голову и несколько секунд высокомерно и презрительно изучал далеко не медальный профиль сыщика.

— И я не шучу.

Шофер посмотрел на него.

— Вы вперед глядите, а не на меня. Я не доверяю шоферам, которые разглядывают пассажиров.

— Мне вы можете доверять.

Хшановский повернулся к нему всем корпусом, сдвинул шляпу на затылок и уже с нескрываемым интересом принялся разглядывать шофера. Он понял, что сел в машину контрразведки, ловко подставленную специально для него.

— Кто вы такой? И что бы это значило, милейший? Я ведь без извинений могу тут же в целях самозащиты проломить вам череп.

— Щеков.

— Это кто такой?

— Да не притворяйтесь, пан Хшановский, — сдержанно посмеялся Щеков. — Знаете вы меня. Меня все знают. Особенно те, у кого рыльце, извините, в пушку.

— Ну и что? Делайте поворот под виадук. А дальше?

— Нам надо поговорить.

— У нас есть общие интересы или друзья? — издевался Хшановский. — Торможите плавнее, не то я воспользуюсь услугами другого такси.

— Вы зря язвите, пан. У нас есть о чем поговорить.

— Так все-таки, с кем имею честь беседовать?

— Могу повторить. Щеков. Из контрразведки.

— Китайской, что ли?

— Какая разница?

— Допустим, и что из этого следует?

— Как что? Вы у меня в руках.

— А, пся крив! Только не рвите так сцепление. Может случиться авария. И тогда одного из нас не будет.

— Это намек?

— Предостережение.

— Понял вас. Но зачем нам авария.

Думаете, мои люди не знают, кого я повез? Вам в первую очередь не поздоровится. Угробили Щекова. Что за меня полагается? Решетка. А кому за нее хочется? Никому. — Щеков улыбнулся. — А вам тем более. — Щеков поглядел круглыми глазами на Хшановского. — Я к чему это? Предлагаю содружество.

— Вот те на! — удивился Ежи, щелкнул зажигалкой. — Вербовка, что ли?

— Да нет.

— Предположим, дал согласие. Что я должен делать?

— Нас интересует ваш патрон.

— Мсье Лескюр, что ли?

Щеков утвердительно кивнул.

— И чем же он заинтересовал вас?

— Об этом разговор особый.

— А если не соглашусь?

— Тогда у вас будут большие неприятности. Знаете, как говорят у нас в России, закон — тайга, медведь — хозяин.

Слева у тротуара собралась большая толпа прохожих. Щеков притормозил, через его плечо Хшановский увидел лежащего в луже крови человека в сандалиях на босу ногу.

— Вот, — сказал Щеков, — один уже отпрыгался. Артист. Гамлет. Знаете?

— Это который из Шекспира, что ли?

— Почти.

— Это вы его?

Щеков хмыкнул и ничего не сказал.

— Поехали, господин сыщик.

За перекрестком Хшановский положил ему тяжелую ладонь на плечо: — Стоп, здесь. — Вынул бумажник, отсчитал пять монет. Добавил еще: — Это вам за развлечение. В другой раз, голубчик, не попадайтесь. Ноги повыдергиваю.

Щеков показал широкие зубы.

— Ну глядите. Как бы потом не жалеть.

— Давай-давай, кати.

«Значит, зря Андрэ отшил этого Гамлета, — размышлял Ежи. — А впрочем, за ним следили...» Он пожалел неудавшегося артиста, обладавшего каким-то совершенно секретным документом.

Казалось, весь Харбин вышел на набережную. Сновали разносчики воды со льдом и подогретой рисовой водкой, русские девушки продавали цветы, под легкими тентами горели малиновые угли, распространяя запах чеснока, рыбы, земляного ореха. Ежи спустился на лодочную станцию, чтобы проверить, нет ли слежки. Длинная лестница была удобным местом для этого.

Харбин. 26 июля 1927 г.

Его пытали в каком-то подвале с осклизлыми от плесени стенами. Здесь все было подготовлено, как у инквизиторов: жаровня, угли, щипцы, крестообразная лавка с веревками, железная бочка с дурно пахнущей водой. На табуретке сидел Щеков, тербил четки и домашним голосом спрашивал:

— Говорить-то будешь или как? — Посмотрел на Мусатова с сочувствием. — Больно ведь. Я бы не выдержал такого, ей-богу. Хочешь поглядеть на себя? — Ож достал из карманчика френча круглое зеркальце, подышал на него, потер о колено. — Глянь, ка-акого красавца мы из тебя сделали. Весь кровью изошел.

— Да че с ним цацкаться, Филипп Арнольдович. Дайте я еще ему раза, — сказал Гришка, здоровенный детина с тупой физиономией.

— Не тронь. Видишь, человеку плохо. Тебя бы так разделать, небось отца с матерью продал бы... Ты еще раза, а он — дуба. А у него внучка есть. Есть внучка? Ну вот. А у тебя, Григорий, есть детки? Нет у тебя деток. И у меня нет. И жены нет.

— А Зинаида?

— Разве ж то жена? То шлюха. Такие не рожают. А как ты думаешь, почему у нас с тобой нет деток? Или у нас рожи из глины слеплены, или еще чего не так, как у людей?

Гришка гыгыкнул, переступил с ноги на ногу и вздохнул, как больная лошадь.

— Дык, ваше скородие, обратно ж, сифилис...

— Дурак ты, Григорий. Учи тебя, учи интеллигентности, все горохом от стены,— оскорбился Щеков.— Ты спроси его, он все знает. Спроси, спроси. Большевики все знают на сто лет вперед. Потому как они очень вумные, на сто лет распределили, кому как надо жить, а кому как не надо.

Гришка нагнулся над Мусатовым, стиснул ему железными пальцами скулы:

— Хватит придуриваться, отвечай их благородию, почему у нас с ним нет детей?

— Григорий, мозги твои куриные,— скривился Щеков,— у нас с тобой никак не могут быть дети. Ну чего там?

— Да он уж посинел,— испугался Гришка.

— Плесни водички, отойдет.

Гришка с готовностью зачерпнул в бачке воды, выплеснул на Мусатова половину ведра.

— Помер, кажись,— испуганно распрямылся и осенил себя крестом, со страхом не сводя выпуклых глаз с лица Мусатова. Медленно вытер руки о штаны. Щеков нагнулся, поднес зеркальце к губам. Оно покрылось слабым туманом.

— Дышит старик, чего ему делается. Гляди какой крепкий. Это потому, что в нем одни жилы. Он еще и нас переживет. Посади и развяжи. Вот так. Продолжай.

— Про че?— не понял Гришка.

Щеков поиграл желваками. Гришка наусупился. На его одутловатой физиономии появилась растерянность. Щеков пригладил на затылке слабый пушок.

— Мусатов! Мать твою так и перетак! Будешь говорить, или задавить тебя тут?— Щеков пружинно поднялся, стал над Мусатовым, заложив руки в карман галифе.

— Что... говорить?— разлепил спекшиеся губы старый доктор и неслышно заплакал.

— Ну вот еще, слез не хватало... Я спрашиваю, для чего тебе понадобился Лунев? Вот и все.

— Нелюди вы... И как вас таких земля носит?— тихо, как про себя, произнес Му-

сатов. Чтобы не упасть, он уперся руками, перевитыми синими венами, в скамейку, голова его тряслась.

— Григорий, дай ему.

— Счас, ваше скородие.

— Да нет, воды дай.

Мусатов жадно и гулко глотал тухлую воду, все дальше вытягивая тонкую шею, а Гришка тянул вверх кружку и щерил зубы. Остаток воды он выплеснул на бороду.

Щеков опершись о косяк, посасывал тонкую сигаретку.

— Ну чего молчишь, спрашиваю? Понравилось, что ли? И отчего вы такие зануды? Все люди как люди. Две руки, две ноги, голова. Одна. Все как у Гришки. А вот душа не принимает вас. Вот не принимает, и все.— Щеков выпрямился, морщась, потер поясницу.— А отчего это? Оттого, что все вы сволочи. Думаешь, я не хочу жить по-людски? Иметь свой дом, детей, жену, а не шлюху. Ого-го еще как хочу. А вы отняли у меня все. Всю жизнь поломали.

Гришка подобрал выплюнутую сигарету, затянулся.

— Может, девчонку привести, а? Пусть поглядит.

— Погоди. Мы и так договоримся. Вещь не хочешь, чтоб внучку твою Григорий прямо на твоих глазах придавил, а? Она ведь тут. За этой стенкой. А какая девчонка... Ей бы жить да нарожать кучу детишек, а тебе правнуков нянчить. Ну?

«Неужели и Наденька здесь?— с ужасом подумал Мусатов.— Девочка моя... Как же так?..» Он что-то хотел сказать, но мутилось сознание.

В половине пятого она ушла с няней, но прошел час, два, а они не возвращались. Он заметался, собрался идти искать, но явилась какая-то женщина и сказала, что Наденьку сбил автомобиль, и надо оказать ей помощь. Мусатов взял чемоданчик и поспешил за женщиной. В волнении он не обратил внимания, куда его ведут. Очнулся в какой-то квартире, где ему скрутили руки и, заткнув рот, толкнули в автомобиль, завязали глаза и долго куда-то везли.

Мусатов пытался вытолкнуть кляп. Носом пошла кровь, и он чуть не захлебнулся. И вот он в каком-то подвале.

— Господа... Господа... Что это значит? Отдайте мне девочку... Что же вы, господа?

Харбин. 26 июля 1927 г.

Хшановский нажимает кнопку звонка, перед ним сразу открывается дверь. Пожилая служанка вводит в большую, просторную, почти пустую комнату. Дальше Хшановский идет сам.

Ванчо сидит на высоком вращающемся стуле, руки его в глине и рукава закатаны. На нем фартук из чертовой кожи.

— А, Ежи! — Ванчо сползает со стула, вытирает руки ветошью и крепко стискивает ладонь Хшановского. — Что случилось? — Он плотнее прижимает дверь и ведет его в глубь мастерской, где стоит широкий диван. Рядом с китайским столиком — маленький бар и ночник. — Хочешь шотландского виски? Или шерри? Вчера привезли.

— Ничего особенного. Давай шерри, если не врешь.

Ванчо наливает в рюмки вино. Ежи глядит сквозь рюмку на свет, чмокает, будто пробует букет, хотя ему все вина на один вкус. Знает об этом и Ванчо, но спрашивает:

— Ну как?

Ежи показывает большой палец.

Мастерская завалена мокрой глиной, алебастром, мотками проволоки. Просторная комната с широким окном в потоке солнечного света. С третьего этажа открывается прекрасный вид на Сунгари. Хшановский с интересом рассматривает скульптурные портреты. И хотя он разбирается в ваянии так же, как и в вине, ему кажется, что Ванчо напрасно транжирит свой талант.

Бойчев самолюбиво следит за выражением его лица.

Ежи с рюмкой в руке обходит великолепно вылепленную фигуру женщины, хлопывает ее по слишком округлым ягодицам. Глина еще не просохла, и он вытирает ладонь о влажное покрывало.

— Ничего баба, — говорит.

— Это не баба, а девушка.

— Ты что, с натурой лепишь?

— А то как же.

Ежи еще раз обошел вокруг, отступил, снизу вверх прошелся оценивающим взглядом.

— Н-да... Она что, голая перед тобой или как?

— Всяко бывает, — уже с неохотой ответил Ванчо.

— Странные вы люди, художники.

— Почему же?

— Вам все сходит с рук. Возьмись я лепить с натуры, посчитают безнравственным. Так?

— Может быть, — соглашается Ванчо.

Хшановский останавливается перед незавершенной работой, щурит глаз.

— Ну как? — спрашивает Ванчо и становится рядом. Тоже щурится. Перед ними глыба глины, из которой торчит по плечи человеческая фигура в генеральских погонах.

— Нога нет, одно лисо, — бормочет Хшановский.

— Что? — не расслышал Бойчев.

— Да это я так, — говорит Ежи. — Ишь какой важный.

— Они все тут важные.

— Кто это? — как будто не догадывается Ежи. Бойчев обиженно поджимает губы, садится в плетеное кресло, предварительно сметая с него какой-то строительный мусор.

— Ли Бо. Начальник городской жандармерии.

— Извини, не признал. Для меня все они на одно лицо. А мой портрет слепишь?

— А почему бы и нет? — смеется Ванчо.

— Сколько возьмешь?

— Пять тысяч иен, или тысячу долларов.

— Дороговато, друг мой.

— Нет, — не соглашается Бойчев. — Пять тысяч я готов сам заплатить тебе, чтоб увековечить тебя же. И поставить в Варшаве на самой большой площади.

Ежи растроганно улыбается.

— Этого никогда не будет. Нас не лепят.

— А зря.

— Не знаю. Может, и зря. Вот конверт тебе.

Бойчев прячет конверт.

— Мусатова взяли. Передай патрону. И Наденьку его.

— Когда?

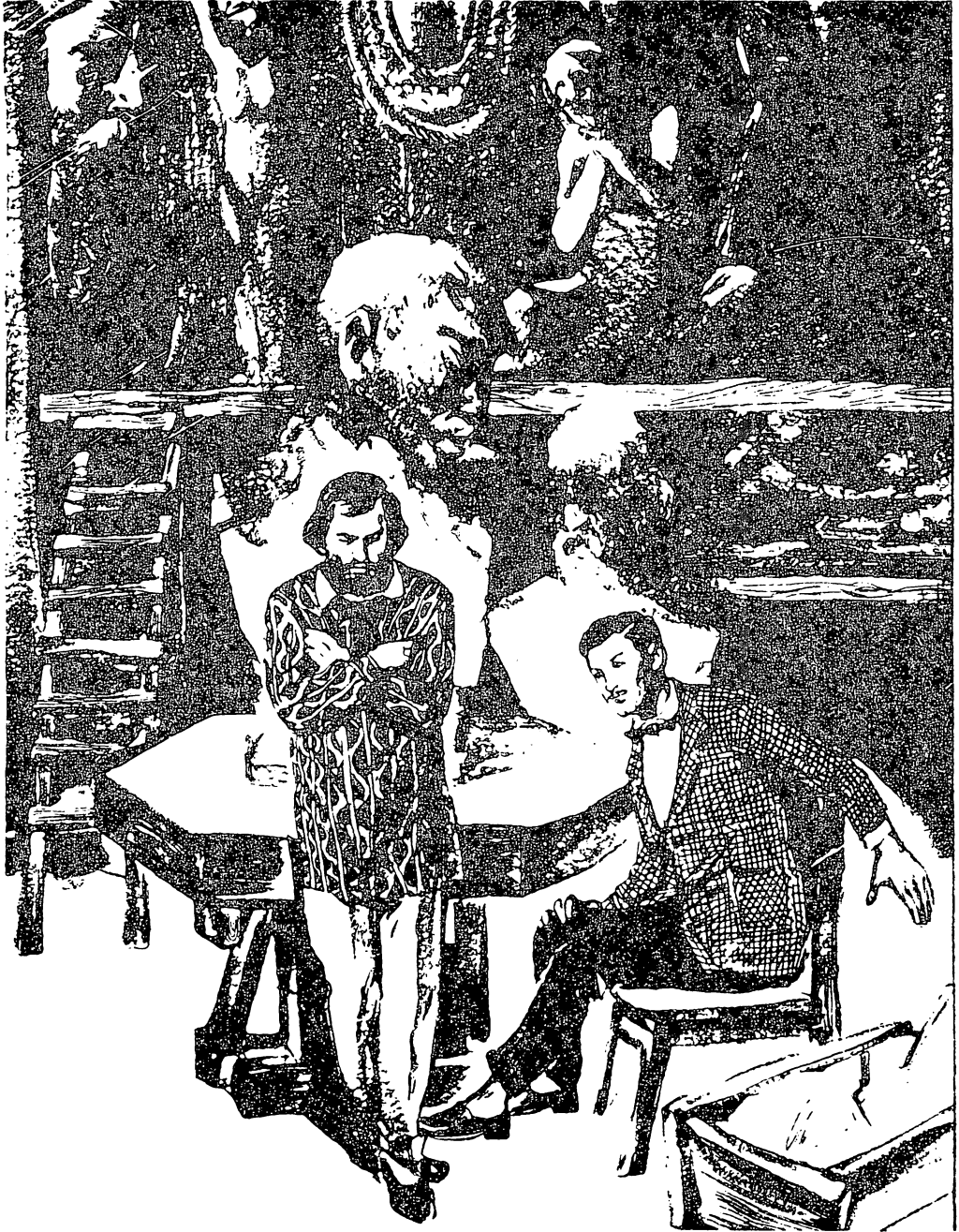
— Час назад. Сам видел. — Бойчев садится на подоконник, свесив кисти рук меж колен.

— Кто?

— Щеков.

Хшановский прикидывает в уме. «Если час, то это пока я петлял, Щеков не терял времени даром. Первый шаг уже сделан. всерьез взялся».

— А чего же ты сидишь?

— А что надо делать?
— Выручать!
— Вот и буду выручать. Скоро придет Ли Бо. Передай патрону, я замену Мусатова.

— Все это плохо, Ежи.
— Да, плохо. Время идет.
— Они из него жилы вытянут. И девочку жаль.

— Старик выдержит, — сам себя успокаивает Хшановский.

— Все равно, они будут жилы из него тянуть.

— Он выдержит, — повторяет Хшановский. Он вспоминает, как однажды спросил Мусатова, привык ли он к риску и не страшится ли? «Вы знаете, первое время я вздрагивал от каждого паровозного гудка. А теперь ничего». — «Это потому, что вы находитесь в постоянном напряжении и каждое мгновение готовы воспринимать неожиданности», — сказал тогда Бойчев. Выдержит ли?

— Когда Ли Бо придет позировать? — кивает Хшановский на глиняного идола, оставшегося незрячими глазами в угол. Бойчев поглядел на часы.

— Через восемнадцать минут.

— Скажи ему, что Мусатов исчез, и намекни, что это дело рук Дзасохова. Он знает все их притоны. Они на ножах с Бордухаровым.

— Я сделаю все, Ежи. И ты поберегись.

Хшановский рассказал Ванчо о «милрой» беседе со Щековым.

— Вот видишь, они страшат тебя, — волнуется Ванчо. — Начали издали. Подбираются, чтоб наверняка взять за горло. Но за горло им взять тебя не удастся. У меня на Щекова есть компроматы. Он работает на японскую разведку. Это точно.

— Тогда другое дело. Тогда мы его возьмем за жабры, — пообещал Хшановский. — А сегодня надо найти и освободить Мусатова. Ты лечился у Мусатова. Ли Бо тоже у него лечился.

— Понял, Ежи, все понял.

Харбин. 26 июля 1927 г.

Заборов заскочил в трамвай, идущий на вокзал. Через четверть часа он уже жарился на солнце в толпе встречающих. Здесь же присутствовали Косьмин и Бор-

духаров в сапогах и дымчатых очках. Председатель РФП Покровский стоял в стороне, засунув за борт кителя ладонь, рассматривал носки своих туфель. Вот он поднял голову и встретился взглядом с Заборовым.

— Леонтий Михайлович, что же вы мимо нас-то? — произнес с укоризной, подходя.

Подшел Косьмин, поговорили о погоде. Единодушно осудили жару.

Наконец надтреснутый звон станционного колокола известил о приближении экспресса. Вся толпа придвинулась к краю платформы, и только там, где должен был остановиться третий вагон, оказалось свободное место. В это время запыхавшись подбежал священник Пономарев. Бордухаров встретил его неодобрительным взглядом. От взмокшего и пыхтящего Пономарева несло жаром. Он виновато встал рядом с Заборовым, осенил себя крестным знаменем и зачем-то снял шляпу.

— Поберегитесь солнечного удара, отец Евгений, — сказал Бордухаров, взглядом встречая паровоз.

— Авось бог милует, — сипло ответил священник, однако шляпу надел.

— Опаздываете, святой отец, — не преминул сделать замечание Косьмин, — грех-то какой.

— Служба, господа, — ответил Пономарев и высморкался.

— У всех у нас служба, — назидательно продолжал Косьмин.

Пономарев огляделся.

— Чевой-то мало нас тут, — сказал он. — Надо б поболее.

— Это не вашего ума дело, — ответил Бордухаров не оборачиваясь. Он стоял, заложив руки за спину и покачиваясь на носках. Косьмин уже стягивал с празой руки перчатку.

Из вагона вышли два широкоплечих молодца и взглядами профессионалов быстро ошупали перрон. Не вынимая рук из карманов стали по обе стороны выхода.

Показался Дитерихс. Он боязливо нащупал ступеньку, другую. Молодцы подержали его за руки. Тут же подошел и Косьмин, шелкнув каблуками, открыл рот, готовясь произнести речь, но Дитерихс с какой-то радостью схватил его за руку, бумажка с речью выскользнула из пальцев Косьмина, и ветер ее зашвырнул куда-то под вагон. Дитерихс полез целоваться. Косьмин сконфузился.

— Рад вас видеть, голубчик. Очень рад, — тонким голосом чему-то радовался генерал. Покровский стоял в стороне, и Косьмин осторожно потянул Дитерихса к нему:

— Господин Покровский.

— Наслышан о вас, господин Покровский, наслышан. — Шагнул к Матковскому, занимавшему пост что-то вроде министра иностранных дел у Покровского, и чмокнул в лоб. Вытер губы платочком, посмотрел на Косьмина.

— Отец Евгений. — Косьмин оглянулся, но Пономарев как сквозь землю провалился. Не растерявшись, он взял Дитерихса под руку, намереваясь увести. В стороне волновалась в верноподданнических чувствах группа офицеров. Косьмин был вынужден подвести гостя к ним.

— Здравствуйте, братцы!

— Здравствашприство! — недружно ответили офицеры, окружая плотной стеной генерала.

Заборов шел позади всех. У автомобилей их нагнал Пономарев.

— Где вас черти носят, батюшка, — прошипел Бордухаров.

— Где был, тама нету, — огрызнулся Пономарев, энергично пробиваясь к Дитерихсу. По не совсем заправленной рясце отца можно было понять, что только острая нужда заставила его исчезнуть в самый неподходящий момент.

Покровский пригласил Заборова в нанятое по этому случаю такси, но Леонтий Михайлович поблагодарил и отказался.

Вечером в клубе на Диагональной состоялась встреча Дитерихса с представителями всех партий и союзов.

— Только общими усилиями мы сможем нанести мощный удар по Совдепам, — говорил Дитерихс. — Только объединившись, мы станем сильны, как никогда. И потому наш девиз: «Братство! Братство русских партий, братство единомышленников!»

Кто-то крикнул «ура».

Харбин. 26 июля 1927 г.

Ванчо задолго до назначенного времени пришел к бару «Морозко», дождался, когда явится Заборов, выждал еще четверть часа, проверяя, не привел ли он кого за собой, и только после этого сам вошел. Заборов сидел под пальмой в даль-

нем углу зала. Ванчо сел рядом с ним.

— Извините, задержался, — сказал он. Заборов хмыкнул. Перед ним стояли две кружки пива.

— Пейте. Это я вам.

— Спасибо. А нельзя ли перебраться в кабинку?

— Здесь, по крайней мере, хоть подслушивание исключено.

— Как хотите. Вот вам от Мусатова. — Ванчо передал конверт. — Сам он не может прийти.

— С ним случилось что?

— Болен.

Заборов накрыл ладонью конверт.

— Что в нем и почему такая конспирация?

— Вскройте. — Ванчо закурил и огляделся. Небольшой зал заполнен наполовину. Мокрый от пота официант, роняя пену, разносил кружки, вареных раков. Заборов вскрыл конверт, Ванчо поднялся и пересел за стойку, спиной к Заборову, но так, чтобы в поле зрения находился выход. Выбрал бургундское. Он уже выкурил пару сигарет. Обернулся. Заборов сидел, втиснув лицо в ладони. Ванчо деликатно кашлянул.

— Простите... — пробормотал Заборов.

— Вам плохо?

— Мне никогда не было так хорошо. Спасибо вам.

— Это не меня — Мусатова благодарите.

— Не знаю, как я обязан вам...

— Пустяки. Если что-нибудь захотите сказать, приходите по адресу... — И он назвал свой адрес.

— Да-да...

Ванчо откланялся, видя, что Заборов еще не пришел в себя.

Владивосток.

25 июля 1927 г.

Выстрелы в Куперовской пади застали Носова голым по пояс на больничной кушетке. Доктор давил ему на живот, спрашивал, больно или нет, он отвечал «больно», а сам думал о том, что наконец-то дошел до такой точки, когда или голову в петлю, или бежать за кордон. Другого не дано. При обсуждении с Воронниковым плана освобождения Поленова все казалось ясным и не вызывало особого сомнения. Внезапная боль в животе, больница. Кто заподозрит Носова в симуляции? А те-

перь он понял, что возвратиться в отдел не сможет. Если полтора года он играл как на сцене, то сейчас с первого шага выдаст себя. Тем более, что внезапная болезнь и нападение на конвой могут показаться странными, как ни играй.

Ему дали порошок, он сказал, что чувствует себя лучше, и быстро ушел.

Шагая по ночным улицам, Носов решал, куда идти: домой или к Воротникову?

Он пришел к себе, сжег бумаги, которые могли показаться подозрительными, и упал на постель.

В пять часов утра поднялся с дикой головной болью, так и не сомкнув глаз. Кобуру от револьвера засунул глубоко в пель, а оружие положил в карман.

В 1925 году Носов работал в Торгсине экспертом по пушнине. В феврале ему довелось побывать в Шанхае на аукционе. Вот там-то он и не совладал с собой. Поначалу все шло как и должно. Меха продали выгодно, сделку обмыли в ресторане «Аделаида». Носову в знак признательности вручили втайне от его коллег тысячу долларов. Как с неба свалившиеся деньги вскружили ему голову. Но скоро наступило отрезвление.

Шли последние сутки его пребывания в Шанхае. В гостиницу он вернулся с княгиней Верой Ивановной Моршанцевой. Она снимала номер по соседству. Утром, прихватив смердящие носки, Носов потихоньку перебрался от нее в свою комнату. Проснулся оттого, что кто-то настойчиво и грубо тряс его. Перед ним стояли двое. Один русский с наглой красной мордой, второй — китаец. Носов долго не мог понять, кто они и чего им надо. А когда дошло, упал духом.

— Ничего я не крал, и отвяжитесь от меня, — защищался он.

Полицейские, не церемонясь, стянули его с постели, обшарили одежду, заглянули под матрац и ничего не нашли.

— Ваши документы!

Но и документов не оказалось. Вот тогда Носов порядком испугался. Его привели в комнату Веры Ивановны. Княгиня сидела с ногами на постели, полураздетая, в одном чулке, горько плакала, сморкалась в простыню, размазывая краску по щекам.

— Это он, негодяй! — звонко закричала она, выткнув острый палец в сторону Носова. — Это он украл все мои деньги и золотое кольцо. Негодяй! — И приня-

лась стыдить и требовать вернуть ей деньги и драгоценности.

От ее натиска Носов вконец растерялся.

— Какие деньги, какие драгоценности? Вы чего-то путаете, Вера Ивановна, — пытался он вразумить княгиню. — Ничего я не брал у вас. Побойтесь бога! Меня самого обокрали.

Носова и княгиню посадили в машину и отвезли в жандармское управление.

Его допрашивали, записывали что-то. Он требовал свидания со своими коллегами, с которыми должен был уезжать, но ему отказали. Отказали и во встрече с советским консулом.

— Да кто вы такой? — спрашивали у него. — Документов нет. Совершил ограбление. Ты советский подданный? Не ври. Видели мы таких. Да и как ты объяснишь консулу свое поведение? А куда дел документы? Продал?

«А и правда, — ужаснулся Носов, — как объяснить?»

— Ну ладно, встречу организуем, — сдались в полиции. — Но потом будешь локти кусать. Выгонят с работы, да еще и посадят.

Носов призадумался, действительно ведь турнут.

Ему дали листок бумаги.

— Подпишись.

Носов прочитал и отказался. Но увидел на краю стола свои документы, пачку денег, билет на пароход. Потянулся к ним, его легонько ударили по руке.

— Подпиши. И все будет шито-крыто. Мы даем тебе деньги на билет, но за это следует дать расписку. Для отчета. Мы не такие, как нас рисуют в Советском Союзе. Мы хорошие.

— Не буду, — сопротивлялся Носов, — хоть стреляйте. Чего бы я себе петлю на шею надевал?

Тогда его отвели в подвал и показали приемы пыток на китайце. У Носова волосы дыбом встали, и он подписал бумагу, втайне надеясь, что Владивосток от Шанхая далеко, а между ними охраняемая граница.

Через пять месяцев во Владивостоке появился человек и попросил Носова назвать цену, на которую во время торгов пушшиной только в крайнем случае может согласиться Торгсин. Носов оскорбился, но ему напомнили о расписке и показали фотокопию. Носов сдался. В по-

следний раз. А потом не выдержал другой, третий, получая при этом солидную плату в советских дензнаках и долларах. Когда основательно завяз, ему сказали: «Пора переходить в ГПУ. Там вы нужнее нам». Подвернулся удобный случай, и Носов стал штатным экспертом экономического отдела. Раньше ЭКО не раз пользовался его услугами как специалиста, потому и переход прошел без особых трудностей. Уверовав в свою неуязвимость, Носов потерял осторожность и потому влип с десятидолларовой бумажкой. Ему простили «забычивость», но перевели в комендантский взвод. Соболь продолжал работать на белогвардейскую разведку.

Увидев Носова, Воротников побледнел. И Носов со злорадством отметил это. На вопрос: «Что случилось?»—Носов, не отвечая, расстегнул верхние пуговицы гимнастерки, прошел на кухню, налил из-под крана теплой воды, провел мокрыми ладонями по лицу, постоял в раздумье, упершись в раковину руками. Воротников стоял рядом.

— Уходить надо. И чем быстрее, тем лучше, — сказал он тихо и отрешенно. — Меня подозревают. Пока я был в больнице, пока плелся оттуда, обыск был на квартире.

— Может, не так черт страшен... — начал было Воротников, но Носов закричал приглушенно:

— Страшен! Страшен черт!.. — выпучив глаза и сжав кулаки, пошел на Воротникова. — Это вы все... сволочи! Запутали, наобещали три короба. А где ваше востание? Где? — хрипел он в лицо. — Где, я вас спрашиваю?! Два года хожу по краю пропасти! — Воротников пятился, пока не наткнулся на стул и сел. — Если не хотите попасть им в руки, то сматывайте удочки — и ходу отсюда. Ходу!

Носов преднамеренно сгустил краски. Если не напугать Воротникова, то уйти за кордон он не сможет.

Воротников знает «окна», у него есть люди, которые смогут провести его через границу.

— Вы не орите! — таким же приглушенным криком прервал его Воротников. — Паникер... Давайте все по порядку.

Носов рассказал придуманную легенду с обвыском.

— И вообще, сдается, за мной давно ведется слежка. Все! Хватит.

Воротников долго сидел в распахнутом халате, поджав босые ноги. Потом достал початую бутылку водки, пошарил в глубине стола, извлек сухой кусок хлеба и луковицу.

— Надеюсь, «павлином» вас еще не сделали?

— Не считайте меня за идиота, — огрызнулся Носов. — Хвост не привел. Четыре часа колесил по городу.

— Хоть за это спасибо, — с иронией произнес Воротников, разливая водку. Рука его дрожала.

— А вам, что, мало? — вновь завелся Носов. — Я не железный.

— Ну будет. Пейте, и, как вы выразились, «сматываем удочки». Хотя, признаться, очень жаль, но ничего не поделаешь, придется уходить.

Носов с отвращением проглотил стакан, занюхал хлебом, хрустел луковицей. Воротников оделся.

— Куда мы?

— А куда бы вам хотелось? — спросил Воротников, завязывая галстук перед зеркалом.

— Чем дальше, тем лучше.

— Вот туда и двинем. Харбин устроит?

— Вместе?

— Куда же вы без меня.

Носов наблюдал за торопливыми сборами Воротникова.

— И последнее, — сказал он. — Татаринцев, кажется, вышел из человека, которому предназначались фальшивые деньги.

Носов не знал, кому в действительности они предназначались, но ударил наугад и, кажется, попал в точку. Воротников растянул только что тщательно завязанный галстук и медленно обернулся. Носов выдержал его взгляд.

— Сегодня на дежурстве узнал.

— Так, так...

До отхода первого утреннего поезда оставалось сорок две минуты. Воротников поглядел на часы.

В 8.27 дежурный Васильченко принял телефонограмму со станции Угольной: «В три часа сорок две минуты путевым обходчиком на железнодорожных путях найден труп мужчины. При нем обнаружено удостоверение сотрудника ОГПУ, выданное 25 мая 1925 года на имя Носова Юрия Павловича.

Передал уполномоченный линейного отдела милиции Черепанов».

Харбин. 26 июля 1927 г.

Щекова и Гришку китайцы арестовали и поместили в клоповник при жандармерии. Гришка не давался, и его избили так, что он не мог идти, и в камеру его втащили. Ли Бо при каждом удобном случае давал Бордухарову понять, что тот находится не у себя дома, а, значит, подчиняется местной власти. Неприязнь началась еще тогда, когда Ли Бо служил во Владивостоке санитарным инспектором, а Бордухаров являлся начальником военной контрразведки. Китаец был у него одним из многочисленных агентов, и Бордухаров оплачивал его услуги не всегда честно, а иногда санитарного инспектора на Полтавской награждали зуботычинами. Бордухаров не знал, что услужливый агент в то время имел равный с ним воинский чин и руководил шпионской сетью.

— Вы опять сталкиваете нас лбами с Ли Бо! — метался Бордухаров перед невозмутимым Дзасоховым. — Чего вы хотите! — Он согнулся, уперев кулаки в колени, заглядывая в глаза. — Ну что молчите? Ну помолчите, помолчите. А я больше не пойду выручать этого ублюдка. Да и вас тоже! — выбросил палец пистолетом в Дзасохова.

— Вы на меня не кричите, — огрызнулся Дзасохов. — Я тут не привязан, и в любое время, как говорится, горшок об горшок — и дружба врозь.

— А вы меня не шантажируйте и не спекулируйте на моем добром к вам отношении! И поймите, наконец, мы не у себя, где могли все, и революции и контрреволюции. Это азиаты! От них можно ждать всякой пакости, а вы необдуманно лезете, черт возьми, на рога.

— А я их не боюсь.

— Зато мне ваши выходы могут боком выйти. Я не о себе, — поправился Бордухаров, — а о нашем общем деле.

— Ну, допустим, в данном случае Ли Бо руководствовался не самолюбием своим, — намекнул Дзасохов.

Бордухаров промолчал.

— Если смотреть Ли Бо в рот, то мы ничего не сделаем.

— Сделаем! — снова повысил голос Бордухаров. — Только делать надо так, чтоб не лодымать лишнего шума. Чтоб комар носа не подточил. А вы реполошили всю полицию. Скандала хотите?

— А, одним меньше, одним больше, —

не сдавался Дзасохов. Бордухаров внимательно посмотрел на него. Он очень жалел, что не может поставить на место этого зазнавшегося капитанишку. БРП зависело не только от китайцев, но и от японцев. А Дзасохов, как известно было Бордухарову, являлся их старым агентом.

— Это не я поднял тарарам, а Щеков, — сказал Дзасохов.

Бордухарову была известна паскудная черта Дзасохова: никогда не признаваться в своих ошибках. Все виноваты, но только не он.

— Щеков ваш подчиненный.

— Не могу же я ему свои мозги вставить. Хотя и недорого вы их цените.

Бордухаров пропустил мимо ушей упрек.

— Вставлять не надо, а вправить следовало бы.

— Вот и пусть вправят китайцы. Должен сказать, Мусатов — личность прелюбопытная, и Бульдог недаром заинтересовался им. И меня в данное время волнует не то, что думают о нас китайские жандармы, а кто их навел на Щекова. Кто-то воспользовался неприязнью Ли Бо к вам. И я узнаю кто.

— Дай бог. Дай бог...

Поздно вечером Бордухаров поехал к редактору «Русского слова» Ивашкевичу. Ивашкевич чувствовал себя независимо потому, что Ли Бо являлся неофициальным пайщиком газеты. Благодаря Ли Бо Ивашкевич получал от китайцев рекламу, чем и жил.

Редакция находилась в полуподвальном помещении, занимала три небольшие комнаты, в одной из которых разместился Ивашкевич. Он сидел боком за столом и говорил с кем-то по телефону. Увидев Бордухарова, кивнул на стул. Бордухаров понял, что помешал, потому что Ивашкевич перешел на «да» и «нет». Он завидовал Ивашкевичу, его всегда довольноному виду и какому-то покойному, умиротворенному взгляду. Ивашкевич неторопливо положил трубку, озабоченно помассировал кончиками пальцев седеющие виски.

— Карахан снова заявил протест Чан Кай-ши по «Памяти Ленина» и его экипажу.

— И это вас беспокоит?

— А ведь пароход-то ваши затопили еще 22 марта при отступлении чжанцзучановцев из Нанкина.

— Пора бы уже говорить не ваши, а на-

ши, Яков Семенович, — упрекнул Бордухаров. — Как-никак, а знамя-то у нас одно. В нынешнее время что эсеры, что монархисты — все мы озабочены одним. Но я не спорить пришел в столь поздний час. Выручи, Ли Бо взял Щекова.

— И чего вас мир не берет? — недовольно проворчал Ивашкевич. — А Щекова удавить мало. Сын Байкалова — его ведь работа? Какая мерзость... — у Ивашкевича гадливо опустились уголки губ.

— Это не доказано, — возразил Бордухаров.

Ивашкевич постучал ладонью по столу:

— Вот тут, милый мой Вадим Сергеевич, все доказательства. Только из-за дружбы с тобой держу, а то бы давно обнародовал, и от твоего Щекова мокрое место осталось бы. Люди бы растерзали его. И не проси, пусть хотя бы помутузят его как следует.

— Спасибо и на этом. — Бордухаров поднялся, пробежал пальцами по пюговцам френча. — Извини тогда. Мне, конечно, наплевать на Щекова, если бы не Мигунов. Он ведь невесть что наплетет Заборову, а тот Семенову. Семенов японцам пожалуется. В общем, дело примет принципиальный оборот.

Бордухаров знал на чем играть. Если японская верхушка в Маньчжурии захочет, то Ли Бо слетит со своего поста. А этого Ивашкевичу не хотелось. И он скрепя сердце пообещал. Принесли оттики полос завтрашнего номера газеты.

На первой полосе фотоснимок церемонии встречи Дитерихса и его статья под заголовком: «Даешь конфликт на КВЖД!»

— Вы знаете, что советское консульство заявило протест Чжун Юю¹? Требуется немедленного выдворения Дитерихса из Маньчжурии за пропаганду войны.

— Не знаем, — признался Бордухаров.

— Разогнать вашу шарагу надо, если этого не знаете. Тоже мне, разведка, — зубоскалил Ивашкевич, явно издеваясь, — вытуют его. Ли Бо уже получил указания. Они боятся большевиков.

— Дитерихс уехал в Цицикар.

— Вернут. А поскольку у тебя с Ли Бо отношения натянутые, то он постарается использовать свою власть. Так что учти.

— Учту.

Бордухарову было совершенно все рав-

но, выгонят Дитерихса или не выгонят. От престарелого генерала пользы ни на грош. Только и всего, что несколько месяцев посидел на троне дальневосточного монарха. Если выгонят, то даже лучше. Не надо будет заботиться о его охране.

— Черт с ним. Пусть гонят, — сказал Бордухаров.

Ивашкевич удивился:

— Не поймешь вас, монархистов. То кричите: объединяйся, то бежите в кусты.

Бордухаров отмахнулся:

— На это есть Косьмин. Вот пусть у него и болит голова за Дитерихса.

— И Косьмина выпрут.

— Это еще посмотрим.

— Правда, что большевики захватили ваши баржи с оружием?

— Правда.

Бордухарову не хотелось признаваться, но Ивашкевич уже знал.

— Значит, те денежки, что выделили японцы, песику под хвостик? Ловко гепоу работает. Пока Щеков крадет детей состоятельных родителей, чекисты не дремлют.

— К твоему сведению, Щеков вышел на советского агента, который, по имеющимся у нас сведениям, как раз и сообщил об этих баржах.

— Кто он?

— Только не для печати. Дай слово.

— Можешь быть спокоен.

— Мусатов.

Ивашкевич даже карандаш выронил.

— Мусатов? Мусатов — чекист? — Какое-то время он смотрел на Бордухарова, потом прикрыл ладонью глаза и весь затрясся от смеха. — Му-са-тов — чекист... Да безобиднее его днем с огнем не сыщешь во всей Маньчжурии.

— Зря смеешься, — обиделся Бордухаров. — Китайцы взяли Щекова, и Мусатов тут же исчез.

Владивосток. 27 июля 1927 г.

Уполномоченный ОГПУ Максим Чертанов еще спал на деревянном диване, когда к нему с шумом ввалились трое: милиционер Лапшин, младший оперработник Яхно и третий, которого из-за спины Лапшина Чертанов не мог разглядеть. Все они были мокрые и грязные, тяжело дышали. Лапшин вытирал лицо рукавом гимнастерки.

— Во, поймали... — торопливо заговорил

¹ Дипломатический комиссар чжанцзюлинского правительства.

он, отступая в сторону. — Ну и зверюка, скажу тебе... Давай его сюда, Яхно.

Яхно подтолкнул связанного по рукам мужчину.

— Не смей! — закричал тот, оскalisi острые зубы, пытаюсь освободить руки. Лапшин поймал его за воротник и крепко трянул.

— Замолкни, зараза. А то как врежу, неделю будут отскребать от стенки. Вон какой фингал Лешке поставил. Покажи, Леша!

Чертанов сбросил ватную телогрейку, минуту смотрел на задержанного, пытаюсь вспомнить, где он его видел. Неторопливо намотал портянки, всунул ноги в сапоги, притопнул. Мельком уловил заплывший глаз и разбитые губы Яхно.

— Усадите его.

— Садись и не ерпенься, — приказал злым голосом Лапшин.

Чертанов обошел стол и тоже сел. Глаза его были красными и припухшими. Яхно выложил перед ним всякую мелочь, изъятую при обыске, пистолет, системы «Беретта».

— Поленов? — ахнул Чертанов.

— Он самый, — подтвердил Яхно. — В вагоне взяли. А потом вздумал удрать.

— По-нят-но... — Чертанов глубоко и облегченно вздохнул. — Вот и попался... А мы тут сбились с ног.

Через минуту Чертанов связался с Владивостоком.

— Поленов у меня! — кричал он в трубку. — Да-да! Вот тут рядом.

Поленов сидел, шевеля посиневшими кистями, настырно пытаюсь избавиться от сыромятного ремешка из брюк Яхно, и плакал. Даже после первого ареста он не чувствовал такую безысходность, какую чувствовал сейчас. Тогда он был почему-то уверен, что удастся выйти из воды сухим, и интуиция его не подвела. А сейчас понял: это конец. Теперь не выкрутиться. Вспомнил Исот Нюхов, который сопровождал его до «конца», а потом страдальчески-жалостливо смотрел ему в глаза, как будто прощался навек. Тогда, обеспокоенный этим взглядом, Поленов наигранно бодро спросил: «Ты чего плялишься, как провожаешь на тот свет?» Нюхов ничего не ответил, пожав искривленным плечом. Он не сказал Поленову, что не одного уже ходака переправил на ту сторону и редко кого приходилось встречать.

А Чертанов смотрел на него радостными в красных прожилках глазами и думал, что теперь-то уж можно будет помыться в бане и хорошенько выспаться не урывками на деревянном диване, а на чистой постели.

Лапшин, склонив голову набок, неторопливо писал огрызком химического карандаша, пристроившись на уголке стола и поглядывая на Поленова, еще не веря, что его удалось изловить.

Яхно, поджав под себя сырые сапоги и привалившись к стене, боролся со сном.

Весь путь до Владивостока Поленов провел в пугало. Помимо воли, как в кинематографе, перед ним прокручивались ленты прожитой жизни, в которой никак не мог разобраться, где сено, где солома. Кадетский корпус в Екатеринбурге, куда с трудом устроили его небогатые родители. Досрочное, в связи с германской, производство в младший офицерский чин. Сразу же передовой и орден за храбрость, а следом внеочередное звание. Госпиталь. Снова окопы. Его любили солдаты и шли за ним в огонь и воду. Еще один орден, и снова внеочередное звание. Контузия. Но остался в строю. Доверили батальон. В Февральскую стал на сторону революции и сражался до восемнадцатого в Красной гвардии. Попал в плен к колчаковцам, ему простили службу у красных и доверили взвод пулеметчиков. После разгрома Колчака оказался у атамана Семенова и докатился до Харбина, куда стеклась сопротивляющаяся золотопогонная Россия. Что двигало им в дальнейшей яростной борьбе против Советов? Вот тут-то у него получалось то самое сено-солома. Если у Колчака стал служить из желания выжить, а потом уж боялся мести красных, то в Маньчжурии было достаточно времени, чтобы одуматься, во имя чего продолжать драться? Но дальше завтрашнего дня думать страшился, а к мирной жизни не был приучен и ничего не умел делать, и он пошел туда, куда шли тысячи ему подобных и где не надо было думать, где думали за него другие и притом платили кое-какие деньги.

Сообщение, что пойман Поленов, вмиг облетело губотдел. Татаринцев укоризненно качал головой:

— Чего ж это вы, Болеслав Ефремович, бегать вздумали от нас? Переположили всех. Задали, скажу я вам, работенки. Поводили вы нас вокруг пальца...

Поленов язвительно заметил:

— Вам не привыкать.

— Не понял, — признался Татаринцев.

— А что тут понимать? Вас больше года водили за нос.

— А, это вы имеете в виду Носова? Ну, милый мой, мы вашей организации не отказываем в изобретательности. Противник серьезный, иначе чего бы столько лет мы с вами валандались. Так ведь?

— Пожалуй, — согласился Поленов.

— Это вы ухайдокали Носова? А кто же?

— Вы много от меня хотите.

— Мы от вас ничего не хотим. Это вы должны хотеть. Будете финтить — передадим дело в трибунал. А чтобы расстрелять, у нас достаточно оснований. Как вы уже знаете, плетью у нас не вышибают признаний. Все на добровольных началах.

— Дайте собраться с мыслями.

— Ну что ж, соберитесь. — Татаринцев вызвал конвой.

Поленов вдруг вспомнил своего сослуживца у Колчака Лешку Серебрякова, с которым встретился носом к носу на Луговой у ипподрома после скачек, всего два дня назад. Лешка окликнул его, Поленов вздрогнул и, не оборачиваясь, ускорил шаг. А потом, таясь, шел следом за ним, ехал в трамвае до бывшей Зеленой гимназии, взбирался на сопку. А вечером явился к нему. Лешка открыл дверь, щуря со света выпуклые и спокойные глаза, некоторое время смотрел в лицо Поленову, не узнавая или притворяясь. Поленов держал руки в жарманах шелкового прорезиненного японского плаща и ждал.

— Не узнаешь, что ли? — озлясь, спросил Поленов. Лешка засуетился, провел его не в комнату, а в кухню, крикнув жене, чтоб не мешала и что к нему пришел товарищ по службе. Налил крепкого чая. Поленов, продрогнув на дожде, жадно пил и неторопливо озирался.

— А я, понимаешь, гляжу, вроде бы ты, дай, думаю окликну. Не обернулся. Ну, думаю, ошибся. Ты ведь, говорили, подался к семеновцам в Харбин или еще куда, не знаю. Думаю, чего он здесь делает, если это так? И вот те на... — Серебряков никогда не страдал многословием, а тут вдруг разговорился, будто прорвало. — Так ты где все-таки? Врут, небось? — понизил он голос.

— Врут, — усмехаясь, согласился Поле-

нов. — Ты-то где трудишься, и как тебя ГПУ до сих пор миловало, или служишь у них?

— Ты все такой же... Служу военруком в школе. Женился. Дети. Двое. Девочка и мальчик. — Большое лицо Серебрякова посветлело. — А что до ГПУ, так я отвоевался. Хватит. Как говорится, повинную голову и меч не сечет. Что было, то былем поросло. — Между разговором Лешка разлил по стаканам водку: — Давай хряснем за встречу, черт побери. Сколько лет...

Выпили, закусили солеными огурцами с укропом. Лешка намеревался налить еще, но Поленов прикрыл ладонью рюмку.

— Хорошо.

— Значит, как и я? Я тоже не любитель. Так. Иногда.

— Значит, не трогают?... — раздумчиво произнес согрешивший в тепле Поленов, закуривая.

— Так ведь если око за око, то пол-России надо в тюрьмы пересажать и перестрелять. — И вдруг округлил глаза: — Слушай, Славик, а ты, случаем, не...

Поленов снисходительно и жестко усмехнулся.

— А если да, что, побежишь туда?

Серебряков замаялся.

— Если это так, то лучше сам иди. — Он как-то сразу поскучнел и принялся зевать. Из глубины комнат доносился детский визг. — Может, переночуешь, или у тебя есть где?

— Спасибо. Есть где. — Поленов встал и только сейчас обнаружил, что сидел в плаще.

— Ты это... если что, заходи.

В коридоре слышно было, как детский голос монотонно повторял: «Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам... Как ныне взбирается...»

Поленов ускорил шаг, и жалость к себе душила. Как он завидовал Серебрякову... И сейчас, валяясь на тюремных нарах, думал, что надо было послушаться совета Лешки и явиться с повинной. Но тогда он верил еще в свою звезду или хотел верить в то, что скоро закончится эта собачья неопределенность, и он наконец прибьется к своему берегу. Зачем ему этот призрачный берег? Нестерпимо болела голова, словно ее наполнили раскаленным свинцом. Морщась и сдерживая вот-вот готовый сорваться стон, Поленов сполз с нар, придерживая одной

рукой брюки, из которых выдернули ремень, подошел к двери и принялся колотить пятой. Никто не подходил, и он, упершись лбом в нее, замолотил кулаком.

— Откройте! Да откройте же!

Харбин. 27 июля 1927 г.

«Милый, родной, что случилось, почему ты не возвращаешься? Боже, как мы ждем тебя! Да где же ты там запропал? Коленка уже в девятый класс перешел, а Зиночка закончила четвертый. Мы каждый день тебя ждем. Семь лет прошло, как мы расстались, я уже и лицо твое стала забывать, только глаза помню. Как все мы обрадовались, когда узнали, что ты жив и здоров! Я места себе не нахожу. Возвращайся скорее. Обнимаем и целуем тебя, твоя Вера.

Р. С. Высылаем фотографию. Снимались наспех, потому и получились такие потешные. 19.7.27».

Заборов бесчисленное число раз перечитывал письмо жены, подолгу рассматривал фотографию. Ему не верилось, что этот юноша со сведенными бровями его сын. Зиночка даже рот раскрыла и улыбается. В глазах у жены Заборов читал и радость и тревогу. Она совсем не изменилась. Та же прическа, как у классной дамы, только морщинки появились в уголках губ да на переносице. И всякий раз, когда он рассматривал снимок, щипало глаза. И когда сумятица первой радости прошла, он немного успокоился, со всей остротой встал вопрос: как быть и что делать? И вместе с тем у него как пелена спала с глаз. Ему стало понятно, почему и кто распустил слух о гибели семьи, и дошло наконец до сознания, что стало причиной смерти Лунева. Хотелось посоветоваться с кем-нибудь, но с кем? Не с Дзасоховым же или Бордохаровым. Мусатов? А что, собственно, с ним случилось? Ведь семья нашлась благодаря его стараниям. И Заборову захотелось увидеться с тем человеком, который передал письмо.

Бойчев встретил его радушной улыбкой.

— Скажите, как отблагодарить вас за ту радость, что вы принесли мне? — начал Заборов еще в прихожей.

— К сожалению, как я уже говорил вам, я в этом деле, можно сказать, по-стороннее лицо. — Бойчев развел рука-

ми. — Если благодарить, то Мусатова. А я всего лишь выполнил его просьбу.

От внимания Заборова не укрылось, как Бойчев через окно осматривал улицу.

— Простите за вопрос в лоб. Вы нелегал?

Бойчев вскинул брови.

Заборов покрутил головой.

— Я не жду, что вы ответите утвердительно. Для меня важна ваша реакция.

— Я болгарин. И живу здесь совершенно легально. — Ванчо рассмеялся. — А что, я похож на шпиона?

Заборов отхлебнул глоток ароматного чая. Поставил чашку на блюдце. Он вспоминал, как в 1913 году такой же вопрос задал ему в Праге офицер военной контрразведки. Заборов тогда работал на связи с полковником Альфредом Редлем, начальником штаба восьмого корпуса австро-венгерской армии. Редль много лет возглавлял австро-венгерскую разведку, считался отменным специалистом в этой области. В мае полковника засекли, и он застрелился. Заборов ждал инструкции из генштаба, каждую минуту ожидая ареста. В такое время к нему зашел знакомый офицер австрийской контрразведки и за бокалом перно вдруг задал вопрос: «Вы нелегал?» Заборов, в то время еще начинающий разведчик, не понял и наивно спросил: «А что это?» Много позднее он узнал, что незнание терминологии спасло ему жизнь.

— Здесь все похоже на шпионов. Я почему пришел к вам, — быстро продолжал Заборов. — У меня нет слов, чтобы выразить признательность за участие ко мне. Но давайте внесем ясность в наши отношения. Чем я могу быть вам полезен?

Ванчо сел на подлокотник кресла, сложил на колени руки. Лескюрю предупредил его не ускорять события. «Он не дурак, и сам поймет, что к чему. И придет к вам. Только не торопитесь. Я наблюдал, с какой брезгливостью он водится с всей этой шантрапой. Его можно спасти, но чтоб первый шаг сделал сам». — «А если он сообщит Дзасохову?» — «Не сообщит. Не логично будет».

— Леонтий Михайлович, простите за откровенность, но я не могу поверить, что вы сознательно стоите на антисоветской позиции. Мне кажется, вы даже не делали попытки рулить, а так, куда принесет течение. Вы в состоянии депрессии находились до сих пор. Я не ошибся?

— Вы правы. Я потерялся в самом себе. Но в таком же состоянии находятся и сотни тысяч эмигрантов. И я понимаю их...

— Но не те, которые потеряли имена и счета в банках.

— А вы думаете, легко смириться с этим? Веками формировался уклад русского обывателя, и вдруг разом все рухнуло. Тут озвереешь. Представьте, ваши конюх и кухарка захотели вышвырнуть вас из вашего же дома. По какому праву?

— Не могу представить. Может, потому, что у меня никогда не было ни конюха, ни кухарки. Значит, вы оправдываете гражданскую войну, антисоветское движение? Так я вас понял?

Заборов закурил, пустил густой столб дыма в пол.

— Я не оправдываю. Но сочувствую.

— Меркулову, что ли, или Семенову с Дитерихсом?

— Ну зачем вы так... Кто-то, ну не Семенов, так другой станет во главе движения. И не о них речь, воинствующих эмигрантах, а о тех, кто вроде меня, как цыганки говорят, остались при собственном интересе.

— А кто же виноват в этом?

— Вы.

— Мы?

— Да, вы. Большевики. Надо было объяснять им "агубность капиталистического строя..."

— И тогда бы они поняли и отдали конюхам и кухаркам свои дворцы? Вы много лет, Леонтий Михайлович, провели за рубежом и практически оторваны от интересов народа. В этом и кроется причина вашего непонимания социалистической революции. Романовы и им подобные никогда бы добровольно не отдали власти. Это противоречит сути капитализма — превыше всего частная собственность. Меня, например, заботит больше не Семенов и компания, а молодежь, орой легко заморочить голову.

— Вероятно, вы правы. Во всем этом надо разобраться. Что с Мусатовым?

— Его пытали молодчики Дзасохова. Черва выкрали внучку, а потом самого. Я в плохом состоянии, и мы вынуждены были его спрятать. Видите, я от вас ничего не скрываю. Надеюсь на вашу порядочность.

Оба помолчали, потом Заборов спросил:

— Я могу вернуться домой?

— А почему бы и нет? Оформите документы и через неделю выедете.

— Они мне не дадут выехать.

— Кто?

Заборов вздохнул:

— И потом, там ведь меня посадят.

— Какой прок Советской власти держать вас в тюрьме? Лес валить ума не надо, а на свободе вы больше принесете государству пользы.

Заборов свернул за угол парфюмерного магазина, принадлежащего фирме Чурина. Прошел на Новоторговую. Слева показался кирпичный трехэтажный особняк, окруженный металлической изгородью. В нем размещалось советское консульство. Металлические прутья местами погнуты и выломаны, у ворот валялась кукла в красноармейском шлеме. Из ее распоротого брюха высыпались опилки, и сотни ног разнесли их по мостовой.

Вчера сотрудник второго отдела БРП князь Капустин предложил Заборову побывать на Новоторговой и посмотреть, как будут потрошить советское консульство.

В одиннадцать утра он и Капустин стояли на удобном месте: высоким крыльце закрытого гастронома. Капустин, кривая тонкие губы, цедил:

— Сегодня им пустим юшку... Так пустим... — и в волнении хрустел пальцами.

Глядя на рабочих, тройной стеной заставших перед консульством. Заборов восхищался их спокойствием. Ему импонировали эти парни, пришедшие на свой страх и риск защищать представительство Советской страны, несмотря на то, что завтра против них начнутся репрессии. Вдоль плотных шеренг уже сновали шпика, китайских же блюстителей порядка не было видно.

Вскоре рысью прибежала колонна студентов в черных гимнастерках с широкими поясами. С четверть часа гремели барабаны, нагнетая атмосферу тревоги. Ставки помещения консульства были наглухо закрыты, а створки ворот стянуты цепью. Особняк, казалось, вымер. Но вот барабанная дробь смолкла и сразу же раздалась дикие вопли, свист, улюлюканье и ругань. Уже пылала набитая опилками кукла. Заборов с первого взгляда мог определить бывших офицеров и солдат, менее суетливых, действовавших продуманно и расчетливо. Шеренги рабочих сжались в ту-

гую пружину, готовые защищаться всерьез и отчаянно. И вдруг снова грянули барабаны. Капустин вцепился в плечо Заборова:

— Т-так их с-сукиных детей. Бейте красных, братцы!

Заборов оторвал его руку от своей и отступил. Подбадривающий крик Капустина никто не мог услышать в сплошном гуле ярости, и тогда он, вынуд из кармана кастет и как-то скособочившись, выбрасывая по-женски в сторону длинные ноги, кинулся в самую гущу. Через несколько минут бушующая толпа выплюнула его уже изрядно помятым, с разбитым лицом. Капустин упал на тротуар, бормоча: «Я свой! Я свой!» Хотел было резко вскочить, но усатый детина с физиономией унтера не мог проскочить мимо удобного момента поддеть поверженного пинком. Издав утробный звук, Капустин снова упал на четвереньки. «Дурак», — подумал Заборов. Капустин всхлипывал:

— Они меня, негодяи, приняли за красного. Я им... позвольте, позвольте, Леонтий Михайлович. Я этого не оставлю!

Заборов ушел один, не досмотрев, чем кончится бой.

...На мостовой до сих пор темнели засохшие пятна крови. Газеты сообщили об инциденте скупно, но можно было догадаться, что белогвардейцы потерпели поражение. Если вчера Заборов смотрел на схватку с досадой, то сегодня его не покидала мысль о тех, кто тройной шеренгой встал на защиту тех, кто олицетворял здесь Страну Советов.

Город утонул в сырости, тянувшейся с Сунгари.

Ноги сами принесли его к шинку «Морозко». Вечерами здесь за стаканом водки собирались писатели, поэты, околотературная публика. Здесь спорили, гадали о будущем, плакались в жилетку и скандалили.

— Осталось немного. Это, господа, почище Октября будет. У-у-у... Бриан так и сказал Чичерину, мол...

— ...Такие, как Борис Каверда, являются движителями истории. Да, да! И не спорьте! Войков не последний. Мы здесь ублюдничаем, а там действуют.

— А кто вам мешает? Гранату в карман — и снова на Новоторговую. Глядишь, и в историю войдешь.

— А вы не ерничайте! Я только вчера там работал.

— Легче стало?

— А идите вы...

— ...Золя, Золя! Да он Чехова за пояс заткнет. Осталась одна глава. Так и называл «Белые и красные». Талантище! Сто тысяч франков!

— ...Кровь стынет в жилах, когда доходишь до этих строк: «И словно к сердцу прикоснулось холодное тело гадюки...»

К Заборову неслышно подошел официант.

— Что закажем?

— Нет, ничего. — Он поднялся и направился к выходу. Захотелось побыть одному, поразмышлять. Перед глазами стояли шеренги рабочих и перед ними беснующаяся толпа.

Харбин. 23 июля 1927 г.

У верстового столба по дороге в Чанчунь Лескюр увидел нахохлившуюся фигуру в плаще с поднятым воротником. Лескюр проскочил мимо, затормозил и дал задний ход.

— Леонтий Михайлович? — спросил он, вытаскивая губами сигарету из пачки.

Заборов минуту-другую изучал Лескюра, потом решительно обошел автомобиль спереди и сел рядом.

— Господин Бойчев передал, что вы желали встретиться со мной. Как вы сюда добрались?

— На поезде.

— Ах да. Тут ведь неподалеку станция.

— Да. Куда мы сейчас?

— Куда хотите.

— Так, значит, вы и есть тот, кого ищет Бордухаров?

— Я не знаю, кого он ищет.

— Резидента советской разведки.

За лесом виднелось полотно железной дороги, круто уходящей на юг. Над железнодорожным составом, медленно ползущим, сверкая остеклением кабины, кружился аэроплан.

— Германского производства техника, — сказал Заборов. — У них тут неподалеку аэродром, где аэропланы собирают. Инструкторы немцы, а летчики китайцы.

Лескюр мельком взглянул в сторону железной дороги.

— Вы действительно француз?

— А разве это меняет дело?

— Вы правы.

Лескюр пытался завести мотор, но безуспешно.

— Празая свеча заплывает.

— Вы что, механик?

— Нет. Просто это машина моя. Ее купил у меня через Мусатова недели две назад молодой поляк.

Лескюр весело рассмеялся. Глядя на него, рассмеялся и Заборов. Он вылез и сам прочистил свечу.

— За лесом военный пост, — предупредил он.

— А мы туда не поедем. Мы свернем в лесок.

Автомобиль запрыгал по неровностям дороги. Остановились на небольшой полянке, густо поросшей ярко-красными лилиями.

— Скажите, вы действительно верите в эту авантюру с лотерейными билетами?

— Вы с первого раза слишком много хотите от меня. Я и так перед вами как на ладони.

— Извините.

— Гамлет — чья работа?

— Это подставка Бордухарова. После этого он отвязался от вас.

— Тогда зачем его устроили?

— Чтоб придать достоверность этой провокации.

— А его брат Мефистофель?

— У него действительно был брат. Но погиб еще в восемнадцатом.

Лескюр снял с баранки руки, стянул перчатки.

— Давайте пройдемся.

Из-за туч выглянуло солнце. Заборов снял плащ и бросил его на сиденье.

— На все идут, негодяи. Вот вам метод их работы. Если вы думаете, как мне сказал Бойчев, что в розыске вашей семьи мы приняли участие для того, чтобы затолкнуть вашу агентурную сеть в Японию, то ошибаетесь. Мы обратили на вас внимание только потому, что вы близки к антисоветскому центру белой эмиграции. Прежде чем предложить работу на советскую разведку, вас изучали и пришли к выводу, что внутренне вы далеки от Семенова и иже с ним. И продолжаете жить по инерции. Вы тяготитесь своими обязанностями. Разве я не прав?

Заборов нагнулся, сорвал цветок. На вопрос не ответил.

— Немаловажную роль сыграло и то, что вы кадровый разведчик. О вашей трагедии с семьей узнали совсем недавно. Мы поняли сразу, кто стоит за этой фальшивкой. Они купили ее у наркомана Лу-

нева, который никогда не был шкипером. Мусатов нашел Лунева. Тот сознался в лжесвидетельстве. О посещении Мусатовым Лунева кому-то стало известно. И Лунева убрали. Затем они принялись охотиться уже за Мусатовым, боясь, что Мусатов разоблачит всю эту гадкую историю. Вам он этого не говорил. — Лескюр промолчал. — Так что если вам не чужды интересы Родины, народа, то помогите нам.

— Если вы пошли на то, чтобы расконспирироваться передо мной, а я понимаю, чем вы рискуете, значит, вы уверены в моем согласии. И вы не ошиблись, господин Лескюр. Я буду служить моей Родине и моему народу. Хотя многого я еще не понимаю. Надеюсь, ваши товарищи помогут разобраться. В чем будет заключаться моя работа?

— Косьмин и его компания создают под крышей БРП кулак из антисоветских организаций, партий и союзов. Пока шла драчка за власть, толку от БРП было мало. Но с созданием блока положение меняется. Это будет для нас уже серьезный противник. На его финансирование пойдут все кому не лень. И наша задача не дать им слиться.

— Понял вас.

— Вот, пожалуй, Леонтий Михайлович, основная ваша задача.

Они долго молча ходили по лесу, каждый думая о своем. Лескюр думал о том, что, согласившись на встречу с Заборовым, поступил правильно, хотя Бойчев и возмущал. Заборов волновался. События последних дней потрясли его, и тем не менее он наконец обрел то душевное равновесие, которого не хватало ему все эти длинные и тяжелые годы. А вместе с ним он приобрел и жажду жить. Непередаваемое чувство благодарности охватило его к этим людям, которые до недавнего времени стояли по другую сторону баррикады и которых он совсем не знал. Незолые слезы подкатили к горлу и мешали говорить. Справившись с собой, он сказал, что Бордухаров предлагает ему возглавить отряд и рейдом пройти в район Тернового, где находятся основные силы готовящегося мятежа.

— Соглашайтесь, — посоветовал Лескюр. Заборов с удивлением и недоверием посмотрел на него.

— Я серьезно. Соглашайтесь. — И пояснил свою мысль: — После перехода гра-

ницы мы представим вам возможность встретиться с семьей. Жена и дети очень ждут вас, Леонтий Михайлович.

Харбин. 29 июля 1927 г.

— Они сядут в Ханчуне или в Чимбао. А может быть, в Ляофу.

— Вы уверены?

— Пожалуй, — согласился Дзасохов и пустил дым в сторону от некурящего Бордухарова. — Если эти дебилы снова не выкинут какой-нибудь финт.

— Вы кого имеете в виду?

— Вестимо кого. Щекова да его дурачка Гришку.

— Ваша выучка.

— Вы необъективны.

— В наше время единственный человек, дающий объективную оценку, — это врач. Ну ладно, что дальше?

— Щеков с этим придурком сядет в Бильбао. Купе забронировано.

— Почему в Бильбао, а не в Харбине?

Дзасохов, дольше, чем приличествовало, задержал взгляд на Бордухарове.

— Потому что ОГПУ — есть Объединенное Государственное Политическое Управление. Политическое. А не царская охранка с мякинными головами. Они приучены думать.

— Ну бог с вами. — Бордухаров поморщился. — Валайте дальше.

— А дальше все. До Пограничной дело будет в шляпе.

— Почему не после Пограничной?

— Почему, почему... — Дзасохов бросил карандаш, которым чертил на салфетке. — Потому что на Пограничной к Мусатову, вероятно, подсядут курьеры из тамошнего консульства.

— А если его будут сопровождать до Пограничной? — не сдавался Бордухаров.

Дзасохов, соображая, захрустел пальцами. Бордухаров посмотрел на его белые пальцы и свои, толстые, покрытые жесткими рыжими волосами.

— Они могут приставить охрану.

— Бульдог сразу поймет.

— Если попадетса, пусть сам выкручивается. Я больше не буду за него унижаться. Надо было поручить Миловидову.

— Он же у Лошакова.

— Ну и что?

Дзасохов покрутил завод наручных часов. По его расчету и если верить рас-

писанию, которого китайские железнодорожники не хотели понимать, то поезд подходил к Ляофу, где по первому предположению должен сесть Мусатов.

Хшановский завел остин в гостинный двор, не включая фар, заглушил мягко работавший мотор. Не снимая ладоней с баранки, посмотрел на часы.

— Вот и приехали, — сказал он. — Сто сорок миль накрутили. Еще один бросок — и вы дома. — Он глубоко вздохнул и повернулся к Мусатову: — Никого не впускайте, закройте сразу, и ни гугу. В случае чего — стукнете. — Поискал по карманам спички, прикурил. — На Пограничной к вам подсядут наши.

— А как же вы?

— За меня не беспокойтесь. Я буду вашим соседом. До Пограничной.

Мусатов погладил спящую Наденьку.

— Главное, не волнуйтесь.

Гостинный двор находился в стороне от центра. Звенели цикады, и наперебой гортанили лягушки, воздух — густой, насыщенный запахом полыни.

Ежи потрогал приклеенные усы и борродку, взял с сиденья котелок, повертел его в руке и шутовски нахлобучил на голову. Сходил куда-то минут на пять, вернулся.

— Это я насчет машины. Хозяин спрячет. Идемте. Наденьку я сам понесу. Ишь уморилась как. — Девочка, не просыпаясь, зачмокала губами и задышала Хшановскому в шею. Хшановский прижал ее к себе, радуясь детскому теплу.

Они вошли в тень слабо освещенной керосиновым фонарем платформы. Фонарь раскачивался под мягкими порывами ветра. Вдалеке показался белый глаз поезда, и через минуту, тяжело отдуваясь, он остановился. Хшановский передал девочку Мусатову, подождал, пока паровоз окутается паром, и вскочил уже на ходу.

Проводник провел Мусатова до купе, толкнул дверь ногой.

— Вот тут и располагайтесь. Чайку не желаете?

Мусатов вспомнил предостережение Хшановского и отказался, хотя очень хотел горячего чаю, потому как его тряс мелкий нервный озноб. Запершись на защелку, он постоял у двери, укрыв байковым, пахнущим хлоркой одеялом Наденьку. Сел, сложив на коленях руки, прикрыл глаза... «Домой... домой... — билась единственная

мысль.— Неужели домой?! Домой... домой...» Он не думал, что будет делать во Владивостоке и как его примут. Только бы пересечь границу. Спать не хотелось. Неожиданно проснулась Наденька, позвала:

— Дед!

— Ты чего? Спи!

— Дед, где это мы?

— В поезде.

— А куда мы едем? — Она терла кулачками глаза, зевала.

— Домой едем. — Мусатов подсел к ней, легонько надавил на плечи: — Спи. Ночь еще.

— А я уже выспалась. — Посмотрела на Мусатова круглыми от темноты глазами: — Включи свет, а то страшно.

— Нельзя включать. В вагонах ночью не включают.

— Я писать хочу...

— О господи, потерпи немножко, — зашептал Мусатов. — Хочешь я тебе про Берендея расскажу?

— Расскажи, — согласилась Наденька.

Мусатов пожевал губами:

— Значит, так... Жил-был Берендей...

— У него какие глаза, узкие или как у нас?

— Узкие, ты лучше зажмурься и спи, а я буду рассказывать.

— Нет, пусть как у нас.

— Ну пусть.

— Значит, жил-был...

— Дед, я все равно писать хочу...

— И что мне с тобой делать? Ну потерпи. Нельзя нам выходить, Надюш.

— Я опишусь, и ты потом накажешь меня.

— Не накажу.

— Так не бывает.

Мусатов осторожно открыл дверь, прислушался и, взяв девочку за руку, неслышными шагами повел ее в конец коридора.

В коридоре стоял запах табачного дыма. Сзади что-то стукнуло. Он обернулся, но ничего не заметил.

До Муданьцзяна Щеков не выходил и даже не вставал с полки. Остаток дня он проспал, а ночь бодрствовал. Только раз сходил в туалет и снова упал на постель. Гриша стонал во сне, пытался плакать, Щеков, не подымаясь, пнул его. Гриша повернулся на бок и тоскно засвистел крупным носом. Щеков остро завидовал Грише, его тупости и бычьему здоровью. Здоровье всегда от тупости, считал он. А ту-

пой живет сегодняшним днем, ему бы пожить, потом бабу, потом спать. А тут думать до боли в мозгах о будущем. И не столько о себе, сколько о других. То о их жизни, то о их смерти. А Грише что, свистит в две дырки, а мозгами шевели дядя. С Гришей Щеков чувствовал себя спокойнее и увереннее, чего ему не хватало, тот дополнял. И побои Гришка переносил легче. Ведь молотили от души, а как с гуся вода. Кожа у него такая дубленая, что ли? Из заднего кармана брюк Гриши под задравшимся пиджаком торчала рукоятка пистолета. Щеков отвернулся. Поезд затормозил на каком-то полустанке. В предутреннем небе растворились потерявшие свой полуночный блеск звезды.

До Пограничной оставалось езды час с четвертью.

Щеков свесил с полки ноги в пахнущих скипидаром носках, пошевелил влажными пальцами. Чем ближе подходило время, намеченное для акции, тем больше волновался. Закурил, почувствовал горечь от дыма, немного успокоился. Глухо стучали колеса, каждым ударом считая секунды, минуты. Докурив папиросу так, что запахло горелой бумагой, Щеков зашнуровал ботинки. Уперев горячей лоб в мелко дрожащее стекло, постоял. Потом растолкал Гришу.

— Что? — подскочил Гриша, хватаясь за пистолет.

— Ничего. Скоро Ляофу.

— А...

Щеков поднял форточку. В купе ворвался теплый и влажный ветер. Высунув голову, стал на носки. Вдали светился фонарь. Платформа пустовала. Только от паровоза отошел человек с жезлом. «Значит, не здесь, — отметил Щеков. — Неужели в Чимбао?»

Гриша почесывался, сипло зевал.

«Вот нервы... — завидовал Щеков. — Ему убивать, а он рот раздирает».

— Иди поброди немного. Может, чего узнаешь.

Гриша ушел. Щеков вынул из подвесной кобуры пистолет, взвел курок и снова сунул в кобуру. Закурил. Гриша вернулся, тяжело дыша:

— Тута они!

Щеков поднялся.

— В третьем купе. Своими глазами видел. С ним еще эта... как ее... Ну...

— Девочка, что ли?

— Во-во! Она.

«Значит, в Чимбао сели».

— Пошли, — решительно сказал Щеков, одергивая просторный скюртук.

Хшановский приоткрыл дверь. Мимо промелькнуло платице Наденьки и тут же раздался полный ужаса ее крик:

— Д-е-е-да! А-аа...

Рывком выскочив за дверь, Ежи увидел, как с другого полувагона с девочкой на руках бежит Мусатов. Тут же хлопнул выстрел, и Мусатов запетлялся, схватился за стену и медленно опустился. Хшановский отпрянул от нового выстрела. Гришка схватил Наденьку и, зажав ей рот, отступал.

— Отпусти ребенка, пся крив! — закричал Ежи и, втянув голову в плечи, бросился под ноги Гришке. На какое-то мгновение в поле его зрения попало бледное лицо Щекова. Гришка отступил к двери, ведущей в тамбур, еще раз выстрелил. Пуля вырвала клоч ваты с плеча Хшановского. Гришка отшвырнул обеспамятевшую девочку, затруднявшую движение, и тут его настигла пуля.

Хшановский перескочил через труп Гришки. Щеков выскочил на подножку вагона, намереваясь выпрыгнуть, но поезд уже грохотал по железнодорожному мосту, и он, по-обезьяньи перебирая руками, вскарабкался на крышу. Щеков был уже на середине вагона, когда следом взобрался Хшановский.

Из оперативной сводки

«...Раненый гр. Мусатов в бессознательном состоянии и с ним девочка по имени Надя, шести лет, помещены в больницу. Труп неизвестного гражданина изъят из вагона и доставлен в морг. А также два трупа неизвестных граждан были обнаружены на крыше вагона и тоже сняты и доставлены в морг для дальнейшего опознания...»

**Владивосток.
29 июля 1927 г.**

Гонимый страхом, Воротников на пятые сутки добрался до заимки Христоня Коряво — свата Изота Ньюхова. Заимка находилась в таежной глухомани, в двадцати намерянных верстах от границы. Шли дожди, и Воротников простуженно бухал, всякий раз закрывая рот ладонью. Он боялся

разводить костер, чтоб обогреться и просушить одежду. Восемь лет назад в этих местах ему доводилось гулять с особым офицерским отрядом, выискивать базы партизан, и потому тайга не казалась ему чужой. Отощавший и обросший до неузнаваемости, он, оглохнув от одиночества и тоскливых мыслей, жил единым и острым желанием отоспаться и поесть. Когда увидел избу с банькой в конце огорода, из щелей которой струился дым и низко стлался по земле, в горле вдруг вздулся горячий комок, и Воротников, прижавшись к обросшему мхом старому дубу, не сдержался, заплакал.

Изот неделю бражничал у свата, опух от медовухи и уже собрался возвращаться к Мамонтову, пожелав перед трудным переходом выпарить из себя всю сырость, чтоб в дороге через сопки не потеть. В этот раз он притащил Христоня две штуки китайского шелка с дивными рисунками, и потому Христоня упреждал все желания свата.

Через минуту Воротников, забросив под лавку рюкзак, в кальсонах и нижней рубахе, стоял, прижавшись лопатками к горячей печи, ощущая, как через нагретые камни в него входит тепло; блаженно зажмурив глаза, шептал:

— Господи, благодать-то какая... Благодать-то... Думал, не доберусь. — И тихо, счастливо засмеялся.

Изот молча изучал гостя, а Христоня суетился, собирая угощение.

— Было не признал вас, васьбродь. Гляжу, извиняюсь, рожа как у лешака. Только и признал по голосу. Сколь воды утекло, — тараторил Христоня, присвистывая еще в молодости выбитым зубом... — Велика Расея, ан дорожек-стежек, видать, мало у нас, что люди-то и встречаются. И когда карусель эта кончится, чтоб все как у людей? Чтоб добрых гостей не встречать ружьем. — Христоня чуть не застрелил Воротникова, приняв его через зелень за медведя. — Мы вот со сватом тут маракуем, за что русскому мужику такая планида получилась?

— И за что же? — с интересом спросил Воротников, отрываясь от своих дум и ознобно посмеиваясь.

Христоня нес к столу жбан медовухи, остановился.

— Да с нашим умом рази разобраться? На что Дитерихс голоза, и тот отступился. Тут мозги из золота нужны, чтоб

весь мир поделить так, чтоб каждому не в обиде остаться.

— Оно так, — согласно кивал Изот, не вмешиваясь в болтовню Христоня, который еще по молодости в деревне всех удивлял своей ученостью, что приобрел в одном классе церковноприходской школы, из которой «убег» с вислоухом (поп оборвал за вертлявость, так в деревне и прозвали Христоню Собачьим Ухом).

— Никогда не будет этого, чтоб всех довольством наделить. А если б случилось такое, то процесс развития человечества замер бы. Пока потребность будет опережать возможность, общество будет двигаться вперед. Таков закон природы. И в этом правда жизни, и за нее надо драться.

— Дихтерис тожить так думал, как ты?

— Дихтерис, конечно, думал. Только не тем местом.

Христоня молчаливо не согласился, потому как Дитерихс для него оставался пределом человеческого ума. Весной двадцать первого Христоня оказался во Владивостоке и видел коронацию генерала. Сверкая парчой, в доспехах, «принадлежащих Ермаку», Дитерихс клялся на верность России и, ползая на четвереньках, целовал неровно разбросанную вокруг цирка землю, якобы еще не топтанную интервентами и привезенную откуда-то из-под Никольска-Уссурийского. С того времени генерал покорило воображение Христоня.

Отправляясь в баньку, Воротников захватил с собой и рюкзак, а вернувшись, снова задвинул его под лавку.

Уже стемнело, когда Изот и Воротников ушли в сторону границы. Изот шел легко, привычно. Воротников еле поспевал и через час так вымотался, что запросил отдыха. Изот неохотно согласился на привал, умело, без дыма развел маленький костерок — подсушить онучи. Воротников разулся, протянул к огню мокрые ноги.

— Много еще топтать?

Изот косился на рюкзак, который Воротников не выпускал из рук. По опыту он знал, что из России просто так не бегут, а прихватывают на черный день золотишка.

— Не терпится?

— Устал я здесь, — с чувством произнес Воротников. — Волю хочется почувствовать. Чтoб не вздрагивать от тележного скрипа. — Его нет-нет да грызла совесть,

что удрал, не предупредив об опасности Полубесова. Но тут же успокаивал себя, мол, побежал бы к Полубесову, а там цап за холку — и в конверт. Раз ГПУ напало на след, тут уж спасайся кто как может. По-настоящему ему надо было уходить еще раньше, после той истории с рижим немцем и фальшивыми банкнотами. А ведь чуть не влип. Если бы не задержался у проходной с Васьковским, то уже не тут сушил бы портянки. А заператься бы он не стал. Повезло.

Затопав костер, Нюхов протянул руку к рюкзаку:

— Давай помогу, задохнешься ишшо.

— Нет-нет. Я сам, — не дал Воротников. — А если напоремся на погранохрану?

— Много будешь трепаться — напоремся. — Изот вскинул на плечо берданку.

— Ну, ходи. Отлежался, теперя ноги в руки — и айда.

Воротников потерял счет времени и пройденным верстам. Ему казалось, что крутятся они на одном месте. Перевалили две сопки, спустились в долину, миновали болото. Нюхов каким-то чутьем находил одному ему известную тропинку в крошечной темени полуночи. Воротников то отставал от него, то, напрягаясь, догонял, обливаясь соленым потом и тяжело дыша. Изот не оборачивался, ступал мягко, как лесная кошка, и Воротников завидовал его выносливости. Время от времени Изот останавливался, как слепой ощупывал кору дерева, смотрел в черное, без единой звездочки небо и опять уверенно шагал. Один раз он с усмешкой бросил:

— Не издох ишшо?

Воротников промолчал. У него просто не хватало дыхания ответить. Под ногами снова зачавкало. Они шли значительно медленнее, уже с трудом вытягивая из трясины ноги. Воротников измотал остатки сил и готов был тут же упасть, лишь бы не двигаться, лишь бы хоть на минуту замереть. И когда Воротников, стиснув зубы, потеряв чувство реальности, выдерживал ногу из сапога, оставшегося в болоте, ушедший далеко вперед Нюхов ступил на твердую землю и выдохнул:

— Шабаш. Перекур.

«Командиру погранзаставы тов. Горячеву. 24 июля сего года в трехстах саженях от линии государственной границы мною и красноармейцем Гвоздухиным обнару-

жен труп неизвестного. При нем найден вещевой мешок без содержимого. При тщательном осмотре было определено, что человек убит ножом в спину под левую лопатку.

Старший погранотряда Хомченко».

Шанхай.

22 августа 1927г.

Город похож на огромную пещеру, разукрашенную праздничными огнями, цветными фонариками. Лескюр вел легкий на ходу и верткий пежо по набережной Ванг-Пу, когда обратил внимание, что за ним неотрывно идет мощный паккард с заляпанным грязью номером. Такие машины имелись на вооружении политической полиции чанкайшистов, осуществлявшей слежку за иностранцами и лицами, неполяно относящимися к режиму. Он попробовал оторваться, но паккард мгновенно нарастил скорость, и Лескюр отказался от попытки уйти, чтоб не действовать им на нервы.

На скорости двадцать пять миль проскочили мост через Сучжауский канал. По левую сторону Ванг-Пу, самой оживленной улицы даже ночью, высилось серое четырехэтажное здание старинной архитектуры с высокой угловой башней. В этом здании в 1924 году было открыто советское консульство. В тот день красный флаг с серпом и молотом развевался на ветру, оркестр исполнял Марсельезу, Ванг-Пу род¹ запрудили тысячи зевак, среди которых было и немало русских. Под защитой полицейских выступил консул. Это было пятого декабря. А через два года аппарат советского консульства после бесчинства китайцев вынужден был покинуть Шанхай. Тогда здесь под вывеской «Ин корпюре» разместилась белогавайская организация, занимавшаяся изготовлением брошюр антисоветского содержания.

Лескюр прижался к бордюру напротив фешенебельного отеля «Астор хауз», залитого ярким электрическим светом, втиснул автомобиль между элегантным ситроеном и тупорылым японским хондой. Маневр этот Лескюр проделал так быстро,

что паккард заюлил, прошел по влажному асфальту юзом, воя тормозами, проскочил метров пятнадцать и замер, недовольно урча. Лескюр неторопливо вылез, взял корзину с бутылками вина и фруктами, запер дверцу на ключ и вошел в подъезд рядом стоявшего заведения мадам Витгофф. Подарив швейцару пачку американских сигарет, через минуту вышел черным ходом на Чапурод, сел в плимут под номером 22-19 и на большой скорости пошел вдоль обратной стороны «Астор хауз», свернул под прямым углом, выехал снова на Ванг-Пу, прошел мимо паккарда с двумя пассажирами на заднем сиденье. Он торопился и поглядывал на часы. До встречи оставалось немногим больше четырех минут. Еще раз проверив, нет ли хвоста, Лескюр сбавил скорость и свернул на улицу Сикхи, редко освещенную огнями. Возле универсального магазина, принадлежавшего компании «Макс энд Глори», притормозил. В тот же миг хлопнула дверца задней кабины. Заскрипели пружины под тяжестью тела. Лескюр крутнул баранку, уводя автомобиль в темный проулок.

— Здравствуй, Андрей Васильевич, — послышалось из-за спины. — Я уж думал, что случилось. Испереживался весь.

— Здравствуй, Петр Авксентьевич. Извини, пришлось немного покрутиться.

— Хвост?

— Да что-то похоже. Привязались, на силу удрал. Ты уж извини.

— Ничего, я привык. Тебе привет от Полынникова. А вот от жены, — он подал конверт, и Лескюр, не оборачиваясь, через плечо взял его.

— Спасибо.

— Твоя информация о «Меморандуме Танака» подтвердилась. В Токио конфискован весь тираж «Емиури». Там всего одна строчка была о меморандуме. То же самое постигло и «Асахи». Американцы уже охотятся за ним...

— Ты хочешь предложить мне вступить в союзяния?

— Не я, а Центр. Меморандум подписан императором. Японцы везде трезвонят о своем дружелюбии, а на деле вон что получается. Потому и договор о ненападении не хотят подписывать. В общем, надо добыть этот документ, чтоб показать их лицо всему миру. Мы надеемся на тебя, Андрей.

Лескюр хотел спросить, а как же с обе-

¹ Одна из центральных улиц Шанхая.

щением Полынникова об отдыхе, но не спросил. Вспомнил Хшановского. Как его не хватает. Ах Ежи, Ежи... Пся крев.

— Помощника дайте.

— Дадим. Что для Центра?

— Вот это, — Лескюр передал пакет. — Там сведения о всем, что здесь творится, и мои размышления по поводу переговоров Чан Кай-ши с Японией и США. Ду-

маю, вскоре японцы с позволения супердержав бросятся на Маньчжурию. Наступит великий дележ.

Впереди на перекрестке замигал стоп-сигнал грузовика.

— Ты его не обгоняй. Мне пора. Вот тут притормози. Спасибо. До встречи.

— До встречи. Корзину на всякий случайхвати. Мне она уже не понадобится.

И. Гамзин

По следам банды

После освобождения Приморья от интервентов и белогвардейцев в 1922 году органы ВЧК—ОГПУ сосредоточили свои усилия на борьбе с контрабандой, которая в те годы получила довольно широкий размах и своим острием была направлена на подрыв экономики молодой Советской республики. Для борьбы с контрабандистами из числа чекистов и партийного актива были созданы специальные оперативные группы, в одну из которых входил и автор этих воспоминаний.

Не имея опыта борьбы с контрабандистами, не зная особенностей их подрывной деятельности, оперативные группы в основном прибегали к организации засад, которые, как правило, готовились и проводились после получения достоверных сведений о предстоящем передвижении контрабандистов через границу. Надо было обладать храбростью и мужеством, выдержкой и выносливостью, смекалкой и хитростью, чтобы задержать большие группы контрабандистов, в составе которых имелось немало мастеров своего «дела». Порою приходилось не спать по нескольку ночей кряду, чтобы выполнить задание. Погони на лошадах и перестрелки, рукопашные схватки с контрабандистами были в то время обычным явлением.

Так, в конце 1924 года оперативной группе вместе с приданным ей небольшим отрядом пограничников пришлось выдержать настоящий бой на окраине Никольска-Уссурийского с превосходящими силами контрабандистов, которые двигались в город на санях в сопровождении кавалькады вооруженных всадников. Успех боя решили хорошее знание противника, в стане которого находился опытный разведчик, тщательная подготовка операции и смелые действия чекистов.

Другой случай. Осенью 1926 года оперативной группе, состоящей из трех человек, с целью поимки двух контрабандистов было поручено организовать за-

саду вблизи села Фаддеевки. Замаскировавшись вместе с лошадьми у стога сена, группа прождала всю ночь и лишь к утру увидела двух всадников.

Контрабандисты тоже обнаружили чекистов и бросились в разные стороны. Одному из них удалось доскакать до окраины села и скрыться там в одном из домов. Второй же оказался в ловушке и был вынужден сдаться. После изъятия контрабанды и составления протокола контрабандист был отпущен под расписку.

Спустя некоторое время, когда оперативная группа запрягла лошадей и приготовилась к возвращению на заставу, произошло непредвиденное. Чекисты обратили внимание, что со стороны леса к ним движется разъяренная толпа мужчин и женщин — не меньше 40 человек. Я дал указание своим коллегам сидеть в телеге и приготовиться к бою, а сам вышел навстречу. Не доходя 25—30 метров, под угрозой применения оружия, приказал остановиться и заявил, что являюсь сотрудником ОГПУ и готов выслушать их. Один из мужчин вышел вперед: по какому праву, спросил он, были обстреляны и ограблены два ни в чем не повинных человека. Я объяснил, в чем дело. Народ успокоился. Выяснилось, что стихийное выступление толпы в защиту контрабандистов было спровоцировано местными кулаками.

Конечно, не всегда операции по поимке контрабандистов заканчивались успешно. Так, например, летом 1928 года оперативная группа из пяти человек была направлена к станции Галенки, куда ожидался из-за границы выход контрабандистов с ценными товарами. Двое суток, не смыкая глаз, мы контролировали все тропы, идущие от границы к станции, готовясь к встрече. А в конечном итоге сами попали в засаду, устроенную кулацкой бандой Литовченко. Пришлось выдержать жестокий бой. После того как один из оперработников был убит и стало ясно, что банда довольно многочисленна и хорошо воору-

жена, мы отступили. Позже банда была полностью ликвидирована.

Это только отдельные эпизоды из множества боевых операций по борьбе с контрабандистами, но и они довольно убедительно характеризуют сложность той обстановки, в которой приходилось работать первым чекистам Приморья.

К весне 1929 года за границей активизировало контрреволюционную деятельность против Страны Советов белогвардейское отребье во главе с атаманом Семеновым, поставившим своей целью поднять на Дальнем Востоке вооруженный мятеж. В мае на территорию Приморья была заброшена крупная белоказачья банда под командованием полковника Мохова, в состав которой входили бывшие офицеры. Используя недовольство кулацких и антисоветских элементов в связи с наступлением партии на частную собственность в городе и деревне, эта банда готовила почву для широкого антисоветского выступления. Мохову удалось проникнуть в глубь территории края. Продвигаясь по уссурийской долине, бандиты убивали коммунистов и комсомольцев, представителей Советской власти, портили телефонную и телеграфную связь, сеяли панику среди местных жителей.

По решению партийных органов, для ликвидации этой банды областной отдел ОГПУ совместно с советскими органами создал оперативные отряды, в которые кроме чекистов входили партийные и комсомольские активисты, бывшие партизаны Владивостока и Уссурийска.

Установив пути движения банды на базы отдыха, отряды в сравнительно короткий срок сумели блокировать бандитов.

При первой же стычке с головной группой был убит адъютант Мохова, и к нам попала вся хранившаяся при нем документация — в частности, списки пособников и явки. Лишившись поддержки, банда оказалась деморализованной. Чтобы легче было пробиться к границе, она разбилась на мелкие группы. С учетом сложившейся обстановки оперативные отряды действовали четко и слаженно, контролируя все пути отхода, и в течение полутора месяцев благодаря большой помощи населения банда была ликвидирована.

* * *

Теплой и благоприятной весной 1930 года в Шкотовском районе стала действо-

вать новая вооруженная банда, которая с первых же дней своего существования доставляла много неприятностей местным жителям и особенно активистам. Было установлено, что главарем ее является бывший крупный кулак Куксенко. Ему удалось привлечь к враждебным действиям против Советской власти более сотни крестьян из числа кулаков и середняков.

Располагая широкими родственными и иными связями в районе, и прежде всего в Романовке, Царевке, Петровке и некоторых других, банда Куксенко была особенно опасной. Первые попытки оперативных отрядов разгромить ее путем преследования и засад закончились неудачей. Например, в конце апреля 1930 года бандитам удалось перехитрить чекистов и в Нововасильевской долине уничтожить оперативный отряд во главе с Сосиновичем.

Обстановка требовала иных методов борьбы с вооруженными бандитами. Учитывая, что среди них было немало людей запутавшихся, втянутых в банду угрозами и потому не уверенных в своей правоте, мы через родственников провели широкую агитацию с целью склонения их к явке с повинной. В результате около 50 участников банды сложили оружие, а среди оставшихся уже не было твердого единства. Около 20 человек из числа сложивших оружие вступили в оперативные отряды по борьбе с бандитизмом и боевыми делами испутили свою вину.

Однажды были получены данные о том, что группа бандитов во главе с Куксенко намеревается ночью прийти в село Нововасильково за продуктами. У мельницы, где ожидалось появление бандитов, была устроена засада. Из-за оплошности членов оперативной группы бандиты своевременно обнаружили засаду и после короткой перестрелки ушли. Тем не менее эта операция позволила выявить ряд сообщников.

На следующий день оперативному отряду, брошенному в погоню за ускользнувшей от нас группой бандитов, удалось настичь их. Но и здесь чекисты не сумели добиться полного успеха. В ходе завязавшегося боя несколько бывших бандитов, входивших в оперативный отряд, стали на путь предательства и помогли основной массе головорезов, в том числе и Куксенко, скрыться. Разумеется, предатели были арестованы, но делу это уже не помогло.

Вскоре стали поступать сведения о подготовке банды к уходу за границу. Для установления связи с представителями законных антисоветских организаций бандиты направили во Владивосток одного из сыновей Куксенко. Получив эти данные, чекисты взяли под контроль все пути отхода банды к границе, а оперативная группа во главе с Лихачевым сумела очень быстро арестовать сына Куксенко.

Готовясь к переходу границы, Куксенко дал задание некоторое время не проводить активных действий, чтобы не попасть в поле зрения чекистов.

В ходе борьбы с бандой у опытного чекиста Лихачева возникла мысль создать на базе оперативного отряда легендированную группу под видом банды, которую использовать в дальнейшем для ликвидации матерого бандита Куксенко и его приверженцев. Мысль эта нашла поддержку у руководства областного отдела ОГПУ, и чекисты немедленно приступили к ее реализации. С соблюдением строжайшей конспирации в отряд было отобрано 40 наиболее проверенных коммунистов и комсомольцев.

Под именем «атамана Хмурого» выступал командир отряда, а в качестве его помощника — «поручика Лебедева» был назначен чекист Лихачев. Согласно легенде, «банда» по заданию генерала Семенова якобы прибыла из-за границы, чтобы соединиться для совместных действий с белобандитами, находящимися на территории Приморья.

Для подготовки к операции и тренировки отряд на некоторое время ушел в глубь тайги, в верховья реки Стеглянухи, откуда стал совершать «набеги» в близлежащие села, создавая видимость бандитских налетов.

Тем временем опытный и проверенный человек был направлен в качестве связника к Куксенко. Для большей убедительности он вез для него пакет, скрепленный гербовыми печатями Семенова: «...лично атаману повстанческой группы господину Куксенко Афанасию». В пакете содержа-

лось письмо за подписью генерала с предложением действовать по инструкциям, полученным от «атамана Хмурого», который со своим отрядом якобы направляется на помощь повстанческой группе Куксенко.

После ряда «налетов» мнимой банды на села Венедиктовку, Смоличи и лесозаготовительный участок в пади Стеглянухи среди местного населения поползли упорные слухи о назреваемом контрреволюционном выступлении крупных антисоветских сил, о скором приходе из-за границы какого-то нового, хорошо вооруженного отряда. В этой игре чекистам приходилось проявлять максимум изобретательности и смекалки, чтобы не страдали от их «действий» люди, поддерживающие Советскую власть, и, вместе с тем, чтобы не получали поддержки враги.

Твердо руководствуясь этими соображениями, в селе Венедиктовке «атаман Хмурый» объявил, что генерал Семенов запретил ему грабить единоверцев, поэтому он обращается к истинным друзьям за помощью в снабжении продовольствием. На лесозаготовительном участке был инсценирован арест коммунистов и комсомольцев, чтобы изолировать их и уберечь от расправы со стороны антисоветских элементов.

Поверив в существование пришедшей из-за границы банды, Куксенко согласился направить для связи с представителем «атамана Хмурого» своего связника. Их переговоры прошли успешно. Казалось бы, задуманная операция близилась к своему завершению. Но полному успеху помешал случай. Кто-то из местных жителей опознал в одном «бандите» известного ему чекиста, и в округе быстро разнесся слух о том, что банда не настоящая. Пришлось немедленно принимать меры, чтобы окончательно не провалить операцию.

И хотя поставленной цели полностью достигнуть не удалось, все же в результате умелых действий чекистов было выявлено и обезврежено немало бандитов и их пособников. Впоследствии с бандой Куксенко было покончено.

А. Кузнецов

Лучшие годы моей жизни

С чего начать свои воспоминания? Наверное, этот вопрос задавал себе каждый, кто впервые брался за перо. Пожалуй, лучше всего начать с того момента, когда я, сын рабочего-бедняка, был призван в ряды наших славных бойцов-чекистов.

Было это полвека назад. Советский Дальний Восток находился в опасности. Во Владивостоке хозяйничали интервенты и белогвардейцы, на окраинах города бродили шайки бандитов и грабителей. Вся эта мразь, отказавшись признать Советскую власть, встала на путь открытой борьбы.

В ответ на это в городе развернулось освободительное движение. Начало действовать большевистское подполье. Коммунисты активно готовились к вооруженному восстанию.

Мне исполнилось 14 лет. Учился я тогда в третьем классе так называемого реального училища. Жила наша семья на горе Саперной в убогом глинобитном домишке, построенном отцом. Я хорошо помню, как поздней ночью к нам приходили какие-то люди, приносили винтовки, гранаты, патроны, о чем-то шептались с отцом и уходили. Я догадывался, что это большевики, но спросить отца боялся. Отец в то время работал сторожем на складе медикаментов. Каждый вечер он приносил домой бинты, вату, различные лекарства и прятал их в подполье. Я понимал, для чего это нужно, и ясно представлял себе, что предстоит бой с белогвардейцами и интервентами. Однако участвовать отцу в разгроме врагов революции не пришлось: его вскоре арестовали каппелевцы и лишь после продолжительных пыток отпустили под подписку домой.

Шел 1923 год. В связи с материальными трудностями в семье я вынужден был бросить учебу и пойти на заработки. Вначале продавал газету «Голос Родины», а затем работал кочегаром.

Однажды, при входе к дому, меня встретили два неизвестных гражданина и

предложили пойти с ними. Они проводили меня в здание ОГПУ, к начальнику оперативного отдела Давыдову. После непродолжительной беседы со мной он спросил о желании работать в ОГПУ. Я охотно согласился.

— Дело наше трудное, опасное, — сказал Давыдов. — Мы глаза и уши нашего молодого государства. Нам часто придется иметь дело с врагами, а поэтому для такой ответственной работы нужны настоящие солдаты: храбрые, выносливые, исполнительные. Кто боится, кто товарища подведет, кто ныть будет — тот нам не нужен. Так что ты подумай еще раз как следует, — закончил свою беседу Давыдов. Но я сразу твердо решил: буду работать в ОГПУ и, как отец, бороться с врагами нашей Родины.

Итак, с марта 1923 года я стал сотрудником ОГПУ. С этого времени для меня началась интересная, полная трудностей и неожиданностей жизнь.

После освобождения Дальнего Востока Красной Армией от интервентов и белогвардейцев в октябре 1922 года положение во Владивостоке было крайне тяжелым. Интервенты и белые оставили после себя подпольные контрреволюционные организации и резидентуры, состоящие из бывших лавочников, парикмахеров, портных и других мелких частных предпринимателей. В городах и селах Приморья действовали бандитские формирования и группы. Многолюдный Владивосток жил тревожно. Распоясавшиеся молодчики из банды главарей Молокиенко, Колбасы и так называемой «Шайки 21» среди бела дня останавливали на улицах мужчин и женщин, срывали с них драгоценности, обшаривали карманы, унижали достоинство человека своими наглыми выходками. Бандитские налеты на квартиры граждан города с целью грабежа стали обычным явлением.

Во Владивостоке сотрудники японского консульства вербовали агентуру из числа

предателей и разного отребья, создавали резидентские звенья для ведения подрывной и шпионской работы против молодой Советской республики.

В начале 1925 года начальник контрразведывательного отдела Коркин поручил мне провести мероприятия по пресечению попытки изменить Родине двух бывших белогвардейцев — прапорщика Конюхова и поручика Львова. Согласно инструктажу, полученному мною, Конюхов и Львов должны были выехать из Владивостока поездом в направлении Гродеково и, не доезжая до станции 7-й километр, на полустанке Хорватово сойти и через лес направиться к границе. В мою задачу входило вести наблюдение за их поведением в поезде, а на полустанке передать их сотрудникам ОГПУ.

На вокзале мне показали белогвардейцев. Они, соблюдая все меры предосторожности, не подходили друг к другу и делали вид, что незнакомы. В поезде они также ехали порознь. По прибытии на полустанок Хорватово Конюхов быстро выскочил из вагона и вначале медленно, а затем, ускоряя шаг, пошел к лесу. Следом за ним шел Львов. Убедившись, что меня никто из сотрудников ОГПУ не встречает, я забежал к диспетчеру станции и, предъявив документы, сказал, чтобы поезд не отправляли до моего указания, а сам бросился в сторону леса, где скрылись белогвардейцы. Они шли вместе. Приблизившись к ним и заняв удобную позицию, я выхватил наган и крикнул: «Ни с места, буду стрелять».

Полагая, что попали в засаду, Львов, а затем и Конюхов медленно подняли руки. Так я привел их к поезду и с помощью того же диспетчера посадил в отдельное купе, а сам залез на верхнюю полку, предупредив уже пришедших в себя белых, что при малейшей попытке к бегству или сопротивлению буду стрелять. Вначале они вели себя спокойно, но перед станцией Гродеково Львов вдруг подскочил к окну, разбил его и пытался выпрыгнуть из вагона.

Я оглушил его, а Конюхова резким окриком посадил на место. В Гродеково я передал белогвардейцев на погранзаставу. При обыске у Конюхова было изъято оружие. Как выяснило следствие, оба они оказались серьезными преступниками.

За эту операцию руководство управления объявило мне благодарность и выдало денежную награду.

Много пришлось увидеть и пережить за годы службы в органах. Некоторые эпизоды за давностью стерлись из памяти, другие запомнились на всю жизнь. Но случалось участвовать и в таких делах, о которых вспоминаешь с улыбкой, — такой примитивной и непрофессиональной на первых порах была наша работа. Ведь чекистскому ремеслу тоже надо было учиться.

Вспоминается, как мы с сослуживцем Мориным организовали засаду в районе Голубиной пади, карауля бандита из «Шайки 21». Три дня работы не дали положительных результатов. И вот на четвертый день ко мне подошли три гражданина и неожиданно повалили. Связав руки, они привели меня в милицию. То же самое сделали и с моим напарником. В милиции, не выяснив толком, кто мы и что, посадили нас в КПЗ. Освободили только через двое суток.

Как выяснилось, наши действия при наблюдении за бандитами были столь подозрительными, что одна женщина сообщила об этом своим соседям и родственникам, которые и решили нас захватить.

В июне 1930 года меня перевели в Хабаровск, где я нес охрану первого секретаря крайкома КПСС и маршала В. К. Блюхера. В 1937 году возвратился во Владивосток.

В 1944 году меня направили в Западную Белоруссию для участия в мероприятиях по ликвидации националистических банд. В течение двух лет на территории Западной Белоруссии принимал активное участие в боевых операциях, неоднократно с боем брал схроны, выбивал бандитов из деревень и хуторов.

Трудное это было время. Но мы верили в правоту своего дела. Каждый стремился быстрее освободить Родину от нечисти и тем самым обеспечить лучшие условия для мирного, созидательного труда советского народа.

В настоящее время, как и все советские люди, тружусь в силу своих возможностей на благо нашего Отечества. Но годы, отданные органам госбезопасности, навсегда останутся в памяти, и, признаюсь, останутся для меня лучшими годами жизни.

Полномочный представитель

Тов. Дерибас действительно уполномочен на передачу документов Ленину и личные переговоры с ним...» — так было указано в мандате № 89 Военного совета 3-й армии Восточного фронта, выданном в декабре 1918 года. Но прежде чем получить почетное право — лично докладывать вождю революции — Терентий Дмитриевич прошел большой путь профессионального революционера-подпольщика.

Родился в Екатеринославской губернии на Украине в 1883 году в семье зажиточного крестьянина. Он не стал продолжать и развивать отцовское хозяйство: их жизненные пути основательно разошлись. В 1903 году, будучи уже выпускником Кременчугского реального училища, дружит с рабочей молодежью, знакомится с марксизмом и вскоре становится деятельным участником нелегального кружка РСДРП.

С этого времени и до конца своей жизни Т. Д. Дерибас связывает себя с ленинской партией. С увлечением он штудирует основы политической экономии и уже по-иному смотрит на окружающий мир. А на следующий год как партийный пропагандист выступает перед рабочими, распространяет прокламации, участвует в организации забастовки на табачной фабрике.

Молодой пропагандист не ускользает от внимания царской охранки. И вскоре следуют первое задержание, побег. Некоторое время Терентий Дмитриевич скрывается от жандармских ищек, а затем переходит на нелегальное положение. Началось многолетнее подполье профессионала-революционера.

1905 год. Дерибас — руководитель боевой дружины. В схватке с погромщиками получает ранение. Но это не останавливает его. По заданию партии он как агитатор направляется на юг Украины для работы среди крестьян, где уже пылают помещичьи усадьбы. Но сказывается недостаточный опыт подпольной работы, и Де-

рибас опять оказывается в руках охранки, а потом скорый суд и приговор: за принадлежность к РСДРП и «запрещенную» деятельность — три года ссылки в Тобольской губернии.

К месту ссылки его привезли осенью, но и отсюда он вскоре бежит. Без документов, перебиваясь случайными заработками, испытывая невероятные лишения, обходя полицейские посты, Дерибас упорно продвигается к заветной цели — Петербургу. В столице сразу же окунулся в гущу партийной работы. Все свои знания, энергию, опыт, инициативу он подчинил интересам партии, пропаганде и защите ленинских идей среди рабочих Колпинского, Сестрорецкого, Ораниенбаумского районов. Живет и работает под чужими документами. По ним в 1907 году его снова хватается царская охранка. Как всегда в таких случаях пытается бежать, но на этот раз неудачно. Приговор — три года ссылки, теперь уже в Обдорске (Салехард).

После окончания срока ссылки Дерибас подлежал призыву в царскую армию. Но до медицинской комиссии дело не дошло: полиция докопалась, что бывший ссылный много лет живет по чужим документам, за что — три месяца тюрьмы. После отсидки медицинская комиссия признала его негодным к воинской службе: на здоровье отрицательно сказались годы подполья, непривычный для южанина суровый климат севера. Но не сломлена воля Терентия Дмитриевича.

Чтобы успокоить жандармерию, да и самому сориентироваться в обстановке, местом жительства после ссылки Дерибас избирает г. Троицк Оренбургской губернии. Здесь он несколько лет работает в страховой компании бухгалтером, чертежником, канцеляристом, осторожно восстанавливает растерянные из-за неоднократных этапов и арестов партийные связи, что удалось сделать только в конце 1916 года. Революцию 1917 года встретил политически подготовленным, достаточно хорошо

ориентировался в происходящих событиях. Линия большевиков — его линия. И на этих позициях он активный участник революционных событий: член исполкома, комиссар юстиции и председатель следственной комиссии Оренбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ведет решительную борьбу с явной и скрытой контрреволюцией. Как председатель объединенного Троицкого и Челябинского исполкомов настойчиво проводит в жизнь директивы первого в мире рабоче-крестьянского правительства. Летом 1918 года в составе объединенного Троицко-Нижнеуральского отряда Дерибас участвует в боях с частями мятежного корпуса чехословаков. Потом несколько месяцев работает секретарем Уральской областной коллегии Госконтроля.

В конце 1918 года партия направляет Дерибаса на партийно-политическую работу в действующую армию. До апреля 1920 года он служит в 3-й, позже в 5-й армии Восточного фронта, занимая должности от заместителя начальника политотдела дивизии до заместителя начальника политотдела армии. Обе армии действовали на севере страны. Сырой, холодный климат сделал свое: в апреле 1920 года по состоянию здоровья Дерибаса демобилизуют. Работает в Сибирском ревкоме, затем направляется в Павлодар, где несколько месяцев является председателем ревкома. Как и раньше, энергично и с партийной принципиальностью участвует в подавлении кулацких выступлений и политического бандитизма.

В августе 1920 года ЦК РКП(б) отзывает Дерибаса в Москву, а в декабре того же года ему вручается удостоверение, в котором указывается: «Центральный комитет РКП(б) командироват тов. Дерибас Т. Д. в распоряжение ВЧК для работы».

27 декабря председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский утверждает назначение Дерибаса штатным сотрудником центрального аппарата ВЧК.

Первое время Терентий Дмитриевич на рядовой работе. Он настойчиво осваивает порученный участок. Здесь ему основательно пригодились опыт и революционер-подпольщика, и крупномасштабной партийно-политической работы в армии, и борьба с контрреволюцией на Урале.

В марте 1921 года вспыхивает Кронштадтский мятеж. Дерибас вместе с другими активистами партии по льду Финского залива

идет на штурм мятежных фортов. Участвует и в подавлении антоновщины в Тамбовской области. Такие «командировки» чередуются с напряженной работой в Москве. Т. Д. Дерибас выполняет отдельные поручения Феликса Эдмундовича, показывает незаурядные способности в чекистской работе. Уже в характеристике 1922 года о Дерибасе говорилось: «Безусловно внимательный, способный, с большой инициативой, настойчивым деловым упрямством и широким политическим кругозором. С делами справляется великолепно. Как работник ОГПУ чрезвычайно ценен...»

В декабре 1922 года он награждается знаком «Почетный чекист», порядковый номер которого 9.

С годами накапливается опыт, углубляются знания, шире становится кругозор, оттачивается чекистское мастерство. Занимает руководящие посты в центральном аппарате. В то же время Дерибас участвует и в партийной жизни. В 1928 году его избирают членом Сокольнического райкома ВКП(б). В период борьбы с троцкизмом и «правыми» не только отстаивает большевистскую линию партии.

В конце 1929 года партия направляет Терентия Дмитриевича на Дальний Восток. Здесь, после ликвидации авантюристических выступлений китайских генералов, обстановка оставалась напряженной. Не прекращали враждебной деятельности китайские милитаристы. При их благосклонном попустительстве, а порою и в контакте с ними широко разворачивала подрывную деятельность японская военщина, активно используя в этом антисоветски настроенную часть белой эмиграции в Маньчжурии.

С присущей ему энергией, настойчивостью Дерибас глубоко изучает состояние работы всех звеньев Полномочной Представительства ОГПУ по Дальневосточному краю, руководителем которого являлся теперь. С этой же целью неоднократно выезжает во Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Уссурийск и в другие города обширного края, раскинувшегося от Прибайкалья до Тихого океана, реорганизует и укрепляет кадрами некоторые подразделения. В то же время руководит осуществлением ряда крупных операций против японской разведки.

По характеру деятельности, подвижности, порой резкий, Терентий Дмитриевич умел

в то же время терпеливо выслушать мнение подчиненных по конкретным вопросам, быстро выбрать из сказанного главное, дать правильную оценку обстоятельствам дела в его тесной взаимосвязи с политическим моментом, тактично указать на ошибочность тех или иных суждений.

В тревожные для дальневосточников 1933—1934 годы, когда особенно усилилась опасность нападения японской военщины, он уделяет серьезное внимание повышению боеготовности чекистских подразделений, укреплению дисциплины и моральной чистоты работников ЧК.

Все годы работы на Дальнем Востоке Терентий Дмитриевич активно работает в краевой партийной организации. Как член бюро Далькрайкома и Президиума Далькрайисполкома, он вникает в состояние хозяйственных дел в крае, принимает деятельное участие в осуществлении мероприятий по оборонному и народнохозяйственному строительству, усилению пограничной охраны. Дальневосточная партийная организация направляла его делегатом XVI и XVII съездов ВКП(б). На последнем он был избран кандидатом в члены ЦК.

В дореволюционном подполье и в годы

гражданской войны, находясь в центральном аппарате ВЧК—ОГПУ и возглавляя работу дальневосточных чекистов, Дерибас оставался непримиримым к врагам, убежденным коммунистом, которого по праву можно причислить к ленинской гвардии.

И как признание его заслуг перед страной, перед партией, в рядах которой, не жалея себя, он работал более трех десятков лет, можно назвать его награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, два знака «Почетный чекист». Четырежды награждался боевым оружием. В 1931 году вошел в состав коллегии ОГПУ, в 1935 году ему присваивается звание «Комиссар Государственной безопасности I ранга».

Воспитанный на ленинских принципах, Т. Д. Дерибас настойчиво требовал от подчиненных ему работников безусловного соблюдения норм социалистической законности и строго спрашивал с тех, кто в какой-то мере преступал закон.

Жизненный путь Терентия Дмитриевича Дерибаса достойный пример беззаветного служения советскому народу, Коммунистической партии.

И. Петров

Николай Шилов

1919 год. На Петроградском и Польском фронтах шли решающие бои. На них-то и получил основательную закалку Николай Шилов, 19-летний парень из древнего Углича. В этот год красноармеец Шилов стал и бойцом ленинской партии. А с 1920 года он навсегда связал свою жизнь с деятельностью органов ВЧК, куда направил его работать политотдел 6-й стрелковой дивизии.

Тревожно было на Дальнем Востоке. У границ бряцал оружием Чжан Сюэ-лян. Из Маньчжурии все чаще белогвардейцы совершают налеты на наши пограничные районы, заметно активизировала свою деятельность японская разведка. На Дальний Восток в 1925 году направляется Николай Петрович Шилов. Три года он служит в пограничных войсках. А в 1928 году вместе с чекистами Хабаровска, Владивостока принимает активное участие в разработке и осуществлении ряда операций против японской и белогвардейской разведок и проявляет при этом глубокое знание дела, умение быстро ориентироваться в обстановке.

В 1931 году Николай Петрович подготовил захват известного в то время международного авантюриста Мэрсэ, поддерживавшего в Маньчжурии тесные связи с японцами и атаманом Семеновым. Исчезновение Мэрсэ вызвало растерянность в

среде белой эмиграции, а начальник японской военной разведки в Маньчжурии полковник Уэда, «просмотревший» это дело, был снят с работы.

В начале 1932 года, находясь в сложных условиях, Шилов добился ареста китайскими властями в Маньчжурии японского агента Ушакова и публикации в зарубежной печати его показаний, изблещавших военные круги Японии в активных попытках использовать белоэмигрантские формирования против Советского Союза. На определенное время деятельность японской разведки на этом участке была ограничена.

В связи с активизацией японских империалистов в Маньчжурии и общим осложнением обстановки в этом районе над советским имуществом на КВЖД нависла угроза. По указанию Центра Шилов организовал и обеспечил переброску из Маньчжурии значительной части имущества, в том числе 93 вагона остродефицитных в то время материалов, необходимых для восстановления народного хозяйства: железа, гвоздей, бабита, 63 паровоза. Стране были сохранены ценности на 8—9 миллионов рублей золотом.

Последние годы Н. П. Шилов работал начальником отдела в Хабаровске, а позднее был переведен в Центральный аппарат.

Владимир Нейман

Владимир Нейман рос в многодетной и бедной семье. По этой причине рано пришлось оставить учебу. В Чите, Владивостоке живет случайными заработками: мальчик на побегушках, служащий частных фирм, безработный.

До 1921 года, вначале как партизан, а потом как боец разведки Народно-революционной армии ДВР, Нейман участвует в боях против японских оккупационных войск и белогвардейцев.

— Здесь он вступает в ряды ленинской партии.

Остатки войск разгромленной белогвардейщины отступают в Маньчжурию, чтобы отсидеться там, пользуясь благосклонностью китайских властей, и восстановить боеготовность для продолжения борьбы с Советской властью. По заданию ГПУ ушел за кордон и Нейман. В течение долгих и трудных пяти лет он снабжает советскую разведку ценной информацией. Успешному выполнению поставленных задач способствовали беспредельный патриотизм, высокие моральные и личные качества.

Общительный и любознательный. Нейман обладал способностью удивительно быстро определять свое место в незнакомой обстановке, без назойливости устанавливать хорошие отношения с окружением и деловые контакты с нужными людьми.

В 1925—1926 годах Нейман работает в

чекистских аппаратах Хабаровска, Читы, Владивостока, Уссурийска, принимает активное участие в разработке и осуществлении мероприятий против японской разведки, китайских милитаристов и тесно связанных с ними антисоветских группировок.

С развертыванием китайскими властями антисоветской кампании, активизацией японской военщины обстановка на дальневосточных рубежах обостряется. И снова Владимир Нейман за пределами Родины. В тяжелых условиях, подвергаясь личному риску, несколько лет — с небольшими перерывами — он самоотверженно выполняет ответственные задания советской разведки, в том числе участвует в крупнейшей операции по выявлению десятков японских шпионов, содержателей явочных квартир, связников, переправщиков.

«Достойный коммунист, прекрасный работник, отдающий все свои силы и здоровье за дело партии» — так записано в личном деле В. А. Неймана.

В 1927 году Владивостокский окрисполком наградил Владимира Абрамовича боевым оружием с надписью: «За успешную борьбу с контрреволюцией». Позднее он еще дважды награждался боевым оружием, а в 1933 году Коллегия ОГПУ наградила его знаком «Почетный чекист».

В 1935 году Нейман переводится работать в Москву.

С. Николаев

Рискни, Заксор!

Это рассказ о жителе Хабаровского края, выполнявшем ответственное задание Родины. Он — лицо не вымышленное, только в жизни у него была другая фамилия. Время и место событий подлинные. Фамилии врагов — настоящие.

Легко шагает Заксор. Холодный ветер навстречу, а ему тепло. меховую шапку с мокрого лба на затылок сдвинул, котомку с остатками пищи на правое плечо закинул. На левом — берданка, охотничий нож на поясе.

Ему не привыкать к ходьбе. Хорошо в охотку отмеривать версты крепкими ногами, грудью рассекать упругий воздух. Мысли то рванутся к прошлому, то взвываются и вновь унесут в тревожную неизвестность.

Вот и берег реки. За рекой — Маньчжурия. А там... Кто скажет, что его ждет там? Диков — работник Хабаровского управления НКВД — предупреждал: японцы могут встретить горячим чаем, а может, и бамбуковыми палками либо чем-нибудь похуже. Диков предостерегал, предлагал отказаться от задания. Такой серьезный и такой странный этот Диков: как будто сейчас нет войны. Как будто, если Заксор откажется, найдутся десятки других подходящих мужчин. А где же взять мужчин! Воевать с немцами, однако, много женщин не отправишь.

Широкая река, разделяющая два государства, скована льдом. Тихо и пустынно. Много лет назад перешел тут Заксор границу в последний раз. Зачем скрывать: охотничий азарт в молодости оказывался

сильнее рассудка и нестрогих тогда пограничных правил — Заксор не раз бывал на том берегу.

Там научился понемногу говорить по-китайски, даже приятелей заимел. Где они теперь? Столько лет прошло. Лишь об одном, Гавриле Уза, знал: живет в пограничном селе, неподалеку отсюда.

Заксор усмехнулся: все-таки странное вышло у них знакомство. Однажды поймали Гаврилу пограничники. С контрабандой поймали. А в тюрьме по недоразумению и Заксор тогда оказался. Там и познакомились. С Заксором быстро разобрались и отпустили. А вскоре оказался на свободе и Гаврила. Считая, что власти спохватятся и передумают, Уза навсегда ушел за кордон. На Тунгуске и Хору охотники говорили, что он служит теперь у японцев... Признает ли Гаврила старого знакомого?

Заксор сбросил рюкзак, рукавом меховой куртки вытер лицо, осторожно раздвинул тальник. Место почти не изменилось. Правда, сквозь снежную пелену другой берег виднелся слабо, но где-то, чуть правее, должна быть фанза.

Вечерело. Низко ползли серые, будто в ключья разорванные облака. Позади облака льнули к самой земле. Когда стемнело, Заксор осторожно спустился с обрыва и заспешил к противоположному берегу. Человек был едва приметен в движении снега и сумерек. Ветер заглушил скрип под оленьими унтами. Только сердце сжимала тоска: что впереди? Хотя бы огонек показался, хотя бы прозвучал голос.

Собака залаяла неожиданно и зло. Вскоре Заксор нащупал дверь фанзы, решительно толкнул ее. Четверо китайцев обернулись к нему, пропустили к огню. Никто не проронил ни слова. Китайцы не ответили на приветствие и молча наблюдали, как незнакомец неторопливо вытащил из-за пазухи трубку, раскурил ее, сделал несколько глубоких затяжек.

Первым заговорил старый китаец:

— Зачем пришел? Откуда?

Заксор перехватил взгляд старика: тот уставился на рукав клетчатой рубашки, торчавшей у него из-под меховой куртки.

— Да я оттуда... Жизнь стала совсем плохая. Война. Власти прижимают.

— А ты думаешь, у нас живи да радуйся? Думаешь, легко с японцами?

Старик сунул в рот трубку и тут же вновь повернулся к Заксору.

— Чего ждешь от них? Сначала тебя отколотят, а потом сделают шпионом и погонят назад.

Заксор никак не ожидал такой встречи. Но все же решил не отступать от задуманного:

— Я сам в полицию к японцам пойду, они не тронут.

— Дурак ты и тот, кто тебе наговорил, что здесь хорошо,— вмешались еще двое китайцев.— Возвращайся, пока не поздно...

Начальник полиции—учтивый японец. Улыбается, чаем угощает, лепешками, папиросами. Приказал только берданку да нож отобрать, даже не обыскивали. Сейчас сидит, слушает.

— Последние три дня я к границе пешком пробирался, села обходил, ночевал в лесу, даже костра не разводил,— рассказывает Заксор.

Японец молчит, подливает и подливает себе чай. Изредка, как бы между прочим, спрашивает, сколько дней шел до границы, кто знает об уходе из дому.

Вопросов все больше и больше.

— Ты охотник?

— Нанаи все охотники.

— А почему пришел один? Какой же нанаи на охоту ходит без собаки?

— Я шел не на охоту, я убежал.

— А где собака?

— Оставил у знакомых на Тунгуске. Сказал, что поеду в Хабаровск. А в поезд с собакой не пустят.

Японец, кажется, доволен ответами. Вот только улыбка у него противная.

— Покажи, где переходил границу?— разворачивает перед Заксором карту.

— Эту бумагу, однако, не понимаю,— разводит руками нанаец.

— А по-моему, тебя к нам НКВД послало,— неожиданно встает из-за стола японец. И снова лицо его расплывается в улыбке, и не поймешь, шутит он или нет.

Начальник полиции расспрашивает о нанайских селах, о жителях Ина, Кукана, Бичевой, интересуется Хорским леспромхозом, спрашивает об аэродроме под Хабаровском, о железной дороге на Владивосток.

Японец говорит мягким, вкрадчивым голосом, не кричит, не грозит. По-прежнему угощает чаем.

— Так, говоришь, до вечера пролежал на сопке и оттуда наблюдал за движением пограничных нарядов? А ведь тогда шел снег. Как же ты мог видеть погранич-

ников?— хитро щурится начальник полиции.

Впервые от улыбки не осталось и следа. Русские разведчики хитрые, но и его не проведешь.

— Останешься при отделе, пока не убедимся, что ты человек честный и надежный. И вот что,— уже в дверях остановил Заксора начальник полиции.— Тут живут нанаи, можешь с ними встречаться.

Узнав, что он из Советского Союза, местные нанайцы часто приходили, расспрашивали о жизни на той стороне. Рассказывали о себе:

— Японцы собрали наших мужчин, одели в поношенную солдатскую форму и считают, что в случае войны нанаи будут хорошими проводниками на советскую землю.

— А как сами нанаи думают?— не удержался однажды Заксор.

— Если пошлют в Россию— все там сдадимся. Воевать не будем.

Заксор все слушал это с тревогой: «Почему они так открыто при нем ругают японцев? Или это делается по заданию самих японцев?»

Не вытерпел, прямо спросил одного из поселка «ненадежных».

— Японцы считают, что нанаи плохо ведут разведку советской территории,— ответил тот.

— А вы занимаетесь этим?

— Забираемся на острова, где нет ни японцев, ни русских, ни китайцев, и живем, пока хватает продуктов, а потом возвращаемся и рассказываем японцам о русских войсках, об их укреплениях.

— Так вы все-таки выходите на русскую сторону?

— Непонятливый ты, однако: кому охота голову под пули подставлять. Мы рассказываем о русских то, что думаем. А за это требуем дополнительную плату. Иногда удается доказать, что для «сбора» таких сведений мы рисковали— японцы неплохо платили... А ты зачем сюда пришел?

Молчал Заксор, неловко чувствовал себя, когда нанаи задавали такие вопросы.

Из местных китайцев больше всего ему понравился Ван. Но Заксор все же решил проверить его:

— Вот возьму и скажу японцам, как ты их ругаешь.

— Не скажешь. А если скажешь, тебе не поверят. Ты убежал из своей страны, потому что испугался, что тебя пошлют на войну. А чтобы выслужиться здесь перед

японцами, готов и на китайца всякого наговорить. Ты ничего не скажешь японцам, потому что голова твоя не работает, а сам ты трус.

— Это ты трус, — разозлился Заксор. — Ругаешь японцев, а работаешь на них.

— Меня заставили, а ты сам пришел. Послушай, что скажу. Давай подберем несколько человек для помощи вашим пограничникам, — предложил Ван.

Решили не торопиться с подбором людей, а пока собирать сведения о японцах, работающих в этом районе. «Ты хорошо запомни, — переходил на полупешот китаец, показывая глазами на здание полицейского поста, — японцев тут немного. Пьют до потери сознания. Особенно начальник, который тебя допрашивал. Охрана небольшая — человек двадцать, есть станковый пулемет. На вышке часовой, но только днем. В свободное от дежурства время охранники сдают оружие начальнику».

Обрадовался Заксор. Ван — человек толковый, хорошо знает местность, имеет знакомых среди японцев. Ему нетрудно выяснить и своевременно сообщить, кого и когда японцы будут отсюда перебрасывать через Амур. Да и об укреплениях японцев он сможет разузнать немало.

Собственно, за этим и перешел Заксор границу. Кажется, сразу повезло: подобрал нужного для чекистов человека, успел выяснить, что за «особые отряды» из местных нанайцев создали японцы.

Не жалел Заксор, что рискнул и отправился в полицию. Правда, Диков не скрывал, что при таком варианте японцы в порядке проверки могут применить пытки.

— Смотри, Заксор, смотри. Дело не только важное и серьезное, но и опасное. Если сомневаешься, откажись сразу, — говорил Диков, когда обсуждали, что и как должен делать Заксор в Маньчжурии.

Скоро уже два года, как идет война. В селах мужчин осталось совсем мало. Разве можно отказываться в такое время...

На пятый день утром появился вооруженный охранник. Заксора отвели в тюрьму, отобрали одежду, унты, обуви в сандали на деревянной подошве.

В камере, куда его втолкнули, было человек десять. Сразу же вопросы: откуда, за что попал?

Не зная, какие здесь люди, объяснил, что из соседнего села, попал случайно: на охоте израсходовал патроны, а пустые гильзы японцам не вернул. Вот они и об-

винили, что патроны партизанам отдал.

А на душе было неспокойно. Что бы означал арест? Почему японцы изменили к нему отношение?

Заксор еще раз мысленно проследил за каждым своим шагом. Вообще-то, его могли арестовать хотя бы за то, что не сообщил японцам, как тогда, в фанзе китайцы ругали их. Слышал и о намерениях местных нанай при первой возможности сдаться русским. А может, японцы узнали еще что-то?

Вечером дали еду: каша из прелой чумизы да соленая капуста.

Утром была та же капуста, но с гаоляном. Объявили, что направят дальше. Куда? Сказали, что в Фуюань.

Ехали молча. Заксор сидел, полускрыв глаза. Охранники вполголоса обсуждали свои дела. Заксор думал, почему оказался в таком положении, где и в чем ошибся?

В Фуюань приехали под вечер. И сразу же в тюрьму. На ноги надели кандалы, а на руки — браслеты. Посадили в одиночную камеру.

Многое пережил Заксор. Судьба не баловала его. Еще не было десяти, когда умер отец, а через год черная болезнь унесла двух братьев, а потом и мать. Досталось же ему, особенно в первые годы! И голодал, и мерз. Но рос и втягивался в самостоятельную жизнь, познавал секреты тайги, повадки зверей да птиц. В поисках зверя исходил Хор, Тунгуску, бродил в верховьях Имана. Завел знакомых на Урми и Анюе. Потом, уже через много лет, среди своих он считался удачливым охотником, хорошим рыбаком. Неужели здесь не будет удачи?

...Вечером повели в жандармское отделение. Вот и здание жандармерии. Кирпичное, с черепичной крышей. Мимо часового прошли в пустую комнату. Следом появились двое японцев в штатском и переводчик-китаец. Один за другим посыпались вопросы: кто послал в Маньчжурию? Какое задание? Где связник? Через кого должен собирать сведения?

Требовали говорить правду. Охранник дважды ударил Заксора палкой, а толстый японец — кулаком в лицо. Потом остановились, и тот же толстый прочитал какую-то бумажку. Как только переводчик начал пересказывать ее содержание, Заксору стало ясно: китаец Ван, которого он пытался привлечь к работе на советскую разведку, предал.

От страшного открытия Заксор едва не потерял самообладание. Почувствовал, что ладони стали влажными. Разве мог он даже подумать, что Ван способен на такое? Видно, совесть у него что у медведя хвост. А ведь Диков предупреждал: «Не торопись, Заксор. Японцы тоже хитрые». Так что же делать, как быть? Новый удар палкой.

— Если не будешь говорить правду — заьем до смерти.

— Не бейте. Я все расскажу. Ван — советский разведчик. Он и выбрал меня помогать русским.

— Что?

— Ван сам рассказал мне, что его послали русские.

— Это тебя послали русские. — Переводчик едва успел до конца перевести визгливо произнесенную толстым японцем

фразу, как тот снова с протяжкой ударил нанайца палкой. — Разве ты не говорил Вану, что связан с советской разведкой?

— Я нарочно говорил. Думал побольше узнать о нем, а потом рассказать вам. Вот и сказал, что связан с русскими. После этого он сообщил, сколько солдат на посту, какое оружие у них и как они охрану несут.

— Почему сразу не рассказал о Ване начальнику полиции?

— Я же говорил, что хотел побольше узнать о нем.

Толстый японец и охранник с еще большим ожесточением набросились на Заксора. Били по спине, по лицу, по ногам. Заксор падал. Его поднимали и снова били.

— Будешь говорить правду?

— За что бьете? Почему верите Вану, а не мне?

Вместо ответа — удар. Толстый что-то сказал жандарму. Тот вышел и вскоре принес скамейку и чайник с водой. В чайник насыпали перцу.

Толстый приказал Заксору лечь на скамейку. Не зная, для чего это, Заксор лег. Второй японец в штатском грубо схватил нанайца за скованные руки, рванул его так, что голова Заксора свесилась со скамьи. Туки завернули под скамью. Жандарм начал лить воду из чайника Заксору в нос. И снова вопросы:

— Какое получил задание?

— Кто связник?

— Кто готовил переброску?

Нанайца обмяк. Японцы вскочили. Они знали, что такую пытку долго никто не выдерживает. А перебежчик еще ничего не сказал.

Отлили водой, дали отдышаться, сунули в рот сигарету:

— Кто вербовал работать на советскую разведку?

— Ван.

Обозленные упрямством, японцы сбросили Заксора на пол. Теперь все трое били его палками и ногами.

Как сквозь сон, откуда-то издали доносился визгливый крик толстого и заикающийся голос переводчика:

— Ты — нанай, почему же служишь русским? Что они дали нанайцу? С кем должен связаться, кто понесет сведения на советскую сторону?

И опять удары, удары. Избитое, обессиленное тело уже не чувствует боли... Мрак...

Заксор пришел в себя ночью. Решил не двигаться: так можно забыться и не чувствовать боли. Эх, если б хоть глоточек воды...

Несколько дней прошло в полузабытьи. Иногда, открыв глаза, замечал стоящих рядом японцев. Они задавали какие-то вопросы. Сначала не понимал, чего хотят от него, потом делал вид, что не понимает.

Через неделю впервые поднялся и, держась руками за стену, медленно двинулся к двери.

Охранник-китаец, услышав шаги, глянул в зарешеченное окошко и замер в удивлении: «Арестант ожил! После таких допросов...»

Еще через два дня охранник помог выйти в тюремный двор. Оставшись наедине с собой, Заксор перебирал в памяти прошлое. Мучила досада: он пришел к убе-

ждению, что сам виноват во всем. Опять начались допросы, но без пыток, хотя не раз японцы грозились прибегнуть к ним.

Сегодня подняли затемно. На завтрак дали какое-то месиво. Потом объявили, что отправят в Фугдин — там будет разговаривать с ним большой начальник.

Значит, не все потеряно. Что-то хотят от Заксора, если большой начальник решил с ним поговорить. Похоже, что тот старик китаец был прав: вначале пытки, а теперь вербовать будут.

Вывели из камеры, завязали глаза. Неужели конец? Вот тебе и большой начальник! Нет. Кажется, еще не конец: надевают кандалы, потом наручники. Стукнуть могли и без них. Посадили на подводу. Из разговоров сопровождающих понял, что повезут на аэродром, а оттуда самолетом до Фугдина.

Глаза завязали не очень аккуратно. Изпод повязки можно смотреть. Аэродром небольшой, ровный, покрыт гравием. Вон самолет стоит. На нем, видно, придется лететь. Так и есть. Полетели. Сидеть неудобно: рядом окошечко, но до него не дотянешься. Посадка. Охранники назвали городок, но Заксор не запомнил его. Сказали, что здесь ночевка. Повели в тюрьму. На пути к ней ничего не видел — мешала повязка. Тюрьма никудышная, даже уборной нет. Дважды водили к уборной: она метрах в четырехстах от тюрьмы. Пока ходили туда и обратно, огляделся. Рядом с тюрьмой — кирпичная казарма. Возле нее маньчжурские солдаты. Винтовки у них японские. Пулеметов не видно.

Снова в воздухе. В самолете повязку сняли, а руки и ноги не освободили. Заксор удобно пристроился возле иллюминатора. Короткие остановки на тунзянском и луньсянском аэродромах. Кажется, самолеты тут бывают редко — цистерн с горючим не видно. Охрана небольшая. В Луньсяне возле аэродрома виднелась мачта радиостанции...

Сначала Заксор отмечал это машинально, чтобы отвлечься. Потом решил запомнить самое важное: может, сведения и пригодятся. Он продолжал работать на советскую разведку, для своей Советской власти. Интересно, что решит «большой начальник»? Может быть, напрасно старается Заксор запомнить аэродром, казармы? Сегодня состоится разговор. А потом? Расстреляют или просто зарубят?

Не знал Заксор, что еще полицейский начальник в Фуюани считал возможным после «строгих допросов» завербовать задержанного и со шпионским заданием вернуть на советскую сторону. Ответ поступил непосредственно из Харбина. В нем строжайше предписывалось направить перебежчика самолетом в распоряжение Фугдинской военной миссии.

Летели невысоко. Внизу большая сопка. Возле нее солдаты, грузовые машины... Что-то строят. Но если здесь солдаты, значит, военный объект. А за сопкой виден аэродром.

Вот и Фугдин. Аэродром большой, цистерны с горючим окрашены в желтый цвет. Возле аэродрома — казарма, чуть подале — еще две, радиостанция.

Заксору свезли в какое-то огороженное высокое забором здание. Поселили в комнате, по соседству с которой жили еще четверо. В здании размещался отдел японской военной миссии в Фугдине, занимавшийся организацией шпионажа против Советского Союза на одном из участков дальневосточной границы.

К «большому начальнику» повезли на другой день. Из-за стола поднялся офицер. Невысокий, полный, глаза навывкате. Тут же — два жандарма.

Японец с минуту в упор рассматривал арестанта, а потом заговорил по-русски: — Расскажи, кто и с каким заданием тебя послал в Маньчжурию? Если замечу, что обманываешь, — говорил подполковник Гото, — я вынужден буду прибегнуть к такому же приему, какой ты встретил в Фуюани.

Заксор повторил то, что рассказывал японцам в Фуюани.

— Но ты забыл про явочные квартиры, про связников, про людей, с которыми должен встретиться! — выкрикнул Гото, и жандармы вплотную приблизились к нему.

Арестованный ничего нового не добавил...

Уже месяц Заксор в Маньчжурии. В Хабаровске ждут его. Так договорились: срок пребывания в «командировке» — месяц.

Не догадывался Заксор, что о его провале Хабаровское управление НКВД узнало в ту же неделю. Выяснили, кто предал, кто и как допрашивал. Чуть позднее стало известно, что Заксор в Фугдине.

А японцы будто забыли о нем, не вызывают, не допрашивают. Охранники приносят еду, иногда разрешают ходить во дворе. Так прошел март, за ним апрель. Уже не раз слышал Заксор торопливые крики улетавших на север утиных стай, где-то в вышине бормотали гуси, клином шли журавли.

Все живое радуется теплу, первой зелени, первым листочкам на деревьях, радостным напевам вернувшихся скворцов. Хорошо сейчас на Амуре. Однако лед уже прошел. Друзья давно вернулись из тайги, готовятся к весенней рыбалке. У Заксора тоскливо на душе. Целыми ночами не смыкает глаз. Что с семьей? Как там дети?

В молодости охотничьи тропы нередко выводили Заксору то к Уссури, то к Амуру. Ему казалось тогда, что беды не будет, если он поохотится на другой стороне реки.

Приходилось в те годы Заксору схватываться с многочисленными хунхузами, проникавшими из Маньчжурии на Дальний Восток. Ничего, уцелел. А лет десять назад, в период коллективизации, некоторые русские (местные жители их называли староверами) объединились в банды, похожие на хунхузские. Это плохие люди были. Они поджигали колхозные строения, убивали людей и скрывались от преследования таежными тропами.

Чекисты не раз брали Заксору проводником оперативного отряда. Наблюдательный, сметливый от природы, он уверенно выводил их через тайгу в нужные места.

Главный начальник хабаровских чекистов наградил Заксору карабином.

После возвращения из оперативного отряда Заксор занялся привычным делом: летом рыбу ловил, зимой гонял сохатых, бил кабана, белку. В селе, куда привозил добычу, познакомился с Ириной. Хозяйственная оказалась она. При бродячей жизни Заксора — это был настоящий клад. И он ценил жену, как только мог ценить счастливый муж.

Маленькая Люба, а через два года Митя прибавили забот, но жизнь Заксора стала более интересной. Пропала беспечность. Из всех сил старался, чтобы семья жила хорошо. Бывало, с экспедициями уходил из дому на несколько месяцев. Но договаривался с начальником, чтобы каждый месяц его зарплату пересылали Ирине...

Интересно, как там на фронте. Уходил

сюда — все говорили о большой победе в Сталинграде. Где сейчас немцы?

А что думает о нем Диков? Лишь бы не посчитал изменником. Только бы вернуться домой! Все расскажет Заксор чекистам. Надо, обязательно надо обмануть японцев.

Тоскливо тянутся дни. На прогулках дальше ограды двора не выпускают. Хорошо бы сейчас посидеть возле костра на берегу широкого Мангму. Комара нет, рыба после зимы на приманку идет здорово. Костер, а над ним чай закипает. «Неужели не вернуться?» — с тревогой спрашивает себя Заксор.

Единственное, что разнообразит жизнь, — разговоры с китайцами, многие из которых являются агентами разведотдела местной японской военной миссии. Они и не скрывают своей связи с японцами. Они уверены, что и Заксор в конце концов станет таким же. Китайцы рассказывают новости, расспрашивают о жизни в СССР и о войне с Германией, о том, как нанай, ульчи относятся к Советской власти. В ответах приходилось быть осторожным: нужно доказать японцам, убедить их, что теперь уже Заксор не такой, каким пришел, — он многое «понял».

Тяжело жить, не зная, что принесет тебе новый день. Каждый раз, как только охранники открывают дверь, рой мыслей возникал в голове: что скажут, куда поведут? Потом свыкся со своим положением, спокойнее стал размышлять о своей судьбе... Если до сих пор не расстреляли — можно надеяться на лучшее.

В последний месяц познакомился с японцем Иокота, работником разведотдела. Он уже несколько раз вызывал Засора к себе. Прислуга приносила чай, газеты. Они оставались вдвоем. Вначале японец расспрашивал о самом Засоре, о родственниках. Потом интересовался жизнью нанай вообще, где охотятся и ловят рыбу, какие налоги платят.

— У нас нанай не обижают. Они свободны охотятся, ловят рыбу где хотят. Мы им даем продукты, патроны. Зачем обижать? — восклицал Иокота, наблюдая за нанайцем. Тот лишь часто кивал головой.

Японец заводил разговор о колхозах: — Нанай сами бьют зверя, ловят рыбу — пусть сами и распоряжаются ими, как нравится.

И почему Заксор должен защищать эти колхозы? — в упор, но доверительным

тоном спрашивает японец. — Немцы уже половину России заняли. Скоро и мы перейдем Амур. Разве ты, Заксор, не хочешь быть богатым человеком? Подумай, хорошо подумай об этом.

На прошлой неделе, ни о чем не спрашивая, Иокота взял Засора с собой в город. Показывал лавки и публичные дома:

— Заксор многое может иметь, если будет слушаться.

Иокота даже пообещал свозить в Харбин: «Там есть на что посмотреть».

Заксор заметил перемену в отношении к нему. Решил, что она не случайна, и нужно ожидать какого-то важного разговора. На последних беседах начал больше соглашаться с рассказами Иокоты.

В такие минуты японец становился оживленным: ему нравилось наблюдать «результаты» своего труда.

Последний раз вызвал он Засора как всегда неожиданно. Спросил о здоровье. Заксор ответил, что чувствует себя неплохо, лишь грудь побаливает после того «строгого» допроса.

— Мы не верили тебе, поэтому вынуждены были так поступить, — оправдывался Иокота. — Но разговор сейчас о другом. Нам нужно, чтобы ты помог императорской армии в сборе различных сведений на советской стороне.

Видно, японцы давно готовились к такому разговору. Они изучали Засора, проверяли его через работавших в разведотделе китайцев, прислугу, охранников. Улучшилось питание, продолжительнее стали прогулки. А сам Заксор вовремя поднимался и убирал камеру, строго придерживался инструкции, с «интересом» слушал рассказы Иокоты. Иногда охранники «забывали» закрыть на ночь дверь его камеры. Но он не делал попыток бежать, понимал, что японцы продолжают проверку. Иокота решил по-своему: нанаяец уже «созрел» для очередного серьезного разговора. И разговор состоялся.

— Месяца полтора-два мы будем тебя учить, как нужно выполнять задания. Выполнишь задание — получишь большую награду.

Заксор знал: на шпионских курсах можно узнать много того, что потом пригодится чекистам. К тому же после курсов наверняка пошлют домой. А это сейчас, пожалуй, единственная возможность вырваться отсюда.

На всякий случай начал приглядываться к агентам разведотдела. Чего стоит, например, вон тот толстый Ли Сун, бывший главарь шайки хунзузов? С приходом японцев поступил к ним на службу. Теперь ежемесячно получает от японцев 200 гоби, открыто ходит с маузером.

Такое же оружие имеет и худой, длинный как палка Дэн, бывший работник китайской полиции, а сейчас агент разведотдела. И ему японцы платят каждый месяц больше сотни гоби.

А вон франтоватый Чжо с бегаящими, как у карманного воришки, глазами. Говорит, что уже закончил шпионские курсы, и его скоро должны перебросить на советскую территорию. Предупредить бы своих, только вот как?

Конечно, при себе начальник разведотдела «мелочь» держать не будет: тут наиболее опытные и преданные агенты. Но почему один из них, Чен чаще других поглядывал на Заксора? Чен в больших очках и тоже с маузером. Значит, у японцев на хорошем счету. В разговор вступает, как правило, когда других поблизости нет. Однажды он сказал, что за сведения о Заксоре Ван получил двести гоби. Это сообщение натолкнуло на мысль, что к Чену следует присмотреться. С того времени Заксор чуть больше, чем другим китайцам, рассказывал Чену о жизни в Советском Союзе, о новых школах и больницах на Амуре, о том, что дети нивхов, ульчей, нанай бесплатно учатся в институтах, а Советская власть их еще и одевает, и кормит.

Как мог объяснял очкастому, почему все люди поднялись на войну с фашистами, о Сталинградской победе.

Чен вопросы задавал редко, слушал внимательно. Во время одного из таких разговоров Заксор сказал:

— Ты японцев не любишь, а служишь у них.

— Я бы ушел, да куда денешь семью?

— Не обязательно уходить, — раздумчиво сказал Заксор и спохватился: намек был слишком ясный, и если Чен предаст, надо ждать вызова в жандармерию.

Потянулись дни беспокойного ожидания. Но никто Заксора не вызывал на допрос, не видно было и Чена.

Появился он дней через двадцать. Подошел, когда Заксор был один. Рассказал, что японцы посылали его ловить какого-то русского, появившегося из-за Амура.

— Я его не поймал, — сказал китаец таким тоном, будто докладывал Заксору о выполнении задания. — Когда будешь «там», расскажи обо мне.

— А ты думаешь, меня отпустят?

— Японцам нужны люди для разведки. Скорее всего тебя пошлют в СССР.

— А что я знаю о тебе?

— Просто скажи, что в Фугдине есть Чен, — уклончиво ответил китаец.

Заксор слушал Чена. Кто он? Вдруг, как и Ван, специально подставлен японцами?

Сколько уже перенес Заксор! И били его, и пытали до бесчувствия, и голодом морили. Еще раз рискнуть? Но хватит ли сил снова перенести пытку, если и Чен предаст? Охранник позвал Заксора в камеру. Тот поднялся, взглянул на Чена. Их взгляды встретились, испытующие, недоверчивые.

— Кому доложить о разговоре: жандарму или охраннику? — вплотную проговорил нанец, поправляя одежду.

Заметил, как дрогнули скулы китаец. И не сказал больше ни слова, зашагал вслед за охранником.

Что у Чена на душе? А может быть, откровенно поговорить с ним? Чен мог оказаться ценным человеком для чекистов. Многих людей, связанных с японцами, он знает: известны ему и работники миссии, в частности те, которые занимаются организацией шпионажа. Да и у руководства миссии он в доверии. Только кто он в действительности?

Ночью приснилось, будто Чен показал на Заксора пальцем и сразу куда-то пропал. А четверо японцев вцепились в Заксора, и начались знакомые уже пытки. Проснулся в холодном поту и до рассвета пролежал с открытыми глазами.

В выходной день, когда японцев в отделе не было, подошел Чен. Поздоровались. Несколько минут лениво перебрасывались словами, наблюдая друг за другом.

— Тебя японцы не сделали шпионом? — не меняя тона, спросил китаец.

— Нет, а что?

Умышленно не сказал Заксор, что согласился работать на японцев и в ближайшие дни его начнут готовить на специальных курсах.

— Если будут предлагать — соглашайся. Они дадут тебе задание и забросят за Амур.

Оба замолчали. Каждый ждал, кто первым продолжит разговор. Понимали —

этот разговор может оказаться решающим для жизни того и другого.

Долгими, очень долгими показались Заксору эти минуты. Никогда время не тянулось так медленно.

Что же дальше, Заксор? В открытую разговаривать? А пытки? Или мало тебе их? Но в разведке без риска нельзя.

И Заксор решил.

— Кто меня послал в Маньчжурию, — начал он тихо, — ты, Чен, догадываешься. Мне важно знать все о Фугдинской военной миссии японцев, о военном строительстве и расположении японских войск. У тебя есть пропуск, Чен. И если ты действительно ненавидишь японцев, много можешь сделать.

Опять молчание. Чен вздохнул и уставился в землю. Заксор не спускал с него глаз. Сейчас решался успех дела. Видимо, Чена волновала не столько личная судьба, сколько его семья, которая в случае беды натерпится горя.

Чен заколебался.

Это заметил Заксор.

— Если боишься, Чен, продолжай служить японцам.

— А у тебя, Заксор, семья есть?

— Есть. Жена, двое детей. Дочке — 8 лет, сыну — шестой.

— Я ненавижу японцев, я согласен...

Чен умолк на несколько минут. Губы едва заметно двигались, он загибал поочередно пальцы левой руки, будто пересчитывал что-то.

— Запомни, это может пригодиться. В районе Мишаня есть аэродром. Сейчас японцы не пользуются им. Но в случае войны отсюда будут подниматься самолеты для нападения на Уссурийск. Возле аэродрома — казарма парашютистов. Есть там и гарнизон — человек шестьсот: наполовину японцы, наполовину маньчжуры. Живут они раздельно.

— А ты не знаешь, Чен, что строится возле сопки Уденсан и Укуминсан? Я видел с самолета много солдат и машин.

— О-о! Там большие укрепления, подземные склады. Земляные работы выполняют только китайцы. Я сам набирал их туда: японцы обещали заработок десять гоби в день. Через меня прошло около двух тысяч вербованных. Но ни одного из них после этого я не видел. Японцы сразу же брали рабочих под охрану и отправляли в туннель. Еще никто не вернулся оттуда.

Заксор вспомнил, что китаец Цю Фу, работающий прислугой в отделе, тоже рассказал, что в районе этих сопки строят туннели и там заняты тысячи рабочих. Значит, Чен говорит правду.

Прошла неделя, другая. Легко давались Заксору японские науки: учился определять по срезу орудийного ствола его калибр, а по гусеницам — тип танка, запоминать силуэты советских самолетов, изучал, как удобнее подобраться к железнодорожному полотну, а по гулу мотора определить скорость канонерок. И еще многим хитростям учили его японцы.

Занятия проходили в дождь, в зной, при ураганном ветре, ночью. Заксор был обязан научиться действовать при любой погоде и в любое время.

Однажды вместо занятий в поле остались в кабинете инструктора.

— Скоро домой пойдешь, Заксор, — начал инструктор. — Но пойдешь не один. Поведешь китайца. Человек ценный, будь осторожен, не провали. Перейдете границу. Там покажешь ему, как лучше добраться до Хабаровска. Дальше он будет действовать самостоятельно.

После обеда познакомили с будущим попутчиком. Заксору уже приходилось видеть его в разведотделе.

Значит, домой! Уж очень затянулась «командировка»: прошло целых полгода.

Конец августа. Вот-вот должна пойти кета. Успеть бы запастись рыбой на зиму: без рыбы нанаю так же тяжело, как русским без хлеба. Инструктор после знакомства с напарником-китайцем ничего не говорит. Может быть, передумали? Тревожно на душе. А какое задание у китайца?

С Ченом встречались редко: успевали обменяться приветствиями и расходились.

Как-то перед вечером опять вызвали к инструктору. Там находился начальник разведотдела. После того как Заксор повторил задание, начальник заметил:

— Кроме всего, Заксор, обязательно постарайся подобрать надежного человека для нашей общей работы и помоги ему перебраться сюда...

Потом мы вернем его к тебе. Он принесет деньги, опий, новое задание.

Касаясь возвращения в СССР, уточнил, где предстоит перебраться через границу. Японец назвал небольшое маньчжурское село, фанзы которого стояли в десятке километров от устья Сунгари.

— В полицию и к китайцам за помощью не обращайтесь. Свяжите плот и на нем переправитесь через Амур.

Начальник напомнил о награде, которая ждет каждого после возвращения. И потрещал:

— При провале русским не сдавайтесь: будут пытаться.

Утром принесли старую берданку Заксора с патронами, нож, мешок. Из Фугдина отправились на повозке. Последние полтора десятка километров к границе шли пешком: повозка наверняка бы обратила на себя внимание солдат пограничных отрядов.

Погода выдалась пасмурная, с утра начался нудный, мелкий дождь. Досаждали комары. Одежда промокла, идти по скользкой тропе было трудно. Напарник удивлялся прыти нанайца и старался от него не отставать. А тот лишь изредка оборачивался, выкрикивал непонятные слова «пэдэ», «пэдэ» и снова шел к границе.

После полудня дождь перестал. Выглянуло солнце, к вечеру одежда высохла.

Вот и Амур. Тайга волнами подступила к самой реке. Родной берег хорошо виден. В этом районе приказано переходить границу. Осталось немного. Жаль, если подстрелят. Хотя нет, пограничники любят брать нарушителей живыми. Только бы нервы не подвели. Нужно подождать наступления темноты. А пока — подыскать место для переправы, да и нелишне понаблюдать за противоположным берегом, чтобы не наскочить на пограничников: чего доброго, напугают напарника, и он повернет назад. А китаец должен многое рассказать хабаровским работникам госбезопасности.

Ага, есть в чем переправляться. Несколько китайцев в стороне косят траву. Они вытащили лодку на берег, даже весла не убрали...

Едва рассвело, Заксор пришел на заставу и настойчиво потребовал провести его к начальнику. Дежурный сержант попытался было доказать, что он здесь главный. Но Заксор снова настойчиво потребовал начальника.

При появлении офицера назвал свою фамилию. Попросил сообщить в Хабаровск Дикову.

Офицер ушел звонить в Хабаровск. Вскоре вернулся и теперь, уже улыбаясь, протянул руку.

— Здравствуй, товарищ Заксор. Диков очень рад твоему возвращению и давно ждет тебя.

Заксор озабоченно сказал:

— Я не один. Со мной тут еще китаец пришел.

— Где он?

— За поселком в кустах ждет. Я отлучился под предлогом узнать обстановку.

...В пасмурное октябрьское утро в нескольких километрах от границы японские охранники обнаружили русского. Увидев солдат, русский остановился, поднял руки. В его карманах нашли махорку, полкоробка спичек, промокшую путевку-наряд на перевозку щепня, по которой определили, что русский — шофер.

Городков — такая фамилия перебежчика — на допросе сказал, что работает шофером леспромхоза. Позавчера на машине заехал к своему знакомому Заксору. Там выпили. От Заксора Городков поехал в контору леспромхоза, но не справился с управлением и машиной сбил трех красноармейцев. Другой дорогой вернулся к Заксору и рассказал ему о происшествии, докладывал начальник поста своему шефу о задержании и результатах первых допросов русского перебежчика. Тот посоветовал Городкову бежать в Маньчжурию. Городков согласился. Заксор довел его до границы и показал место, где удобнее всего переправиться через реку.

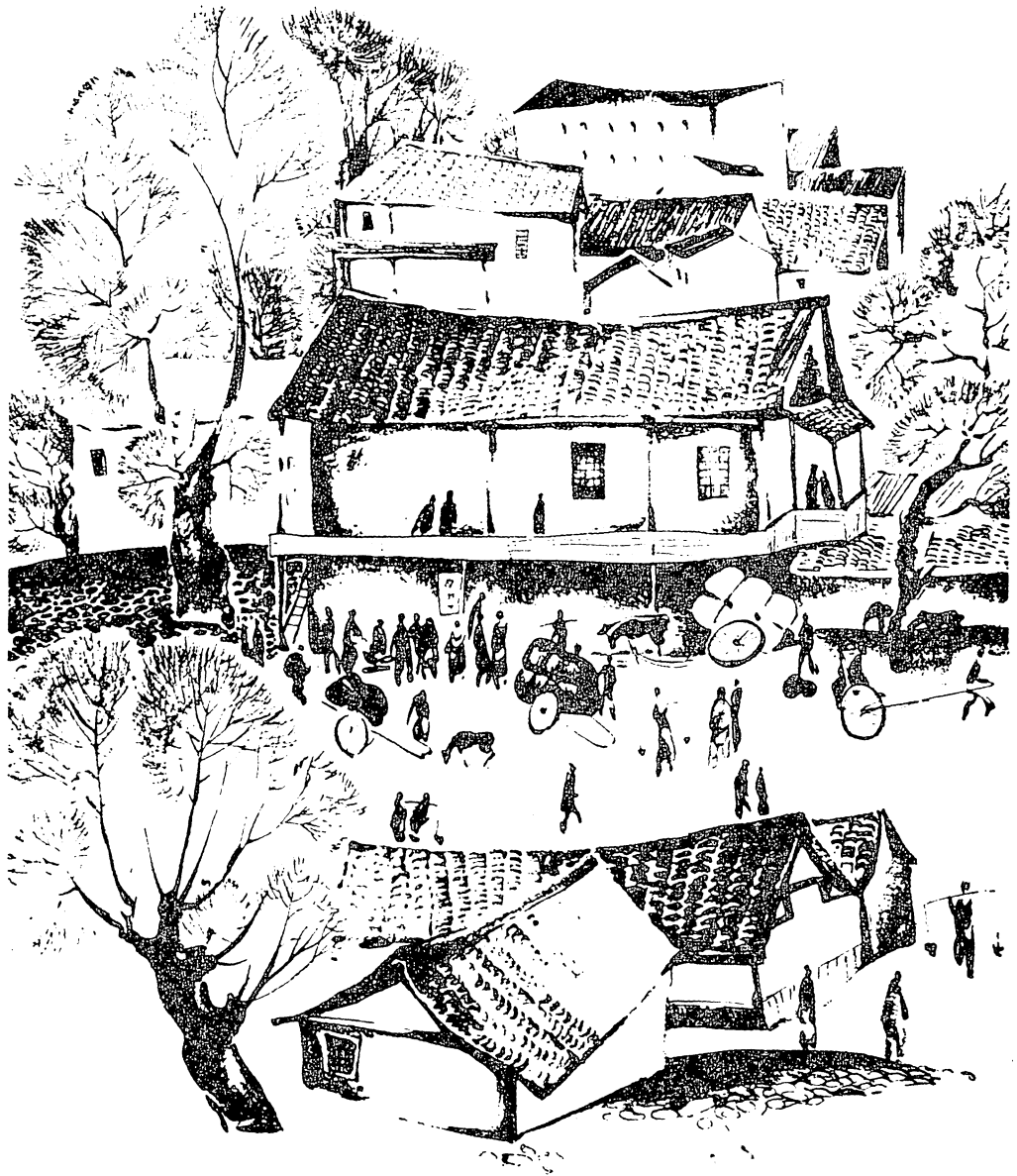
По словам Городкова, Заксор намеревался передать с ним какую-то тетрадь с записями, но побоялся.

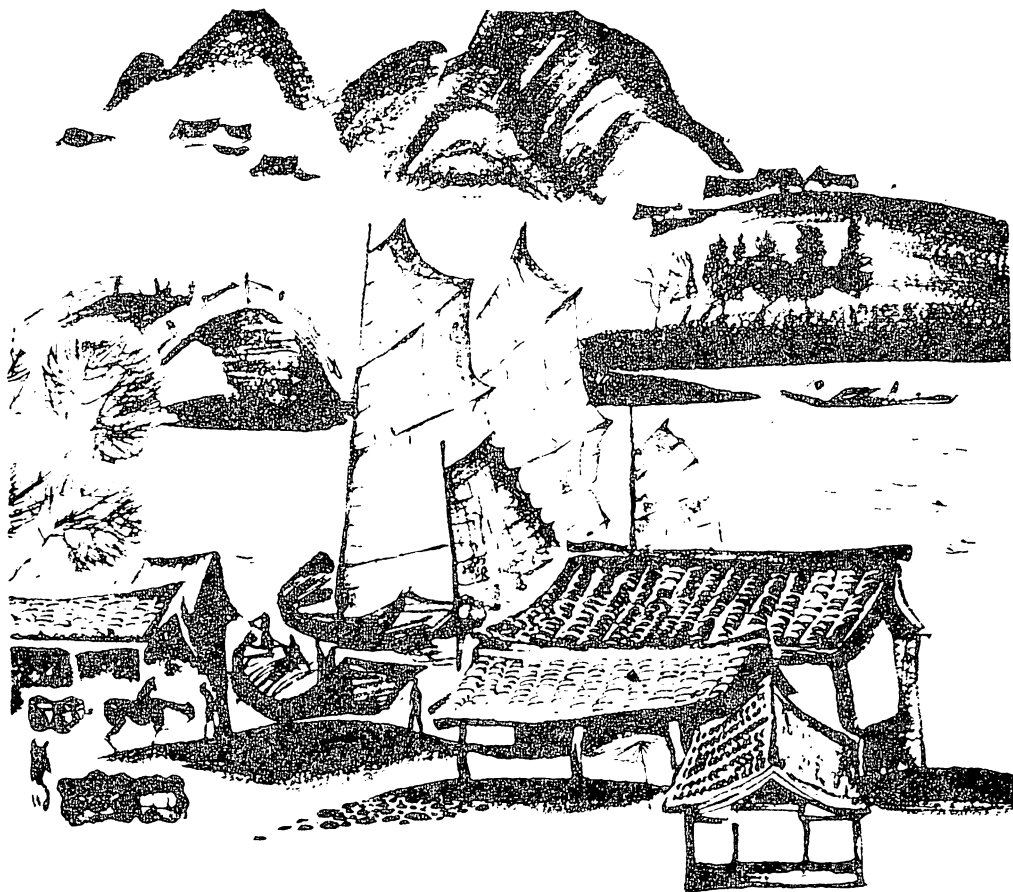
Во время допросов Городков по фотографии опознал Заксора.

Командировка Заксора была началом задуманной чекистами большой операции против японской разведки. Для продолжения и развития задуманного в Маньчжурию направили хорошо подготовленного Городкова.

Для успеха операции многое сделал Заксор, и его заслуга была высоко оценена Центром.

Эд. Арбенов, М. Писманни

Бусидо-мираж

РОМАН-РАЗОБЛАЧЕНИЕ
(Отрывок)

...За особые заслуги перед органами Государственного политического управления СССР наградить именовым оружием. Оружие вручить по возвращении на родину.

Полномочный представитель ОГПУ в
Дальневосточному краю Т. Д. ДЕРИБАС.

Мной интересуется Харбинская военная миссия

Все звали его Веселым Фыном — и в старом Модягоу, где он жил с неведомых времен, и в Харбине, куда наведывался каждое утро. Именно Веселым Фыном и не иначе, хотя никто никогда не видел его улыбающимся. Могли бы назвать косым: левый глаз Фына смотрел не туда, куда правый. Или хромым: Фын припадал на одну ногу, когда-то придавило его бревном. Или лысым: для этого тоже были основания. Наконец, худым: тонок был Фын, как болотный тростник. Так нет, называли Веселым. С этим прозвищем и ходил он до седин в бороде. Сам себя он тоже называл Веселым. Переступив чужой порог, он торжественно, с явным уважением к собственной персоне, представлялся:

— Вот пришел Веселый Фын!

Так представился он и год назад Борису Владимировичу Пояркову в его мастерской на Биржевой улице. Не склонив головы под низко висевшей вывеской с изображением черного сапога и красной туфельки, Фын вошел в крошечную комнатку, правильное бы сказать закуток по лестницей, и, поджав больную ногу, опёрся на циновку у порога, а не на стул для заказчиков, сказал свое обычное:

— Пришел Веселый Фын!

Поярков удивился появлению китайца. Он никогда не видел прежде Фына и когда не слышал его странного имени. Однако виду не подал и, глянув мельком и оценив его, вернулся к своему делу. Фын воспринял это как позволение вести себя свободно: откинулся к стене и стал ладонью поглаживать свою больную ногу.

— Шибко хорошо тачаешь сапоги, — произнес он после сравнительно долгого молчаливого изучения обстановки мастерской. Поярковский закуток можно было

осмотреть в какую-то секунду, вся обстановка его состояла из старого стула, обитого кожей, небольшого шкафчика с инструментом и колодками и вешалки за дверью. А Фын потратил на это столько времени, сколько тратят на осмотр тронного зала самого китайского императора.

Поярков снова не ответил и продолжал старательно затягивать клещами кожу.

— Шибко хорошо, — повторил Фын.

Тогда Поярков сказал:

— Будешь заказывать?

Фыну следовало рассмеяться — люди, одетые в серые полотняные штаны и такие же рубахи, не заказывают сапог с лакированными голенищами. Но Фын не рассмеялся. Веселый Фын, как известно, не умел улыбаться. Не научился за свою жизнь.

— А ты сделаешь башмачки на деревянной подошве?

— Я все могу. Но стоять это будет слишком дорого.

Надо было подавить бесцеремонность, с которой Фын устанавливал свое право на равенство с офицером: Поярков был подъесаулом, хотя и тачал сапоги на Биржевой улице.

Подавить бесцеремонность Фына было не так-то легко. Он умел не замечать чужого протеста или чужого недовольства. Все так же старательно поглаживая свою большую ногу, он пояснил подъесаулу:

— Кому надо, тот денег не пожалеет.

Позже, спустя год, то пояснение Фына было подкреплено действием. Поярков получил заказ очень богатого и щедрого человека. Спустя год. А в тот день хвастовство Фына прозвучало комично.

Год Фын посещал мастерскую Пояркова, посещал как будущий заказчик, присматриваясь к мастеру и изучая товар. Можно было выставить нахального клиента, указать на дверь, не заботясь о том, как воспримет это Веселый Фын. В другом бы месте, например в магазине Чурина, с хромым китайцем так бы и поступили. Но Поярков не увидел в Фыне клиента. Что-то загадочное нес в себе китаец скрывал это самым тщательным образом. Правда, игра в заказчика была притивной, но весьма вдохновенной.

Однажды в обычный день и в обычный час явился Фын в мастерскую. Все было обычным. Необычным было лишь поведение Фына. На циновку у порога не сел, а стоя в дверях, сказал:

— Сошьешь сапоги для важного господина?

Сказал, будто сам был этим важным господином и сапоги заказывал на собственные ноги.

Смешным показался Пояркову Веселый Фын в новой роли, и он воспользовался случаем, чтобы пошутить над важным клиентом. Пододвинул стул, широким жестом предложил сесть.

— Прошу! Будем снимать мерку.

Впервые Фын открыл широко глаза и этим высказал свое крайнее удивление.

— Что будем шить? Сапоги? Штиблеты? — не останавливался Поярков.

С большим трудом Фын выговорил:

— Сапоги... Не мне, а начальнику миссии...

Тайна начинала обретать какие-то контуры. Смутные пока, но все же по ним можно было кое о чем догадаться.

— Мерку снимать с тебя, а шить для начальника миссии?

Выдержка никогда не покидала Фына, но сейчас он понял, что теряет силы, и завизжал в отчаянии:

— Иди! Иди за мной. Начальник ждет.

Поярков сделал серьезное лицо: ну, если сам начальник миссии! Встал со скамейки, снял фартук, поискал в кармане пиджака ключ, вынул его и стал вертеть в руках, дескать, пошли.

Веселый Фын вышел первым из мастерской и, не дожидая Пояркова, засеменил, прихрамывая, по тротуару в сторону Цицикарской улицы. Поярков двинулся следом.

«Странный вызов», — подумал он.

Его встретили подчеркнуто учтиво. И не в самой миссии, а в особняке, что стоял на противоположной стороне улицы. Чугунная изгородь отделяла особняк и окружавший его парк от тротуара. Слуга китаец поклонился Пояркову и открыл небольшую калитку рядом с воротами, жестом показал на дорожку, по которой следовало добираться до крыльца.

Веселый Фын куда-то исчез. Шел, шел рядом и вдруг растаял. Он, видно, умел исчезать незаметно и, главное, неожиданно. Фын знал порог, через который ему нельзя переступить.

Пожилая японка в кимоно, расшитом белыми шелковыми хризантемами, встретила Пояркова у двери и, церемонно кланяясь, проводила в гостиную.

Ему предоставили возможность побыть одному. Осмотреться. Почувствовать себя свободным. Последнее, видимо, играло немаловажную роль. Позже его оставляли одного в кабинетах с открытыми столами и даже сейфами. Надо полагать — не случайно.

Прошло минут десять, прежде чем боковая дверь отворилась, и в гостиной появился хозяин дома. На нем была юката, легкое кимоно для прогулок по саду. Поклонившись, он, однако, не подошел к Пояркову, а остановился в дверях, дав понять этим, что сократить расстояние между ними должен гость. Поярков поспешно поднялся и подошел к двери.

— Мистер Поярков, — произнес хозяин. — Рад видеть вас!

Пожав друг другу руки, они снова разошлись. Хозяин сел под пейзажем, производящим вершину вулкана и одинокую сосну, Поярков — чуть поодаль, в углу слева.

— Мы знаем, у вас золотые руки, мистер Поярков, вы все можете.

Поярков тотчас полез в карман за карандашом, листком бумаги и сантиметром.

— Я шил всем господам, — сообщил Поярков.

— Да, о вас хорошо отзываются влиятельные люди Харбина, — кивнул одобрительно хозяин.

— Значит, будем шить сапоги?

— Сапоги, — снова кивнул хозяин. И, переждав немного, уточнил: — Как у Чжан Цзо-лина...

Умышленно, видимо, повторялось имя диктатора.

— В них не было ничего особенного, — повел недоуменно плечами Поярков. — Только материал...

— Их помнят в Маньчжурии, — заметил хозяин и тем как бы отдал дань таланту мастера. — Материал можно потратить и на солдатские сапоги, если, конечно, не жаль денег.

— Вы правы, — согласился Поярков. — Я обычно берегу материал.

— Не скромничайте, мистер Поярков. Сапоги Чжан Цзо-лина — легенда. Вы способны ее повторить?

— Если прикажете.

— Зачем же приказывать? Прошу.

Прицелился этот чертов хозяин к сапогам Чжан Цзо-лина. Хорошо, если дело только в сапогах.

— Сделаю лучше.

— О-о! Вы кудесник... — Хозяин нарочито весело рассмеялся и прижал руки к своему толстому животу. — Но я хочу точно такие же, как у Чжан Цзо-лина. Точно такие.

— Ваша воля. Но японский офицер может предложить свой собственный фасон.

— Может... но в свое время... — полусерьезно ответил хозяин. — В Китае любят высокие голенища. Консерваторы, ничего не поделаешь.

Из этой шутливой фразы Поярков выбрал всего три слова: «в свое время». Значит, «в свое время» подлаживаться под китайские вкусы надобности не будет. Непонятно только, зачем хозяин акцентирует внимание Пояркова на Чжан Цзо-лине? Или пытается выяснить отношение «мастера» к китайцам, его связи с окружением бывшего диктатора. Ведь сын Чжан Цзо-лина находится в оппозиции к японцам и даже пытается выступать против них.

— Мода меняется, и надо идти с ней в ногу.

Посмеиваясь, будто не улавливая подтекста в ответе Пояркова, хозяин сказал:

— Вы настоящий мастер. Вы все понимаете...

— Пытаюсь.

— Я порекомендую вас высшим офицерам штаба.

— Благодарю.

— Заказов будет много. Мой дом — только начало. Вы не пожалеете, что приняли наше предложение. Надо идти в ногу с модой, верно сказано...

Каждый раз, готовясь к беседе с «важным господином», Поярков анализировал предыдущую встречу, намечал примерную схему «боя» и определял, в какой момент он должен отступить или сдаться в «плен».

Накануне одной из таких, ставших традиционными, встреч, когда Поярков был занят разработкой схемы «боя», произошло событие, нарушившее традицию. В мастерскую пришла заказать туфли женщина.

Женщины вообще редко заглядывали в мастерскую Пояркова. В Харбине было несколько известных мастеров, специализировавшихся на изготовлении дамской обуви. Наконец, магазин Чурина выполнял заказы модниц, выписывая туфли из Франции и Германии. Женщина была молода и красива. Она была богата, так показалось Пояркову. Во всяком случае, медальон на золотой цепочке с тремя крупными рубинами, который заказчица так небреж-

но отбросила, наклонившись, чтобы снять туфлю, мог принадлежать только состоятельному человеку. О том же говорили бриллиантовые серьги и широкий золотой браслет.

Она была русской. Больше того — амурской казачкой. Он понял сразу, что она с левого берега, и заволновался. Ему хотелось поговорить с ней, и не об этих дурацких туфлях, которые она пришла показать.

Он смотрел, как она садилась на стул, старый, потертый стул, предназначенный совсем не для нее, не для амурской красавицы, смотрел, как стягивала с головы газовой шарфик — такие шарфики оберегали обычно лица харбинок от противной желтой пыли, как улыбалась смущенно, возясь с туфлей, которая не хотела сниматься с ее смуглой, чуть полноватой ноги. Смотрел и тоже улыбался, но не смущенно, как она, а восторженно и счастливо.

Потом он, так же не отрывая от нее глаз, стал опутывать ее ногу сантиметром и повторять это несколько раз и никак не мог запомнить нужные цифры. Тогда она взяла из его рук сантиметр, сама смерила и потребовала, чтобы он записал.

Он записал. Стал ждать, когда она назовет свою фамилию.

Она засмеялась.

— Нет у меня фамилии. Катька я!

Поярков принял это за шутку. Написал «Екатерина» и снова замер в ожидании. Она поправила:

— Катька, а не Екатерина. Так зовут все...

— Адрес?

— «Бомонд»... Ресторан «Бомонд».

Его передернуло. Как-то пошло звучало все это. Он посмотрел на заказчицу с удивлением.

— Мне надобен адрес. Где я найду вас, чтобы показать товар?

— Я же сказала, ресторан «Бомонд». Вы никогда не были у нас?

— Не был... Не хожу в рестораны.

— А-а?!

— Если не трудно, загляните сюда на той неделе, — предложил Поярков.

Она нахмурилась.

— Нет.

— Как же быть?

— Да никак... В среду я в зале. Столы мои справа у эстрады. Займете! Я подой-

ду, приму заказ, а вы покажете свой товар.

Нелепые вещи предлагала амурская заказка. Он должен пойти в «Бомонд» и заказать себе ужин.

Ради чего?

— Я предпочел бы в другом месте.

— Другого места у меня нет. В среду, — повторила она.

**И не только миссия
интересуется...**

Приглашение в «Бомонд» насторожило Пояркова.

Целая неделя, уйма времени. Можно все обдумать и все решить. То он видел свою заказчицу просто женщиной, не особенно тонкой и изобретательной, с самыми банальными идеями в голове, то подозревал в ней тайного агента японской секретной службы.

Если это просто заказчица, он не пойдет в «Бомонд». Заводить знакомство с какой-то официанткой глупо. Другое дело — агент или доверенное лицо японской службы.

В понедельник Поярков понес заказ в японский дом, надеясь увидеть «важного господина» и продолжить разговор, очень интересный, по его мнению. В руках он держал башмачки из сафьяна, предназначенные для хозяйки, и образец товара: сапоги чжанцзолиновского фасона требовали особой кожи. Перед домом «важного господина» Поярков остановился, чтобы позвонить и доложить о своем появлении.

Однако нажать кнопку ему не удалось. Слово из-под земли вырвалось Веселый Фын и протянул руку к свертку.

— Господина нет. Он велел передать заказ Фыну.

Поярков отвел торопливую руку китайца.

— Это госпоже.

— Госпожи нет. Она велела передать заказ Фыну.

Веселый Фын действовал как автомат. Возражать или доказывать ему что-то было бесполезно.

Он смотрел не мигая на Пояркова и ждал.

— Меня же просили прийти сегодня.

— Веселый Фын все знает.

Пояркова подмывало дать хорошую затрещину нахальному Фыну, но он сдержал себя и лишь усмехнулся.

— Этого ты не знаешь.

Фын сморщил лоб, пытаясь понять, что имеет в виду сапожник.

— Не знаешь, — повторил Поярков.

Он покрепче засунул под мышку сверток и, повернувшись, пошел прочь от дома «важного господина».

Всю дорогу от Цицикарской до Биржевой он размышлял над событиями последней недели. Да, это были события, хотя и выглядели пустяками: явилась странная заказчица, «важного господина» не оказалось в назначенный день и час дома, родился вновь Веселый Фын. Каждое в отдельности событие можно расценить как случайность, но вместе они представляют собой, пожалуй, что-то закономерное, необъяснимое и тревожное.

Было начало. Ясное, логичное, характерное для японцев.

И вдруг — обрыв!

— Узнали что-то, дискредитирующее меня?

— Отказались от плана?

— Переменили тактику?

Первое опасно. Черт знает, какую информацию получили японцы!

Второе — неприятно. Игра началась хорошо и была многообещающей. Поярков и рассчитывал на смелый ход.

Третье — любопытно. Изменение тактики, это что-то новое в работе японской секретной службы. Появился новый человек? Кто он?

Второе и третье — приемлемо. Второе, правда, разочаровывало, но, что поделаешь, не он диктует направление деятельности штаба Квантунской армии. Третье давало возможность попробовать себя, свои силы.

Первое ни с какой стороны не устраивало. Оно пугало, сковывало, заставляло переходить к обороне, даже отступать. А когда отступаешь хоть на шаг, на два, не знаешь, что ждет тебя. Ровная дорога или рытвины и ямы. Того и гляди отступишься...

Пояркову казалось, что за ним следят. От самой Цицикарской кто-то идет следом, фиксирует каждое его движение. Фын идет. Именно он должен стать тенью Пояркова.

У мастерской Поярков не выдержал и оглянулся. Никого сзади не было. То есть были люди, но лысой головы Фына он не заметил. «Мерещится! Нервы напряжены. Теряю самообладание».

Цепь неожиданностей... Кончится ли она?

Поярков вошел в мастерскую, снял пиджак, повесил его на гвоздь в углу. Застыл в нерешительности. Желания влезать в фартук и браться за молоток не было. Вообще, желания оставаться в мастерской не было. Она пугала его сегодня своей полутьмой, своей неустроенностью.

Он решил уйти. Побродить часок по городу. Развезаться. В это время в дверь постучали.

— Открыто! — нехотя отозвался Поярков.

Вошла она, та самая заказчица с газовой косынкой на голове. Амурская казачка. Этого еще не хватало! День неожиданностей. Поярков изобразил на лице такую муку, что заказчица не решилась пройти вглубь, к столу, а замерла у двери.

— Не ко времени? — спросила она.

— Пришли заказ вернуть? — зло спросил Поярков.

— Нет, что вы... Хотела сказать, чтобы вы не приходили в среду... Не надо...

— Не надо, так не надо, — грустно произнес Поярков.

— Только вы не сердитесь.

— Отчего же я должен сердиться? Вы назвали день, вы вправе и отменить. Если бы я назначил, другое дело...

— Так назначьте!

— Что?!

— Назначьте, говорю, только не в среду. В среду нельзя... Меня не будет.

— Ерунда какая-то! — развел руками Поярков. — Вы понимаете, что говорите? Я хозяин только в своей мастерской, да и то временно, пока плачу аренду господину Сахарову. «Бомондом» не распоряжаюсь. Да и желания не имею. Там другие хозяева. Вы, может быть...

Широко открытыми глазами казачка смотрела на Пояркова. Он сердится, и это пугало ее.

— Вот мною и распорядитесь, — сказала она просто.

— Нет, вы ничего не понимаете. Абсолютно ничего. — Поярков пододвинул к ней старый, с потертой обивкой стул. — Садитесь!

Она кивнула, благодаря за приглашение, села на краешек и стянула с лица газовую косынку. Еще красивей и неотразимей было это лицо. Волнение сделало его подвижным, глаза горели ярко, и вся теп-

лота их будто выплескивалась на Пояркова. Он, как и в прошлый раз, застыл, пораженный.

— Вами распорядиться? — спросил он робко.

— Ну да. Отчего же нет. Катькой все распорядятся.

Циничное признание. Но Поярков уловил в тоне, каким казачка произнесла фразу, еще и вызов.

— Вы не из тех, кем распорядятся. Она поняла, что переборщила. Конечно, ею распорядились. Были такие. Только трудно им приходилось.

— Из тех, — сказала она упрямо.

— Что из того. Я тоже — не распорядитель.

Казачка оглядела закуток, оценила:

— Да, конечно...

Поярков опустился на скамеечку против заказчицы, посмотрел ей в глаза.

— Ну вот что, Катя...

— Катька, — поправила она.

— Все же, Катя.

— Если уж хотите знать настоящее имя — я Люба.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Хорошо, что Люба...

— Почему?

— Не знаю почему, но хорошо... Так вот, Люба, я сошью вам красивые туфли... Чудесные туфли. Весь Харбин завидовать станет... Но в «Бомонд» не пойду.

— Не пойдете? Как же так, не пойдете? Нельзя вам не пойти.

— Это что-то новое. Почему нельзя?

— Зову ведь... Не всякого Катька зовет.

— Догадываюсь.

— Коли догадываетесь, то идите. Только назначьте день!

Он вскочил.

— Да зачем я вам нужен, Люба? Товар я покажу хоть сейчас. — Он полез в шкафчик, где хранились образцы.

— Не стану смотреть.

Катя поднялась, отодвинула шумно стул и тем дала понять — собирается уйти.

Поярков бросил свои образцы — ворох цветных обрезков, с которыми возился, кинулся к Кате, взял ее за руку.

— Да что вы в самом деле, Люба? Вам туфли не нужны?

Она пожала плечами.

— Может, и не нужны.

— Так что вам нужно?

— Не догадываетесь?

— Нет.

Катя была уже у двери. Створка скрипнула тревожно.

— Прощайте, Борис Владимирович!

Его испугало не столько ее желание уйти, сколько вот это «Борис Владимирович».

— Откуда вы знаете мое имя?

Она улыбнулась. Лукавая была улыбка, задиристая.

— Да откуда же?

— Недогадливый вы человек, Борис Владимирович... Однако пустите, иду я...

Катя торопливо набросила на лицо газовый шарфик и выскользнула на улицу. Наступила среда. Ничего знаменательного она с собой не несла. Встречу, назначенную прежде на этот день, Катя отменила, а других встреч или приглашений не было. И все же со средой Поярков связывал то волнение, то тревожное ожидание, что родилось в нем и с наступлением этого дня стало невыносимым.

В шесть часов он закрыл мастерскую и пошел домой. Переоделся, предупредил хозяйку, что, возможно, задержится, и помчался на трамвае в центр, к «Бомонду».

В одиннадцать часов, так и не увидев Катю, Поярков покинул ресторан. Он был мрачен, зол на всех и на самого себя и бранился. Мысленно, конечно. Ни официант, который, дьявольски медленно подсчитывал выпитое и съеденное, хотя выпито и съедено было ничтожно мало, ни гардеробщик, возившийся со шляпой Пояркова, как с короной английского короля — дул на нее и подчищал щеткой поля, не услышали ни «дурак», ни «идиота», ни «кретина».

«А я ждал. Я чего-то ждал весь день».

Около своего дома Поярков увидел человека.

Когда Поярков приблизился к крыльцу, человек поднялся. Поднялся и заковылял навстречу. Это был Веселый Фын. Тош, лыс, хром. Кто еще мог так странно, подергиваясь всем телом, припадать на одну ногу.

Наваждение какое-то! Откуда взялся здесь Фын? Он не знал адреса Пояркова и никогда не интересовался тем, где обитает сапожник с Биржевой улицы. Ему достаточно было мастерской.

Поярков задержал шаг и дал возможность Веселому Фыну приблизиться.

Лицо китайца было, как всегда, бесчувственным, в маске равнодушия, и глаза полужакрыты, словно в дреме.

— Вот пришел Веселый Фын! — сказал за китайца его обычную фразу Поярков.

Тот ничего не ответил. Не принял этого дружеского намека. Протянул Пояркову бумажку, старательно свернутую. Ладонь была раскрыта, и она трепетала на ветрке.

Поярков взял ее и тотчас развернул. Ему не терпелось узнать, кто прислал записку.

«Будьте завтра там же!» — прочел он при свете уличного фонаря. Подписи не было. Всего четыре слова. Почерк ровный, почти каллиграфический, ничего не говорящий об авторе. Но не женский. Так показалось Пояркову.

**Кто он — господин Ли,
сэр Стейл, капитан Милнич,
синьор Вантини?**

Его ждали. Об этом нетрудно было догадаться. Поярков не надеялся найти в «Бомонде» свободный столик, так как опоздал к открытию ресторана, но столик нашелся. На нем стояла картонка с коротким, но строгим текстом на английском, французском и русском языках: «Заказано».

«Значит, записка от Кати! — заключил Поярков. — Мир восстановлен». Ему было приятно сознавать, что она проявила к нему внимание. Не без волнения ждал он появления казачки.

Но к столику шел вчерашний официант, молодой человек с рыбьими глазами и большим носом. Шел, неся впереди себя поднос, уставленный бутылками и закусками. Ужин был уже заказан, Катя или кто там еще расписали весь вечер Пояркова в «Бомонде».

— Пока закусывайте, — сказал, поклонившись, официант. — Стол для ужина сервируется в номере.

Официант исчез.

«Да, все расписано. Катька, оказывается, не просто Катька. Интуиция меня не обманула. Непонятной, однако, осталась тактика».

Он отпил из бокала, почувствовал терпкость, возбуждающую и обостряющую мысль. Откинулся на спинку стула.

«Все хорошо. Надо лишь освоиться с этим приятным состоянием. И подготовить себя к встрече. В кабинете ему представится наконец «хозяин», иначе нет смысла за-

тывать игру и строить дорогостоящие декорации. Фын, «важный господин», его жена, Катя — это все промежуточные звенья, второстепенные и третьестепенные персонажи. Главный герой появится сейчас».

Официант подошел к столику и, наклонившись, сказал:

— Вот там, за большим цветком, синяя портьера... Откройте! Вас там ждут.

Ток пробежал по телу Пояркова.

— Рассчитаться? — спросил он у официанта.

— Уже заплачено, — кивнул тот и отошел от столика, чтобы дать возможность Пояркову свободно пройти.

До синей портьеры было сравнительно далеко — восемь или девять столиков. Каждый следовало обойти и потом еще подняться на ступеньку. Поярков обошел не спеша все восемь, спокойно обошел, а вот перед ступенькой легкость и уверенность исчезли. «Кто там? — думал он с тревогой. — Кто за портьерой?»

Там оказалась Катя. Всего лишь Катя.

— Вы? — Поярков был удивлен.

— А вас приглашал кто-то другой? — сказала она почему-то серьезно, хотя следовало бы приветливо улыбнуться.

— Нет, конечно, — растерянно ответил Поярков. Он был и удивлен и огорчен. Это не прошло мимо Кати.

— Правда, вы отказались от приглашения, и довольно бесцеремонно.

— Простите меня, Люба!

Она грустно покачала головой.

— Бог вас простит, Борис Владимирович.

Потом подошла и вдруг поцеловала его волосы. Легко, едва коснувшись губами. Это было что-то невероятное.

— Люба!

— Ну, ну... Просто мир. Вы же хотели мира?

— Да вы читаете мои мысли!

Катя засмеялась.

— Не читаю, не умею... И зачем читать? Вы же вчера приходили помириться.

— Меня кто-то видел здесь?

— Я видела.

— Почему же не вышли в зал?

— Вы забыли предупреждение: меня в среду не будет!

Катя отодвинула стул и жестом пригласила сестру. Сама села напротив.

— Вы тогда захватили с собой образцы товара?

Об этом он забыл. Впрочем, не забыл. Шел-то он не к Кате, а к кому-то другому. Образцы тому, другому, были явно не нужны. Игра с Катей ведь кончилась, так считал он вчера.

— Нет, не захватил.

— Сегодня тоже?

— И сегодня — тоже! Я решил, что они ни к чему. Туфли ведь вас не интересуют?

— Почти... Хотя я женщина и люблю красивые вещи.

— Тогда я сошью.

Улыбка исчезла с лица Кати, и она озабоченно произнесла:

— Шить не обязательно, а вот принести образцы надо. Жаль, что не захватили... Впрочем, они не могут быть в кармане пиджака? Так с вами не случается?

Он нащупал карман и кивнул виновато.

— Ну и прекрасно!

— Так мы бог знает до чего договоримся. Так и в омут можно... Сегодня день не тот. Я обещала вам веселый вечер. Во всяком случае, приятный. Сейчас познакомлю вас с моим «родственником». Замечательный человек. Он вам понравится... И главное, будет полезен.

Поярков не успел выразить своего отношения к инициативе Кати, она торопливо скрылась за шторой.

«Ну, теперь наверняка появится «хозяин».

Поярков сел поудобнее, положил руки на подлокотник, — откинул голову на спинку — полное спокойствие, даже пренебрежение ко всему, что происходит и что должно произойти в кабинете. Не хватало сигары. Но Поярков не курил.

«Давайте вашего главного!»

Вошел мужчина в сером пиджаке с накладными карманами, в галифе и крагах. Лицо его было сухим, глаза маленькие, цепкие. Щеки выбриты до синевы. Он улыбнулся тонкими губами, глаза остались строгими и спокойными.

— Борис Владимирович!

Поярков вскочил. Во всем облике вошедшего было что-то требовательное и властное. Он внушал к себе уважение. Притом он был старше Пояркова, и это обязывало к подчинению.

Они протянули друг другу руки.

— Будем знакомы!

Своего имени вошедший не назвал.

— Милая! — сказал он Кате. — Распорядись, чтобы нам принесли из ледника водочки, русской водочки... Как вы относитесь к беленькой? А? Вижу, что не про-

тив... И семги, Катюша! И возвращайся. Скрась нашу холостяцкую компанию своим присутствием.

Катя улыбнулась весело, ей, кажется, польстило приглашение господина в сером.

— Я мигом.

И убежала. «Родственник» расстегнул пиджак, вытянул из кармашка сигару, сел в кресло поудобнее и закурил.

— Не предлагаю, — сказал он Пояркову. — Вы ведь не курите.

— Да, — признался Поярков без особого удовольствия. Кому доставит радость сознание того, что о тебе все известно и ты вроде бы просвечен насквозь.

— И правильно делаете, — одобрил господин в сером, этот мнимый родственник Кати. — В нашей с вами профессии это иногда мешает...

«В нашей с вами профессии!» Поярков сжал ладонью подлокотник. Господин в сером имел в виду явно не сапожное дело. Конечно, можно не обратить внимания на его слова, сделать вид, что не понял. Так, собственно, и поступил Поярков. Но слова-то были сказаны.

«Родственник» не придавал никакого значения игре собеседника в наивность и, попыхая сигарой, продолжал:

— Не надо работать на покойников, друг мой! Впрочем, вы, наверное, давно уже не работаете... Покойники, как правило, банкроты. Им нечем платить. А это немаловажное в нашем деле обстоятельство...

Он затянулся сигарой, выпустил дым и сквозь него посмотрел на Пояркова.

— А в наше время есть небанкроты?

— Преуспевающие обычно не банкроты. Им надо раскошелиться, если хотят двигаться в нужном направлении. Как говорят, смазывать колеса. Ведь когда торопиться, колеса должны крутиться быстрее.

Поярков отпустил подлокотник. Ему стало немного легче, он начал понимать, куда зовет его собеседник, этот господин в сером.

— Вы говорите от их имени? — пошел в открытую Поярков.

— Да.

— Можно быть откровенным?

— Безусловно... Только откровенным. У нас деловая встреча.

— Вы предлагаете работать на японцев, так я вас понял?

Человек в сером поднял руку со своим красивым перстнем.

— О, это слишком откровенно! Называть хозяина не следует.

— Есть заменяющий иероглиф?

— Разумеется, но он появится лишь после того, как я услышу «да».

Поярков почувствовал, что можно перейти в наступление.

— У нас, как вы сказали, деловая встреча... Условия?

Господин в сером встал и прошелся по кабинету. Он был доволен ходом беседы.

— Это другой разговор... Будем считать, что вы произнесли «да». Я не требую письменного обязательства, у меня нет записывающего аппарата, и за портьерой не стоит свидетель... И я, тоже будем считать, предложил условия, вполне вас устраивающие. Вполне.— Господин в сером улыбнулся и вроде бы подмигнул Пояркову: не пропадете, мол.— Мы поняли друг друга. Этого достаточно на сегодня.

Он остановился, вынул из бокового карманчика галифе часы, нажал на кнопку, крышка, щелкнув, поднялась.

— Отметим время заключения договора... Девять часов сорок две минуты... Проверьте, Борис Владимирович!

Поярков взглянул на часы.

— Я не ошибся?

— Нет.

— А теперь отдохнем... Катюша!

А, черт возьми! Свидетель все же был.

Это был известный в китайских и японских шпионских кругах секретный агент, называвшийся то господином Ли, то сэром Стейлом, то капитаном Милкичем, то синьором Вантини. Настоящее имя его стало известно спустя несколько лет и Пояркову, когда в Англии вышла его книга «Секретный агент Японии». На обложке стояла фамилия автора: Амлето Веспа. Был он китайцем итальянского происхождения.

В тот вечер в ресторане «Бомонд» Поярков, конечно, не знал его настоящего имени и вообще не предполагал о существовании человека с такой фамилией и с такой биографией. Почти одновременно, в начале двадцатых годов, они покинули левый берег Амура. Что Веспа делал на левом берегу, осталось тайной, как и многое другое в его жизнеописании. Кажется, занимался проблемой извлечения золота из золотосной жилы без применения кирки и лопаты. Сколько добыл благородного металла и добыл ли, тоже тай-

на, но кое-какие сведения о красной России вывез с собой в Китай, а главное — знание русского языка. Способность к языкам у Веспы была феноменальная. Он владел помимо итальянского английского, французского, датского, немецкого, китайского, русским. Говорили, что, отправляясь в Россию, Веспа уже знал русский язык.

Работая на китайцев, Веспа завоевал не только авторитет, но и положение, он считался одним из главных агентов государственной секретной службы. Несколько раз ему приходилось скреживать оружие с японским Лоуренсом — Доихарой Кендзи, и не всегда Доихара выходил победителем. Далеко не всегда.

Японцы неоднократно пытались убрать Веспу, так же как убрали его друга Суайнхарта, но он умел вовремя ускользнуть. Чутье у него было отличное. Маньчжурские события застали господина Ли, или, как он назывался в то время, капитана Милкича, в Харбине. Вероятно, он мог бы исчезнуть, ему ничего не стоило перебраться в Южный Китай, но он ждал чего-то. Возможно, воцарения Пу И: все-таки молодой император был отпрыском Цинской династии и, по идее, мог защищать интересы Китая. Ничьи интересы Генри Пу И не защищал, он оказался марионеткой и действовал по указке японцев. Оставались еще силы, возглавляемые чжанцзолиновским сыном, им тоже мог быть полезен Веспа. Но и первому и второму капитан Милкич не понадобился. А японцы шли по следу китайского агента и легко накрыли его.

Они могли убить Веспу. Здесь, почти на собственной территории, ничего не стоило пустить в расход бывшего противника. Об этом никто не узнал бы. Но Доихара Кендзи решил, что выгоднее сохранить капитана Милкича, и не просто сохранить, а сделать его японским агентом. Бывшие враги стали союзниками. Амлето Веспа вошел в ударную группу японской разведывательной службы в Маньчжурии.

Одним из важных поручений Веспе был поиск человека для осуществления чрезвычайно секретной акции на левом берегу Амура. Доихара назвал эту акцию выходом за линию «Черного дракона». Амур назывался рекой Черного дракона.

Поиски привели Веспу на Биржевую улицу к подъезду Пояркову.

Он знал этого эмигранта, подрабатывающего шитьем сапог для китайских чи-

новников. Существовала целая сеть информаторов среди белогвардейцев, осевших в Харбине, Дайрене и Сахалине, и каждый русский, оказавшийся в Маньчжурии, был на учете. Поярков давно попал на мушку, давно его фамилия фигурировала в делах китайской жандармерии. Не запятанная ничем антикитайским фамилия. И антиэмигрантским — тоже. Напротив, он характеризовался как лояльно настроенный по отношению к правительству и к белому русскому офицерству. Его стали втягивать в «Союз монархистов», и он вошел в него, позвали в «Союз казаков» — дал согласие. Не получилось того же с «Российской фашистской партией». Он по приглашению Факелова и Родзаевского посещал «митинги», где славил дуче и клялись испепелить прогнивший мир демократии, но вступать в партию поклонников свастики не торопился. Поярков все спрашивал: «А как с царем? Царя, выходит, не будет?! Мы, казаки, установлены государем. Мы его оплот!» Над ним смеялись, но считали не совсем потерянным для дела человеком: «Мы царя-то из твоей головы выбьем. А остальное нам подойдет...»

Большой интерес вызывали статьи Пояркова в эмигрантских газетах. Их не всегда одобряли, он призывал не терять связи с народом, не рвать с традициями, а это не устраивало кое-кого из теоретиков оседания русского офицерства в Маньчжурии. Они мечтали о создании в Харбине эмигрантского правительства и превращении самого Харбина в казачью столицу. Пояркова критиковали за его статьи, спорили с ним, но отдавали должное его желанию сохранить душу русского казака.

Все знал, все учитывал Веспа, когда решал вопрос, кому доверить выполнение очень трудной и очень тонкой операции. Родственники Пояркова жили в Хабаровске и еще где-то за Амуром. Это сыграло решающую роль. Ну, и конечно, верная служба китайцам. Веспе не удалось найти донесений Пояркова штабу жандармерии, но он встречал ссылки на сапожника с Биржевой улицы во многих документах. Важные ссылки. К тому же Веспа знал о встречах Пояркова с Чжан Цзо-лином, офицерами его штаба и сотрудниками разведки.

Он остановился на Пояркове.

В среду операцию провела одна Катя. Поярков пришел в «Бомонд». Она видела его через штору и догадалась, что сапож-

ник попал на крючок. С согласия господина в сером Катя через Фына послала Пояркову записку. Именно через Фына, чтобы сапожник понял, что он в кольце и кольцо замкнулось. В четверг Поярков оказался в номере и был завербован. В тот же вечер Веспа доложил начальнику Харбинской японской военной миссии о завершении первого этапа операции.

Вторая встреча с «родственником» Катя состоялась опять в «Бомонде», в том же самом номере, но без Кати. И без «беленькой». Господин в сером сказал, что торжественное посвящение в рыцари закончено и пока нет повода произносить новые тосты. Такой повод, он надеется, появится в недалеком будущем, и будущее это легко приблизить с помощью энергии и таланта самого Пояркова. Дабы Поярков не испытывал затруднений в своей деятельности, ему вручается аванс. Господин в сером передал Пояркову пачку денег. «Вы должны быть свободны в расходах, — сказал он. — Встречайтесь с людьми, которые вам нужны здесь и могут понадобиться там. Особенно с теми, кто имеет родственников в Хабаровске и Благовещенске».

Третья встреча произошла на берегу Сунгари в небольшом кафе, совершенно пустом и, кажется, открытом в этот утренний час только для господина в сером.

— Ваш номер 243, — сказал он Пояркову.

Поярков поморщился.

— Не люблю номера́.

— Это учтено... — Господин в сером посмотрел, надо полагать специально, на желтую гладь реки, залитую утренним солнцем, и сказал — Сунгариец! Сунгариец — вам нравится?

— Нравится.

— Мне тоже... Между прочим, предложение шефа.

— Он знает мой вкус?

Господин в сером рассмеялся. Беззвучно, как всегда.

— Как говорит наш общий знакомый, Веселый Фын все знает!

Напоминание о китайце сделано было с умыслом. Господин в сером хотел, чтобы Пояркову стало известно, кем срежиссирован спектакль в мастерской на Биржевой улице.

— Веселый Фын действительно все знает, — подтвердил Поярков и как-то загадочно улыбнулся.

— Вы подаете большие надежды, Борис Владимирович.

— Сунгариец, — шутливо поправил Полярков.

— Bravo! Пожалуй, за это можно и выпить. Успехи налицо!

— Кстати, как мне вас называть? — заинтересовался Полярков.

— Как? Действительно, как? А может, не надо никак называть? Наше знакомство слишком короткое. Настолько короткое, что вы не успеете воспользоваться моим именем... Я ведь только лоцман, выводящий судно из порта на рейд. А там уж дело капитана поднимать паруса и выбирать маршрут.

**Я предпочитаю
расстреливать тех,
кто проявляет к нам
недружелюбие...**

Рикша завез Пояркова в самую глушь Модягоу. Улочки — не поймешь, улочки ли это, какой-то лабиринт, в котором невозможно ориентироваться и из которого нельзя выбраться, — были до того узкими, что колеса едва не касались стен. По неведомым Пояркову признакам, жалким огонькам или покосившимся калиткам рикша находил нужное направление. Около одной из таких калиток он остановился и, подняв кверху палец, известил седока, что путь окончен. Поярков слез с коляски и протянул рикше мелочь. Но тот отказался от денег. Проезд был уже оплачен.

Поярков переступил порог и оказался в довольно просторной комнате, только очень низкой и почти пустой: два или три табурета и плетенная из травы циновка на полу... Вот и все убранство.

Только теперь Поярков увидел в свете полуприкрученной керосиновой лампы господина в сером и рядом с ним, вернее за ним, японца невысокого роста, коренастого и большоголового. Господин в сером приветливо улыбнулся, японец же никак не проявил своего отношения к гостю: лицо его было спокойно-сосредоточенным, холодным и надменным.

— Добрый вечер, господа! — Поярков произнес это громко и весело.

— Добрый вечер! — отозвался господин в сером.

Японец помедлил и потом тихо, словно нехота, выдавил из себя:

— Здравствуйте!

Какое-то время Поярков и японец изучали друг друга. Поярков припоминал, не видел ли он где этого коренастого человека с тяжелым взглядом больших раскосых глаз. Японец знакомился с новым агентом, оценивал его. Он верил в непогрешимость первого впечатления.

Неожиданно японец отвел взгляд и торпливо опустился на табурет.

— Вы все объяснили? — бросил он господину в сером.

— Все.

— Условия приняты?

— Да.

Японец повернулся к Пояркову.

— Ваш номер 243.

— Двести сорок три, — повторил Поярков. — Я — Сунгариец!

— Кличка предложена мною, — зачем-то пояснил японец. — Она дана навсегда, как и номер. Мы не любим менять то, что установлено, и не любим, когда это делают другие. Когда нам служат хорошо, мы вознаграждаем, когда изменяют — наказываем. Лично я предпочитаю расстреливать тех, кто проявляет к нам недружелюбие.

Предупреждение было таким грозным и таким нелепым сейчас, что Поярков не знал, как на него реагировать. Сказать, что принимает условия японца и клянется в верности, не мог. Это унижало его. Изобразить испуг — тем более. Он не боялся японца. Да и нужно ли вообще реагировать на эту напутственную «речь» шефа! Судя по всему, японец был его шефом. И не только его. Манера держать себя, тон, которым произносились слова, все говорило о высоте положения японца. Он был по меньшей мере руководителем отделения или даже отдела разведывательной службы. Поярков смолчал. Пусть японец расценит молчание, как ему угодно: согласие, клятва, раздумье, испуг...

— Вы согласны служить на таких условиях?

— Согласен.

— У вас есть какие-нибудь личные мотивы, способные сделать работу за кордоном более полезной и эффективной?

За Пояркова ответил господин в сером:

— Сунгариец потерял все в девятнадцатом году. Его родители расстреляны, собственность отнята. Он лишен офицерского звания...

— Я подьесаул, — добавил Поярков.

— По возвращении вы получите офицерский чин японской армии, соответствующий вашим заслугам и вашему положению. Надеюсь, он будет не меньшим.

— Миссия, которая на вас возлагается, — продолжал японец, — трудна. Она уникальна в некотором смысле и потому не может опираться на чей-то опыт. Мы не способны подсказать вам пути и способы и ограничиваемся лишь постановкой задачи. Остальное зависит от вас. Мы вам гарантируем связь. И деньги. Столько денег, сколько потребуется для дела.

Харбин. Последние часы

Надо было покидать Харбин. Десять лет он мечтал о свободе — чужая земля тяготила его, — а когда наступил час расставания, он вдруг загрустил. Привязался, что ли, к этому пестрому, пыльному Харбину, не похожему ни на русский, ни на китайский город, или призыв к тревожности, которая окружала его здесь постоянно и стала какой-то необходимостью. Вечное ожидание, вечная напряженность, готовность к действию!

Время истекло. В субботу утром Пояркову напомнили о приближении срока «отъезда» и приказали свернуть дело на Биржевой улице.

«Сегодня вечером вывеска должна быть снята, с заказчиками произведен полный расчет, с кредиторами, если они существуют, тоже. Для друзей хозяйки квартиры, заказчиков — он переезжает в Дайрен. В Харбин больше не вернется. Отъезд завтра. Быть готовым к двенадцати дня!»

В его распоряжении был вечер. Один вечер. Японцы уже не успеют проговориться. Все двери закрыты. Стучать бесполезно.

Он вспомнил про Катю. Нет, о ней он думал постоянно! Вспомнил, что Катя близка к тому миру, где хранятся и творятся тайны. Она может что-то знать, что-то случайное, не представляющее для нее никакой ценности, но необходимое ему, Пояркову.

Он решил найти Катю. Это была непростая задача. В «Бомонд» явиться нельзя. Его сразу заметят и тотчас доложат шефу. Тот допросит официантку, заинтересуется содержанием беседы с Сунгарийцем.

Заслоненный деревом, Поярков подо-

ждал, пока Катя сойдет с пролетки и окажется одна перед домом. Извозчик, освободившись, сразу повернул и скрылся за углом на Садзэой.

Поярков вышел из своего укрытия и направился к крыльцу — около дома светлее и можно разглядеть человека. Узнать его. Он надеялся, что Катя его узнает.

Она, верно, узнала. Обрадовалась даже. — Борис Владимирович! А я ждала вас в «Бомонде».

Она протянула ему руки.

— Там слишкомлюдно, — объяснил Поярков свое появление у ее дома.

Он взял ее руки, пожал горячо.

Катя высвободила свои руки из плена и сказала с деланной обидой:

— Вы не боитесь, что нас примут за влюбленных?

— Я действительно друг ваш!

Она, не слушая, зашагала неторопливо по тротуару.

Он взял ее под руку.

— Странно все получается, — заговорил он, как только они удалились от крыльца и попали в тень деревьев. Голос его звучал взволнованно. — Очень странно. Нам в самом деле ни к чему это. Права не имеем на чувства. Они — для хозяев. В пролетку с вами сел небось хозяин?

— Полковник Комуцубара.

— Вы подчинены ему?

— Нет.

— Но... все-таки он хозяин. Он японец и служит в Харбинской военной миссии.

— Он — не хозяин, — с раздражением подчеркнула Катя.

— Тогда почему? Почему он был с вами?

— Он любит меня.

Поярков остановился и посмотрел недоверчиво на Катю. Ему показалось, что она шутит.

— То есть как?

Детская наивность лишь способна была продиктовать подобный вопрос. Она, только что сердившаяся, рассмеялась весело.

— Вот так... И не хозяин, и любит... Бывает, Борис Владимирович. Вы ведь тоже не хозяин...

— Не хозяин, верно. Но вы со мной в пролетке не ездили.

— Наймите, поеду!

— Ох, Люба!

— Поеду, верно. Хотя зачем ездить? И так хорошо. Одни — в такую ночь.

Перепутала все Катя, заплутался оконча-

тельно Поярков и не знал теперь, как вы-браться из этой чащобы. Ведь не затем пришел, чтобы о сердечных делах гово-рить. Хотя и они его мучили.

— Верно, хорошо.

— Невесело говорите. А отчего?

— Тягость какая-то. Предчувствие, что ли, недоброе...

Катя покачала головой.

— Да, вам не позавидуешь.

— Вот и вы это понимаете. Может, ме-ня бросают на верную гибель. Люба, вы-то ведь знаете... Вы рядом с ними.

Трудную задачу он задал ей. Неразрешимую почти. Посочувствовать Катя мо-гла и даже утешить, но он искал не со-чувствия. Ему хотелось знать то, что со-ставляет тайну японцев. Тайну ее хозяев. Она запретна. Поэтому Катя откликнулась лишь на тревогу Пояркова. Так было прежде.

— Вы слишком дорого стоите, чтобы потерять вас сразу.

— Дело только в цене?

— И в ней тоже. Не обижайтесь, не мои слова это, а вам важно знать, что думают другие...

Конечно, ему важно знать, что думают другие, то есть хозяева. Но он еще ничего не узнал. Цену лишь свою.

— Если вещь дорогая, то должна быть и гарантия ее неприкосновенности.

Он подводил к тайне, Катя не заметила этого, ей чудилась тревога, и она приня-лась утешать Пояркова.

— Казаку там легче. Неприметен он, да и разговором не выдаст себя. Ну а если станет туго, сообразите, как поступить. Вы же русский...

При последнем слове Катя глянула на Пояркова настороженно, словно боялась, что он поймет ее превратно и ухватится за это самое «вы же русский».

Не ухватился Поярков, вроде не было сказано ничего, способного привлечь вни-мание.

— Полагаются целиком на меня?

— Вас прикроют.

— Меня прикроют или мной прикро-ются?

— Не знаю уж, как там. Но жизнь ваша застрахована... Не беспокойтесь! — угадала состояние Пояркова Катя. — Он не знает, что вы сейчас здесь. И думаю, никогда не узнает.

Заверение смелое. Но оно не успокоило Пояркова. Слишком шатко все и про-

тиворечиво. Впрочем, в нем, в этом про-тиворечии, есть свое преимущество для Пояркова. На его стороне Катя.

— Он будет со мной там? — спросил Поярков, хотя понимал, что переступал за-претную грань.

Катя тоже увидела грань, но не побоя-лась перешагнуть ее.

— Японцы за кордон не ходят. Теперь это исключено. Он даст возможность вам это сделать.

Вот что нужно было Пояркову. Значит, японцы пошлют его одного. Не станут пе-ред группой расшифровывать агента и подвергать его опасности разоблачения. Судьба диверсантов капризна, не всякий устоит перед соблазном продать ближне-го ради сохранения собственной жизни. А разоблаченный агент не нужен никому. Ни тем, кто его послал, ни тем, кто его приобрел. Японцы это учитывают.

— Вы верите в это, Люба?

Она ответила не сразу. Опять возникла грань, и переступить ее труднее, чем ту, первую. Поярков хотел знать ее мнение, а не мнение хозяев, от имени которых она вроде бы выступала до этого. Он об-ращался к чувствам ее.

— Я верю в вас...

Это было не то. И прозвучало как-то тревожно, с каким-то особым смыслом.

— Спасибо, Люба!

Ночью он передал сообщение:

Предположительный отъезд на той неделе. Двухместное купе с полковником Комуцубарой. Пересадка в Сахалине. Встречайте!

А в двенадцать дня, минута в минуту, к дому, где жил Поярков, подкатил свою коляску рикша и пригласил господина, отъезжающего в Дайрен, воспользоваться его «экипажем». Без особого удовольствия Поярков влез на сиденье, пристроил в но-гах чемоданчик и кивнул хозяйке — про-щайте!

Он собрался подъехать к вокзалу, пока-зать, что в самом деле намеревается сле-довать в Дайрен, но рикша и в мыслях не имел совершать прогулки по городу. Он сразу повернул на окраину и предос-тавил Пояркову полную возможность по-греться на полуденном солнце и погло-тать густой харбинской пыли.

С полчаса рикша бежал по шоссе, по-том свернул на проселочную дорогу и, отсчитав метров триста, остановился.

В стороне от дороги, в окружении чахлых, припорошенных пылью деревьев, стояло серое здание барачного типа. На него показал рикша Пояркуву.

Остальное разворачивалось с быстротой кинематографической ленты.

12.30

Пояркова встретил японский офицер в чине капитана:

— Мне приказано подготовить вас к отъезду.

Он не назвал фамилию того, к кому обращался.

С двенадцати тридцати Поярков стал именовать «господином» и «мистером».

13.10

Ему отвели комнату. Маленькую, слеповатую, с железной койкой.

— Отсюда выходить нельзя. Прогулки только в сопровождении офицера.

— Здесь нет одеяла.

— Оно не понадобится.

Это было удивительно.

«Кажется, я ошибся. Отъезд не на той неделе. Карты спутаны!»

14.25

Поярков лежал на койке, дверь без стука отворилась.

— Следуйте за мной!

Опять тот же капитан. Серьезный и деловитый.

Они вышли в коридор. В конце его была лестница, ведущая в подвальный этаж. По ней они спустились вниз. Впереди — капитан, сзади — Поярков. Свернули вправо, оказались в траншее. Она привела их в тир, вырытый рядом с постройкой. В глубине стояли мишени различной формы, освещенные застекленными щелями.

Капитан спросил:

— Какое оружие вам по руке?

Поярков ответил:

— А разве мне понадобится оружие?

Капитан странно посмотрел на Пояркова и смолчал. Открыл дверцу шкафа, показал на полку, где лежали револьверы и пистолеты различных марок.

Поярков взял наган, привычным движением провернул барабан, проверил гнезда для патронов. Револьвер не был заряжен.

— Давно не стрелял. Попробуем?

Офицер кивнул. Полез в какой-то ящик, достал патроны, протянул их Пояркову:

— Попробуйте!

«Значит, все-таки оружие понадобится». Печальный вывод.

Поярков вогнал патроны в гнезда. Стал бокон к мишеням, прицелился.

Выстрел. Второй. Третий.

— Неплохо! — похвалил себя Поярков. — Как вы считаете, капитан?

— Очень неплохо.

— Попробуем маузер?

— Нет, нет.

Канонерка шла не останавливаясь. Шла обычной рейсовой скоростью и ушла, надо полагать, далеко. Миновали Благовещенск. Многие миновали...

Высадка ночью. В другое время это и не делается. Диверсант, как и сын, охотится под надежным покровом темноты. А на канонерке — диверсанты.

Чем ближе ночь, тем сильнее волнение. Уже не тревога, а страх вселяется в Пояркова. Не просто, оказывается, ступить на родную землю в обличии врага. Все внутри холодеет.

Он не мог лежать. Сидеть не мог. Покой невыносим! Только двигаться. Два шага к двери, два шага от двери. И так — без конца...

Потом он упал на койку, лицом вниз, и замер. Внутри — боль, одна боль.

— Тридцать четвертый, наверх!

Ночь.

На палубе было тихо. Темно и тихо. Канонерка стояла метрах в ста от берега, который не был виден, а только угадывался.

Поярков влез по трапу на лодку. Запахнул поплотнее куртку, надвинул на глаза шапку. Сжался весь. Сверху крикнули:

— Пошел!

Лодка оторвалась от борта и поплыла...

Человек с бородной разгуливает по Благовещенску

Около двух дня, когда начальник Благовещенского управления ОГПУ Иван Мефодиевич Веселов собирался спуститься вниз пообедать, позвонил дежурный.

— К вам просится человек.

Напасть какая-то, телефон словно подкарауливает Ивана Мефодиевича в эти последние минуты перед перерывом.

— Что за человек?

— Назвался Соломиным... Да, точно... по документам Соломин Федор Христофорович.

Соломин сел, провел платком по лысине и, подавшись вперед, чтобы быть ближе к начальнику управления, начал:

— Имею честь заведовать рестораном «Амур»...

— Знаю. И у вас в ресторане вчера...

— Вы в курсе?

— Ничего я не в курсе... Просто решил помочь перейти к сути дела.

— Так вот, вчера у меня ужинал Борис Владимирович Поярково.

Соломин откинулся на спинку стула и посмотрел многозначительно на начальника управления.

— Что? — не понял Веселов.

— Поярково Борис Владимирович! Ровно в семь часов...

— Ну и что же?

— Как ну и что же?! — удивился Соломин. — Поярково — член «Монархического союза», агент секретного ведомства Чжан Цзо-лина. Его все в Харбине знают.

— Но вы-то откуда знаете, товарищ Соломин?

— Пять лет я работал на КВЖД, этого достаточно, чтобы знать многое о белой эмиграции.

— Вы говорите, Поярково член «Монархического союза», агент охранки. Как же он оказался в вашем ресторане?

Соломин развел руками:

— Вот именно как?

Когда директор «Амура» ушел, Веселов снял трубку и набрал номер телефона своего заместителя.

— Федя... У меня был Соломин... Ну, этот, из кавэжэдинцев, возглавляет «Амур». Да, то тому же поводу... Займись им! Надо его убрать из Благовещенска, и как можно скорее. Понял? Как можно скорее...

Это произошло во вторник. В пятницу Соломин получил приказ о повышении в должности. Он переводился в Хабаровск, в управление Торговина.

Дом на Тихой улице

Есть в Благовещенске Тихая улица. Спустившись с холма, открытого всем ветрам, она уходит в сады и начинает петлять, словно ищет место, где поспокойнее, и на самой окраине города исчезает вовсе.

В девятom часу, в сумерках, подошли

к дому двое мужчин. Оглянулись, нет ли кого на улице, потом первый, что в кепке, тихонько постучал в окно.

Выглянул хозяин, пригласил гостей в дом. День был субботний, родственники стучат в каждую дверь.

— Забрался же ты, Борис Владимирович! — сказал первый из гостей, вешая кепку на гвоздик. Это был Веселов, начальник Благовещенского управления. — Год ищи — не найдешь.

— Хотелось, чтобы и два не нашли, — ответил тот, кого назвали Борисом Владимировичем, — да нет такого места в Благовещенске.

— Шутит, слышь, товарищ Западный, он еще шутит! — засмеялся Веселов. — Тебя японцы, видно, не переделали.

— Ну, если китайцы за десять лет не переделали, то японцам за два-то года трудно это сделать, — ответил хозяин.

— Ладно, давай здороваться! — Веселов обнял хозяина и похлопал его дружески по спине. — С приездом, брат. С благополучным возвращением на родной берег.

— Даже не верится, — сказал он тихо.

— Знакомься! Заместитель Терентия Дмитриевича... Твой крестный теперь. Товарищ Семен...

— Ну вот... Еще раз с благополучным возвращением домой. Между прочим, мы ждали вас со стороны Сахалина и держали катер наготове.

— Маршрут изменили в последнюю минуту. Две операции соединили в одну, я оказался в группе Родзаевского.

Второй гость задумался.

— Случайное соединение? Или тактическая комбинация?

Хозяин пожал плечами. Ему самому неясно, какова природа происшедших изменений. За последнее время слишком уж много было случайностей. Скорее — это тактическая комбинация.

Второй гость полез во внутренний карман брюк, вытащил браунинг и положил его бережно на стол перед хозяином.

— Борис Владимирович! От имени полномочного представителя ОГПУ... Поздравляю! Здесь все сказано...

Он пододвинул браунинг к хозяину. На нем было выгравировано: «Б. В. Поярково. За мужество при исполнении особо важного задания».

Хозяин прочел. Потом провел рукой по холодному стволу и отодвинул от себя браунинг.

— Передайте Терентию Дмитриевичу: счастлив. Тронут. Если надо, пройду все снова... Но я еще Академик...

— Передам Терентию Дмитриевичу... В его сейф.

Минута прошла в молчании. Все смотрели на свет лампы и думали, кажется, об одном — как сложится их судьба. Но как бы она ни сложилась, эта встреча должна сохраниться надолго, навсю жизнь в душе каждого.

— В дорогу! — позвал Веселов.

— Да, да, — согласился хозяин. — Маршрут определили, дай боже!

Второй гость протянул на стол свои мускулистые, грубоватые руки, знавшие не только перо и пистолет, постучал пальцами по столу и спросил:

— Какой же?

— Японцы хотят дойти, с моей помощью естественно, до Хабаровска... до штаба Дальневосточной армии. И дойти быстро. Я когда-то похвастал, что связан с родственниками, живущими в Хабаровске, причём наметнул на их солидное положение... Таково было поручение.

Веселов подтвердил:

— Это входило в версию.

Пальцы нервно забарабанили по столу.

— Давайте подробный план!

— Хорошо... Только я сначала все-таки поставлю чайник.

Дерибас: „Для нас он остается Академиком!“

— Терентий Дмитриевич, дело оказалось сложнее и опаснее, чем мы предполагали.

— Ну, ну, не пугай... И сам не пугайся! Садись-ка, Семен, и выкладывай по порядку... Прежде всего как чувствует себя Поярков?

— В норме.

— Да ты не по-казенному, а так, по-человечески. Понравился он тебе?

Западный, прежде чем ответить, подумал, прикинул что-то, потом сказал:

— Пожалуй, да.

— Не совсем, значит... Ты ведь психолог.

— Понравился. Крепкий мужик и острый.

— Ишь ты, острый.

Западный пояснил:

— Голыми руками не возьмешь.

— Ты смотри! Придется присоединиться к твоей оценке. Так ты говоришь, трудное дело оказалось?

— Трудное, Терентий Дмитриевич. Японцы хотят проникнуть в штаб ОКДВА. Такая задача поставлена перед Поярковым. Он должен приобрести корреспондента из числа руководящих работников штаба. Цена баснословная... Десять тысяч золотом.

— Серьезно, выходит.

— Весьма. И это только аванс.

— Деньги с Академиком?

— Три тысячи... Остальное по первому требованию.

— Да, весьма серьезно.

— Академик считает, что интерес проявит самим генштабом. Это вытекает из общих планов японского командования. Вы помните последние донесения из Токио и Харбина? Тенденция откровенная. Все перекладывается на разведку.

— Ну, это заметно и по нарушениям границы. Академику дали кого-нибудь в помощь? Его, надо полагать, определили резидентом?

— Резидентом. И пока с одной лишь задачей — добыть корреспондента.

— Иначе говоря, целенаправленная и очень конкретная акция. Его ограничили сроками?

— По этапам. Первый — две недели: связь с родственниками и их согласие оказать услугу.

— Это — несложно. Я думаю, первый этап пройдем без препятствий. Но связывать первый этап и второй — выход на корреспондента — пока не следует. Мы должны сохранить возможность оборвать цепочку в любое время и в любом месте. Связались с родственниками — хорошо. Радуйтесь, господа! Дальше — тупик. Нет выхода на корреспондента. Не нашли подходящей кандидатуры. Или — нашли, но человек в отъезде, болен. Да, да, да, лишний?

Западный оживился. Положил руки на стол, стал перебирать пальцами. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, с азартом каким-то.

— Ты что забарабанил? Или уже в бряц собрался.

— А что?! Ведь второй этап тоже не выпускаем Академика на тропу, пусть идет.

Дерибас колючим взглядом уставился на Западного, но в глазах его была какая-то подзадоривающая смешинка.

— Два этапа — целая цепочка, — развивал свой план Западный. — И она, конечно, заинтересует военные миссии, второй отдел и командование Квантунской армии...

— Месяца на два работы, — прикинул Дерибас. — А дальше дороги нет. В чужой огород залезем.

Западный непонимающе уставился на Дерибаса:

— Остановка, значит?

— Может, остановка, а может, и конец! Академик отсигналит в Сахалин или в тот же Харбин: вербовка не состоялась, корреспондент отказался, или еще что-нибудь в этом роде.

Западный перестал стучать пальцами по столу. Тишина воцарилась в кабинете.

— Отбой! — усмехнулся Дерибас. — По-воевали — и хватит...

— Да, мир, Терентий Дмитриевич. Тогда, я думаю, и в атаку идти не надо. Мелочь все это. Игра не стоит свеч. Пощечком японцев, поводим по закоулкам и вернемся туда, откуда начали.

— Не мелочь, Семен, и игра свеч стоит. Японцы потеряют два месяца, а то и три.

— Согласен, но все-таки мелочь. При этом потери будут не только японцев. Мы лишимся Академика. Они уберут его, едва почуют провал операции. Отказавшийся от операции корреспондент — уже потенциальный враг. Им не нужен в Благовещенске человек, знающий планы японской разведки.

— Пугаешь опять?

— Что вы, Терентий Дмитриевич! Рисую перспективу.

— Мрачноватая перспектива-то... Хитер ты, Семен. Унылыми картинками хочешь вывести меня из равновесия. Задену, мол, с молюбие старика, подпалю бородатого, рьяча-то он и ринется в омут. А?

— Говорил Дерибас строго, отчитывая вроду своего заместителя, а глаза его посмеивались озорно и лукаво. По глазам читать надо было мысли Терентия Дмитриевича. Но не умел этого делать Западный. Улыбался только.

— В омут? Для чего? Это японцы соби-ются кинуться в омут. И надо помочь им.

— Хочешь все-таки продать «корреспондента»?

— Продать, Терентий Дмитриевич.

— Ох, Семен, Семен... Не дают тебе покоя десять тысяч. Ты что же, за золо-

то липу хочешь подsunуть японцам? Да Итагаки в два счета разгадает обман и тогда уж наверняка уберет Пояркова. Такое не прощают.

— Зачем же липу? И мысли такой не было. Настоящего корреспондента.

— Так ты в штаб метишь?

— Да.

Дерибас огорченно покачал головой.

— Ну и хитер. Умыкнул идею. Что с тобой делать, Семен, не знаю...

Опять смеялись глаза Дерибаса, опять лукавые искорки вспыхивали в них.

— Могу подсказать! Дать своему заместителю распоряжение подготовить приказ о начале контроперации.

— Торопиться... Ведь сказал уже: в чужой огород лезем. В других масштабах пойдет измерение. И решать вопрос — быть или не быть этому корреспонденту — придется не нам с тобой. Наше дело — доказать, что он нужен. Ты вот что, Семен, подготовь доклад и проект приказа. Проект приказа о проведении контроперации... Название потом. Все потом.

— Ясно, Терентий Дмитриевич... Поярков войдет в операцию под японским именем?

— А как нарекли его в Харбине?

— Сунгариец.

— Сунгариец... — Дерибас поморщился. — Для нас он остается Академиком. И береги его, Семен! По нему японцы будут судить о состоянии погоды на нашем берегу...

Им нужен Большой корреспондент? Пусть он будет!

В начале октября, а точнее — третьего октября, в одиннадцать утра, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией Василий Константинович Блюхер принял Дерибаса.

— До двенадцати я занят! — предупредил командарм своего адъютанта. — Нам хватит часа, Терентий Дмитриевич?

— Вполне.

Через час полномочный представитель ОГПУ простился с Блюхером и вернулся к себе. Еще через двадцать минут, уже у себя в кабинете, он подписал секретный приказ о начале контроперации под кодовым названием «Бусидо-мираж». Внизу, пе-

ред подписью Дерибаса, стояла фраза: «Санционировано Объединенным Государственным Политическим Управлением СССР».

Донесение чрезвычайной важности

Сахалин. 5.17 утра.

Комуцубара:

— Господин полковник, вы приказали докладывать в любое время. Три минуты назад получил донесение из Благовещенска по схеме В-77. Считаю его чрезвычайно важным. Передаю:

«Нашел брата. Женат, живет там же, занимает хорошую должность. Согласен делить наследство отца, но требует большую долю. То, что я предложил, его не устраивает. Хорошо бы посоветоваться с друзьями отца, да как их найти?»

Сунгариец».

— Прошу доложить начальнику штаба Квантунской армии и выше по инстанции.

6.30 по токийскому времени. Минута, после которой уже ничего нельзя было изменить

Весь день шел дождь. Мелкий как пыль и ужасно холодный. Город словно утонул в сырой мгле.

Выходить на улицу не хотелось, да и не было надобности. «Если уготованы мне неожиданности, рассуждал Поярков, то они найдут меня и в номере. Для секретной службы стены и двери — не препятствие». Время от времени он поглядывал на обитую черным дерматином дверь, ожидая, что она вот-вот распахнется. Дверь не распахнулась до пяти часов, а ровно в пять консьержка позвала господина Пояркова к телефону.

Он поднялся с дивана, на котором просматривал местные газеты, и пошел в вестибюль.

— Мистер Поярков? — услышал он в трубке.

— Да, Поярков.

— Вам заказан столик в международном ресторане на восемь часов вечера.

Это был мужской голос. Человек говорил по-русски, без акцента и очень любезно.

Событие несколько развлекло Пояркова, и он уже без тревоги и душевной настроенности стал ждать назначенных шести тридцати по токийскому времени. Вернувшись в номер, он разрешил себе полежать еще на диване с полчаса, потом не торопясь оделся и ровно в шесть покинул гостиницу.

По странному совпадению, и встреча и ужин были назначены в одном и том же месте, в международном отеле — ужин на первом этаже, встреча на втором.

В вестибюле, снимая пальто, Поярков на всякий случай глянул через стеклянную дверь в зал ресторана: не окажется ли там человека, заказавшего для него столик на восемь часов вечера? Зал был пустым или почти пустым, и ни один из ужиравшихся не показался Пояркову знакомым.

Встреча назначалась в сорок второй комнате. Поярков поднялся на второй этаж, подошел к двери с номером «сорок два» и постучал. Было как раз шесть тридцать...

— Войдите!

Голос не Комуцубары. У того густой высокий баритон. А этот мягкий, спокойный. Поярков распахнул дверь.

«Важный господин!» Заказчик с Цицикарской улицы.

— Мистер Поярков! — протянул он руку, но не поднялся с кресла, в котором уютно покоилось его небольшое, но грузное тело.

— Полковник Янагита Гендзо... — выдавил он из себя. — Заместитель начальника второго отдела штаба Квантунской армии.

Должность свою он преподнес торжественно, подчеркивая значение встречи.

— Познакомьте меня, пожалуйста, с корреспондентом! Надеюсь, вы помните, что он условно назван нами Большим корреспондентом?

Посмотрев внимательно и со значением на Пояркова, полковник повторил:

— Большим корреспондентом.

— Не только помню. Для меня это было ориентиром при поисках человека в Хабаровске. Назвать его должностно, увы, я не могу, таковы условия. Но он стоит очень близко к тайнам штаба ОКДВА. Очень близко...

Невольно полковник приблизился к Пояркову, словно боялся не услышать что-то чрезвычайно важное.

— Через него проходят секретные документы?

— Только через него.

Янагита услышал то, что хотел услышать, и, успокоенный, снова откинулся на спинку кресла. Наступила пауза, которую он посвящал своим мыслям, приятным, надо полагать, потому что лицо его посветлело.

Поярков дал возможность полковнику насладиться радостью победы. Это была, конечно, победа и его, Янагиты. Не случайно же он приехал в Сахалин на встречу с благовещенским резидентом.

— Но он их пока держит в сейфе, — прервал ход радужных мыслей полковника Поярков.

Без особого желания Янагита откликнулся на сообщение собеседника:

— Условия?

— Прежде всего строжайшая конспирация с нашей стороны.

— Штаб Квантунской армии? — уточнил Янагита.

— Всей системы, начиная от доверенного лица и кончая военными миссиями и штабами.

— Даже генеральным штабом? — поднял глаза полковник.

— Даже генеральным... Корреспондент должен оставаться неизвестным. Только номер — в случае необходимости.

— Что ж... — задумался Янагита. — Это, пожалуй, закономерно. Господина из штаба можно понять, он заботится о своей репутации.

— Второе, — продолжал Поярков. — Он хочет, чтобы его сотрудничество поощрялось не постоянным денежным вознаграждением, а единовременными платежами. За всякое усилие, отмеченное эффективным результатом.

Янагита сосредоточился, желая уяснить мысль резидента.

— То есть за каждую информацию, так я понял?

— Вы правильно поняли.

— И как же он будет их оценивать? — заинтересовался несколько озадаченный Янагита. Разговор коснулся денег, и это щекотало нервы.

— Счет может вестись только на тысячи.

Маленькие колючие глазки Янагиты беспокойно забегали.

— Почему только на тысячи?

— Потому что дело идет о сведениях чрезвычайной важности. Ради таких сведений и шел поиск корреспондента в ОКДВА.

— Конечно, конечно, но цена...

Поярков вроде бы усомнился в возможностях японской разведки и тем обидел и самого Янагиту.

— Действительно есть!

— Но вы не уполномочены ими распоряжаться?

Янагита вспыхнул:

— Вы разрешаете себе слишком многое, господин Поярков.

— У меня есть на это право. Я сделал то, что секретная служба не могла сделать за пятнадцать лет. Сделал почти невозможное...

Рука Янагиты предостерегающе поднялась.

— Мы участвовали в этом.

— Каким образом?

— Обеспечили вам выход к цели. Прикрыли Сунгарийца тридцатью жизнями.

Это прозвучало на высокой ноте и с обидой, словно сам Янагита жертвовал собой.

— Их могло быть больше!

Резким движением Поярков стянул галстук и расстегнул сорочку. Обнажил след пулевой раны на левом плече.

— Как? — смутился Янагита. — В вас стреляли?

— Стреляют во всех, кто переходит рубеж с оружием в руках.

Сочувствие отразилось на лице Янагиты. Он покачал своей небольшой лысеющей головкой и сказал грустно:

— Секретной службе не было известно... Ничего не было известно. Вы заслуживаете вознаграждения. Я доложу...

Поярков застегнул сорочку и вернул на прежнее место галстук.

— Разве в этом дело?

Он был обижен и не скрыл своего чувства.

— О, мы понимаем вас... И все же вы имеете право на вознаграждение.

— Не обо мне речь, господин полковник. То, что достигнуто, не должно быть потеряно.

— Да, да, да, — снова, как заводной идол, закачал головой Янагита.

Пояркова осенила мысль: Янагита сомневается в существовании корреспондента! Японская секретная служба сомневается. Слишком легко, видно, пройден последний этап — от Благовещенска до Хабаровска. Ведь они, японцы, не раз шли по этому пути и не доходили до цели. А Сунгариец прошел его за какой-нибудь месяц. Даже месяца не прошло.

— Нам очень нужен корреспондент, — сказал Янагита, будто листок с донесением не имел никакого отношения к корреспонденту и не представлял собой ценности. Будто разговор весь вечер велся о других вещах.

Полковник поднялся из своего уютного, глубокого кресла, лениво поднялся, и протянул Пояркову руку.

— Я доложу о ране на вашем плече... Вы заслуживаете вознаграждения.

Часы показывали восемь пятнадцать.

Поярков открыл дверь и вошел в зал ресторана. Все столики были заняты.

Смущение охватило Пояркова: где его место? Задерживаться у входа и оглядывать растерянно зал не хотелось.

Можно было повернуть назад — несложно найти столик в любом другом веселом заведении Сахаляна, благо их здесь не меньше, чем бездомных собак. Но если это начало поединка, отступить нельзя. Поярков направился по проходу прямо к большой пальме, стоявшей в центре зала. За пальмой оказался свободный столик. Он ждал Пояркова. Кого еще он мог ждать в восемь часов вечера?

Стол был сервирован для одного человека. Один прибор, одна рюмка, один фужер. «Что это означает?» — задумался Поярков. Может, где-то существовал другой столик, предназначенный для него и Комуцубары. Кто-то же хотел встретиться с Сунгарийцем в международном ресторане.

Он оглядел зал, внимательно оглядел, и не нашел второго свободного столика. «М-да! Фантазия неиссякаема. Что ж, примем это как проявление заботы о левобережном агенте. Возможно, это входит в расписание моих гастролой по Маньчжурии. Вечер отдыха. Надеюсь на этом сегодня поставить точку.

Увы, точку поставить не удалось. Сзади подошел кто-то и сказал:

— Добрый вечер!

Не надо было оглядываться. Он узнал голос Кати.

— Добрый вечер... — попытался ответить спокойно Поярков, но ему это не удалось. Она заметила его волнение.

Катя принесла вино, открыла бутылку и налила в фужер.

— За тебя! — с чувством сказал Поярков.

Она подождала, пока он допьет, и шепнула:

— Уйдете последним... Я буду на перекрестке Ин-Юан-лу.

Как два свободных существа, ни с кем не связанных, ни от кого не зависящих, встретились они на углу Ин-Юан-лу и пошли вниз к Амуру.

Посыльные Янагиты, капитан Сигэки Мори, шел следом до самого берега, удивляясь наивности людей, способных в холодный осенний дождь брести по ночному Сахаляну, не думая об опасности.

Верно, они не думали об опасности. Ни о чем вообще они не думали. Просто судьба подарила им вечер, суровая и капризная судьба, и не принять этот дар они не могли.

— За нами идут, — сказала Катя, когда темная, измокшая Ин-Юан-лу приняла их и повела к берегу.

— Пусть, — ответил Поярков обреченно. — Как ты оказалась в Сахаляне? — спросил Поярков, когда они миновали японское консульство и впереди засветлели огни набережной.

— Меня перевел сюда Комуцубара.

Они вышли к берегу. Тут было пустынно и еще более неуютно, чем на Ин-Юан-лу. Ветер, знобкий северный ветер, гулял по набережной и сыпал мелкие колючие брызги.

Сигэки Мори побоялся ветра и укрылся в подъезде золотопромышленной компании. А Катя и Поярков пересекли набережную и сели на скамейку под тенью мокрой осины. Им-то чего бояться? У них есть зонт, они отгородились от мира.

— Бедный капитан Сигэки, — пожалела Катя. — Досталось же ему задание нынче.

— Да, не позавидуешь, — оглянулся на темный подъезд Поярков.

— Ушел бы, глупый, — поежилась Катя, будто вместе с Сигэки мочла под дождем.

— Уйдет, — заверил Поярков.

— Вместе с вами.

— Что ж, тогда ему долго придется мокнуть.

— А вы не собираетесь возвращаться в гостиницу? — с наивной простотой спросила Катя.

— Я не собираюсь пока отпускать тебя.

— А если я умру здесь от холода и дождя?

— У Амура не суждено тебе умереть... Вон, видишь... Рядом наш берег.

Он посмотрел в темноту, где шумно капала под ветром волна.

— Днем наш берег как на ладони.
— Так бы и пошла, кажется, по Амуру...
Только кто вас здесь оберегать будет?

Он недоуменно скосил глаза в ее сторону, он почувствовал какой-то намек.

— Меня побережет вон тот капитан, Сигэки.

— Если бы вас мог сберечь капитан Сигэки, зачем бы здесь была я?

— Ты?! — Это был уже не намек. Что-то важное открывала Катя. — Между прочим, откуда ты узнала о моем приезде в Сахалин?

— Откуда и вы...

— Постой, постой... Тут что-то непонятное.

Он напугался. И было отчего напугаться. Здесь знали, выходит, все, что творилось на левом берегу.

— Меня вызвал Комуцубара... — повел Катю в сторону от тайны Поярков.

— Вызвал, но не послал. — Катя улыбнулась.

— Перестань! Не так уж это смешно.

— Конечно, не смешно. Все очень серьезно, главное, рискованно. Товарищ Семен это учитывал...

Он отшатнулся от Кати. Раскрыт! Полностью раскрыт!

— Какой Семен!

Катя коснулась рукой его волнистых волос, успокоила:

— Товарищ Семен поручил мне победить вас, Борис Владимирович.

— Так ты...

Она облегченно вздохнула.

— Я...

Он обнял ее и стал целовать. Целовать от радости, от счастья, которое вдруг охватило его. Рухнула преграда — высокая, непроходимая, страшная.

Утром Янагита потребовал от Пояркова расписку на пятнадцать тысяч долларов.

Это было утверждение кандидатуры корреспондента и согласие на оплату информации. Только почему пятнадцать тысяч? Разговор шел о десяти. Или второй отдел приплюсовал сюда вознаграждение за рату, полученную Сунгарийцем при переходе границы?

Янагита ничего не объяснил. Он вообще произнес всего три слова:

— Деньги получите в Благовещенске.

Надо было еще проститься с Катей. Он не мог уехать, не повидав ее.

Они, будто случайно, встретились на

почте. Катя писала письмо, пристроившись на краю длинного с перегородками стола. Поярков вошел, взял в окошке бланк телеграммы и, отыскивая место, где бы можно было набросать небольшой текст делового сообщения Дальгосторгу, увидел свободный стул рядом с ней. Конечно, он воспользовался им. Сел и принялся сочинять телеграмму.

Катя еще утром составила свое письмо и теперь ждала момента, чтобы передать послание адресату. Когда Поярков оказался рядом, она сдвинула лежащий перед ней листок вправо и дала возможность соседу прочесть.

«Ни о чем не тревожься. Он (читай — Янагита) лишь пугает. Это тактика».

Поярков прочел и вписал ответ:

«Догадался. О нем не надо! О себе...»

«Грустно...»

«Мне тоже. Думай о будущем!»

«Боюсь».

«Не смей! Ты ведь сильная».

«Люблю, потому страшно...»

«Обо мне не беспокойся. Береги себя. Всегда. Каждую минуту».

«Если бы я знала, что будет так трудно!»

«Нам всегда трудно».

«Тебе легко. Ты через час будешь дома».

«И ты будешь дома. Только немножко позже».

«Кажется, это последняя минута...»

«Их будет много, много. Там. На нашем берегу...»

Она покачала головой.

«Скажи что-нибудь! Хочу слышать твой голос».

Он прошептал:

— Люба...

Она положила руку на его ладонь.

— Прощай!

Убедите меня, что Большой корреспондент существует!

Нужен был портрет корреспондента. То-го самого корреспондента, которого называли Большим.

Портрет рисовали в Сахалине, Харбине, Токио, всюду, где «появлялся» невидимый корреспондент из Хабаровска. Информации его были точными, оперативными, и это явилось причиной всевозрастающего лю-

бытовства к личности корреспондента. Прежде чем менять уже привычное, понятное, ставшее программой, законом в какой-то мере, на новое и непривычное, надо быть уверенным, что оно исходит от высокого авторитета. Мало назвать корреспондента большим, он должен быть действительно большим по своему положению. И это его величие надо ощущать.

— Убедите меня, — сказал начальник генерального штаба, — что передо мной не ГПУ, а один из офицеров армейского центра. Убедите!

А информации поступали. И были они для штаба Квантунской армии весьма тревожными. Требовали отклика, тем более что оперативная разведка подтверждала перестройку обороны на левом берегу. С самолетов, с военных катеров и наземных наблюдательных пунктов фиксировалось движение частей вдоль пограничной полосы. Было бы просто глупо не реагировать на сообщения из Хабаровска.

Инициативу квантунского командования генеральный штаб не пресекал, но и не санкционировал, считая, что такая санкция формально освободит командующего от выполнения секретного приказа о подготовке к будущим операциям в северном направлении по строго разработанной схеме.

25 февраля начальник штаба Квантунской армии Итагаки Сейсиро шифрованной телеграммой потребовал от Токио разрешения на передислокацию частей северо-западной линии в связи с новыми донесениями из Хабаровска.

Это был неудачный день для запроса. Неудачный по той причине, что он совпал с началом мятежа «молодых офицеров» в Токио. Требование свободы действий для Квантунской армии звучало в унисон с требованием организации «Кодоха» дальнейшего развертывания агрессии на материке. Ничего общего между Итагаки Сейсиро и «молодыми офицерами» не было, но желание активных действий оказалось единым. Телеграмма пришла ночью, а мятеж вспыхнул утром.

Почти полторы тысячи солдат и младших офицеров 1-го и 33-го полков первой дивизии и весь 3-й полк гвардейской дивизии совершили налет на резиденцию премьер-министра, министра финансов, министра внутренних дел, министра двора, генерал-инспектора военного обучения. В течение какого-то часа была осуществ-

лена расправа над рядом государственных деятелей. Был убит лорд—хранитель печати Минору Сайто, министр финансов Корэкиё Такахаси, генерал-инспектор военного обучения Дзётаро Ватанабэ, тяжело ранен министр двора Иоситаро Судзуки. Смерть ждала и премьер-министра Хируюки Окада, но, предупрежденный кем-то, он скрылся. В руках мятежников оказались полицейское управление и редакция газеты «Асахи». Начался штурм военного министерства и генерального штаба. Того самого генерального штаба, где находилась поступившая ночью телеграмма Итагаки Сейсиро.

У стен генштаба выкрикивались лозунги: «Назначить генерала Мадзаки главнокомандующим Квантунской армией!» И главный лозунг — «Уничтожить Советский Союз!» Мятежники словно знали, что в кабинетах штаба как раз разрабатывался план «большого наступления на Север». Автором плана был начальник второго отдела генштаба Кандзи Исихара. Смерть от рук мятежников была бы величайшей нелепостью для Кандзи Исихары, ведь он воплощал в схему тактических действий на континенте лозунг «молодых офицеров».

Пуля, наверное, и не коснулась бы начальника второго отдела. В критический момент он заслонился бы объемистой папкой с планом войны против Советского Союза. Символическим, конечно. Так, собственно, он и поступил позже, отвергая кандидатуру Угаки на пост премьер-министра, поскольку тот «срывал стратегию империи» в решении северной проблемы. Кандзи Исихара был ярым сторонник фашизации страны и перевода всей экономики Японии на рельсы подготовки к войне.

Мятеж подавили, и к вечеру 29 февраля в Токио воцарилось спокойствие. Солдаты вернулись в казармы, руководителей мятежа подвергли аресту с целью предания суду военного трибунала. Военное министерство и генеральный штаб смогли вернуться к своим обычным делам. И эти дела были продолжением программы «молодых офицеров» — расширения агрессии на континенте. Случайно или не случайно, но удары мятежников не коснулись генерального штаба и военного министерства. Полковник Кандзи Исихара еще 28 февраля днем послал ответную телеграмму начальнику штаба Квантунской армии Итага-

ки Сейсино и вызвал его и полковника Янагиту Гендзо на 5 марта в Токио.

**„...Русская разведка
читает наши
секретные документы“**

Присутствовавших не заботила стоимость Большого корреспондента, информации его — другое дело. То, что осуществлял советское командование на левом берегу Амура, было невероятным, настораживало. Колхозное движение, перевооружение пограничных частей, перебазировка эскадрилий дальнего радиуса действия — все это заставляло задумываться: годна ли стратегическая схема штаба Квантунской армии при изменившемся соотношении сил? Вероятно, прав Итагаки Сейсино, настаивающий на пересмотре плана будущих операций в северном направлении.

Об этом попытались говорить офицеры. Первого, Канду Масатанэ, остановил начальник второго отдела Кандзи Исихара.

— У меня такое впечатление, — сказал он, — что советское командование хорошо осведомлено о наших планах, и схема предстоящих операций уже лежит на столе Блюхера. Иначе как объяснить перебазировку двух эскадрилий истребительной авиации в четвертый квадрат, находящийся в четырехстах километрах от Благовещенка. Это как раз против нашего аэродрома, рассчитанного на прием тяжелых бомбардировщиков. Или сосредоточение советских долговременных огневых точек на трассе предполагаемого марша наших танков. Танков еще нет, а путь им уже прегражден. И подобных примеров немало. Настораживающих примеров. О чем это говорит, господа? О том, что русская разведка читает наши секретные документы! — многозначительно изрек Кандзи Исихара.

— Может, просто видят?

— Как? — не понял полковник.

— Достаточно подняться на пятьсот — шестьсот метров, — пояснил Доихара, — чтобы не только увидеть, но и сфотографировать взлетные полосы аэродрома. А то, что делают русские, вы без помощи хабаровского корреспондента увидеть не можете. И надо этой помощью пользоваться широко. Взять все, что он способен дать. Не жалея денег, ничего не жалея!

Доихара повернулся к Янагите, словно от того зависела щедрость секретной службы.

— Причем делать это надо быстро, укладываясь в сжатые сроки... Жизнь корреспондентов, стоящих рядом с секретными сейфами, как известно, коротка... — Доихара развел руками, показывая этим, что даже он, Лоуренс-2, не в силах ничего изменить.

— Информации поступают еженедельно, — дал справку Янагита.

— Хороший ритм, — оценил работу корреспондента Доихара. — Не нарушайте его!

Совещание опять отклонилось от того направления, которое попытался дать ему Кандзи Исихара. Корреспондента хвалили, в то время как он не существовал. Не было корреспондента, была лишь инстанция, откуда черпались данные о состоянии обороны Дальневосточного края, данные, пугавшие начальника второго отдела генштаба, — ведь он был еще и автором стратегического плана «Северной войны».

— Этот ритм, — заметил с раздражением Кандзи Исихара, — может вскружить кой-кому голову. И уже вскружил. Информации не только знакомят нас с положением дел у противника, но они давят на нас, принуждают вносить коррективы в уже разработанный и, главное, почти реализованный в подготовительной стадии план. Опыт показывает, что хорошо продуманная и подготовленная операция, пусть даже известная врагу, приносит чаще успех, чем плохо продуманная и плохо подготовленная, не известная противнику.

Теоретизирование было слабостью Кандзи Исихары. Он любил и умел рассуждать о войне. В запасе у него всегда оказывались изречения, мудрые, понятно, способные обезоружить самых упрямых спорщиков.

Сделав паузу, Кандзи Исихара добавил:

— Для того чтобы менять свою схему, надо быть уверенным в серьезности шагов, предпринятых противником.

— У вас есть подозрения? — спросил Доихара.

— Да!

— На чем они основаны?

— На опыте.

Теперь уже не один Доихара, все офицеры насторожились: что имеет в виду начальник второго отдела?

— На опыте работы против советской

разведки! — внес ясность, хотя и не полную, Кандзи Исихара. Это был аргумент все же из арсенала эмоций. Офицерам, и прежде всего Лоуренсу-2, требовались факты.

— Русские, не в пример англичанам и американцам, не очень-то верят нам. Следуя совету Доихары-сан, они, конечно, поднялись на пятьсот—шестьсот метров, чтобы установить истину. К тому же мы много шумели о своих усилиях по совершенствованию территории Маньчжурии в военном отношении. А когда мы шумим, противник особенно внимателен и чуток. Русские неоднократно ловили нас на том, что сила звука часто не соответствует усилиям, вложенным в самое дело. В лучшем случае они не верят, в худшем — делают вид, что поверили. Вот сейчас — худший вариант.

Стратег, кажется, сразил Лоуренса-2. Рассуждения начальника второго отдела были логичны и могли сразить не одного Доихару. Все присутствовавшие как-то недоверчиво, даже с сожалением посмотрели на Янагиту: напрасно старались, господин полковник, русские ввели нас в заблуждение.

Надо было спасти Большого корреспондента, вернее, спасти самого себя, и Янагита, вопреки служебному этикету, вступил в спор со своим шефом.

— А если это не лучший и не худший случай, — произнес он как можно спокойнее, хотя давалось это с трудом. — Если русские поверили? У нас нет сведений, что перебазировка двух эскадрилий ложная. Наоборот, есть подтверждение происшедших в четвертом квадрате перемен — донесение агентов о приземлении истребителей в данном районе утром 18 февраля и ночью 20 февраля в количестве сорока двух машин.

Янагита решил, что теперь-то Кандзи Исихара сражен. Теория теорией, а перед фактами не устоишь. Но Кандзи Исихара устоял.

— Мы сверили донесения вашей агентуры с информацией немецкой и итальянской разведки, — сказал он. — Все совпало. Не в мелочах, конечно. В основном. Больше того, сообщения хабаровского корреспондента подтвердили европейские секретные службы.

Загадка! Слишком уж нелепо ведут себя русские. Выходит, что на игру они отвечают игрой.

Руки Доихары упали на доску стола, и та отозвалась глухим стуком.

— Значит, корреспондент дает нам неправильную информацию?

— О, Доихара-сан! — подчеркнуто уважительно, даже льстиво, произнес начальник второго отдела. — Информация правильная, но не из того сейфа.

Он загадочно улыбнулся.

Все поняли, что имел в виду Кандзи Исихара: корреспондент не так высок по положению, чтобы соприкасаться со сверхсекретными документами. Он офицер среднего ранга и средних возможностей.

— А что, если нацелить его на нужный нам сейф, — рассудил Доихара. Он все еще был на стороне хабаровского корреспондента. Трудно так сразу отказаться от симпатий к агенту, появление которого связано с твоими собственными усилиями.

— Для этого надо знать его.

— Он неизвестен? — удивился Доихара.

— Ни имени, ни фамилии, ни должности, ни звания.

Янагита досадливо поморщился: возник все-таки разговор о личности корреспондента. То, что беспокоило его, начинает беспокоить и других.

— Это работник штаба ОКДВА, — попытался спасти гибнущего корреспондента Янагита, — бывший офицер царской армии в чине полковника, перешедший на сторону Советской власти...

— Прошлое чуточку высвечено, — уточнил Кандзи Исихара, — настоящее в глубокой тьме.

— Что ж, высветите настоящее, — подал совет Доихара, и прозвучал этот совет пожитейски просто, будто дело шло о какой-нибудь пустяковой процедуре, вроде растопки очага.

— Мы связаны условием — полная конспирация и пустая визитная карточка, — пресек Кандзи Исихара попытку навязать отделу идею раскрытия корреспондента. — Он встречается только с Сунгарийцем.

И все-таки идею навязали. Доихара, конечно, навязал.

— Подставьте вместо Сунгарийца офицера генерального штаба.

— То есть как? — опешил Кандзи Исихара.

— Просто. Временно резидент отстраняется и передает свои полномочия представителю японского командования, которому корреспондент служит и от которого получает деньги за информацию.

— Он может отказаться от встречи, — возразил Кандзи Исихара.

— Теперь уже не может... — Доихара устало откинулся на спинку кресла, руки положил на подлокотники, словно собирался отдохнуть после трудной работы. Возможно, это так и было, он искал решения, и оно наконец было найдено. — Корреспонденту предъявят фотокопии его донесений, лучшего пароля не надо. Тот, кто хочет жить, обязан поднять руки. Тут даже не понадобится угрозы. Он сам все поймет.

— Для этого нужно попасть на левый берег, — встревожился Кандзи Исихара. Он уже представил себе офицера генерального штаба, выполняющего сложное и опасное поручение.

— Это верно, — усмехнулся Доихара. — Прогуливаясь по Гинзе, трудно встретить хабаровского корреспондента!

— Кто же решится на такое? — растерянно пожал плечами начальник второго отдела.

Присутствовавшие молчали. Никому не хотелось случайным словом или невольным движением привлечь к себе внимание и тем самым оказаться в числе кандидатов на почетное место в раю. Миссия в Хабаровске слишком напоминала миссию смертника.

— Есть такой офицер, — сказал Янагита. И все вздрогнули. Подполковник мог назвать любую фамилию. Но он назвал имя никому не известного человека — офицера Сахалинской военной миссии.

Все успокоились и посмотрели трогательно, с благодарностью на Янагиту.

— Он согласится? — спросил строго, с ноткой недоверия Кандзи Исихара.

— Офицер разведки обязан выполнять волю командования.

Когда покидали кабинет начальника второго отдела, Доихара наклонился к Янагите и сказал:

— Вы или высоко взлетите, полковник, или...

Договаривать не следовало. Янагита улыбнулся. Его вполне устраивало первое.

Дерибас: „Когда бог сотворял Адама, ему было легче!“

Портрет корреспондента действительно был нужен. Теперь уже не японской сек-

ретной службе, а полномочному представителю ОГПУ.

Академик доложил, что в Благовещенск прибывает офицер японского генерального штаба для встречи с Большим корреспондентом. Доверенное лицо начальника второго отдела намерено вести переговоры со своим информатором без участия резидента.

— Вот уже не думал, что придется создавать настоящего корреспондента, как говорят, во плоти и крови, — озадаченно произнес Дерибас. — Каков он?

— Внешность не так уж важна, — заметил Семен Западный. — Главное, чтобы он мог вести поединок с представителем второго отдела.

— Пожалуй, тут ты не прав, — покачал головой Дерибас. — Он должен произвести впечатление на японца. Слушай, Борис Владимирович, ты не давал Янагите словесного портрета корреспондента?

— Не давал... Биографические данные только: бывший офицер царской армии... в чине полковника.

— Уверен. Японцы, судя по последним событиям в Маньчжурии да и на самих островах, готовятся к большой акции. С «молодыми офицерами» они расправились не за то, что они торопились развязать новую войну на континенте, а за то, что преждевременно раскрыли планы японского командования, которое эту войну готовит. Плацдарм обеспечен. Железные и шоссейные дороги подведены к нашим границам и границам Монгольской Народной Республики. Аэродромы разбросаны на всей территории Северной Маньчжурии, взлетные полосы приспособлены для тяжелых бомбардировщиков дальнего радиуса действия. Ты говоришь, каждый день нарушают границы, терпения нет. А они, между прочим, наше терпение испытывают. Тут уж не традиция, не характер, хотя и он сказывается, тут ожидание вспышки. Вдруг не стерпим, вдруг сорвемся. При таком накале искорки достаточно, чтоб загорелось пламя. Поддаться на провокацию — значит открыть дорогу войне. Мы на это не пойдём. Японцы расценивают нашу невозмутимость как проявление слабости. Правда, уверенности в этом у них нет. Вот и решили уточнить обстановку на левом берегу. То, что им передал Борис Владимирович, позволило увидеть детали. Собирать по деталям целое трудно.

— Богу, наверное, легче было создавать своего Адама.

Поярков засмеялся.

— Конечно, легче... Советоваться было не с кем, лепи себе из глины что хочешь. А нам нужен полковник царской армии.

Дерibas взял со стола листок и показал его Западному.

— Такой, что ли?

С минуту Западный разглядывал рисунок, потом недоуменно произнес:

— У вас фотография была?

— Какая фотография?

— Выходит, по памяти? Это же Петр Михайлович Кнып.

— Неужели похож?

— Копия. Только Кнып без усов... И очки надевает, когда садится писать.

— Здесь пенсне... Лет-то Кныпу сколько?

— Да лет пятьдесят...

Дерibas взял листок из рук Западного и передал Пояркову.

— Ну, Борис Владимирович, как ты находишь? Подходящий?

— Вполне, — одобрил Поярков. — Только Кнып сейчас в Зее.

— Вызвать немедленно. Поселить в квартире Золотарева, пусть освоится, пропитает ее табаком. Декорацию продумайте сами, чтоб было солидно, но не перестарайтесь... Сопровождать офицера будет Евгений Арбузов...

— Успеем ли все за два дня?

— Надо успеть!

Два часа, самых важных для второго отдела генштаба

Это был кабинет офицера, занимающего высокое положение в армии. Стену закрывал ковер дорогой выделки, и на нем — охотничьи ружья всех известных марок. В центре наградная сабля с позолоченным эфесом. Ковер спускался на софу, огибал ее и краем касался огромной лохматой шкуры черного медведя. Вдоль второй стены тянулись стеллажи, забитые до отказа книгами. Письменный стол, против которого сел японец, был уставлен сувенирами — миниатюрными пушками, снарядами, бронзовыми всадниками на вздыбленных и скачущих конях.

— Я возражал против этой встречи, — усаживаясь за письменный стол, сказал

хозяин. — Возражал не по каким-то личным мотивам, а руководствуясь общими интересами. Положение таково, что всякая неестественность поступков работника штаба вызывает мгновенную реакцию, и, говоря прямо, трагическую реакцию. Я нахожусь под контролем, который с каждым днем усиливается. Обстановка предгрозовая, война близка, и ее ждут со дня на день, вы понимаете, что это значит?

А вот что было зафиксировано Арбузовым.

Офицер:

— Вы сказали, что обстановка предгрозовая, война близка. Очень правильные слова. Наше командование хотело бы учесть особенности этой обстановки.

Корреспондент:

— Японское командование получило довольно полную информацию о положении в Приамурье и вдоль всей границы с Маньчжоу-Го.

— О да! Но информация касается частностей. Мы не видим всей картины того, над чем трудится штаб Дальневосточной армии.

Молчание. Корреспондент, видимо, задумался.

— Вас интересует оперативный план?

— Именно.

— Такого плана нет, господин...

— Капитан Кумазава.

— Такого плана нет, господин Кумазава!

— Вообще нет, или у вас нет?

— Ни у меня, ни вообще. Он только разрабатывается.

— Мы подождем... Мы готовы...

Снова молчание. Стул отодвигаемого кресла. Кажется, корреспондент встал.

— Японское командование очень упрощенно представляет себе положение дел. И мое положение в том числе. Я не командующий армией и даже не начальник штаба. Оперативные планы — секретнейший документ, с которым знакомятся только непосредственные исполнители приказа, и не целиком, а лишь в частностях, относящихся к их компетенции и к их возможностям. Вы хотите читать то, чего не читают даже командиры дивизий.

— Нас вполне устраивает ваша осведомленность. Японское командование рассчитывает на вас.

Опять шаги. Медленные, с остановками. От стола к окну и обратно.

— Это большой риск для меня.

— Я уполномочен принять любые ваши условия.

Шагов не слышно. Видимо, корреспондент вернулся к столу.

— Пятьдесят тысяч долларов! Сумма полностью переводится на мой счет в один из швейцарских банков, и я получаю официальное подтверждение этого.

Кумазава молчит.

— Вы способны принять это условие, господин капитан?

Скрипит кресло. Судя по всему, офицер повернулся к корреспонденту.

— Да!

— И еще условие: вы представляете мне малогабаритную фотокамеру и пленку высокой чувствительности.

— Условие принято... Теперь наши условия. Командование хочет установить со своим корреспондентом прямую связь, минуя посредников. Хочет знать ваше имя, фамилию, должность.

Опять шаги.

— Прямая связь исключается. Я не имею права расширять контакты. Мое доверие распространяется только на Сунгарийца и на нем оканчивается. Исключение, допущенное сегодня по настоянию японского командования, — явление чрезвычайное и никогда, ни при каких обстоятельствах не должно повториться. Вы поставили меня в опаснейшее положение, которое чревато катастрофой. Дай бог, чтобы все кончилось хорошо... У меня нет имени, нет фамилии, нет должности. И никогда не будет. Открыв тайну вам, я открою ее штабу Квантунской армии и даже генеральному штабу Японии. И нет никаких гарантий, что доверие моим не воспользуется кто-нибудь из должностных лиц. А мне не хотелось бы так быстро расставаться с жизнью. Просьба сделать вклад в один из швейцарских банков говорит об этом... Вы видели меня, вы говорили со мной, и этого достаточно пока для генерального штаба. Важен не я, а мои услуги.

— Я передам командованию.

— Надеюсь.

— И еще один вопрос. В случае возникновения военных действий на Дальнем Востоке кто из известных вам и нам военачальников мог бы руководить советскими войсками?

Пауза.

— Все зависит от масштабов этих действий.

Документ, который стоил секретной службе 50 тысяч долларов, а практически не стоил ничего. Это был вифи!

В ночь с 22 на 23 мая Сунгариец передал на связь фотокопию секретного приказа по ОКДВА.

...По полученным достоверным сведениям штаб Квантунской армии наметил новое главное оперативное направление, т. н. «Сунгарийское». Цель этого направления — использовать выступ маньчжурской территории, у основания которого на государственной границе находятся озеро Ханка и поселок Амурзет, а северная точка приближается к линии железной дороги. Японские войска интенсивно накапливаются в районе города Цзямусы.

Для пресечения возможного дальнейшего движения японских сил в данном направлении

приказываю:

1. Создать группы войск с задачей отразить по основанию выступа части Квантунской армии, если они предпримут агрессивное продвижение к нашей границе. Командующим группой назначить товарища Федько.

2. Начальнику штаба ОКДВА подготовить директиву о выделении в распоряжение группы товарища Федько необходимых частей и подразделений.

3. Начальнику вооружений ОКДВА выделить для группы дополнительно 250 стволов и другое необходимое, по согласованию с товарищем Федько, оружие и боеприпасы.

4. Начальнику инженерного управления ОКДВА обеспечить строительство приграничных укреплений по заявкам товарища Федько.

5. Начальнику ВВС ОКДВА выделить в оперативное подчинение товарища Федько три авиаэскадрильи.

6. Командующему группой провести все необходимые организационные мероприятия в месячный срок, а начальнику штаба осуществить инспекторскую проверку.

Тишина, способная напугать и даже привести в отчаяние

Месяц прошел в странном молчании правого берега. Сунгариец не получил ни одного указания, ни одного запроса. Вроде бы о нем забыли. Или простились с ним.

Он стал думать о провале всей операции с секретным приказом.

Значит, последует расправа над Сунгарийцем, над всеми, кто причастен к «приказу», к самой акции «Большой корреспондент».

Свои опасения Поярков высказал Западному и Дерибасу. С ним согласились: правый берег в самом деле вел себя странно. Недобрая тишина!

На всякий случай приняли меры предосторожности, отправили Пояркова в командировку, убрали его временно из Благовещенска.

В субботу он должен был покинуть свой домик на Тихой улице. В субботу. А в пятницу вечером...

Но прежде о том, что предшествовало этой пятнице.

В Харбине уже действовала система военного времени. Все секретно, все совершенно секретно.

Вот под грифом «Совершенно секретно» 15 мая Янагита получил распоряжение второго отдела генштаба. Оно было коротким.

«Приступить к выполнению акции «Черный дракон»!

Янагита немедленно передал распоряжение военной миссии Сахалияна.

«Немедленно ликвидировать Ферзя! Исполнение доложить» Тишины, как оказалось, не было.

Когда Поярков возвращался в свой дом на Тихой улице, кто-то из темноты окликнул его:

— Борис Владимирович!

Он вздрогнул. Как не вздрогнуть, когда тебя подстерегает опасность.

Конечно, он сжал в кармане пистолет, без оружия ходить было рискованно. Оглянулся, посмотрел, кто окликнул его.

Приближались трое мужчин.

— Не надо шуметь, — сказал один из них, высокий, в кепке. — Свои...

Это были, верно, свои. Люди Родзаевского. Он узнал их.

— Есть разговор! — объявил все тот же высокий.

Они повели Пояркова к его дому и потребовали, чтобы он открыл им дверь.

Разговор состоялся в темной комнате и был странным.

— Приказано переправить нас в Хабаровск этой же ночью и дать ориентиры для связи с человеком, знающим штаб ОКДВА.

Расшифровывать не надо было. Поярков понял, с какой целью появились в Благовещенске люди Родзаевского.

Он повел их на вокзал. Дал адрес «родственника». Посадил в поезд.

Как только поезд тронулся, спокойствие покинуло его. Губы дрожали, и голос все время срывался.

Именно таким он ворвался в два часа ночи в квартиру начальника Благовещенского управления и поднял того с постели.

— Немедленно свяжитесь с Хабаровском! Туда едет группа Родзаевского...

В воскресном номере хабаровской газеты «Тихоокеанская звезда» под рубрикой «Происшествия» была напечатана коротенькая заметка:

«Вчера в привокзальном ресторане трое хулиганов устроили дебош, опрокинули стол, избили официанта. Прибывший наряд милиции с трудом утихомирил «весельчаков». Дебоширы задержаны и предстанут перед судом».

На следствии, не в милиции, естественно, три пассажира со скорого поезда признались, что прибыли в Хабаровск с заданием убить командующего Дальневосточной армией.

Гроза разразилась

СКУПЫЕ СТРОКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

29 июля 1938 года японские войска вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан, захватили выгодные в тактическом отношении сопки Заозерную и Безымянную и приготовились к дальнейшему наступлению с целью захвата Посьетского района и создания непосредственной угрозы военно-морской базе и порту Владивосток.

6 августа советские войска при поддерж-

ке артиллерии и авиации перешли в наступление и к 9 августа разгромили группировку противника, полностью очистив советскую территорию.

Эпилог

Операция «Бусидо-мираж» завершилась. Большой корреспондент должен был выйти из игры, и он вышел, как сообщил в своем донесении на правый берег Сунгариец в одну из мартовских метельных ночей. Уходить надо было и самому Сунгарийцу. Янагите стало известно, что акция «Большой корреспондент» разгадана советскими чекистами, и они в течение не-

скольких лет дезинформировали секретную службу Японии. Желая спасти себя и свою репутацию, он стал торопливо убирать всех участников акции. Удар за ударом наносил Янагита. Угроза расправы нависла и над нашей разведчицей Любой Шелуновой, работавшей в Харбине и Сахалыне под кличкой Катьки Заложницы. Чекисты спасли ее и переправили на левый берег. Поярков и Шелунова были представлены к правительственной награде и выехали в Центр.

В течение всего тридцать девятого года шла ликвидация японской шпионской сети, выявленной в процессе проведения контр-операции «Бусидо-мираж».

Опасная игра

Смеркалось. В кабинете начальника Уссурийского областного отдела НКВД Дорохова раздался телефонный звонок. Дежурный докладывал о том, что на прием просится охотник из поселка Уссурка Николай Иванович Баженов.

Дорохов знал Баженова еще по гражданской войне. Он не раз выручал партизан в трудные времена. И в мирные дни много помогал чекистам: лучше его никто не знал тайгу.

В кабинет протиснулся огромного роста мужик с большой окладистой бородой. Дорохов встал ему навстречу, они крепко пожали друг другу руки.

— По делу я, Григорий Петрович, — басом проговорил охотник, — по очень важному делу. Сегодня из тайги воротился, охотился. Да вот какая оказия. На чужаков в тайге напоролся. И знаешь, кого увидел? Не угадаешь!

— Кого же?

— Полякова!

Дорохов даже присвистнул.

Поляков был хорошо известен ему: в годы гражданской войны работал в контрразведке у белых, занимался выявлением партизанских явок, забрасывал шпионов и провокаторов в отряды партизан и в подпольные большевистские организации, принимал участие в допросах арестованных, применяя самые изощренные пытки. Дорохову приходилось не раз иметь дело с его бандой.

После окончания гражданской войны Поляков с бандой скрывался в тайге, время от времени устраивая налеты на дальние селения, громя советские учреждения и убивая активистов.

В 1925 году при помощи местного населения Дорохов отыскал его берлогу в тайге. На рассвете в короткой схватке банда была разбита, но Полякову удалось бежать в Маньчжурию.

И вот опять он появился на нашей территории, враг хитрый и коварный.

— Не заметили они меня, чужаки-то, — продолжал Баженов. — А я ухо наострил, слышу: «Жди, Ляо Синь, гостей через месяц». Потом двое ушли в сторону границы, а третий потопал обратно. Я за ним. Живет он неподалеку на хуторе.

Дорохов, проводив Баженова, долго размышлял.

Это было время, когда обстановка на дальневосточной границе была накалена до предела. Японские милитаристы, бесконтрольно хозяйничавшие в Маньчжурии, устраивали бесконечные провокации.

Созданная на японские деньги так называемая «Русская фашистская партия» с 1934 года начала забрасывать агентов на территорию СССР. Чекистам работы хватало. Совсем недавно Дорохов участвовал в операции: захватили троих шпионов-диверсантов, перешедших границу. На допросе они признались, что направлены для совершения диверсии в районе станции Хорватово. Группа готовилась в Санчагоу, руководили подготовкой японец Мизуно и русский белогвардеец Поляков, один из руководителей Санчагоуского отделения фашистской партии. Умалчивали лишь об одном: о явках на советской территории.

Дорохов вызвал Гольцова, который вел следствие по делу диверсантов, и посоветовал ему во время очередного допроса упомянуть фамилию Ляо Синь... Как и следовало ожидать, диверсанты признались, что Ляо Синь — хозяин явочной квартиры.

На следующий день Дорохов созвал оперативное совещание — нужно было выработать план действий. Доложив о посещении охотника Баженова и результатах допроса диверсантов Иванцова и Григорьева, он поставил перед присутствующими вопрос: «Нужно ли арестовывать Ляо Синя?»

Все сошлись на том, что с арестом следует повременить. Последним выступил Гольцов.

— Я предлагаю следующий план, — на-

чал он. — По данным милиции, Ляо Синь занимается перепродажей контрабандных товаров, не гнушается он и скупкой ворованных вещей. В Шмаковке недавно был ограблен промтоварный магазин, и мне кажется, можно было бы под видом продавца краденых вещей явиться к Ляо Синю. Ну а дальше действовать по обстановке.

Дорохову это предложение пришлось по душе. Было решено, что роль продавца краденого товара выполнит Андрей Гольцов.

— Ты как, дружище, смотришь? Сумеешь сыграть? — спросил его Дорохов.

Гольцов пятнадцатилетним парнем потерял родителей, и Одесская губчека стала ему родным домом, а ее председатель Макс Авелевич Дейч — названным отцом. Дейч, которого Ф. Э. Дзержинский называл «беспощадным к врагам революции», учил его сложной чекистской работе, неоднократно ему говорил: «Помни, Андрей, что мы ведем войну не только против откровенных врагов народа, но и завоевываем души людей, способных убедиться в справедливости нашего дела».

Под руководством Дейча он участвовал в своей первой операции по аресту шпиона Лорена, агента французской разведки с 1916 года, о котором на Западе ходили легенды. В 1917 году Лорен сумел на автомобиле провезти из Мадрида в Париж немецкого военного атташе с очень важными для Франции документами. За эту операцию Лорен был награжден орденом Почетного легиона. Затем он блестяще выполнил операцию в Норвегии, им была открыта база германских подводных лодок в фьордах, в результате чего восемь подлодок были интернированы норвежскими властями.

В самом начале революции Лорен очутился в России, его видят в Мурманске, где он участвует в борьбе против большевистского подпольного движения. Через некоторое время он налаживает связи с белогвардейскими организациями в Петрограде, в 1921 году он уже на юге России, где занимается шпионажем в контакте с подпольной белогвардейско-петлюровской организацией.

И вот Гольцову, самому молодому чекисту Одесской губчека, Дейч в составе опергруппы доверил арест этого матерого шпиона. Лорен был взят, на следствии он раскрыл все явки и связи. Впрочем, впослед-

ствии Гольцову приходилось много раз участвовать в операциях куда более сложных, нежели арест Лорена. Но первая его операция, доверие товарищей остались в его памяти на всю жизнь.

— Ты как смотришь, Гольцов? Сумеешь сыграть? — повторил Дорохов.

Гольцов после некоторого размышления произнес:

— Постараюсь все сделать как следует. Надеюсь, с этим заданием справлюсь.

— И я так думаю, — улыбнулся Дорохов.

Связавшись с начальником управления НКВД по Дальневосточному краю Т. Д. Дерibasом, Дорохов получил разрешение на проведение операции...

Через несколько дней в округе станции Шмаковка прошел слух, что ночью опять обворован магазин промтоваров...

Неделю спустя, вечером на хуторе появился молодой мужчина, в котором стродом можно было узнать Гольцова. Он вразвалку приблизился к забору. В огороде копался пожилой мужчина — хозяин. Гольцов достал папироску и спросил его:

— Прикурить не найдется?

Хозяин пристально посмотрел на пришельца, молча подал спички.

— Мне нужен Ляо Синь, по прозвищу Купец, — тихо сказал Гольцов. — Я от Мишки-барышника. Есть товар.

Мишка-барышник, вор-гастролер, на днях был арестован владивостокской милицией. На допросе показал, что имел связь и с Ляо Синем, которому неоднократно сбывал краденые вещи.

— Какой товар?

— Метров тридцать английского сукна, ситец. Есть и еще кое-что...

Андрей ожидал дальнейших расспросов. Их не было. Ляо Синь пристально смотрел на Андрея и что-то думал. Через минуту он буркнул:

— Ничем не могу помочь. Приходи завтра.

На следующий день Дорохову сообщили: Ляо Синь рано утром появился в магазине станции Шмаковка, вертелся минут десять, разговаривал с продавцом, интересовался, что взяли грабители. После этого, купив какую-то безделушку, ушел.

Когда Андрей снова явился к Ляо Синю, тот стал заметно сговорчивее, вежливо пригласил в дом. В комнате — кушетка, шкаф, несколько дубовых стульев, часы на полированной тумбочке, на стене висел огромный ковер. Ляо Синь принес бу-

тылку водки, сало, хлеб. Выпил. И хозяин сразу перешел к делу.

— Вещи краденые, — сказал он. — Моя все знает.

— Краденые, — подтвердил Андрей. — Мне нужно их «толкнуть» и скрыться недели на две. На станциях милиция рыщет... Вот думаю о твоём хуторе. Здесь тихо. Никто к тебе не ходит.

— Ну, а дальше что думаешь делать?

Ляо Синь налил еще по рюмке водки. Выпили. Он искоса изучал Андрея. Гольцов заплетающимся языком произнес:

— Я давно мечтаю о загранице.

Затем сообщил, что он из семьи офицера семеновского полка, что его отец погиб в бою с красными, и поэтому он не желает служить и работать с ними...

— Деньги мне нужны, много денег, — закончил свой пьяный монолог Андрей.

Ляо Синь несколько секунд вглядывался в его лицо, потом медленно проговорил:

— Беру твой товар. Только пиши расписку: «Я, такой-то, получил шесть тысяч рублей за краденые товары из магазина станции Шмаковка и за информацию, переданную японской разведке».

Андрей сидел неподвижно.

— Не пишешь... А куда денешься? Ты правильно сделал: у тебя одна дорога — за границу. Переход я тебе устрою. Но руку моет — ты мне принесешь информацию о поездах, которые проходят через Гродеково. Согласен?

— Подумать нужно, — мрачно ответил Андрей.

Он поломался для виду, потом согласился.

— Но смотри, — предупредил Ляо Синь, — если продашь, на дне океана достанем...

Вот уже около двух недель Андрей жил на хуторе. Вечерами ходил на рыбалку, днем читал книги, так как Ляо Синь не разрешал выходить из дому.

На третий день на хутор забрели охотники. Среди них Андрей увидел Баженова и работника управления Сырцова. Они вошли в дом, попросили воды. Гольцов сумел незаметно передать Сырцову записку, в которой сообщал о разговоре с Ляо Синем. В конце сообщил, что вскоре он будет на станции Гродеково, куда посылает его Ляо Синь.

В конце второй недели Ляо Синь подробно рассказал Андрею, что интересуется

японскую разведку в Гродеково. Говорил он начальственным тоном, предупредил, чтобы был готов в любую минуту выйти на задание.

После этого разговора Ляо Синь исчез на пять дней. Вернулся злой, обросший, в потрепанной одежде. Вечером он зашел в комнатушку Андрея и сказал, что завтра утром — в Гродеково, и проинструктировал еще раз.

В Гродеково Гольцову удалось тайно встретиться с Дороховым. Тот обещал подготовить материал такой, чтобы японцы на него «клюнули». Кроме того, сообщил, что рано утром в районе заставы Лесной появился нарушитель, шедший из Маньчжурии. Наверное, посланец Полякова.

— Видимо, через несколько дней ты будешь у японцев в Харбине. Постарайся узнать места переправ через границу и кто помогает им на нашей территории. Изучай людей, с которыми будешь встречаться, особенно этих отщепенцев из РФП. Прошу, будь осторожен...

Ляо Синь остался доволен «шпионскими сведениями», добытыми Андреем. Вскоре он привел в дом щуплого человека в пиджаке и сапогах.

— Ануфриев Пантелеймон. Поведет на ту сторону...

Темной ноябрьской ночью они перешли границу. Японцы встретили Андрея сдержанно. Он подробно изложил сведения, подготовленные Дороховым. Капитан Мизуно, маленький, юркий японец, был более чем лаконичен. Задав несколько вопросов, он кивнул на дверь, давая понять, что Гольцов свободен.

Во дворе к нему подошел долговязый мужчина.

— Начальник полицейского отряда станции Пограничная Шепунов, — представился он. — Мне поручено устроить вас и накормить.

На следующий день Гольцова пригласили к капитану Мизуно. Японец встретил его приветливо, угостил сигаретами, водкой и, улыбаясь, сообщил, что начальство награждает Гольцова 200 иенами. Через некоторое время в комнату вошел высокий, крепко сбитый мужчина с военной выправкой.

— Поляков, — представил его Мизуно. — Он повезет вас в Харбин.

...Подходила к концу вторая неделя пребывания Андрея в Харбине. Жил он в отдельной комнате (Китайская улица,

125). На первом этаже дома размещалась типография фашистской газеты. Гольцов близко сошелся с Поляковым, посещал фашистские сборища в клубе на Диагональной улице.

Вскоре Поляков познакомил его с членом высшей контрольной комиссии РФП Дудукаловым. В Харбине много говорили об этом человеке: хитрец, интриган и к тому же аморальнейшая личность.

Лицо у него было потасканное, брезгливо-надменное, как всегда он был пьян. Когда он немного отрезвел, то заинтересовался Андреем, долго расспрашивал и неожиданно пригласил его на Харбинскую радиостанцию, где Дудукалову предоставили время для передачи. По дороге он рассказал о распространении фашистской литературы: листовки, газеты закладывались

в бутылки и спускались по рекам на территорию СССР. Пытались распространять листовки и в эшелонах с советскими гражданами, закончившими работу на КВЖД.

Некоторые из эмигрантов с недоверием относились к новичку — это Андрей чувствовал в разговорах с ними и по рассказам Полякова, который в отличие от других, кажется, доверял ему полностью. У иных, таких было больше, вызывало беспокойство, что Гольцов может занять чье-нибудь место. Появились сплетни. Кое-кто в глаза и за глаза называл его вором.

Однако он не шел на столкновения ни с кем. Он собрал уже много данных о работе японской разведки среди русских Харбина. Из разговора с Поляковым и Дудукаловым он узнал, что в районе станции Раздольное действуют три эмиссара

РФП, установил, на каких участках границы переправлялись шпионы и диверсанты.

Нужно было во что бы то ни стало доставить эти ценные сведения на ту сторону.

Наконец Андрея вызвали в Японскую военную миссию. Там он встретил Полякова, Дудукалова и других знакомых по клубу.

— Мы поручили господину Полякову сформировать отряд из самых преданных нам людей, — информировал Гольцова японский офицер. — Для разведывательно-диверсионной работы на советской территории. Вы рекомендованы в этот отряд. Готовы ли выполнить задание?

Андрей не торопился с ответом, ссутулившись сидев у стола. Его большие жилистые руки лежали на коленях. Гольцов сосредоточенно думал. Не провокация ли? В последнее время Андрея часто приглашали на попойки, надеясь, что он проговорится, неоднократно совершались тайные обыски в его квартире.

— Задание трудное, — продолжал японец. — Придется изучить фотографию, способы диверсий, методы агентурной работы. Денег жалеть не будем. Вернетесь богачом.

— Согласен... — наконец произнес Гольцов.

Декабрьским утром Дудукалов зашел к Андрею и сообщил: Гольцова вызывает «лидер» русской фашистской партии Родзаевский, недавно вернувшийся из Токио...

Около двух часов дня Андрей вышел из дому и направился к Родзаевскому, который жил неподалеку. По дороге постарался вспомнить, что ему говорил Дорохов о «вожде» и что он узнал о нем здесь.

В 1925 году Родзаевский бежал из Советского Союза, поселился в Харбине и поступил учиться в университет, откуда его через некоторое время выгнали за какие-то денежные махинации.

После этого он организует совместно с Василенко и Дудукаловым так называемую «Русскую фашистскую партию», устанавливает связи с фашистами Европы и Америки, завязывает дружбу с чинами японской разведки.

Обладая прекрасной памятью и прирожденным даром красноречия, он быстро пошел в гору. Пользуясь доносами, подтасовкой фактов, удалял неугодных лиц.

Еще в университете Родзаевский обратил на себя внимание японцев. Имея задолженность по нескольким предметам, он попался в неблагоприятном поступке (подделал подписи преподавателей в зачетной книжке). Рассерженный профессор Энгельгардт выгнал его с экзамена и пообещал исключить из университета. И только японцы уладили дело.

Решив разбогатеть, Родзаевский и его собутыльник Василенко устраивают лотерею, которая закончилась громким скандалом.

По своему характеру трус, эгоист, интриган, Родзаевский, не обладая широким кругозором, подбирает людей, которые бы преклонялись перед ним.

Андрея встретил телохранитель Родзаевского и проводил на второй этаж. Здесь уже толкались Дудукалов, Тарадаконов и Поляков. Через несколько минут появился «вождь» — человек среднего роста, с черной бородой, невзрачный на вид.

В продолжение всей беседы с ними, длившейся около получаса, Родзаевский говорил о программе фашистской партии. Глаза его горели как у фанатика. «Бред сивой кобылы», — подумал Гольцов. Он еле дождался конца аудиенции.

* * *

...Для заброски в СССР готовилось двенадцать человек. Почти все из бывших белогвардейцев. Большинство уже бывали на той стороне, выполняя различные шпионские и диверсионные задания.

Занятия по диверсиям на железных дорогах проводил японец Кизава.

Несколько раз читали лекции о том, как избегать слежки, как вести себя в случае задержания и на допросах. Фотодело преподавал белогвардеец Виктор.

Андрей видел, что все двенадцать человек с большим старанием занимались изучением этого грязного ремесла.

Старший из японцев майор Куроки был доволен курсантами. Занятия кончал словом «карашо».

Перед тем как направить диверсантов через границу, их еще раз проинструктировали. Каждый получил маузер и полсотни патронов. Объектом диверсий Куроки наметил железную дорогу в Гродековском районе, кроме того, в их задачу входило уничтожение ряда совхозов и колхозов, сельскохозяйственной техники.

Гольцов и Поляков должны были снимать планы аэродромов, помечать на карте парома и броды через реки.

Ночью 20 января 1936 года вышли на лыжах в направлении станции Гродеково. Когда забрезжил рассвет, остановились в заброшенном зимовье среди густой тайги. Посовещавшись, решили направить двух человек на хутор к Ляо Синю. Остальные расположились на отдых.

К Ляо Синю пошли Андрей и Вороньков.

Ляо Синь обрадовался им, принес бутылку самогона.

Андрей знал, что чекисты должны были вести наблюдение. Ночью он вышел во двор. На небе ярко светили звезды. Вдруг услышал негромкое:

— Андрей...

И Гольцов с трудом разглядел человека за забором. По голосу узнал Сырцова...

Операцией руководил Дорохов. Зимовье окружили. Часового бесшумно сняли. Дорохов и пятеро чекистов поднялись на крыльцо.

За дверью слышался громкий храп. Дорохов рывком распахнул дверь.

— Руки вверх! Дом окружен.

Среди оцепеневших диверсантов Дорохов увидел Андрея.

Поляков выхватил маузер, но Андрей схватил его за руку, заломил ее так, что тот заорал от дикой боли.

— Ваша песенка спета, господин Поляков! — сказал Дорохов. В глазах Полякова стоял ужас. Видно было, что он узнал бывшего командира партизанского отряда, за которым охотился в годы войны...

Э. Петров

Старый лис идет в ловушку

1

Одиннадцатого мая 1939 года япономаньчжурские войска напали на монгольские пограничные заставы. Халхин-Гол... Название малоизвестной реки замелькало на страницах газет всего мира.

В это напряженное время в управление НКВД поступило сообщение из-за границы: ЯВМ¹ в маньчжурском городе Хунчуне готовит человека для засылки на территорию СССР. Сопоставив многие факты, чекисты пришли к выводу, что японская разведка начинает очередную акцию.

Ночью 23 июня на таежном участке советской границы был задержан ожидаемый «гость». По внешнему виду он ничем не отличался от типичных для того времени перебежчиков, но вел себя необычно: назвался коммунистом, потребовал встречи с «большим русским начальником» для «важного разговора».

Он заявил, что послан коммунистической организацией, возглавляемой Ли Хай Ченом, и что ему дано задание выяснить, возможен ли выход Ли Хай Чена в СССР для переговоров с соответствующими представителями.

После непродолжительного отдыха связник Ли Хай Чена был отправлен назад с известием: советская сторона в принципе согласна с предложением маньчжурских товарищей.

Вскоре на том же участке границы был задержан второй нарушитель. Он сооб-

щил, что послан проверить, был ли его товарищ и на самом ли деле Ли Хай Чену была обещана встреча.

Его попросили рассказать об организации, в которой он состоит. В ответ он сказал, что «компартия большая», руководит ею «активный авторитетный коммунист Ли Хай Чен», который «бежал из большой японской тюрьмы» и находится на нелегальном положении.

И этот связной Ли Хай Чена был отпущен с миром.

Началась всесторонняя проверка сообщений пришельцев с той стороны. Но сведений о существовании в Корее и Маньчжурии подпольной коммунистической организации Ли Хай Чена не поступило.

Смолкла канонада на Халхин-Голе. Японцы, потеряв пятьдесят тысяч солдат и офицеров ранеными и убитыми, откатились, затихли.

Однако тайная война продолжалась.

19 октября границу перешли сразу три человека. Возглавлял группу заместитель Ли Хай Чена, бывший редактор одной из сеульских газет, сменивший корейскую фамилию на японскую, — Такаяма.

— Я прибыл, чтобы договориться о возможности обучения в СССР наших товарищей, проверенных коммунистов, — сказал Такаяма в первой же беседе с чекистами. — Сейчас нам очень нужны кадры.

Его попросили рассказать подробнее об организации.

— Партийная организация очень большая, — в духе прежних посланцев Ли Хай Чена ответил он. — Состоит она в основном из коммунистов, репрессированных японской полицией. Все мы хотим бороться против японцев за освобождение корейского народа, не считаясь с трудностями. Руководитель партийной организации — кореец-коммунист Ли Хай Чен — человек преклонного возраста. Он тоже долго сидел в японской тюрьме, бежал с помощью товарищей. Теперь находится на нелегальном положении. Собирается прибыть в СССР для решения важных вопросов. Но опасается японцев — могут схватить на границе.

На вопрос, не обнаружили ли их при переходе границы, Такаяма уверил, что все прошло гладко, что шли они в самом безопасном районе.

Заметны были противоречия в его словах: для одних переход представлял опасность, для других нет.

---

¹ Японская военная миссия.

Беседа продолжалась.

— Сколько человек ваш руководитель намерен направить к нам? Готовы ли эти люди и достаточно ли проверены?

— Думаем направить человек двадцать—двадцать пять. Многие из них уже подготовлены и проверены.

— Сколько времени, вы полагаете, потребуется для учебы?

— Чем скорее, тем лучше.

Заканчивая беседу, чекисты согласились принять «студентов» и еще раз предупредили о необходимости их тщательного отбора и проверки.

Такаяма попросил оставить в СССР для учебы сопровождающих его двух человек. И поспешил вернуться в Маньчжурию.

С обоими парнями обстоятельно беседовали. Один из них оказался смышленным и честным парнем, бывшим комсомольцем (организация, в которой он состоял, была разгромлена полицией). Впоследствии он стал искренним другом нашей страны.

2

Задолго до этих событий, а именно 12 августа 1938 года, в неприметном садовом домике на задворках холмистого Итигая¹ собрались люди в военной форме.

Ночью был тайфун — перервал провода, разметал суденышки, растрепал ухоженные сады и цветники. Офицеры разглядывали в раздвинутые легкие стены изуродованную тайфуном зелень, листья кленов, лепестки хризантем и японской желтой розы, усеявшие дорожки, и тихо переговаривались.

На низких столиках — графинчики с саке, ломтики свежей рыбы, овощи. Судя по всему, здесь назревало деловое совещание, мероприятие, обожаемое японцами. Правда, домик этот носил название «Синбасимацзия» — «Дом секретного совещания», и собрались здесь далеко не простые люди: полковник Кавамада — начальник советского сектора генерального штаба японской армии, полковник Усуи — начальник оперативного сектора, поручик Ода — офицер генштаба. А также господин Вакабаяси из секретного могуществен-

ного Общества Черного Дракона², настолько секретного, что люди, работающие по заданию Общества, ничего толком о нем не знали.

Мягко шурша шинами, к дому подкатил легковой автомобиль, и перед почетным собранием предстал могучий старик кореец в сером, не бросающемся в глаза европейском костюме. Проницательный взгляд, густая белая борода, величественные жесты — этот человек производил впечатление. Ли Хай Чен — звали гостя. Правда, с таким же успехом он мог носить и любое из дюжины других своих имен.

Совещание началось с возлияний и тостов. Говорили о победах в Китае, о подробностях взятия Нанкина. Когда под действием спиртного изощренная цветистость японской речи улетучилась и раскованные японцы обрели способность излагать мысли без обиняков, полковник Усуи заговорил о деле:

— Победы победами, но война в Китае затянулась. Мы вынуждены мобилизовать все свои усилия. А тут еще угроза со стороны СССР; красная опасность расплзается по планете, как чума. Война с СССР неизбежна.

Старый Ли сидел за низким столом, поджав ноги под себя, и вежливо кивал словам полковника.

— Хасанские события показали, что мы многое не продумали и недоработали, — продолжал Усуи. — Мы не имеем хорошей диверсионной базы на территории СССР. Это большое упущение в военно-оперативной работе японской армии. Перед нами стоит задача: любой ценой создать базу, которая могла бы парализовать тылы русских на случай войны... И мы создадим ее при содействии Ли Хай Чена.

— Все это для меня ново, — неторопливо ответил старик. — Дело серьезное, и мне необходимо подумать.

Японцы согласились прервать совещание.

...Ли Хай Чен родился в 1874 году в одной из горных деревушек Северной Кореи. В его деревне отбывал ссылку известный террорист и японофил У Бем Шен, лич-

¹ Район Токио, где размещались военное министерство, генштаб, императорская ставка и другие военные учреждения.

² Черным Драконом японцы называли реку Амур. Одной из основных задач Общества Черного Дракона была борьба с СССР методами шпионажа.

ность выдающаяся для той эпохи. Многие светлые умы Кореи в своей борьбе с феодализмом и социальной рутинной черпали поддержку в заинтересованных японских кругах, для них Япония была образцом, которому следовало подражать. Позже настоящие патриоты выступали против аннексии Кореи, составили костяк оппозиционного просветительского движения, приняли участие в антияпонской борьбе. У Бем Шен до конца дней своих оставался преданным японским слугой. Ли Хай Чен был учеником этого человека.

После ссылки учитель вернулся в Сеул и очертя голову бросился в новый заговор против корейской королевы Мин. Авантюра была задумана и организована японским послом в Сеуле. У Бем Шен с сообщниками устроил резню в королевском дворце в ночь с 7 на 8 октября 1895 года. Королева Мин, сторонница сближения Кореи с Россией, была убита. Труп ее облили бензином и сожгли. А в 1898 году террористическую группу, вознамерившуюся убить преемника королевы, короля Ко Чжоня, возглавил уже Ли Хай Чен. Покушение сорвалось из-за «несчастливого» стечения обстоятельств. Господин Ли стал известен в политических и экстремистских кругах Японии.

В русско-японскую войну Ли Хай Чен зарабатывал на поставках продовольствия и фуража 12-й японской дивизии и шпионил за русскими войсками. Дело шло так успешно, что он стал резидентом большой шпионской сети. Его агенты под видом торговцев разъезжали на подводах в местах дислокации царских войск и собирали весьма ценную информацию. Ценность ее повышалась и той быстротой, с которой она доставлялась по назначению. Ли Хай Чен разработал свою собственную систему связи, скопировав ее, видимо, с древнеперсидской, о которой прочел в книжках У Бем Шена. Он организовал посты связи, по 3—5 человек на каждый, причем людей подбирал физически развитых, способных бежать на дальние расстояния. Посты связи расставил так: на пересеченной местности — по одному на каждые 10 ри (1 ри равен 0,4 км), на ровной местности — на каждые 15—20 ри. Связной, пробежавший 10 ри за 30 минут, получал вознаграждение в 10 иен. Улучшение результата на каждые пять минут давало увеличение вознаграждения в два раза.

После войны Ли Хай Чен — уже в числе

деятели, подготавливавших аннексию.

Действуя в качестве провокатора экстра-класса, он сделал многое, чтобы подготовить почву для колонизации Японией своей родины.

В 1935 году господин Ли посетил Маньчжурию. К этому времени он сколотил неплохой капитал и стал владельцем горнопромышленных предприятий. В Маньчжурии он побывал в районе Ханьчуня, где были открыты месторождения каменного угля, проехал по приграничным районам. В Синьцзине, новой столице Маньчжоу-Го, нанес визит начальнику штаба Квантунской армии Итагаки, своему давнему знакомому. Итагаки был воспитанником Усида, одного из основателей Общества Черного Дракона, а Ли Хай Чен стал резидентом японской разведки, завербованным другим основателем Общества Черного Дракона — Хон Ма Куске.

Генерал встретил Ли Хай Чена радушно.

— Стареем, увы. Я вот уже лыс и сутул, а вы совсем побелели, словно переспелая камышовая метелка. Каково стареть боевым коням?

— Вам далеко до старости, Итагаки-кун. Я в лучшие годы не имел таких ослепительных манжетов и стрелок на мундире. Какой же вы старик, Итагаки-кун, вы щеголы!

Ли рассказал о своей поездке, похвалил штаб Квантунской армии за организацию корейских сельскохозяйственных общин, а самого Итагаки — за организаторские способности. Но заметил: сельскохозяйственные общины расположены в лесистых горных районах на границе с СССР, а эти районы пришлись по душе антияпонским партизанам, которые пользуются поддержкой «несознательных» элементов из среды корейских крестьян. И еще — близость красной России. Ли рекомендовал Квантунской армии переселить корейцев в центральную часть Маньчжурии, а освободившиеся земли заселить японоскими колонистами, в результате чего будет подорвана опора партизанского движения, и появится надежный заслон советскому влиянию.

Итагаки полностью согласился с Ли и предложил все это изложить письменно. Получив разрешение маньчжоугосских властей на разработку каменноугольных месторождений, Ли Хай Чен вернулся в Сеул и написал брошюру под названием «Мои соображения о государственной обороне маньчжуро-советской границы». Ее

издали малым тиражом, и Итаки распространил весь тираж среди видных политических и военных деятелей Японии.

Генерал Исогаи, начальник главного военного управления в военном министерстве, и упоминавшийся уже Усида из руководства Общества Черного Дракона были в восторге от брошюры, но переселять корейцев не торопились. Зато самому автору посыпались «заманчивые» предложения. Например, ему было предложено организовать провокацию в чисто японском духе — натравить Хэбей-Шандунское правительство¹ на провинцию Суйань. Затем Доихара² соблазнил Ли покушением на Чан Кай-ши. Ли отклонил эти предложения... И вот наконец Ли Хай Чен в Токио, вызванный телеграммой Тояма. Тояма считался родоначальником японского фашизма, одним из руководителей Общества Черного Дракона.

На последующих встречах в Доме секретного совещания Ли Хай Чен поставил условие: в обмен на создание в России диверсионно-шпионской базы японцы должны осуществить давнюю мечту Ли Хай Чена и других японофилов из высших слоев корейского общества — создать на территории Восточной Сибири и Приморья корейское государство по типу Маньчжоу-Го. Японцы не скупились на обещания, но Ли Хай Чен требовал твердых гарантий.

К совещанию или, точнее, серии совещаний подключился начальник 2-го (разведывательного) отдела генштаба генерал-лейтенант Хигуци. Он-то и сообщил Ли Хай Чену, что план создания корейского государства на территории СССР утвержден генералитетом.

Еще в 1909 году японцы обещали Ли Хай Чену в обмен на помощь в деле аннексии создать в Маньчжурии, в районе Цзяньдао корейскую автономную область. Добившись своего, обещания не выполнили. Поэтому старый резидент продолжал переговоры с Хигуци.

— Все мы знаем, как забываются старые планы, — стоит только смениться от-

ветственным работникам в министерстве. Поэтому прошу утвердить мой план составной частью общегосударственной политики Японии.

...На заключительном совещании было много улыбок и тостов, графинчики с саке опорожнялись с редкой для японцев быстротой. Ли Хай Чена поздравляли: полковник Усуи сообщил, что план создания лихайченовского государства в СССР рассматривался на совещании министерства внутренних дел и признан составной частью общегосударственной политики Японии.

Затем по просьбе японцев Ли Хай Чен рассказал, не вдаваясь в детали, о планах формирования и обучения подразделений диверсантов, о засылке их на территорию СССР, о их предполагаемых действиях в тылу Красной Армии.

Полковник Усуи спросил, каким способом Ли Хай Чен думает осуществить массовый переход границы его агентами.

— Таких способов много, — ответил старик. — Один из них: явиться к большевикам с отрубленными головами японских офицеров.

Улыбка слетела с лица Усуи.

3

С легкой руки все того же Итаки древний маньчжурский город Чанчунь стал называться Новой столицей — Синьцзин. В новом столичном граде Маньчжоу-Го поселился последний цинский император Пу И, здесь же разместились новые министерства, возглавляемые министрами-предателями, военные учреждения Квантунской армии. Синьцзин же избрал своей резиденцией и Ли Хай Чен. На улице Лю Чуэн Дынг, которую корейцы именовали ИБ Сен Денг, а японцы — Ир Бунэ Тио, Ли арендовал трехэтажный кирпичный дом под номером четыре, принадлежавший японцу. (Впрочем, штаб-квартира Ли Хай Чена была не здесь.) Вокруг дома № 4 вырос глухой забор, на крыше появился пятицветный флаг Маньчжоу-Го. По вечерам калитка в массивных воротах приоткрывалась, выпускающая молчаливых мужчин. Они спешили в рестораны и публичные дома. Расплачивались не маньчжоугоскими гобби, а настоящими японскими иенами. К полуночи они возвращались. На вопросы посторонних предпочитали не отвечать.

¹ Хэбей-Шандунское правительство было создано в восточной части провинции Хэбей на правах автономного. Японцы пытались использовать его для борьбы с центральным правительством Китая.

² Известный японский разведчик-террорист.

Впрочем, подозрительность японских властей была притчей во языцех, поэтому столичный житель обходил стороной таинственный дом на Лю Чуан Дынг, как и многие подобные сверхтайственные заведения, выросшие по всей Маньчжурии с приходом японцев как грибы. Даже вездесущим полиции и жандармерии не было дано знать, что в этом здании обособилась школа агентов Ли Хай Чена. Финансировала заведение Квантунская армия, преподавателей поставляла местная организация ЯВМ.

Занимались по семь-восемь часов. Ли Хай Чен читал лекции по истории Японии и Кореи, индеец Наиру — по истории колонизации Индии «белой расой», причем проповедовал модную в те времена в Японии теорию паназиатизма — объединения всей Азии, всех «желтых народов» под эгидой Японии, о необходимости жестокой расовой войны против белых — европейцев, американцев, русских. Японец Тогама и еще двое его соотечественников проводили занятия по стрельбе, «бомбометанию», фото- и радиоделу, учили обращению со взрывчаткой, приемам тайнописи. Знакомили по макетам и плакатам с советской военной техникой, учили различать рода войск, знаки различия, топографические обозначения на советских штабных картах и т. п.

Административно-хозяйственной частью заведовал Ким Денг Хеб, закончивший японский университет. Он обеспечивал курсантов питанием, учебными пособиями, следил за соблюдением внутреннего распорядка. Обеды готовил повар-китаец.

Ли Хай Чен вербовал в курсанты в первую очередь людей корейской национальности, побывавших в японских тюрьмах. Ставка опытного провокатора была на то, что эти люди духовно сломлены. Кроме того, по замыслу Ли Хай Чена, революционное прошлое его людей должно было дезориентировать русских чекистов.

...На теплом кане, покрытом циновками, среди других курсантов сидит мужчина — на вид лет тридцати—тридцати пяти. Сосредоточенное удлиненное лицо. Очки в роговой оправе делают его похожим на врача или ученого. Пристроив блокнот на коленях, торопливо пишет автоматической японской ручкой, не пропуская ни одного слова японца-преподавателя, спеца по вопросам диверсий. Никогда раньше ему не приходилось иметь дело с подобными нау-

ками — все ново, необычно. Мог ли он всего несколько лет назад представить, что окажется в рядах шпионов и диверсантов?

Это Ким Ден Сан; образование получил в китайской средней школе, вступил в корейский комсомол, а в 1927 году — в компартию Кореи. В сентябре 1928 года японцы арестовали почти весь состав уездного комитета комсомола и многих рядовых комсомольцев, в том числе Ким Ден Сана. Всех выдал провокатор — японский агент, проникший в уездный комитет. На допросах с пытками молчал. Но когда его дело передали в особую комиссию, о которой ходили страшные слухи, Ким не выдержал и на первом допросе в комиссии выдал оставшихся на свободе наиболее законспирированных товарищей. Тем не менее отсидел пять лет в сеульской тюрьме. В 1938 году его вновь арестовали, на этот раз ошибочно — как антияпонскому движению и к коммунистической партии он уже никакого отношения не имел. С огромным трудом выбравшись из тюрьмы, уехал в Маньчжурию, подальше от ужасов колониальной Кореи, однако в Маньчжоу-Го было не лучше. Неожиданно его разыскал провокатор, выдавший в 1927 году уездный комитет, и предложил работать на Ли Хай Чена, с ним он был в давнем и близком знакомстве. Ким полностью отвечал взглядам резидента на то, каким должен быть его агент. Поэтому вербовка Кима была лишь вопросом времени. Позже, закончив лихайченговскую школу, Ким Ден Сан быстро продвинулся по службе, стал доверенным лицом старика Ли и занимался помимо других обязанностей проверкой агентов, завербованных для перехода границы.

Среди курсантов были люди и другого сорта. Например, Цой Чен Сон — пухлые щеки, плоский затылок, одет лучше других. На людей смотрел свысока, словно говоря: «Знай, с кем имеешь дело». Не столь богат, как Ли Хай Чен, но кое-что имел — акции корейских и японских предприятий, книжный магазин в Луньчжине.

Или Кан Хван Сек — энергичный взгляд, бойцовая осанка. Этот был гласным разведчиком японцев, служил в особом отделе полицейского управления в Янцзы, работал на перехвате советских радиопередач, принимал участие в допросах и пытках людей, заподозренных в связях с СССР.

В лихайченовской разведшколе в три очереди прошли обучение пятьдесят человек. Их приучали к мысли, что, даже в случае разоблачения органами НКВД, они остаются агентами и что должны продолжать разведывательную и диверсионную деятельность и после отбывания срока наказания.

...Шумно в китайском ресторане Тюнг Анфан Дем, известнейшем в столице. Сегодня здесь нет посторонних. Сегодня здесь празднуют заключительный выпуск школы Ли Хай Чена.

За низкими столиками, составленными в длинный ряд, — празднично одетые лихайченовцы и гости. На почетных местах — Ли Хай Чен, Вакабаяси и надутый господин в шелковом халате с желтыми драконами. При виде его курсанты шепчутся: «Хын Мух — главный советник императора Пу И!»

Вакабаяси и Хын Мух выступали с приветственными речами, призывали присутствующих посвятить свои жизни строительству Великой Азии от моря до Урала. С плоской шелковой подушки поднялся Ли Хай Чен. Все стихли.

Вакабаяси произнес, наклонившись к Хын Муху:

— Они его боятся больше, чем жандармов.

Ли Хай Чен говорил негромко, но слова его были слышны отчетливо.

— Белая раса стремится задушить народы желтой расы. В наше время классовая борьба потеряла всякое значение. Сейчас существует только расовая борьба, расовые войны. Японская нация поднялась на защиту родственных ей народов. И корейский народ должен оказать помощь японской армии в ее борьбе с многочисленными врагами, в борьбе с СССР в первую очередь... В ближайшем будущем мы организуем сильные «партизанские» отряды, которые, инсценировав столкновение с японскими войсками, интенируются на советскую сторону. Эти люди будут нашими кадрами. Где бы они ни жили, всюду будут создавать благоприятные условия для победы японской армии... Кроме того, нужно направить на территорию СССР к тунгусам, монголам и к другим азиатским народам хорошо подготовленных агитаторов... В Азии должна господствовать желтая раса!

Подняв чашечки с сакэ, курсанты выкрикнули «мансэ» и «банзай».

Затая Ли Хай Чена, еще не оформившись как следует, повисла на волоске: взбунтовались те из его агентов, в том числе и окончившие разведшколу, которые были завербованы обманом. Их не устраивала перспектива работать против СССР да еще на стороне японцев. Старый шпион пережил немало неприятных минут, прежде чем уладил инцидент: несколько человек он просто-напросто вышвырнул на улицу, и они канули в неизвестность, а тех, чей бунт объяснялся страхом, постарался приободрить: «Не так страшен чекист...» Посулил большие награды и деньги: «Риск в наше время — лучшая из валют, спешите, после победы вы не заработаете таких денег». А тем, кого не устраивала служба японцам, он объяснял снова и снова, что эта служба — лишь маскировка, что на самом деле они борются за независимость Кореи. Старый Ли был опытный психолог, знал людей лучше, чем они себя знали.

Суквально в течение нескольких дней Ли Хай Чен создал свою собственную партию Синхындон (буквально: Вновь возрождающийся Восток), конечной целью которой определил создание нового корейского государства на территории советского Приморья и Восточной Сибири, а средством ее достижения — близкую войну Японии против СССР. В спешном порядке были организованы отделения Синхындона по всей Маньчжурии, в том числе в пограничной полосе. В Синхындон были автоматически включены все пятьдесят курсантов, а также люди, которые не прошли обучения в разведшколе, но которых, тем не менее, Ли готовил к перекраске в СССР, а также ближайшие его соратники по антисоветской деятельности.

Партия существовала на средства японской разведки и являлась секретной организацией. Инспектировал руководство партии, регулярно наезжая из Токио, старый знакомый Ли Хай Чена, Вакабаяси. Большинство членов Синхындона получали пособия до двухсот иен в месяц, а руководящий состав и наиболее ценные помощники резидента — выше. Когда агенты находились по ту сторону границы, их семьи получали по сто иен в месяц — сумму довольно крупную по тем временам.

Отделения Синхындона занимались разведывательной деятельностью против

СССР и антияпонских партизанских отрядов на территории Маньчжурии, вербовали людей для засылки их через границу. Начальники отделений посылали регулярные донесения лично Ли Хай Чену. Контакты отделений с разведорганами Маньчжоу-Го контролировались только представителями центрального аппарата партии.

Ли Хай Чену необходимо было найти каналы проникновения в СССР, чтобы, используя их, организовать массовую заброску агентов на ту сторону границы.

Лихайченовцы разбрелись по городам и деревням приграничных районов, выспрашивая и вынюхивая. С огромными трудностями и в драматических обстоятельствах были достигнуты кое-какие результаты. Стало известно, что один из маньчжурских партизанских отрядов имеет связь с СССР. Была затрачена довольно большая сумма — семь тысяч иен — на поиски и вербовку нужных людей из числа партизан, была проделана огромная работа по выявлению канала связи, но все оказалось тщетным: подобрать к руководству отряда не удалось. Отряд, почувствовав интерес лихайченовцев, сменил дислокацию и конспиративные пункты, стал недостижим для старого Ли.

Пытались завербовать и сотрудников эстонского консульства, имеющих возможность бывать в СССР. Но и здесь ничего не вышло.

В апреле 1939 года агентам Ли Хай Чена стало известно о существовании в Харбине коротковолновой секретной радиостанции, работающей на СССР. Ли запросил штаб Квантунской армии, но японцам ничего не было о ней известно. Штаб предложил Ли Хай Чену срочно выяснить все о станции и радистах. Занимаясь их поисками в течение шести месяцев, люди Ли Хай Чена потратили свыше десяти тысяч иен, но ни радиостанции, ни радистов не обнаружили.

В январе 1939 года Ли Хай Чен побывал в Пекине, ознакомился с обстановкой и дал задание своим людям из окружения Чан Кай-ши связаться с СССР. В случае, если этот вариант не удастся, предложил связаться с коммунистами Ланьчжоу провинции Ганьсу: этот город являлся базой китайских коммунистов и якобы имел связь с русскими. С ланьчжоусцами Ли установил контакты, но дальше этого дело не продвинулось.

Было отчего прийти в отчаяние. Японцы

подсчитывали каждый сен, потраченный на Синхындон, требовали спешной засылки агентов в СССР — войска стягивались к монгольской границе, назревал очередной инцидент, который мог обернуться русско-японской войной.

Ли торопился. В жизни у него не бывало еще таких трудностей.

Неужели старость? Или эти русские со времен русско-японской войны стали другими?

Ли Хай Чен вызвал в Синьцзин двух опытных парней из группы особого назначения (и такая была в Синхындоне). Проговорил с ними всю ночь. А 23 июня через границу был послан тот первый связник, о котором упоминалось в начале очерка.

5

События поначалу разворачивались медленно. Возвратился в Маньчжурию Такаяма, доверенный Ли Хай Чена, и долго не давал о себе знать. Появились мнения, что противная сторона заподозрила неладное.

Японская разведка всегда отличалась особой изощренностью в разработке и проведении тайных операций. Вполне возможно, рассуждали чекисты, японцы сделали другой ход, пока неизвестный. Кроме того, обстановка в Азии говорила за то, что интересы японской военщины проявляются значительно южнее советско-маньчжурской границы: война в Китае продолжалась третий год, число убитых и раненых на японо-китайских фронтах достигло миллиона. Япония предпринимала отчаянные попытки выбраться из засасывающей ее трясины.

Однако в середине февраля 1940 года прибыл человек от Такаяма во главе первой группы «студентов» числом в пять человек. В жарко натопленной избе погранзаставы доверенный Такаяма сообщил чекистам, что Ли Хай Чен готовит на учебу в СССР еще сто человек. Убедившись, что его спутников отправили во Владивосток, доверенный Такаяма распрошался с русскими пограничниками и чекистами и пообещав в скором времени привести очередную партию «студентов». Обещание он свое выполнил и перевыполнил. «Студенты» поступали регулярно.

Прибывших разместили в отдельном доме на станции Океанской под Владивостоком, на живописном берегу Амурского

залива, создали им хорошие условия для занятий и отдыха, кормили по курсантской норме. Лихайченовцы были довольны. Заметно было, как спадает с них напряжение, как становятся они веселее и разговорчивей. Беседовали с каждым в отдельности, попросили написать автобиографии. Перед началом занятий поинтересовались, какие лекции они желали бы прослушать. Многие просили рассказать о Советском Союзе. С этого и началась учеба лихайченовцев.

Анализ автобиографий «студентов», их поведения, сопоставление полученных от них сведений с показаниями «связников» позволили сделать вывод: среди «студентов» есть опытные шпионы, имеющие специальные задания от японских разведорганов. Остальные были или правоверными лихайченовцами, или находились в полном неведении относительно истинного положения дел в Синхындоне.

С последней группой перешел границу Ким Ден Сан. Число «студентов» достигло тридцати. В честь благополучного прибытия первой очереди лихайченовцев, подготовленных для учебы, чекисты, обслуживающие дом на Океанской, дали торжественный обед. Ким Ден Сан в восторженных выражениях поблагодарил за столь теплый прием и внимание, пожелал больших успехов своим «студентам».

После обеда чекисты долго беседовали с Ким Ден Саном. Он подтвердил желание патрона перейти границу и, если удастся, съездить в Москву.

Ким Ден Сан отбыл в Синьцзин, уверенный в том, что все идет именно так, как задумал старый мудрый Ли.

Учеба продолжалась установленным порядком, в процессе ее продолжалось изучение лихайченовцев. Были выявлены, пока негласно, подозрительные личности, опасющиеся за свое прошлое, — эти люди никогда не были ни в компартии, ни в комсомоле, но зато активно сотрудничали с различными японскими организациями. Нашлись и такие, которые ранее зачислялись японской полицией в уездные комитеты корейской компартии. Было ясно, что такие люди и есть сердцевина разветвленного дерева лихайченовской организации, ради них-то и создавался весь камуфляж — компартия в Сеуле, ненависть к японцам, видимость национально-освободительной борьбы. Большинство же лихайченовцев оказались людьми, разуверив-

шимися во всем, духовно сломленными, которым не оставалось ничего иного, как слепо повиноваться хозяину Синхындона. Их задачей было осесть в СССР и ждать приказа. Приказа взрывать и убивать, расчищать дорогу японской армии.

6

Одной из главных задач чекистов был арест Ли Хай Чена. Этим самым обезглавлялось бы целое направление в тактических планах японской разведки. Однако усилия чекистов наталкивались на бдительность японцев.

В августе 1939 года Ли Хай Чен предложил организовать его встречу с советскими представителями где-нибудь в Америке или Токио. В сентябре Ли сообщил, что находится под наблюдением жандармов и о его переходе через границу не может быть и речи. В октябре Такаяма, побывав на советской территории, сообщил ему, что русские продолжают надеяться на встречу с ним самим. Дальнейшая проволочка со встречей могла бы насторожить русских, и Ли Хай Чен поставил перед генеральным штабом вопрос о своем выходе в СССР. Позже об этом Ли Хай Чен рассказывал так:

— Молодые командиры армии высказывались против моего выхода. Старики, знающие меня хорошо, соглашались с моими доводами. В результате этот вопрос был решен положительно.

Ли начал готовить свой выход. В середине марта 1940 года границу перешел Ким Ден Сан, ставший заметной фигурой в Синхындоне. Кима встретили гостеприимно, отвезли на дачу под Владивостоком, организовали встречу со «студентами», Ким отался доволен беседой с ними и, вернувшись в Синьцзин, подробно рассказал патрону все, что видел.

Только после этого Ли Хай Чен приступил к практической подготовке своего выхода. Срок пребывания его в СССР японцы ограничили тремя неделями. В случае поездки в Москву накупили еще неделю. В начале июля Ли сообщил начальнику штаба Квантунской армии Иимура, что к переходу все готово. 7 июля Иимура дал прощальный обед в честь старого резидента.

На следующий день капитан Тогама, преподаватель лихайченовской школы, он

же ответственный за переход границы агентами, принес необходимые документы на право выхода на территорию СССР, заверенные штабом и полицией. Из Синьцзина до Дуннина добрались поездом, затем пересели в роскошный лимузин, предоставленный Дуннинской военной миссией. За рулем — Тогама, на обитых кожей сиденьях — четверо корейцев: Ли Хай Чен, солидный, спокойный, свято веривший в успех всех своих затей, Ким Ден Сан, прятавший беспокойный взгляд за толстыми стеклами очков, — Ли взял его с собой как проводника, побывавшего в СССР, и как человека, на которого можно смело положиться, рядом с Кимом ерзал от возбуждения личный переводчик Ли Хай Чена Кан Хван Сек, великолепно знавший русский. Бок о бок с Ли — его телохранитель, личность серая во всех отношениях, но преданный хозяину как пес.

— Запомни накрепко, Кан, — произнес негромко Ли Хай Чен (переводчик встал, чтобы лучше слышать), — когда будем там... ни капли спиртного, ни слова лишнего. Отвечать и спрашивать только по моему решению, переводить точно и быстро. И ничего не прибавляя и не убавляя. О русских говорят — серьезный народ, хитрость противника распознают, когда она еще у него в голове. В нашей голове.

— Бывает, и мудрецы в дурни попадают, — сказал Тогама. — Вы их уже не раз оставляли, Ли-сан.

Переводчик нервно рассмеялся. Тогама продолжал болтать. В разговор ввязался сумрачный Ким и даже телохранитель, у которого, как поговаривали, язык был прибит двумя гвоздями, словно каблук маньчжурских ул.

Ли Хай Чен их не слышал. Он еще раз перебирал в памяти то, что должен был осуществить в «гостях», на той стороне. Во-первых, обеспечить нормальную работу курсов, довести число «студентов» до пятидесяти. Во-вторых, добиться проникновения своих агентов в Красную Армию. В-третьих, развернуть деятельность по сбору разведывательной информации. В-четвертых, заручиться полным доверием со стороны советских властей. Оставить на жительство в СССР как можно больше агентов. В-пятых, добиться от русских поставок оружия. В-шестых, подготовить базу для террора и диверсий в тылу Красной Армии на случай войны.

В сумерках прибыли на жандармский

погранпост. Тогама с одной из сопок осмотрел маршрут перехода, стараясь не попасть в поле зрения советских пограничников. Однако, несмотря на принятые меры предосторожности, он сразу же был замечен пограничной разведкой, которая в этом месте уже ждала «гостей» с той стороны.

10 июля 1940-го на рассвете Ли Хай Чен и его спутники с котомками за плечами вышли на территорию советского Приморья в районе пограничного поселка Полтавка. Ли предстал перед пограничниками, большой, седобородый. Кто-то из встречавших пошутил:

— Микадо пожаловал.

В тот же день Ли Хай Чена со свитой доставили во Владивосток.

Таким образом, благодаря огромной и тщательно продуманной работе приморских чекистов, продолжавшейся более года, была успешно разрешена одна из главных задач. Вывод резидента на территорию СССР являлся в то же время крупным поражением японской разведки, которая считалась одной из сильнейших секретных служб мира.

Однако вывод Ли Хай Чена на территорию СССР — это полдела. Предстояло еще «вытянуть» из Маньчжурии и тех лихайченовцев, которые, закончив школу в Синьцзине, выполняли различные задания японской разведки, формально оставаясь членами Синхындоны.

Отдохнув и побывав у «студентов» на Океанской, Ли Хай Чен чувствовал себя прекрасно в роли победителя. В беседах с чекистами он держался независимо и даже пытался диктовать условия.

— Я прибыл для встречи с соответствующими представителями, чтобы рассказать о положении в созданной мною коммунистической организации и разрешить ряд вопросов.

На предложение авторитетного лица обсудить все вопросы во Владивостоке Ли ответил отказом.

— Я решил воспользоваться благоприятной возможностью и поехать в Москву.

Его мечта сбылась, но несколько позже, когда из Москвы поступило распоряжение арестовать Ли и его «студентов».

Началось следствие. Преступная деятельность шпионско-диверсионной организации была полностью разоблачена и доказана.

Параллельно с расследованием прово-

дильсь дополнительные мероприятия по выводу последней группы агентов на территорию СССР. Оставшемуся в Синьцзине Такаяма было переправлено письмо Ли Хай Чена, в котором он сообщил, что в ближайшее время его вызывают в Москву для переговоров о расширении и перебазировании курсов в город Молотов (Пермь). Ли просил Такаяма направить в СССР новую группу подготовленных людей. И вскоре более двадцати лихайченовцев перешло границу у поселка Полтавка. Таким образом, всего на территорию СССР было выведено несколько десятков членов организации Синхындон во главе с Ли Хай Ченом и ближайшими его соратниками...

Японцы долгое время предполагали, что на территории СССР существует националистический центр, созданный Ли Хай

Ченом. Неоднократно пытались установить с центром связь, используя дипломатические каналы и засылая самых опытных и проверенных агентов.

В августе 1945 года наступающими частями Советской Армии был взят в плен офицер японской разведки Тогамэ Сатоси, тот самый, который еще в 1940 году попал в поле зрения стереотруб пограничной разведки. На допросе он дал показания:

«В 1939 году я прибыл в Маньчжурию. Мне было присвоено звание поручика маньчжурской армии, и я был назначен адъютантом командира полка. После этого был направлен в пограничный полк — вначале командиром взвода, затем командиром роты. Взвод, которым я командовал, состоял из корейцев, и я познакомился с их обычаями и нравами. По-

этому я был переведен в разведывательный отдел штаба Квантунской армии, где работал сотрудником до июля 1945 года. В мою задачу входило помогать видному японскому разведчику корейцу Ли Хай Чену.

Ли Хай Чен разработал план переброски своих агентов-корейцев на территорию СССР под тем предлогом, что они недовольны японским правительством и ведут борьбу за создание самостоятельного корейского государства. Эти люди должны были войти в доверие советских органов, с тем чтобы собирать разведывательную информацию, а в случае открытия военных действий между СССР и Японией вести борьбу против Красной Армии с помощью диверсий и террора.

Еще в 1938 году генеральный штаб японской армии дал разрешение на осуществление этого плана, все мероприятия которого должен был проводить второй отдел штаба Квантунской армии.

В мае 1939 года между Ли Хай Ченом и советской стороной была установлена связь. Русские согласились принять корейцев, которые на самом деле были обученными японскими агентами. Переброшенные через границу агенты периодически возвращались и приносили сведения разведывательного характера об СССР. Эти агенты обычно приходили на жандармский

пограничный пост, откуда я их увозил на автомобиле. О выполненных ими заданиях узнавал из документов второго разведывательного отдела.

Всего переброшено в СССР пятьдесят шесть агентов, из которых обратно вернулись четырнадцать.

К июлю 1945 года стало известно, что план Ли Хай Чена провален.

На переброску в СССР агентов лихайченовской организации мы затратили 900 тысяч иен и на обеспечение их семей — 300 тысяч иен».

Какова же судьба Ли Хай Чена и его «студентов»?

Ли Хай Чен покончил самоубийством в тюрьме, видимо поняв, что его долгая бурная жизнь оказалась лотерейным билетом с пустым номером. Многих его агентов судили.

Все они получили по заслугам.

Генералы Итагаки и Доихара закончили как военные преступники — на виселице.

Такова история наиболее крупной акции японской разведки в предвоенное время. Это была одна из попыток Японии создать агентурную базу в СССР. Чекисты смогли своевременно разгадать замыслы врага, вступили в поединок с разведслужбами Японии и перехватили инициативу, что и обеспечило в конечном счете успех советской стороне.

С. Николаев

Дерзость

На западных землях страны бушевала война, а над дальневосточными ее рубежами вплоть до памятных дней августа 1945 года нависла обманчивая тишина. Там, за Амуром и Уссури — почти миллионная армия японских милитаристов. Она ждет своего часа, готова обрушить на нас всю свою мощь. Но не было и нет затишья для советской разведки, и на невидимом фронте огромной протяженности идет упорная борьба.

Противник опытный, сильный: тут и квалифицированные «специалисты» по России из числа японцев, и хорошо знающие местность проводники из китайцев, и «цвет» белогвардейской эмиграции в Маньчжурии.

Трудна и ответственна задача чекистов-дальневосточников: не только срывать коварные замыслы разведывательных служб японцев, но и самим наносить по ним чувствительные удары...

Давно я знаком с полковником Виталием П., стройным, моложавым на вид человеком. В его манере держаться с людьми угадывается внутренняя собранность, натренированная десятилетиями способность быстро ориентироваться в незнакомой обстановке. Поседевшая голова напоминает не только о почтенном возрасте полковника, но и нелегкой жизненной судьбе этого человека, хлебнувшего, как говорят, лиха.

Виталий П. редко говорит о своей работе, и, вероятно, по этой причине лишь через несколько лет после нашей первой встречи я узнал, что он чекист, а в годы войны принимал участие в схватках с японской разведкой на Дальнем Востоке.

Не раз я просил полковника рассказать о каком-нибудь интересном эпизоде периода военных лет. Он не отказывался, но и не торопился, говоря:

— Как только наступит подходящее время — с удовольствием выполню твою просьбу.

Недавно я встретился с полковником вновь. В разговоре он упомянул о приближающейся годовщине победы над Японией. Я воспользовался этим и на всякий случай спросил: «Не пришла ли пора выполнить обещание?» Мне показалось, что полковник ожидал этот вопрос, так как вместо привычного «как только...» ответил:

— Коль настаиваешь — расскажу...

Мы зашли в парк, заняли свободную скамейку возле летней эстрады и несколько минут любовались покрытыми дымкой просторами Заамурья. Но вскоре ровный голос полковника целиком завладел моим вниманием, и, слушая его, я уже не замечал окружающего.

Карпов

В марте 1945 года белоэмигрантские газеты в Маньчжурии запестрели сообщениями о загадочном исчезновении из городка, расположенного на Амуре, некоего Карпова — работника особого отдела полицейского управления провинции. Забеспокоились японцы. Заволновалась и часть белой эмиграции, активно сотрудничавшая с японскими оккупационными властями. Некоторые из них опасались разделить судьбу Карпова.

Кто же такой был Карпов? Почему его персоне было уделено столь большое внимание в Маньчжурии? Сейчас уже можно приоткрыть завесу над этой историей, хотя годы многое стерли в памяти.

Для чекистов обстановка на Дальнем Востоке в то время была сложной. Из года в год активизировали свою деятельность японские разведывательные и контрразведывательные службы.

А таких в Маньчжурии было немало: целая сеть военных и даже несколько военно-морских миссий, особые отделы полиции, жандармерия и специальные подразделения железнодорожного управления. Вместе с японцами против нас активно действовала некоторая часть белой эмиграции. Из среды антисоветских организаций типа бывшего «Российского об-

щевоинского союза (РОВС) и «Российского фашистского союза» (РФС) японцы вербовали агентуру, которую затем на лодках, надувных кругах и подушках пытались забрасывать к нам через Амур. Шпионам поручалось изучать приграничную местность, фотографировать оборонные сооружения, собирать подробные сведения о промышленности нашего края, в частности о характере продукции заводов Комсомольска-на-Амуре — Амурсталь и других.

С 1941 года участились попытки японцев направлять на нашу сторону своих агентов с единственной задачей: склонять к шпионской работе наиболее неустойчивых советских граждан, используя для этого неблагоприятно сложившуюся для нас военную обстановку и трудности со снабжением. Но плохо японцы знали наш народ, и в этом они скоро убедились. Через три года работник особого отдела полиции прикордонного городка Судихара жаловался своим коллегам: «Особый отдел до сих пор не имеет ни одного агента из числа советских граждан, хотя давно объявлено, что, если чиновник сможет осуществить такую вербовку, он получит в качестве вознаграждения три тысячи иен».

Ожесточилась и японская контрразведка. В 1943 году японские власти официально дали ей установку: после обычных допросов подвергать пыткам задержанных, подозреваемых в связях с советской разведкой. Но уже до этого к нам поступили сообщения о том, что японцы подвергают пыткам арестованных, а в приамурском городке особенно изобретательным отмечался какой-то русский, хромой, высокого роста, сухощавый, с грубым голосом и волчьим взглядом.

В 1942 году с той стороны вернулся человек, испытавший на себе способности хромаго.

«Затем пришел этот Карпов, — рассказывал он, — принес веревку. Мне связали руки и ноги, проделали палку, подвесили к потолку и стали бить до потери сознания. Клади на скамейку вверх лицом, зажимали рот. Карпов лил холодную воду из чайника в нос. На этой же скамейке привязывали вниз лицом и кололи иголками, били ремнями...»

У Карпова выработался свой, особый «почерк» работы с подследственными. Пыткам предшествовала психологическая

обработка задержанных. Нередко он привозил их к себе на квартиру и там угощал обедом или чаем «по-дружески», уговаривал: «Ты подумай лучше и признайся, не то мы из тебя выьем признание». Потом Карпов увозил «гостя» в следственную комнату тюрьмы, где демонстрировал орудия пыток.

Хабаровские чекисты навели дополнительные справки о Карпове. Оказалось, что его дед в свое время на Волге ворочал миллионами, отец был торговцем, с ним Карпов приехал на Дальний Восток. В Хабаровске окончил реальное училище, а потом — офицерские курсы во Владивостоке. Люто ненавидел Советскую власть. За преданность и усердие в воинской службе Колчак наградил его Георгиевским крестом.

В 1920 году Карпов бежал в Маньчжурию, где более десяти лет плавал помощником капитана пароходов «Утун», «Харбин», буксира «Хлопец».

В сентябре 1933 года, поссорившись с владельцами пароходов, он завербовался в японский охранный отряд и после банкета в харбинском ресторане «Казбек», на котором присутствовал один из тогдашних руководителей РФС Косьмин, выехал к месту службы. Отсюда, из приамурского городка, Карпов сразу же начал активную разведку советской пограничной полосы.

«...В 20-х числах января, — докладывал Карпов японцам, — мною посланы два человека в район М. с задачей разбросать литературу антисоветского содержания вокруг колхоза, снять размеры укрепленных точек, определить точное местонахождение военного полигона в Б., заставить «Старика» работать в нашу пользу».

В апреле 1935 года по заданию японской военной миссии и русского фашистского союза Карпов во главе группы японских шпионов вышел на территорию советского Дальнего Востока. Здесь он находился почти две недели. За это время собрал сведения о шоссейных дорогах некоторых районов Хабаровского края, о строительстве железнодорожной ветки Волочаевка—Комсомольск, распространял ласкательные листовки.

Карпов понимал, что японцы держат его как «специалиста» по России, и в то же время боялся, что они откажутся от его услуг, поэтому старался. Он изучал политические взгляды эмигрантов, выискивал

среди них сторонников Советского Союза. Вместе с другими наиболее надежными белогвардейцами нес охрану флигель-адъютанта марионеточного императора Пу И. Карпов сам подбирал шпионские кадры для японцев, прививал им ненависть к СССР, засылал на советскую территорию. Одно время занимался перехватом советских радиопередач, составлял для японцев различные справки по Советскому Союзу. Являлся и содержателем конспиративных квартир японской разведки.

Многие годы Карпов был заметной фигурой в эмигрантских организациях. Одно время возглавлял в городке филиал РФС, состоял советником (от полиции) при церковно-приходском совете, редактировал белогвардейскую газетенку, по указанию главаря РФС Родзаевского готовил террористические акты на советской земле.

Мы выяснили, что в последние годы деятельностью Карпова руководил японец Хино. Низкого роста, с оттопыренными ушами, неряшливо одетый, но общительный, японец любил спиртное, а в компании с русскими охотно пел «Дубинушку», «Стеньку Разина». Однако под личной рубахи-парня скрывался опытный разведчик, жестокий и расчетливый. Когда-то Хино жил во Владивостоке, работал в столовой и там научился русскому языку. Теперь как специалист по России он весьма активно пытался засылать свою агентуру в советское Приморье.

Многолетняя активная работа Карпова в японских специальных органах представляла еще возможность хорошо ознакомиться со структурой, основными методами и направлениями деятельности японских спецслужб на севере Маньчжурии, их связями среди белой эмиграции, информацией о заброшенных к нам японских шпионах. Вполне понятно, что эти сведения представляли для нас особый интерес. Изучив и оценив накопленные материалы, чекисты решили пресечь враждебную деятельность Карпова и через него попытаться раскрыть планы японцев и белой эмиграции, направленные против советского Дальнего Востока.

Подготовка

Центр одобрил предложение о захвате Карпова, и мы вплотную приступили к разработке плана операции. Предстояло по-

добрать и подготовить людей для работы в весьма сложной обстановке, выбрать и детально изучить наиболее удобный (он мог быть и не самым коротким) маршрут, определить день и время проведения операции, тщательно отработать все ее этапы.

Подбор группы захвата Карпова, ее специальная подготовка и экипировка не потребовали много времени. В нее вошли физически крепкие, решительные и опытные люди.

Особенно хорош был «Осип», находчивый, расчетливый и в то же время смелый разведчик. Ранее он был хорошо знаком с Карповым, но тому едва ли могло прийти в голову, что этот невзрачный на вид человек выполнял у него под носом серьезные задания советских органов государственной безопасности.

Много пришлось поработать над подготовкой маршрута, особенно в той его части, которой группа должна будет воспользоваться при условии, если захватит Карпова. Это был наиболее сложный и опасный этап операции: никто не знал, как поведет себя Карпов. Используя все имеющиеся тогда возможности, форсированно собирали о нем дополнительные сведения.

Вскоре было точно установлено, что Карпов с семьей живет в небольшом трехкомнатном одноэтажном домике, неподалеку от железнодорожного переезда. Дом, окруженный дощатым забором, стоял несколько обособленно от других. Карпов не держал собак, телефона и электричества в доме не имел, зато в углу всегда стояло заряженное охотничье ружье 12-го калибра. В правом кармане брюк или пиджака Карпов постоянно носил пистолет.

Мы тщательно изучили подходы к дому, его внутреннюю планировку, выявили систему расположенных возле него военных, жандармских и погранполицейских постов. Внимательно приглядывались и к распорядку дня Карпова. Полученные сведения уточняли, проверяли, обсуждали, а затем сообщали участникам группы.

На подготовительную работу ушел не один месяц. К началу 1945 года план был готов во всех звеньях. Каждый участник знал, кто есть Карпов, четко представлял свою роль во всей операции.

Наконец все проверено, предусмотрено. Избран, как казалось, наиболее оптималь-

ный вариант. Разведчики доложили в Хабаровск о готовности и попросили разрешения приступить к осуществлению задуманного.

Неудачи

Чекисты последний раз обсудили действия каждого. Казалось, ничто не предвещает неудачи. Даже погода установилась как по заказу: небольшой морозец, тихая безлунная ночь.

С наступлением темноты вышли к назначенному месту. Крепкие рукопожатия, и группа в маскировочных халатах растаяла в темноте. Недолго слышалось легкое похрустывание снега. Теперь все зависит от четверых, рискнувших, казалось, на невероятное: захватить живым матерого волка в его берлоге и представить суду. Это была опасная, связанная с большим риском, дерзкая вылазка во вражеский лагерь.

Каждый из нас, оставшихся на базе, мысленно прикидывал, через какое время можно ожидать весточки от ушедших на задание. Сигнал поступил значительно раньше, чем предполагалось. «Что же случилось? Почему группа возвращается в другом месте?» Эти вопросы требовали немедленного ответа, и чекисты вышли на встречу. Хотелось скорее узнать, что произошло. Разведчики появились внезапно. Первый... второй... третий... четвертый... Все свои. Значит, того, за кем шли, взять не удалось.

Быстро направились на сборный пункт. Дорогой не проронили ни слова. Казалось, боялись даже спрашивать, почему вернулись ни с чем. Терялись в догадках и с нетерпением ожидали их доклада.

В помещении сборного пункта трое сразу же сели. Закурили. Четвертый — «Вихрь» — стоял и вертел головой, будто не мог решиться, где ему можно присесть.

Невольно мелькнула догадка: «Не «Вихрь» ли виновник срыва операции?» И как бы в подтверждение этого один из разведчиков негромко, но отчетливо бросил:

— Ты, «Вихрь», слюняй. Если боишься ночью ходить — сиди дома!

А случилось вот что.

Группа строго придерживалась разработанного маршрута, успешно преодолела

открытую местность и через одни из ворот крепостной стены незаметно проникла в город. Затем взяла направление к дому Карпова. Но здесь произошло такое, о чем никто не мог даже подумать: нервы «Вихря» не выдержали — он начал проявлять излишнее беспокойство и своим поведением мог погубить всю группу. Понятно, что при таком положении разведчикам было не до Карпова. Группу возглавлял «Осип». Сохраняя самообладание, он успокоил «Вихря» и уверенно вывел группу из города.

«Вихрь» не оправдывался и ничего не просил. Сейчас он, вероятно, и сам понимал всю тяжесть вины перед теми, кого только что подверг смертельной опасности. Люди сидели подавленные. Многомесячный труд многих из-за одного человека потрачен зря.

Курили молча, перебирали в памяти все этапы подбора и подготовки. Видимо, каждый ставил себе вопрос: куда ты смотрел, когда остановил выбор на «Вихре»? О чем ты думал, когда включали его в группу?

Тягостное молчание прервал вошедший в комнату руководитель операции майор Н. Он уже сообщил в Хабаровск о случившемся. Разведчиков тут же отправили на отдых, а чекистов пригласили на совещание. Правда, совещания не получилось: в те минуты никому говорить не хотелось.

Майор передал приказ из управления: «Операцию продолжить. «Вихря» заменить. В ближайшие дни группу снова направить за Карповым». Это подбодрило чекистов — значит, еще не все потеряно, есть возможность исправить ошибку.

Через сутки разведгруппа ушла за Амур. Четвертым в ее составе был «Шофер», местный житель, хорошо знавший тропы Приамурья не только на нашей стороне. Предложение чекистов принять участие в операции «Шофер» принял без колебаний, а ознакомившись с планом ее, внес свой поправки.

Снова томительное ожидание. У кого-то хватило терпения лишь расставить шахматы, но начать партию — нет. Так они и простояли всю ночь нетронутыми. Уже давно прошли контрольные сроки возвращения группы, а от нее никаких вестей. В голову лезли мысли одна страшнее другой. Все чаще посматривали на часы, выходили на улицу. А над Амуром те-

мень да такая тишина, что, кажется, все вымерло кругом. Тревожно и долго тянулось время. Неужели не вернуться?

Появились разведчики перед самым рассветом, но снова не там, где их ждали, и опять без Карпова.

Они без происшествий подошли к дому Карпова и залегли. Нужно было внимательно оглядеться, выяснить — дома ли он, а если нет — ожидать его возвращения. Ждали несколько часов, замерзли до окончания. И напрасно. Карпов домой не пришел. О том, что он не выезжал из городка, мы имели абсолютно точные сведения, но знали и другое: нередко после работы Карпов принимал участие в попойках и в таких случаях ночевал там, где спил. Вероятно, так было и в ту ночь. До слез было обидно, что Карпов ускользнул и на этот раз.

Когда до рассвета осталось время лишь на обратный путь, разведчики решили возвращаться. Эх и склоняли мы тогда Карпова, особенно за его пристрастие к спиртному.

Досадная неудача, но не провал — и это немного успокаивало. Вероятно, поэтому возврат разведчиков с пустыми руками мы восприняли более сдержанно, чем результаты предыдущей ходки, но настроение, прямо скажем, оставалось незавидным.

Что же делать дальше? Разведчики решили: не было Карпова дома сегодня — будет завтра. Ведь не каждую же ночь он пьянствует! Трудно сказать, чего в этих словах больше: азарта или злости против врага. Одно желание владело нами — вывести предателя из Маньчжурии.

Мы знали силы противника и понимали, что с каждым выходом за реку опасность быть захваченными возрастает. Прибавлялась реальная возможность напороться на засаду. Что же, вообще отказать от давно задуманного и так долго готовившегося удара против японской разведки? Ни у кого не повернулся бы язык сказать такое.

❧ ❧ ❧ ❧ ❧

В ночь на 19 марта группа вышла на амурский лед в третий раз. До середины реки шли быстрым шагом, а потом медленнее. Неоднократно останавливались, прислушивались. Не доходя маньчжурского

берега — залегли. Осмотрелись, обошли городок стороной, а потом зашли в него через западные ворота — полицейская охрана в этом районе была значительно слабее, а сам путь сюда до квартиры Карпова короче.

Дорога уже знакома: в стороне осталась мельница, слева угадывались штабеля лесопильного завода, впереди — полотно железнодорожной ветки, а за ним — дом Карпова. Вдруг впереди раздалися шаги уверенно идущих людей. По сигналу «Осипа» группа бросилась к штабелям и укрылась за ними. Неизвестные остановились, начали громко разговаривать между собой.

По обрывкам слов не трудно было определить, что это полицейский наряд, совершающий ночной обход. «Заметили или нет?» — думали разведчики.

Люди приготовились к худшему, но маскировочная одежда, дисциплинированность и самообладание позволили им ускользнуть от внимания полиции. Наряд потоптался возле железнодорожного переезда, покурил и... удалился. Пока слышались его шаги, никто не шевельнулся.

Непредвиденная встреча с полицией значительно сократила время, в течение которого разведчики могли оставаться в городке. Снова появилась угроза вернуться домой ни с чем. Но идти сюда еще раз... одно только это предположение заставило группу действовать более решительно. Спрятав маскировочные халаты в штабелях леса, группа направилась к Карпову. Дома ли он? Никто этого не мог сказать. Вероятно, и у охотников бывают такие моменты, когда появляется уверенность, что зверь в логове, и тогда они без колебаний идут к нему.

К дому Карпова подошли уже в четвертом часу. Вокруг темнота, безмолвие, и лишь в одном из окон мерцал огонек. Какое-то время изучали обстановку лежа, не сводя глаз с мелькающих в окне силуэтов. Потом по только им понятному сигналу разведчики собрались возле «Осипа» и обменялись своими наблюдениями.

Вывод один: Карпов дома, посторонних у него нет. Здесь «Осип» проявил трезвую расчетливость: учтя результаты наблюдения, он отказался, как планировалось, от вызова Карпова из дому и предложил другой вариант.

Решили рискнуть. Снова разошлись по своим местам, прислушиваясь. Где-то

замерли шаги патрульных. Наступала развязка. Трудно оставаться спокойным. Сейчас начнется главное... Вблизи ничего подозрительного. Пожалуй, можно начинать. «Осип» поднялся, не торопясь, направился к двери. Чуть-чуть в стороне от него неслышно двинулись «Челнок» и «Галаяев». «Шофер» оставался на месте.

Он должен наблюдать за обстановкой вокруг дома. «Осип» остановился, прислушался. Тихо. Медленно поднял руку, а потом уверенно постучал в дверь. Минуту-другую было тихо, а потом послышалось шуршанье и женский голос за дверью: — Кто?

«Осип» ответил, что он пришел от японца Хино, который вызывает Карпова на работу. Шаги удалились, а вскоре подошел и сам Карпов. Не переспрашивая (он был человек самоуверенный), открыл дверь. В то же мгновение трое рванулись к нему. Прежде чем Карпов сообразил, что это за люди, разведчики толкнули его обратно в дом, не дав пикнуть. Щелкнул запор. А еще через секунду в комнате раздался знакомый Карпову голос. Человек твердо, как бы диктуя, заявил:

— Кто мы — ты знаешь. Или ты будешь выполнять наши приказы и пойдешь туда, или...

В первые минуты Карпов не произнес, да и не мог произнести ни слова — таким неожиданным для него был этот ночной визит. Куда девалась его спесь, надменность! Он дрожал и не сопротивлялся. Придя в себя, заикаясь, спросил, гарантируют ли ему жизнь. Ответили лаконично: это зависит от него самого, в первую очередь — от поведения в пути.

«Осип» быстро осмотрел комнаты, столы и собрал в сумку документы: крупномасштабные карты советских пограничных районов, копии докладов Карпова, описания боевых кораблей Краснознаменной Амурской флотилии, схемы размещения советских погранотрядов, а также грамоты и благодарности, которыми японцы награждали Карпова за примерную службу. Не оказалось под рукой только ордена, которым маньчжурские власти наградили своего холуя. Но для детального осмотра всего дома времени не оставалось. Нужно было торопиться.

Перед выходом Карпова предупредили: при случайных встречах со знакомыми он должен объяснить им, что идет с охранниками по вызову к месту службы. На-

помнили: при малейшей попытке дать лобой сигнал первая пуля — в него. Такой «уговор» оказался очень кстати.

Группа двинулась улицей напрямик к Амуру. Но едва прошли полсотни шагов, как из-за угла вывернулись двое полицейских из числа белоэмигрантов. Идущие впереди двое разведчиков не то что встретились — столкнулись с ними. Тут же подошли остальные и Карпов. Приглядываясь к темноте, полицейские узнали Карпова, поздоровались и попросили у него закурить.

На улице стало еще тише, только слышалось дыхание да скрип снега под ногами. В такой обстановке даже малейшее ослабление собранности любого из разведчиков привело бы к непоправимым последствиям. Если в ход пойдет оружие, живыми из городка выбраться будет трудно. Карпов тоже отлично понимал это, но и в темноте чувствовал направленные на него зрачки пистолетов. Он дал полицейским сигарет, коробку спичек, что-то грубо пробурчал и отправился «своей» дорогой, а вместе с ним и четверо наших. Зная место работы Карпова, полицейские не считали нужным интересоваться его спутниками. Этим они сохранили себе жизнь. А рассвет неумолимо приближался. Впереди уже виднелись проволочные заграждения, поставленные на окраине городка.

В конце улицы остановились, чтобы еще раз оглядеться, выбрать и выждать время для броска через проход в проволочном заграждении. Здесь был, пожалуй, наиболее короткий, но невероятно напряженный момент всей операции. Сейчас решался ее исход. С двух сторон посылались шаги. Группа с Карповым едва успела спрятаться в прибрежной постройке, как на фоне снега стали угадываться фигуры японских солдат. Все ближе, ближе, и вот уже совсем рядом...

Военный патруль в составе четырех солдат. Японцы сошлись вместе, о чем-то поговорили, а потом разошлись в стороны и скрылись в темноте. Чем дальше они уходили, тем глуше похрустывал снег под их ногами, а вскоре и вовсе стало тихо.

По знаку «Осипа» разведчики схватили за руки Карпова и, стараясь не шуметь, сошли на лед. Вдруг Карпов упал и отказался идти. Такое поведение карателя предвидели, но сейчас это произошло в нескольких метрах от вражеского берега,

куда через какой-то десяток минут должны вернуться японские патрули. «Осип» нагнулся, ткнул в бок Карпова маузером и шепотом, но властно потребовал:

— Вперед!

Карпов продолжал лежать. Медлить было нельзя. Малейшая задержка грозила гибелью. Четверо разведчиков, схватив Карпова, затолкали его в заранее приготовленный для этой цели добротный мешок и волоком потащили по льду. Шум, поднятый группой, всполошил японцев. Против места, где разведчики должны возвращаться при успешном выполнении задания, раздались беспорядочные выстрелы...

Карпов схвачен! Разведчики возвращаются! Но гремевшие выстрелы ясно говорили, что заключительный этап операции проходит не совсем гладко. Тревога за судьбу товарищей возрастала. Однако сигнала об опасности от разведчиков не было.

Неумолимо приближался рассвет. На востоке серело небо. И в это время за ледяными торосами показались люди. Один, второй, третий, четвертый... целы и невредимы. А впереди них — чужак.

Чекисты сразу же узнали в нем Карпова.

...Едва наступил день, как на сопредельной стороне на берег реки вышла небольшая группа военных и более часа ве-

ла наблюдение за нашей территорией. Потом их сменила группа поменьше. Японцы выражали явное замешательство в связи с «пропажей».

Финал

На допросах Карпов не запирался. Его показания служили веским подтверждением достоверности сведений, собранных ранее. Карпов много рассказал о японских спецслужбах в северной Маньчжурии, а также о белой эмиграции. Назвал ряд лиц из числа тех, кто поддерживал тесные контакты с японцами. Фактические данные, полученные от Карпова, пригодились нам в августе 1945 года.

Карпова судили, и он понес заслуженное наказание.

Вам, конечно, интересно узнать, кто скрывается за именами «Осип», «Шофер», «Галяев», «Челнок»?

Полковник понимающе взглянул на меня и, как бы извиняясь, развел руками.

К сожалению, и сейчас об этом говорить пока рано. Одно знаю точно: весь состав группы за успешное выполнение сложного задания поощрен. Некоторые товарищи и сейчас живут на Дальнем Востоке, трудятся.

Н. Суховей

Михаил Крыгин

«Пуškai ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

М. Горький

Родом он был из тихой волжской деревушки. Окончив семилетку, работал в типографии, сначала учеником, потом наборщиком. Здесь вступил в комсомол, отсюда в 1939 году пошел служить на Тихоокеанский флот.

Школа, работа, комсомол, военная служба — вот основные вехи на его жизненном пути.

Вырос, возмужал человек. Родина дала ему в руки оружие. С упорством и настойчивостью постигал Михаил нелегкую воинскую науку. На втором году службы Крыгин вступил в партию, стал наставником молодых краснофлотцев, учил их тому, чему научили его старшие товарищи, — метко поражать цель, быть готовым к встрече с врагами. Не знала успокоенности душа молодого коммуниста, искала трудного, нового дела. Когда ему предложили перейти на политработу, Михаил с радостью согласился.

Позади военно-политические курсы. Крыгин снова в самой гуще событий, всегда среди бойцов, всегда при деле. Воины верили в него, уважали за трудолюбие и простоту. Комсомольцы одной из частей избрали его своим вожаком, а спустя полгода он был назначен заместителем командира батареи по политической части. Так Михаил Петрович Крыгин вырос от рядового краснофлотца до политработника.

Шла Великая Отечественная война. Крыгин рвался в бой, неоднократно обращался к командованию с просьбой направить его на фронт. Но он был нужен здесь. Тогда Михаил решил: «Все равно буду на переднем крае!»

8 апреля 1943 года он подал рапорт с просьбой о зачислении его в органы во-

енной контрразведки «Смерш». Он писал:

«Имею большое желание быть оперативным работником и вести борьбу с контрреволюцией, шпионажем, с врагами Советской власти. В дни, когда советский народ живет единой мыслью — изгнать немецко-фашистских захватчиков с нашей территории, я обязуюсь, не щадя своих сил и жизни для блага Родины, оправдать высокое звание чекиста».

Просьба была удовлетворена. Коммунист Михаил Крыгин стал военным контрразведчиком. Здесь проходила его передовая, отсюда наносил он удары по врагу. Вместе с другими флотскими чекистами Крыгин делал все для победы. Трудный участок работы ему достался, но он никогда не жаловался, был полон энергии, инициативы.

Таким сейчас и помнят Михаила его друзья, которые работали вместе с ним в те годы.

Август 1945 года. Тихоокеанцы громят японских империалистов, десант за десантом высаживается в портах Кореи. Один из разведывательных отрядов получил приказ захватить плацдарм в порту Сейсин для высадки подразделения морской пехоты. Лейтенанту Крыгину в составе отряда поручено выполнить специальное задание.

13 августа советские корабли с десантом, обстреливаемые сильным орудийным и пулеметным огнем, подошли к Сейсинскому порту. Под прикрытием дымовой завесы группа автоматчиков вышла на берег в стороне от места высадки основного десанта. В составе группы был Крыгин.

Бойцы смело вступили в бой с превосходящими силами противника и, несмотря на потери, настойчиво продвигались в глубь города.

Когда погиб командир группы, Крыгин принял на себя командование и много раз водил в атаку оставшихся в живых бойцов. В один из моментов боя огнем из автомата он спас от окружения и уничто-

жения группу автоматчиков, у которых кончились боеприпасы. Около суток длился этот неравный бой. И когда была близка победа, Михаила сразила вражеская пуля.

Но и мертвый он был страшен врагам. Трусливо подкравшись к телу погибшего, они долго глумились над ним.

Тело героя нашли после боя. На нем были следы зверских издевательств: более двадцати штыковых ран, вскрыт живот, вырезан язык, а на груди — пятиконечная звезда. В кармане гимнастерки сохранился партийный билет, залитый кровью. Чекист Крыгин до конца исполнил свой долг перед Родиной.

Шел ему тогда двадцать восьмой год...

За проявленные бесстрашие и героизм в борьбе с японскими захватчиками лейтенанту Крыгину Михаилу Петровичу по-

смертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Люди никогда не забудут имена тех, кто отдал жизнь за их счастье. Прах Крыгина покоится в братской могиле на одной из центральных улиц города Чхонжина в Кореической Народно-Демократической Республике.

Гордятся Михаилом его земляки — жители села Кабановки Куйбышевской области. Они установили в селе бюст героя, а пионеры местной школы бережно ухаживают за памятником.

Решением исполкома Владивостокского городского Совета депутатов трудящихся именем Героя Советского Союза М. П. Крыгина названа улица.

Тихоокеанцы свято берегут память о герое, на его подвиге молодые воины учатся беззаветному служению Родине, настойчивости и бесстрашию.

И. Иванов

В тыл врага

В августе 1942 года меня начали готовить для заброски в Маньчжурию, где в то время хозяйничали японцы. Планировалось подставить меня японской разведке.

Шла жестокая война с фашистской Германией. Гитлеровский рейх был еще силен. Вся страна работала для фронта. Положение в тылу тоже оставалось нелегким. Японская разведка вела интенсивную разведывательно-диверсионную работу на Дальнем Востоке, готовя свою армию, снабжая ее необходимой информацией для начала военных действий. Нашему командованию очень важно было знать о планах потенциального противника, который уже стоял у границы. Достаточно сигнала японского генштаба — и Квантунская армия ринется на советский Дальний Восток.

Основной моей задачей являлось внедрение в японскую разведку, в которой немало служило белогвардейцев, и добыча сведений об агентурной сети японцев и белогвардейцев на территории СССР. Задание предстояло сложное и рискованное. Малейшая моя оплошность неминуемо вела к тяжелым последствиям, и в первую очередь — для меня самого. Но, вероятно, не зря выбор пал на меня. Товарищам виднее было при подборе кандидатуры, а я, не колеблясь, дал согласие. На фронте лилась кровь миллионов моих соотечественников, и каждый из нас, бойцов невидимого фронта, горячо желал внести свой посильный вклад в дело победы над врагом.

Готовил меня опытный товарищ, с которым мы жили в отдельном домике. Он учил ориентированию на местности, умению пользоваться картой, тренировал мою зрительную память, учил, как лучше ходить по тайге, чем можно питаться, испытывая голод, рассказывал, с какими ситуациями я могу столкнуться при переходе границы и за кордоном и как вести себя в каждом отдельном случае.

Честно признаться, в то время многое мне казалось лишним. Но благодаря настойчивости и требовательности инструктора я все же постиг его науку и благодарен ему за это, потому что пройденная подготовка сыграла основную роль в том, что я смог выполнить задание командования, остался жив и имею возможность поделиться своими воспоминаниями.

Инструктор был всегда со мною, мы вместе отдыхали, ходили на рыбалку, несколько раз были в том месте, где мне предстояло перейти границу. Проходили предлагаемым маршрутом к границе. Мой наставник учил меня, как вести себя, чтобы не вызвать подозрений, и так далее.

Те дни многое дали мне. На всю жизнь я останусь благодарным моему инструктору. Он говорил: «Помни, что в тылу противника тебе придется играть роль непримиримого врага Советской власти. Ты ненавидишь ее и готов драться с ней». Я отвечал: «Не могу, ну какой я враг, если Советская власть дала свободу человеку, право выбора профессии, и благодаря ей я человек, а не раб!» — «Ты должен быть артистом. Талантливым», — убеждал инструктор. Все это я понимал, но как тяжело давалось такое вот перевоплощение! Даже диктуемая сознанием вынужденная необходимость в подобной «игре».

Для создания надежной легенды мне предстояло познакомиться с женщиной, военврачом, которая, как нам было известно, стремилась уйти за рубеж. Она имела родственников в Харбине, могла прикрыть мой переход и характеризовать меня в Маньчжурии как человека, враждебного Советской власти, идейного ее врага, и что сам переход через границу — только доказательство этому. Познакомился с ней, постепенно создал у нее мнение, что хотел бы бежать за границу, но не решаюсь, так как в Маньчжурии не имею связей. Она предложила бежать вместе.

Получив последние указания и инструк-

ции, я вместе со своей попутчицей, используя удачно сложившиеся обстоятельства, в одну из октябрьских ночей 1942 года ушел в сторону границы по ранее разработанному маршруту. Однако, к величайшему огорчению, на этот раз мне не удалось ее перейти. Случилось непредвиденное. Когда мы переходили пограничную реку вброд, мою спутницу подхватило течением: сбilo с ног, и она начала тонуть. Пришлось спасать ее. Вытащив на берег, я стал уговаривать ее попробовать перейти еще раз. Но она категорически отказалась. Осталось принять решение вернуться. Вот так неудачно закончилась первая попытка.

Подготовка моя продолжалась. Я должен был вести образ жизни человека былого, разбитного. Теперь задача моя заключалась в том, чтобы познакомиться с китайцем, который являлся агентом японской разведки.

Благодаря хорошо продуманному поведению и руководству со стороны инструктора мне в конце концов удалось познакомиться с ним.

Помня советы, я старался вести себя в отношении с ним как можно естественнее и правдоподобнее, осторожно создавая о себе нужное впечатление. Китаец заинтересовался мною, стал чаще вступать со мной в разговоры и однажды, узнав, что я не прочь «бежать» в Маньчжурию, обещал помочь.

Через некоторое время он сообщил, что рассказал обо мне японцам и там меня ждут.

В марте 1943 года было принято решение о моей переброске за границу, и я начал усваивать новую легенду, чтобы логично выложить ее перед японцами.

В дополнение к легенде я был соответствующим образом экипирован, даже по-

есть я должен был в самом начале пути, и то очень легко, чтобы выглядеть голодным. Одним словом, все было подготовлено к тому, чтобы мой рассказ выглядел правдоподобным и японцы мне поверили.

Последний день перед заброской мы провели вместе с инструктором. Вечером прибыли на границу, и я явился к китайским властям, которые на следующий же день передали меня японцам.

Начались вопросы. Вот здесь-то я настоящему оценил все те «мелочи», на которые обращалось мое внимание во время подготовки. Допрашивая, меня пытались поймать на мелочах.

Положительную роль сыграло и то, что мне было рекомендовано говорить все, что я знаю, ничего не добавляя и ничего не скрывая, так как мы знали, что многое известно японцам. Японцы вели допрос со знанием дела, они имели неплохую информацию.

Они пытались изблiчить меня, расспрашивали о деталях. Но я твердо держался отработанной легенды.

Мое поведение на допросах и легенда, видимо, выдержали все проверки. У японцев появилось доверие ко мне.

Некоторое время я жил в помещении японской контрразведки вместе с японскими военнослужащими, владеющими русским языком. Затем меня поместили в отдельный домик, который именовался дачей.

Все эти недели я чувствовал, что японцы продолжают меня изучать.

Прошло время, и я стал свободным, приступив к выполнению задания. Более двух лет я провел в тылу противника. Пережить пришлось столько, что хватит на всю жизнь. И я счастлив, что в разгроме японских империалистов есть частица и моего труда.

Л. Почивалов

Прыжок

В

неизвестность

Старшего лейтенанта Коноплева срочно к полковнику! Его не впервые вызывали «срочно». Но на этот раз он интуицией почуял: «туда».

Полковник сказал:

— Готовьте группу в тыл к противнику.

Противник находился за многие тысячи километров от дальневосточного города, где работал тогда старший лейтенант государственной безопасности Степан Федорович Коноплев. Он давно ждал этого вызова. На дальней западной окраине великой страны шла тяжелейшая война, народ напрягал последние силы, чтобы наконец сломить сопротивление фашистских армий. И казалось стыдным торчать здесь, в дальневосточной тиши, молодому, полному сил офицеру, еще не познавшему всерьез, что такое война.

Он ждал этого вызова и уже заранее приглядел себе тех, кто войдет в группу. Армейский командир ценит в своих солдатах прежде всего мужество, стойкость, выносливость. Профессиональному разведчику этих решающих солдатских качеств в своих подчиненных недостаточно. У него отбор особый. Особые критерии. Важно все до мельчайших деталей. Не только мужество, но и... тип лица, внимательность, любовь к шутке, походка, хороший слух... Даже то, как человек спит: шумно или молчком, — все имеет значение. Белоногов... Подходящий! Выдержки и наблюдательности хватит на всю группу. Иваненко и Щербина... Два друга. Весельчаки. Находчивы, предприимчивы, деятельны. Ломов... Кроме прочих достоинств имеет отличное качество: с первого знакомства

вызывает к себе симпатию. Гайдар... Своеволен, но способен выполнить любое поручение, как бы ни было опасно. Еще несколько кандидатур... У каждого что-то свое. Необходимое именно для особых условий, дополняющее качества других. Все молоды, полны сил. Словом, группа подбирается такая, что можно идти с ней хоть в логово к бесу.

...Группа прибыла в район Ровно и вошла в состав знаменитого партизанского отряда Героя Советского Союза Медведева. Задание у группы было сложное, связанное с серьезным риском, но об этом разговор особый. Здесь же речь пойдет об истории маленькой группы чекистов, которая, получив боевую закалку на Западе, сумела блестяще осуществить важную операцию на Востоке. Однажды под Ровно произошел эпизод, который запомнился всей группе, и о нем впоследствии не раз вспоминали уже там, в Китае. Нелегким трудом Коноплеву удалось разоблачить матерого гитлеровского шпиона Кеплера, засланного врагом в партизанские районы Западной Украины для выявления советской разведывательной сети.

Припертый улками, Кеплер на первом же допросе вынужден был «расколоться». Убежденный фашист, фанатик, он в ярости бросил Коноплеву:

— Мы все равно вас слошим! Мы дойдем до ваших самых далеких границ и перешагнем их, чтобы поставить на колени не только вас, но и желтых. Главное — сломить Россию. И тогда Китай, вся Азия — наша.

Коноплев в ответ рассмеялся:

— Ишь как широко замахнулся!

Присутствующие при допросе Ломов и Щербина возмутились.

— Двинуть бы ему за это! — горячо откликнулся Щербина.

Ломов рассудительно заметил:

— Хоть и шальной фашист, а понимает: главное им, мол, России сломить. А вот главное и не вышло: зубы обломали.

Потом, когда Кеплера увели, долго говорили о нем. Его слова заставили вспомнить родные для всех троих дальневосточные места, границу, китайские деревни на противоположном берегу реки, беженцев с той стороны. Беженцы переходили худшими, оборванными, с жадностью ели, сверкая темными глазами, рассказывали о бесчинствах японских офицеров и старост на маньчжурской земле.

— Степан Федорович, вот кончим с Гитлером, а потом? — вдруг задумчиво сказал Щербина. — Неужели не поможем китайцам?

Складывая листки протокола допроса, Коноплев устало отозвался:

— Не торопись, Семен. Пока до Берлина не дойдем, нам с тобой к Амуру хода нет. Будь уверен!

И хотя Коноплев вовсе не вкладывал в эту фразу никакого другого значения, имея в виду только победный конец войны, слова его в недалеком будущем станут реальностью именно для его группы.

Несколько месяцев спустя, в конце января сорок пятого, группу Коноплева забросили как раз под Берлин, в глубокий тыл к противнику. Гитлеровцы распространяли слух, будто под Берлином на пути наступающих советских армий создан неприступный барьер обороны, готовятся применить отравляющие вещества. Группе Коноплева и другим разведгруппам поручили выяснить: так ли это? Разведчики оказались под стенами фашистской столицы до подхода сюда наших частей. Однажды ночью, когда после выполнения заданий они возвращались на восток и ночевали в стогу соломы, вблизи немецкого фольварка, Щербина, посмеиваясь, прошептал:

— Лично мы первую часть своего пути уже выполнили.

— Какого пути? — не понял Коноплев.

— К Амуру.

Когда разведчики прибыли в Москву, Коноплеву сообщили, чтобы он с группой немедленно выезжал в Хабаровск. Это было в начале марта 1945 года. Наши войска еще только готовились к решающему наступлению на Берлин.

Товарищи не верили, что фраза, обретенная Коноплевым в партизанской землянке под Ровно после допроса Кеплера, не имела второго смысла.

— Вы, наверное, знали все заранее, — допытывались ребята, когда все вместе коротали бездельное дорожное время на долгом пути в Хабаровск.

Нет, Коноплев не знал. Просто произошло совпадение. И, наверное, это совпадение продолжится и завершится в самом деле там, на Амуре. Коноплев был достаточно опытен, чтобы понять: если в момент еще не окончившейся битвы с фашизмом прошедших хорошую боевую за-

калку чекистов отзывают на Дальний Восток — значит, неспроста.

Так и получилось. В Хабаровске Коноплеву сказали:

— Готовьтесь к выполнению задания в особых условиях.

Ему поручили пополнить группу новыми людьми по собственному усмотрению. Он предложил вызвать из Москвы в Хабаровск кадрового армейского офицера старшего лейтенанта Семена Семеновича Семченка, с которым познакомился на фронте и оценил его спокойное мужество, трезвый ум и исполнительность. Именно такие и были нужны в группе. Он должен осуществлять военное руководство группой. Разведывательная деятельность поручалась Коноплеву и старшему лейтенанту госбезопасности Николаю Александровичу Провакину.

Операция предстояла нелегкая. Они должны были действовать в глубоком тылу Квантунской армии, на незнакомой территории, в сложнейших условиях, которые для всех были вновь. Там, в Китае, как ни переодевайся, не выдашь себя за местного мирного гражданина. Это не Украина, даже не Германия, где они пробирались от фольварка к фольварку то под видом восточных рабочих, то в форме немецких ополченцев. Только двое из группы чекистов знали Китай хорошо — Волохин и Гребенков. Молодые парни, сыновья русских белоэмигрантов, они оказались завербованными японской разведкой и прошли специальную школу. Их готовили всеерьез. Даже обязывали изучать советскую литературу, марксистские книги, читать наши газеты и журналы — чтобы легче маскироваться в СССР. И в этом был просчет японцев. Наша литература заставила юношей о многом задуматься. И уже в диверсионной школе они приняли решение: служить врагу не будут. Едва очутились на земле своих предков, немедленно явились к чекистам и рассказали обо всем. Заявили: готовы выполнить любое задание. Отлично знали китайский язык, местные обычаи, неплохо представляли район, где предстояло действовать группе. Ценнейшее для Коноплева пополнение!

В ночь на 9 августа 1945 года Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке перешли в наступление и, ломая ожесточенное сопротивление противника, начали стремительно продвигаться в глубину Китая. За линию фронта один за другим забрасывались воздушные десанты, чтобы

парализовать противника в его глубоком тылу, дезорганизовать, посеять в его рядах панику. Настал черед и для группы Коноплева.

На второй день после начала войны с Японией группе отдали приказ об отлете.

Коноплев пришел домой и сказал жене:

— Сегодня уезжаю в командировку.

— Надолго? — только и спросила она, сникая.

— Не знаю.

Она привыкла ни о чем не спрашивать. Он всегда на месяцы уходил в неизвестность и не присылал писем. Неизвестность называлась мирным будничным словом «командировка». Командировки оставляли на нем следы. Однажды он вернулся без двух пальцев на правой руке, в другой раз — со шрамом на лице. И каждый раз, провожая мужа в очередную командировку, она ужасалась мысли, что, может быть, это расставание последнее. Все годы их совместной жизни, даже в мирное время, она несла в себе, как неизлечимый хронический недуг, вечную трезогую ожидания.

В тот час нового расставания она едва слышно произнесла напоследок:

— Ну что ж, буду опять ждать!

И он еще раз мучительно ощутил, как ей тяжело. Тяжелее, чем ему, во много раз, потому что он всегда полагался на самого себя, а она с сыном — на судьбу. Он действовал и не имел времени на личные переживания, а она ждала и бледнела от каждого стука в дверь.

...Глубокой ночью они выстроились перед самолетом в самом дальнем углу Хабаровского аэродрома, подступы к которому охраняли автоматчики. Шестнадцать молодых людей в комбинезонах парашютистов. Проверка наличного состава заняла минуту. Провожаящие каждому пожали руку: «большой удачи вам, товарищи». При погашенных огнях самолет поднялся к черному, набухшему дождем небу, пробил тучи и ушел в подзвездный мир куросом в неизвестность.

Спустя два часа лета где-то в глубине Китая они нарвались на огонь зениток. Самолет метался среди огненных бутонов разрывов, которые ярко распускались во мраке вокруг него, вздрагивал, тяжело переваливался с крыла на крыло. Когда миновали опасную зону, из пилотской кабины вышел командир корабля и сказал:

— В двух местах пробита плоскость.

— Не дотянете! — встревожился Семеченок.

— До заданной точки, пожалуй, дотянем...

— А обратно?

Командир пожал плечами, буркнул недовольно:

— Главное — сбросить вас там, где положено. А как обратно — наша забота.

Через час они были в заданном квадрате. Внизу тяжело густела ночь, только на востоке на кромке далеких туч проступал первый отблеск приходящего дня.

Самолет снизился, сделал круг.

— Воды не вижу! — сказал пилот, вглядываясь вниз. — Подходяще!

Воды опасались больше всего. Район воднения. У каждого кроме парашютов оружие, амуниция. Плюхнешься в воду — и на дно.

Такие случаи бывали.

Самолет пошел по новому кругу, и они высыпались из него один за другим, как патроны из обоймы.

Сжимая в руках автомат, Коноплев с напряжением вглядывался в подступающую снизу землю. Она дышала в лицо ему влажным болотным теплом. Она была темна, загадочна, как сама неизвестность. Никто не ждал внизу, чтобы помочь. Семьсот километров от фронта. Звук моторов улетающего самолета утонул в черной пустоте, как эхо далекой Родины.

Вода! Совсем недалеко. Сквозь сумрак он различил границу берега и чуть белесое полотно разлива, прошитое еле различимой светлой ниточкой утреннего луча. Вода! Коноплев с тревогой подумал о товарищах. Неужели неудача? Он приземлился легко — не в первый раз! Проваливаясь в мягкий чавкающий под сапогами грунт, осторожно вышел в центр условного круга, дал подсвет зеленым фонариком. Через четверть часа подошли все. Все, кроме Провакина. Спрятавшись в камышах, они прождали его до утра. Провакин не пришел.

Не одни

Без Провакина уходить нельзя. У него важнейшие документы группы. И главное — шифр. А без шифра вся операция насмарку. Группу послали в глубокий тыл противника именно для того, чтобы добыть и передавать в Центр разведыватель-

ные сведения о противнике в районе крупных городов Северного Китая — Цингана. Ланьси и Харбина. Кроме того, группе поручили выполнять и другие важные чекистские задания.

Залегли в кустах. В полукилометре — деревушка. Покосившиеся глинобитные фанзы-развалюхи. Вблизи — озеро. Неоглядные заросли камыша не шелохнутся в безветрии. Должно быть, в камыше по берегу озера дорога. Проехал китаец на арбе. Камыш так высок, что видны только лошадиные уши торчком да соломенная шляпа возницы.

— И... и... и... — кричит китаец, понукая своего конягу.

Семен Щербина прислушался к его крику и тут же вполголоса повторил:

— И... и... и... — обернулся к Коноплеву: — Похоже?

— Вроде бы...

— Есть идея!

Идея Щербины была немедленно одобрена. Выполз Семен из камышей и, подражая крику возницы, побежал по дороге вдоль озера, приглядываясь к берегу: не залег ли где Провакин? Минут через двадцать вернулся ни с чем. Исчез бесследно Провакин.

Решили снова дожидаться ночи и под ее прикрытием продолжать поиски товарища. Время тянулось бесконечно долго. Лежали в камышах, глядели в небо.

— Эх, спеть бы сейчас! — мечтательно вздохнул Щербина. — Душа поет!

Коноплев усмехнулся:

— Петь будем дома, после войны.

Поочередно в бинокли держали под наблюдением деревушку. Надо же, угораздило приземлиться именно рядом с деревней! Не повезло! Видят, собираются у крайней фанзы крестьяне. Что-то взволнованно обсуждают. Тычут руками в небо, поглядывают в сторону озера. У Коноплева упало сердце: раскрыт десант! Выходит теперь, как ни таись, вся округа будет знать. У вестей тут быстрые ноги. А раз округа — значит, японцы. Подождали еще полчаса. Ни солдат, ни полицейских среди крестьян вроде бы не видно. Значит, можно рискнуть. Другого выхода нет. Их все-таки шестнадцать! И не новичков. Огонь и воду прошли. Первыми послали Волохина и Гребенкова — для переговоров. Они вышли из кустов. Шли не спеша, во весь рост, в полной военной форме. Остальные

из укрытий видели в бинокли, как изумились крестьяне, заметив приближающихся к ним двух советских солдат. Крик поднялся, из всех фанз народ высыпает. Окружили наших, о чем-то горячо судачат.

Волохин поднял руку, делает знак: все, мол, в порядке, идите!

Раз так получилось, надо идти. Остается одно: довериться местному населению. А на это население горько смотреть. Стоят худые, костлявые, в рваных холщовых рубашках, босые. И все от мала до велика улыбаются. Волохин им растолковал по-китайски:

— Мы — передовой отряд Советской Армии. А сама армия совсем недалеко. Скоро сюда придет.

И этими словами вызвал еще большее оживление. А уж восторгу не было предела, когда Семченков распорядился отдать крестьянам на одежду все шестнадцать парашютов. В каждом по семьдесят метров отличного шелка. Словом, контакт был установлен. Некоторые из крестьян принялись кланяться в благодарность. Коноплев их остановил:

— Поклонов не нужно. Мы не господа. Прогонять японцев пришли. Поэтому надемся на вашу помощь.

Со всех сторон закричали:

— Сделаем все, что скажете! Что нужно? Приказывайте!

— Вначале надо отыскать нашего товарища. Он где-то около озера.

Но Провакин через несколько минут объявился сам. Оказывается, приземлился поблизости от одной из фанз. В фанзе было полно народу — и ночью и днем входили и выходили. Пришлось старшему лейтенанту почти сутки просидеть в болотной жиже, таясь от посторонних глаз. А таиться у него была особая причина. Как-никак при нем шифр.

В деревне разведчики без труда получили все, что им требовалось: проводников и лошадей. Через болота и разливы за одну ночь отмахали шестьдесят километров. Утром, отпустив проводников, пришли в район, куда стремились. По имевшимся данным, здесь должен быть действовать китайский партизанский отряд, на который предстояло опереться в проведении операции. Лишь сожженные фанзы увидели на месте партизанских деревень. Поняли: разгромлен отряд. Это было тяжелое открытие. Значит, теперь в разведке нужно рассчитывать только на свои силы.

А сил немного — шестнадцать человек. Дали радиogramму в Хабаровск. Тут же получили ответ: «Действуйте сообразно местным условиям».

Местные условия... Бесконечные разливы — китайцы сказали, что почти полсотни лет не было такого наводнения, — болота, на жлочках суши одна к другой — деревушки. Куда ни сунья, всюду на виду. Нигде не схоронишься. А ведь надо пройти к самым городам, чтобы что-то о них узнать. В городах японские гарнизоны, в деревнях — старосты. На каждом шагу жди засады. Погибнешь даже не приступив к делу!

Вечером на стоянку группы пришел старик китаец. Он был небольшого роста, щуплый, жидкий пучок волос торчал у него на подбородке вместо бороды. Не спеша, с достоинством подошел к разведчиком, чуть склонил голову в приветствии и вдруг по-русски сказал:

— Здравствуйте, товарищи!

Так они познакомились с Ся Фу-чином, местным крестьянином, который когда-то работал в Благовещенске булочником и знал русский язык. Ся Фу-чин оказался человеком осведомленным. Знал все в округе: дороги к городу и расположение японских военных постов, местных старост и настроение населения.

— Здесь японцев ненавидят. Здесь каждый пойдет за вами. Это большое для людей счастье, что вы пришли. Все мы вам поможем.

— Но у вас ведь нет оружия?

— Как нет? А косы? А колья? А топоры? Даже топоры есть. Немного, правда — на десять семей по одному, — но есть.

— Почему же не в каждой семье?

— Так наши господа — японцы повелели... Если один человек другому сделал плохо, он всегда его боится. А вам нечего бояться. Вы с добром пришли. Мы поможем вам, вот увидите! Я пойду по деревням и буду собирать народ.

Коноплев слушал старика, и в голове у него созрел дерзкий план. Коль нет партизан, значит, нужно искать другую опору. Положиться на крестьян. Крестьяне, кажется, поверили, что вслед за разведчиками идет наша армия. Ведь никто из них не знает, что фронт за сотни километров. Ненависть к оккупантам налицо. Об этом свидетельствуют эти пепелища сожженных деревень, об этом расска-

зывали крестьяне. Ся Фу-чин клянется в том же. А что, если им опереться на нее, на эту неорганизованную, но сплоченную единым чувством мести крестьянскую массу? И с боем добыть нужные сведения. Топоры и косы тоже что-то могут значить, когда их много. А потом подоспеет и воздушный десант, который по вызову группы чекистов должен прибыть в этот район для взятия здешних крупных городов.

Ся Фу-чин вытаскивает из корзины мелкие, с желтоватой скорлупой яйца, сует бойцам:

— Кушайте. Узнал, что вы здесь, со всей деревни для вас собрал.

Кто он, этот Ся Фу-чин? На вид такой же бедняк, как остальные. Костяшки на кистях рук узловаты, покороблены работой, лицо сморщилось под солнцем в мелкие складочки. Пожалуй, слишком боек. И то, что по-русски говорит, тревожит Коноплева. Осторожность профессионального разведчика не дает ему права довериться первому впечатлению. Вон бойцы уже с Ся Фу-чином как со своим. Едят яйца, удивляются, почему эти яйца изнутри соленые? Суют старику сахар, папиросы. Рядом с Коноплевым сидит поодаль от всех Семченок и, жавая в уголке рта погасшую папиросу, жмурится. Наверное, у него тоже сомнения есть. Слишком многое доверять приходится этому незнакомому китаю. А Ся Фу-чин скороговоркой объясняет Волохину и Гребенкову:

— Сейчас подойдет мой сын. Он вас проведет до другого большого озера. Там у рыбаков есть лодки. Вам лучше на лодках по озеру, а не по дороге. На дороге можно столкнуться с японцами.

— А разве вы с нами не пойдете? спрашивает Коноплев.

Старик улыбается, обнажая длинные желтые зубы.

— Я пойду в деревни подымать народ. У меня одних родственников сто человек наберется.

Приходит сын Ся Фу-чина — Ся Фу-лин. Здоровенный парень. Голова большая, лоб бастая, с грубыми чертами лица. Губы плотно сжаты, неулыбчивы. Вовсе не похож на отца. И отец ли Ся Фу-чин ему?

Делать нечего. Надо идти. Другого выбора нет. Семченок приказывает глазастому Гайдару:

— Смотри в оба! Каждую травинку देखи под присмотром.

С наступлением темноты вышли. Впереди Ся Фу-лин, рядом с ним Гайдар. К полуночи добрались до озера. Достали у рыбаков лодки без особых трудностей, наняли гребцов. Простились со стариком.

— Скоро встретимся, — убеждал он. — На моего сына вы можете полагаться.

Флотилия из восьми дырявых суденышек под проливным дождем отправилась в долгое нелегкое плавание. Поначалу шли по поросшим камышами протокам, потом распахнулся перед ними широченный разлив. На первой лодке вместе с Гайдаром и Гребенковым Ся Фу-лин. Показывал дорогу. Коноплев прислушивался к его отрывистым, уверенным командам, и тревожное чувство заставляло его все время находиться в том чутком напряжении, которое, как взведенный курок, могло каждое мгновение сорваться в стремительное действие. Наготове были и все его товарищи. Каждый вглядывался в темноту и в руках сжимал автомат. Всякое могло быть. Могли нарваться и на засаду. Ведь Ся Фу-чин сам к ним пришел. Мандатов на дружбу не предъявлял. На слово ему поверили. Плыли в полной тишине, даже весла погружали в воду, чтобы не было всплесков. Уже на рассвете подплывали к цели. Впереди поросший кустарником берег. Пригляделись, шевелится кустарник, мелькают за ним чьи-то головы, поблескивает сталь.

— К бою! — скомандовал Семченков.

И вскинулись автоматы. Но через мгновение высыпали на берег люди. С палками, косами, топорами, и впереди всех Ся Фу-чин. Руки подняли в приветствии, галдя во все горло. Даже птиц вспугнули на озере. Ничего себе конспирация!

— Всю родню привел! — по-мальчишески заодно кричит Ся Фу-чин, бегая вдоль берега. — Еще сто моих друзей собираются. И еще сто знакомых!

После долгого душевного напряжения легко стало на сердце у Коноплева. Зря, выходит, усомнился в старике. Настоящий командир для группы. Вон какую ватагу привел! И подростки и старики. Все босоногие, в рванье — голь перекатная. А вид боевой. Грудь колесом держат. Глаза пылают азартом.

— За нами староста бежал, — рассказывает Ся Фу-чин. — Приказывал остановиться. Не подчинились.

— А где же староста? — с тревогой спросил Провакин.

— Как где? Там, где мы с ним поговорили, там и остался. — И Ся Фу-чин выразительно прищелкнул языком. — Плохой человек был.

Ага! Дело принимает серьезный оборот. Раз расквитались со старостой, значит, решили всерьез драться. И понял Коноплев, что ответственность командиров группы увеличилась сразу во много раз: теперь отвечают не только за успех операции, но и за эту сотню, а может быть, и несколько сотен китайских крестьян-бедняков, которые безоговорочно поверили в них и вручили им свои судьбы. Сделай неверный шаг — и запылают снова деревни, и новые жизни лягут на землю под японскими пулями.

В первую очередь нужна дисциплина. Семченков разбил крестьян на группы, и каждая выбрала своего командира. Чтобы командиров легче было отличить, выдали им по зеленой армейской телогрейке. Ся Фу-чин стал главным над всеми ополченцами и тоже получил телогрейку.

Щербина шутил:

— Чем не армия? Можно и Цинган без десанта брать!

От Цингана они находились в двух десятках километров. Китайцы рассказывали: в Цингане небольшой гарнизон Квантунской армии. Вокруг города огромные массивы земли затоплены. Значит, для действия армейских частей условия негодные. Только воздушный десант реален, и то без наводки с земли может погибнуть в разливах. Запросили Хабаровск. Им ответили: «Десант пока выслать не можем. Нелетная погода». И, судя по всему, погода такая надолго. Небо взбухло темными тучами, день и ночь осыпается дождем. Какой тут десант!

Чем ближе чекисты приближались к Цингану, тем все больше обрастали стихийными крестьянскими группами. Щербина, никогда не терпевший хорошего настроения, посмеивался: «Ся Фу-чин начал свою полководческую деятельность взводным, а к Цингану генералом подойдет». Это было самое главное — поддержка населения. За группой шла легенда о наступающей Советской Армии, которая будто бы совсем близко. И этой легендой нужно было дорожить. Ведь на самом деле фронт за тридцать земель.

Вблизи Цингана снова запросили по радио Хабаровск: «Что делать?» И тот же ответ: «Нелетная погода. Закрепитесь».

Ждите. При первой же возможности пришлем».

Закрепитесь! А где здесь закрепиться? В болотах? В леса отходить поздно. Лишний день промедления — и вся операция провалится. Японцы ждать не будут. Неудачи преследуют группу: высадка на виду у всех, отсутствие партизанской базы, на которую рассчитывали опереться, и вот в довершение всего нелетная погода.

Надо что-то решать. И немедленно. Сели в сторонке три старших лейтенанта — Семченков, Коноплев, Провакин.

— Закрепитесь можно только в городе. Выход один — брат Цинган своими силами.

«Своими» — это шестнадцать советских разведчиков и сотни три практически безоружных крестьян под руководством Ся Фу-чина, который хотя и назывался «главнокомандующим», но даже не умеет держать в руках пистолет. А Цинган — город не из заштатных — около семидесяти тысяч населения. Солидный город.

Семченков вздохнул.

— Всякое у меня бывало, но чтобы с шестнадцатью автоматами брат город...

Он служил в отрядах Ковпака, участвовал во многих дерзких и отчаянных операциях, ко всяким неожиданностям привык. Его сомнение имело немалое основание.

Но был в противовес всем сомнениям другой довод. Самый главный. Шло стремительное наступление Советской Армии. По всей линии фронта наши части взламывали оборону противника, нанося ему сокрушительные удары. Советские войска продвигались в глубь Китая, освобождали районы Кореи, теснили противника на Сахалине, штурмовали Курильские острова. Весть о молниеносном продвижении Советской Армии проникла в самые отдаленные уголки оккупированных районов, сея среди захватчиков панику и растерянность. Крестьяне, посланные на разведку в Цинган, сообщили: японцы нервничают. Значит, нужно воспользоваться этой растерянностью. Ошеломить врага внезапностью нападения именно там, где он эго еще не ждет...

Их разговор нарушили подошедшие Волохин и Ся Фу-чин.

— К старику конец из соседней деревни прибыл, — сказал Волохин. — Еще несколько десятков идут. Примем?

— Давай!

Коноплев задумчиво взглянул вслед Ся Фу-чину. Ишь как бодрится старик! Идет подтянутый, ног не волочит, как прежде. Пришел к ним старичком-крючком, а сейчас разогнулся, будто двадцать лет сбросил. И вправду в Цинган войдет крестьянским генералом. Народ валом валит к нему.

— Идем на Цинган! Другого пути нет! Это уже был приказ.

У стен Цингана

К утру они подошли к Цингану. Залегли в кустах. Город на зеленой подушке холма будто выставлен напоказ, как игрушка. За высокой глинобитной стеной сутолока крутых кособоких крыш. У темного зева ворот — муравьиная возня людей. Входят — выходят. Пригляделись: простой трудовой люд. Солдат не видно. Интересно: узнали уже японцы о высадке разведчиков? Ся Фу-чин утверждает, что узнать могут только от старост, а окрестные старосты на всем пути группы под наблюдением. Об этом заботятся люди Ся Фу-чина. Приняли по радио последние новости. Они были поразительными: наши войска продвинулись в глубь страны на сотни километров. Преодолели хребет Большой Хинган. Расчленив главные силы противника, ведут наступление на Цицикар, Мукден, Гирин, находятся недалеко от Харбина. Новости вселили больше уверенности в успех задуманного.

Ждать нужно полный день. Пока не стемнеет. Запасы продуктов кончились. Остался только НЗ — особые шоколадные таблетки с кофеином. Последняя надежда разведчиков на случай крайнего истощения. Выручили крестьяне-ополченцы. Принесли кукурузных лепешек с чесноком, помидоров, земляных орехов. Распределили на всех. Каждому досталось по крохе. Наши знали: крестьяне делились последним. Даже неловко было брать.

— Лепешки эти — совсем пустяк, — философствовал Ся Фу-чин, — пустяк по сравнению с целой жизнью, которую вы из-за нас отдаете на милость случая.

И все-таки бедняцкая жесткая лепешка была очень кстати изголодавшимся разведчикам. Два дня назад в одной из деревень на пути к Цингану группа завернула в дом местного помещика. Увидев вооруженных солдат с красными звездами

на пилотках, помещик струхнул. Велел слугам готовить рис, нести сало. Сопровождавшие чекистов крестьяне-проводники робко толпились на улице, не смея войти в барский дом. Иван Белоногов крикнул:

— А вы что стоите? Заходите смелей! Вы же теперь тоже солдаты, а не рабы.

Крестьянский сын, он легко сошелся с китайцами, не упуская случая по пути хотя бы мельком взглянуть на нехитрое крестьянское хозяйство, многому удивлялся. И открыто горевал: до чего же бедно живут! Когда в помещичьем доме проводники ели рис, то казалось, руки их священнодействовали, а глаза наслаждались каждой горсткой. Рис, оказывается, был для них лакомством.

Сейчас у Цингана, завершая свою скромную трапезу и чувствуя, что только раздражили аппетит, вспомнили разведчики о помещичьем угощении. Вот бы сейчас снова завалиться к богатейу в гости!

Щербина усмехнулся:

— Если вместе с «армией» Ся Фу-чина, то после одного коллективного завтрака помещик сам пойдет побираться по деревням.

Все рассмеялись. Только Белоногов с серьезным лицом вдруг обратился к Коноплеву:

— Степан Федорович! А после того как выбьем японцев, неужели здесь по-прежнему останутся помещики?

— Это дело китайцев, — пожал плечами Коноплев. — Но думаю, что не останутся...

К наступлению темноты снарядили две оперативные группы. Одну для предварительной разведки. Ей предстояло подкрасться к городской стене и заметить наиболее подходящие ворота, через которые можно незаметно проникнуть в город. Другую группу направили в обход Цингана. Ей предстояло перерезать связь с соседними городами.

Во мраке Цинган светился редкими желтыми огнями и был похож на груды тлеющих головешек. Снова пошел дождь и уже не прекращался всю ночь. Монотонный шум капель на листьях кустарника усиливал чувство тревоги.

Первыми явились связисты. Доложили: телеграфные и телефонные линии перерезаны.

Вторую группу ждали дольше. Они промокли до нитки и с головы до ног были в грязи. Им удалось выяснить: все ворота наглухо закрыты. Главные изнутри охраня-

ются солдатами. Если попытаться силой выбить ворота, часовые откроют стрельбу и по тревоге поднимут весь гарнизон. Значит, следует придумать что-то иное.

— Степан Федорович! — вдруг оживился Щербина. — Пирамидку надо сделать.

— Какую пирамидку? — не понял Коноплев.

— Один на другого пирамидкой... По ней через стену... Мы с Леней и махнем туда первыми. Как под Берлином. Помните?

Прошлый опыт не пропадает даром. Во время операции под Берлином группе в поисках секретных документов понадобилось проникнуть в расположение сторожевого отряда противника. Щербина с Леонидом Иваненко, опираясь на плечи товарищей, по-кошачьи бесшумно перелезли через стену, сняли часовых и открыли ворота всей группе. Нападение на казарму оказалось внезапным, и цель операции была достигнута.

— Так сделаем и на этот раз, — сказал Семченск.

План операции был прост. Несколько человек пробираются через городскую стену, снимают охрану у ворот и открывают ворота. Чекисты с небольшой группой крестьян, возглавляемой Ся Фу-чином, врываются в резиденцию начальника уезда и берут его в плен. Вся остальная масса крестьян блокирует казарму гарнизона, создавая как можно больше шума, но не вступая с противником в бой.

— Ни в коем случае на казармы не нападать, — строго предупредил Семченск. — Вы безоружны, и вас всех перебьют.

Было задумано захватить город с наименьшим числом жертв. В этом состоял весь смысл операции, разработанной еще в Хабаровске для воздушного десанта. И хотя в данном случае десанта не оказалось и операция проводится в иных условиях, с иными силами, задача у нее прежняя — избежать кровопролития, и помочь в этом должен чекистам их большой опыт, особая подготовка и смелость. Старая истина, опытный, профессиональный разведчик одной тайной акцией может порой сделать больше, чем целое армейское подразделение в открытом сражении. На это и была сейчас ставка.

Глубокой ночью с особой осторожностью двинулись к стенам города. Погода была самая подходящая. Насыщенный влагой мрак надежно скрывал участников

штурма от наблюдения японских часовых. Те из китайцев, кто был обут, сняли обувь, чтобы шаг сделать совсем неслышным. Коноплев поразился: сотни человек идут за разведчиками во мраке, и ни единого звука. Каждый, должно быть, чувствовал всю важность и необычность по смелости и риску задуманной операции. И чем ближе они подходили к цели, тем больше Коноплев проникался уверенностью, что с такими помощниками они добьются своего.

У стены молчком сложили пирамидку, как предложил Щербина. Будто всю жизнь проработали в цирке: плечо к плечу, спина к спине, наши и китайцы. Получилась отличная пирамида в четыре этажа. Щербина, Метелкин, Иваненко и молодой китайский крестьянин быстро перемахнули на ту сторону стены.

Все остальные собрались у ворот. Настороженно прислушивались. За воротами — ни звука. Только дождь монотонно стучит по железной кровле ближнего дома.

И вдруг резкий, как выстрел, лягз тяжелых засовов, скрежет петель и голос Метелкина из мрака распахнутых ворот:

— Все в порядке!

Вот и наступила решающая минута. Теперь только смелость и быстрота. И как можно больше шума. Наверное, город во сне вздрогнул от внезапно разорванной тишины. В шестнадцать голосов «ура!», в сотни голосов торжествующий клич крестьян «вансуй!», мощный топот ног по мостовой, автоматные очереди в воздух для пущего эффекта. Казалось, целая армия ворвалась в скованный дремой Цинган.

Рядом с Коноплевым и Провакиным бежал Ся Фу-чин. Он вел разведчиков к дому начальника уезда. Ошалевшие от неожиданности охранники у дверей дома подняли руки. Уездный начальник выскочил из спальни в нижнем белье и дико вращал белками глаз под направленными на него дулами автоматов. Сложив на груди ладони, бормотал:

— Только пощадите мою семью, умоляю вас. Умоляю вас...

Ему дали время успокоиться и одеться. Семченюк сказал:

— Господин начальник уезда! В город вошла передовая часть Советской Армии. Всякое сопротивление бесполезно. Я, командир части, гарантирую безопасность вам, вашей семье и всем вашим подчиненным. Но вы немедленно должны от-

дать приказ гарнизону о полной капитуляции.

Откуда мог знать уездный начальник, что у захватившей Цинган воинской «части» всего-навсего шестнадцать автоматов. Он оказался трезвым человеком. Через десять минут перед ним стоял его адъютант, и начальник, пытаясь овладеть голосом, выдавливал из себя фразы:

— Немедленно вместе с представителем советского командования явитесь в гарнизон и... сообщите офицерам мой... мой приказ: сложить оружие!

В казарму с адъютантом уездного главы были посланы Волохин и два автоматчика. Через час он вернулся и отрапортовал:

— Гарнизон капитулировал. Оружие забрали крестьяне.

Резиденция уездного главы была превращена в штаб. Коноплев поручил Ся Фу-чину обеспечивать порядок на улице и не допускать расправы над японскими военными и их семьями. Был отдан приказ освободить из тюрьмы политических заключенных. Взяли под охрану телефонную станцию и прекратили в городе всякую связь по телефону. Подчиненные Ся Фу-чина, простые крестьяне-бедняки, стихийно присоединившиеся несколько дней назад к группе советских разведчиков, не имевшие никакого понятия о военной дисциплине, сейчас в отбитом у оккупантов городе вдруг стали проявлять солдатскую организованность и хозяйскую деловитость.

К утру чекисты окончательно убедились, что сопротивление противника в городе нет. И тогда была послана в Хабаровск изумившая тамошнее начальство радиogramма: «При поддержке местного населения овладели Цинганом. Гарнизон капитулировал. В городе полный порядок». Хабаровск не поверил и потребовал нового подтверждения. В самом деле, трудно было поверить: сотни километров от фронта, глубокий тыл противника — и вдруг шестнадцать отчаянных парней овладевают семидесятитысячным городом. Но суть состояла именно в том, что их было вовсе не шестнадцать.

Когда рассвело, у резиденции уездного главы собралось множество горожан и крестьян из окрестных деревень. Начальник уезда, который всю ночь под охраной находился в своем кабинете, подошел к окну и изумился.

— Простите, — обратился он к Семчен-

ку, — а где же ваши солдаты? Я совсем не вижу ваших солдат.

Семченоч рассмеялся:

— Как не видите? Вон их сколько! Тысячи...

Надо было теперь перед этими тысячами морально закрепить победу. Власть оккупантов в Цингане свергнута. Китайский город отныне принадлежит не чужеземцам, а самим китайцам. И в этом должны убедиться все. Тогда сегодняшняя военная победа будет окончательно утверждена в сознании людей. А это главное. Сорван со здания резиденции и растоптан горожанами ненавистный флаг врага. Нужно водрузить другой. А какой именно? И вдруг является к Коноплеву старик.

— У меня есть наш китайский национальный старинный флаг, — говорит он и вытаскивает из-под своей драной куртки такое же потрепанное полотнище. — Много лет хранил...

Ну что ж, хоть обветшалый, но все-таки свой, национальный флаг. Пусть сейчас будет он, а потом китайцы сами разберутся, какой им лучше подходит.

— Поднимайте!

И взмыло на флагштоке полувыцветшее полотнище, затрепетало на ветру, и радостный многоголосый крик, похожий на вопль, потряс площадь.

...Пора было расставаться с Цинганом. Чекистам трудно уже было появляться на улицах. Их мгновенно окружали толпы людей, каждый старался выразить свою признательность. А чекисты торопились. Время торжеств еще не наступило. Еще впереди был Ланьси, и Хабаровск, окончательно поверив в удивительную способность группы брать города, дал команду: идите на Ланьси! То, что случилось в Цингане, конечно, исключение. Не так-то легко складывали оружие оккупанты. Во многих местах японцы оказывали нашим наступающим частям отчаянное сопротивление и сломить его стоило немалых жертв. Успех разведчиков-чекистов в Цингане прежде всего объясняется страхом оккупантов перед неуправляемым натиском Советской Армии.

Утром в Цингане Провакин встретился с пришедшим из Ланьси советским разведчиком, который давно находился в Китае и временно утратил связи с Центром. Он сообщил: в городе среди оккупантов паника. Раздутый народной молвой слух

о проникших в глубокий тыл советских бойцах превратил крошечную группу чекистов чуть ли не в целую армию. Японцы спешно оставляли Ланьси.

В полдень группа чекистов выступила в поход. Нет, это была вовсе не группа. Это было боевое подразделение уже не только с косами и топорами, но и с оружием. Впереди шли Семченоч, Провакин и Коноплев вместе с Ся Фу-чином и его сыном. Потом четким, как на параде, строем — чекисты, а за ними — на всю длину улицы пестрая и шумная колонна ополченцев. Отряд шел по живому людскому коридору, в колыхании вскинутых рук, в блеске улыбок. Где-то играл оркестр, падали на мостовую цветы, и Коноплеву казалось порой, что все это сон.

Каких-нибудь несколько дней назад шестнадцать парашютистов, прижимаясь к раскисшей под дождями чужой земле, с напряжением разглядывали незнакомый мир, в который упали с неба. Перед ними была неизвестность. Не страшно ее, они шагнули навстречу своей судьбе и нашли себе в этой неизвестности бесчисленное множество друзей. Вместе с ними они вдруг превратились в огромную непреодолимую силу, перед которой в страхе отступает враг. И ради сегодняшнего дня стоило снова оставлять в тоске своих заждавшихся мира жен, прыгать на парашютах в ночь, пробираться через болотную топь и потом, в завершение всего, идти на самый отчаянный риск, который в другой обстановке мог бы показаться безрассудством.

Рядом с Коноплевым шагает Ся Фу-чин. На боку у него пистолет. Несмотря на жару, так и не снял защитной «командирской» телогрейки, которую получил от Коноплева. Коноплев видит на лице старика и гордость и растерянность одновременно. Не привык старик еще быть начальником, а героем, которому бросают под ноги цветы, тем более. Замечательный человек этот Ся Фу-чин. Как жаль, что скоро с ним придется расстаться!

— Товарищ командир! Можно песню?

Это Щербина. Неутомимый запевала. Дождался наконец!

— Давай, Семен!

Будто того и ждали. Начали голос в голос, дружно, с задором:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

...На другой день подошли к Ланьси. Город сдался без единого выстрела. Группа двинулась дальше для выполнения новых задач.

...Спустя несколько дней направлявшаяся к Харбину авангардная советская воинская часть вдруг неожиданно встретила на дороге шестнадцать бойцов в полной форме и при оружии.

— Откуда вы здесь взялись? — изумился командир части.

Семченоч ответил:

— Мы из воздушного десанта, сброшенного со специальным заданием.

— Ну, и выполнили свое задание?

— Так точно. Овладели городами Цинган и Ланьси.

Командир горестно покачал головой, оглядывая парашютистов.

— Маловато вас осталось...

Коноплев улыбнулся:

— Почему маловато? Все в сборе...

Евг. Бабкин

Под чужим именем

Война по-разному проявляла людей. Одни шли на смерть ради жизни — и таких было большинство, другие предавали, чтобы спасти собственную жизнь.

В октябре 1966 года в Охе органами госбезопасности был арестован некий Карпавичюс, почти два десятилетия скрывавшийся на Сахалине под чужим именем. Зловещую роль сыграл он в истории партизанского движения и подполья в Алитусском районе Литовской республики.

О том, что произошло много лет назад в небольшом районном городе, и о том, как сахалинские и литовские чекисты разыскали опасного государственного преступника, рассказывается в этом очерке.

Еще в 1944-м...

26 июля 1944 года к следователю военной контрразведки «Смерш» (что расшифровывалось просто и энергично «Смерть шпионам!») капитану Лавренову пришел пожилой крестьянин, назвавшийся Иваном Францевичем Круповасом. Лавренов уже привык к посещениям местных жителей. С тех пор как армия вступила на территорию Литвы, в домик контрразведчиков не раз наведывались литовцы, которые рассказывали о зверствах фашистов и предательствах националистов.

Круповас сообщил, что в мае 1942 года в районе деревни Жидонас появились партизаны.

«Я знал некоторых из них, — рассказывал он, — и охотно согласился им помогать: до-

ставал оружие, продовольствие... Однажды встретил у партизан человека, ранее работавшего в Алитусе. Командир отряда Ражанаускас сказал, что Карпавичюс только что пришел к ним и его еще не успели проверить. Меня это обеспокоило, так как я предполагал, что этот человек служил в тайной полиции. Ражанаускас обещал установить наблюдение за ним. Отряд же на всякий случай сменил стоянку.

Через несколько дней меня и моих соседей, связанных с партизанами, арестовали. В тюрьме я опять увидел и Карпавичюса. И потом, в тюрьме, он участвовал во всех допросах, истязал нас до потери сознания. У меня требовал сказать, где пулемет, который я обещал принести партизанам. Но я подумал, что если не скажу — меня убьют, а скажу — тоже убьют, и решил не говорить...»

— Опишите этого Карпавичюса, — попросил капитан Лавренов.

— Красное, в каких-то прыщах лицо и прическа... космы торчат во все стороны.

...Так появилось на свет «Дело» Карпавичюса, и первым документом в «Деле» стали показания Круповаса. С тех пор чекисты настойчиво искали следы предателя. Вскоре в папке появляются новые документы.

В Вильнюсе был арестован изменник Родины, агент гестапо Казис Реклайтис. 25 сентября 1944 года его допросил лейтенант госбезопасности Лоцкевичюс.

— Весной 1942 года, — рассказал Реклайтис, — ко мне пришел некто Карпавичюс. Он сказал мне, что выброшен с десантом из России. Хорошие, говорит, у вас люди, помогают партизанам... Он, наверное, знал, что я служу в полиции, и назвал мне несколько имен партизан. Вскоре я видел, как Карпавичюс ходил по деревням и показывал сотрудникам «саугумас» (литовский Департамент безопасности) дома, где живут связанные с партизанами крестьяне. Через некоторое время человек пятнадцать из них были расстреляны.

— Какие приметы Карпавичюса вы запомнили?

— Красное угреватое лицо, на затылке фурункулы и прическа... какая-то не такая.

Я — „Буря“...

Папка с «Делом» продолжала пополняться. Отступая из Литвы, фашисты не

Совершенно секретно

учетная карточка сотрудника

Псевдоним «Аудра»

(анкетные данные)

...5. За деятельностью какой организации следит — большевиков-террористов и другими тайно действующими организациями. Начало работы — 25.VIII.1942 г.

Подпись чиновника.

Эти неопровержимые документы позволяли чекистам объявить по всей стране розыск государственного преступника. Отныне, где бы ни объявился Карпавичюс Владас Ионас, уроженец Алитуса, он будет задержан и предстанет перед следствием.

Человек с красным лицом

В самой Литве было проверено несколько Карпавичюсов, сведения об однофамильцах преступника поступали и из других мест. Но после осторожных проверок эти версии были отброшены. Тогда предположили, что предатель скрылся за границей сразу после войны (что, как потом оказалось, было не так уж далеко от истины) или сменил фамилию и другие анкетные данные, тщательно законспирировался, и тогда найти преступника будет нелегко.

А тем временем в папку с «Делом» Карпавичюса ложились новые материалы. Очевидцы его злодеяний писали показания, требовали наказать убийцу.

Вот свидетельство Ядвиги Дорошенко, данное ею в 1951 году: «Летом 1942 года в наш дом ворвались полицейские. Вместе с ними был Карпавичюс, который раньше считался партизаном. Младший брат заметил, как Карпавичюс закопал под кустом несколько гранат, которые буквально через полчаса отыскивали немцы и обвинили нас в укрывательстве. Брата и меня арестовали. В тюрьме Карпавичюс с каким-то садистским удовольствием избивал нас резиновым хлыстом. Через 8 дней меня отпустили, а брата Борисаса в числе других 14 партизан, также выданных Карпавичюсом, расстреляли.

Чтобы скорее разыскать убийцу, сообщая его приметы: красное нечистое лицо, высокий рост, прическа... ежиком».

успели вывезти архивы своих тайных служб. Однажды в руки чекистов попала книжечка со списком разыскиваемых советских активистов, проживавших на территории Литвы к 1941 году. Это была своего рода настольная книга для шпионов и предателей «саугумас», которые охотились за патриотами. Среди имен коммунистов, советских работников, комсомольцев там значился и В. И. Карпавичюс. Однофамилец? Скорее всего, что так. Но дата выпуска книги — сентябрь 1942 года. Это примерно тот период, о котором говорили свидетели. Вдруг заговорят и страницы этого списка.

Архивы немецкой разведки СД и гестапо просматривали тщательно. И наткнулись на документ, который, не оставляя сомнений в предательстве человека с фамилией Карпавичюс. Это была подпись сотрудника по кличке «Аудра» («Буря»). Вот перевод подписки и регистрационной карточки:

Совершенно секретно

Обязательство сотрудника

Департаменту безопасности

1. Псевдоним — «Аудра» («Буря»).
2. Ф. И. О. — Карпавичюс Владас сын Ионаса.
3. Время и место рождения — 10.VIII.1920 г., гор. Алитус.
4. Национальность и вероисповедание — литовец. Р — К.
5. Занятие — электромонтер.
6. Образование — начальное.
7. Семейное положение — не женат.
8. Место жительства — гор. Вильнюс, ул. Ясинского, № 1, кв. 9.

Вильнюс, 25 августа 1942 года.

«Я, «Аудра»-Карпавичюс, обязуюсь предоставлять Департаменту безопасности сведения о террористах-большевиках и других тайных организациях. Буду предоставлять правильные сведения и все, сколько буду знать. Мне объяснено, что за предоставление ложных сведений или за сокрытие известных мне данных буду отвечать по действующим законам. Работая в пользу Департамента безопасности, а также прекратив работу, известных мне тайн никому не выдам.

Задачи моей работы, связанные с настоящим обязательством, мне понятны.

«Аудра»-Карпавичюс.

Юзя Георгиевна Ветхоратова в 1957 году сообщала о том, что бывший партизан Карпавичюс до полусмерти избил ее детей и повинен в гибели 14 человек.

...В 1960 году состоялся открытый процесс над изменником Родины Альфонса-м Никитайтисом, бывшим начальником литусской криминальной полиции. Этот человек знал и помнил многое. Припомнил он и такой факт.

«Летом 1942 года меня пригласили в Алитусскую немецкую комендатуру в качестве переводчика. Разговаривали немецкий комендант и начальник полиции безопасности Каустеклис. В комнате сидел мужчина лет 25 с красным угреватым лицом. Комендант сказал, что это советский парашютист и что он будет полезен полиции. В комендатуру он пришел добровольно, знает, где партизаны, и предлагает свои услуги для уничтожения командира партизан.

Каустеклис, я и мужчина с красным лицом пошли в полицию, где он назвал себя Карпавичюсом. Карпавичюс сразу потребовал, чтобы арестовали на улице Пулко портного Ундериса...»

«Дело» Карпавичюса разрасталось, но было не известно главное, где скрывается убийца. И вот из далекой Охи на Сахалине поступило сообщение: по нашим данным, под именем Карпова скрывается государственный преступник Карпавичюс.

Литовские чекисты вели поиск в двух направлениях: во-первых, устанавливали факты преступной деятельности Карпавичюса, и, во-вторых, необходимо было как можно больше узнать о партизанском отряде Ражанаускаса и об Алитусском подполье. Чекистам помогали бывшие подпольщики, партизаны, партработники.

Сейчас мы можем полностью восстановить подробности августовской трагедии 1942 года и той роли, которую в ней сыграл Владас Карпавичюс.

Месяц иуды

Месяц иуды — Карпавичюса — август.

10 августа 1920 года он был произведен на свет, 20 августа 1942 года участвовал в расстреле четырнадцати выданных им патриотов, через пять дней скрепил печатью иуды свою связь с фашистами, в первых числах августа 1967 года казнен по приговору советского суда.

Такое совпадение наводит на мысль, что все факты из жизни предателя, не толкаясь, уместились в одной грязной плоскости, начиная с самого прискорбного факта — появления на свет. Мы не назвали имени женщины, которая его родила, она умерла, а если бы была жива, то первая отказалась бы от своего сына. Нет нужды дальше проследживать довоенную судьбу Карпавичюса: она тускла и неприметна, хотя отдельные ее эпизоды и могут объяснить последующее. Отец держал лошадей для извоза, а сынок использовал деньги для частых пьянок. Когда узнал, что его сверстники вступили в комсомол и стали вести в буржуазной Литве подпольную работу, он решил примазаться к ним. Его быстро раскусили и выгнали именно «как примазавшегося». Тогда он не успел стать провокатором... Он стал уголовником. В 1940 году, уже при Советской власти, пытался ограбить кассу строительной конторы, был пойман и осужден.

Никто не знает, откуда он вынырнул в Алитусе в начале войны. Сам он говорит, что пытался уйти к партизанам Белоруссии, не смог и вернулся. Карпавичюс ходил по знакомым, принимался, откуда дует ветер, и держал нос по обстановке. Одним, кого он подозревал в сочувствии к Советам, «тайком» признавался, что он заброшен сюда русской разведкой или оставлен на подпольной работе уездным комитетом комсомола, другим — ярым националистом — «доверительно» говорил, что не прочь бы пойти в полицию и кое о чем рассказать.

К сожалению, о посещениях полиции командиру партизанского отряда Ражанаускасу стало известно чуть позже, чем следовало бы...

Первый день войны застал председателя Алитусского уездного исполнительного комитета Алексаса Ражанаускаса в одном из дальних хуторов. Эвакуироваться он не успел и был вынужден скрываться по избам бедных крестьян. Но не это угнетало Алексаса: уже несколько месяцев он не имел связей с антифашистским подпольем, хотя и настойчиво искал его следы. Наконец, он решил действовать самостоятельно и весной 1942 года перебрался поближе к Алитусу.

...Михаил Александрович Ветхоратов ложился спать, когда в окно тихо постучали. Он накинул пальто, подошел к двери, подождал.

— Кто?

— Это я, Алексас...

Ражанаускас осторожно ступил на порог, кивком показал на соседнюю комнату.

— Спят, — успокоил Ветхоратов.

— Ну как, Михаил, дела? Говорил с народом? Оружие достанем?

— Все будет, Алексас. Таких ребят нашел... А оружие у меня и свое найдется. Когда наши отступали, я кой-чего припрятал: винтовки, ящики с патронами, даже пулемет есть.

— Пулемет?! Это же здорово, Михаил! Такие дела можно делать!

— Тише, разбудишь... Вот обрадовался. Тут неподалеку, в деревне, еще один пулемет спрятан. Только это ловкому парню поручить надо. Чтобы хозяина уговорил, может, и деньги ему сунуть придется, и чтобы немецкий пост обошел. Мы об этом еще потолкуем.

— Ну а люди...

— Человек двадцать будет. Да ты многих из них знаешь. Ундерис тебе привет передает. Он в городе живет, у него там люди свои...

— Да у вас здесь, я смотрю, уже своя организация налажена?

— Нет, Алексас, работы еще очень много. И твой приход в самый раз.

— Слушай, Михаил. Люди, о которых ты мне говоришь, все друг друга знают?

— А как же? Вместе бороться будем.

— Вот это плохо. Ведь не все в лес уйдут. Кто-то и здесь останется... Ты во всех уверен? — неожиданно спросил Ражанаускас.

Ундерис встревожен

На следующий вечер собрались у временного бункера Ражанаускаса. Алексас действительно многих узнал. Братьев Марчюлайтисов, военного фельдшера украинца Мазовку, Акромаса, братьев Тунийлов...

Это были надежные люди.

— А это кто? — тихо спросил Алексас у Ветхоратова, показывая на долговязого парня с прыщеватым лицом.

— Свой, — шепнул Михаил. — Его Милюс привел. Говорит, комсомолец.

Ражанаускас поморщился:

— Мало ли что говорит. Проверить не мешает.

— Что же, проверим, — согласился тот.

По деревням уже прошел слух, что в лесу Колесникай есть партизаны, и старший брат Тунийла сообщил, что завтра в отряд вольются новые люди.

— Сюда, — поднялся Ражанаускас, — придут только те, кто не пойдет обратно. Нельзя, чтобы в отряд тропинку протоптали. А то по ней и незваные гости придут.

Алексас отошел с Ветхоратовым в сторону:

— Тебе, Михаил, придется остаться в деревне. Тебе, Тунийлам, Василяускасу, Марчюлайтисам, Жилинскому, Милюсу... Главное для нас сейчас снабжение. Твоего пулемета одного не хватит. Да и продуктами надо будет запастись. Сколоти группу, которая продовольствием займется. Свяжитесь с Ундерисом, он тоже поможет.

И добавил:

— Кстати, проверишь и того, долговязого.

Карпавичюс попал в группу, которая доставала для партизан продукты. Он заходил во многие дома, говорил, что партизан, что нужен хлеб... Люди охотно давали все, что он просил, а он, еще не зная зачем, запоминал их дома, отмечая про себя, кто как к нему отнесся.

Однажды Карпавичюса послали ночью в Алитус, на улицу Пулко. Там жил портной Ундерис. Надо было договориться с ним о времени передачи оружия. Карпавичюс толкнул калитку и сразу же разглядел в темноте мужскую фигуру. Это был Ундерис.

— Вам привет от колесникайского пекаря.

— Что нужно пекарю от портного?..

Ответ был правильным, и Карпавичюс вошел в дом. Ундерис расспрашивал его об Алексасе, об отряде. Жена Анна накрыла стол, гость жадно ел и почти не слушал хозяина. Карпавичюс про себя решил, что уже не вернется в лес.

Ундерис удивленно смотрел на гостя. Тот торопился, отвечал невразумительно и отводил глаза.

За калитку они вышли вместе. «Вот этим лесочком и пойдешь», — сказал Ундерис. Карпавичюс сделал несколько шагов в сторону леса, потом, оглянувшись, резко свернул к городской площади.

— Да он что, с ума сошел! — затрепетал Ундерис.

Их бин... Парашютист

...Карпавичюс уверенно шагал по улице Алитуса. Если встретят полицаи, он знает, что им сказать. Но лучше бы не встречаться ни с кем...

— Хальт! — грубый окрик остановил Карпавичюса.

«Немцы!» Два солдата приблизились к нему, ослепили ярким лучом фонарика.

— Партизанен?! — грозно спросил старший. — Из лесу был?

— Нет, нет, я нихт партизан, — забормотал Карпавичюс.

— Комм! — и дуло автомата больно уперлось в спину.

В немецкой комендатуре его заперли в подвал. Пожилой угрюмый литовец, закрывая засов, сказал:

— Утром комендант придет, разберется...

«Значит, утром», — думал Карпавичюс. Он уже твердо знал, как вести себя дальше.

Немецкому коменданту доложили, что ночью задержан неизвестный, без пропуска и вообще без документов.

Карпавичюс вошел в кабинет коменданта и уверенно взметнул руку.

— Хайль Гитлер, герр комендант! Их бин советише... — он замялся, подыскивая нужное слово, и выпалил: — Парашютист!

Это слово не нуждалось в переводе. Комендант приподнялся с кресла, с интересом посмотрел:

— Парашютист?! Где остальные?

— Могу показать...

Через полчаса в кабинет вбежали начальник местного «саугумаса» Каустеклис и начальник уголовной полиции Никитайтис.

— Этот человек, — сказал комендант, — может показать, где скрывается партизанский отряд Ражанускаса. Как видите, Каустеклис, мне приходится влезать в ваши функции...

— Покорнейше благодарю вас, герр комендант...

В просторном кабинете начальника «саугумаса» совещались трое. Договорились, что Карпавичюс еще раз сходит в лес.

— С тобой, — добавил Каустеклис, — пойдет наш человек. Ты его оставишь в отряде, а сам — найдешь предлог — вернешься.

И тут Карпавичюс вспомнил об Ундерисе. «А что, если портной видел, как меня

задержали немцы?» Он сказал о своих сомнениях начальнику, и тот сразу же приказал сотруднику Симонавичюсу пойти на улицу Пулко.

...Ундерис следил за Карпавичюсом, видел, как к нему подошли солдаты. «Нужно уходить». Но дома оставалась больная жена с ребенком, которую только утром можно было переправить к родственникам. И он решил дожидаться утра.

А утром в дверь громко и настойчиво застучали. Не ожидая ответа, Симонавичюс и еще трое полицейских вломилась в дом.

— Не улетела еще пташка? — ехидно улыбаясь, сказал Симонавичюс. — Так что нужно лекарю от портного?..

Ундериса качнуло: «Предал! Предал, гад!» При обыске у него нашли несколько гранат, мешок с провизией.

(Ундерис стал первой жертвой Карпавичюса. Трое суток его били и допрашивали в застенках «саугумаса». Мужественный патриот не выдал своих друзей. Когда Ундериса повели в тюрьму, он пытался бежать, но был ранен в обе ноги. В тюремной больнице ему разрешили свидание с женой.

— Я еще долго здесь пролежу, Анна, — сказал он. — Береги детей.

А через месяц его повезли на расстрел. Два полица держали Ундериса под руки, чтобы он не упал, а третий выстрелил ему в затылок из пистолета.

О последних днях Феликаса Ундериса мне рассказала его жена пенсионерка Анна Ивановна Ундерини).

Карпавичюс, узнав, что Ундерис арестован, понял, что обратно пути нет. Только ценой предательства всего отряда он может спасти свою жизнь. «Сделаю, что они просят, и тут же уеду». Он страшился мысли, что вновь очутится в лесу, у партизан, но не видел другого выхода. «С «саугумас» не шутят», — недвусмысленно намекнул ему Каустеклис.

Встреча во ржи

Утром другого дня Карпавичюс появился в деревне. Он уверенно заходил в знакомые дома, просил есть, говорил, чтобы к завтрашнему утру приготовили продуктов побольше: партизаны возьмут в лес.

Людей смущало и настораживало, что он приходил не таясь, днем: обычно пар-

тизаны навещали их по ночам. Михаил Ветхоратов, увидев Карпавичюса, почуял неладное и проследил за ним, когда тот вышел из дому. У поля с рожью Карпавичюс остановился, и через минуту к нему подбежал человек. Они переговорили, и неизвестный записал что-то в тетрадку. Карпавичюс показывал рукой на дом Ветхоратова...

Михаил спустился в погреб, разрыл у стенки землю и вытащил завернутый в промасленную тряпку наган. Уже через минуту Ветхоратов бежал к лесу. У партизанского бункера его окликнули. Часовой провел Михаила к командиру. У Ражанаускаса сидел... Карпавичюс, рядом — тот человек, который выходил из ржи. Ветхоратов хмуро посмотрел на Карпавичюса и впервые отметил про себя, что лицо у него угреватое и неестественно красное.

— Проходи, Михаил, — пригласил Ражанаускас. — Вот Владис говорит, что привел человека от Ундериса, в отряд просится... Возьмем?

— Алексас, можно тебя на минуту, — прервал его Михаил. — Алексас, — снова заговорил он, когда они вышли, — мне не нравится Карпавичюс. — И Михаил рассказал все, что видел.

— Мы хотели его проверить, — сказал Ражанаускас. — Пусть возьмет деньги и достанет пулемет в дальнем хуторе. В двенадцать назначим встречу. А за дружком его присмотрим.

В 12 часов Карпавичюс не явился. Зато на месте прежней стоянки, откуда они на всякий случай ушли вчера, раздались вдруг выстрелы, лай собак. Ражанаускас приказал в бой не ввязываться, отходить.

— А «дружка» того расстрелять. Видно, он с Карпавичюсом одного поля ягода.

Вдруг на поляну, где только что сидели партизаны, вбежал старик с длинной седой бородой.

— Алексас, — хрипел он, — Алексас! Уходите скорее! Скоро и сюда немцы придут... Предательство!

— Липатыч! Друг! Как ты здесь? Откуда?

— Я... немцев сюда вел..

Гибель Ражанаускаса

Каустеклис был доволен новым агентом. Конечно, если отряд Ражанаускаса разгромят, заслуга будет целиком при-

надлежать ему, Каустеклису. Ну а Карпавичюса он направит в Вильнюс, в спецшколу. Оттуда уже запрашивали, кого он порекомендует. Карпавичюс — трус и после акции обязательно захочет уехать.

По телефону он связался с Каунасом и узнал, что рота немецких солдат во главе с обер-лейтенантом фон Ульрихом уже движется в Алитус. Завтра Карпавичюс поведет их на партизанскую базу.

Но Карпавичюс вовсе не собирался идти в лес. Он быстренько сообразил, что, если будет бой, ему несдобровать. Партизанам лучше на глаза не попадаться, а немцы не очень-то разбирают — свой или нет. Литовец — и получай пулю.

Он шепнул Симоновичюсу, что недалеко от Колесникай в избушке живет один старик. Это русский старовер Липат Липатович Шляцин, который является партизанским связным. «Нужно его арестовать и заставить идти впереди всех, как будто это он показывает немцам дорогу к партизанам».

Симоновичюс усмехнулся:

— За свою шкуру трясешься?

— Жить хочу...

Серые мундиры приближались к лесу. Где-то в середине, в группе полицаев, шагал испуганный Карпавичюс. Он шел на первый свой открытый бой.

И опять ему повезло: боя не было.

Первым скрылся за деревьями Липатыч. При аресте его избили, но он не чувствовал боли. Одна мысль билась в голове: фашисты и без меня найдут стоянку партизан. Неужели Алексас не знает о предательстве? Предупредить. Предупредить! Но как? Ни на шаг не отстает от него полиция...

На стоянке партизан не было. «Но они не могли уйти далеко», — подумал Шляцин и обернулся к подошедшему Симоновичюсу.

— Я бы мог пройти дальше, посмотреть...

— Пройди, старый хрыч... вот с ним, — и Симоновичюс указал на полицая.

В лесу Липатычу удалось оглушить своего охранника. Опасность была слишком велика. Всему отряду грозила гибель. Ражанаускас после разговора с Липатычем принял решение расформировать отряд.

— Расходитесь по одному, — напутствовал он партизан. — Оседайте в деревьях, скрывайтесь в лесу, по первому зову вновь собирайтесь в отряд.

Алексас распрощался с товарищами. Он собирался на связь с Вильнюсским подпольем, сведениями о котором уже располагал. Но судьба Ражанаускаса сложилась трагически.

Гибель Ражанаускаса тоже лежит на совести предателя Карпавичюса.

Клятва партизан

Обозленный неудачей, обер-лейтенант повернул солдат к деревням Колесникай и Жидонис. И здесь Карпавичюс решил отлечиться. Он хорошо запомнил тех, кто помогал партизанам, тех, кто выносилему оружие и еду. Знал Карпавичюс, что несколько партизан специально оставлено в деревнях.

Карпавичюс первым врвался в дома, кричал, размахивал наганом, плеткой сгонял всех во двор. Здесь начиналось жестокое избиение женщин и детей. Мужчин сразу скручивали веревками и бросали в машину. Издевательства продолжались и в тюрьме. Кровь стынет в жилах, когда читаешь и слушаешь рассказы очевидцев.

ИВАН КРУПОВАС

«Карпавичюс и другие били меня дубовыми палками, пока я не потерял сознание. Ударили прикладом по голове так, что лопнула барабанная перепонка, и я до сих пор не слышу на левое ухо. Особенно изощрялся Карпавичюс в тюрьме. Вначале хлестал плеткой, скрученной из четырех телефонных проводов. Это считалось легким избиением. Потом избивали стальной пружиной. На подоконнике стоял звуковой аппарат, который заглушал крики допрашиваемых».

ЯДВИГА ДОРОШЕНКО

«Карпавичюс глумился надо мной и избивал резиновым шлангом».

ЗИНАИДА РЫБАКОВА

«Я приносила мужу передачи и видела, что он всегда был избит. Однажды я с ужасом заметила, что он ползет ко мне на четвереньках, а потом у него подогнулись руки, и он упал без сознания...»

Ю. Г. ВЕТХОРАТОВА

«Мне трудно вспоминать. Я мать. А он... сына моего Генрикаса повалил на землю и стал топтать сапогами по животу. У Ген-

рикаса изо рта кровавая пена пошла. Я кинулась защищать сына, а Карпавичюс стал бить меня наганом по пальцам...»

ИВАН КРУПОВАС (показания 1944 года)

«...Уже два года с тех пор прошло, а как в бане помоюсь, так рубцы на теле выступают».

Вот что случилось в то утро в хозяйстве Марчюлайтисов. Услышав выстрелы в соседнем дворе, Микас спрятался на сеновале. Шурин Василяускас залег в огороде, а брат Вацлавас не успел скрыться. Жену Микаса Адель с ребенком на руках и Вацлаваса вытащили из дома и стали избивать. Адели Карпавичюс выбил зубы и, схватив за волосы, поволок ее к сараю. Даже крики ребенка не остановили изверга. Потом фашисты окружили Вацлаваса и заставили его рыть себе могилу. И в это время раздался выстрел. Немцы и Карпавичюс бросились в поле. Там лежал мертвый Василяускас. Он видел, как фашисты глумились над сестрой, Вацлавасом, и, не желая сдаваться, застрелился. Воспользовавшись замешательством, сумел скрыться Вацлавас. Избежал гибели и Микас.

В Вильнюсе я встретился с Виктором Добровольским, бывшим секретарем подпольного райкома партии. Он говорил, что в самом начале войны фашисты схватили его вместе с другом Василяускасом. Несколько месяцев они жили как в аду. А когда им удалось освободиться, мы с Василяускасом дали клятву живыми немцам не даваться.

И вот он выполнил клятву...»

Припертый к стенке, Карпавичюс на следствии не мог отрицать случая в хозяйстве Марчюлайтисов и по памяти сам нарисовал схему, где указано место гибели Василяускаса.

На стол Кальтенбрунера

В каждом доме узнавали Карпавичюса. Вначале недоумевали, но потом недоумение проходило, уступая место ужасу и ненависти. «Предатель!» С того июльского дня имя Карпавичюса произносилось только вместе с этим словом.

А Карпавичюс не унимался. 20 августа он принимает участие в расстреле 14 человек, арестованных по его доносу.

25 августа убийца подобострастно по-

жимает руку ответственному чиновнику «саугумаса» в Вильнюсе. Карпавичюсу предлагают официально оформить свои «отношения» в СД (служба безопасности). Так он стал «Аудрой». Чтобы подбодрить «начинающего» агента, немцы сообщают ему, что о разгроме алитусских партизан уже известно в Берлине. Предатель доволен...

Через много лет историк, разбирая архивы службы СД в Берлине, найдет этот документ. Он тоже будет предъявлен следствию и суду.

Шифровка из Алитуса довольно оперативно (уже 28 августа) была включена в общую сводку «сообщений из оккупированных восточных областей». Каждое утро ее просматривал руководитель СД. На документе так и написано — «шефу полиции безопасности и СД». Вот перевод сообщения.

«Возле Алитуса (Каунас) успешно проведена акция против насчитывающей около 50 человек террористической группы, которой руководил все еще находящийся в бегах назначенный большевиками начальник Алитусского уезда.

Этот бывший начальник уезда, перешедший на нелегальное положение, при вступлении немецких войск создал в Алитусе и прилегающих деревнях организацию, руководимую комитетом из 7 человек и состоящую из местных литовцев, поляков и советско-русских военнопленных, бежавших из лагеря военнопленных Шталлюпенен.

При обнаружении террористической группы некоторые из террористов были застрелены и 25 взяты живьем. Было захвачено некоторое число оружия и значительное количество боеприпасов. Намечается арест других 19 участников террористической группы».

При видимой объективности (руководитель, «все еще находящийся в бегах») это довольно хвастливое и наглая реляция. Партизанский отряд («террористическую группу») немцам все же не удалось разгромить, а разбой в деревнях, «война» с женщинами — так это только фашисты могут называть «успешной» боевой акцией.

Убегал, как волк

Итак, Карпавичюс получил повышение. Немцы отметили его заслуги в Алитусе

и назначили резидентом группы таких же провокаторов и подонков, которые прошли специальную подготовку в разведывательной школе окружного «саугумаса». Их готовили для диверсий, шпионажа и террора в тылу Советской страны. Но, видно, и «дома», в Вильнюсе, дела оккупантов пошатнулись, и группу Карпавичюса оставили.

При вступлении наших войск в Литву он назвался Карповым, освобожденным из немецкого концлагеря. Документов, естественно, нет...

Почему он назвался Карповым, да еще Владимиром Ивановичем, ведь сквозь эту призрачную завесу так явно просвечивало его собственное имя. Криминалисты объясняют, что так уж устроена психология преступника. Изменяя фамилию, он или начнет ее с той же буквы, что и прежняя, или даст ей приближенное к старой звучание. Карпавичюс ограничился «русской транскрипцией» своего имени-отчества. Да так и запомнить легче. Не запутаешься при случае...

По мобилизации полевого военкомата Карпова отправляют служить на Дальний Восток. Это вполне устраивает предателя, но страх разоблачения все еще велик. Как избавиться от этого подозрительного примечания: «Анкета о службе в армии составлена со слов». Кажется, он нашел выход. Опасный, но не такой страшный... как расстрел. Военный трибунал приговорил рядового Карпова В. И. за кражу к семи годам лишения свободы. Это случилось 25 июня 1947 года в Порт-Атуре. В 1953 году Карпов освобождается по амнистии и поселяется на севере Сахалина. Получает «чистые» документы. Казалось бы, можно успокоиться.

Но что значат эти бумажки по сравнению с тем, что творится в его душе. Он боится, по-прежнему боится. Есть только одно избавление от страха и дикой злобы: водка. Водкой пытается Карпов заслониться от прошлого и... неотвратимого будущего.

Он так и не женился, не завел семью. Не допускал, чтобы кто-нибудь мог наблюдать его страх, смертельную тоску. В последние годы это был уже не человек. Постоянный страх и беспробудное пьянство довели его до животного состояния. Затравленный волк.

Знал ли он, как близок последний день иуды?..

Комплекс „странностей“

Ну что с того, что человек пьет, часто прогуливает? Просто пьяница, опустившийся тип, лодырь. А если он к пятидесяти годам жизни так и не завел семью, детей? Закоренелый холостяк, да и кто с таким рискнет связывать свою судьбу. А то, что он ни разу не выезжал с Сахалина и не пытался даже посетить родные места? Что ж, бывает и так, мало ли какие обстоятельства могли сложиться. А кто-нибудь хоть раз слышал рассказы этого человека о своем прошлом? И почему человек с русской фамилией говорил с явным акцентом? Ах, он литовец? Мало ли литовцев живет в разных областях страны...

За простыми и, если так можно выразиться, «бытовыми» фактами скрывается сложная послевоенная биография преступника Карпавичюса. Никто не позволил себе усомниться. Может быть, каждая из этих «странностей» в отдельности и не давала повода для подозрений. Но все вместе они привели к определенному выводу. Чекисты искали Карпавичюса. Он поселился в Охе на Сахалине, мог жить в другом месте, но во всех случаях он жил среди людей. Один из работников треста поделился своими подозрениями с подполковником Шершневым.

Капитан Ахматов получил приказ выяснить личность Карпова, проверить, что в биографии Карпова соответствует действительности, а что, может быть, и нет.

Все, как говорится, соответствовало. Подняли старые уголовные дела, по которым раньше судился Карпов (чего он и не скрывал), анкетные данные в них те же и... не вызывают сомнений. Не вызывают?

И вот тут-то чекистам бросились в глаза все те «странности», о которых я уже говорил, в их, так сказать, комплексе. Нужна более глубокая проверка, решает Шершнев. Но за что зацепиться в первую очередь? «Карпов — литовец. Родился в Каунасе. Уточним».

Ни в одной старой метрической книге Каунаса Владимир Иванович Карпов не числится. Впрочем, как и по всей Литве. Нет такого, и все.

Значит, литовец (судя по акценту), но не Карпов. Тогда кто же?

Расширился круг «неизвестных», прибавилось число иксов, игреков и зетов. По-

иск уже велся по многим направлениям, и в него включилось еще несколько чекистов, среди них — майор Николай Николаевич Команов и лейтенант Александр Степанович Караулин.

Новые иксы

Еще со времен войны разыскивались государственные преступники, изменившие Родине, бывшие полицейские и агенты гестапо. Чекисты искали не только по фамилии, следили год и место рождения, национальность, приметы. Преступник может изменить имя, но лишь до известных пределов убавит или прибавит свой возраст, вряд ли изменит свои национальные черты. Да и общие приметы — рост, цвет волос, глаз, форма черепа, ушей — со временем не меняются.

Чем-то заинтересовала фамилия Карпавичюс. Карпов — Карпавичюс. А дальше? Владас сын Ионаса — Владимир Иванович. И год рождения у обоих 1920-й. Вот только Карпавичюс родился в Алитусе. Но и Карпов — не уроженец Каунаса... Да и не Карпов он вовсе! Значит...

Значит, проверка и еще раз проверка.

Это мы с вами, читатель, знаем сейчас, что Карпов и Карпавичюс одно и то же лицо. А тогда чекисты только могли предполагать, выдвигать версии и тщательно их проверять. И — добавим — исключительно осторожно. За Карповым вели наблюдение, не спускали с него глаз. Забегая вперед, скажу, что за полтора (!) года Карпавичюс решительно ничего не заметил и арест явился для него полной неожиданностью.

Первым делом достали плохонькую фотокартонку Карпова (другой не было) и послали ее в Вильнюс. Ответа ждали с нетерпением.

А в Литве между тем происходило вот что. Майор Кохалев, к которому сразу попало это дело, выехал в Алитус, уютный зеленый и необычайно разросшийся после войны город. Именно здесь жили очертания предательства Карпавичюса, многие знали его в лицо. Жили здесь также брат и сестра Карпавичюса. Но к ним Кохалев пока не обращался.

По присланной с Сахалина фотокартонке вместе с другими такого же формата предложили свидетелям опознать Карпавичюса. И тут Кохалева постигло разоча-

рование. Только двое, после долгих колебаний, неуверенно показали на Карпова. Остальные сказали, что не знают никого, а один даже показал на карточку неизвестного мужчины, утверждая, что это и есть Карпавичюс.

— Как же! Я хорошо помню, это он, вот и прическа... — волновался свидетель.

— Хорошо, — сказал Кохалев. — Спасибо. Идите.

„Скрытая камера“

Семен Игнатьевич написал на Сахалин: нужны более четкие фотографии, и желательно ранних лет.

Подполковник Шершнев понимал сомнения своих литовских коллег. 25 лет назад, когда свидетели в последний раз видели Карпавичюса, он был молодым, энергичным полицейским. Сейчас это был вялый, обрюзгший, пожилой человек.

Александр Семенович вызвал к себе Ахматова.

— Вот что, Лутфулла Абдуллинович, нужно достать приличное фото Карпова. Может, кого из старых лагерных друзей его найдешь. Подумай... а я тут в одно место позвоню.

И Шершнев попросил коммутатор соединить его с больницей.

Там в это время Карпов лежал с какой-то болезнью.

Врач городской больницы Вадим Иванович Правоторов согласился по просьбе Шершнева сфотографировать больного Карпова. Впрочем, подполковник не скрывал, в чем подозревается Карпов, и Правоторов готовился к съемке как к ответственному заданию. Вначале он пробовал фотографировать незаметно, из окна двора, где прогуливались больные. Но Карпов, будто чувствуя невидимую опасность, в нужный момент или наклонял голову, или скрывался за чужими плечами. Этот «скрытый камеры» явно не давал Правоторову. Тогда он пошел в отпрытую. Однажды в кабинет, где врач осматривал Карпова, вошел оживленный Правоторов с фотоаппаратом.

— Анна Алексеевна, извините, пожалуйста, но мне нужно сделать несколько снимков для нашей стенной газеты. Знаете, скоро начальство приедет, так чтоб было что показать... Вы уж встаньте так, чтобы и вас и больного было видно. Вот

так... Хорошо... Еще раз... Еще... Больной, не отворачивайтесь, смотрите в камеру... гм-м, гм-м, то есть на меня...

Карпов мрачно поворачивался, а Правоторов все щелкал и щелкал.

— Не было вам неприятно, Вадим Иванович? — спрашивал позднее я. — Ведь вы знали...

— Я смотрел в его глаза, от взгляда которых когда-то ежились люди, и испытывал странное чувство: что вот я о тебе все знаю, что ты гад, полицейский, убийца, а ты и не догадываешься, о чем я думаю. — А о чем вы думали?

— Такие же, как он, предатели и фашистские прихвостни расстреляли во время оккупации моих близких. Только это на Дону было... Их уже нет, а он — живой — передо мной сидит со своими болезнями, которые я должен лечить.

Правоторов постарался, сделал снимки и в фас и в профиль, для опознания очень удобные. К тому времени на столе подполковника лежала старая, пожелтевшая фотография. На ней были изображены трое.

— Это они сразу после освобождения из лагеря, — рассказывал Ахматов, — сфотографировались. В 1953 году. На вечную, так сказать, память. А парень-то этот ничего, сговорчивым оказался. Сообразил что к чему и обещал молчать. Я, говорит, патриот.

— Ну и спасибо твоему патриоту. Посмотрим, что нам теперь из Литвы скажут.

Ответ пришел быстро. Кохалев сообщал, что все свидетели с полной уверенностью опознали в Карпове Карпавичюса. «По губчику признали», — добавлял к официальному письму Кохалев.

Шершнев знал и другое: совпала еще одна особая примета. У разыскиваемого Карпавичюса отмечались на затылке рань от фурункулов. Были они и у Карпова...

И тут у сахалинских чекистов начались неприятности довольно неожиданного свойства.

Переговоры с местным

Их «подопечный» пьянствовал напропалую и похмеляться имел привычку один-два дня. Прогуливал. Рабочие с недоумением видели, что мер к Карпову не принимают и чуть ли не покрывают его. Соб-

рали местком, решили просить администрацию уволить Карпова. Начальник треста сразу же позвонил Шершневу: «Как быть?»

— Поговорите с месткомом, убедите, что, может, он еще... человеком станет. Нельзя, понимаете, чтобы он уволялся. Вздумается ему куда-нибудь уехать... Найдём, конечно, но ведь время...

Местком уговорили. Но угроза увольнения висела над Карповым, а заступаться за него никто не хотел. У Карпова не было друзей. И дело тут не только в скрытном и замкнутом его характере. Даже после изрядной доли выпитого он не открывал рта, чтобы, не дай бог, не болтнуть лишнего. Однажды только обронил: «Всю жизнь за мной чекисты гонялись». Это отнесли к тому, что около десяти лет он сидел в лагерях. Лишь позднее стал ясен истинный смысл этой фразы. Карпов был неприятен своей нечистоплотностью и чем-то еще таким, что трудно объяснить, но что всегда отталкивает людей добродушных и жизнерадостных. Даже больше. Водитель Лев Б., несколько лет знавший Карпова по работе, рассказывает, что в лице Карпова, когда он был возбужден, появлялось что-то садистское, зверское, а если дело доходило до драки, то он поспешно отступал, бормоча: «Убить могу!»

Всему приходит конец, и из Литвы пришло известие: «Вылетаем». Необходимый материал был собран, и на основе нескольких свидетельских показаний литовские чекисты получили санкцию прокурора на арест Карпавичюса.

„Привет“ из Алитуса

В Оху Кохалев с товарищем прилетел в субботу. Хотели брать Карпавичюса сразу же, но... он был пьян. В воскресенье «состояние» его не улучшилось. «Вот ведь сволочь! — как чувствует», — говорили чекисты.

...Услышав «привет» из Алитуса, Карпавичюс мог заговорить только часа через три. Пытался тихо лепетать, что он Карпов, будто надеясь на что-то. Ему показали материалы опознаний, напомнили о матери...

— Да, я Карпавичюс.

Голос дрожал, глаза бессмысленно уставились в пол. Первый протокол допро-

са он так и не смог подписать: потные трясущиеся пальцы не держали ручку.

Он еще не знал всех предъявленных ему обвинений и, как бы боясь того, что мог услышать, торопился говорить:

— Да, я Карпавичюс, служил в полиции, но никого не предавал, не убивал, просто служил...

На первый раз этого было достаточно.

Вызвали сожительницу Карпова, чтобы она принесла ему одежду попримичнее. Но дома ничего не оказалось, пришлось покупать в магазине. Вечером принесла. Карпавичюс с сомнением поглядел на узконосые туфли, оставил их в сторону: «Что я, пижон какой!»

Сожительница спросила:

— Да за что тебя? Нахулиганил поди...

— Да нет, Нина.

— Ты же пол не докрасил.

— А вот съезжу в одно место и приеду докрашу.

Верил ли он сам в благоприятный для себя исход дела? И да и нет. Слишком уж неожиданным был для него арест. Впрочем, таким ли уж неожиданным. Многие годы он жил в постоянном страхе перед разоблачением.

Довольно быстро Карпавичюс освоился и повел себя самоуверенно. Кохалев знал, с кем имеет дело. Перед ним сидел матерый преступник, который прошел десятилетнюю тюремную «школу», да и служба в «саугумас» научила его, как вести себя на допросах. Он хитрил, изворачивался, требовал очных ставок, новых доказательств. А когда его припирали к стене, применял не очень умный, но единственный, как ему казалось в его положении, метод: он ничего не помнил.

«Ражанаускаса? Нет, не знал». «Марчюлайтис? Первый раз вижу!» «Я бил эту женщину? Не помню». «В Вильнюсе резидентом? Да я вообще там не был».

— Карпавичюс, вам предъявляется подписка, отобранная у вас Департаментом безопасности. Это ваша подпись?

— Подпись? Нет, экспертизы не надо! Моя... подпись.

— Когда, где, при каких условиях?

— Не помню.

— Вот же стоит: Вильнюс, 25 августа. Домашний адрес... Значит, вы были в Вильнюсе?

— Да... нет. Наверно, бывал... Но не в это время.

— Когда же?

— Не помню.
И вдруг он решил кое-что «вспомнить».

„Придется извиниться“

Он... жалуется на своего начальника Симонавичюса, который шантажировал его книгой-списком разыскиваемых гестапо советских активистов. Симонавичюс даже бил его за то, что он попал в эту книгу. Он действительно был активным комсомольцем... За ним даже охотились. Вот только книжку трудно, наверно, найти.

— Нет, почему же, — говорит следователь. — Раз вам так хочется, мы вместе прочитаем эту книжку. Вдруг вы и правда «активный». Придется извиниться...

Карпавичюс чувствует иронию и настораживается. Кохалев достает книжку (пригодилась-таки!), листает, зачитывает.

— Да, действительно Карпавичюс В. И. Карпавичюс встrepенулся.

— Владас сын Ионаса. Может быть, опечатка?

Карпавичюс кивает: «Да, да, опечатка!»

— Значит, бил вас Симонавичюс? Даже, говорите, в подвал Алитусской охраныки садил?

— Да, да...

— И все-то вы врете, Карпавичюс! Книжка издана в сентябре 1942 года, когда вы были уже в Вильнюсе, без Симонавичюса. Имена в этом списке принадлежат честным людям, а вы пользовались книжкой, когда рыскали по адресам советских патриотов!

В то июльское утро 1942-го...

Алитус был взбудоражен. Три дня продолжался здесь процесс над подлым убийцей и провокатором. Когда говорили свидетели, переполненный зал молчал, как будто мысли всех унеслись туда, где по-

хоронены десятки тысяч алитусских граждан. В массовых расстрелах участвовал и Карпавичюс. На его совести смерть четырнадцати лучших сынов Литвы, гибель бесстрашных патриотов Алексаса Ражанаускаса и Феликсаса Ундериса. Десятки людей на всю жизнь запомнили «встречи» с Карпавичюсом. Каждая такая встреча оборачивалась для них кровью и страданием. В Алитусе мы пришли на квартиру к Адель Марчюлайтис. Старая женщина обхватила руками голову и заплакала от воспоминаний. Горе, которое принес в ее дом предатель, и сейчас в ней. В то июльское утро, когда полицаи во главе с Карпавичюсом ворвались в дом, она держала на руках трехлетнего сына. Они заставили Адель вместе с сыном подняться на чердак, лезли за ней и стреляли в темноту чердака из автоматов. С тех пор сын тяжело болен. Он и сейчас, по виду крепкий двадцативосьмилетний парень, лежит в психиатрической больнице.

А для Карпавичюса убийство и насилие было работой будничной, повседневной, за которую платят деньги. Так может ли он вспомнить всех! И этого мальчика! И эту старую, поседевшую еще в молодости женщину.

Но люди помнят его. Как помнят других убийц из Алитусского «саугумаса». Виниас Юралавичюс, Леонос Пранцкевичюс, его брат Зенонис Пранцкевичюс, бывшие полицаи, скрылись от народного гнева в США. Имена их навеки покрыты позором!

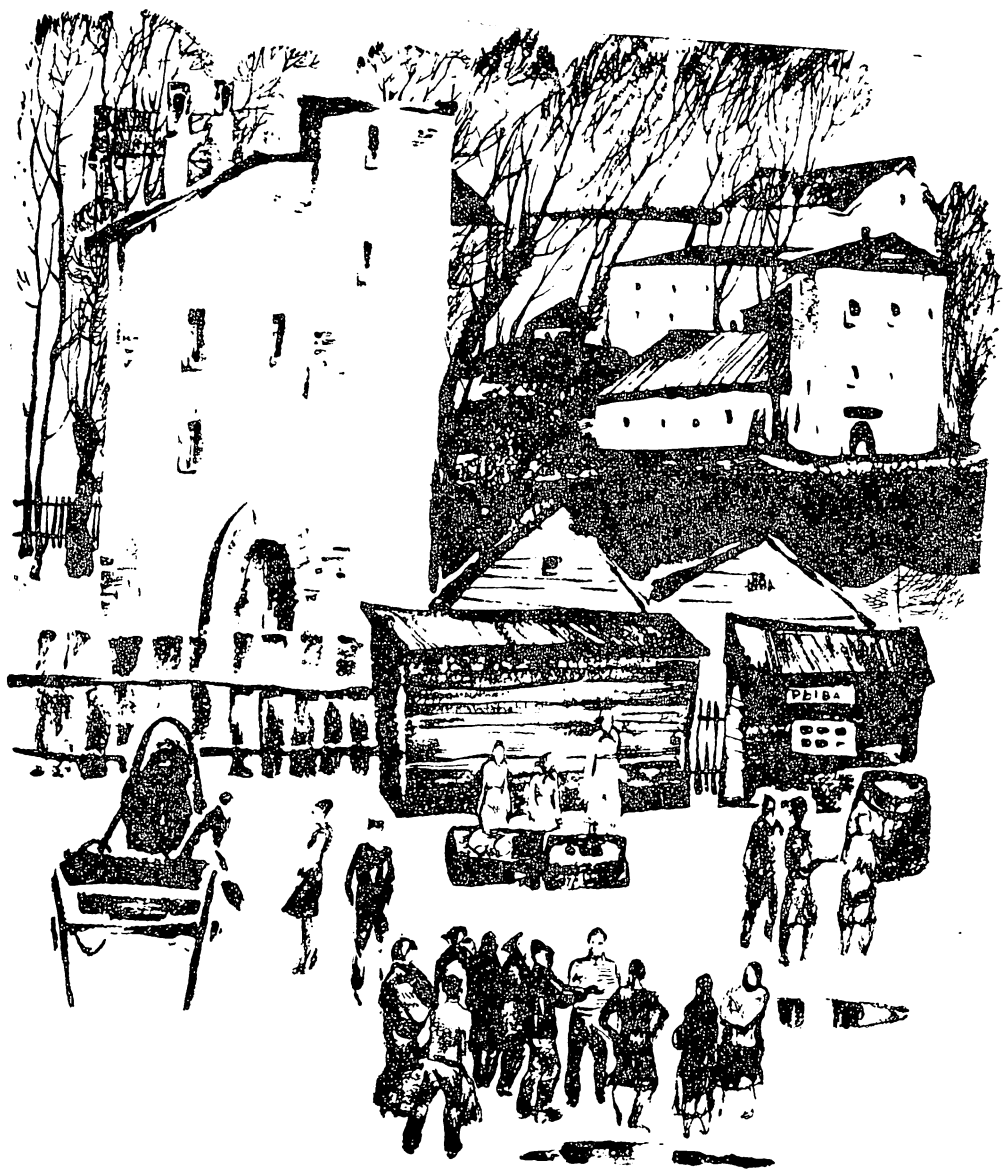
Народ чтит память героев. Первая улица в новом микрорайоне Алитуса была названа именем А. Ражанаускаса.

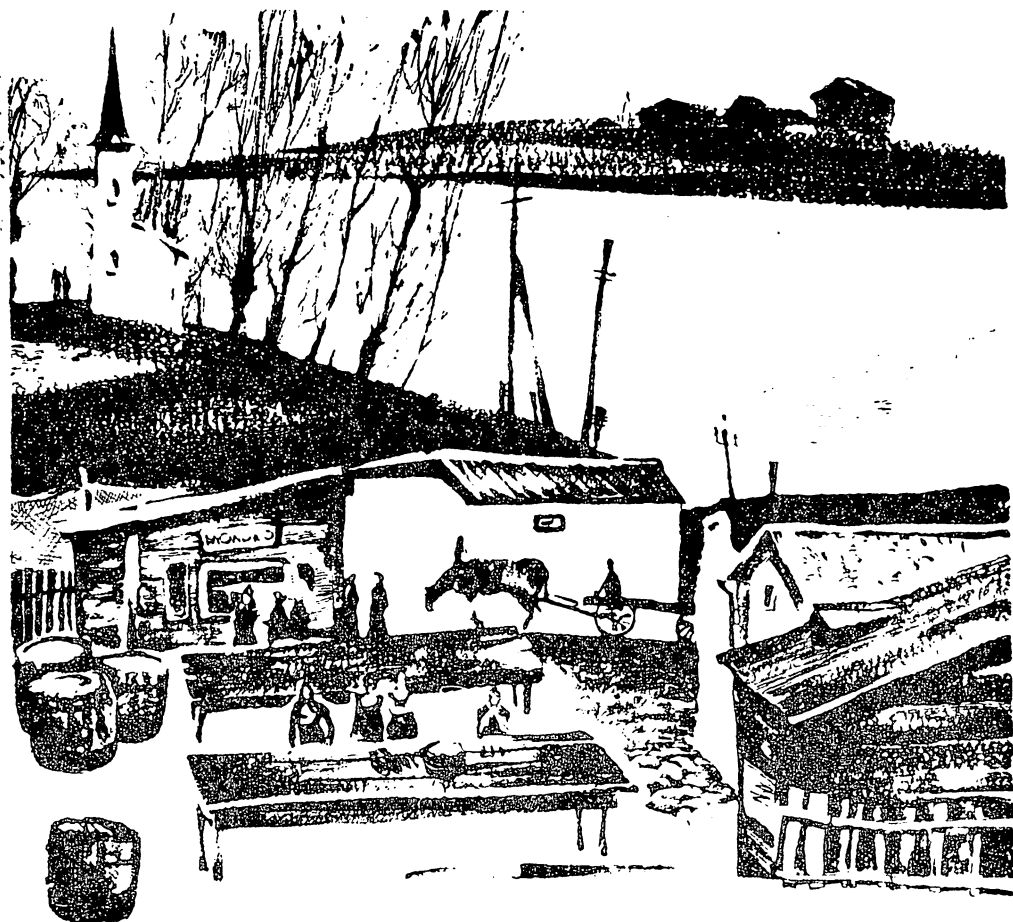
Народ клеймит ненавистью предателей. Суд приговорил Карпавичюса к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Возмездие свершилось.

Южно-Сахалинск — Оха — Вильнюс — Алитус — Южно-Сахалинск.

А. Морской

е 2 — е 4

Петушок поступает на службу

Пашке Злобину, больше известному в уголовном мире под кличкой Петушок, в этот день явно не везло. Просадив в «очко» почти всю свою «валюту», он вечером забрел к знакомой — Аньке-самогонщице да так и остался у нее. Наутро с похмелья разламывалась голова. Но дать водку в кредит Анька наотрез отказалась.

— Иди, иди! — кричала она. — Ишь какой умник выискался — в долг!.. Знаю я таких должников.

Очутившись на улице, Петушок направился к рынку. Был уже десятый час, и покупателей у прилавков оставалось совсем мало. Только в дальнем углу, у мясного ряда, Пашка увидел очередь. Дважды он осторожно приближался к толпившимся у весов людям, цепким, оценивающим взглядом приглядывался к покупателям. Нет, подходящего «улова» не было.

А боль не унималась. И тогда Петушок решился на отчаянный шаг. Зайдя с другой стороны прилавка, он подскочил к тетке, торговавшей мясом, выхватил из оттопыренного кармана передника комок рублей и кинулся прочь. Перепрыгивая через прилавки, раскидывая по сторонам людей, Пашка слышал за спиной крик:

— Ратуйте, люди добри! Хватайте цього чортяку!

Пашка выскочил на привокзальную площадь и бросился к большому кирпичному дому. Там проходной двор — и, значит, спасение. А на площади уже заливался милицейский свисток. Не оглядываясь, тяжело дыша, подгоняемый страхом, Петушок нырнул под арку проходного двора и тотчас оказался в чьих-то сильных и цепких руках...

— Цыц, если жить охота, — пригрозили ему и толкнули под лестницу. Еще не успев прийти в себя и осознать, что же все-таки случилось, он услышал совсем рядом шум погони.

— Гражданин, вы не заметили, куда скрылся вор? — обратился милиционер к стоявшему у парадного мужчине.

— Туда, — показал тот ему. — Двор ведь у нас проходной.

— Ну что, паря, напугался? — ухмыльнулся державший Петушка. — Как там,

Леня, порядок? — осведомился он у второго мужчины.

— Порядок, — довольно ухмыльнулся тот, кого назвали Леней. — Но выходить пока повремени.

Глаза Петушка постепенно привыкали к царившему в подъезде полумраку. Он сумел разглядеть, что мужчины чуть постарше его, хорошо одеты и, видно, только что побывали в парикмахерской — от обоих пахло одеколоном.

— Чего вам от меня надо? — оправившись от первого испуга, Пашка попытался вырвать свою руку.

— А ты не торопись, — с угрозой сказал ему мужчина. — Как там на горизонте?

— Чисто.

— Вот теперь, паря, и побеседуем. — Мужчина отпустил Петушка. — Только не вздумай шутить. Слышишь? От нас не уйдешь. Выкладывай, кто такой, где живешь?

— А вы сами-то кто? — заартачился Злобин.

И в тот же миг неуловимым ударом в живот Старшой, как успел окрестить его Пашка, свалил Петушка на пол.

— Попробуй только пикнуть — на тот свет отправим! Вставай и отвечай! — приказал он.

Узнав немудреную Пашкину историю, оба многозначительно посмотрели друг на друга и отошли в сторону.

— На ловца и зверь бежит, — тихо проговорил Леонид. — Твое мнение?

— Был бы зверь, а то... — пренебрежительно махнул в ответ ему Старшой. — Но нам ведь не персидский принц нужен.

— ...так что потолкуем?

— Давай! Куда ему деваться.

— Вот что, Паша-Петушок, — сказал Леонид твердо, — ты нам подходишь. Берем тебя на службу, не пыльную, но денежную. Мы, друг, как ты, наверно, уже догадался, тоже не в ладах с уголовным кодексом. Но по мелочам не работаем. А служба у тебя будет совсем не трудная, вроде адъютанта или порученца по особым делам. Но о службе потом, а сейчас надо бы где-то приземлиться, переодеть тебя, привести в божий вид. Может, у тебя есть где-нибудь на примете хата, да без любопытных хозяев?

— Найдется. Можно к Аньке-самогонщице. Только без «валюты» с ней пустой номер.

— Чего-чего, а этого добра нам хватает, — Старшой подкинул на ладони туго набитый бумажник. — Для начала держи червонец, товарищ адъютант.

Ночной гость

Утром генералу Захарову передали только что полученную радиограмму с Украины. Четырехмоторный самолет ночью на большой высоте нарушил государственную границу, углубился на советскую территорию, прошел над несколькими городами и спустя 30 минут покинул воздушное пространство Советского Союза.

Генерала Захарова беспокоил визит «ночного гостя». За последнее время участились случаи нарушения границы самолетами, летающими на большой высоте. Не вызывала сомнения и их принадлежность. Но после каждого такого случая в ответ на ноту Советского правительства американцы присылали стереотипное объяснение: вышли из строя приборы, позволяющие точно определить его местонахождение. Но в данном случае ссылка на ошибку была бы просто неуклюжей. Трассы обычных полетов американских самолетов над Европой проходили гораздо южнее.

— Значит, не совсем случаен этот визит? Как ваше мнение, Илья Петрович? — Генерал встал из-за стола, вместе с полковником Роговым они подошли к карте.

— Думаю, что не случаен. Наши товарищи уже начали оперативную работу в районах, над которыми пролетел самолет. Вероятность выброски агентов не исключена. Но где именно, трудно пока сказать.

— Прошу вас, Илья Петрович, сегодня же вылетайте. Лично возглавьте операцию. И почаще информируйте меня о своей работе. Ну, как говорится, ни пуха ни пера!

Фирма мелочами не интересуется

Шутить со своими новыми друзьями Пашка не собирался. Стоило вспомнить ему подъезд, как сразу же начинало ныть где-то под ложечкой. А в том, что Ванек и Леонид «по мелочам» не работают, он убедился у Аньки-самогонщицы...

Бойкая, развязная вдовушка сразу же, как только Петушок привел к ней новых постояльцев, смекнула, что тут пахнет солидным кушем.

Старшой, весело подмигнув ей, представился:

— Иван, сын собственных родителей. И, ежели интересуется, в данный момент холост. А это мой кореш, прошу любить и жаловать — Леонид. По женской части придерживается тех же взглядов, что и я. Давай, хозяйюшка, на стол все, что есть в хате. В накладе не будешь.

Пока Анька хлопотала возле стола, Старшой забавлял ее анекдотами. В самых «соленных» местах Анька неприлично хихикала, изображая смущение. Но, судя по всему, гости ей понравились. На стол кроме запотевшей бутылки с самогоном она поставила новость куда взявшуюся бутылку армянского коньяка.

Пировали допоздна. Несколько раз Иван и Леонид выходили по очереди во двор и, убедившись, что никого поблизости нет, возвращались к столу. Пашке то и дело подливали в стакан, дружески хлопали по спине: «Гляди веселей, Петушок, с нами не пропадешь! Мы, брат, с тобой большие дела делать будем». Злобин сначала все порывался спросить, какие это дела, а потом, захмелев, забыл обо всем, полез целоваться к обоим, стал похваляться перед Анькой: «Во какие у меня фартовые кореша!» — совал ей мятую кучу рублей.

Пашку мутило — перебрал сверх меры. Но когда Иван стал укладываться спать, вдруг заметил: под подушку он положил пистолет. Сразу стало жарко, и хмель прошел.

Старшой перехватил Пашкин взгляд.

— Что, цыпленок, углядел пушку? Знай — мелочами фирма не интересуется. И запомни: теперь ты с нами одной веревочкой связан. — В его голосе прозвучала угроза. — Ляжешь спать с Ленькой, а утром о работе разговор будет.

Всю ночь Пашке снился страшный сон: как будто милиционер водил его по улице со связанными руками. А на груди бирка: «Фашист».

Но и утром Старшой не спешил начать обещанный разговор. Дав Леониду какие-то наставления, он остался с Пашкой за столом, на котором, как и вчера, красовалась так и нетронутая бутылка коньяка. Анька хлопотала на кухне. Слышно было, как, шипя, поджаривалось сало.

— Отличная вещь армянский коньячок! — философствовал Иван. — Говорят, сам Черчилль ничего другого в рот не берет. Утром, значит, стаканчик. В обед — еще один, а третий — вечером. Вот и мы его примеру последуем.

Иван разлил коньяк по стаканам. Один придвинул хозяйке.

— Поехали! Двум смертям не бй зть, а одной не миновать. За процветание нашей фирмы!

Вскоре вернулся Леонид. Вывалил на кровать кучу свертков.

— Получай, «адъютант», новое обмундирование.

В пакетах было шмутье: костюм, рубашки, коричневые, в тон костюму, туфли, светло-серый дорогой макинтош и такого же цвета велюровая шляпа.

Заставили Пашку переодеться.

— К зеркалу подойди. Полюбуйся на себя. Красавец парень! — сказал, скрывая иронию, Леонид. — Походи, пообвыкни.

На улицу вышли втроем, пообещав хозяйке к вечеру вернуться.

— Вот теперь, когда чужих ушей нет, и о работе потолкуем, — взял Злобина под руку Иван. — Служба у тебя сегодня начнется. Тут неподалеку, потом место узнаешь, чемоданчик мы припрятали. Нельзя нам с ним по городу ходить, хоть и неприметный он. Там наши инструменты. Пока что они нам ни к чему. А вот в другом городе понадобятся. Леня тебе место сейчас обрисует. Возьмешь ящичек — и делу конец. Темнить начнешь — башку оторвем, из-под земли достанем, понял?

— Чего уж не понимать, дело известное — я еще вчера понял — «медвежатники» вы... — Пашка самодовольно осклабился.

— Молодец, догадливый, — похвалил Иван. — А дело наше и впрямь рисковое, но стоящее. Запомни: возьмешь чемодан и приедешь с ним в Ростов. Нас не ищи, устраивайся где хочешь, лучше ужого-нибудь, кто тебя не знает. Встретимся в пятицу у вокзала. Справа от киоска с газводой, у фонарного столба. Первым не подходи, сами заметим. И вот еще что: если, случаем, попадешься, ты нас не знаешь, а чемодан на вокзале подобрал. На расходы держи три «косых». — Иван дружески хлопнул Петушка по плечу: — С нами не пропадешь!

Задание Пашке казалось пустяковым. И он поспешно спрятал деньги в карман.

Три парашюта в Ивановском лесу

С группой контрразведчиков и специалистов радиолокационной службы полковник Рогов тщательно изучил маршрут полета неизвестного самолета. По указанию Рогова особое внимание было сосредоточено на западных областях республики. Сотрудники МГБ и пограничники, работники милиции и военнослужащие частей военного округа в тот же день начали поиск во всех районах. Вскоре было получено сообщение: в Ивановском лесу обнаружены три парашюта. Экспертизой установлено — парашюты американского производства. Следы нарушителей границы терялись у полотна железной дороги.

Волшебный ящик

Пашка без особого труда отыскал место, где лежал присыпанный землей под корнями раскидистого дерева чемодан с инструментами «медвежатников». Захваченная им из города короткая саперная юпатка была теперь ни к чему, и он закинул ее в яму, а сверху набросал камней.

Где-то рядом затрещали сучья. Злобин испуганно отшатнулся, спрятался за ствол дерева. Тревожно и гулко забило сердце. Треск приближался. «Бежать!» — промелькнуло у него в голове. Забывшись в самую чащу, он осторожно выглянул и не сдержался, чтоб не выругаться вслух. На поляну выскочил дикий кабан. Дождавшись, пока он скроется, Пашка вернулся к дереву и склонился над лежащим на земле черным чемоданом.

«Медвежатники» предупредили еще в городе:

«Не смей открывать», — но Злобину не терпелось заглянуть в «волшебный ящик».

Замок не поддавался. Пашка, разозлившись, пробовал отпереть его тонким лезвием ножа или хотя бы приподнять крышку, но ничего не получалось. Убедившись, что все усилия тщетны, он подхватил увесистый чемодан и решительно зашагал по лесной тропинке.

...Пашкина служба и впрямь оказалась не львиной, но денежной. «Подумаешь, много ли делов — привезти чемодан в Ростов?» А в кармане пиджака Злобина ле-

жала тугая пачка денег. Возвращаясь в город, он снова пересчитал их: три тысячи. Давно уже у Пашки не было такой суммы. «Вот где можно разгуляться!» И два дня он, не расставаясь с чемоданом, гулял. Пил самогон у Аньки и небрежно швырял сотни официантам при вокзального ресторана. С компанией своих дружков весь день просидел в закусочной на базаре...

Пашка пришел в себя лишь тогда, когда в кармане оставалась какая-то мелочь. И ужаснулся. Как же доберется он до Ростова? Где взять деньги на билет? Братся за старое ему не хотелось, да и Старшой дал наказ: «Не смей больше по мелочам работать!» Остался только один выход, и он решил им воспользоваться.

В четверг днем долговязый парень лет двадцати, с торчавшим на голове непослушным вихром, за что и прозвали его Петушком, предлагал на рынке макинтош.

— Выручайте, мужики, на билет не хватает. Задешево отдам, — торговался Пашка и не заметил, как протолкалась через толпу та самая тетка, да еще с милиционером. Как обухом по голове:

— Ваши документы, гражданин!

Злобин попробовал возмутиться, но, увидев тетку, притих и молча полез в карман.

— Пройдемте, гражданин, — не возвращая паспорта, строго предложил милиционер. — А чемоданчик чей? Ваш?

— Мой, — с вызовом ответил Пашка.

Шагая вслед за милиционером, он обдумывал, что скажет. Торговка могла и перепутать его с кем-то другим. Пусть попробует доказать! А макинтош его собственный. И нечего ему «шить»! Зачем продавал? Кому какое дело! И только потом он сообразил: а что, если откроют чемодан? В милиции поймут, для какой цели нужны инструменты. А он сгоряча сболтнул — «мой»...

Так оно и случилось. Не будь чемодана, Пашка, быть может, на сей раз и выкрутился бы. Но лейтенант, к которому его привели, потребовал сказать, что в чемодане.

— Слесарь я, — угрюмо ответил Петушок. — На работу в Ростов еду. Вот и прихватил с собой инструмент.

— Откройте, — предложил лейтенант.

Пашка пошарил по карманам и, сделав вид, что не нашел ключа, растерянно развел руками:

— Потерял, наверное... Маленький та- кой. Вот здесь лежал...

— Ну что ж, попробуем сами открыть. Молодцов, действуйте!

Молодцов, как видно, был специалистом в такого рода делах. Не прошло и минуты, как замок щелкнул и верхняя крышка отскочила.

Обалделыми глазами Пашка глядел на чемодан. Внутри лежала портативная ра- ция.

В пятницу у вокзала...

Только в самолете Злобин наконец смог подумать спокойно о том, что произошло с ним. Из памяти не шел тот случай на базаре. Уж лучше бы поймали его тогда, чем влопаться в такую историю. Дешево же купили его те двое! «Медвежатники», «...Фирма мелочами не интересуется», «Будешь грести деньгу лопатой...» Вот и загреб...

Лейтенант милиции, увидев содержимое чемодана, сразу же сообразил, что тут пахнет совсем не кражей и, пожалуй, дело это вовсе по другому ведомству. Петушка препроводили в горотдел госбезопасности. По телефонам уже связывались с Киевом и Москвой, предупреждали Ростов, а Пашка в который раз рассказывал чекистам все, что знал о своих новых зна- комых. Не утаил он и места встречи, на- значенной ему в Ростове.

Прибывший из Москвы генерал Захаров с группой офицеров центрального аппара- та принял решение немедленно, на том же самолете вылететь в Ростов. До встре- чи у вокзала оставалось несколько часов.

Откинувшись на мягкую спинку кресла, генерал по старой привычке чертил схему на пачке «Казбека». Ивановский лес... Три парашюта (значит, агентов было трое). Карандаш изобразил на коробке три круж- ка. Злобин утверждает, что «медвежатни- ков» двое. Нарисовав что-то похожее на дом, он подписал «Ростов» и поставил два крестика и рядом вопросительный знак. «Не приятели ли это «Владимира»?—поду- мал генерал.

— Илья Петрович, — обернулся Захаров к Рогову. — Сразу же после приземления еще раз предупредите все управления. Особенно в пограничных областях. Возмо- жен прорыв. И позвоните в Баку. Куроч- кин нам понадобится для очной ставки.

...На транспаранте в пассажирском сало- не вспыхнули слова: «Не курить! Пристег- нуть ремни!»

В аэропорту их уже ждали. Две «По- беды» подкатили к самому трапу. В одну из них сели Захаров и два офицера, в другую — Рогов, Злобин и встретившие их ростовские чекисты. Илья Петрович взгля- нул на часы.

— Времени у нас вполне достаточно. Поезжайте не спеша к железнодорожно- му вокзалу, — попросил Рогов водителя.

Стрелки на вокзальных часах показыва- ли восемь. На площади уже зажглись фо- нари. У киоска с газированной водой сто- яла очередь.

Пашка внимательно вглядывался в лица людей, толпившихся у киоска. Нет, здесь «медвежатников» не было.

Синяя «Победа» развернулась и, поко- лесив по переулкам, снова выехала на привокзальную площадь.

— Внимательней, Злобин, вниматель- ней! — строго приказал Рогов. — Помните, от этого зависит и ваша судьба.

Зажатый на заднем сиденье между че- кистами, Петушок вдруг молча тронул за рукав сидевшего рядом с шофером Ильё Петровича... И тотчас отдернул руку.

— Нет, показалось... Тот вроде бы; одет был иначе...

— Где? — повернулся Рогов.

— Вон там под деревом...

«Победа» проехала совсем рядом с муж- чинной в светлом плаще, расположившем- ся на скамейке в тени дерева. Злобин из- за плеча чекиста еще раз посмотрел на мужчину и совсем тихо сказал:

— Он... Ну тот, который Ленька...

Рогов жестом отдал команду. Машина свернула за угол. Стукнула дверца. Из «Победы» вышел на тротуар один из си- девших рядом со Злобиным.

С этой минуты, куда бы ни направился мужчина, ожидавший Пашку, каждый его шаг был под неослабным контролем. Арес- товывать «медвежатников» не торопились. Нужно было прежде узнать, что собира- ются они делать в Ростове, есть ли у них явки, как отнесутся оба к тому, что в ус- ловленный день и час «адъютант» не явил- ся.

Еще на первом допросе Злобин сооб- щил, что Старшой предупредил его — в случае, если встреча в назначенную пят- ницу не состоится, он должен быть на вокзале через два дня на том же месте.

Старый знакомый

Можно было взять машину, но Джарвис предпочел отправиться к отцу Владимиру пешком. В этот предвечерний час улицы Тегерана становились более оживленными, чем днем. Жара спадала. И, словно устав ото сна, город пробуждался к жизни.

Джарвис нарочно избрал самый дальний путь к дому архимандрита Владимира на улице Рузвельта, чтобы еще раз подумать о разговоре, который ему предстоял. В иранской столице Джарвиса знали как представителя одной из английских фирм. Только британской секретной службе «Интеллидженс сервис» было известно, кем он является на самом деле. И если бизнесмен Джарвис не отличался солидными познаниями в коммерческих делах, то профессиональные качества разведчика Ричарда Джарвиса котировались значительно выше. Правда, в последнее время положение его заметно изменилось к худшему. Лондон выражал явное недовольство его работой. Источники информации оставались крайне скудными, да и новыми агентами, завербованными на службу «Интеллидженс сервис», он не мог похвастаться.

Сегодня утром Джарвис получил шифровку. Для школы английской разведки нужны люди, хорошо осведомленные о Советском Союзе и знающие русский язык. Желательно из «перемещенных» или переребечиков. Есть ли у него кандидатуры? Прочитав депешу, Джарвис мысленно выругался. Ох уж эти лондонские чистоплюи! Сидят себе в тиши кабинетов и представляют, что по Тегерану толпами ходят жаждущие стать британскими разведчиками. Свистни только — и сотни парней наперегонки кинутся в секретную школу, чтобы поскорее отправиться в Россию, где их ждут захватывающие приключения, жизнь, полная романтики, и табуны девиц, жаждущих их ласки.

Ничего нового в полученном задании не было. Джарвис постоянно помнил о новых кадрах для своей службы, но, видно, здорово приперло кого-то там в Лондоне, что ему снова напомнили об этом. Он присел к столу, включил вентилятор, потянулся за сигаретами. Да, но кого же все-таки он может рекомендовать? Открыл сейф, взял несколько папок. По случайному совпадению, верхняя из них оказалась именно той, о которой он подумал, когда читал де-

пешу, — досье Георгия Владимировича Алексеевского.

Джарвис перелистывал странички, испианные аккуратным почерком, и вспомнил все, что знает об этом человеке. Сравнительно молод — родился в двадцать третьем году. Уроженец города Кизляра. Русский. Образование 8 классов. Холост. По специальности радист.

Джарвис подчеркнул последнее слово и перевернул страничку досье.

Обстоятельства появления Алексеевского в иранской столице. 16 июня 1947 года перешел границу. Объяснил, что утерял документы и не мог устроиться на работу. Побег совершил дерзкий. Пробравшись на пограничную станцию Макмутлы в Азербайджане, кинулся в Аракс и под водой переплыл на иранский берег. Около год перебежчик был в заключении в Тегеране Хурамбаде и Исфахане. Познакомился здесь с такими же, как он, изменниками родины Волошановским, Герасимовским, Кошелевым и сыном белоэмигранта Перианского.

Так, так... Август 1948 года. Алексеевский вместе с Волошановским, числящимся уже в списках «Интеллидженс сервис», посетил Джарвиса. Заявил, что, выйдя из тюрьмы, пытался устроиться на работу, однако такой возможности не представилось. Испытывает материальные затруднения. Готов передать за соответствующее вознаграждение сведения об известных ему воинских частях Советской Армии, аэродромах, промышленных предприятиях, а также подготовить «объективный доклад о внутреннем положении».

Расписка: «Я, Алексеевский Г. В., получил 50 туманов...»

Еще одна... новая запись: «Переехал из Тегерана в Исфахан».

Следующие страницы досье Джарвису не было нужды читать. Он и так хорошо помнил, как в начале 1949 года Волошановский привел к нему Алексеевского, вернувшегося в Тегеран. Худощавый, чуть ниже среднего роста, рано начавший лысеть, с испитым, нездорового цвета лицом, он сидел у камина и нервно курил. Разговор был предельно откровенным. Алексеевский «неожиданно» припомнил, что служил в Симферополе в воинской части, совершил несколько краж, попался, был задержан и помещен на гарнизонную гауптвахту. Воспользовавшись плохой охраной, дезертировал. Пробрался в Азербайджан.

жан, пытался выдать себя за демобилизованного из армии, утерявшего документы и желавшего устроиться работать, но, убедившись, что в военкомате собираются подать запрос в его часть, и чувствуя, что его могут вот-вот арестовать, решил бежать за границу.

Держался он развязно, разговаривал цинично.

Предложил Джарвису сведения о части, в которой служил, добавив:

— Разумеется, за определенную мзду. Надеюсь, вы учтете мое положение.

Джарвис «учел». И Алексеевский еще несколько раз встречался с ним. Во время одной из таких встреч Джарвис задал вопрос напрямую:

— С Советской властью вы теперь в ладах. Не хотите ли занять место среди тех, кто сознательно борется против нее? Мы могли бы предложить вам поехать в одну из наших школ.

Алексеевский наигранно весело воскликнул:

— Опять учиться! Впрочем, я, пожалуй, соглашусь. Знаете, как у нас говорят? Учение — свет, а неучение — тьма. — И тут же деловито осведомился: — Какую «стипендию» получают у вас ученики?

— О, вполне достаточную, — заверил Джарвис. — Да и не нужны вам будут деньги. И без них вы будете очень довольны своим положением.

Но предложение его так и осталось несуществленным. В январе 1950 года иранская полиция арестовала Алексеевского. Видно, забыть старое ему было не так-то легко, и он снова совершил кражу.

И вот теперь старый знакомый снова на свободе. Джарвис знает, где чаще всего можно увидеть его. Алексеевского опекает архимандрит Владимир, настоятель мужского монастыря. По совету священника он вступил в антисоветскую эмигрантскую организацию «Высший монархический совет». Руководителя тегеранского филиала ВМС Джарвис встречал у отца Владимира не раз. Дьякону местной православной церкви Е. В. Шишкову одного служения богу было явно мало, и он мечтал о светской власти.

Джарвис оглянулся и, убедившись, что рядом нет прохожих, уверенно нажал кнопку звонка на двери одноэтажного дома, обнесенного невысоким забором. Дверь тотчас распахнулась, как будто его давно уже здесь ждали.

Любимый ход Остапа Бендера

Визит Джарвиса к архимандриту не был неожиданным, хотя все, кто находился в доме отца-настоятеля, и сделали вид, что встреча произошла случайно.

— Мистер Джарвис, как это хорошо, что вы вспомнили о нас! — пропуская высококого сухопарого англичанина с маленькими рыжеватыми коротко подстриженными усиками в комнату, воскликнул архимандрит Владимир. — Вот уж не думали, не гадали!

— Шел, шел и, как у вас говорится, забрел на огонек, — целуя пышную руку матушки, объяснил Джарвис. — Надеюсь, не прогоните старого бродягу?

— Прошу, прошу, — проворковала она, взяв англичанина под руку. — А у нас ведь сегодня еще один гость — господин Алексеевский. Впрочем, вы, кажется, знакомы с Георгием Владимировичем?

— Как же, — улыбнулся Джарвис, — встречались. — И, протянув руку Алексеевскому, дружески поздоровался. — Рад снова видеть вас, Джордж! Вы так неожиданно исчезли зимой, что я, признаться, подумал, не перебрались ли вы в более благодатные края.

— Да, я побывал там, мистер Джарвис, — подерживая игривый тон, продолжил разговор Алексеевский. — Но меня хватило лишь на полгода. Уж очень тосковал по Тегерану, где столько милых и добрых друзей. Не хотите ли партию в шахматы, мистер Джарвис? Я только что сделал подобное предложение отцу Владимиру, но он почему-то не хочет скрестить со мной клинки.

— Что ж, охотно, хоть я и понимаю архимандрита. Вы опасный противник, Джордж, у вас трудно выиграть.

— Тем приятнее будет для вас победа. Алексеевский расставил на доске фигуры, предложил англичанину начать белыми. Джарвис решительно двинул вперед королевскую пешку.

— Ого, — заметил Джордж, — гроссмейстер сделал ход e2—e4. Вы не оригинальны, мистер Джарвис. Если верить классикам литературы, это был любимый ход Остапа Бендера. К сожалению, он не знал теорию и плохо продолжал игру.

— Надеюсь, со мной этого не случится, — холодно ответил Джарвис, не принимая шутку.

— Впрочем, не волнуйтесь. Всегда есть

выход — можно запустить доской в люстру и спастись бегством в лодке, если, разумеется, заранее позаботиться об отступлении.

— Да вы, оказывается, Джордж, поклонник Бендера. Вам так же везет в делах, как и ему?

— Увы, мистер Джарвис, стулья, фаршированные бриллиантами, в наши дни — большая редкость, а тегеранские миллионеры в отличие от небезызвестного гражданина Корейко хранят свои банкноты в сейфах.

Партия закончилась быстро. Алексеевский провел ее блестяще. С первых же ходов он зажал фигуры своего соперника, захватил центр и начал атаку на королевском фланге, отказавшись от короткой рокировки. Джарвис злился, видя неотвратимый конец. На двадцать седьмом ходу он, признавая безнадежность своей позиции, шутиливо поднял руки вверх:

— Сдаюсь на милость победителя!

Алексеевский радостно рассмеялся.

— Послушайте, Джордж, — предлагая сигарету, встал из-за стола Джарвис, — пока хозяйка колдуют на кухне, мне хотелось бы кое о чем поболтать с вами. Помните нашу последнюю встречу? О, рад, что не забыли! Так вот, не желаете ли вернуться к этой теме? Я возобновляю свое предложение. Вернее, оно остается в силе. Ну как, по рукам?

— Полгода — большой срок, мистер Джарвис, — сухо заметил Джордж. — В моем характере многое изменилось. Я стал более рассудительным и хотел бы, не торопясь, обдумать ваше предложение. Отложим сегодня этот разговор.

— Резонно. Вот мой телефон, Джордж. Надеюсь, и дом напротив отеля «Риц» вам чуточку знаком. Так не забудьте, следующую партию начинать вам. Только, пожалуйста, не запускайте доской в люстру!..

В дверях Джарвис чуть не наскочил на отца Владимира. Архимандрит нес на вытянутых руках поднос, уставленный бутылками.

— Куда же вы? — недоуменно посмотрел он на своих гостей. — Сейчас будем ужинать, господа.

— Дела, святой отец, дела! — посторожился, пропуская священника, Джарвис. — Мы мило поболтали с господином Алексеевским, а сейчас я очень тороплюсь. Поклонитесь матушке, — и он направился к выходу.

В игру вступает Стив

Алексеевский сознательно оттянул продолжение разговора с Джарвисом. Он не старался скрыть, что недоволен тем, как с ним обошлись. Будь англичанин чуточку щедрее, не пришлось бы полгода разглядывать небо, разрисованное на квадраты. К тому же в «Интеллидженс сервис» не могли не знать, что с ним случилось. Когда его арестовали, он нарочно упрямил жандармов разрешить ему отдать Джарвису портрет дочери, который брал переписывать.

Англичанин очень удивился, увидев Джорджа в сопровождении такого почетного караула, но расспрашивать не стал, поблагодарил за портрет, вручил 30 туманов Алексеевскому и 20 — конвоирам. «За услугу!..» И все-таки англичане не захотели выручить его. А им стоило лишь пальцем пошевелить — и двери тюрьмы сразу же распахнулись бы. Значит, не так уж он был нужен...

Что ж, есть люди, которые способны лучше оценить его и не скупятся так, как Джарвис.

Отец Владимир говорит, что им интересуются во «Втором бюро». Французская секретная служба прилично заплатила за информацию Алексеевскому. Архимандриту намекнули, что готовы поддерживать этот контакт.

Но, пожалуй, больше перспектив обещает дружба со Стивом. Их познакомил Перуанский, устроившийся переводчиком в американское посольство. Высокий, худощавый Стефенсон с первой же встречи понравился Алексеевскому. Он казался беспечным гулякой, «своим парнем в доску», шумно хлопал по плечу, быстро познакомился с приятелями Джорджа — Волшановским и Кошелевым, водил их в «зачные места», щедро снабжал долларами.

Совсем недавно Стив предложил приятелям прокатиться в Западную Германию. — Вы должны повидать свет, парни; есть фирма, которая поможет вам в этом.

Алексеевский поинтересовался ее названием. И Стив, сразу став серьезным, негромко сказал:

— Си-Ай-Си. Вам что-нибудь говорит это?

Разумеется, они знали, что обозначали три буквы английского алфавита, соединенные вместе. Обсудив предложение аме-

риканца, Алексеевский, Кошелев и Волошановский согласились.

Джарвис не дождался звонка от Джорджа.

Способный ученик

В августе 1951 года в столице Баварии Мюнхене приземлился американский военный самолет, прилетевший из Тегерана. Из самолета спустились по трапу четверо мужчин и сели в подъехавшую к ним машину. Круто развернувшись, черный «мерседес» помчался в город.

В зеркальце Стиву было видно, как на заднем сиденье трое русских с жадным любопытством разглядывают мюнхенские улицы, освещенные нервными всплесками рекламы. Машина пронеслась мимо здания ратуши, свернула в тихую боковую улочку и, проехав еще немного, остановилась у чугунных ворот невысокого дома. Шофер просигналил. Ворота распахнулись, и «мерседес» вкатился во двор.

В неярко освещенной комнате, куда Стефенсон провел трех приятелей, уже стоял накрытый на четыре персоны стол.

— Коньяк, виски, ром? — весело осведомился американец, дожидая, пока все заняли места за столом.

— Я бы предпочел русскую водку, — ответил Алексеевский.

Друзья его согласно кивнули:

— И мы тоже.

— О'кей! — Стив нажал кнопку звонка, свисавшего на длинном шнуре с потолка. На пороге неслышно вырос негр в белой куртке.

— Мои друзья хотели бы водки. И, пожалуйста, побыстрее.

Через минуту он разливал уже в рюмки «московскую».

Ужин затянулся. Отдыхать разошлись ближе к полуночи. Каждому из гостей была отведена отдельная комната. Алексеевский подошел к окну, не зажигая света, молча постоял, задумавшись. Окно выходило в сад. Из-за высоких деревьев рассмотреть улицу было трудно. Он уже собрался лечь в постель, когда распахнулась дверь. Вспыхнул свет. В комнату вошли двое.

— Пойдемте с нами, Алексеевский, — строго приказал один из вошедших. — Торопитесь, у нас нет времени ждать.

Много месяцев спустя он все еще вспо-

минал эту ночь: и ослепивший его свет, и двух мужчин, подхвативших его под руки и как мешок с опилками потащивших в какую-то комнату, погруженную в полумрак. В глубине ее стояла непонятная машина. Оранжево светились лампы, размеренно отсчитывали время часы, жужжали моторы.

«Детектор лжи», — догадался Алексеевский, припомнив рассказы Перуанского о том, как принимают в американскую разведку.

Грудь Джорджа обмотали резиновой гофрированной трубкой, от которой тянулся шланг к какому-то чувствительному прибору, чертившему на бумажной ленте графики дыхания. Правую руку выше локтя перетянули жгутом, присоединенным к аппарату, регистрирующему изменения пульса и давление крови. Провода от третьего датчика тянулись к омметру. В комнате было тихо, неслышно наматывались на три барабана бумажные ленты, испещренные кривыми линиями.

«Проверка на честность» длилась долго. Стефенсон, убежденный, что знает исключительно все о своем подопечном, изумился, услышав неожиданное признание Алексеевского:

— Ваша настоящая фамилия?

— Голубев.

— Имя?

— Евгений.

— Имя отца?

— Георгий...

Пожалуй, Голубев в эти минуты был бы тоже немало изумлен, узнав настоящую фамилию своего шефа. Но Рональду Отто Болленбаху не было нужды открывать подлинное имя.

Уже потом Голубев узнал, что «проверка на честность» не миновали и его друзья. Через три дня Стив отвез всех троих в баварский город Бадверисгофен. Здесь, в одном из тихих, ничем не приметных особняков на окраине, обособившись школа американской разведки.

— Новое пополнение, Болл? — приветливо поздоровавшись, осведомился начальник школы майор Фидлер.

— Вы угадываете мысли на расстоянии, Гарольд, — захохотал Болленбах. — Три пенца для нашего гнезда. Один из них — некий Голубев, советую обратить на него внимание! — обещает со временем стать неплохим ястребом. Способный малый. Отличная зрительная память, прекрасный

слух, умеет ориентироваться в обстановке, знает радиодело (мотайте на ус, Фидлер!) и главное — бешено ненавидит Советскую власть. Обратной дороги для него нет, и он осознает это. Да, чтобы не забыть! Голубев блестяще играет в шахматы, и, помня вашу тихую страсть, Гарольд, предчувствуя, что теперь вечера не покажутся такими скучными, и вы забросите в шкаф свою губную гармошку.

— Посмотрим, — проворчал Фидлер. — Работа прежде всего. Напрасно вы думаете, что мы тут только и делаем, что развлекаемся.

— Полно сердиться, Гарольд. Я ведь просто пошутил.

В тот же день майор Гарольд Ирвинг-Фидлер представил новичков трем курсантам, прибывшим немного раньше. Их тоже было трое — Петр, Борис и Владимир. Курсантам не полагалось носить свои фамилии, и каждого наделили псевдонимом. Отныне Голубев стал Джорджем Мюллером, Кошелев — Леонардом Герцем, Волошановский получил имя Джан Розен.

В противоположность курсантам всех преподавателей полагалось называть русскими именами. Майора Фидлера — Андрей, инструкторов — Всеволод, Алексей, Василий.

Уже вскоре начальник школы убедился в верности прогноза Болленбаха. Мюллер оказался способным учеником.

Прошло еще два дня...

Курочкина привезли из Азербайджана. Он был схвачен в тот самый момент, когда пытался уйти за границу. Операция была проведена превосходно, как оценил ее генерал Захаров. Расставшись вскоре в Ивановском лесу, со своими «коллегам», лазутчик и не подозревал, что по его следам все эти дни шли чекисты. Не выпуская ни на час из поля зрения Курочкина, его незримо сопровождали люди из группы Рогова и помогавшие им сотрудники госбезопасности Азербайджана. Когда никаких сомнений в намерениях шпиона не оставалось, его арестовали.

На допросах Курочкин рассказал все, что знал о школе в Бадагерисгофене, где он известен был под кличкой Владимир, о заданиях, с которыми направила его американская разведка, о тех, кто был выброшен вместе с ним.

Илья Петрович разложил на столе десяток фотографий.

— Подойдите поближе, Курочкин. Посмотрите, кто из них вам знаком.

Владимир отобрал два снимка.

— Вот эти... В школе их называли Герц и Розен.

С фотографий, отобранных Курочкиным, смотрели «медвежатники».

— С каким заданием заброшены Герц и Розен? Их настоящие фамилии?

— Настоящих фамилий не знаю. Задание, думаю, такое же, как и у меня, — собирать данные о дислокации воинских частей, аэродромах, любыми путями доставать подлинное советские документы, вербовать агентуру... Но точно сказать не могу — нас инструктировали перед вылетом отдельно.

— Когда в последний раз вы видели всех курсантов своей школы?

— В февралю... На выпускном вечере... Перед отъездом Джордж Мюллер выступил перед нами с речью.

— О чем говорил Мюллер?

— Призывал активно бороться с Советской властью, благодарил инструкторов и начальника школы.

— Что вы должны были сделать, перейдя иранскую границу?

— Сразу же сообщить об этом в Тегеран Стефенсону и ждать его указаний.

На столе Рогова зазвонил телефон.

— Илья Петрович, — узнал он голос Захарова, — зайдите ко мне.

Предложив следователю продолжать допрос, Рогов направился к генералу.

— Ну что ж, Илья Петрович, — поднялся ему навстречу Захаров. — Два дня мы прилежно наблюдали за поведением гостей славного города Ростова. Судя по всему, явок у них тут нет, связи ни с кем не имеют. Отыскали «приветливых дамочек» и отсиживаются у них, дожидаясь своего «адьютанта». Думаю, что они довольны, и тем, что Злобина завербовали, и пока о другом не помышляют. Но, если сегодня Петушок не появится, они поймут, что это не опоздание. И тогда, Илья Петрович, бог знает, какой сюрприз могут выкинуть.

— Понял, товарищ генерал. Разрешите дать необходимые указания?

— Да, Илья Петрович, приступайте. Хотелось бы только предупредить ваших товарищей: оба нужны нам живыми. А то знаете, какие это фокусники? Раздавят зу-

бами ампулу с цианистым калием, и попробуй потом побеседовать с ними. А для нас с вами этот Герц и его приятель интересные собеседники.

Все произошло почти молниеносно. Только несколько прохожих заметили, как две «Победы», мчавшиеся по улице Энгельса, с полного хода, скрипнув тормозами, внезапно остановились, поравнявшись с мирно шагавшими крепышами в светлых плащах. Из «Побед» выскочили четыре человека и, подхватив под руки крепышей, толкнули их в машины. Шагавшие рядом с ними две девицы не успели опомниться, как «Победы» унеслись дальше.

Джордж Мюллер получает отпуск

Майор Фидлер слушал записанную на магнитофон речь Голубева перед курсантами вместе с только что прилетевшим из Вашингтона Майком Огденом. Майор Огден неплохо владел русским, и Фидлеру не надо было тратить время на перевод.

— Каков пленец, Майк? — самодовольно заулыбался Фидлер.

— Я бы сказал — какова школа, — одобрительно пожал его руку Огден. — Не премину сообщить в Вашингтон о вашем прелестном гнездышке и заботливых наседках. Кстати, Гарольд, ваши питомцы не очень-то отстали от советской действительности?

— Что вы, Майк! Вы, наверно, думаете, что мы учим их только стрелять, взрывать мосты и фотографировать аэродромы? Эти парни каждый день читали «Правду» и «Известия», слушали советское радио. Они в курсе всех изменений в оснащении армии и флота, знакомы с новыми типами самолетов, кораблей, орудий...

— Минуточку, Гарольд! Простите, что перебиваю...

— Что за тонкости, Майк?

— ...Да, так вот о «Правде», радио и прочем. Как они ко всему этому относятся?

— Как нельзя лучше! — И подметив недоумение на лице Огдена, Фидлер напомнил: — Вы же только что слушали речь одного из них.

— Да, да, Гарольд, вы правы. — И, ухватив рюмку с коньяком за узкую талию, Огден чокнулся с Фидлером.

— Вы, как всегда, правы! Итак, за ваших орлов, покидающих свое гнездо, и за их заботливых наседок!

— Сейчас я вам представлю Голубева, майор. — Начальник школы нажал кнопку на селектор: — Мюллера ко мне!

— Входите, Мюллер, садитесь, — обратился Фидлер к курсанту, одетому в рабочую форму вольнонаемных американской армии. — Поздравляю вас! С сегодняшнего дня вы каждый месяц будете получать чек на 350 долларов. Надеюсь, вы догадываетесь, что в эту сумму не входит гонорар за выполнение заданий? И еще одна новость — вам предоставлен отпуск, Джордж. Вы можете провести его в Штатах. У вас будет неплохой попутчик. Рекомендую: майор Майк Огден — Джордж Мюллер.

В тот же день Голубев с Огденом на машине выехал во Франкфурт-на-Майне и оттуда на военном самолете вылетел в Вашингтон. Голубева поместили в 30 километрах от американской столицы в доме на берегу реки Потомак рядом с детским лагерем «Маршалл халпарк». На этой квартире Голубев под руководством опытных инструкторов продолжал совершенствовать свое умение работать на ключе, стрелять из пистолета, автомата и винтовки, занимался греблей и самбо, изучал топографию и советский Дальний Восток, обрабатывал «легенду».

„Легенда“ Воробьева

— Вы все запомнили Джордж?

— Все, Тони, — отмахнулся Голубев от лейтенанта.

— Тогда повторите, — требовательно сказал офицер. — Итак, ваше имя, отчество, фамилия?

— Воробьев Александр Михайлович.

— Когда и где вы родились?

— В двадцать третьем году в станице Вознесенской Курпского района Северо-Осетинской АССР.

— Где живете, где прописаны?

— В городе Правда Невельского района на Сахалине... Прописан 27 июля 1952 года в доме № 14. Улиц в этом странном городе почему-то нет.

— Отлично, Джордж, дальше. Где работаете?

— В Западно-Сахалинском госрыбтресте Главсахалинрыбпрома... И, зная, что вы

спросите теперь, сразу же отвечаю — приехал в Крильон в командировку, срок — с 15 августа по 4 сентября...

— На всякий случай, Джордж, возьмите с собой еще одно удостоверение, с другим сроком — с 4 по 23 сентября.

— К черту «легенду», Тони! — взмолился Голубев. — Я вызубрил ее так, словно всю жизнь был Воробьевым и целую вечность прожил в городе, названном так недвусмысленно по-советски — Правда. И только и знал, что ездить в командировки от Западно-Сахалинского госрыбтреста в город Крильон. Кстати, Тони, мы так и не знаем с вами, что это за город.

— К сожалению, на карте таких подробностей не прочтешь, — засмеялся лейтенант. — И наши эксперты добавить ничего не могут. Надеюсь на вашу информацию, — многозначительно заметил лейтенант, намекая на предстоящий «визит» Голубева на Сахалин.

— Баста, Тони! Я не хочу больше морочить себе голову. Предлагаю шахматный матч из трех партий за отсутствием возможностей дать сеанс одновременной игры.

— Опять хотите насладиться победой, Джордж! Какой из меня противник? Вы ведь могли убедиться, что в Штатах шахматы вовсе не так популярны, как в России. Убежден, что у вас на Сахалине будет превосходная возможность досыта наиграться со своими земляками.

— Или советскими контрразведчиками.

— Ну, ну, Джордж, зачем так мрачно? Будем надеяться, до этого не дойдет. Ваш ход, сэр! — шутивно напомнил он.

— Ох, Тони, опять е2—е4. Когда вы станете оригинальнее?!

До скорой встречи, Тони!

Вот уже два месяца жили они на одном из небольших островов близ порта Сасебо на Хонсю. С февраля, когда состоялся выпуск из школы, Голубев успел исколесить Соединенные Штаты и Японию. Из Вашингтона он с Тони перелетел в Калифорнию, где две недели провел в горах недалеко от Бойса, ходил на лыжах, охотился. В Си-Ай-Си решили, что ему надо как следует отдохнуть перед тем, как начнется заключительный этап подготовки.

Четыре дня они провели в Чикаго в кабаре и «кнайкклабах», затем снова вылетели в Вашингтон, а оттуда на мыс Код. Здесь Голубев отрабатывал способы плавания, проводил пробные сеансы радиосвязи с Вашингтоном. Спустя две недели Тони и Голубев вылетели в Сан-Франциско, а в начале мая — в Японию. На конспиративной квартире на окраине Иокогамы Голубева тщательно знакомили с побережьем южного Сахалина, где ему предстояло высадиться. Тони помогали еще два инструктора — капитан Алекс и лейтенант Билл.

И вот теперь на этом островке его тренировали пользоваться резиновым плотиком и аквалангом.

Проиграв третью партию падряд, Тони смешал фигуры.

— Вы, пожалуй, и не подозреваете, Джордж, что мы здесь сегодня провели последний день. Вас уже ждут в Ацуги.

В Ацуги, небольшом поселке возле Иокогамы, находилась квартира, где обитали они полтора месяца перед поездкой на остров. Голубев встал, лениво потянулся.

— Значит, опять в дорогу?

— Опять...

В Ацуги Голубев получил конкретное задание: высадиться в точно обозначенном месте на южном Сахалине, обследовать и сфотографировать окружающую местность, раздобыть советские документы — паспорта, военные билеты, временные удостоверения, выдаваемые вместо паспортов, различные справки. При возможности завербовать агента, склонив его к побегу в Японию. На этот случай предлагалось захватить с собой запасной надувной плотик.

— Для получения документов, — наставлял его Тони, — используйте три способа. Первый: при встрече вдали от населенных пунктов инсценируйте ограбление. Можете раздеть, связать, усыпить морфием и скрыться с документами. Второй способ: вы неплохой артист, Джордж, заведите «случайное» знакомство, прикиньтесь «рубашкой-парнем», подпоите и, дождавшись, когда ваш собеседник не сможет ничего сообразить, отберите у него бумажник. Есть и третий способ, Джордж. Представьте себе дом на окраине какого-то поселка (таких домов там немало!). Вечером вы зайдете туда под видом человека, бежавшего из заключения, попросите при-

ютить за «всего только на ночь» и угостите водкой хозяев; убедившись, что за вами не следят, заставьте угрозой оружия отдать вам документы. Можете усыпить хозяев снотворным или воспользоваться газовым пистолетом.

— А это ваше снаряжение, Джордж, — провел его в соседнюю комнату Алекс, — оружие, ампулы с морфием, таблетки снотворного, две радиостанции РС-5, фотоаппарат «Минокс», советские деньги, водка, медикаменты и прочая мелочь, без которой, впрочем, вам не обойтись.

В Остаре Голубева сопровождал только Тони. В порту уже ждал быстроходный четырехмоторный катер. Голубев легко поднялся на палубу, деланно беспечно помахал рукой лейтенанту:

— До скорой встречи, Тони! Надеюсь, фортуна мне не изменит.

— Все будет хорошо, Джордж! — заверил его Алекс.

Партию начинают белые

Подполковник Миловидов приходил в управление обычно раньше всех. В этот утренний час Юрий Михайлович любил спокойно, не отвлекаясь на телефонные звонки и разговоры, поразмышлять над тем, что предстояло сделать в течение дня. Но на сей раз не успел он войти в свой кабинет, как раздался звонок.

— День добрый, Юрий Михайлович! — услышал Миловидов голос командира подразделения. — Зная твой обычай, не сомневался, что застану.

— Здравствуй, Павел Кузьмич! Ты что это спозаранку?

— Возраст, дорогой, чуть свет просыпаюсь. А старикам, знаешь небось, непременно собеседника подавай, чтобы было с кем время скоротать, — пошутил Савин. — А теперь о деле, Юрий Михайлович. Из хозяйства, что на западном берегу, сообщают о появлении соседей. Нет, нет, в наши воды не заходят, все в норме, держатся в нейтральных. Но уж больно близко... И деталь одна, я бы сказал, весьма любопытная. Катерочек там вчера прогуливался. Ничем вроде не примечательный, а ход у него, брат ты мой, узлов пятьдесят, не меньше. Завидел издали сторожевик и как чесанул — только его и видели.

— Да, Павел Кузьмич, деталь любо-

пытная. Надеюсь, ты уже дал команду?

— Ясное дело. Во всех хозяйствах смотрят в оба.

— Ну добро, жду от тебя новых вестей!

Опустив телефонную трубку, Юрий Михайлович перевернул листок настольного календаря. «Вчера... Значит, 16 августа. Что ж, все сходится».

Ровно в девять в кабинете Миловидова собрались сотрудники его отдела.

— Несколько минут назад, товарищи, я разговаривал с Савиным. Вблизи западного побережья Сахалина наблюдается подозрительная активность. — Юрий Михайлович встал, подошел к огромной, во всю стену рельефной карте области. — Пограничники обратили внимание на шхуну, обладающую исключительно большой скоростью — не менее пятидесяти узлов. В наши территориальные воды не заходит, предпочитает со сторожевиками не встречаться. Я вам уже рассказывал о предупреждении генерала Захарова. Питомцы известного нам майора Фидлера разлетаются на «гнезда». Курочкин, Волошановский и Кошелев задержаны и находятся теперь в Москве. Полковник Рогов прислал словесные портреты трех остальных из выпуска школы в Бадверисгофене. Пытаться забросить их американцы будут, это вне всякого сомнения. Не для того их обучали, чтобы держать в Мюнхене или Тегеране. Но где это случится — трудно угадать. Во всяком случае, считаю, что нам нужно держать ухо востро.

Миловидов вернулся к столу, обвел взглядом сидящих.

— Задание майору Денежкину — еще и еще раз внимательно следить за эфиром. О появлении любой новой рации немедленно докладывать мне. Капитан Чистяков и лейтенант Шумов сегодня же выедут на западное побережье. Капитан Ручкин и старший лейтенант Наумов — на восточное. Курилы я уже предупредил. Все, товарищи. Можете быть свободными.

Офицеры направились к двери, когда Юрий Михайлович вернул Чистякова и Ручкина.

— Задержитесь на минуточку, Дмитрий Петрович, и вы, Юрий Тимофеевич. Судя по показаниям, которые дали Курочкин, Волошановский и Кошелев, Си-Ай-Си особенно интересуется подлинными документами советских граждан. Я попрошу вас встретиться с секретарями райкомов и гоо-

комов партии, побывать в исполкомах, предупредить милицию. О каждом случае утери или похищения документов мы должны знать...

Еще раз, прощаясь с офицерами, Миловидов задумчиво сказал:

— Партию начинают белые. Но хороший шахматист заранее придумывает ответный ход.

„Длина антенны в футах“

Взрели моторы, и бетонный причал с двухэтажным серым пакгаузом сразу отодвинулся назад. Голубев не уходил с палубы до тех пор, пока изломанные чертания волноломов не слились с берегом. Шторм, помешавший ему вчера высадиться, утих. За толстым стеклом иллюминатора пеннелась зеленоватая морская вода. Солнечные зайчики гуляли по каюте.

Голубев прилег на диван, отвернулся к стене. Так легче думалось и ничто не отвлекало. Кажется, все предусмотрено. К Сахалину они подойдут ночью. Вряд ли их заметят береговые посты. А встречи со сторожевиками поможет избежать локатор. Ладно, хватит об этом думать!..

Он попробовал уснуть, но сон не шел. «Да, так что сказал Билл? «Если задание выполните, на вопрос базы: «Какова длина антенны?»—отвечайте: «Длина антенны в футах...» Если попадетесь в руки советской контрразведки и вас будут заставлять связаться с нами, измените лишь одно слово: «Длина антенны в метрах...»

— Ну, черта с два! — выругался он. — До этого дело не дойдет.

Голубев поднялся на мостик.

— Слушайте, капитан, в вашем холодильнике не найдется чего-нибудь спиртного?

— Только сакэ.

Голубев больше не выходил из своей каюты. Он появился на мостике снова в два часа ночи. Взглянул на карту.

— Где мы, капитан?

— Вот здесь, господин, — капитан показал тонко отточенным карандашом место в 7 километрах севернее поселка. Моторы уже заглушены. Вам пора.

Голубеву молча помогали облачиться в специальный резиновый костюм два японца. В крошечной тьме они спустили на воду резиновый плотик с упакованным в водонепроницаемый мешок снаряжением,

оттолкнули его от борта. Голубев поплыл к берегу. До острова оставалось 700 метров.

Неприятные новости, сэр!

— Хэлло, Билл! Есть новости?

— И весьма приятные, сэр! — улыбаясь с порога, объявил майору Огдену лейтенант Билл. — Только наш ас эфира Алл провел первый сеанс с Джорджем. Все благополучно. Впрочем, вы можете убедиться сами, — он протянул узенький листок бумаги с несколькими строчками текста.

Огден жадно схватил, торопливо пробежал полоску глазами, найдя слово «в футах», облегченно вздохнул.

— А почерк?..

— Его, сэр. Мы трижды проверяли по записям, сделанным в Мюнхене, на мысе Код и в Иокогаме. Характерные окончания слов, такая же скорость... Все верно, сэр.

— Оки-доки, Билл! Когда очередной сеанс?

— Завтра, сэр! Можно сообщить в Отару, чтоб готовили катер?

— О, не будем торопиться, мой дорогой! Если все идет удачно, пусть Джордж немного порезвится среди своих земляков. Ведь в Бадверисгофене он заявил, что у него чешутся кулаки. Так пусть же разомнется. Фортуна нам улыбнулась, но стоит ли испытывать ее дважды?

— Вы правы, сэр. Я тоже считаю, что Мюллеру можно не торопиться. Срок командировки треста истекает четвертого сентября...

— Не забываете, Билл, у него есть еще одно удостоверение — до двадцать третьего...

— И справка о работе в Хабаровском универмаге.

— Вы дьявольски предусмотрительны, лейтенант! — подхватил Огден. — Я сегодня же посоветуюсь с шефом — не стоит ли двинуть Джорджа на запад. И заготовьте телеграмму Фидлеру. Поздравьте его с успешным дебютом ученика и прикажите готовить к выброске Петра и Бориса. Мюллер проложил им дорогу.

Через два дня Мюллер снова вышел на связь. Американские пеленгаторные станции на Хоккайдо определили его место.

Оно находилось там, где на карте Огдена стояло слово «Крыльон», вписанное в командировочное удостоверение Западно-Сахалинского госрыбтреста, выданное Александру Михайловичу Воробьеву.

Пеленгаторы засекали и все последующие передвижения Мюллера. В конце каждого сеанса на вопрос базы он неизменно отвечал: «Длина антенны в футах».

Ваш мат, майор Огден!

«В 04 часа 18 августа при выходе на берег моря пограничным нарядом в составе старшего сержанта Шилкова Андрея Павловича и рядового Хлыстенкова Николая Андреевича был задержан нарушитель государственной границы СССР. При задержании назвался Воробьевым Александром Михайловичем...»

— Так вы считаете, Голубев, это чистой случайностью? — Капитан Чистяков снял очки и, вынув из кармана платок, принялся протирать их. Лицо его вдруг стало удивительно беспомощным.

— Конечно, — угрюмо проговорил Голубев. — Да не будь я в воде, черта с два бы они взяли меня!

— Ну, это как сказать, — отвернув поллог палатки, вышел на поляну лейтенант Ручкин. — Наши пограничники не хуже вас владеют самбо и умеют стрелять. Но суть не в этом. Мы давно ждали вас, Голубев.

— Представьте себе, именно так, — подтвердил Чистяков. — Не обязательно, конечно, здесь или вообще на Сахалине. На всех заставах, на всей границе ждали воспитанников майора Фидлера. Ваши «коллеги» Волошановский, Кошелев и Курочкин давно там, где им положено быть. Как видите, и этой тройке не удалось безнаказанно гулять по нашей земле. В тюрьме и ваш «приятель» Герасимовский.

— Значит, и они тоже? — горько усмехнулся Голубев. — По крайней мере, хоть не так обидно.

— Пора, — взглянул на часы Ручкин. — Павел Петрович, — заглянул он в палатку, где сидел у радики майор Денежкин, — все готово?

— Да, — кивнул майор. — Приглашайте «корреспондента».

— На сегодня вот это, — протянул Голубев вырванный из блокнота листок Дмитрий Петрович. — Пусть майор Огден порадует начальство вашими успехами.

Голубев сел к радики, надел наушники и тотчас услышал тоненький писк морзянки — его уже вызывали. Положил руку на ключ, отстучал позывные. База сразу же отозвалась. Настроившись на волну, он стал передавать текст. Не отрывая глаз от листка, он посылал в эфир точки и тире. Рука выстукивала почти машинально, а из ума не шла назойливая мысль: одну точку, всего одну точку не передать в эфир, и «они» все поймут. Он не сказал об этом на допросах, и вряд ли чекисты догадаются.

Но, представив самодовольное лицо Огдена, который сейчас там радостно потирает руки после каждого сеанса, со злостью сжал зубы.

Нет, пусть и «они» получают в этой партии мат!

Вместо эпилога

Полковник Рогов вошел к генералу, когда он разговаривал с Сахалином. Захаров жестом пригласил садиться.

— Да, да, Юрий Михайлович, — услышал он, — заканчивайте игру и отправляйте «шахматиста» в Москву. И непременно съездите хоть на денек на Тунайчу. Там сейчас тайменей видимо-невидимо. Вот и побалуйте спиннингом. Нет, нет, это не совет, а приказ. Я бы и сам не прочь к вам присоединиться, да вот Рогов только что вошел ко мне, и я уже на лице его читаю: есть новые вести. Ну, добро! У меня все, желаю новых удач, передайте благодарность всем товарищам.

Положив трубку, генерал поздоровался с Ильей Петровичем.

— Как там птенцы Фидлера? Все в сборе?

— Выходит, все, Борис Михайлович.

— Так, может быть, Илья Петрович, пошлем майору и его шефам поздравление? И оба весело рассмеялись.

Перечисленные в настоящей описи предметы изъяты у меня при задержании. Ими я был снабжен американской разведкой на территории Японии для подрывной работы на территории СССР.

Вот такая история...

В субботний майский день 1948 года меня вызвал начальник отдела и протянул листок бумаги, исписанный фиолетовыми чернилами.

— Прочитай, — сказал он.

И я прочел:

«В УМГБ. У моего соседа китайца Ва Мэна умерла жена. Говорят, будто от ушиба и преждевременных родов. Неделю тому назад ее похоронили. А я думаю, — писал заявитель, — что причина ее смерти совсем другая. И имею на это основания. Рекомендую заинтересоваться. С приветом Карпов».

Я пожал плечами.

— А почему оно попало к нам? Скорее всего, это дело милиции.

— Так думаешь? — спросил начальник. — А мне кажется, что Карпов не зря написал именно нам. Я созвонился с тамошними товарищами. В общем, вам следует выехать. В помощники выделен лейтенант Фредин из местного отдела МГБ.

На следующий день утром я встретился с Фрединым. Вот что он рассказал мне.

Художественный руководитель Дворца культуры Ва Мэн, не обладая актерским талантом, подвизался на ниве искусства, так как другой профессии не имел и не старался получить ее.

Какое-то время он работал на Южном Сахалине, а в 1945 году переехал на материк. Ва Мэн часто ездил с концертными бригадами, нежно заботился о супруге, сослуживцы его уважали. Короче, со стороны он выглядел вполне добропорядочным человеком. Тем не менее это не мешало волочиться ему за женщинами. Супруга ревновала. В семье случались ссоры. Но жену свою он, видимо, действительно любил и смерть ее переживал искренне.

Первые дни после похорон он не переставал жаловаться, что не переживет одиночества и наложит на себя руки...

— Что предлагаете делать? — спросил я Фредина.

Нахмурив брови, Фредин вчитался в заявление.

— Проверить надо все же заявительницу. Для начала послушаем, что скажет Карпов, а потом посмотрим.

Мы с Фрединым сидели в кабинете в ожидании Карпова. Я посмотрел на часы и невольно подумал, что приехал сюда зря. В конце концов местный отдел мог сам разобраться и доложить нам.

Но вот в комнате появился мужчина средних лет, высокого роста, с открытым лицом, густой русой шевелюрой.

— Здравствуйте. Евгений Константинович Карпов, шофер, — представился он.

— Здравствуйте. Майор Трегубов Владимир Александрович. А это лейтенант Фредин Николай Иванович. Присаживайтесь.

Карпов сел против меня.

— Евгений Константинович, мы получили ваше письмо. Почему вы обратились в органы государственной безопасности, а не в милицию?

— Тут вот какая история, — Карпов ожил. — Мы с Ва Мэном занимаем отдельный дом. В одной половине живу я, в другой — он. Знаю его два года. Ничего плохого сказать не могу... вернее, не мог до одного случая. Понимаете, в тот день серьезно усомнился в нем как в порядочном человеке. А дело было так. Поздно вечером я пристраивал на стене оленьи рога. Вот в это время за стеной и начался громкий разговор между Ва Мэном и его женой. Сначала я не обратил внимания — не мое дело, да и у кого не бывает в семье недоразумений. Но как-то невольно я прислушался к голосам. Слышу, вдруг жена Ва Мэна закричала:

— Если ты не прекратишь шлаться по девкам, я расскажу, как ты гоняешься за офицером, и пусть знают, кто ты есть на самом деле...

После этого в комнате упало что-то тяжелое.

* * *

На другой день стало известно: жена Ва Мэна умерла от ушиба и преждевременных родов. Я сразу вспомнил о скандале и решил написать вам. Вот и все.

— И все же почему вы обратились к нам, а не в милицию?

— Зачем в милицию? Посмотрите, что получается. Ва Мэн долгое время жил и работал при японцах, приехал в наш город, который имеет стратегическое значение. Оборонные заводы, военные части. Я, как бывший пограничник, понимаю, что такое бдительность. Не раз приходилось задерживать нарушителей. Вот и подумал, китаец гоняется за офицером и притом супруга угрожает раскрыть его. Что-то, думаю, тут не то.

— Евгений Константинович, вы точно помните слова его жены? — спрашивает Фредин.

— Конечно помню.

— У нас имеется официальная справка врача, подтверждающая, что смерть жены Ва Мэна наступила в результате ушиба при падении и преждевременных родов. Понимаете, какую мы берем на себя ответственность, если прислушаемся к вашему сообщению?

— А чего тут не понимать! Конечно понимаю. В общем, как хотите. Я исполнил свой пограничный долг.

— А кого вы знаете из близких знакомых Ва Мэна?

— Народу у него бывает как на станции, и в основном из Дворца культуры. Чаще других навещает сослуживец по южному Сахалину врач Ли Синь, еще захаживает закройщик из ателье, забыл его фамилию... кажется, Чжу Чень.

— Ли Синь? Это он подписал справку о смерти, — вмешивается Фредин.

— Вот вам еще одно доказательство, что дело пахнет керосином, — подхватывает Карпов.

— Не надо торопиться с выводами, Евгений Константинович, всякие могут быть обстоятельства. Возможно, жена Ва Мэна могла довериться только Ли Сию, другу семьи. Это дело такое... интимное.

— А как в таком случае понимать угрозу?

— Давайте вместе займемся выяснением этого вопроса, а?

Карпов замялся:

— Какая от меня польза...

— То, что вы нам сообщили, уже имеет определенную пользу.

С Карповым договорились, как действовать на ближайшее время, Фредина я попросил собрать данные на Ли Сию и закройщика Чжу Ченя. Вечером Фредин докладывал. Ли Сию пятьдесят пять лет. Врачебной практикой занимается давно, зарекомендовал себя знающим специалистом, слывет безотказным, чутким врачом. Не женат. Живет один. Много разъезжает по району. Приехал сюда с южного Сахалина. Дружит с Ва Мэном.

* * *

Прошло три дня, как мы занимаемся делом Ва Мэна. За это время было немало сделано, но мы ни на шаг не продвинулись к установлению причины, побудившей жену Ва Мэна угрожать ему разоблачением.

Снова сидим в горотделе и рассуждаем, что же дальше предпринять? Затем принимаем решение. Нам казалось, что оно было единственно правильным в этой ситуации.

Когда мы ехали в больницу, где работал Ли Синь, он только что закончил прием больных. Я и Фредин представились.

— Мы приехали выяснить некоторые обстоятельства, связанные со смертью жены Ва Мэна.

— Пожалуйста. Рад вам помочь, — ответил доктор. — В тот день рано утром ко мне приехал Ва Мэн и попросил посмотреть жену, мол, что-то с родами. Я знал, что беременность проходит у нее с большими осложнениями. Конечно, не раздумывая, поехал. Застал женщину в тяжелом состоянии. Все попытки спасти не удались... Сразу же хочу предупредить ваш вопрос: почему Ва Мэн обратился за помощью именно ко мне, а не в местную больницу, которая находится рядом? Это было желание покойной. Она доверяла свои болезни только мне.

— Если бы медицинская помощь пришла раньше, спасти ее можно было бы?

— Трудно ответить, слишком тяжела она была.

— Скажите, что за ушиб получила покойная?

— Поскользнулась и упала животом на угол стола... Сами понимаете, что это такое.

— Заключение о смерти давали вы?

— Конечно.

— Вы уверены в правоте своего заключения?

— Конечно уверен! В конце концов заключение не поздно и проверить.

— Каким образом?

— Сделать эксгумацию.

— Ну зачем же доводить до этого, — сказал я и посмотрел на Фредина.

Мы вышли из больницы. Некоторое время шли молча.

— Ну, каково у тебя впечатление? — спросил я.

— Думаю, у нас нет основания не верить. И все же надо присмотреть за ним.

— Проследить, как Ли Синь будет вести себя после нашего разговора, — подхватил мою мысль Фредин. — Так?

— Вот именно.

— Понимаю. Если он запутан, то обязательно должен где-то засветиться.

— Правильно, Николай Иванович. Вот почему надо сейчас быть предельно осторожным.

На этом мы расстались с Фрединым.

***

Чуть свет меня разбудил Карпов.

— Владимир Александрович, понимаете, какое дело, — начал он взволнованно, забыв даже поздороваться. — Вышел я сегодня утречком во двор и вижу, Ва Мэн крадется как вор. Возвращается откуда-то. Чего бы он открыто боялся зайти к себе домой, думаю. Чего-то мне даже не по себе. Хотел окликнуть, да воздержался, чтобы не спугнуть.

Я быстро одевался, раздумывая над сообщением Карпова. Почему-то вспомнились слова Ли Синя об эксгумации. С этим как-то само собой связалось сообщение

Карпова. Чем черт не шутит, думаю, надо побывать на кладбище.

Мы вышли из гостиницы, сели на грузовик Карпова и через несколько минут были на кладбище. Могила жены Ва Мэна утонула в цветах. Мы приподняли венки с холма. Под ними чернела еще не успевшая высохнуть земля. И были заметны свежие следы.

— Что он тут делал? — произнес Карпов.

— Кто?

— Ва Мэн.

— А может быть, это не он. Мало ли кто тут мог топтаться.

— Это след его ботинок. Вот посмотрите, холм земли поубавился... как пить дать, — уверенно сказал Карпов.

— Из чего вы заключили?

— Я был с ним здесь четыре дня назад. Привозил решетки для ограды. Тогда холм был выше. Я это хорошо помню.

— Выше, говорите... Евгений Константинович, как у вас со временем?

— Найду, если надо.

— В таком случае не будем его терять. Оставайтесь здесь и никого к могиле не подпускайте, — распорядился я, взяв у него ключи от грузовика и уехал в отдел за людьми.

Вскоре я вернулся с медэкспертом, проводником со служебной собакой и понятиями.

Около могилы Карпова не оказалось. «Не случилось ли чего-нибудь?» — мелькнула мысль. Молча стоим у могилы. Недалеко от нас на скамейке устроился проводник

с овчаркой. Идет скорая работа по вскрытию могилы. Но вот эксперт придвинулся к открытому гробу. Я видел, как изменилось его лицо.

Вообще, процедура эта неприятная, чего там говорить. Потом подозвал меня и фотографа.

Все, что требовалось, было сделано, и тут прибежал проводник собаки.

— Товарищ майор, задержаны двое. Я оставил их под охраной Пирата.

На месте происшествия мы увидели двух сцепившихся в схватке мужчин. Один из них, перемазанный в глине, оказался Карповым, второй — Ва Мэном.

Я протянул ему заключение медэксперта об эксгумации и фотокарточку, на которой заснят труп.

— Ведь это не ваша супруга, так? Куда вы ее зарыли?

Лицо китайца посерело.

Ва Мэн долго упирался, плакал, истерически кричал. Но в конце концов понял, что от правосудия уже не уйти.

Был арестован врач, портной, и все они показали, что Ва Мэн работал на японскую разведку и что завербовали его еще на Сахалине. Китаец в конце концов сознался: боясь, как бы жена не сообщила в МГБ о его преступной деятельности, о которой только подозревала, он задушил ее.

Когда следствие закончилось, мы встретились с Карповым.

— Ну, что я говорил? — сказал Карпов.

От имени нашего командования мы поблагодарили его за бдительность и помощь.

В. Желтов

Тайга начеку

По-весеннему журчали ручьи, но зима еще не сдавалась. Начавшийся с утра снегопад утих только к вечеру. Из-за туч выглянул месяц. На дороге, что протянулась от села к лесоразработкам, появились сани. Мальчуган лет четырнадцати, в нахлобученной ушанке, в стеганке со взрослого плеча, нахлестывал вожжами сытую лошадь, то и дело покрикивая:

— Но, бестия, шевелись!

В розвальнях, крихтя и ругаясь, ворочался щуплый старик в шубейке и буденовке. Левая нога старика была обмотана теплым серым платком.

Чудаковатым был дед Михай: в годы гражданской войны он служил вестовым в армии Буденного и сейчас нет-нет да и вытаскивает из сундука большезвездную, островерхую буденовку и проедется по газонам на рыжем мерине, будто ищет жеребят, которых ему, как старому коннику, доверили выращивать. Едет дед — мальчишки за ним: «В атаку собрался, дед Михай?»

Не любит старик шуток таких, грозится кнутом, а ребята это забавляет. Вот и сегодня ехал по селу, высыпала ребятня, галдят. Замахнулся кнутом... Откуда ни возьмись — собачонка, препаршивая, плюгавая, закатилась лаем взахлеб, путается у лошади в ногах. Не терпит Рыжий тьякалок: водил, водил ушами — да как задом с обеих ног даст... А Михай в этот момент как раз нагнулся подпругу подтянуть; не удержался в седле, спрыгнул, да неловко — ногу то ли свихнул, то ли растянул. Растирала, парили — не помогло. Так и пришлось внуку Михея Миньке везти деда к врачу на лесоразработки.

Выехали на опушку к озеру Проточному. За озером — государственная граница. Там день и ночь ходят наряды пограничников. Минька ездил туда с дедом на сбор дружинников. Потом за околицей села даже пробовал «нести наряд» со своим Топсиком. Но не обученный пограничной

службе вислоухий щенок лаял на каждый шорох, гонялся со всех ног за сороками — задержать с такой собакой диверсанта все равно никогда бы не удалось.

Молод еще, глуп Топсик, бежит за санями и сам не знает, на что тьякает, пашет носом снег, фыркает... Нашел чей-то след. Интересно, чей?

Минька придерживает Рыжего, достает из кармана стеганки фонарик, наводит тусклое световое пятнышко на следы. Они похожи на отпечатки человеческой ступни, только очень короткой и косялопай.

— Поняй, поняй! — кричит Михай.

— Дедушка... кажись, медведь...

— Кой тебе медведь? В берлоге еще медведь, лапу сосет. Поняй!

— Шатун, наверно... смотри!

Минька освещает припорошенную снегом дорогу. Дед свешивает с саней вслокоченную бороду.

— Росомаший, парень, это след. На редкостного зверя напали.

Заговорила в старике охотничья жилка:

— Шельма, ить она, росомаха, воровской элемент. Наладится, к примеру, за промысловиком ходить — всю дичь из самоловов повытаскает.

Не усидел, слез, крихтя от боли, с саней.

— Дай-ка мигалку твою!

Нагнулся над следом:

— Свежихонек.

Следы тянулись по канаве к сараю, служившему рыбакам ледником.

— По рыбу, пакостница, пришла. Повадится — разор учинит!

Вытащил дед из-под соломы старую, как и сам, одностволку.

— Катай, парень, к бригадире — пусть людей шлет! По пороше, может, и возьмем зверя; свежихонек, скажи след.

Повернулся Минька обратно в село.

А через полчаса Рыжий вез к озеру Миньку и вооруженных двустволками бригадира и моториста с катера — Шметько.

Деда там, где оставил его Минька, не

оказалось. След от стоптанного валенка и палки, на которую опирался дед, чтобы не ступать больной ногой, тянулся параллельно следам росомахи.

Прихватив рыбацкий фонарь, бригадир и Шметько направились по канаве к леднику. Росомаха оставила у ледника столько следов, что сразу разобраться в них было невозможно.

Не проникнув в сарай, зверь принялся обследовать проруби, через которые рыбаки ставили и вынимали сети. Обычно около таких прорубей остается на льду мелкая рыбешка.

От прорубей следы зверя и деда ушли к черневшей на протоке полынье. Из-за быстрого течения лед там бывал тонким и нередко обламывался. Обломленными оказались края льда и на этот раз. У полыньи сетей никогда не забрасывали, а зверь почему-то долго топтался у самой воды, скреб лапами свеженапороченный снег и в одном месте обнажил похожие на шлепки белесые намерзши.

С протоки следы потянулись в заросли ельника. У старого, полусгнившего пня росомаха опять долго топталась. На замшелой коре пня Шметько нашел царапины от когтей зверя и примерзшее иссиня-черное перо косача. Но поживиться росомахе не удалось и здесь — на снегу не видно было ни кровинки. От пня зверь прямиком направился на болото. След его по-прежнему сопровождали отпечатки дедова валенка и палки. Идти по кочковатому болоту было трудно, и бригадир начал поругивать деда:

— Того старый не поймет, что росомаха на четырех, а он на одной ноге — разве обскочет?

— Буденновский конник-то, может, и обскочет, — посмеивался Шметько.

* * *

Потускнел, скрылся за тучами месяц. Притих, словно нахохлился лес. Упали на землю первые тяжелые хлопья, и закружила, забуйствовала опять метель. Все живое спешило укрыться, спрятаться от непогоды. Только дед Михай, волоча на труженную, большую ногу, шел и шел в самые дебри болота. Когда-то он стрелял здесь волков. И теперь... то ли показалось, то ли действительно сверкнули, метнулись в кустах огоньки волчьих глаз. Но с усталости может померещиться всякое, да и не до волков было Михайю теперь — впе-

реди зверь пострашнее. Очень устал старый Михай, но останавливаться нельзя: снег хоронит следы, сглаживаются, будто тают на глазах, отпечатки росомашьих лап, все ниже приходится нагибаться старику над следом. Причудливым кажется все в снежном вихре.

— Стой!

Словно из самой метели вырос перед дедом человек — весь в белом. Только у лба выглядывает из-под капюшона полоска серого меха — армейская ушанка. Пограничник.

— Куда, старина, путь держишь?

Присмотрелся к солдату Михай, не примечал вроде такого на заставе, ответил на всякий случай осторожно:

— Один у нас поди путь-то...

Сапоги у пограничника мокрые доверху, и на одном — черное перышко. Откуда оно взялось?

Ветром донесло голоса идущих по пятам Михай:

— Возвращайся, дед, пока дороги не замело, домой... чай гонять!

— Зараз отдышусь и пойду. Ноги гудом гудят, а одна еще свихнута... Вот постоял — и будто свинцом налило. Пособи-ка разойтись.

Взял солдат старика под руку. Добрели до кряжистой ели, шмыгнул за нее дед, наставил на провожатого берданку:

— Руки!

— Ты что, рехнулся?

— Руки... ползучий гад!

— Не дури, старина!

— Не с тем шел по пятам за тобой, чтобы дурить. Вырядился, так думаешь, и не распознают. Пограничников своих в личность знаем — к границе пробираешься. Подымай руки, не то стрельну!

Блеснул в руке у незнакомца нож, просвистел над ухом пригнувшегося деда, задребезжал, вонзившись в ель. Видел старый Михай на своем веку всякого зверя — изловчился, оглушил незнакомца прикладом. Распластался тот на снегу. Связать бы, да нет у Михея веревки. Пропихнул через оба рукава полушубка суковатую палку, повертел ее, чтоб покрепче засела в подшерстке овчины, застегнул на лязучике полушубок на все крючки.

— Так-то вот...

Снял с берданки ремень, связал им незнакомцу ноги.

— На огород бы теперь тебя, распятого-то... ворон пужать.

Сел, перемотал на больной ноге рас-
трепавшийся платок.

Подоспели бригадир и моторист, смот-
рят — не поймут: тропил дед росомаху, а
словил пугало какое-то — из рукавов по-
лушубка концы палки торчат.

Усмехается дед:

— Росомаха навела.

— Так и навела...

Полоснул дед ножом по белым шаро-
варам задержанного — у пояса на удавках
тушки тетеревов.

— Видали: что оборотень, два обличия
имел. По селу, видать, охотником прошел,
а нас заслышал — солдатскую одежду на-
пялил, маскировочную. Только от Михея
не умаскируешься... Шлепки на льду ви-
дели? Обломил, зная, у протоки лед —
ужнул в воду; выбираться стал — нашлепал
мокрыми руками, снег к мокрому при-
стал, печатки-то белые и образовались.
Сел на лень из сапог воду выливать, пе-
рышко от косача на пне осталось. Росома-
ха учуяла, что с дичью он, и пошла за
ним. Его-то след замело, но она, бестия,
и под снегом чует, а может, видит вмяти-
ны какие, бес ее знает. Мне-то поначалу
это чудным показалось — ловко уж боль-
но, тварь, кусты выбирает: ей бы и мел-
кие в аккурат, так нет, идет по таким, что
выше человеческого роста. Ну и понял я,
что гость незванный разгуливает. Своего-
то в пропасть такую кой черт понесет.
Разве что служба...

Рассказал дед, как увидел погранични-
ка и заметил на мокрых сапогах его перыш-
ко косача, такое же, как на пне осталось,
как прикинулся немощным, нащупал, по-
ка шли бок о бок, тушки тетеревов, об-
леденевшие уже — стало быть, в воде по-
бывали. Он, значит, и провалился на про-
токе — наставил на провожатого берданку,
распjal на палке, связал, чтобы не убе-
г.

— Ай да дед... — рассмеялся бригадир. —
Росомаха, выходит, у тебя пограничную
службу несла?

— Выходит, несла.

...Утром обо всем, что произошло ночью
на болоте, знало все село. Минька ходил
в героях. А тут еще дед, вернувшись с за-
ставы, сказал:

— Жди, Минька, теперь Почетную — до-
ложили по начальству и о тебе.

— Я-то, дедушка, думал поначалу —
просто медведь, — заметил из скромности
Минька. Но дед одобрительно похлопал
внука по плечу:

— Важна зацепка... Опять же, за под-
могой в село мигом скатал.

По совести Минька понимал — грамоты
ему давать не за что: даже струхнул
ночью в лесу, но очень котелось быть
хоть чуточку героем.

А у Михея не выходили из головы вол-
ки. Возвращаясь с заставы, опять видел
вроде бы в ольховнике огоньки.

Волки быть там, конечно, могли: води-
лись прежде, и обычай у них таков: где
бы ни были — возвращаются по весне к
логову и воют, если нет гнездая или ста-
рой волчицы. Но чудно было другое —
прошел человек с ружьем, проехали на
санях, потом на машине, а волки не уш-
ли. Так они могут сидеть только в окла-
де, когда их зафлажат или обтопчут.
Пришелец, которого выследил Михей,
обогнул ольховник лишь со стороны ель-
ника. Одно из двух: либо он топтался
вокруг ольховника раньше, либо там был
кто-то еще. Может, охотники какие зез-
жие зафлажили волков? А если не зафла-
жили, так надо бы зафлажить, пока не
появился у них выводок: с выводком за-
таются, не сыщешь.

В общем, посоветовался Михей с брига-
диром, решил ольховник тот проверить,
обтопать на всякий случай зверей — мо-
жет, удастся взять, пока не огнездовались.
Велел Миньке закладывать сани, подобрать
в помощники себе двух-трех парней, что
космелее, прихватить поболее всякого
тряпья, стоптанных валенок, старых портя-
нок, клоков овчины от полушубка. Флаж-
ков у Михея не было, вот и решил взять
волков, как говорили встарь, «на рукави-
цу». Растолковал Миньке его обязанности,
дал на всякий случай старенькую бердан-
ку, сам взял у бригадира двустволку. Со-
шел у ольховника, ребят послал по просе-
ке в объезд.

Едут ребята. Минька управляет Рыжим.
Сын лесника Степан и его младший бра-
тенок Тишка — сзади под Михеевым тулу-
пом. Поеживаясь то ли от холода, то ли
еще отчего, Тишка в который раз допыты-
вался у Миньки:

— А как мы будем брать их на рука-
вицу, из нее ж не стрельнешь?

— Чудак, — усмехается Минька, — стре-
лять будут потом, зараз ружья прихва-
тили так, на всякий случай. Обтопать на-
до прежде зверя.

— Как это обтопать? — Белесые, звин-
девшие брови, настороженные глаза

Тишки округляются.—Волк—он те обтопчет!

— Да не его — гнездовье обтапывать будем, — терпеливо разъясняет Минька. — Обьедем ольховник... Чтобы волки сами на людей набрасывались, да еще днем, такого не бывает. Дед говорит, брехня это. Сам волк от человека всегда уходит. Вот чтобы не ушли от гнездовья, и обьедем их, покидаем по снегу, по кустам тряпье разное... Охотник, коль невзначай на лежку волков набредет, обтапывает их: сбрасывает что можно с себя — шапку, шарф, рукавицы, потому и называется «брат на рукавицу». Бойтся волк в нехоженных местах вещей человека, следов его, так и будет рядом ходить, а перешагнуть, если не джые пуганный, не осмелится. И пусть следы метель заметет — все равно сторониться будет их.

— Что ж, он чует сквозь снег? — спросил ломающимся баском молчаливый Степан.

— Леший его знает... дед говорит: росамаха, волк не только чуют, но и видят тени разные на снегу, которых мы, люди, приметить не можем. Такой уж вострый глаз у них... А то еще способ есть, — деловито объяснил Минька. — Берут в сани поросенка, крутят ему ух или хвост — поросенок визжит, визгом своим волков подманивает. А за санями на веревке подстилку пороссячу волокут, самую что ни есть вонючую. Набросятся на нее волки, тут их с сани и стреляют. Дед их по вою различает, — продолжает Минька. — Гнездарь воет хрипло, нудно, аж за душу берет; переярок — тот с перебрехом, а прибылый и вовсе скулит, как собака. Вот так.

Минька сложил у рта ладони рупором и показал, как вабил однажды дед гнездариху голосом прибылого волчонка.

«Уа-ав-яв», — гулко отвечало эхо.

Минька провабил еще раз. Опять унесло куда-то в даль болота эхо. И вдруг... эхо вернулось, только уже огрубевшим, и провабил: «Уоу... уоу».

Шарахнулся, запрядал ушами Рыжий. У ребят похолодели спины.

— Какой же это? — прижался к Миньке Тишка.

— Должно, гнездариха, — стараясь быть спокойным, выдавил из себя Минька, схватив, однако, берданку.

За частиной, откуда донесся ответный вой, белела поляна. Косяком в нее вдавался редкий кустарник. Рыжий тревожно заржал, и ребята увидели, как из кустар-

ника один за другим выбежали на поляну серые, похожие на широкогрудых собак, крутоспинные звери. Потрусили к ельнику. Потом первый из зверей потоптался почему-то на месте, прилег и махнул в отчаянном прыжке через какое-то невидимое издали препятствие. Так же прыгнул второй, третий — волки будто состязались в прыжках.

Запутавшись в вожжах, Минька погнал Рыжего вскачь обратно к деду. Дед ковылял уже навстречу. Выругался на ребят: — Разголосились... спужали зверей!

Минька рассказал, как прыгали через что-то волки на поляне.

Дед потеревил бороду:

— Надо посмотреть, через чтой-то они?

Сел на сани, с трудом развернул упирившегося Рыжего опять в сторону ольховника. Подъехали. Пересекли поляну. Нагнулся дед над следами зверей — у места прыжка снег взрыт лапами и метра четыре нетронутого намета: ни ямки, ни бугорка. Может, под снегом с осени поставленный кем-то капкан? Дед выломал тонкий прут, прощупал его концом разрыв в волчьих следах; прут не наткнулся ни на что, кроме старого наста, отвердевшего в оттепель за день до снегопада. Михей принялся сметать рукавицей, сдвигать свежий снег и вдруг ощутил под рукой на старом наста небольшую неровность. Лыжня! Под густым еловым лапником она была заметна даже на глаз. Лыжня огибала ольховник, и вдоль нее с внутренней стороны снег был густо исслежен волками — значит, кто-то все же обтоптал зверей еще до вчерашнего снега, и Михею не мерещились огоньки их глаз. Волки действительно ходили в окладе, не решаясь перейти через след человека, пока их не пугнули всерьез совсем уже близкие голоса ребят и самый страшный для них звук — щелчок взведенного курка; особенно стреляные слышат его далеко.

Кто же все-таки обтоптал зверей? В округе волчатников не было, по части волков даже из далеких сел обращались всегда к Михею. Значит, кто-то из наезжиков.

Поскоблил дед опять бороду — он всегда делал это, когда его что-нибудь озадачивало.

— А ну, ребята, наломайте лапники, разметьте лыжню, посмотрим, в какую сторону шел.

Минька и Степан, как определить направление прошедшего лыжника, знали. От

палок остаются ямки с черточками. Поначалу ребята думали, что черточки получаются при вытаскивании палок. Один солдат-пограничник разъяснил, что как раз наоборот — черточки получаются при выбросе палки вперед, когда она втыкается в снег. По черточкам выходило, что лыжник начал обходить ольховник с дороги. Михай вспомнил, как мела поэмка, — получалось, что охотник подходил к лежке зверей по ветру. Какой же волчатник не знает, что этого делать нельзя?

Разметавшие лыжню ребята подозвали деда к трлстому кедру. Лыжня здесь разворачивалась вокруг дерева веером.

— Ховался от кого-то, — заключил Михай. — Скачи, внучек, до заставы, пусть шлют наряд. Похоже, на встречу со вчерашним шел кто-то на лыжах.

Поехали Минька и Степан на заставу. Притихшего Тишку оставили с дедом. Степан знал, когда затихает Тишка.

— Спужается дорогой чего — завопит, выдаст враз. Пусть лучше остоается.

Пограничники подкатали через полчаса на газике — с лыжами, в белых маскировочных халатах, с собакой. К деду подошел начальник заставы, бывавший не раз в селе, спросил:

— Что, дед, опять сработала твоя сигнальная?

— Она у меня по всей тайге, — ответил любимой шуткой дед. Он высказал капитану опасения насчет лыжни, потом протянул шарик золотистой бумаги.

Солдаты проверили тем временем лыжню — замкнутый круг: входные следы есть, выходных — нет. Колдовство какое-то.

— Колдовство не новое, — заметил капитан, — работал, может, и под волчатника, надо ж было чем-то оправдать, что крутится на одном месте, а потом пугнули — и стал «колдовать». Замкнутый след — выигрыш времени... Осмотреть по ходу лыжни деревья!

Разбившись на две группы, солдаты пошли по лыжне в разные стороны. Сошлись лоб в лоб — не заметили ничего подозрительного.

— Пройти еще раз! — распорядился капитан. — Смотрите внимательнее — не на вертолете же он с лыжни.

При повторном осмотре солдат нанаяет Ярτικο Кайгалов — сам таежник — заметил у ручья на голом суку старой ольхи метки от накинутаой веревки. У корневина

ща снег был слегка запорошен содранным с коры мшистым наростом. Тут с помощью веревки и снялся «охотник» со своего заколдованного круга.

— Обследовать дерево! — приказал Кайгалову капитан. Ярτικο Кайгалов добрался чуть ли не до вершины — ничего. Потом сбросил ворох переплетенных веток с перьями — старое ястребиное гнездо — и крикнул:

— Есть, товарищ капитан... замаскированный дупло есть!

В дупле оказался увесистый заплочный мешок. В нем было три банки консервов, несколько плиток шоколада, туго скатанный полушубок.

— Спрятал, чтоб уйти налегке и без улик, — заключил капитан, — надеялся проскочить до перекрытия.

Капитан приказал положить вещи обратно в дупло, замаскировать, как было, гнездом и оставить у ольхи наряд для наблюдения.

— А вот и лыжи! — донесся из кустов голос сержанта Петрова, угощавшего вчера Михея отменной ухой. — Швырнул, видно, с дерева в заросли.

— Ушел ручьем, — сделал вывод начальник заставы.

Вода в ручье говорливо перебирала отшлифованные камешки.

— Развернуть рацию! — приказал капитан одному из солдат и направился к газику.

Дело принимало серьезный оборот. По рации начальник заставы связался с отрядом. Были подняты по тревоге соседние заставы, сельские дружины, перекрыты все дороги.

Выходного следа из воды поблизости, конечно, не оказалось. В низовье ручья было много торных троп, перекинутых через воду бревен, мостков. Туда, очевидно, направился лазутчик, но явных следов не удалось обнаружить и там.

* * *

Поиск длился третьи сутки. Из села, расположенного восточнее ручья, еще на рассвете позвонил директор школы: «Ребята видели, как по берегу шел человек в белом».

Пограничных нарядов туда не высылали. Капитан приказал направить в школу сержанта Петрова с резервной служебной собакой...

Незнакомец ушел по торной тропе, не оставив ни одного явного следового отпечатка. Взять след по запаху вещей на третьи сутки, когда по тропе прошло столько людей, собака, с которой работал Петров, не могла, да и вещи оставлены в дупле, и трогать их пока не следовало. Подходы к населенным пунктам перекрыты. Если лазутчик ушел легко одетым, рано или поздно он вынужден будет вернуться на болото. К болоту стекается много ручьев — по какому-нибудь из них и проберется. На все ручьи нарядов не вышлешь. Обычно снегопад в поиске помеха, но на этот раз он мог даже помочь, только сильный, чтоб замело на какое-то время отмели, перебаты на ручьях. Весной снегопады чаще всего такими и бывают. Утром капитан слышал, как Кайгалов сказал солдатам: «Будет сильный пурга».

У него, как у истого таежного охотника, свои «барометры»: сухие веточки на соснах. В сухую погоду они, подсыхая, становятся легкими, тянутся вверх. Перед дождем, снегопадом воздух насыщается влагой, пропитываясь сыростью. Веточки набухают, тяжелеют, свисают. Удивительно точно читал показания своих «барометров» Кайгалов, и, если уж сказал, что будет пурга, — можно верить.

По пути на другой фланг участка капитан заехал на заставу, вошел в канцелярию, устало опустился на стул — бессонные ночи сказались.

Без конца зуммерила в комнате связистов рация, то и дело входил в канцелярию дежурный по заставе, докладывал:

— Товарищ капитан, по берегам Черного ручья следовых признаков не обнаружено.

— С тропы сходов Петров не нашел.

— Пусть отдохнет! — распорядился капитан.

Инструктор служебной собаки сержант Петров был на ногах вторые сутки, а главная работа для него была еще впереди. Пока следа найти не удавалось.

— С дальними дружинами связь держите? — спросил дежурного начальник заставы.

— Задействованы, товарищ капитан, все, — отпартовал сержант. — Поднята, можно сказать, на ноги вся тайга...

Капитан в который раз за поиск развернул карту участка. Вот она, «поднятая на ноги тайга». Сколько нужно людей,

чтобы осмотреть множество ручьев, пройти по каждой тропе, прочесать лесные массивы, болота.

За воротами послышался галопный стук копыт. С дымившейся от пота лошади соскочил паренек. Капитан узнал в нем Степана, сына лесника Федота. Капитан вышел ему навстречу. Запыхавший парень сказал:

— Батя велел слать кого-нибудь к горям.

— Заметил что?

— Заметил... Скачи, говорит, по-быстро-му...

Капитан знал лесника Федота много лет. Человек прошел по фронтам двух войн, партизанил — такой редко ошибается.

— Дежурный! — крикнул капитан с крыльца. — Моего коня! Кайгалова, Петрова с Барсом, очередной наряд, со мной!

Федот встретил пограничников у ка-литки:

— Не так что-то, товарищ начальник, на горях. Которую весну тетерева токуют у выворотней, а нынче вышел поутру, слышу, бормочут не там. Не любят токовики менять для своих гульбищ места. Перелетели — стало быть, на токовище что-то не так. Сторожкая птица тетерев, особенно старый токовик, зорок глаз у него — не только самого человека, следы его, свежепорубленные ветки заметит, тут же перелетит и свадьбу за собой уведет. Там, может, и застукаете кого ищите-то...

Капитан раскрыл планшет с картой:

— Где, говоришь?

— За мыском у ручья выворотни...

— У ручья? Похоже на дело.

Капитан нашел упомянутое место на карте.

— Лошадей оставим у тебя.

Скомандовал солдатам:

— За мной!

Снег на мыске был словно в оспинках. Так выглядели пятнышки от брызг, но следов пограничники не нашли. Ручей перегораживала длинная валежина, от близости воды она обледенела. По ней и вышел, видимо, кто-то на берег: выходя, обрызгал у берега снег. Откуда-то тянуло хвойным дымком.

— Петров, попробуйте пустить по валежине Барса, — распорядился капитан.

И Барс взял след. Скользя лапами по обледеневшему бревну, потянул к берегу. Когда-то здесь изрядно поработал ураган: вывороченные с корнями деревья образовали путаный завал.

Барс перебирался с валежины на валежину, раздраженно фыркал, шерсть на загривке его встала дыбом. Собака была горячей, привыкла к стремительному преследованию, и лазание по скользким бревнам ее злило.

Запах дыма усиливался. Солдаты перебегали следом за Барсом от дерева к дереву. Вот уже различим вьющийся колечками дымок. На поляне тлеет подожженный муравейник.

— Так таежный охотник делает, — пояснил солдатам Кайгалов. — Дрова рубить надо, подбрасывать, а муравейный куча тлеет и тлеет. Огня нет, тепло есть, спать рядом можно.

Кайгалов нагнулся над муравейником, поднял какую-то палку, осмотрел ее, понюхал:

— Паленым шибко пахнет... телогрейку сушил, сапоги сушил, согреваясь, замерз шибко...

Потоптавшись у муравейника, Барс потянул по валежине вправо, но бревно оказалось гнилым, а на снегу появились следы сапог. Барс натянул поводок. Собаку приходилось сдерживать, поспевать за ней было трудно: ноги проваливались, застревали в буреломных завалах. Рядом со следом лазутчика тянулся пунктир беличьих следов, похожих на отпечатки человеческой руки, только очень маленькой, с сильно удлиненными пальцами.

— За белкой пошел, — сказал Кайгалов.

— Так, может, это охотник, — усомнился капитан.

— Нет, товарищ капитан, — покачал головой Кайгалов, — белка линючий сейчас. Голоден он, устал... Стрелять никого нельзя — выдаст выстрелом себя... А белка запасливый, свой кладовой имеет, к осени запасает сушеный гриб, орехи; большой кладовой — досыта наестся хочет.

Кайгалов поднял скорлупу ореха.

— Белка с кладовой орех несла... обронила. Он нашел... пошел кладовой ее искать. Очень голоден.

Кладовая белки оказалась у выворотней, о которых говорил лесник. Топчась здесь,

пришелец и спугнул этих самых тетеревов.

Но пожива для него была небольшой: у маленького дупла валялось с десяток ореховых скорлупок. Пришелец метнулся опять к ручью, пошел снова по воде.

Сбылось предсказание Кайгалова насчет пурги. Она налетела внезапно, с какой-то отчаянностью, словно зима спешила сделать все, что еще могла. Снег повалил хлопьями, но быстро прекратился.

Пошли четвертые сутки поиска, а след был опять утерян. Уставшие солдаты молчали. Помрачнел даже не унывавший никогда в тайге Кайгалов.

— Разрешаю покурить! — распорядился капитан.

Солдаты опустились на землю, уже не выбирая ни пеньков, ни валежин. Люди едва держались на ногах.

Не сел только Ярτικο Кайгалов, попросил у сержанта бинокль, взобрался на высокую сосну, долго, упорно осматривал местность и вдруг крикнул:

— Товарищ капитан, на воде следа нет, на земле следа нет... на небе след есть!

— Какой след увидели вы в небе? — спросил капитан.

— Утка... стайки уток... Он идет по ручью, а впереди взлетают утки.

Все, словно по команде, повскакивали, подбежали к сосне, на которой сидел Ярτικο.

— По Черному ручью пошел он опять... назад на болото. Сейчас у трех кедров примерно.

Капитан затоптал недокурную папироску, поздравил сержанта Петрова:

— Возьмите Кайгалова и с Барсом бегом наперерез — туда, где его вещи... Пошел-таки, видимо, за ними. А мы отрежем отход к горям. Ясно, сержант?

— Ясно, товарищ капитан.

Ко всем будто разом вернулись силы. Стало ясно — развязка близка. «Невидимка» стал видимым.

Взяли пришельца с поличным — у вещей, оставленных им в дупле.

Велика тайга, но чужому не скрыться в ней.

Круг замкнулся

Телефонный звонок

Воскресенье обещало быть очень интересным, если бы не одно обстоятельство, моментально изменившее строй мыслей Алексея Ивановича Петровского. Около десяти часов утра раздался телефонный звонок, и через десять минут он уже мчался по улицам города.

В просторной приемной начальника управления полковника Кушина уже сидели и ждали капитан Колотов, старшие лейтенанты Лазебный и Михальцов.

Вскоре всех пригласили в кабинет.

— Сегодня на рассвете неизвестный самолет нарушил границу, — начал неторопливо Кушин. — Есть данные, что сброшен парашютист. Мы тут посоветовались и решили: операцию возглавит Алексей Иванович, ему в помощь — товарищи Колотов, Лазебный и Михальцов. Вам предстоит прочесать местность, блокировать район возможной выброски, ну и само собою — уточнить маршрут самолета.

Кушин вынул из стола карту и, тщательно расправив ее, обвел красным карандашом небольшой район...

Когда инструктаж закончился, а Колотов, Лазебный и Михальцов вышли, Кушин сказал Петровскому:

— Все время держите меня в курсе событий. При необходимости не стесняйтесь, просите помощь. И еще одно. У Михальцова мало опыта. Так что смотрите. Ну что же, Алексей Иванович, пожелаю вам успеха.

* * *

В песчаный берег залива ткнулся небольшой быстроходный катер. С него сошли четверо мужчин в штатском и майор в полевой форме.

— Тут недалеко, — сказал майор. — Полковник уже ждет.

На проселочной дороге стоял газик, возле которого прохаживался полковник Бордодулин.

— Наконец-то, — произнес он, здороваясь с Петровским и его товарищами, и тотчас приступил к делу. — Коротко сообщу: сегодня около трех часов над этим районом пролетел самолет. Рядовой Иванушко уверяет, что тот сбросил парашютиста.

— Нельзя ли пригласить Иванушко?

Вскоре явился невысокого роста юноша, голубоглазый, собранный.

— Дело было так... — начал солдат. — Около трех часов ночи в небе сначала чуть слышно, а потом все громче и громче зарокотал мотор. Неожиданно звук исчез. Напрягая зрение, я увидел крестообразную тень в небе, а потом неопределенной формы падающий предмет. Вслед за этим опять зарокотал мотор, и снова наступила тишина. Вызвал разводящего, доложил ему, высказал свои соображения.

Поблагодарив солдата, Петровский отпустил его. Теперь надо было предпринимать следующий шаг. По логике вещей, следовало побеседовать с радиолокаторщиками.

Молодецкий лейтенант, подчиненные которого обнаружили прошедшей ночью неизвестный самолет, подробно нарисовал схему его полета. Самолет шел со стороны моря на большой высоте. Углубившись на нашу территорию, он постепенно начал снижаться.

— Как всегда при пересечении границы, моторы были выключены, — рассказывал лейтенант. — Вначале он шел по прямой, затем лег в глубокий вираж. Сделав петлю, машина возвратилась на прежний курс и, набрав высоту, вновь ушла в сторону моря. Потом взлетели наши МИГи. Вот все, что я могу вам доложить, — закончил он.

Его сообщение имело существенное значение. Петровский знал, что для точности приземления парашютистов обычно сбрасывают с небольшой высоты — метров 600—800, причем обязательно в тот момент, когда самолет ложится в вираж. В

данном случае все это имело место. Значит, рассказ Иванушко подтверждался в какой-то мере...

После короткого совещания работники оперативной группы решили осмотреть место предполагаемой выброски. Тут же договорились с полковником Бородулиным и подъехавшими к этому времени пограничниками о том, чтобы прочесать довольно большую территорию.

Место, куда прибыли сотрудники КГБ, казалось малоподходящим для выброски парашютиста. Безлесье, близости воинская часть. По всей вероятности, штурман ошибся в расчетах.

„Я люблю вас, Хельга!“

Жизнь в небольшом местечке Деберитц не отличалась событиями. Все здесь подчинялось давно сложившимся традициям. Единственное, что как-то выделяло Деберитц среди многочисленных подобных ему селений Восточной Германии, это расположенная здесь советская воинская часть.

Давняя дружба связывала подружек Хельгу Утехт и Луизу Порбадник, куда одна — туда и другая. И когда в складе Н-ской части потребовались работницы для переборки картофеля, они обе оказались среди десятка других девушек и женщин, принятых на временную работу.

Как-то в склад зашел среднего роста черноволосый ефрейтор. Луиза Порбадник шепнула подружке: «Ты посмотри, какой симпатичный паренек, и говорит по-немецки». Хельга покосилась на ефрейтора и невольно поправила косынку. Также шепотом она ответила: «Действительно симпатичный».

Ефрейтор подошел к девушкам, представлялся, улыбаясь:

— Павел Васюкович.

Девушки назвали себя. Помолчали. Васюкович подмигнул Хельге Утехт.

— Помочь?

— Спасибо. Сами справимся.

— Ну, как хотите. — И Васюкович покинул склад.

Утром следующего дня ефрейтор стоял часовым у проходной будки. С напускной строгостью он потребовал у девушек пропуска.

— Может, сегодня я помогу вам?

— Мы будем очень рады, — с иронической улыбкой заметила Луиза.

Через два часа он действительно зашел к ним.

— Ну и как?

— Спасибо. — Хельга покраснела. Ей показалось, что Васюкович слишком уж пристально смотрит на нее.

— А чем вы занимаетесь в свободное время?

Девушки переглянулись.

— Читаем, ходим в кино или на танцы, — ответила Хельга. — Иногда удается съездить в Берлин... Там совсем другое дело. А вы были в Берлине?

— Нет. Но очень хотел бы побывать.

— Так в чем дело? Поедьте с нами.

— Что вы? Я ведь военный. Сам себе не хозяин, — с сожалением произнес Павел.

Отчим сразу же заметил перемену в поведении дочери.

— Ты что, влюбилась? — спросил он.

Хельга потупилась. Может, она действительно влюбилась, она еще сама не могла понять себя. Но каждая встреча с Васюковичем доставляла ей радость.

Ойген, отчим Хельги, заведовал баней. Следующий день был субботним. С утра в баню шли воины, и ему то и дело приходилось поторапливать истопника, чтобы русские солдаты и офицеры имели возможность хорошо попариться. В полдень, когда вымылась очередная группа солдат, к Васюковичу подошел Ойген.

— Вы дружите с моей дочерью? — спросил он.

Васюкович смутился.

— А в чем дело?

— Хельга мне о вас много рассказывала. Она, кажется, влюблена в вас, — посмеялся Ойген.

— А что тут плохого?

— Да ничего. Любите друг друга. Ваше дело молодое.

Ойген немного рассказал Васюковичу о себе, что он родился в Лодзи и долгое время жил там. После оккупации Польши гитлеровцами был мобилизован и прослужил в армии до 1945 года.

— Как видите, бог меня миловал, я был ранен всего один раз...

У ефрейтора тоже, как выяснилось, была своеобразная судьба. Он жил вместе со своими родителями в Полесье. В июле сорок первого их село было занято немцами. Жить стало трудно. А в сорок четвертом Павла увезли в Германию. Батрачил он в поместье крупного землевла-

дельца в деревне Тремен, возле города Науэн. Там его и застало окончание войны.

Правда, ефрейтор рассказал далеко не все из своей биографии. Но то, о чем он умалчал, касалось только его одного, и об этом никто не должен был знать. А тайна Павла Васюковича состояла в следующем. Его отец Василий Васюкович был в свое время раскулачен Советской властью и выслан из Полесья. Павел долго не видел отца и неожиданно встретился с ним в июльские дни 1941 года, когда Василий Антонович Васюкович вновь появился в родном селе и в тот же день был назначен гитлеровцами старостой. И в том, что Павел оказался в 1944 году в Германии, был повинен отец. Советская Армия неудержимо наступала. Васюкович-старший чувствовал, что приближается час расплаты. Он бежал со своими новыми хозяевами. Так семья Васюковичей появилась сначала в Бранденбурге, а потом в деревне Тремен.

Но настал апрель 1945 года, и в Тремен вступили советские воины. На первых порах Васюковичу-старшему удалось скрыть причины своего пребывания в Германии. Он вместе со всеми советскими гражданами был отправлен в Советский Союз. И вот здесь-то его настигло возмездие. Советские органы разоблачили бывшего старосту. Мать пыталась внушить Павлу, что его отец пострадал напрасно, что он, будучи старостой, якобы помогал партизанам, что те, кому он оказывал услуги, погибли, и Васюковича-старшего некому поддержать. Павел мало верил в рассказы матери, однако где-то в тайниках его души что-то отложилось. Во всяком случае, Павел никому не рассказывал о своем отце.

Командование части, где служил Павел Васюкович, ничего плохого не могло сказать об этом молодцеватом, всегда подтянутом ефрейторе. Напротив, его частенько ставили в пример другим, советовали учиться у Васюковича аккуратности, стремлению познать в совершенстве свою специальность. В общем, ефрейтор Павел Васюкович был на хорошем счету. Офицерам да и солдатам подразделения, в котором служил Васюкович, было известно, что он, еще будучи мальчишкой, оказался в Германии. Но мало ли кто был в этой стране во время войны. Поэтому никого не удивляло знание Васюковичем немецкого языка.

* * *

Васюкович стоял у проходной. Как и всегда, он попросил Хельгу предъявить пропуск. Но вместе с пропуском вручил ей еще и открытку. На складе девушка прочитала: «Я люблю вас, Хельга!»

«Ну вот и сбилось предчувствие, — подумала она. — Что же теперь делать?»

Дома Хельга, снимая рабочую куртку, выронила открытку. Отчим подобрал ее.

— Я смотрю, ефрейтор действует, как и подобает военному, — сказал Ойген. — Ну что ж, в такую, как ты, не грех и влюбиться.

Девушка молчала.

— Послушай, Хельга, а что, если ты пригласишь ефрейтора к нам? Ведь в других семьях бывают советские солдаты и даже офицеры. Кстати, мне тоже понравился этот парень. Он неплохо говорит по-немецки. Посидим, поболтаем.

Ойген недаром стремился поближе познакомиться с Васюковичем: отца Павла он знал хорошо.

Джек отказывается брать след

Капитан Колотов, старшие лейтенанты Лазебный и Михальцов по распоряжению Петровского разъехались в разные места. Выполняя указание Кушина, Алексей Иванович еще в штабе Н-ской части принял решение блокировать район, где, возможно, мог находиться парашютист.

Сам Петровский во главе подразделения солдат прочесывал местность. Поезд, на котором можно было уехать во Владивосток, отправлялся с ближайшей станции в 4 часа 33 минуты. Вряд ли нарушитель успел на него. Прежде чем покинуть район приземления, ему предстояло куда-то спрятать парашют, комбинезон.

Поезда взяты под особый контроль — вместе с пограничниками действует Колотов. На станцию Угольную, где многие пассажиры, следующие во Владивосток, делают пересадку с других поездов, отправился Лазебный. Окрестностями занялся Михальцов.

Прочесывание местности дало результат. Солдаты нашли окурки папиросы, на которой имелась марка «Химки-порт». Папиросы редкие. Петровский увидел такие в Москве. Окурки бережно завернул в бу-

магу и спрятал в карман. Кроме этого, был обнаружен схрон. Из-под лопатки с очередной порции земли потянулся черный шелк, вместе с парашютом вытащили темный комбинезон на молниях. Эти вещи дали собаке.

— Ну, Джек, теперь твой черед, — сказал проводник и взял собаку на поводок.

Джек покрутился на месте, рыскнул вправо, влево и остановился.

— Искать, искать! Вперед, Джек! — подбадривал собаку пограничник.

Но след исчез. Во всяком случае, Джек отказывался его брать.

* * *

Михальцов который час почти не сходил с машины. Он объехал многие населенные пункты, но напасть на след нарушителя не смог. И вот сейчас, сидя рядом с шофером и вглядываясь в освещенную фарами дорогу, он огорченно думал о том, что ему не о чем будет докладывать Петровскому.

— Давай-ка еще раз на разъезд, — сказал он шоферу.

Небольшая станционная постройка скупо освещалась. Газик резко затормозил. Михальцов выбрался из машины и остановился, вдыхая свежий ночной воздух. К нему подошел мужчина.

— Не разживусь ли у вас спичками?

Михальцов пошарил по карманам, зажег спичку и узнал железнодорожника, с которым уже беседовал.

— Не спится? Был тут кто после меня?

— Наше дело такое. Нельзя спать. Потом отоспимся. Был тут один человек. Чернявый такой. Обходительный. Насчет поезда спрашивал...

Михальцов насторожился:

— И что?

— Папироску стрельнул у него. Вот она.

Михальцов прочел на мундштуке при свете фонарика: «Химки-порт».

Где начинается круг?

Ничего удивительного и тем более подозрительного не было в том, что ефрейтор Павел Васюкович иногда забегал в баню, где беседовал с Ойгеном Порбадником. Если их кто-нибудь и заставал вместе, то слышал, как Ойген, старатель-

но выговаривая русские слова, хвалил Красную Армию.

Прошло немало времени с того дня, когда Ойген предложил Хельге пригласить Павла на чай. Если тогда у Порбадника еще не было твердой уверенности в том, что Васюкович имеет прямое отношение к старому знакомому Ойгена Василию Васюковичу, то теперь он был убежден в этом. Ойген припомнил свои беседы и встречи с Василием Васюковичем. После поражения гитлеровской Германии Ойген остался в Восточной зоне, надеясь при этом найти хозяев в Западной. В 1946 году связался с американской разведкой. И вот теперь подвернулся очень удобный случай.

— Вы, Павел, представить себе не можете, — говорил Порбадник Васюковичу, — как в Западном Берлине интересно можно провести время. То, что есть в нашем Берлине (Ойген имел в виду демократический сектор), не идет ни в какое сравнение с тем, что имеется там... Не правда ли, любопытно посмотреть, как живут люди в другой части страны? Вам, конечно, трудно делать сравнения, а я бывал и там и здесь, жил при разных режимах, это, знаете ли, дает возможность сравнивать. Конечно, что и говорить, при народной власти нам, простым людям, жить куда лучше, но там все же... очень интересно.

Да, Павел был согласен с Порбадником в том, что не мешало бы поездить по свету и посмотреть, как живут люди. Но придет время, он уволится в запас, станет работать, учиться, и, быть может, ему доведется совершить путешествие.

Порбадник, будто бы ненароком, спросил у Павла об отце. Павел смутился. И хотя тут же нашелся с ответом, сказав, что не знает отца с малых лет, Порбадник многозначительно хмыкнул.

Однажды Хельга передала Васюковичу записку: «Мне бы очень хотелось встретиться с вами в другой обстановке. Мы, как мне кажется, могли бы сказать друг другу о многом. Если желаете, наш дом к вашим услугам».

Васюкович решил на самовольную отлучку. И вот он в маленьком домике Порбадника. Ойгену Васюкович не сказал, что часть покинул самовольно. Его встретили как дорогого гостя. Жена Ойгена, еще сохранившая былую красоту, молчаливо и без суеты накрыла стол.

Хельга улыбалась и болтала о всяких пустяках, ее отчим умело поддерживал беседу.

Быстро пробежали два часа. Хозяева очень сожалели, что ефрейтор не имеет больше свободного времени. Но все они были бы очень рады видеть его у себя дома еще раз. Даже жена Порбадника впервые за весь вечер улыбнулась и повторила любезное приглашение вслед за Ойгеном и Хельгой. Хозяин дома вышел во двор проводить Павла.

— Я очень польщен, что вы не отказались от приглашения, — сказал он. И, не меняя тона, неожиданно произнес: — А вы знаете, я бы мог вам сообщить кое-что о вашем отце...

Васюкович замер. Ойген наблюдал за ним.

— О каком отце вы говорите? Я же сказал, что у меня его нет.

Ойген молчал. Васюкович нервничал.

— Сейчас неподходящее время для подобных бесед, — наконец произнес Порбадник. — Вы можете опоздать, нарветесь на неприятности. Я действительно знал вашего отца. Зайдите ко мне на работу, поговорим подробнее.

От хорошего настроения у Павла не осталось и следа. Что он должен был делать? Немедленно пойти к начальству и рассказать обо всем? Но тогда... неприятности за самоволку, спиртное, беседы с Ойгеном... и чем все это кончится? К тому же история с отцом...

* * *

Васюкович старался избегать встреч с Порбадником, а тот искал их. В очередную субботу они увиделись. Воспользовавшись тем, что ефрейтор, одеваясь, несколько замешкался и его товарищи уже ушли из бани, Ойген подошел к нему и, приветливо улыбувшись, поинтересовался самочувствием.

— Почему не заходите? — спросил он.

Павел сослался на занятость по службе.

— Мы здесь одни, — сказал Порбадник, — и поэтому я хотел бы вам сообщить кое-что, касающееся только нас двоих. Чтобы вы не заблуждались, скажу, уважаемый ефрейтор, мы встречались с вашим отцом в Полесье и Бранденбурге, затем в Науэне. Мне известно все. Вы скрываете от советского командования об отце, потому что он работал на гестапо.

Есть люди, которые до сих пор не забыли его прошлых «заслуг»... Кроме того, вы болтали тогда у нас дома много лишнего, и я еще не знаю, как отнесется к этому ваше командование.

* * *

4 декабря Васюкович, дежуря по штабу подразделения, оставил за себя рассыльного и исчез. Ранним утром он сел на электричку и вскоре сошел на станции Темпельгоф в американском секторе Берлина. Пути к отступлению были отрезаны. Павел Васюкович начинал новую жизнь. То, что ждало его впереди, казалось ему менее страшным, нежели честное признание об отце, о своих беседах и сговоре с Ойгеном. Именно Ойген постепенно привел Васюковича к мысли об измене Родине и разработал план побега.

И вот теперь по незнакомым улицам огромного города шагает бывший ефрейтор и ловит на себе удивленные взгляды прохожих. Все хорошее, что у него было, осталось там, за демаркационной линией, а здесь — неизвестность, чужбина.

О чем может рассказать окурок

На рассвете Михальцов прибыл в распоряжение Н-ской части. Дежурный по штабу сообщил, что Петровский только что вернулся из поиска и находится в кабинете у командира.

— Вы очень кстати, — обрадовался Петровский. — Докладывайте.

Рассказать, собственно, было нечего. Он сообщил о том, как объездил несколько близлежащих населенных пунктов, как бывал на разъезде.

— В общем, ничего утешительного, — закончил Михальцов.

— Ну раз вам не повезло, то у него кое-что есть. — И Петровский сообщил о парашюте.

Когда Алексей Иванович показал окурок папиросы, Михальцов спросил:

— «Химки-порт»?

— Верно.

Михальцов выложил перед ним вторую папиросу.

Петровский склонился над листом бумаги, что-то быстро высчитывая.

— Поезд прибывает на Угольную в полдень. На Владивосток оттуда же другой уходит через 45 минут. Так, значит, мы успеем. А вы сейчас свяжитесь с Лазебным, опишите ему приметы ночного незнакомца. Пусть встретит на Угольной Колотова. Если у капитана не будет новостей, пусть следует до Уссурийска.

* * *

Задолго до прихода поезда Лазебный появился на перроне. Он внимательно приглядывался к людям. Наконец подошел и долгожданный поезд. Лазебный заранее разработал план действий. Если незнакомец сойдет на этой станции, то его наверняка можно будет встретить у билетной

кассы: будет вынужден брать до Владивостока или до какого-то другого пункта.

С поезда сошло много пассажиров, и большинство из них сразу же устремилось к кассе. Ни один пассажир его не заинтересовал. На перроне встретил Колотова.

— У меня пусто. Что у вас?

Лазебный доложил обстановку и получил распоряжение следовать до Уссурийска.

* * *

У Кушина шло совещание. После доклада Петровского и коротенького рассказа о встрече Михальцова с пожилым железнодорожником полковник, одоблив план Алексея Ивановича, сказал:

— Теперь надо блокировать железнодорожный вокзал Владивостока. Михальцову организовать наблюдение.

Во второй половине дня позвонили из Уссурийского горотдела и сообщили, что Колотов выехал московским вместе с «другом», которого встретил на вокзале.

...Тяжело отдуваясь, к перрону вокзала подошел запыленный московский поезд. Вот паровоз прошел закопченную арку и остановился где-то около лестницы, ведущей к выходу в город. Петровский и Михальцов, находившиеся на некотором расстоянии друг от друга, почти одновременно увидели, как из третьего вагона вышел Колотов, а из соседнего — Лазебный. Когда Колотов поравнялся с Петровским, он глазами показал на шедшего чуть впереди него среднего роста мужчину в коричневом со светлой полоской костюме. Такого же цвета была кепка.

К оперативным работникам быстро подошел Михальцов. Не останавливаясь, шепотом сказал Петровскому:

— Это он!

Петровский, Колотов и Лазебный двинулись вслед за человеком в коричневом костюме. Он шел не торопясь с небольшим чемоданчиком в руках. Незнакомец поднялся по ступенькам и, миновав распахнутую железную калитку, вручил стоявшему около нее железнодорожнику свой билет. Выйдя на привокзальную площадь, подошел к будке диспетчера такси.

За океан

Васюкович надеялся, что американцы встретят его с распростертыми объятиями. Но они без всякого интереса приняли Павла в какой-то воинской части, а потом отвезли на окраину. На другой день Васюковича переправили во Франкфурт-на-Майне и упрятали в огромный лагерь возле города Оберурзуль.

В течение недели Павла несколько раз вызывали на допросы. Васюкович должен был еще и еще раз подробно рассказывать свою биографию, вспоминать мельчайшие детали из жизни в армии, называть фамилии известных ему офицеров, новые виды вооружения. И он добросовестно повторял каждый раз все, что знал. Более того, решив, что ему не очень-то доверяют, плел несусветную чушь о жизни в Советском Союзе, о том,

как якобы преследовали их семью за то, что во время войны она оказалась на оккупированной территории.

Через несколько дней Васюковича перевели в общий барак.

— Там вы будете значиться под фамилией Штарк, — сказали ему.

В лагере, где очутился Васюкович, царил странный порядок. Такие же, как и Павел, люди — перебежчики из Польши, Чехословакии — находились здесь уже продолжительное время. Они ничем не занимались, если не считать того, что им время от времени читали лекции о западной демократии и показывали кинофильмы такого же содержания. Начальник штаба лагеря майор Лелинский, главный следователь Таргонен, сержант Вульф, принимавший под свою опеку лиц, переведенных из тюрьмы в лагерь, сержант Борисевич, допрашивавший людей, говоривших по-русски, — все они, на первый взгляд, мало интересовались перебежчиками.

Васюкович хорошо изучил лагерь. Он был обнесен высокой колючей проволокой. Ночью по освещенной яркими прожекторами территории патрулировала полицейская машина. На той части лагеря, где помещались бараки, было еще более или менее сносно. А вот что творилось за проволочным ограждением, завешенным кусками брезента, Павел не знал. Говорили, что там находится тюрьма.

Васюкович пытался завести новые знакомства. Но заключенному Штарку никто не говорил о себе правды, потому что каждый из собеседников носил такую же вымышленную фамилию, как и Павел. Однажды вызвали в штаб и познакомили с неким Алексеевым.

— Меня прежде всего интересует ваше физическое состояние, — сказал Алексеев. — Умеете ли вы плавать, управлять лодкой, автомобилем, не боитесь ли прыгать с парашютом?

Когда Васюкович ответил на все вопросы, Алексеев спросил:

— Ну так что же вы думаете делать дальше, молодой человек?

Видимо, пришла пора конкретно отвечать.

— Хочу сотрудничать с вами...

— Ну что ж, это не так уж плохо. Если вы всеерьез, то, видимо, расстанетесь с лагерем.

За долгие дни, проведенные в лагере,

Васюкович о многом передумал. Не раз казнил себя за малодушие, трусость. Не раз истязал за совершенную глупость. Ну зачем надо было бежать к американцам? Кто он им? Ну, отец враг, так он же не враг! Ничего плохого против своей страны он не сделал. Болтал с Ойгеном? Ну и что? А почему не поговорить с немцем? Ох, если бы попался ему сейчас Ойген, который вместе со спиртным по капле вливал в него яд трусости, неверия своим товарищам по оружию!

А Хельга? Ойген обещал, что через неделю он привезет Хельгу в Западную зону и даже даст в долг часть своих сбережений — хватит на первое время. Несколькими раз Павел пытался выяснить, ищет ли его Ойген. Но ему в ответ только ухмылялись. «Неужели Хельга действовала в сговоре с отчимом?» Вспомнились их коротенькие встречи, ее шепот, признание в любви... Если бы можно было вернуться. Если бы... Порой ему казалось, что он сходит с ума, или все это только сон? Но шло время, и он постепенно свыкался со своим положением и в то же время озлоблялся, ненавидя отца за подлость, мать — за то, что родила его, ненавидя Советскую власть, фашистов, американцев и всех лагерников. Ему хотелось вырваться, чтобы увидеть белый свет, выползти из-за колючей проволоки. Он был на все согласен, лишь бы почувствовать волю. И когда Васюкович дошел до состояния полного отупения, его повезли в госпиталь во Франкфурте-на-Майне.

— Мы хотим еще раз проверить ваше здоровье, — говорил американец.

В квадратной комнате врач усадил его на стул и попросил раздеться до пояса. На правую руку намотал жгут, на грудь — гофрированную трубку, на ладонь левой руки — какой-то зажим. Свет погас, и только лицо Васюковича оказалось ярко освещенным. В первую минуту он растерялся. Затем услышал вопросы: «Вы курите? Ваша фамилия? Ваш отец осужден?» Он должен был на них отвечать «да» или «нет». Когда процедура закончилась, американец сознался:

— Это мы сделали для того, чтобы проверить, умеете ли вы быстро думать. Оказывается, умеете.

Васюковича снова вернули в лагерь, и опять потянулись однообразные, полные тоски дни. И только в конце апреля ему приказали собираться. Долго мчались по

дорогам Германии, прежде чем добрались до Аугсбурга. Его поместили в отдельный домик, где он и жил некоторое время в весьма приличных условиях. Пожилая немка готовила ему и убирала, старик следил за садом.

Частенько в гости к Васюковичу навещался некий Алексеев. Они разговаривали на различные темы, но каждый раз Алексеев старался повернуть беседу на политику. Он исподволь растолковывал Васюковичу, что только в США человек может жить свободно и брать от жизни все, что захочет. Павел нехотя слушал. Иногда в домик заходил молодой американец Эвинг — преподаватель английского языка. Но он не только учил Васюковича английскому. В его обязанности входило также рассказывать о политическом устройстве США.

А как-то в особнячке появились двое американцев с пластинками, на которых были записаны различные сочетания знаков азбуки Морзе. Потом приходили еще двое. Те сфотографировали Васюковича, взяли оттиски пальцев, потом предложили подписать фамилией Далтон нечто вроде анкеты.

— Так надо. Вы не беспокойтесь, эта формальность нужна только в Америке.

Заканчивался месяц. Однажды Алексеев сам начал так давно ожидаемый Павлом разговор:

— Вот что, наступает пора заняться вам серьезным делом. Мы решили, что вы будете работать на Дальнем Востоке...

— Но позвольте, — попытался возразить Павел.

— Значит, на Дальнем Востоке, — будто бы не слыша возражения, продолжал Алексеев.

Что значит «работать» — Васюкович отлично понимал. Из него собирались сделать шпиона. И хотя бывшего ефрейтора не очень-то устраивала уготованная для него судьба, другого выхода не оставалось. «Ну что ж, — думал Васюкович, — что здесь лагеря, что в Советском Союзе. Так лучше на родине отсидеть. Сдамся».

В последних числах мая Васюковичу сообщили, что очень скоро его отправят в США. И вот он в Соединенных Штатах. Поместили где-то на окраине города в пустом доме. Частым гостем Павла был некто Петр. Он дотошно расспрашивал своего подопечного, много говорил о прелестях капиталистической системы.

Иногда Васюкович вместе с Петром выезжал на прогулки, бывал в магазинах, в ночных клубах.

— Будешь благоразумным, получишь кучу денег — и все удовольствия у твоих ног. Понятно, что тебя ждет? Эх, парень, мне бы на твое место... — вздыхал Петр, но Павел не верил ему.

Прошло еще несколько дней бесцельного времяпровождения. И наконец сообщили, что пора собираться в дорогу. Через пять дней Васюкович оказался в Техасе. Здесь он получил теплую одежду и через Канаду был направлен на Аляску, затем большой четырехмоторный самолет доставил его в Токио.

Домик на окраине

Молодой человек в коричневом костюме уверенно шагал по улицам Владивостока. Вот он дошел до перекрестка, где трамвай сворачивает на Ленинскую. Остановившись на минуту, двинулся по главной магистрали города. Потом зашел в гастроном, но ничего не купил, а внимательно разглядывал витрины.

Женщина, диспетчер такси на привокзальной площади, сказала Колотову и Лазебному, что человек в коричневом костюме спросил, как пройти на базар. И теперь оперативные работники примерно знали его маршрут.

Действительно, пассажир нашел рынок, где недолго бродил между прилавками и, остановившись у груды овощей, о чем-то говорил с торговкой. Поручив милиционеру проверить, что это за женщина, сотрудники КГБ продолжали наблюдение.

Спустившись от рынка по улице Дзержинского, он направился к трамвайной остановке неподалеку от городского парка.

— Виктор Александрович, — сказал капитан Лазебному, — вы поедете на машине, а я сяду вместе с ним в трамвай.

* * *

Утром следующего дня Петровский встретился с Колотовым. Капитан обстоятельно обрисовал ему все подробности прошедшего вечера.

— На базар он зашел, чтобы подыскать квартиру. Поселился у стариков Козаченко.

— Брать пока не будем, — сказал Петровский.

— Думаете, сам придет? — спросил Колотов.

— Хотелось бы.

И летом бывает холодно

В Токио Павла снова поместили в отдельный домик. Чтобы отвлечься от тяжелых дум, он целиком отдавался учебе. А заниматься приходилось много. Программа подготовки была обширной, и, чтобы освоить ее, нужно напрягать все силы.

Что, например, знал раньше Васюкович о Приморском крае и центре его — Владивостоке? Почти ничего. Теперь он ежедневно изучал город по точно изготовленному макету, на котором были обозначены все улицы и переулки, учреждения. То, что нельзя было нанести на макет, заменялось множеством фотографий.

День шел за днем, а в жизни Васюковича мало что менялось. Он уже изучил способы тайнописи, мог быстро разобрать и собрать приемник-передатчик, и в то же время ежедневно вдалбливали в голову, что ему предстоит особая миссия, что через год он вернется и будет обеспечен на всю жизнь. Но Васюкович все же думал о явке с повинной.

— Не вздумайте явиться в КГБ, — предупреждали его, — иначе будете казаться. «Ладно, — размышлял Васюкович, — там поглядим. Может, действительно не так страшен черт, как мне кажется».

Утром инструктор Саблин сообщил: пора собираться в путь. Заканчивались длинные месяцы учебы и развлечений в ночных клубах. Но душевного спокойствия не было.

За час до вылета Саблин вручил Васюковичу пакет:

— Вот вам новые документы. Отныне вы Николай Павлович Морозько, из Бреста.

...Пять дней Морозько находился во Владивостоке. Утром выходил из домика на Рабочей улице и возвращался поздним вечером. Однажды его не было более суток.

Федор Терентьевич Козаченко, хозяин дома, внимательно приглядывался к своему новому постояльцу. Улучив момент, он как-то сказал:

— Пора, Николай Павлович, прописать тебе, что ли, а то, чего доброго, ззглянет участковый, неприятностей не оберешься.

— Да, да, вы правы, все как-то времени не хватает. К тому же я не знаю, какие у вас тут порядки существуют с пропиской-то, — оправдывался Морозько.

— А порядки — они такие же, как и везде... Надо в милицию обратиться, они там все знают...

И вот в отделение милиции явился человек, предъявивший документы на имя Николая Павловича Морозько.

Младший лейтенант милиции, взявший документы, внимательно поглядел на посетителя и вежливо ответил:

— Зайдите через пару дней.

* * *

Вечером паспорт и пропуск на право въезда во Владивосток Николая Павловича Морозько лежали на столе у Алексея Ивановича Петровского.

— Это чистойшей липа, Алексей Иванович, хотя бумаги сделаны недурно, — сказал сотрудник, занимавшийся проверкой документов.

...Скоро на запрос из Бреста пришел ответ. Николай Павлович Морозько никогда в Бресте не проживал. Теперь не оставалось уже никаких сомнений, что тот, кто выдавал себя за Морозько, был другим человеком.

Выслушав доклад Петровского, Кушин сказал:

— А ведь и не думает идти с повинной. Надежды наши, как видите, не оправдались.

— Уверовал в свою неуязвимость. Ну что же, тем хуже для него.

...Козаченко и сам точно не мог сказать, когда у него возникла мысль пойти в управление государственной безопасности. Человек, которого он приютил в своем маленьком домике, вроде бы не отличался от прежних постояльцев Федора Терентьевича, но в то же время многое в его поведении заставляло задуматься.

— Спасибо, отец, — поблагодарил его Петровский. — Мы проверим этого гражданина.

Между тем Морозько уже связался по рации со своими хозяевами, он действительно уверовал в свою неуязвимость. «А черт-то не так страшен, — думал он. — Сколько дней нахожусь в Советском Союзе — ничего». Он уже с благодарностью вспоминал тех, кто готовил ему документы.

Что испытывал Морозько-Васюкович, ступив на родную землю? В первый момент — жуткий страх, потом радость и снова тягучий страх, заковавший сердце в ледяной панцирь. А когда получил паспорт, совсем успокоился.

Ни о какой явке с повинной он уже не думал.

Все, казалось, шло отлично. И когда через день Морозько вновь сошел на станции Океанской, он находился в самом хорошем настроении. Уже по знакомой дороге углубился в лес, к месту, где спрятал радиопередатчик. Быстро настроившись на волну, взялся за ключ. И в это же самое время кто-то за его спиной приказал ему поднять руки.

Так закончился путь предателя.

А. Анциферов, Ю. Макеев

Последний рейс

Дым над старой хижинкой

Темной осенней ночью пограничный наряд шел вдоль каменистого берега. Глухо шумел прибой. Шурша галькой, набегавшие волны нехотя упоздали назад. Пограничники Родионов и Костарев давно привыкли к неумолчному голосу Охотского моря, и он не мешал бы им различить любой посторонний звук. Солдаты шли осторожно, но уверенно, всматриваясь в каждую расщелину в скалах, в каждый куст на крутых склонах сопок. Сегодня начальник заставы старший лейтенант Портнягин, отдавая приказ на охрану государственной границы, предупредил:

— Будьте особенно внимательны. Тщательно проверьте участок за мысом Черный Камень.

А вот и мыс. Голый каменный утес повис над морем. У его подножия все время рокочет прибой, и только на короткое мгновение, когда усталые волны откатываются назад, чтобы с новой силой обрушиться на скалу, между морем и каменной стеной открывается узкая прибрежная полоса. Лишь в эти секунды и можно проскочить через мыс.

Пограничники остановились, молча поправили автоматы и, выждав, когда схлынул «девятый вал», поочередно преодолели участок пути.

— Проскочили! и даже сухими, — тихо сказал Родионов. — Пошли дальше. Осмотрим старую рыбалку.

Рыбалкой на заставе называли то место, где стоял большой покосившийся сарай и неподалеку приютилась дощатая хижина. Летом, во время пугины, здесь обычно живут рыбаки. В остальное время рыбалка пустует.

Неходя до сарая, Костарев вдруг остановился и потянул носом воздух.

— Ты ничего не чувствуешь? — тревожно спросил он. — Дым! Пахнет дымом!

Присмотревшись, солдаты заметили, что из трубы хижины поднималась тонкая се-

рая струйка. Значит, в доме кто-то находился. Кто? Ведь рыбаки покинули хижину полтора месяца назад. Поблизости не было ни одного населенного пункта, и вряд ли кто из местных жителей мог забрести сюда. Пальцы невольно легли на спусковые крючки.

Бесшумно ступая по камням, Родионов и Костарев подошли к хижине, прислушались. Тихо. Один из них осторожно потянул дверь на себя. Она медленно подалась, неожиданно заскрипев ржавыми петлями. В доме послышался шорох.

— Кто здесь? Выходи! — отрывисто крикнул Родионов.

На мгновение вновь установилась тишина. Слышно было, как тикают на руке часы.

— Заходите, пожалуйста, сюда, — нарушив безмолвие, сказал кто-то на ломаном русском языке. Тут же вспыхнул яркий луч фонаря, резко хлопнул выстрел. Взвизгнула пуля. Пограничник, отпрянув в сторону, выстрелил на голос.

Сомнения не было — там враг.

Сообщив на заставу, наряд залег за каменным барьером вблизи рыбалки, отрезав нарушителю путь к морю.

Выстрелы прекратились. Только по-прежнему за спиной шумели волны. Родионов посмотрел на светящиеся стрелки часов, мысленно прикидывая: вот сейчас старший лейтенант Портнягин дает команду «В ружье!», вот товарищи идут на помощь, скоро они будут здесь.

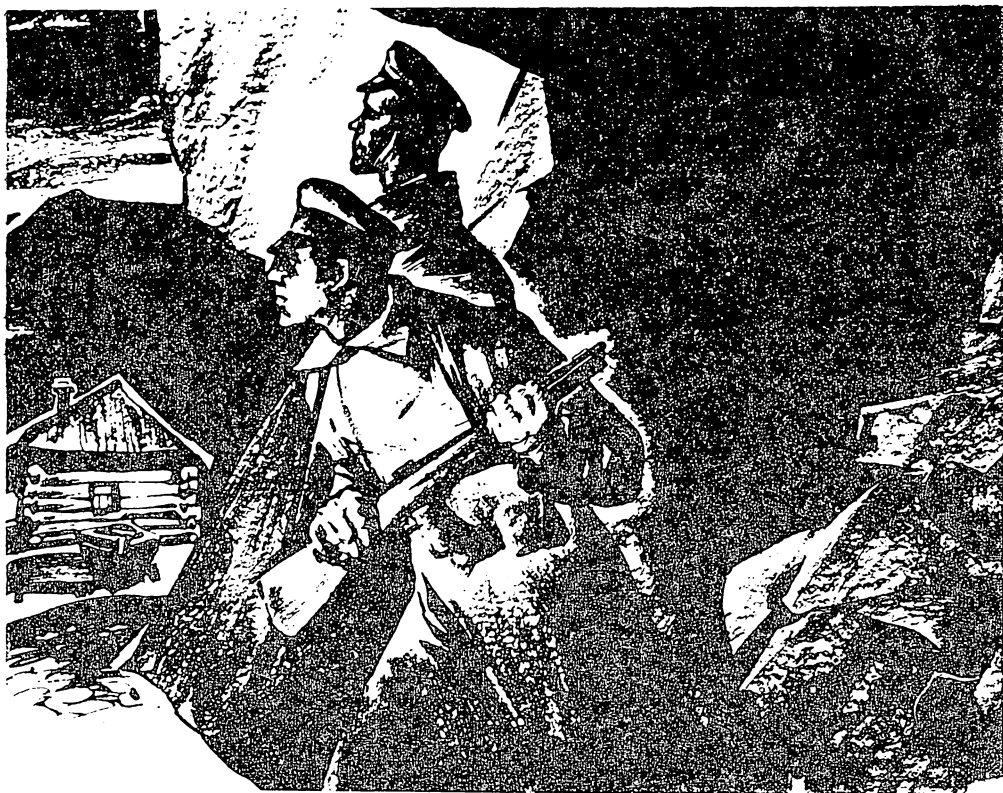
Помощь подоспела на рассвете. Окружив хижину, пограничники распахнули дверь.

— Руки вверх! Бросай оружие!

Но никто не ответил. На полу на соломенном мате, раскинув руки, лежал человек в синей телогрейке и резиновых сапогах. В потолок смотрели остекленевшие глаза. Возле скрюченной руки валялся длинноствольный пистолет.

— Покончил с собой. Видимо, на себя не надеялся, — проговорил кто-то.

— Оставить все на месте, — приказал Портнягин.

Вскоре прибыли работники госбезопасности.

— Самоубийство, говорите? — сказал начальник оперативной группы полковник Пальчин. — Сейчас выясним.

Полковник внимательно осмотрел комнату, не упустив ни одной мелочи. В правом углу стояла сделанная из старой железной бочки печка, около которой лежали дрова. На столе корыто с тестом, рядом измазанная мукой саперная лопатка и четыре соленые рыбины. На нарах, слева, — рюкзак. Полковник подошел к трупу и поднял пистолет.

— Бесшумный, — определил он.

И тут внимание Пальчина привлекли гильзы на полу.

— А эта штучка к пистолету не подходит. Она от браунинга, — сказал он, держа гильзу на ладони.

При осмотре вещей неизвестного обнаружили бинокль, в котором оказались аккуратно сложенные листки с топографическими знаками и иероглифами.

— Да, птичка не простая. Знала, чем интересоваться, — проговорил капитан Синикин, разглядывая схемы. Он отлично владел японским языком и быстро переводил: — Аэродром, склады боеприпасов, порт, расположение воинских частей.

Среди вещей нашли два мундштука.

— Здесь был еще кто-то, — уверенно заключил Пальчин, — совершенно не самоубийство. Гильзы не подходят. Значит, стрелял тот, кто унес браунинг и кому принадлежит второй мундштук. Дальше. На трупе два пулевых ранения. Оба смертельные, одно исключает другое. У неизвестного не хватило бы сил на второй выстрел.

Вскрытие трупа потом подтвердило правдивость выводов Пальчина. Извлеченные пули были от браунинга.

— Товарищ полковник, — доложил один из офицеров, — во второй комнате в стене пролом.

Сомнения не было: пользуясь темнотой, второй нарушитель ушел через это отверстие. Он прикончил своего напарника, чтобы имитировать самоубийство и тем самым замести свои следы. Но, видимо, торопился и «сработал» грубо.

Полковник отдал приказ:

— Блокировать район, выслать поисковые группы, перекрыть все возможные пути следования шпиона.

Капитан Грей желает удачи

25 мая 1947 года пароход с очередной группой репатриированных японских граждан покинул берега Сахалина и взял курс на Хоккайдо. На палубе среди других пассажиров на чемодане сидел невысокий молодой человек в больших очках с роговой оправой. Жесткая прядь черных волос упала ему на лоб, потупленные глаза устремлены в одну точку.

Было о чем задуматься Тани Акира. Что ждет его в Японии? В Тойохара, где он жил и работал синоптиком на гидростанции, Тани имел хоть какой-нибудь постоянный заработок. В Японии же, судя по разговорам, найти приличную работу не так-то просто. Всюду в стране толпы безработных. Люди за чашку риса готовы гнуть спину с утра до ночи.

К этим толпам и присоединился Тани Акира. Но вскоре ему повезло: он устроился кондитером в городе Момбецу. Пришлось расстаться с мечтой стать радиотехником, но зато на новом месте кроме заработка ему кое-что перепало. В кондитерской он мог питаться, однако и при этом Тани еле сводил концы с концами. Он не мог позволить себе каких-либо развлечений, а ведь Акира был молод и жаждал удовольствий.

Кондитер с завистью наблюдал за американскими парнями в военной форме, которые по вечерам заполняли рестораны и дома терпимости, сорили деньгами. Но ничего не поделаешь. Ведь он, Тани, всего лишь японец, в его стране многим японцам живется несладко.

И остался бы Тани Акира скромным кондитером, если бы не один случай. В кондитерскую однажды зашел какой-то важный, прилично одетый мужчина. Предложив Тани сигарету, он заметил:

— Тебе не надоело сидеть в этой дыре? Умные молодые люди всегда смогут хорошо заработать. У американцев много денег, и они прилично платят. Подумай!

Покровительственно похлопав оторопевшего Акира по плечу, незнакомец удалился.

Тани не понял тогда, было ли это предложение или случайный разговор, но слова о деньгах не выходили у него из головы.

Вскоре к кондитерской подкатил легкой автомобиль. Приехавший отрекомендовался: Накагава. И попросил Тани прокатиться с ним для разговора. Акира был польщен тем, что богатый господин любезен с ним и даже предлагает ему место в автомобиле.

Машина остановилась около серого здания. Они поднялись в лифте на неизвестно какой этаж. В одном из кабинетов Тани познакомились с неким Конно.

— Вы родились под счастливой звездой, молодой человек, — любезно улыбнулся Конно. — Вами интересуется «Каунтер Интеллидженс кор», сокращенно Си-Ай-Си. Знаете, что это такое? Американская разведка. Не смущайтесь. Если вы хороший японец, то понимаете, что, работая на Америку, вы оказываете большую услугу Японии. Кстати, какая работа вас больше всего привлекает?

Тани Акира рассказал о своей мечте.

— Радистом, радиотехником? — переспросил Конно. — Неплохо...

Вскоре к нему приехал человек по имени Накаяма Фумио. Он дал кондитеру адрес в городе Саппоро, по которому Тани должен написать, если желает работать радистом. Акира не стал медлить и, сообщив о своем согласии, выехал в Саппоро.

Здесь у него взяли подписку, что он, Тани Акира, обязуется хранить тайну, прекратить всякое общение с родными и знакомыми, бороться за «воссоздание» Японии. В заключение взяли отпечатки пальцев, и Акира зачислили в американскую школу разведчиков-радиотов, находившуюся в Саппоро по адресу Минами-Дзюрокудзе-Нисиготемэ.

С апреля 1951 года синоптик, а затем

кондитер Тани Акира перестал существовать. Появился Акимото, агент американской разведки.

Начались напряженные дни учебы. Вместе с Акимото в школе проходили курс шпионских наук еще двое — Сигеру Мори и Купио Сакаи.

Официально «учебное заведение» числится как дом частного владельца Накаяма Фумио.

В этом «частном» доме люди жили по строгому распорядку. Подъем в 6 часов утра. С 3 часов 30 минут занятия. Вечером — свободное время, которое «курсанты» коротали в ресторанах и публичных домах. Им было на что кутить: на них не жалели денег.

Наконец школа окончена. Тани-Акимото вызвал Грей, капитан американской разведки. Это был высокий, рыжий мужчина с короткой шеей. Его большие глаза никак не вязались с мрачным лицом. В последнее время Грея преследовали одна за другой неудачи. Поэтому он был раздражительным.

Капитан успокаивался только за виски. Тогда он становился разговорчивым, шутил, громко смеялся.

— Пора заняться настоящим делом, — заметил он Акира, подливая ему виски. И «настоящие» дела начались.

В мае 1952 года неизвестная шхуна пыталась подойти к одному из советских островов, но путь преградил пограничный корабль. Затем в начале октября 1953 года был совершен новый рейс, и снова неудача. Тани-Акимото вернулся ни с чем.

К третьему рейсу готовились особенно тщательно. Операцией руководил непосредственно Грей. Чтобы поддержать упавшего духом агента, Грей вручил ему солидный куш.

Тани Акира дали помощника — Такакува Ютака, который в Си-Ай-Си значился под кличкой Абе.

...На шхуне «Сева-Мару» неожиданно увеличилась команда. Новички заявили владельцу судна Манеда Мантаро:

— Нам нужно пропахнуть рыбой и иметь мозоли на руках. Ведь мы рыбаки, не правда ли?

И «Сева-Мару» курсирует вдоль берегов Хоккайдо. Тани и Такакува вместе с командой торгуют свежей рыбой, вживаются в роль рыбаков.

Но вот владелец шхуны сам закупает рыбу. На судно грузят снасти. Тайно пере-

правляется на «Сева-Мару» снаряжение шпионов. Капитан Грей, склоняясь над картой советского острова, дает последние наставления:

— В случае задержания шхуны бросайте снаряжение за борт, уничтожьте все улики. Вы — рыбаки, сбившиеся с курса. Желаю удачи.

В ночь на 24 октября «Сева-Мару» снялась с якоря.

„Молитесь богу“

Район, где мог скрываться убежавший из хижины нарушитель границы, сужался с каждым часом. Полковник Пальчин внимательно следил за продвижением поисковых групп. Пограничники действовали наверняка. Шпион не мог уйти. Он был обречен. У него оставалась единственная надежда — выйти к берегу моря и вызвать по радио шхуну. Именно на это и рассчитывал Пальчин, организуя операцию. Сторожевые пограничные корабли стояли наготове.

Одну из поисковых групп возглавлял капитан Синикин. Каждый шаг давался трудом. Плотный кедрчак и низкорослый бамбук образовали сплошные непроходимые заросли. Пробовали пустить по следу собаку, но она оказалась бессильной перед зеленым заслоном. Люди продирались сквозь кустарник, осматривали каждый метр земли.

— Не уйдет, — вытирая вспотевшее лицо рукавом, сказал Синикин. — Скоро будем брать.

Кольцо сжималось.

...Как затравленный волк метался Акира. Он чувствовал, что земля горит под ногами, и спешил: быстрее, любой ценой выйти к морю. Шпион нетерпеливо смотрел на часы, ожидая условленного времени для связи с радиоцентром. Портативная радиостанция, которой снабдил его капитан Грей, находилась в брезентовом поясе, под ватной курткой. Вставив в ухо маленький телефон, Тани Акимото заработал ключом: «Нас обнаружили. Абе убит пограничниками. Меня преследуют. Высылайте шхуну. Сообщаю координаты...»

Затаив дыхание, Акира ждал ответа, от которого зависела его судьба. Наконец сквозь потрескивание в эфире агент услышал зашифрованные сигналы: «Шхуна выйти не может из-за плохой погоды».

Дрожащими руками шпион вытащил из специального мешочка код, карту, составленные им схемы и записи и торопливо бросил в яму, где тлел разведенный им костер. Бумаги сжались и вспыхнули. Огонь неумолимо пожирал то, ради чего пришел Тани на советскую землю и что стоило ему стольких усилий и лишений. А ведь вначале, казалось, все шло хорошо. Высадившись под прикрытием тумана на шлюпке, Тани и его подручный Такакува прошли в глубь острова и связались с Саппоро. «Поздравляю с блестящим успехом, — ответил Грей. — По возвращении вас ждет хорошее вознаграждение».

Но не знал тогда Тани Акира, не знал и капитан американской разведки, что их карта уже бита, что присутствие на советском острове посторонних людей было замечено. Не случайно, когда агенты собрались в обратный путь, они не нашли в условленном месте шхуны. И причиной тому была отнюдь не плохая погода, как уверял Грей.

Агенты терпеливо ждали еще несколько дней. Потом кончились консервы, шоколад, все продукты, кончились и бездымные химические брикеты, на которых было так удобно разогревать чай. Шпионы хотели есть. Голод пригнал их к старой рыбалке. Они обрадовались, когда обнаружили там соленую кету и немного муки.

С помощью ручной пилы шпионы заготовили дрова, затопили железную печку и на саперной лопатке стали печь лепешки. Ели с жадностью, прямо с огня. Такакува тут же свалился на нары и, завернувшись в спальный мешок, захрапел. Тани, шатаясь от усталости, вышел в темноту и побрел к берегу моря. В его руке был сигнальный фонарь. Он все ждал шхуну, но море оставалось безучастным: никто не ответил на сигналы. Тани выругался и отправился спать.

Шпионы проснулись от скрипа двери. Поняв, что они обнаружены, Акира решил не сдаваться. Началась перестрелка.

Смекнув, что дело принимает опасный оборот, Тани замыслил злодейский план. Он подошел к Такакува и в упор два раза выстрелил ему в грудь. Создав видимость самоубийства, второпях собрав свои вещи и, выломав доски в стене, пополз в сопки. Ценой жизни напарника он хотел спасти свою шкуру, замести следы. Он не посчитался с тем, что у Такакува на Хоккайдо осталась большая семья, что Абе

был его соотечественником. Недаром Тани Акира прошел школу капитана Грея.

И вот сейчас Тани Акира, обросший, оборванный, голодный, одиноко сидит у потухшего костра. Ему страшно, за каждым кустом мерещатся пограничники, каждый шорох кажется шагами. И он бежит, бежит дальше, к морю.

Надежда все еще не покидала Тани. Агент в последний раз связался с разведцентром. Он просил, умолял спасти его, немедленно выслать шхуну. Капитан Грей ответил кратко: «Уничтожайте улики. Молитесь богу».

Хриплый вопль вырвался из груди Акира. Он понял, что провалившиеся шпионы не интересуют американских хозяев. Тани подбежал к краю обрыва, отстегнул пояс с американской радиостанцией и бросил его вниз в море. Туда же полетели бинокль и компас. Агент помедлил и швырнул браунинг. Затем, повернувшись лицом к приближающимся людям в зеленых фуражках, медленно поднял руки.

— Где оружие и радиостанция? — услышал Акира вопрос на японском языке.

Шпион попытался улыбнуться дрожащими губами:

— Какое оружие, господин. Я рыбак. Наша шхуна разбилась.

— Твой напарник рассказал нам, какой ты рыбак. — в упор сказал капитан Синикин. — Ведь он еще жив.

Акира вздрогнул, сник и кивнул в сторону скалы:

— Там.

Когда радиостанция была поднята, Акира приказали отойти к сопке. Он решил, что настал конец. Шпион задрожал, его лицо исказила гримаса отчаяния, глаза расширились. Как ни тренировали его учителя из Си-Ай-Си, Акира боялся расплаты. Но агент плохо знал советские законы. Его просто сфотографировали.

В старой рыбалке, куда его доставил американский шпион, увидев труп Такакува, начал неистово молиться.

...Майор Богдановский ведет допрос. Тани Акира путает, хитрит, изворачивается, но под давлением улик вынужден рассказать все. Да, он американский шпион, сотрудник разведцентра Си-Ай-Си в Саппоро. Зброшен в Советский Союз для сбора сведений о военных объектах.

Тани Акира разоблачает преступную деятельность американской разведки, называет подлинные имена своих хозяев —

подполковника Индо, его ближайших помощников капитана Грея, Кейса, Томаса, Бланка, Када. Звучат японские имена Маик Окуса, Наката Чаку, Гото Йонэдзиро, Норимото Джек, Ватанабэ.

Так бесславно закончился последний рейс американского шпиона-диверсанта Тани Акира.

Материалы из зала суда были опубликованы в советской прессе и перепечата-

ны в японских газетах. Как позднее рассказали японские рыбаки, действительно заблудившиеся и по ошибке попавшие в советские территориальные воды, жители Сатпоро, возмущенные произволом и хозяйничанием янки, пришли по адресу, сообщенному в газетах.

Но в «частном» доме, где размещалась шпионская школа, уже никого не оказалось.

Н. Махнев

Безбожник

Было пасмурное осеннее утро

Мы с Иваном Андреевичем Ильинцевым — начальником местной заставы — после проверки участка, промокшие с головы до пят, возвращались домой.

— Ну и погодка, черт бы ее побрал! — невольно вырывается у меня.

Иван Андреевич загадочно и снисходительно смеется в ответ:

— Кое-кто только и ждет вот такой погоды...

Мне уже не раз доводилось слышать, что нарушители переходят границу чаще всего в дождь, туман, снегопад. Оно и понятно — легче замести следы. И сам того не замечая, я начинаю старательно косить по сторонам. А вдруг? Ведь всякое может быть.

...Человек появился неожиданно. В какой-то сотне шагов впереди нас, цепляясь за ветки кустарника, он ловко взбирался по косогору, уходя прочь от дозорной тропы.

— Иван Андреевич, — заволновался я, — видишь?

— Конечно вижу, — с непонятым для меня спокойствием ответил он.

— Нарушитель?

— Побольше бы нам таких нарушителей! Это кто? Наш лучший друг. Безбожник. На рыбалку подался дед, — в голосе Ивана Андреевича слышались нотки гордости и уважения.

— В такую непогоду на рыбалку? — недоверчиво спросил я.

— А ему ничто не помеха. И до чего же удачливый старик! Еще не было такого случая, чтобы он возвратился домой с пустыми руками. А каков ходок? Молодому за ним не угнаться. Даром что хромой.

— Безбожник — это его фамилия?

— Нет. По паспорту он Клоков Семен Платонович. Между прочим, удивительной судьбы человек. всю первую мировую,

гражданскую до последнего дня воевал. Долгое время чономцем был. Чего только не повидал за свою жизнь.

В тот же вечер, дождавшись, когда Клоков вернется с рыбалки, я направился в его домик.

Семену Платоновичу вряд ли кто-нибудь осмелился бы дать более шестидесяти лет. Под выцветшей ситцевой рубашкой угадывались крутые, сильные плечи. Говорил он чистым, молодым голосом. А между тем ему шел семьдесят пятый год.

Он оказался на редкость разговорчивым, добродушным стариком. Охотно рассказывал о своей жизни, о том, как воевал, как помогал чекистам бороться с врагами Советской власти. Рассказывал интересно, увлекательно.

Кто смеется последним

Банда белогвардейского офицера Дынина третье лето подряд не давала покоя населению пограничных поселков. По численности она была небольшой. И в том, пожалуй, была ее главная сила. Совершив очередной налет, бандиты на откормленных скакунах безнаказанно уходили в тайгу. А как только наступала зима и прятать следы становилось невозможным, люди Дынина уходили за кордон. Но едва лишь успевал растаять снег, они объявлялись снова.

Чекисты который уже раз пытались напасть на след Дынина, но тот ловко уходил из-под самого носа.

Однажды среди белого дня были убиты три плотогона, сплававшие лес по таежной речке. Командант пограничного участка Василий Гаврилович Корольков собрал совещание.

Предложений было много. Большинство командиров настаивали на том, чтобы организовать засады на окраинах поселков.

— Но откуда мы наберем столько людей? — возразил Корольков. — Нет, товарищи, здесь нужны другие меры...

В дверь постучали. Вошел дежурный и обратился к коменданту:

— К вам Безбожник пришел. Просит принять.

Командиры переглянулись. Зачем это лесорубу Семену Клокову так срочно понадобился комендант?

Безбожник вошел без стука.

— Здравия желаю, — коротко буркнул он и застыл у порога.

— Проходи. Садись. — Комендант указал взглядом на свободный стул. — С чем пожаловал?

— Благодарствую, — тихо ответил Клоков. Он нервно мял узловатыми пальцами старый картуз, долго не мог заговорить.

— Мы слушаем тебя, — напомнил комендант.

— Сегодня Митьку... Рябчука. Дружка моего...

— Знаем, товарищ, знаем, — покачал головой Корольков. — Три ни в чем не виновных человека... Мы вот думаем, что это снова проделки Дынина.

— Непременно, — оживился Клоков. — С этим я к вам и пришел.

— Значит, я так понял, Семен Платонович: ты хочешь навести нас на след Дынина.

— Да.

— Ну что же, мы, видимо, включим тебя в специальную группу как проводника.

— Не пойдет, — ответил Клоков.

— Это почему же?

— Зачем людей понапрасну гонять? Много ли толку искать вслепую. Да и на засаду напороться недолго. Я пойду в тайгу один. Сдается мне, что у бандитов есть где-то постоянное место. Там они и отсиживаются, когда вы ищете их.

— Вполне возможно, — немного подумав, согласился комендант.

— Вот я и хочу найти это место. А потом уж и ударим. — Глаза лесоруба загорелись. — Ну как?

— Сколько тебе человек дать?

— Никого не надо. Одному-то сподручнее. А вот оружие дайте. А то ведь тайга... Сами знаете.

Среди командиров прошел шумок.

— А какое бы оружие ты хотел получить?

— Лучше бы всего, конечно, маузер. Шибко надежная штука.

— Понимает толк! — бросил один из присутствующих. — А стрелять из него умеешь?

— Георгиев зазря не давали, — глянув в сторону пограничника, строго ответил Клоков.

Кое-кто из командиров сомневался в искренних намерениях Безбожника помочь пограничникам. А не обман ли это?

— Мне известно, что он в первые же дни гражданской войны стал на сторону красных. Потом, вы же все знаете, что Дмитрий Рябчук был членом партийной ячейки и вообще исключительно честным, порядочным человеком. Дружбы с плохими людьми он не водил.

В тот же вечер Безбожнику выдали со склада маузер и сотню патронов к нему. А едва лишь темень окутала окрестности, он начал собираться в тайгу.

...Прошло несколько дней. В штабе комендантуры с нетерпением ждали прихода Клокова. Уже и специальная группа пограничников была давно подобрана, но Безбожник не появлялся. Зато на шестые сутки после ухода лесоруба вновь напомнил о себе Дынин. На этот раз его люди опустошили продуктовый магазин в самом райцентре и спалили здание только что отстроенной школы.

Клоков вернулся на восьмой день. Подождав, когда стемнеет, он тайком пробрался к дому коменданта.

— Ну как? Рассказывай...

— Все в порядке! — Клоков улыбнулся. — Выследил я банду, — начал лесоруб, — правда, самого Дынина увидеть не привелось, зато место, где они устроились, знаю во как! Оно почти рядом. В Крестовой пади.

— На карте что-то я не помню такой, — пожал плечами комендант.

— На карте такой может и не значиться. Это наши мужики ее так называли. Говорили, что прежде чем туда идти, сначала надо крест заказать. Оттуда и название пошло. Гиблое место. И мало кто осмеливался туда забираться. Я и сам впервые там был. Думаю, что в банде Дынина есть кто-то из местных жителей. Иначе как бы он мог попасть в Крестовую падь?

— Очень логично, — похвалил Безбожника Корольков. — Но ты не сказал, сколько километров до Крестовой.

Клоков на мгновение задумался.

— А не можешь примерно сказать, сколько человек в банде?

— Сорок—сорок пять. И вот что еще удивило меня. Оружие-то у них совсем не похоже на наше.

— А в этом как раз и нет ничего удивительного, Семен Платонович,— подметил Корольков.— У Дынина не такой уж плохой тыл. Утром приходи в штаб. Там и решим, как действовать дальше.

— Нет-нет,— решительно запротестовал Клоков.— Надо выходить сегодня же. Прямо сейчас. Потом будет поздно.

— Сегодня ильин день.

— Ну и что?

— А то, что я хорошо помню: поручика Дынина звали Ильей. И еще помню, что он был верующим. А если так, значит...

— Постой! Ты хочешь сказать, что сегодня бандиты будут праздновать именины своего главаря?

— Да.

— Клоков, да ты же, честное слово, прирожденный разведчик. Сам, наверное, не представляешь, какое большое дело делаешь.

— Выходить надо сегодня,— снова напомнил Безбожник.

— Хорошо. Выступаем рано через час. А пока сходи домой, хоть подкрепись малость.

* * *

Всю ночь, не теряя друг друга из виду, а временами просто держась за руки, пограничники вслед за Клоковым пробирались через тайгу. За весь путь сделали лишь одну остановку. Минут на десять, не больше.

Крестовая падь вполне оправдала свое зловещее название. Зыбкая почва то и делс уплывала из-под ног. Клоков шел первым. Часто оглядывался, предупреждая пограничников, чтобы они двигались точно по его следу.

Отрезок пути не больше четырех-пяти километров люди преодолевали почти два часа, и когда под ногами оказалась твердая земля, многие едва не валились от усталости.

Сделали короткий привал.

— Я специально повел вас по этой тропинке,— признался Королькову Клоков,— бандиты ходят по другой. Эту они не знают.

Передохнув, пограничники молча, с большой предосторожностью, двинулись к центру островка.

Предположение лесоруба о том, что у Дынина в эту ночь должна быть повальная пьянка, подтверждалось. У входа в од-

ну из землянок, раскинув руки, беспечно храпели четверо бандитов. Клоков, неслышно ступая по росистой траве, обошел вокруг лагеря.

— Там, на конюшне, еще шестеро,— доложил он Королькову.— Спят как убитые. Остальные, видимо, в землянках. Можно брать.

* * *

Операция прошла удачно. Захваченные врасплох, бандиты почти не сопротивлялись. С мрачными, опухшими после перепоя лицами они выходили из землянок и поспешно вскидывали над головами руки. Лишь отдельные спросонья хватались за оружие.

Клоков ошибся на немного. В банде насчитывалось сорок девять человек. Одиннадцать из них были убиты. Остальные, злые и жалкие, стояли посреди неширокой полянки.

Атамана нашли в землянке. Он лежал на нарах в луже крови. Рядом валялся вороненый револьвер. Дынин был еще жив. Он часто и мелко дышал, стараясь слабейшими руками разорвать на груди мундир.

Тигровая балка

...Однажды, после того как закончился сенокос, Безбожнику и его другу Федору Бастрину поручили подыскать лес, пригодный для строительства новой больницы.

Посоветовавшись, друзья решили идти к Тигровой балке. Путь до нее был километров сорок. Клоков и Бастрин шли по тайге весь день. На месте были уже глубокой ночью. На скорую руку соорудив шалаш, легли отдыхать. Федор сразу же захрапел.

Клокову не спалось. В голову лезли всякие мысли. Проворочался всю ночь, так и не заснув ни на миг. А на рассвете осторожно, чтобы не разбудить Федора, выбрался из шалаша. В лицо дохнуло росистой прохладой. Лес был наполнен птичьим гомоном. И полегчало у Безбожника на душе.

«Разведу-ка я костер»,— подумал он и стал собирать хворост.

Когда проснулся Бастрин, Клоков уже заваривал чай. Утренний ветерок рассеял туман, и солнечные лучи золотом играли по верхушкам деревьев.

— Ишь ты, красотища какая! — разминая плечи, произнес Федор. — А чего это ты так рано вскочил?

— Ты знаешь, Федюша, что-то сон совершенно отшибло. Предчувствие какое-то... — И замер. — Кто-то идет к нам, слышишь?

— Померещилось, — возразил Федор.

Шаги послышались совсем рядом.

Высокий мужчина, раздвигая кусты, выбрался на поляну.

— Здравствуйте, мужички! — Он сбросил с плеч небольшой, но, как было видно, тяжелый мешок и, не дожидаясь приглашения, подсел к костру. — Чаевничаете?

— Как видишь. — Клоков протянул ему кружку. — Подкрепиться не хочешь?

— А что у вас там такое?

— Не бойся, мил человек, не святая водица! — засмеялся Бастрин. — Обыкновенная самогонка.

Незнакомец не осилил даже половину кружки.

— Не могу больше, ребята. Чего доброго, свалит еще с устатку. А путь у меня ой как далек.

— Куда направляешься, если не секрет? — спросил Федор.

— Пока до ближайшей станции. Потом во Владивосток. Геолог я. Тут у нас, понимаете, целая группа. Ископаемые ищем. Меня послали отнести в город образцы пород. Для анализа...

Клоков внимательно следил за геологом. Что-то не нравилось ему в этом человеке. Особенно глаза, настоженные, бегающие. Незнакомец с жадностью поедая все, что бы ему ни предложили.

— А чего это ты такой худющий да заросший весь? — наконец спросил.

— С продуктами у нас нынче худо. Вот и отощал. А что небритый, так от мошкеры лучше спастись. Неужели сами не понимаете?

— Ну, ну, — буркнул Клоков и тайком глянул на полотняный мешок. Но гость заметил это.

— А вы кто будете?

— Лесорубы, — ответил скорый на язык Федор. — Делянку пришли отводить.

— А-а, ясно, — кивнул «геолог», торопливо захпывая в рот кусок хлеба. — Хоршее это дело — лес рубить...

Кончили завтракать. Бастрин поднялся со своего места.

— Схожу-ка я, пожалуй, к ручью. Посуду сполоснуть надо. — И негромко напе-

вая, он начал спускаться по склону оврага.

Через полминуты его голоса уже не было слышно.

От Клокова не ускользнуло, как забежали глаза «геолога».

«С ним надо ухо остро держать». Он неторопливо свернул сигарку.

— Однако я никогда прежде не слышал, что в наших местах золотишко имеется.

— Позвольте, а я разве говорил про золото? — с недоумением спросил незнакомец. — В земле ведь не только золото ищут. В ней есть и другие полезные вещи. А вы, как я посмотрю, не очень доверяете мне? Напрасно. В таком случае документы придется показать... — Он дрожащими пальцами начал расстегивать верхние пуговицы куртки. — Сейчас, одну только минуточку...

Клоков, желая показать, что ему вовсе не хочется оскорблять недоверием человека, зажав в зубах папироску, потянулся за угольком.

В руках «геолога» оказался нож. Клоков резко отпрянул в сторону. Он ждал нападения, но немного не рассчитал. Скользящий удар пришелся в левое плечо. «Геолог» замахнулся снова, но Клоков сильным пинком сбил его и выхватил из-за пояса маузер.

— Лежать!

В следующий момент подоспел на помощь Бастрин.

«Геологу» скрутили руки.

Семен, морщась от боли, сдернул с себя рубаху.

— Глянь-ка, Федя, что-то жжет невтерпеж.

— Крепко же он саданул, проклятый, — внимательно осмотрев рану, проговорил Бастрин. — Перевязать надо скорее, а то дело неважноецкое.

— Рви мою рубашку.

Кровь удалось остановить, но боль не стихала.

Клоков сел, прислонившись спиной к дереву, и устался на незнакомца:

— Ну что, «геолог», номер-то твой сорвался? Кто же ты такой? И по какой надобности хотел меня прикончить? Может, я что-нибудь для тебя плохо сделал?

— Погодите, ребятки, — заговорил незнакомец. — К пограничникам доставить меня вы всегда успеете. Только что вы будете иметь от этого? Ну, дадут вам по

медали. А толку-то много ли в них? Отпустите меня, мужички, и я обеспечу вас на всю жизнь. Детей ваших и внуков обеспечу...

— Смотри-ка, буржуй выискался! — хохотнул Федор.

— Откройте мой мешок, — тихим, упавшим голосом сказал «геолог».

— Интересно. — Бастрин развязал тесемку и ахнул от неожиданности: — Мать честная! Деньги!

Они лежали пачками, заклеенные полосатыми лентами банковской бумаги. Совершенно новенькие.

— Берите половину, — с надеждой в голосе сказал преступник. — Этого на всю вашу родню хватит.

— Федя, забирай мешок. Двинем на заставу. — Клоков облизал пересохшие губы. — Не нам решать такие вопросы. А птичка-то, видать, стоящая.

— Братцы, не губите меня! — взмолился незнакомец. — Забирайте все, не будьте глупцами. Только отпустите меня, умоляю вас! Вы же ничем не рискуете.

— Полно! Дай ему хорошего пинка, Федя. — Клоков, придерживая левую руку, зашагал в направлении заставы.

Последняя отметина

...На фронт Безбожник попал в начале сорок третьего, когда, разгромив немцев под Сталинградом, наши войска перешли в наступление. День Победы он встретил в госпитале, а в конце мая его выписали. Восемь раз Клоков был ранен, пока дошагал до живописных берегов венгерского озера Балатон.

И вот он дома. Непривычная тишина мирной жизни оглушила старого солдата. Погулял несколько дней, отпраздновал свое пятидесятилетие и начал подумывать, куда бы устроиться на работу. По плотницкой части идти не хотелось. Да и топор за последние годы совсем держать разучился. Больше приходилось иметь дело с оружием.

...Однажды, возвратясь домой после утренней рыбалки, Безбожник попросил жену приготовить ему военную форму.

— Схожу-ка я, Дарья, к пограничникам, — говорил он, — может, кого знакомых повидать...

В форме Клоков выглядел моложе своих лет. Гимнастерка хорошо подчеркивала его по-прежнему стройную, сильную

фигуру. На его крутых плечах ладно лежали новенькие старшинские погоны, на груди поблескивало два ряда наград. Даже обильная седина нисколько не старила Безбожника.

Знакомых среди пограничников он не встретил. Зашел к коменданту. Назвал себя.

— Клоков? — переспросил молодой черноволосый майор. — Как же, как же! Много слышал о вас. Даже в истории части о ваших подвигах немало написано. Значит, отвоевались?

— Так точно, товарищ майор, отвоевались, — весело ответил Безбожник.

— И чем теперь думаете заниматься? — Чем придется...

* * *

Не прошло и десяти дней, как вопрос о назначении Клокова на должность старшины заставы был решен.

И вот Семен Платонович на заставе. Принял хозяйство и, как говорится, с головой ушел в новое для себя дело. Солдаты с первых же дней поняли и полюбили ветерана. Несмотря на свои пятьдесят лет, он мог в любом вопросе потягаться с ними. А на стрельбище Безбожнику вообще не было равных. Он бил без промаха.

Быстро пролетали дни. Жизнь шла своим чередом: служба, занятия. Но во всем чувствовалось приближение грозы. По ту сторону границы японцы открыто строили укрепления. В жарком летнем небе то и дело появлялись военные самолеты.

В конце июля на заставу приехал офицер из комендатуры, капитан Соболевский. Он сказал, что имеет задание в течение недели провести с пограничниками несколько ночных занятий. Уже после первого такого урока солдаты поняли что к чему. Готовились отчаянно. Отрабатывали до мельчайших деталей захват и уничтожение предполагаемых казарм и дотов противника.

Клоков находился в своей стихии. Его фронтовая практика была здесь очень кстати.

Утром восьмого августа капитана Соболевского срочно вызвали в штаб комендатуры. Вернулся он лишь к закату солнца. Передав взмыленную лошадь дневальному по конюшне, офицер быстрыми шагами направился в канцелярию.

— Немедленно соберите весь ваш ак-

тив, — приказал он начальнику заставы. — Есть разговор особой важности.

Вскоре в канцелярии собрались все командиры отделений, их заместители, коммунисты.

Соболевский, с трудом сдерживая возбуждение, обратился к присутствующим:

— Товарищи! Сегодня ночью нам приказано уничтожить японский погранпост, расположенный перед участком вашей заставы...

— Это что же, война? — нетерпеливо спросил командир первого отделения сержант Мирошниченко.

— Да, война, — коротко ответил Соболевский, обведя всех пытливым взглядом. — Мы должны это сделать быстро, внезапно. Утром наши войска пойдут в наступление. Участвовать в операции будет две трети людей заставы. Кто конкретно, мы скажем на боевом расчете. Выступать будем в полночь. Вопросы есть?

В канцелярии остались трое: капитан, начальник заставы и старшина.

— Возглавить операцию поручено мне, — начал Соболевский. — А теперь давайте подберем людей...

Начальник заставы назвал отделения, которые, на его взгляд, были слаженнее, организованнее других.

— Согласен, — заключил Соболевский. — Между прочим, и на моих занятиях эти отделения действовали слаженнее других. А вы, значит, Семен Платонович, — обратился он к старшине, — с остальными солдатами организуйте усиленную охрану границы и оборону заставы.

Клоков, выслушав капитана, изменился в лице.

— Как же так?.. Выходит, фронтовика на списание? Или, может, не доверяете мне?

— Дорогой Семен Платонович! — горячо заговорил Соболевский. — О каком недоверии может идти речь? Дело тут вовсе в другом...

— В чем же, если не секрет?

— Секретов нет. У вас за плечами и так уж десяток лет войны, а то и больше. И мы просто не желаем рисковать вашей жизнью. Об этом говорил мне командант.

— Вот что, товарищ капитан, — перебил Клоков. — На войне нам не приходилось думать, кем рисковать можно, а кем нельзя. Жизнь каждого человека дорога. И не о том нужно сейчас думать. А в сегод-

няшней вылазке я, как никто другой, могу быть полезен. Мне тут каждая кочка знакома, каждый овражек. И ребята рядом с фронтовиком себя уверенней будут чувствовать...

— Ну что ж, старшина! Ваши доводы, пожалуй, убедительны. Готовьтесь...

Незадолго до выхода Безбожник собрал в красном уголке всю группу и стал в последний раз напутствовать солдат.

Выходили с заставы после полуночи.

Было темно и тихо. Нагретая за день земля все еще дышала теплом. Шли не спеша, стараясь не выдавать себя ни единым звуком. Не дойдя шагов ста до границы, остановились. Прислушались. Кругом было тихо, лишь изредка стрекотали ранние кузнечики.

До японского поста осталось около километра. Безбожник хорошо представлял себе укутанную тьмой местность и мысленно рисовал наиболее подходящий маршрут движения. Потом он подполз к Соболевскому и заговорил приглушенным голосом:

— Товарищ капитан, я считаю, что прямо на пост двигаться рискованно. Япошки не дураки: тут у них определено охраняемая выставлена, давайте шагов на семьсот левее возьмем. Там как раз густой кустарник.

— А не собьемся?

— Не должны. И еще вот что. По-моему, нападать на пост надо тогда, когда расцветет малость, а ночью как бы конфуз не вышел. Самураишки могут в окопах сидеть. Я бы на их месте так и сделал. Переполох поднимем. А темень им на руку. У них там заранее должно быть все пристреляно.

— Логично, старшина. И что же ты предлагаешь конкретно?

— Пока темно, надо как можно ближе подобраться к их казарме. Подождем утра. Приглядимся спокойненько и ударим.

Соболевский долго не подавал голоса. Раздумывал.

— Хорошо, — наконец согласился он. — Так мы и сделаем. Веди...

Вскоре на фоне темно-серого неба пограничники разглядели силуэт низкой, приземистой казармы. Залегли. Соболевский несколько минут о чем-то шепотом совещался с начальником заставы и старшиной. Потом начальник заставы подзвал к себе четырех солдат, велел им взять побольше гранат и ползти за ним...

К утру заметно похолодало. Едва начало светать, в казарму один за другим стали собираться из окопов японские солдаты.

«Сейчас мы вам устроим», — ликовал Безбожник.

Пограничники заняли очень удобную, выгодную позицию. Расположившись полукругом, они держали на прицеле дверь и все окна казармы.

Небо посветлело. Уже ясно просматривались дальние сопки. Клоков начал беспокоиться.

«Чего там тянет наш лейтенант? — думал он, лежа на росистой траве. — Хочет подождать, пока япошки на зарядку выскочат?»

Его размышления были прерваны раздавшимися одновременно несколькими взрывами. И тут же в разбитые окна казармы снова полетели гранаты.

«Ловко, очень ловко сработали ребятки!» — радовался Безбожник, не спуская глаз с дверей казармы.

Вдруг раздалась частые винтовочные выстрелы. Пограничники увидели, что начальник заставы и находящиеся с ним солдаты оказались прижатыми к земле. Их защищал лишь невысокий, короткий земляной валик, который буквально кипел фонтанчиками пыли, поднимаемой пулями. Откуда стреляли, не было видно.

Клоков моментально оценил ситуацию.

— Товарищ капитан, стреляют вон из-за того укрытия. — Он вытянул руку в сторону круглого, как опрокинутая вверх дном миска, холмика. — Но тут в лоб не возьмешь. Пощелкают что рябчиков. Надо их хитростью брать. Пусть жгут патроны, а я подкрадусь к ним с тыла.

И Безбожник начал короткими перебежками приближаться к укрытию, из-за которого японцы продолжали обстреливать группу начальника заставы. Когда до цели осталось шагов шестьдесят—семьдесят, он стал ползти по-пластунски.

Соболевский вслед за смельчаком послал еще троих солдат. А с стальными начал продвигаться ближе к казарме.

Клоков подполз к холмику и увидел окоп, из которого вели огонь несколько солдат в серо-зеленых мундирах... Гранатой их было не достать. Для этого надо проползти метров тридцать. Он уже приложил к плечу автомат, но раздумал.

Японцы, увлеченные стрельбой, вовсе не смотрели по сторонам.

«Дай-ка я еще проползу, — решил Безбожник. — Гранатой всех разом прикончу». Дав сигнал сержанту, чтобы тот остался у холма, он, словно ящерица, пополз вперед. Метр за метром оставались позади. Уже отчетливо видны темноволосые, лоснящиеся от пота затылки японцев.

«Еще немного, еще метр», — говорил себе Клоков. Он уже достал из сумки гранату. Начал медленно приподниматься на руках...

Солдат неожиданно повернул голову. Мгновение видел Безбожник его глаза, полные дикого страха, видел, как тот судорожно схватил винтовку.

Теперь раздумывать было некогда. Клоков, привстав на колено, размахнулся... Японец не успел выстрелить. Видя летящую гранату, он с воплем повалился на дно окопа, увлекая за собой товарищей. В последний миг Безбожник увидел, как лимонка, ударившись в противоположный бруствер, застряла в рыхлой земле. И он успел в одну секунду повернуться головой в обратную сторону, успел, увидев выглядывающего из-за укрытия бойца, крикнуть:

— Поберегись, сынок!!

В следующую секунду раздался взрыв. Осколки, вспарывая воздух, пронесли над сросшимся с землей старым солдатом, жгучими жалами впились в его ноги.

Потом стало тихо-тихо. От окопа несло гарью...

Со стороны границы быстро нарастал рокот моторов. Первые танки со звездами на броне выскочили из просеки и разползлись в ложине. За ними появились еще десятки машин. Стальная лавина неслась, подминая под себя кусты орешника, неслась мимо только что разгромленного пограничниками вражеского поста.

Безбожника перевязали, положили на самодельные носилки и понесли на заставу.

Солдаты шли молча, словно чувствуя за собой вину в тяжелом ранении этого человека.

— Чего носы повесили, ребятки? — будоражил их Клоков. — Радоваться надо. Без потерь выполнили такую операцию! Не молодцы ли вы после этого? Молодцы! Да еще какие! А я что? Поправлюсь. Чай, своей гранатой меня задело. А такая рана заживает мигом...

Он еще что-то говорил, а самого все больше брала досада. Вышел из строя...

Остаться в строю

Клоков не столько переживал по поводу своего ранения, сколько из-за того, что ему навсегда пришлось распрощаться со службой. По ранению Клоков получил инвалидность и пенсию.

* * *

Незаметно проходили годы. Уже не одно поколение солдат отслужило на заставе. Да и начальников сменилось много. Голова Клокова стала совсем седой. И только никак не хотела стариться его душа. Он по-прежнему считал себя полезным, нужным пограничникам и при случае всегда старался доказать это.

Уволившись с работы, Безбожник большую часть времени проводил в лесу или на берегу речки, что текла в полтора верстах от границы. Здесь у него была построена небольшая сторожка, в которой он часто оставался на ночь.

...Была пора сенокоса. На лугах, широко раскинувшихся по берегам реки, с утра до вечера работали люди. Клоков в такое время дома не появлялся вообще. Он целыми сутками находился на речке.

Из его сторожки была хорошо видна линия границы.

Под вечер за людьми приходила машина, и, оставаясь один, Семен Платонович варил себе на ужин уху. Ему не было скучно. Собеседника заменяла собака. Она лениво лежала в своем углу и всегда добросовестно молотила хвостом по полу, когда хозяин обращался к ней. Она уже давно ни на кого не лаяла.

Безбожник, посолив уху, при слабом свете самодельной коптилки взялся читать старые газеты.

Вдруг собака подняла голову, насторожилась.

— Ты чего, Ведьма? — спокойно спросил хозяин.

Ведьма с лаем бросилась к двери, в которую тихонько постучали. Приказав собаке сидеть на месте, Клоков крикнул:

— Кто там? Входи!

Через порог переступил широкоплечий, средних лет мужчина.

— Здравствуй, дед! — приветливо поздоровался он с Клоковым. — А я вот учуял запах ушлицы и дай, думаю, зайду на огонек.

— Заходи. Будь гостем, — недоверчиво

глядя на пришельца, сказал Безбожник. — Далеко путь держишь, коль не секрет?

— Да никуда не иду. Просто не захотелось сегодня домой ехать. Я работаю здесь, на сенокосе.

«Бррешешь, братец, — подумал про себя Семен Платонович. — Что-то я тебя ни разу не видел на сенокосе. Меня не проведешь».

Дразнящий аромат все больше наполнял тесную сторожку.

— Кажись, готова, — помешав деревянной ложкой уху, сказал Клоков. Он снял с плиты котелок и поставил его на стол. Достал две миски, ложки. — Подсаживайся, мил человек.

— О! Какая вкуснятина! — восторженно произнес гость, проглотив первую ложку. — Ты, дед, видать, большой специалист по этой части.

— Приходится. Чай, третий годок живу без старухи.

— Да... — понимающе кивнул головой мужчина.

— Слушай, дед. — Гость пристально посмотрел на Клокова. — Тебе не страшно одному здесь ночевать?

— А чего-то бояться? Я, чай, не девка.

— Как чего? Граница рядом. Мало ли что может случиться.

— Да не так уж и рядом граница.

— Сколько примерно?

— Далеко. Камнем не добросишь, — уклончиво ответил Безбожник, а сам подумал: «Так я тебе и сказал. Жди».

— Нет, я серьезно спрашиваю. И в каком направлении граница-то?

Клоков был уверен, что перед ним разрушитель. А может, преступник какой, желающий удрать за границу. Он глянул на сильную фигуру гостя и с тоской подумал: «Эх, хоть бы пару десятков сбросить, тогда бы я скрутил тебя, голубчик».

— Да сейчас ночь, мил человек. Небо тучами заволочло. Разве определишь направление-то. Рассветет, другое дело.

— Ты что-то не то говоришь, папаша, — удивился гость. — Я ж никуда не собираюсь. А про границу спрашиваю просто так, к слову.

— Ты у меня ночуешь? — спросил Безбожник, стараясь сменить тему разговора.

— Нет, спасибо. У меня тут поблизости свой шалашик есть. Ну, я, пожалуй, пойду. А то завтра работы предостит много. Ведь стога метать — дело нелегкое.

«И снова врешь, подлая твоя душа, —

отметил про себя Клоков.—Сегодня после обеда скосила поляну. Трава густая, завтра она никак не высохнет. А потом, никакого шалаша я не видел».

— Ну, дед, еще раз спасибо тебе за уху. До завтра.—Гость крепко пожал хозяину руку и повернулся к выходу.

«Будь что будет!»—решил Клоков и в мгновение, сцепив в замок пальцы, что было силы ударил мужчину в широкий стриженный затылок. Гость, даже не охнув, повалился вперед.

Не прошло и минуты, как ночной пришелец был скручен по рукам и ногам. А когда он застонал, шевельнул головой, Клоков крикнул: «Ведьма, стережь!»—и кратчайшей тропинкой заковылял на заставу...

* * *

Через два дня за ним пришла машина из штаба комендатуры. Молоденький незнакомый лейтенант предложил Безбожнику поехать с ним.

— Приятный сюрприз, папаша, там приготовлен для вас,—сказал с лукавинкой в голосе лейтенант.

«Что за сюрприз?—мучил себя всю дорогу Клоков.—Но коль приятный, то нечего волноваться»,—решил он, когда машина остановилась у знакомого здания...

Лейтенант повел Безбожника напрямик в кабинет коменданта. Открыл дверь и пропустил его вперед.

Из-за стола поднялся высокий, худощавый полковник. Широко улыбаясь, он шагнул навстречу Клокову и протянул ему обе руки.

— Ну, здравствуй, Семен Платонович! Здравствуй, дорогой!

— Здравия желаю...—растерянно проговорил Клоков, селясь вспомнить лицо полковника.

— Что, не узнаешь? А я вот тебя сразу узнал, старшина. Помнишь, в сорок пятом?

— Кажись, Соболевский?

Они стиснули друг друга в объятиях.

— Ого-го!—отдувался полковник.— Силенка-то у тебя еще сохранилась. Говорят, ты снова отличился?

— Да чего уж там,—отмахнулся Клоков, садясь на предложенный ему стул.

— А вот комендант говорил мне, что ты задержал нарушителя позпрошлой ночью.

— Было дело.

— Евгений Михайлович, прошу вас!—вдруг позвал кого-то полковник, не отводя глаз от Клокова.

Тихо скрипнула дверь. Широкоплечий, средних лет майор шагнул в кабинет. У Семена Платоновича вмиг округлились глаза. Он узнал в пограничнике того самого ночного гостя.

— Здравствуй, дед!—весело поздоровался майор.— Не признаешь, что ли?

— Это, это... вы?

— Конечно же я! Ну и удар у тебя, дед, я извиняюсь! До сих пор в голове гудит.

Все присутствующие дружно рассмеялись.

— Да, Семен Платонович,—вытирая глаза, сказал Соболевский,—ты по-прежнему верен себе. И то, что в данном случае нарушитель оказался учебным, ничуть не умаляет твоей заслуги. Не один заслон прошел майор, а вот через тебя пройти не мог. Виктор Васильевич,—обратился он к коменданту,—сегодня же напишите представление о награждении Клокова...

В отличном настроении ехал домой Безбожник. Встреча с Соболевским настроила его на философский лад. И жизнь казалась ему сегодня особенно полной, осмысленной. Полвека он, малограмотный, простой русский мужик, верно служил Советской власти...

«Почему служил?—поймал себя на слове Клоков.—Я и сейчас служу и еще буду служить».

Машина катилась вдоль контрольно-следовой полосы. Навстречу шел пограничный наряд. Увидев Клокова, солдаты приветливо помахали ему.

* * *

...Мы неторопливо ведем разговор. Семен Платонович уже который раз наполняет кипятком большие алюминиевые кружки, добавляя в них несколько ложечек тягучей коричневой жидкости.

— Мой собственный рецепт. Никто другой не знает его. А заварочка ведь хороша. Как?

Она и в самом деле отменная. Душистая, отдает лимонником, смородиной и еще каким-то неведомым мне, но удивительно нежным ароматом.

Дед охотно рассказывает о своей жизни.

И кажется мне, что он не просто рассказывает, а возвращается в бурную пору молодости.

Я ловлю себя на мысли, что немного завидую ему.

В конце нашей беседы задаю Безбожнику несколько вопросов.

— Скажи, Семен Платонович, а почему ты не хочешь переехать в город, к сыновьям? Ведь нелегко, наверное, с хозяйством-то управляться.

— Велико ли мое хозяйство, сынок? Кот Кузьма, собака, десяток курей. Как Дарья померла, корову отдал на заставу. А на шута мне корова-то? Молоко не пью. Мяса хватает. Знаешь, здесь сколько дичи? Да и рыба в речках еще не извелась. А к сыновьям почему не еду? Была однажды такая мыслишка. А потом прикинул. Что я там буду делать? На балконе сидеть? Нет, городская жизнь не по мне. Пока меня ноги таскают, буду здесь свой век доживать.

— И с пограничниками по-прежнему дружить? — нарочно задаю ему этот вопрос, хотя и так знаю привязанность Клокова к людям заставы.

При упоминании о пограничниках Безбожник преображается. Его лицо засветилось доброй улыбкой.

— А с кем же мне еще дружбу водить? Ребята они что надо!

— И на стрельбище заглядываешь?

— А то как же! Не смотри, что мне восьмой десяток идет. Кое-кому еще могу показать, как автоматом надо орудо-

вать. Глаз у меня тоже зоркий, да и рука еще не подводит.

— А теперь, папаша, к тебе последний вопрос. Только, чур, не обижаться...

Семен Платонович насторожился.

— Почему Безбожником называют?

— Ха-ха-ха! — Он затрясся от смеха, обнажая хорошо сохранившиеся зубы. — А я-то, старый дурень, не знал, что и подумать. Добро, отвечу. Прозвище мне это от отца по наследству перешло. А отцу — от деда Никифора. Жил он в Нижегородской губернии. Шибко уж отчаянный был человек. В бога не верил, в церковь не заглядывал. Вот и прозвали Безбожником. А однажды при людях попа так высмеял, что того кондрашка хватила. После этого случая его вместе с семьей выслали сюда, в Приморье. Ничего, не пропал. А бога не признавал до последнего дня. Так и пошел род Безбожников. Меня ведь по фамилии меньше знают, чем по прозвищу.

...Я уходил от деда глубокой ночью. Уходил с непонятной грустью на сердце. Навсегда запомнилась мне его угловатая, еще крепкая фигура, заслонившая дверной проем. Свет керосиновой лампы, шедший из комнаты, путался в его волосах и отдавал желтизной.

— Заходи еще, коль выберешь время! — говорил он мне вслед. — Поговорим, чайком побалуемся...

И веяло от этого человека чем-то немного древним, немного таинственным и... бесконечно русским.

С о д е р ж а н и е

Работникам советских органов государственной безопасности	7
Генерал-майор К. Григорьев. Надежный щит Родины	8
И. Булатов. Первые чекисты Приморья	12
П. Бурба. Боец революции	15
В. Элеш. В лапах контрразведки	20
В. Козин. Один из многих	28
А. Проценко. Нейтральная зона	31
Г. Давыдов. Госполитохрана на Дальнем Востоке	33
Ю. Семенов. Пароль не нужен	35
И. Ломбак. ЧК на Камчатке	47
Д. Федичкин. На пути врага	50
М. Рыбаков. Жемчужина «Монте-Кристо»	54
С. Роднин. Операция «Консул»	59
П. Гладких. Отряд особого назначения	75
О. Александрович. Памятные годы	78
В. Химеонов. Конец полковника Богуславского	80
И. Леонов. Горячее сердце	82
П. Дворкин. Мат «королю»	84
А. Дмитриев. Человек из Шанхая	87
И. Гамзин. По следам банды	146
А. Кузнецов. Лучшие годы моей жизни	149
О. Иванов. Полномочный представитель	151
И. Петров. Николай Шилов	154
С. Силин. Владимир Нейман	155
С. Николаев. Риски, Заксор!	156
Эд. Арбенов, М. Писманик. Бусидо-мираж	167
В. Сафонов. Опасная игра	199
Э. Петров. Старый лис идет в ловушку	205
С. Николаев. Дерзость	217
Н. Суховой. Михаил Крыгин	224
И. Иванов. В тыл врага	226
Л. Почивалов. Прыжок в неизвестность	228
Евг. Бабкин. Под чужим именем	239
А. Морской. е2—е4	253
В. Востоков. Вот такая история...	270
В. Желтов. Тайга начеку	274
М. Торчинский. Круг замкнулся	282
А. Анциферов, Ю. Макеев. Последний рейс	292
Н. Махнев. Безбожник	298

Лед и пламень

Художественный редактор
С. Есипов
Технический редактор
В. Мошкина
Корректоры
Л. Кондратьев
Э. Вайнштейн

ИБ № 200

ВД 07470. Слано в набор 26.5.76 г.
Подписано к печати 2.12.76 г. Формат
70×90/16. Усл. печ. л. 22,81+2,34 фото-
тетр. Уч.-изд. л. 31,96. Тираж 30 000.
Бум. тип. № 1. Переплет № 7. Цена в
коленкоровом переплете 2 руб. 19 коп.
(в ледериновом 2 руб. 27 коп.). Заказ
2184. Дальневосточное книжное изда-
тельство Государственного комитета Со-
вета Министров РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной тор-
говли. Владивосток, Ленинская, 43. По-
лиграфический комбинат управления
издательств полиграфии и книжной
торговли Приморского крайисполкома.
Владивосток, Океанский проспект, 61.

Дальневосточное
книжное издательство 1976

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ваши отзывы и пожелания просим
присылать по адресу: г. Владивос-
ток, Ленинская, 43, Дальневосточное
книжное издательство

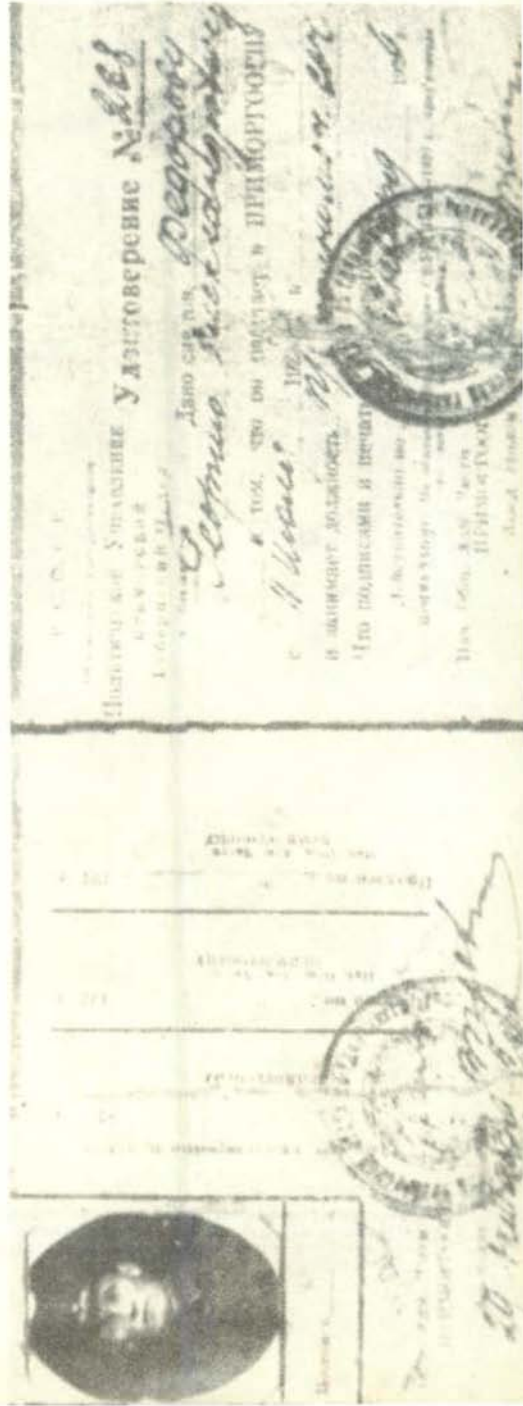

1925 г. Владивосток. Чекисты Борисов (сидит) и Г. А. Федоров

На снимке сотрудники Приморского губернского отдела ГПУ. Стоят слева направо: 1. И. Циунчин, 2. Голубенко, 3. Носков-Меркулов, 4. Минеев, 5. Гусев, 6. Попов. Сидят слева направо: 1. Никитин, 2. Агафонов, 3. Варман, 4. В. А. Каруцкий, 5. Альшанский, 6. Грозовский, 7. И. Я. Ломбак, Нижний ряд: 1. С. Л. Хмарин, 2. В. Красников, 3. И. Г. Булатов, 4. Ф. Жилин.

Удостоверение Г. А. Федорова, выданное в 1925 г.

Леонид Лытарь, чекист, зверски
убитый в июне 1932 г. бандитами в
селе Улунга Приморского края

Похороны сотрудника ОГПУ морпог-
ранпоста № 3 (б. Находка) Макса
Крошнина, зверски убитого бандита-
ми 16 сентября 1923 г.

Дмитрий Георгиевич Федичкин в 1924 г., будучи зам. начальника отдела Приморского ГПУ. И на нижнем снимке он после победы над Германией. Все четыре года войны Дмитрий Георгиевич работал в тылу врага

Сотрудник Приморского губотдела ГПУ Г. А. Давыдов

Темірхан Бекмурзаевич Джелиев. Со рудини контрразведывательного отдела Приморского ГПУ. Работал в логове бело-гвардейцев в Маньчжурии. Был подвержен нечеловеческим пыткам, но не сломился. Награжден именовым оружием

Отряд особого назначения Прим. ГПУ. От бойца в белой гимнастерке, отмеченного крестиком, справа налево сидят: старшина отряда Грибанов, Коваль, А. Розен, Г. В. Демин, его заместитель Борнсов, Половичников. На правой стороне Фото у пулемета с диском сидит П. И. Гладких.

Этот снимок сделан в 1924 г. во Владивостоке у здания, которое занимал отдел ГПУ. Стоят слева направо: 1. Начальник особого отдела 9-й кавбригады В. Красинов, 2. Начальник особого отдела 1-й Тихоокеанской дивизии Н. Булатов, 10. Начальник отдела ГПУ Н. Ильин, 11. Оперуполномоченный А. Горячев, 12. Начальник особого отдела 17-го Приморского корпуса Панов, 13. Агафонов, 14. Попов. Сидят: Начальник отдела В. Зарубин, 2. Начальник отдела Слонимский, 3. Зам. начальника Прим. ГПУ Лерцев, 4. Председатель Примгубисполкома Гамарин, 5. Секретарь Прим. губкома партии К. Пшеницын, 6. Начальник Прим. ГПУ Карпенко, 7. Сотрудник ГПУ Варман, 8. Начальник КРО Шкверсон. Лежат: 1. Начальники отделов: Орлов, К. Циунчик, Гусев, Б. Богданов. К сожалению, остальные товарищи для нас пока неизвестны

АППАРАТ УПОЛНОМОЧЕННОГО
— ПРИМ. ГУБ. ОТД. —
ОГПУ по Ник. Уссур. уезду.

Аппарат уполномоченного Приморского губотдела
ОГПУ по Никольск-Уссурийскому уезду

Нижний ряд слева направо: 2. И. С. Артеменко,
А. Пая. Сидят: 1. А. Мышлинников, 2. Бегальке,
3. Г. Я. Гарнов, 4. И. М. Афанасьев, 5. Бурлаков.
Третий ряд: Н. А. Лялунов, Л. Тренин, Хан Ча Нир,
А. Борянский

Командант Владимиро-Александров-
ской коммандотуры Прим. ОГПУ Ефим
Игнатьевич Захаров, 1925 г. Зверским
убит белобандитами.

Сотрудники Приморского губернского отдела ОГПУ. Стоят слева направо: Мороз, Циункин. Сидят: Сквородько, Ильин, Минеев, Горячев

Снимок 1923 г. Владивосток. Сидят: Гавриил Васильевич Демин, командир отряда, и его жена Любовь Акимовна. Стоят: комиссар отряда Альфред Оттович Розен и адъютант Демина, он же командир конной разведки Павел Григорьевич Злобин.

На снимке: слева сотрудники Прим. ОГПУ Мальнов, И. И. Гамзин, Гончаров перед операцией по ликвидации банды полковника Овечкина, 1924 г.

Опергрупа по борьбе с бандитизмом. 1924—1925 гг., с. Турий
Рог

Сотрудник Хабаровского ГПУ
Н. П. Шилов. Фото 1920 г.

Сотрудник Хабаровского ГПУ
В. А. Нейман. Фото 30-х годов

Направление, выданное Н. П. Шилову политотделом 6-й стрелковой дивизии от 10 сентября 1920 г. на службу в особое отделение 6-й стрелковой дивизии

РСФСР.
 Политический отдел
 6-й стр. дивизии.
 По части С. П. Шилова
 10 сентября 1920 г.
 № _____
 Д. Кривоногов Армян

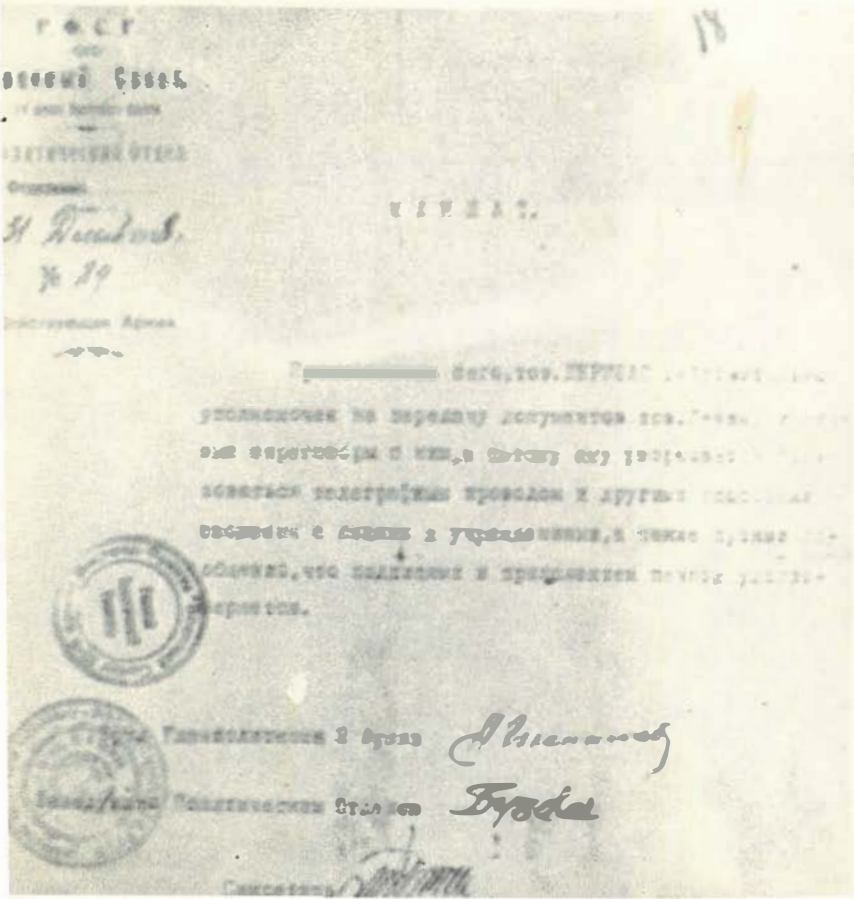
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
 На особую службу в спец. отд.
 При этом переименование в
 Ваше звание переименование тов. Шилова
 с 10/9/20 в 184/55 ч
 Индивидуальное содержание и погн
 Назначен в С. П. Шилова
 10/9/20

Фотография Т. Д. Дерибаса начала 20-х годов

Мандат от 31 декабря 1918 г. выданный политическим отделом Военного совета 3-й армии Восточного фронта, в котором сказано: «Предъявитель сего тов. Дерибас действительно уполномочен на передачу документов тов. Ленину и личные переговоры с ним, а потому ему разрешается пользоваться телеграфным проводом и другими способами сношения с лицами и учреждениями, а также путями сообщений, что подписями и приложением печати удостоверяется»

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

№ 19

МАНДАТ

..... тов. ДЕРИБАС .....
уполномочен на передачу документов тов. Ленину и
личным переговорам с ним, а потому ему разрешается
использовать телеграфный провод и другие способы
сношения с лицами и учреждениями, а также путями
сообщения, что подписями и приложением печати удостоверяется.

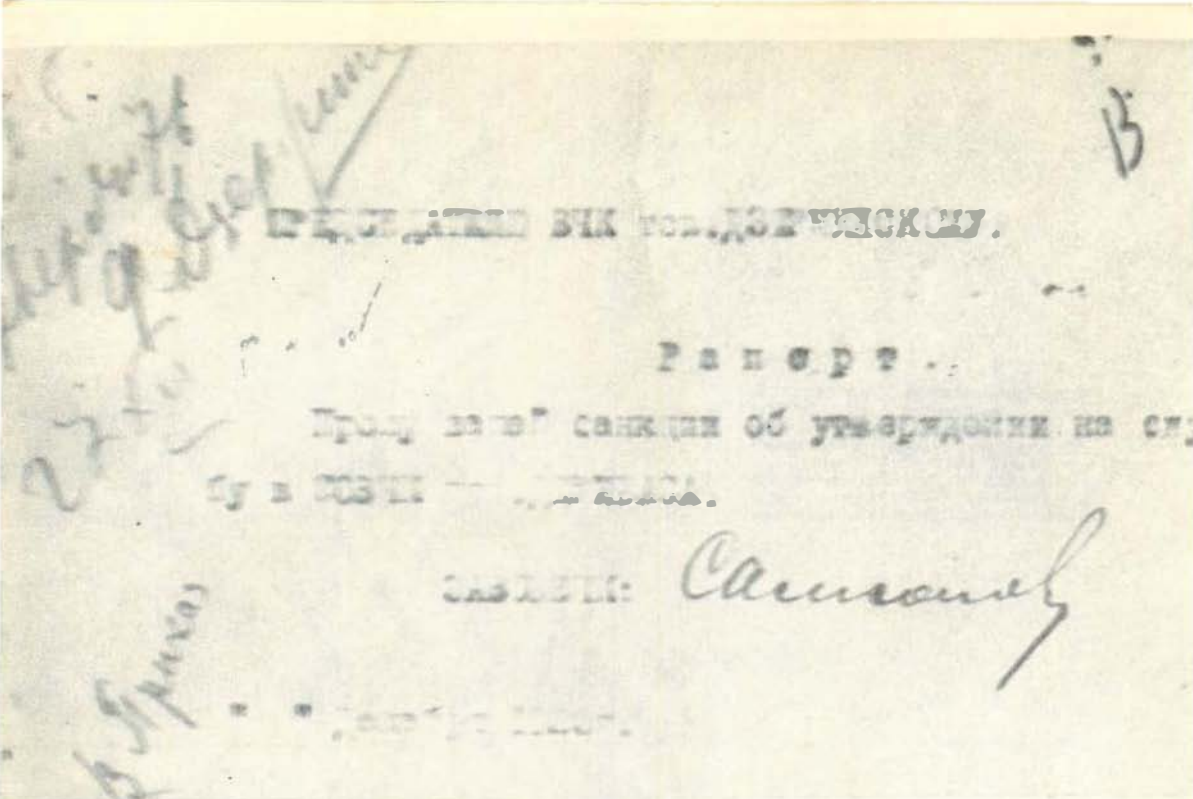
Генерал-полковник 3-й армии

А. М. Мухоморов

Политический отдел

Будда

Рапорт председателю ВЧК тов. Дзержинскому от 20 декабря 1920 г.: «Прошу вашей санкции об утверждении на службу в СОВЧК тов. Дерибаса, ЗАВСОВЧК: Самсонов». И рукой Дзержинского: «УТВЕРДИТЬ. Ф. Дзержинский»

Тридцатые годы. Секретарь Хабаровского Далькрайкома партии Н. М. Варейкис (слева) и Т. Д. Дерибас

Терентий Дмитриевич Дерибас в должности начальника
Дальневосточного объединенного государственного по-
литического управления

1929 г. Приморские чекисты Федоров, Салтыков, Щебнев в Москве на курсах по автоделу

Начальник Даурского погранотряда
И. Я. Ломбак. 1929 г.

И. Я. Ломбак в 1970 г.

ХРИСТОФОР ИНТОНОВИЧ САЛНЫНЬ — один из активных большевиков-революционеров. Выполнял поручения партии и лично В. И. Ленина. Салнынь побывал во многих странах мира. Значительную часть своей жизни отдал работе на Дальнем Востоке. Здесь он проявил себя как опытейший подпольщик, храбрый партизан и талантливый военный разведчик. Вот строчки из анкетного листа.

«...До окончания оккупации Д-Востока иностранными войсками и бандитами работал в тылу противника Приморской обл... 1921/1922».

«В 10-ю годовщину за работу на Д-В РСФСР награжден Орденом Красного Знамени».

«...Участвовал в бою... во время конфликта на КВЖД — 1929 г.»

«...Лом. нач. IV отдела штаба ОКДВА... 1932 г.»

«...Член ВКП(б) с 1902 года»

Шанхай, 1927 г. Х. И. Салнынь — глава Шанхайской и Пенкинской экспортно-импортной фирмы. Известен был как Христофор Лауберг, подданный США

АТТЕСТАЦИЯ

на Салныня Христофора Интоновича

Весьма опытный и развитый работник разведки. Общая подготовка средняя, специальная военная слабая. Специализировался по вопросам партизанской войны и подрывного дела. Обладает твердым характером и сильной волей: в трудных условиях не теряется, обладает большим мужеством и личной храбростью; быстро ориентируется в обстановке и быстро принимает решения. Умеет управлять людьми и подчинять их своей воле; любит дисциплину и сам дисциплинирован; с подчиненными тактичен; пользуется авторитетом и любовью. Много читает по специальным вопросам и работает над собой...

Начальник 4-го управления штаба РККА

2 декабря 1931 г.

Берзин.

Шанхай, 1927 г. Вид из окна шанхайской квартиры Х. И. Салныня

1935 г. Х. И. Салнынь — заместитель начальника разведки ОКДВА

(Публикация материалов о Х. И. Салныне подготовлена В. Матросовым)

На снимке: Я. А. Басенко, зам. начальника отделения Нижне-Амурского областного НКВД

Член боевой дружины, подпольщик, участник партизанского движения в Приамурье и Великой Отечественной войны, коммунист Я. А. Басенко живет в Благовещенске. Родина высоко оценила его заслуги. Яков Ананьевич — кавалер ордена Ленина, двух орденов боевого Красного Знамени, ордена Отечественной войны II степени, награжден несколькими медалями.

В. А. Александров. Снимок, сделан во время учебы в Ленинградском военно-морском училище

В представлении от 18 декабря 1942 года к награждению орденом Красной Звезды партизана Александрова В. А. сказано: «Александров показал смелость и отвагу при налете на немецкий гарнизон Анненское Собожского района в ночь с 22 на 23 октября 1942 г. Огнем из пулемета уничтожил шесть немецких оккупантов. В бою близ деревни Песчанка смело выдвинулся во фланг обороны фашистов и убил четырех фашистских солдат. Отлично дрался с немцами и в других боях».

В 1942 году, будучи учеником десятого класса, вступил добровольно в формируемый НКВД партизанский отряд «Смерть фашизму», который находился в составе 3-й Калининской партизанской бригады. Был назначен политруком взвода, потом комиссаром отряда. В 1943 году награжден орденом Отечественной войны II степени за успешное выполнение оперативных заданий в тылу фашистов.

В 1943 году принят в ряды КПСС.

После окончания Ленинградского высшего мореходного училища направлен в органы УМГБ на оперативную работу. Деловые качества способствовали выдвижению Александрова на должность заместителя начальника УМГБ при Совете Министров СССР по Приморскому краю.

Политб при исполнении служебных обязанностей.

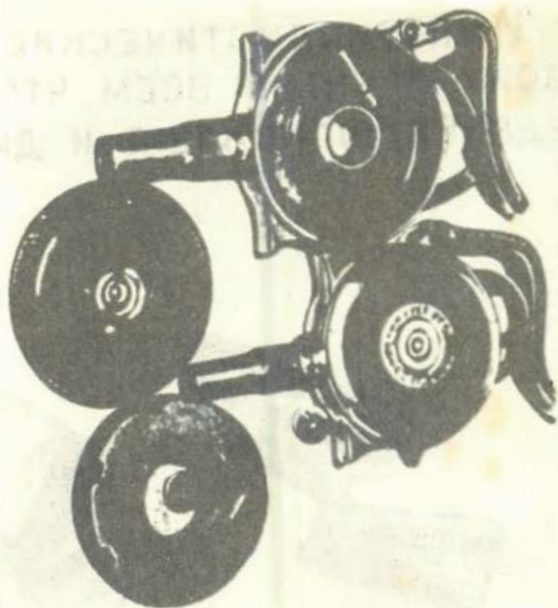

Герой Советского Союза чекист М. Крыгин. Внизу снимок партбилета, залитого кровью героя

Учебник политэкономии с вырезанным отверстием, в котором шпион хранил свой пистолет

Рулетки — нарманные пулеметы

Фальшивые документы, выданные америнанской разведкой своим агентам.

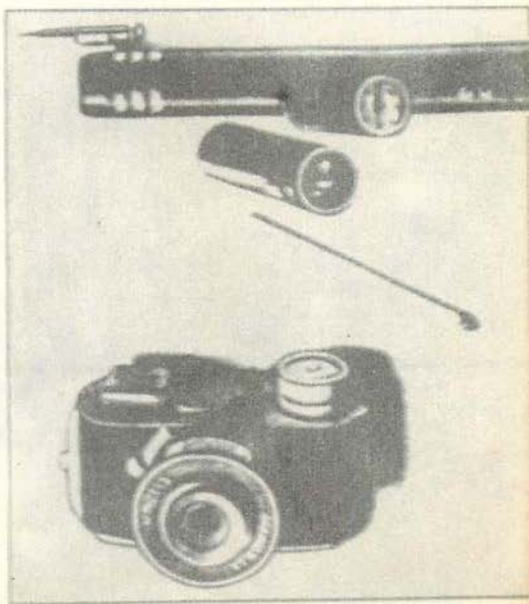

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ СНАБЖАЮТ СВОИХ АГЕНТОВ ВСЕМ, ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ШПИОНАЖА И ДИВЕРСИЙ.

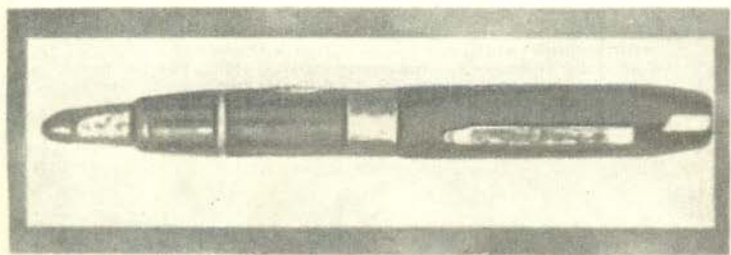
Предметы личного обихода с тайниками

Компас и фонарь, скрытые в авторучке, и миниатюрный фотоаппарат, изъятые у шпионов

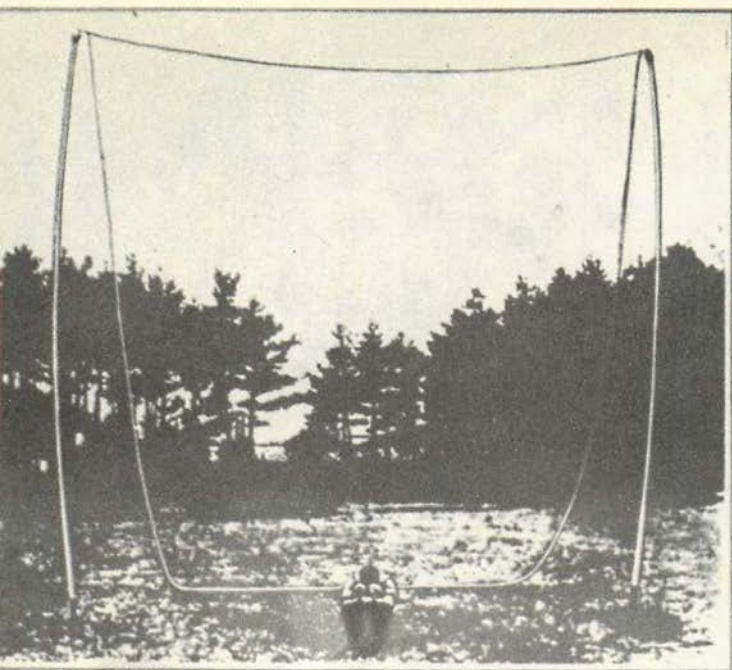

Огнестрельное оружие, изъятое у агентов, брошенных в СССР

Термитный заряд в виде авторучки

Приспособление, с помощью которого шпион прижимается на борт самолета без приземления. Самолет, снабженный специальным крюком, зацепляет веревку и поднимает шпиона на борт.

Снаряжение агента — парашютиста американской разведки

«Летающий матрац» — надувной самолет, созданный английскими авиационными инженерами. Сделан из прорезиненной ткани. Такой самолет вместе с мотором может поместиться в багажник легкового автомобиля

